

ISSN 0235—3261

90 ФАНТАСТИКА

СБОРНИК

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ

ПОВЕСТЕЙ,

РАССКАЗОВ И ОЧЕРКОВ

ФАНТАСТИКА 90

*СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПОВЕСТЕЙ,
РАССКАЗОВ И ОЧЕРКОВ*

Москва
«Молодая гвардия»
1990

Художник
Роберт Авотин

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Лев Теплов

Артем Гай

Александр Трофимов

Элеонора Мандалян

Олег Лукьянов

Лидия Белова

Махкам Махмудов

Михаил Фырнин

Валерий Губин

Александр Левин

Юрий Кириллов

Михаил Беляев

Владимир Михановский

Виталий Пищенко

Мирча Оприцэ

Лев ТЕПЛОВ

ЮМАЛА

Документальная повесть

История Юмалы, золотой богини Югры, кому бы я ее ни рассказывал, вызывала оживленный интерес, хотя и сейчас не ясно — почему именно. Записать ее оказалось очень трудно, и я позволю себе пояснить это маленьким математическим образом. Когда мы изучаем любой процесс, результаты наблюдений откладываются на графике точками. По мере накопления точек становится ясно, что они принадлежат одной плавной кривой, но практически никогда не удается заполнить ее всю: остаются пробелы, а начало и конец линии повисают в пустоте. Математик прибегает к операциям, которые он называет интерполированием и экстраполированием, чтобы выявить «закон», но достоверные точки при этом могут пропасть. Так и те точки в истории Юмалы, которые удалось добыть в книгах, архивах и путешествиях, оказались маловыразительными и требовали обширных скучных комментариев, а плавное повествование, вытекающее из них, казалось надуманным, необидительным. Поэтому пришлось отделить то, что безусловно верно и может быть доказано, от вещей, в которые я верю, но доказать не могу: если читатель захочет, он сам оценит вероятность сообщаемого.

Лет пятьсот назад в славном городе Рима жил некто Сабин, ученый-литератор, знаток античных рукописей. По примеру других гуманистов он придумал себе звучное латинское имя — Юлий Помпоний Лэт (1425—1498 гг. до н. э.). Среди комментариев Лэта к древним поэтам и историкам есть рассказ о взятии Рима племенами вестготов. Это случилось 24 августа 410 года, за тысячу лет до рождения Сабина. Но дотошный старик видывал рукописи, которые теперь уже утеряны, и, зная его честность, мы можем верить таким подробностям исторических событий, которые дошли до нас только в его передаче.

В «Лекциях по Флору» Лэт сообщает, что среди буйного, разноязычного войска, собранного королем вестготов Аларихом, были люди из племени Югра. «На обратном пути часть из осела в Паннонии и образовала там могущественное государство, часть вернулась на родину, к Ледовитому океану, и до сих пор имеет какие-то медные статуи, принесенные из Рима, которым поклоняется, как божествам», — говорит Юлий Помпоний Лэт.

Засветло кучка рабов раскидала охрану и открыла готам Саларские ворота. Немало рабов, убежавших из Рима, стало воинами Алариха, и у них были товарищи в городе. Когда слух об этом дошел до дворцов Палатина и Квиринала, уютных домиков Эсквилина и Целия, римляне решили сделать вид, что ничего не случилось. Хотя Аларих был варвар, но он уже десять лет состоял на службе Империи — эти варвары давно уже захватили важные государственные должности, привели страну к позору и голоду, а что сделаешь? Трусливый император (неудачный сын великого Феодосия) отсиживался за мшистыми стенами Равенны, а в Риме был свой император — префект города Аттал. Правда, Аттал был назначен Аларихом и потом им же смещен, но бурная политическая история города знала и не такие повороты. В конце концов кто-то устраивался на Капитолии, рабов хватали и клеймили, а важные сенаторы сохраняли свои пурпурные тоги, и Рим оставался столицей мира.

Не испытав сопротивления, варвары-завоеватели вели себя весьма пристойно. Притихшие, как дети, они бродили кучками по мраморным лестницам, разглядывали статуи и памятники; нарушали древние и новые запреты, проходя сквозь общественные бани, языческие храмы и христианские базилики, но за это невежество их не осуждали, а тихонько презирали. Темноволосых готов презирали за мохнатые штаны и пестрые попоны на плечах, сумрачных иллирийцев — за грубое оружие, земляков-италиков — за бедность, белокурых славян — за робость, но больше всего презирали беглых рабов, скрывающих под грязными повязками багровые клейма с инициалами прежних хозяев. Легкомысленные женщины, не скрывая удовольствия, разглядывали мускулистые тела варваров и, кажется, сожалели, что нашествие оказалось таким добродетельным. Кое-где во внутренних двориках, правда, уже раздавались крики и визг. Тогда варвары хватались за мечи, выдавая свою настороженность, а римляне отводили глаза: мало ли что случается в доме, где много рабов, рабы — дело семейное.

На вершине Виминала — одного из семи легендарных римских холмов — стоял дворец одного сенатора. Известно, что он принадлежал к древнему роду, но писатели того времени ни разу не называли его настоящим именем, опасаясь мести. Кассиодор, намекая на некоторые обстоятельства этой истории, приводит вымышленное имя Валент Максим, и за неимением лучшего им можно пользоваться. Сенатор Валент Максим во времена нашествия был уже старик. Он давно отошел от политической жизни, почти никогда не выходил из дому, был сказочно богат и пользовался репутацией сумасшедшего, вернее — безобидного чудака.

Смолоду он был ослепительно красив, классически образо-

ван и тщеславен. Предметом его гордости была единственная в Риме коллекция девушек всех оттенков кожи, языков и наречий. В обширной вилле по дороге Аппия под надзором евнухов у него жили во всевозможной роскоши разноцветные красавицы, число которых иногда достигало тридцати. Никто, в том числе и сам хозяин, не нарушал их невольной чистоты — этим коллекция отличалась от других, имевших более низменные цели и принадлежавших другим патрициям. Все девушки были обучены латинскому языку и грамоте. Валент Максим любил беседовать с ними и, кажется, желал, чтобы все они были безнадежно влюблены в него. Беседа с пресвитерами, сенатор называл свою виллу женским монастырем, и это был самый веселый монастырь на свете: каждая его обительница молилась как хотела, а если не хотела, то и совсем не молилась. Сам сенатор считался христианином, но все были уверены, что он тайный поклонник прежних богов.

Странный статут монастыря на дороге в Аппия возбуждал в народе толки, нелестные для мужской чести сенатора, но тот же Кассиодор с негодованием отмечает их, замечая, что во многих знатных семьях жены и дочери пали жертвой обаяния молодого сенатора: в этих щекотливых случаях он был жесток и неумолим. Суровый Император Грациан однажды присудил его к изгнанию за распутство, но вскоре императора убили преторианцы, и приговор был забыт.

Валент Максим пал жертвой собственной неосторожности: в погоне за редкостями он выменял у солдата из Норика девушку из гиперборейских краев, а она оказалась колдунья. Звали ее Юмала. Это была девочка невысокого роста с широким лицом и немигающими черными глазами; она легко училась, но была молчалива и сторонилась подруг. На вилле для каждой из девушек шили национальные костюмы, но никто не знал, как одеваются в ледяной стране гипербореев, поэтому она ходила в широкой белой льняной рубаше безо всяких украшений. Евнухи-учителя впадали в отчаяние, читая ей лекции, так как не могли понять, запоминает ли она хоть что-нибудь из классической поэзии, истории и геометрии. Она помнила все и даже увлекалась естественной историей, но слишком презирала этих жирных, вялых несчастных людей, чтобы порадовать или подразнить их. Сенатор ей вначале, кажется, понравился, и она приняла участие в какой-то игре, но вскоре заскучала. Валент Максим предложил ей выдумать другую. Тогда она сверкнула глазами и, схватив острый кривой нож для фруктов, метнула в сенатора; свистнув, нож пролетел около его уха и вонзился в панель из эбенового дерева, костяная рукоятка его задрожала. Валент Максим переменялся в лице, побелел, а Юмала принялась грызть орехи и больше не глядела на него. После этого случая девчонки дружно возненавидели гиперборею, и только некрасивая пиктянка с севера Британии

играла с ней в куклы, вдвоем пеленали и укачивали костяных младенцев. К этому времени относится конец коллекции: девушек куда-то разослали, и Юмала осталась одна.

Лукавый пересмешник Симмах говорит в одном из писем о некоем сенаторе, который пытался силой овладеть рабыней, но она унаследовала от строптивых бабок своей страны некий секретный прием, скорее позу, недоступную для домогательства, и этот сенатор катал свою жестокую возлюбленную по ложу, «как кот катает горячий пирожок». Можно не сомневаться, что речь тут идет о том, кого мы называем Валент Максим, и о Юмале — это на нее похоже. Странно только думать, как низко мог пасть этот блистательный насмешник и небрежный покровитель сердец.

Юмала умерла около 380 года; кажется, ее отравили слуги. Валент Максим был неутешен. Он приказал отлить из чистого золота статую девушки, и четыре римских скульптора лепили ее, обнаженную, усадив на смертном одре. Золотые статуи не были редкостью в Риме, но их никогда не отливали: золотые листы накладывали на бронзу или мрамор. Даже среди безумной роскоши империи времен упадка статуя Юмалы поражала воображение, и слухи о ней распространились по городу. Однако никто ее не увидел: сенатор заперся с ней во дворце на Виминале и, как говорят, боготворил ее, разговаривал и молился. Это показывало, что и после смерти Юмала сохраняла колдовскую силу.

Толпы варваров, бродивших по Риму в блаженном ощущении всевластия, проникли на Виминал, и раб из дома Валента Максима, рассказав им все о хозяине, предложил провести их тайными путями прямо к сокровищу. Они отказывались, так как Аларих дал им три дня на разграбление города, и в первый день они не хотели связывать себя тяжелыми ценностями: их более манили запахи харчевен и раскрашенные обитательницы дешевых лупанаров. Но один из варваров, веселый галл, вспомнил, что в их войске есть настоящие гипербореи, сбегал и привел их, оторвав от созерцания вертящегося фонтана во дворе ближайшей бани. Их было человек двести — все в потертых и рваных шкурах, рыжих, с коротким жестким волосом, с луками и короткими прямыми ножами. Цепочкой они потянулись за рабом, а впереди шел молодой вождь. Через узенькую дверцу они проникли во двор, пересекли его и пошли бесконечными лестницами в толще стен. Последние еще не вошли во дворец и беспокойно окликали передних сдавленными гортанными голосами, когда вождь и ближайшие к нему гипербореи вошли в высокий колонный зал, не имевший окон.

Освещенная снизу скрытыми плошками с маслом, золотая Юмала сидела на низком кубе, обитом пурпуром, на корточках, обхватив длинными тонкими пальцами ноги у колен, раздвигая ноздри короткого прямого носа и полуприкрыв большие,

чуть раскосые глаза. Жирные желтые блики играли на ее худеньком теле. Она сидела, чуть подавшись вперед, крошечный рот ее был полуоткрыт. И вдруг она закричала низким, полным отчаяния всхлипом, как кричала живая Юмала перед смертью, когда пламя яда пожирало ее изнутри. Гипербореи шарахнулись назад, в узком туннеле началась давка. Сам вождь отступил на шаг, но стиснул зубы, по-звериному ощерился и пошел к статуе. Он взял статую за узкие плечи, попытался наклонить, но она не поддавалась. Побагровев, вождь продолжал нажимать, что-то хрустнуло, и кусок трубы, проходившей в статую из куба, отломился, и, словно от боли, Юмала крикнула в последний раз.

Когда вождь взвалил себе на грудь статую и, тяжело ступая, зашагал к выходу, старик словно тень отделившийся от одной из колонн, взмахнул рукой, и кривой нож полетел в спину уходящему. Удар был неверен, нож скользнул, прозвенел о мраморный пол, и вождь гипербореев даже не обернулся. Воины заслонили его, и он пошел по лестнице вниз, через парадный двор, ни на кого не глядя, и только за воротами передал тяжелую ношу товарищу. Уже стемнело. Косые тени пожара плясали на улицах, огонь, треща, пожирал дерево и ткани, гул ночного грабежа стоял над Римом. Юмала стонала в могучих руках земляков, а у Саларских ворот их ждали низенькие косматые лошади.

Народ, живший на севере Европы от Скандинавья до Урала, античные географы называли гиперборейями. Отдельные племена назывались нервами, аримаспами, позже — биармийцами и югрой. После развала Римской империи была эпоха, называемая великим переселением народов. Южная Югра с предгорий Урала по дороге, проложенной Аларихом, ушла за Дунай и положила начало Венгерскому государству. Германские племена — норманны вышли через Ютландию в серое, каменистое Скандинавье, тесня финнов и карелов к востоку. Отсюда норманны — они же викинги и варяги — совершали разбойные набеги на все побережья Европы от Британии и Исландии до Белого моря и Константинополя.

У норманнов долго не было писаной истории, но их поэты и певцы — скальды — в своих сагах сохранили воспоминание о самых успешных походах. По крайней мере три саги из дошедших до нас рассказывают о походах в Биармию за сокровищами богини Юмалы. Две из них — Бос-сага и Орвар-Одд-сага — полны угрюмой фантастики, заимствованной из других саг. Третья — рассказ Снорри о походе Горира-собака — почти документальна, так что можно определить даже дату похода — 1023 год. Обстоятельный разбор саг сделал К. Тиандер в книге «Поездки скандинавов в Белое море» (Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета, вып. 79, СПб, 1906).

В длинном, похожем на сарай доме, сложенном из исполинских дубов, под закопченным потолком в земляной пол был врыт стол для дружины, а близ очага другой, поменьше — для ярла Торира и его гостей. По правую руку Торира сидел Карли, по левую — Гунстейн, напротив на низенькой скамеечке — скальд Снорри, слепой и полупьяный, весь изрубленный в былых походах.

— Какой ты ярл?—ворчал скальд.— Собакой тебя зовут, собака ты и есть. Ярлы раньше были, когда все народы под луной дрожали, как щенки зимой, завидев наши красные щиты по бортам лодок и наши косые паруса. Нынче король Олаф не велит называть вас ярлами.

— Плохо шутишь, старик,— беззлобно сказал Торир.— Убью.

— Столько раз меня убивали,— жалобно отвечал скальд,— что я уже привык. Бритты стрелами, франки мечами, славяне дубиной били, а я, слава Одину, жив. Слышали: датский король Канут пошел на Рим. Ах, много добычи в славном городе Рима, золото, женщины, богатые ткани. А король Канут пошел за попами. Попы любят тепло, в наших фиордах жить не смогут, померзнут. А король Олаф пошел грабить Данию. Ему, жирному, далеко ходить тяжело. Вернется Канут — плохо будет толстяку, ой плохо! Налей мне франкского вина, Торир, я тебе расскажу о богине Юмале. Возьмешь золотую богиню, станешь богаче толстяка, и Канут отдаст тебе норвежскую корону...

И запел, заунывно причитая:

— Пять веков правит в Биармии богиня Юмала, пять веков несут ей люди золото, лучшие меха, всякую добычу, которую не едят. Живет Юмала в горе, которая поднялась до неба, до чертогов Одина, сторожит ее старуха колдунья, седая, одноглазая, один зуб, и тот ядовитый. Варит сонное зелье из жаб, мышей и змей, поит прекрасную дочь короля Годмунда Лейлу, а красавица привязана белокурыми волосами за крюк, вбитый в каменную стену пещеры.

Грузный Карли засопел, глаза налились кровью. Гунстейн хлопал белесыми ресницами, глядел в потолок.

— Все это — вранье, бабьи сказки, не мне бы петь, не вам, воины, слушать,— сказал вдруг Снорри обычным голосом и хрипло захохотал.— Говорили мне старые друиды, которые умеют чертить на шкурах значки, и шкура помнит прошлые дела, что золотую богиню взяли в Риме парни из Биармии с реки Юг, имя племени Югра, и везли они в лодках по Дунаю до моря и по Днепру через пороги до нашего волока, а потом к себе на Юг. И еще везли деньги для богини, гуся бронзового какого-то. Было это пять веков назад. А вам бы, воины, не

задирать тут стариков, не смеяться над убожеством, а пойти в Белое море к Холмграду, поискать дороги в Югру и Юмалу пограбить.

— Хорошо бы,— сказал Гунстейн, оскалив редкие зубы.— Наш Торир — сам колдун, он югорских колдунов перехитрит. Карли все боятся: он берсеркьер, от вида вражьей крови в исступление приходит. Да и я в бою не плох, пошли бы вместе. Ты, Снорри, пойдешь с нами?— спросил он, заметив, что викинги одобрительно качают головами.

Снорри согласился, но к отплытию не пришел, и три дубовых лодки без него вышли из фиорда в туманное море и повернули на полночь. Торир понял, что старик действительно сохранил ум, и впервые поверил в удачу предсказанного им похода.

Лодки плыли вдоль пустынных гранитных берегов, все время убегавших к восходу, солнце вставало все ниже, навстречу плыли редкие льдины. К концу третьей недели, когда стало кончаться продовольствие и пресная вода, Торир велел идти у самого берега: начались туманы, и можно было потерять знак, указывающий горло Белого моря.

Косой крест из двух горелых лесин открылся к вечеру. Лодки решительно повернули и, пересекая горло, поплыли в надвигающуюся ночь. Голодные гребцы выбивались из сил, звезд не было видно. Солнце встало прямо перед ними, осветив низкий серый берег. Викинги повернули вправо и так шли еще три дня до устья Двины. Тут на отлогом холме стоял обнесенный бревенчатым забором варяжский поселок Холмград; на кольях белели олени и лошадиные черепа.

Местные варяги без радости встретили гостей: пищи сами набрали мало. Мясо и муку Торир чуть не зубами вырвал у местного ярла, цена его была огромная. Биармийцы ушли далеко в леса, к Перми и Вятке, торг не поддерживали. Карли подрался с одним из своих гребцов, пленным мадьяром, а потом принялся бить остальных, пока его не связали. Он ворочался на дне лодки, бормоча проклятия. Никто из местных дороги на Юг-реку не знал, а про Юмалу Торир не спрашивал.

Через два дня лодки, на носях которых находились золоченые драконы, уже бороздили серебристую Двину. Бежали назад берега в сумрачных лесах, ни дымка, ни следа жизни не было видно. Гунстейн не раз на ночлегах заводил разговор о возвращении, но Торир, поколдовав наспех, говорил коротко:

— Нет.

Как-то посреди реки они увидели крошечную лодочку-долбленку. Две лодки викингов отрезали ее от берегов, а Торир пошел прямо и увидел древнего широколицего старика, который тянул рваные сети. Он лопотал непонятно, и тогда

гребец-мадьяр сказал, что этот язык похож на его собственный, как говорят в Венгерском королевстве, основанном выходцами из Югры. Гребец потолковал с рыбаком и сообщил, что Юг-река недалеко, а на ней живет большая и уважаемая семья Манси. Все обрадовались, особенно Гунстейн, который щедро одарил старика. Впрочем, когда рыбак отплыл, Торир нагнал его, отобрал подарки, сети и рыбу, а самого на всякий случай утопил. Потом Торир велел всем ждать у берега, а сам с мадьяром пошел искать дом семьи Манси.

О дальнейшем сага Снорри умалчивает, но в Бос-саге сохранились некоторые подробности. Торир, когда хотел, умел быть обворожительным, и викингов хорошо приняли в доме Манси, а мадьяр заменял ему язык. Они называли себя большими шаманами из-за моря, хранителями солнца и луны; хозяин сам был шаман и говорил с ними почтительно, а внуку его Торир соблазнил в первый вечер, и потом ходил к ней три ночи, когда в большом доме все укладывались спать. Девушка, впервые познавшая любовь, была благодарна ему и умоляла остаться навсегда. Но Торир объяснил ей знаками и через мадьяра, что он по своему шаманскому обету несет дары богине Юмале, и если девушка хочет, чтобы он поскорее вернулся к свадьбе, то она должна показать ему самый короткий путь к богине. Девушка советовала ему от устья Юга идти все время на восход до большой реки Сысолы и еще два дня до священного бора, откуда кричит богиня.

— Все, что вы принесете, вешайте на ветки, а в бор не ходите, иначе вас убьют. Потом придут наши, которые живут отдельно, носят красные одежды и сторожат Юмалу, они отнесут ей ваши подарки. И скажи ему, пусть возвращается быстро, — добавила она, прижимаясь к Ториру, хотя с ним был мадьяр.

В ту же ночь мадьяр ушел за Карли и Гунстейном, а Торир еще два восхода солнца встречал вместе с доверчивой биармийкой. Та все время толковала ему, чтобы он не ходил к богине, все равно он ее не увидит, видеть ее нельзя, и даже хранители ее не видят — остального он не понял и отвечал поцелуями. И еще он узнал, что в Биармии никто не целует женщин, хотя это так приятно.

На третью ночь, когда девушка, утомленная, уснула, Торир услышал крики ворона, тихо оделся, взял оружие и встретил спутников. Они пошли, как было указано, на бревнах переплыли Сысолу и увидели бор. Деревья на опушке его были украшены красными тряпочками.

Викинги сложили оружие и устроили небольшой совет. Набег они решили перенести на ночь, благо было полнолуние, а пока пошарить опушку, нет ли на ней неубранных даров. Гунстейн считал, что дары оправдают их при случайной

встрече с хранителями. Он первый поднялся — и замер: над вековыми соснами издали донесся печальный тихий крик.

Тут Торир и Гунстейн решили, что первым должен идти Карли, тот вошел в тень деревьев — и огромная оперенная стрела, словно выпущенная из лука великаном, свистнув, пролетела мимо него и вонзилась в сосну неподалеку. Выдрав стрелу, Карли принес ее и сообщил товарищам, что стража их обнаружила. Они стали спинами друг к другу, как это обычно делают норманны, но в лесу было тихо. Еще раз взвыла богиня за лесом — глухо и томительно, но никто не кидался, не пускал стрел, не окликал их. Торир предположил, что Карли напоролся на самострел. Не размыкая круга, они начали пятиться к опушке, и за ближайшим деревом действительно нашли огромный почерневший от времени лук, от которого через еле заметную тропинку тянулась струна из высушенных жил.

Теперь мы снова сможем следовать рассказу Снорри, другие саги испорчены безудержным фантазированием.

Дождавшись ночи и луны, три викинга осторожно углубились в лес, избегая протоптанных дорожек, останавливаясь при каждом шорохе. Было поразительно тихо, безветренно, огромная белая луна сияла над черными вершинами сосен. Лес начал редеть и оборвался на круче, под которой текла блестящая выющаяся речушка.

— Вот она! — прошептал Гунстейн.

Совсем близко, над обрывом, пониже того места, где стояли викинги, была круглая изгородь из заостренных кольев, а в середине ее — что-то черное, узловатое, страшное, как ночной кошмар. Когда викинги спускались к изгороди, потянуло ветром, и все вокруг закричало, завывало, застонало. И хотя вокруг по-прежнему никого не было, они встали спиной к спине, чувствуя локти друг друга, и так дошли до изгороди. Торир сказал, что он должен поколдовать, и обошел изгородь: на самом деле он искал ворота, но изгородь была сплошная. Обходя ее вторично, он стучал тихонько по кольям, бормоча заклятия и вслушиваясь — не отзовется ли дребезжанием непрочно укрепленный подвижной кол. Третий раз он обошел ограду просто так — всякое гадание должно исполняться трижды, а не дважды. Хода внутрь не было. Тогда Карли подставил спину, а Торир и Гунстейн с его помощью перебрались через ограду. Снорри говорит, что Карли тоже залез внутрь, но я думаю, что он остался снаружи, так было бы, конечно, более верно.

Спрыгнув, викинги попали на что-то мягкое и сыпучее. Они огляделись и поняли, что стоят на россыпях монет, похожих на чешую рыбы. Ни один из них даже во сне не видел столько золота и серебра, столько блестящих кружочков, которые значили для них все — счастье, славу, власть, смысл жизни. Гунстейн дрожащими руками вытащил из-за пазухи мешок и

принялся сыпать туда деньги, а Торир пошел к центру, и монеты осыпались под его ногами, как речная галька.

Когда-то здесь стояла могучая сосна. Югорцы обрубили ей верх и тщательно изогнули сучья в сторону реки, соорудив подобие буйно сплетенных волос, а две самые большие ветви отогнули вниз, к корням, так что получились две узловатые руки. На соединенных пальцах-ветках было пристроено сияющее серебряное блюдо. На высоте в два человеческих роста дерево было оголено от коры и грубыми ударами топора превращено в подобие лица с огромным оскаленным ртом — все это было осмолено и отливало в лунном свете черным лаком. Торир потянул блюдо, и в этот момент дохнул ветер и изнутри дерева донесся раздирающий душу стон. Сам Торир-собака, который никогда и ничего не боялся, дрогнул и выронил блюдо. Он мысленно обругал себя самым грязным словом, подхватил блюдо, но заметил, что ветви-руки обвешаны ожерельями из нанизанных монет. Он стал обрывать их и сваливать в свой мешок.

Тем временем Гунстейн перебросил свой мешок через ограду, и Карли подал ему другой. Торопясь, Гунстейн напихал в него монеты, смешанные с трухой сгнивших мехов и землей, когда подошел Торир с блюдом и полным мешком. Все это они передали Карли. Торир вскарабкался на изгородь первым, на руках подтянул Гунстейна, они мягко прыгнули и, забрав добычу, побежали через священный лес, забыв о капканах и самострелах. Луну затянуло облаками, поднялся ветер, ограбленная богиня выла им вслед, но охваченные алчностью, они бежали, бросив щиты, а ветки били их по лицам, монеты мелко звенели в мешках.

На берегу Сысолы, уже днем, Гунстейн предложил делиться, и Торир великодушно отдал товарищам почти все деньги, оставив себе только блюдо, украшенное тончайшей восточной резьбой. Он пошел впереди, держа блюдо, как щит, а за ним тащились двое, нагруженные мешками. Ноги их кровоточили, плечи ныли, как от побоев. Дом Манси они обошли стороной, и Торир подумал, что зимой тут родится его сын, которого могли бы звать Гаральд Торирссон, но ему дадут какое-нибудь югорское имя, и он станет вонючим рыбаком. После этого Торир напрочь забыл о доме Манси.

К своим лодкам они вышли на рассвете, когда гребцы спали, Гунстейн едва шел, он хотел крикнуть помощь, но Торир зажал ему рот: не следовало показывать гребцам добычу. Он оставил Карли с мешком и блюдом, а сам помог Гунстейну стащить мешок в лодку, потом вернулся и убил Карли. Он ударил его, подкравшись сзади, мечом по шее, и кровь хлынула широкой струей. Взяв на плечи мешок и блюдо, Торир вышел к обрыву и увидел, что лодка Гунстейна уже отплыла, и понял, что парень не так глуп, как кажется.

Сага Снорри говорит, что Торир-собака догнал лодку Гунстейна и захватил его добычу, но сам Гунстейн успел убежать. Можно предполагать, что он погиб от голода в двинских лесах. Торир вернулся в Норвегию как раз тогда, когда король Олаф II Гаральдссон со своей дружиной встретил вернувшегося из Рима Канута Датского и был наголову разбит в бою. Торир-собака тотчас поклялся в верности Кануту, и никто не посмел спросить его о судьбе Карли и Гунстейна, сторонников презренного Олафа Толстого, который сбежал в Киев ко двору Ярослава Мудрого. Через пять лет Олаф с дружиной, набранной среди русских варягов, вернулся за своей короной, был бой, и Торир-собака убил Олафа. Со своим богатством и влиянием Торир-собака легко мог бы стать королем, раскидав двух мальчишек — сына Канута Свенда и сына Олафа Магнуса. Но, поняв это, сторонники предали его и посадили на престол Магнуса Олафссона, которому тогда было десять лет, и он воспитывался при дворе Ярослава в Киеве. Далее источники молчат о Торире-собаке: тут его, видимо, наконец убили.

Место, где викинги в лунную ночь 1023 года стояли рядом с золотой богиней Юмалой, спрятанной в дупле священного дерева, кажется, можно уточнить. Я думаю, что это было так называемое Гляденовское городище на реке Нижней Мулянке, левом притоке Камы. Археолог Н. Новокрещенных вел тут в 1896 году раскопки и обнаружил среднеазиатские монеты, бусы, наконечники стрел, литые фигурки и другие дары, о чем он сообщает в «Трудах Пермской ученой архивной комиссии» (1914, вып. 4, 5 и 7).

И еще четыре века прошло, когда в памятниках письменности снова появилось сведение о золотой богине. Оно связано с жизнью одного деятельного монаха по имени Стефан, который жил и умер «посреди неверных людей, ни бога знающих, ни закона ведающих, молящихся идолам, огню и воде, и камню, и Золотой бабе, и волхвам, и деревью», как сообщает под 1398 годом Софийская первая летопись.

Артем ГАЙ

РЕФЛЕКТОР

Исповедь бывшего обывателя

1

Верно, я младший научный сотрудник известного института, где существует даже уверенность, что у меня скоро будет готова диссертация (в чем я никого не разуверяю, скоро перевыбору), и все же...

Надо признать, что многие годы мой дух (в довольно инертном теле) был сильно смущен неумным стремлением к удовольствиям и личному благосостоянию. Даже жизнь моих маленьких пацанов (их у меня двое, и я нередко хвастаюсь этим), если быть искренним, не очень интересовала меня. А уж поступиться ради них чем-то нужным, желанным мне лично... По-моему, вообще понятие жертвенности, а тем более самопожертвования стало сильно отвлеченным, почти мифическим. Но ведь без этого всякий человек становится обывателем в худшем смысле этого слова! Вы никогда не примерялись к такому духовному росту-меру? Конечно, для этого нужны особые обстоятельства. Как сейчас выражаются, экстремальные ситуации. У героев классической литературы XIX века это были Чувства, отношения между людьми. Какие мелочи для нас, прагматиков! Нам теперь подавай что-нибудь посущественнее — Антарктику, Космос, Чернобыль. А дальше-то что?!

У меня сейчас тяжелые времена, все видится по-новому. К несчастью — я ужасный фантазер. Наверное, как многие не очень активные и малоподвижные люди. Могу, глядя в потолок, нафантазировать целую жизнь. Могу накрутить!..

Было у меня любимое занятие — смотреться в лобный рефлектор. Знаете, такая круглая с дыркой в центре металлическая штукавина, которой врачи-ларингологи высвечивают наши барабанные перепонки, извитые носовые ходы и гнойные пробки в горле. Жена работает в поликлинике, и у нас на столе вечерами часто лежит такой рефлектор. В его вогнутом зеркале человеческий глаз огромен и страшен, а моя гладкая загорелая кожа выглядит совсем не гладкой, а неожиданно пористой и ужасно неприятной! Последний год зеркало рождало во мне разные истории.

Все началось с неожиданной любви. Представьте себе, я влюбился как мальчишка в случайно встреченную в библиотеке женщину. А через год...

Ту полянку я со своими пацанами давно приглядел в наших загородных поездках. Теперь мы нередко приезжали сюда с моей любимой. Здесь всегда было изумительно красиво и хорошо.

И в тот последний раз солнце, дробясь качающимися хвойными лапами и листвою орешника, в кустах которого стояла машина, весело играло с нами, проникая в кабину через открытые дверцы. Едва уловимый ветерок нес к нам пьянящие запахи леса — сосны, прели, ландышей, от которых взгорok неподалеку от машины казался укрытым зеленым в белый горошек ситцем. Мы грустно смотрели через лобовое стекло на «нашу» сосну, раздвоившуюся в метре от земли и устремившуюся в небо двумя золотистыми стволами. Когда мы здесь впервые ока-

зались вдвоем, я сказал, что вот это и есть мы — растущие от одного корнявища. Блаженные времена...

С тех пор прошел год, и теперь мы оба знали, что это совсем не так. Когда тебе за тридцать, корнями становятся уже привычки — привычные связи, привычное окружение, привычный быт. Увы! Множество прочных нитей-сосудиков опутывало и связывало каждого из нас со своим мирком, вполне устроенным, с многими людьми, и рвать, конечно, больно. Всем! Так мы думали. Было уже решено, что самое безболезненное — перерезать ту единственную артерийку, которая соединяет нас. Предварительно, конечно, заморозив и перевязав. При этом мы в глубине души знали, что тут нет самопожертвования, хотя, кажется, и хотели так думать.

В тот день мы приехали на нашу полянку в последний раз. Июньское солнце опускалось за верхушки сосен, когда мы стали собираться. Осталось нарвать прощальный букетик ландышей. И тут вдруг я ощутил ужасную тяжесть, какую испытывает, наверное, космонавт при взлете. Тяжесть эта отчетливо наваливалась сзади. Я судорожно сглотнул и обернулся.

То, что я увидел, было пугающе необъяснимо... Громадный металлический кол, уродливо неровный, шершавый, бугристый, толщиной в самую большую фабричную трубу, только серебристо блестящий и бесконечный, раздвигая деревья, стремительно вонзался в орешник, где стояла моя машина, вызвав во мне мимолетную мысль о карающей молнии господней. Последнее, что я заметил, летя головой к этой фабричной трубе, будто мелкая стружечка к огромному магниту, — моя милая лежит навзничь на ландышевом пригорке...

А дальше — чертовщина, какая-то бредовая свистопляска, в которой наш родной голубой шарик, словно в каком-нибудь научно-популярном фильме, стремительно уносился прочь. Мелькали звездные скопления, ослепляя светом мультипликационно растущих и так же уменьшающихся Солнц, и в конце — непроглядная темнота, обвалью поглотившая все...

Очнулся я на поверхности гладкого полированного стержня обхвата в три с неуходящим ощущением дьявольской гонки в Космосе на крепко прижатом к телу огромном металлическом колу. И тут я осознал, что это та самая фабричная труба, которая врезалась в кусты орешника у моей машины! К моему ужасу, стержень продолжал невероятно быстро уменьшаться, перестал быть мне опорой, я шлепнулся на какую-то гладкую поверхность, а он превратился в идеально отполированную иглу толщиной с мое бедро, потом — с палец, потом с волосок — и исчез! Я снова летел, падал, проваливался куда-то, но, прежде чем снова потерять сознание, я увидел валяющиеся от меня, словно деревья от взрыва, существа, по всем внешним признакам похожие на людей, но этак раза в три-четыре больше обычных. Ей-богу, каждый из них был

ростом не меньше шести метров!.. Потом я услышал голоса рядом. Говорили двое.

— Дурацкие у тебя эксперименты, Ло!

— Почему это у меня? Мне велели...

— А ведь этот тип твой сын, Ло, а?

— Ты думаешь, Ки?..

— Чего тут думать!

— Подожди, Ки! Кажется, он очнулся...

Замечание определенно относилось ко мне, потому что кто-то стал щупать мой пульс. Я открыл глаза и увидел над собой два лица. Одно с раскосыми глазами, в очках, другое полное, совершенно круглое и, возможно, от того казавшееся глуповатым. Два нормально обескураженных лица.

Разговор надо мной возобновился.

— А ведь он совершенно на меня не похож, Ки.— Мордастенский бесцеремонно разглядывал меня, как ребенок разглядывает занятную букашку.

— Пожалуй,— согласился раскосый Ки, оценивающе склоняя набок голову.— Да какой громадный! Как настоящий Высокий!— Он присвистнул и рассмеялся.— Вот какой у тебя сын теперь есть, Ло, а?

Это было просто возмутительно! Они болтали так, словно речь шла о неодушевленном предмете, игрушке.

— Ну вот что!— решительно сказал я, садясь, и тут же осекся. Моему взору предстало все мое обнаженное тело — от волосатой груди до стоп. Представьте себе большущий ярко освещенный зал, в центре которого сверкающий огромный прибор в полтора этажа высотой — и два странных человека (оба они были очень низкорослые) в белоснежных халатах, склонившиеся над третьим, голым и волосатым. И этот третий — вы! Даже нудист, думаю, смутился бы в такой ситуации.

— Куда вы дели мою одежду?—залепетал я.

— А вы... вы появились совершенно голый,— стал оправдываться мордастенский с залысиной в полголовы, по имени Ло.

— То есть как это голый?!— продолжал лепетать я, вспоминая полуторастарублевые брюки, привезенные мне недавно из Гамбурга. Бесценные мои брюки!..

— Так вот...— Ло робко указал пальцем на мой живот, и дрожащими руками стал снимать халат. Отдав мне свой халат, виновато опустил на пол рядом со мной. Сел и Ки. Компанейские ребята. Мы сидели на пластиковом полу посредине необъятного помещения и разглядывали друг друга. Ки был совсем миниатюрненьким, росточком не больше полутора метров, наверное, да и толстячок Ло неамного выше. Со своими метром семьюдесятью восемью я выглядел рядом с ними почти великаном. Вы не замечали, что даже в неясном разговоре с

незнакомыми людьми ниже вас ростом чувствуешь себя уверенней? Я спросил строго:

— Позвольте все же узнать, где я и где мои брюки?

Ло покраснел от смущения и произнес одним духом, затихая по безнадежно падающей кривой:

— Это лаборатория суперэлектронного микроскопа биологического центра на спутнике...— и закончил почти шепотом какой-то совершеннейшей белибердой, которую я сразу и решительно отказался понять. Меня интересовало сейчас другое:

— Как я сюда попал?!

Электронный микроскоп был и у нас в институте, о «супер» я даже не слышал, это, конечно, было интересно, но терпело.

Ки зашелся своим фыркающим смехом, а Ло, казалось, вот-вот лопнет от смущения.

— Послушайте!..— с непонятным еще мне самому ужасом крикнул я.

И Ло наконец выдавил едва слышно:

— Наверное, из моей ноги. Но я абсолютно ничего не понимаю...

Я поднялся с пола и тупо уставился на его толстенное бедро, где под белыми шортиками запеклась капля крови, как от хорошего комариного укуса. Перед моим затуманившимся взором всплыло другое бедро с похожей капелькой, к которой я припадаю губами. Когда же и как я превратился из нормально влюбленного в сумасшедшего?..

Я опустился на стоявший рядом стул, тяжело оперся руками о колени, и вдруг словно легкий разряд тока ударил меня в ту часть тела, на которой я сидел. Стул поехал, мягко и бесшумно. Отличный лабораторный стул, о каком можно только мечтать. И этот поблескивающий никелем и лаками громадный прибор, на неизвестных мне деталях которого играли блики, как солнечные зайчики на движущейся листве там, на полянке, над ландышевым откосиком, на котором навзничь лежала моя милая...

Я был не самым прилежным и удачливым ученым, даже не кандидатом наук, как вы знаете, но по сложившемуся складу мышления все же ученым — элементарный анализ стал частью моей натуры. Потому мысль о сумасшествии ушла так же быстро, как и зародилась. Это мое положение в белом халате на лабораторном стуле перед пусть и незнакомым, но прибором, было достаточно привычным и вернуло меня в русло начатого разговора:

— Вы убеждены, Ло, что я появился здесь из вашей ноги, но не понимаете, каким образом. Так?

— Совершенно правильно.

— Хорошо. Но что значит — из ноги?

Ки снова стал заходиться — часто задышал, зафыркал, засопел. Я посмотрел на него с яростью.

— Простите,— сказал он, не в силах сразу унять смех.— Я ничего не смыслю в биологии, но уверяю вас, что это совершенно уморительно! Вот вы увидите...

Я перевел взгляд на биолога.

— Этот суперэлектронный микроскоп создан, э-э...— мямлил Ло,— для исследования подструктурных биологических образований.

— Чего-чего?

— Ну, например, ген для этого микроскопа — целая галактика. Однако объектов так мало...

И тут Ки опять расфыркался.

— Ей-богу, я за себя не поручусь! — взвился я.

— Пр... пр... стите...— продолжая смеяться, Ки скрылся за прибором. Ло смотрел на меня круглыми грустными глазами Пьерро.

— Они все смеются надо мной, словно это я придумал...

С каким бы удовольствием я плюнул на этих ненормальных человечков, сел в трамвай и поехал домой. Нет, не в машину — и в лес, а в трамвай, чтобы меня толкали, отдавливали ноги,— и домой! Я соскочил со стула и, как заправский бегун длинного спринта, понесся вдоль гладких стен зала.

Идеально гладкие и блестящие, без единой щелочки. Такими, наверное, представляются стенки центрифуги посаженной туда мыши.

В глубине души отчетливо уже проклевывался страх. Я замер в предчувствии понимания. Ничего еще не было ясно, но все вдруг замерло в ожидании неизвестного. Это хуже жуткой ясности, потому что при ней известна причина страха, и изобретательный человеческий ум ищет выход, тешит надеждой...

Я постарался взять себя в руки.

— Ладно,— нарушил я довольно долгое молчание.— Вы взяли кусочек своей кожи, Ло...

— Да, взял иглой препарат, поместил в приемник. Как обычно, уверяю вас. А там уже дело электронно-вычислительной машины. У нас ЭВМ!..

— Послушайте, меня не интересуют технические детали! Хорошо, поместили. Дальше!

— И все,— пискнул Ло.— Приемник вдребезги, и вот... из прибора вывалились вы...

— Не морочьте мне голову! — испуганно заорал я.

— Черт меня дернул на этот спутник,— смущенно бормотал Ки.— Я ведь эксплуатационник, ни черта не понимаю в их генетике, и мне наплевать на нее. Но за прибор-то отвечать мне. И вот угробили.

Просто невыносимо сознавать свою зависимость от кретинов. Но пока я полностью от них завишу. В лучшем случае — пока не понял...

- Ладно. Продолжайте, Ло.
- А что продолжать?
- Вы утверждаете, что я появился здесь из куска кожи вашей ноги! Так или нет?
- Пожалуй, это несомненно,— потерянно согласился Ло.
- Так объясните, обоснуйте мне эту чушь!
- Понимаете,— перепуганно замямлил снова биолог,— я, собственно, сам не понимаю. Ну... Совершенно ничего не понимаю. Мы рассказали вам все.

На них нет никакой надежды. Совершенно ясно. Этот «ученый» не задал мне еще ни единого вопроса, ему это, кажется, и в голову не приходило. Есть один путь: сопоставить мои наблюдения с их рассказом. Наверное, только так у меня может появиться шанс к разгадке. Господи, этакому тухе-матухе доверили такую мощную машину!

— Какова разрешающая сила вашего микроскопа?

Лучше бы не спрашивать! От названной цифры можно было упасть в обморок. Не стану повторять ее — мучений одного естествоиспытателя вполне достаточно. Тем более что мне известны такие фанатики нашего дела, которые, узнав, могут и помереть от расстройства. Слава богу, я к ним не отношусь, и даже возникшее заикание быстро прошло.

— К.... какая ж т... тогда и... игла?

— А игла в той же степени тонкости,— попытался подлизаться ко мне Ки.— Я, между прочим, хотел вам рассказать о ней...

— Нет уж, увольте, хватит!

Это действительно было самым большим моим желанием сейчас. Я испытывал такое перенасыщение, что готов был улечься тут же на пластиковый пол и заснуть. И, клянусь вам, я бы сделал это, не торчи рядом громада микроскопа, которая давила на мою психику, как статуя Командора на бедного Хуана. К тому же я отнюдь не был таким смелым, как великий испанец.

— Мы можем куда-нибудь уйти отсюда?

— Конечно! Мой дом — ваш дом,— обрадовался Ло. Они сразу оживились, тоже явно уставшие от событий, происшедших в этом зале. Постное круглое лицо биолога расплылось в неожиданно заискивающей улыбке, а Ки, как возвращенный на огонь чайник, снова зафыркал и изрек:

— Вы же теперь его родственник...

Се оказалась карлицей, но дивно пропорционально сложенной, в длинном платье самой последней, насколько мне известно, парижской моды — захватывающе прозрачном. Все остальные жители станции, человек восемь, мигом сбежавшиеся к Ло, как

муравьи на лакомую поживу, тоже были низкорослы. Коротышка Ло среди них возвышался.

Не знаю, как уж там объяснил им хозяин мое явление, но довольно скоро, поглазев на меня и поцокав языками, они ретировались. Все, кроме Ки, который на правах повитухи остался и даже уселся на низеньком диванчике рядом со мной. Ло с женой поместились напротив в низких креслицах, и все трое с бесцеремонной влюбленностью уставились на меня. Так провинциальные родственники смотрят на столичную штучку после очень долгой разлуки, возможно, я был для них неожиданной, совсем новой игрушкой, с которой неизвестно что можно делать, а чего нельзя.

«Черта вам лысого!..» — вдруг озлился я.

— Спать я хочу, ребята. И боле ничего!

Они дружно повскакали и стали искать самое лучшее место в квартире, и я тут же раскаялся, что озлился на них. Нет, в самом деле, все очень походило на гостьбу где-нибудь в украинской глубинке.

Квартира была просторная, с высокими потолками, не какая-нибудь малогабаритка, но обставлена низкорослой пластиковой мебелью. Ощущение здесь возникало такое, будто мебель эта расставлена в поле. Зеленоватые пластмассовые стены без окон и потолки, казалось, просвечивали первозданной чистотой. Признаться, я люблю всякие ковры, хрустальные люстры, бра и тому подобное под старину, но здесь было по-своему хорошо. Вот только места для меня не находилось. Хозяева метались по квартире, составляя и разделяя диванчики, креслица, пуфики... Я остервенело сдернул с какого-то ложа пару подушек, сунул одну из них под голову, растянувшись на полу, другой прикрылся от этой Лилипутии и моментально заснул.

Пробуждение было тяжелым.

Во сне я увидел песчано-галечный спуск напротив Финляндского вокзала. (Сейчас его уже нет, заменили гранитом и бетоном.) Раннее тихое утро, волны чуть шуршат, ходят по влажному песку чайки, и Нева голубая, светлая, а противоположный берег пастельный, над домами Свердловской набережной восходит солнце. И вдруг я замечаю, что вода в Неве не течет, а вспухает, поднимается, вытягивается, словно река ложится в вертикальное русло, из голубой становится серебристой, закрывает солнце. И — о, боже! — превращается в ту бесконечную фабричную трубу, и меня уже, сковав магнитно, неудержимо тащит к ней...

Просыпаюсь в холодном поту, надеясь, что в се сон, что я увижу сейчас свой невысокий беленый потолок, полированную тумбочку из венгерского гарнитура и настольную лампу с абажуром «ретро». Не открывая еще глаз, решаю безотлага-

тельно встретить на Неве сказочный час, когда одна заря спешит сменить другую. Мне беспокойно еще, но уже почти радостно, я размыкаю веки... и вижу группу из трех человечков, восседающих в низких креслицах, три пары глаз, вперившихся в меня, словно временно выключенные прожектора.

Сколько они сидят так? Час, два, пять? Что такое здесь время, в замкнутом пространстве с искусственной атмосферой и гравитацией, в этой герметичной банке, лишенной солнца, травы, простора? С чувством легкой тошноты я снова смежаю веки.

Нет, не сон! Болван Ло каким-то образом извлек меня из своей кожи. Я в иной цивилизации, человеческой, но не земной. Такова реальность, какой бы невероятной она ни казалась.

А может быть, как раз вспоминающееся мне реальным и давним прошлым — на самом деле и есть выдумка?! Возможно, я — вдруг выздоровевший в сумасшедшем мире, выздоровевший среди больных? И мое земное прошлое — лишь пробудившийся генетический след далеких предков, и моих, и этих человечков? И мои сыновья, ландышевая полчнка, вся та жизнь — вовсе не мои?!

Чушь какая-то, мистика!

Я открыл глаза и спросил:

— Вы знаете, что такое Земля? — Если воспоминания мои чисто генетические, им должно быть тоже известно слово «Земля». Нет, неизвестно. Они даже стали меня уверять, что такой планеты не существует — уж их-то невероятно долгой и умной цивилизации обитаемая планета была бы известна!..

Итак, моя земная жизнь — реальность. Существовало и Солнце, и наша Галактика. Были и мои дети, и моя милая. И вместе с тем я появился здесь из ноги Ло. Что же получается? Известное нам, землянам, мироздание помещается в ничтожной частице толстячка Ло?! В частице, которую способен разглядеть в деталях лишь микроскоп непредставимой для землян разрезающей силы?

А я как же? Я — великан среди пигмеев?!

В башке моей ощутимо треснуло, словно там перегорел предохранитель. Мысли путались. Я понял, что теперь-то определенно рехнусь, и в испуге вскрикнул:

— Послушайте! Есть у вас выпить что-нибудь покрепче?!

Я стоял в халатике, узком мне в плечах и лишь прикрывавшем срам, в окружении трех маленьких человечков, на лицах которых была растерянность, недоумение и страх. Я готов был понять их, но смогут ли они понять меня?..

Смутно припоминаю, как мы пели «Рябину», «Подмосковные вечера», «Шумел камыш», а потом я разносил их на диванчики и собирал подушки себе в угол.

Проснулся с совершенно трезвой безболезненной головой, но рядом обнаружил Се, фарфоровую статуэтку обнаженной спящей женщины в натуральную по здешним меркам величину. Пораженный, я даже притронулся к ней.

Ло деловито семенил через комнату, не обращая на нас внимания. Всклопоченные после сна светлые волосики стояли нимбом над его высоким, в полголовы лбом.

— Послушайте, что здесь происходит?.. — лепетал я.

— А что? — Се смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых стояло удивление.

Я начал медленно соображать: собственно, и на Земле есть народы, по крайней мере совсем недавно были, у которых права, а может быть, даже обязанности гостя трактовались очень широко.

Учтиво поздоровавшись, нетвердой походкой продефилировал куда-то Ки. Се ушла хлопотать по хозяйству. Я же попытался продолжить начатый перед выпивкой анализ ситуации. Все — к чертям! Главное — додумать, понять!

Итак, мои предохранители начали перегорать, когда я пришел к мысли, что все представляемое землянами мироздание находится в одной из клеток Ло. Моя родная Земля — инфрчастица клетки этого слюнтя! Можно ли это понять? Представить, конечно, нельзя, а понять?..

Суперультраигла, та самая фабричная бесконечная труба, которая нарушила одну из земных идиллий, забрала меня, пробу из этой части мироздания, и потащила в приемник прибора, а я, как расширяющаяся галактика, в секунду, в мгновение вырос до величины, пропорциональной новому миру. Во мне пробудилась частица космической энергии, ничтожная частица, не имеющая границ в своих возможностях.

Но тогда с каждой моей клеткой произошло то же! И, может быть, появились новые вселенные, Солнца, Земли во мне, в миллионах моих клеток? Я носитель множества неустойчивых быстротечных вечностей?.. Клетки в живом организме все время умирают, на их место приходят новые, молодые. Оскорбили — инфаркт, расквасил нос хулиган — и гибнут миры? Ничего невозможного — все время параллельно идут смерть и рождение, от клеточек любого организма до вселенных. Или это одно и то же?

Все дело в вечности.

Но ведь и она относительна! Истинно вечно, возможно, в с мироздание, вся эта система (или бессистемность?) вселенных во вселенных. Бесконечная череда увеличивающихся, трудно представимых миров-матрешек. И время — лишь материя пространства.

Я застыл с открытым ртом, почти бездыханный. Я понял то ужасное, что до сих пор не понимал.

— Не скучайте,— донеслось до меня.— Мы уходим на работу.

Я тупо смотрел на две фигурки, стоявшие передо мной, и едва их видел. Се, Ло... Боже мой! И это мне — навсегда?!

Они что-то говорили, выдвигали какие-то ящики, показывали рычажки и кнопки, открывали экраны. Что-то объясняли мне. Наконец ушли. Но я не почувствовал облегчения.

То, что я понял, было так же трагично, как смерть. Хуже смерти даже самого близкого и родного человека, потому что и тогда у меня оставалось бы множество привязанностей, привычек, занятий, любимых запахов, картин, звуков, и они постепенно заполнили бы образовавшуюся пустоту, и я, вначале даже не веря в это, в глубине души предвидел бы это, знал: опыт предков, привычное окружение были бы со мной.

Здесь я оказался один, как амeba на сухом столе.

Я был теперь до самого своего конца единственным из землян без Земли. Я уже существовал в вечности, в том неведомом и страшном, что так звалось на Земле. Пока я здесь морочился с этими Ло, Ки, Се, пил, ел, спал, каждый ничтожный здесь отрезок времени — на Земле проносились века, тысячелетия. А теперь... Теперь ее, вероятно, вообще уже не существует. Ведь если попытаться сопоставить время здесь и там, то различие должно выразиться примерно той же непредставимой цифрой, от которой я едва не упал в обморок у подножия микроскопа.

Мне некуда возвращаться. Мое прошлое по ту сторону времени. Точка.

Я вытянулся на тюфячке и подушках в углу высокой комнаты и уставился в зеленоватый потолок без теней, отблесков, без малейших признаков движения света, как в сновидении без образов. Я не спал, но и не бодрствовал в истинном смысле этого слова, подразумевающего какую-то реакцию на окружающее.

Я долго, наверное, пребывал в прострации, из которой вывел меня голос Ло. Его лицо возникло на загоревшемся экране видеотелефона.

— Мы уже скоро заканчиваем. Не проголодались? Вы не будете возражать, если несколько сотрудников... — мялся Ло, — поужинают с вами?

По сопению и фырканию, доносившимся из телефона, я понял, что рядом с биологом смеется Ки.

— Что так веселит вашего инженера? — подозрительно спросил я.

Лицо Ло виновато поплыло в сторону, и появился Ки, с тонкими губами до ушей и едва различимыми за стеклами очков черточками глаз.

— Много родственников — хорошо! Вот увидите, очень забавно!

— Вы ужасный весельчак. Меня даже слегка поташнивает...
Что такое он опять болтает, Ло?

— Не слушайте его... — Вид у биолога был хотя и радостный, но такой, словно он чувствовал себя провинившимся.

Нервы мои совсем не держали, как вожжи не держат неуправляемого коня.

— Что значит не слушайте! Почему позволяете эту болтовню? Вы здесь начальник или нет? Я что вам, крыса подопытная?! Отвечайте!

— Да...

— Что да?!

— Я здесь начальник...

— Да какой вы начальник!

— По сантиметра-ажу, — неожиданно строго протянул Ло, словно оскорбившись моим сомнением.

— По... чему?

— У меня 154, на целых пять выше средней, — с неожиданной гордостью изрек Ло, и впервые за время нашего знакомства на его лице появилось отражение чего-то похожего на чувство собственного достоинства.

— Начальник по росту, что ли?

— Ну конечно! Я не дотянул всего один сантиметр до контроллера, — горестно вздохнул он.

В полном смятении я сдвинул рычажок, уничтожая изображение биолога, и уставился в потухший экран.

Рост — основной показатель для определения места человека в обществе? Ну и общество!..

Я долго переваривал эту новость, пребывая в состоянии, близком к возмущению. Возможно ли вообще такое? — растерянно думал я. А, собственно, чем этот показатель хуже иных, принятых у землян? Разве деньги — логичнее? Лучше принадлежность к какому-то вероисповеданию, к какой-нибудь хунте, расе, национальности? Разве у землян ум и способности — единственные качества, ведущие по общественной лестнице вверх? А тут — рост...

Я — великан среди здешних людей — могу стать, наверное, фигурой номер 1. Может быть, высочайший в цивилизации, где рост — один из основных критериев превосходства! Двадцать девять сантиметров выше среднего. Ну надо же! Вероятно, мои возможности продвижения тут безграничны. К тому же не дурак, сообразителен. Вспомни, профессор Петров сетовал: «Если бы вы не были таким лентяем...» Что же мне уготовано? Директор института или какого-нибудь центра? Нет уж... Мэр, министр, президент! Конечно, куча советников, консультантов, референтов. Черт возьми, это, наверное, не так и сложно! Только не зарываться...

Проклятая лихорадка открывающихся возможностей. Слегка вспотел лоб, зачесалось между лопаток, легкая дрожь

изнутри поднималась к скулам. И награды дают за рост?..

Я шагнул по большой комнате все в том же чуть ниже живота халатике с плеча Ло. Боже... Я бросился к видеотелефону и дернул рычажок.

— Ло! Если вы хотите устроить званый ужин, оденьте меня прилично.

Лицо Ло выражало растерянность.

— Мы можем устроить ужин без одежды. Это принято...

— Нет, любезный. Тогда без меня.— Не хватало еще впер-вые официально предстать перед своими будущими согражданами в голом виде! А потом какой-нибудь болван Ки будет говорить, что ужинал с голым президентом.

— Уверю вас...— снова начал Ло.

— Оденьте, тогда и поужинаем,— железно прервал я.

Умеряя охватившее меня волнение, я включил телевизор и сел перед ним на диванчик. Спутник есть спутник, какова планета?

Под невыразительную музыку на экране плыл бесконечный город. Сферические одинаковые строения разных оттенков — серебристые, золотистые, голубоватые, зеленоватые, они тянулись до самого горизонта, словно игрушечные на таком же игрушечном гладком шаре. Строения блестели и слегка расплывались, как во влажном, готовом вот-вот рассеяться тумане. Но панорама все текла и текла наискось через экран лентой, прерываемой полосами и окнами воды,— вероятно, каналами, реками, прудами, а серая пелена не исчезала, не менялась, туман не рассеивался. Что-то вроде телевизионного «Клуба путешественников»? Программе не было конца.

Это была их планета, кроме тоски, ничего во мне не вызывавшая.

Я переключил канал, на экране возникло скопище людей. Они сидели ровными рядами амфитеатром. Скучающие лица вперились в оратора, который величественно и монотонно вещал с трибуны. Оратор был явно крупнее сидевших перед ним. Он тоже сидел. Наверное, один из самых высоких...

Я не понял, о чем он говорил. Меж рядами амфитеатра появились человечки с тележками. Подкатили тележку и к оратору. Вероятно, пришло им время подкрепляться. Скопище ожило, задвигалось на своих местах, зажевало.

Волнение мое давно исчезло, его сменили усталость, апатия. Я скрючился на диванчике, отвернулся от телевизора, уставился в бледно-зеленую стену. И отключился.

Исчезли все звуки, стало удивительно тихо. Нежная зелень стены загустела, а в моей памяти возникли, заблестели голубое небо и синь подсолнечной воды. Они становились все ярче, залили меня. Контрастные, яркие, они сливались в единое целое — буйная жизнь трав, воды, леса на множество островков вокруг... Сплавливались в умиротворяющую тишину.

Где это было? Приобщение человека к вечности, к покою природы, к ее красоте, совершенству, мудрости. Как воспоминание о прекрасной музыке, такты которой забыты, но пережитые ощущения с тобой навечно. Что же это за музыка?

Сказочные разные куполки, один над другим бегущие в небо. Лемешки, лемешки, потемневшие пахучие срубы и золото крестов... Кжи! Онега. Вот это музыка! Сколько лет прошло с тех пор? Там я, человек, снова был возвращен природе рукотворной человеческой красотой. Тогда я думал, что не может быть верным представление о жизни, если не увидишь этого, не поймешь, что главное для человека — единство рукотворной красоты и природы. Тогда мне представилось очень важным, чтобы в с е люди увидели и поняли. А потом размылось временем, суетой, постепенно, но быстро. И, наверное, много лет я не вспоминал Кжи.

Почему, ну почему мы так устроены!

3

На ужине, кроме хозяев, были еще две пары. Все женщины спутника. Я сидел в новой тунике, делавшей меня толще, чем я есть, а потому еще больше. Я был нескромно, незаслуженно громадным среди них, простодушных глуповатых человечков. Мне уже было ясно, что они являют собой рядовых представителей своей цивилизации. В разговорах о работе они не поднимались выше наивного хвастовства в прилежности, а все иные темы и определить было невозможно — скучное сотрясение воздуха с помощью слов. Я даже сожалел, что нет тут Ки, наверное, самого остроумного среди них. И не виделась больше картины блестящей карьеры, которая не имела никакого смысла и интереса в этом пресном мире исполнительных человечков, одержимых мечтами о сантиметраже, в мире наглухо застроенных планет и громадных спутников.

Мне оставалось лишь неясным, как они смогли достичь своих технических вершин. Без энтузиазма, скорее всего по инерции своей любознательности, я выяснил вскоре, что они не помнят толком начала своей цивилизации — ей миллионы лет. Все же молодцы: никаких войн, никакой злобливости, ни крови, ни мордобитий.

Возможно ли это, а как же страсти?.. О, с этим целая история. Эту ненужность вывели очень давно. Непостижимо дико, но вывели — искусственным отбором. Как? Деталей они не знали, но суть — вселенский эксперимент, из которого выводили эмоциональных. Что такое «вывести из эксперимента» мне, биологу, было хорошо известно, и если бы это не касалось многих, вероятно, миллионов людей, никак не тронуло бы меня. Эксперимент, вивисекция, конечно, орудие познания. Но людей?! О, это было так давно и привело к такому стойкому

спокойствию, к такому вечному доброму миру. Зато теперь — лишь легкая профилактика: основа нравственного воспитания — привитие навыков безэмоциональности и запрет иметь детей людям, не отвечающим по этому параметру стандарту. Конечно, если они не высокорослые. Вот, например, Ки...

А как же любовь? Чем бесстрастней, тем лучше. Кастрация чувств?

А как же искусства? Что это — вид человеческой деятельности? Зачем он нужен, какие создает материальные ценности?..

Я и не пытался возражать, объяснять. Разве не сожгли Джордано Бруно, не уничтожали в разные времена прекрасные книги и на Земле? В чем можно было убедить тех, кто жег?.. А разговор за столом шел теперь о сантиметраже. Мне объясняли: главное, чтобы дети были повыше. Вот тут заминка: за последние тысячу лет средний рост уменьшился на двадцать сантиметров, пренеприятная тенденция! А говорят, когда-то были люди и выше двух метров. И множество нынешних мужчин — не того...

Тоже проблемы, свои проблемы.

Сидевшая рядом со мной женщина с иссиня-черными длинными волосами положила свою ручонку на мою лапу и вроде бы ласково, но деловито сказала:

— Какая огромная... Вы обещаете быть нашим гостем?

Вторая женщина, пухленькая шатенка, моя соседка с другой стороны, уже заполучила меня в гости, она озаботилась этим сразу же, как только мы сели за стол.

Лишь теперь я понял, что здесь происходило. Ло сидел во главе стола молчаливый и гордый, как селекционер-победитель, демонстрирующий уникального племенного бычка. Так вот до каких интеллектуальных высот поднялись сотрудники этой научной лаборатории, извлекая из неведомых галактик подобного себе!

Я с грохотом отодвинул стул и вышел из комнаты, непостижимо шумно задвинув бесшумную «вагонную» дверь.

Мне были отвратительны эти невинные людишки, мир духовных пигмеев, цивилизация карликов с колоссальными техническими успехами — достижениями разумных муравьев! Меня тошнило, но идти снова через комнату, где они сидели, в туалет, я не смог. Меня вырвало в поспешно перевернутое пластиковое креслице, попавшееся под руку.

Необходимо что-то предпринять. Надо действовать немедленно! Я судорожно искал выход из своего безвыходного положения и ничего, естественно, придумать не мог.

Уйти отсюда без фантастических приемов можно только в небытие. И все же, отдавая себе отчет в этом, я, кажется, еще надеялся на что-то. На что?!

— Вам плохо? — в дверь заглянул перепуганный Ло.

— Плохо! *

Чуть ли не на цыпочках он потащил из комнаты испачканное креслице.

Я ходил из угла в угол, пойманный из другого мира, и с ужасом думал, что никогда не смогу приспособиться к их миру, лишенному именно того, что представлялось мне теперь самым ценным и прекрасным.

Я не увижу больше своих детей, жену, друзей, золотой диск Солнца над блестящей гладью залива, по которой бегут разноцветные паруса яхт, выскальзывающих из устья Невы. Не испытаю упругую плотность белого гриба и его нежную шершавость, смахивая с коричневой шляпки рыжие сосновые иглы... И полянку с раздвоившейся сосной... И тут я увидел заросший ландышами пригорок в окружении залитого солнцем леса и мою милую, медленно идущую с букетиком в руках, который она нюхает, а сама смотрит на меня, чуть улыбаясь грустно... А ведь ее нет уже! Очень, очень давно она стала старой, толстой, одышливой и умерла. И муж ее, и внуки умерли — так же, как и все мои...

Мы не успели разойтись с нею, нас разнесло, оторвало друг от друга, но если бы не это — разошлись, оторвались бы сами, по своей воле. Так было решено. Чем же мы жили? Почему мы бежали от своего самого главного, придумывая нечто более важное?

Боже мой, мы привыкли насиловать себя и возмущались, когда сила исходила извне! Но ведь это порочный круг! А если разорвать его, не учинять над собой насилия, не выльется ли это в насилие над другими? Новый порочный! Один в другом, как вселенные.

С каким наслаждением я окунулся бы в мир неразрешимых человеческих проблем на Земле! Как это просто: наши проблемы там — и была наша жизнь. Потому от них и не уйти, а бояться их унижительно, человеческое счастье в их разрешении, в каждом самом маленьком шаге на этом пути!

Вот так всегда: понимание приходит слишком поздно.

Комната — герметическая пластмассовая банка. Их тусклое багровое солнце не может конкурировать с искусственным освещением. Весь день, отсчитанный моим биологическим ритмом, я сижу в своем отсеке без окон. Так, наверное, сидит подводник в лодке, безнадежно упавшей на грунт, под многометровой толщей воды. Этот образ преследует меня, словно требуя каких-то действий, хотя бы попыток. Каких? Ну что здесь можно предпринять? Не за что даже зацепиться...

Кто такие Высокие? Возможно, Ло, Се, Ки и прочие им подобные — выведенная порода человеко-муравьев, а Высокие — такие же люди, как мы? Тогда они отвратительнее человечков и еще меньше походят на тех землян, с которыми я хотел бы теперь жить рядом. Но и сидеть в этой камере

бесконечно невозможно. Необходимо хорошо сориентироваться и принять решение. Какое оно будет?..

Впервые в жизни у меня заняло сердце.

Я вызвал Ло и потребовал встречи с Высокими. Он, перепуганно моргая, заверил меня, что давно сообщил обо мне, и заторопился, убежал. Соврал слюняй. Спутниковые бабы, наверное, уговорили его поременить немного. И только теперь, дрожь и потя, понесся сообщать. Или он не способен понастоящему испугаться? Конечно. Страх у них в генах, он перестал быть эмоцией, чувством, стал частью их плоти.

Уже через несколько часов я был на их планете, в метрополии.

Пилот оказался весьма разговорчивым человеком, очень похожим на Ло. Собственно, все они страдают недостатком словоохотливости и, как я заметил уже, все известные мне мужчины, кроме Ки, напоминают друг друга, как схожи, наверное, евнухиды. Так вот, пилот сообщил несколько сведений, которые не прибавили мне оптимизма. Похоже, здесь не найти и малой отдушины! Во-первых, на планете не пользуются улицами. То есть по ним передвигаются при надобности, но в герметичных машинах. О, боже! Их воздух вреден для меня и без такой буквальности! Другое сообщение тоже почему-то угнетало: человечки, оказывается, долговечны. Они живут не старясь, в одной поре, в своих герметичных норках, со своей неизменной проблемой сотни лет.

Меня сразу приняли на высоком уровне.

Толстый человек с совершенно безволосым черепом, неприятно поблескивавшим, словно лакированная гипсовая форма, ростом с меня, представился ответственным по контактам. Несколько секунд он молча изучал меня строгими небольшими глазами, потом улыбнулся и предложил сесть. Он оказался первым представителем этой цивилизации, который поинтересовался, кто же я, откуда и что такое Земля. Ум его определенно был не лишен остроты, манера ведения разговора — учтивости, но глаза оставались все время строгими и вместе с тем тусклыми, словно покрывала их тонкая пленка. Я ловил себя на том, что больше смотрю на его живот, колышущийся при каждой фразе, чуткий к переменам тональности его низкого красивого голоса.

— Вы, как и мы когда-то, жертвы эмоциональности. Вы и ваша Земля. Рано или поздно это необходимо понять.

Он учтиво повел меня на сближение с их проблемами. Я возразил, что человек без эмоций — почти машина, хуже машины.

— Человек... — философски протянул ответственный по контактам. — В мироздании даже звездные системы — ничтожные частицы, винтики огромного механизма. Что уж тут говорить об отдельных живых существах! Сама логика построения Вселенной подсказывает, какими должны быть мыслящие существа.

тва. Их способность осознать окружающий мир не должна идти им же во вред, а тем более во вред этому миру. Посмотрите, мы ведь практически уничтожили свою планету. По сравнению с исходным теперь это совершенно другое космическое тело. И вы шли тем же путем.

Спорить с ним не хотелось. Этот застывший в своей убежденности многовековой босс только в силу дипломатической должности вел со мной разговор вроде бы на равных. Ну и, конечно, по необходимости приобщить меня к решению волновавшей их проблемы — вырождения. Через час мы наконец подошли к этому вплотную. Ответственный по контактам, несомненно, был детально ознакомлен с моими финтами на спутнике-78, поскольку стал журить меня за недостаток доброй воли. Я счел дипломатическую часть разговора завершенной и прямо признался ему, что не желаю таким образом выражать свою добрую волю к сотрудничеству, а хотел бы поискать иных точек соприкосновения. Еще полчаса ответственный по контактам пытался переубедить меня, а потом устало сказал, отбросив условности:

— А мы ведь можем и заставить вас.

— Заставить зачинать?!

— Скажем точнее: можем использовать вас.

— Если я правильно понял, — желчно сказал я (вот ведь до чего довели!), — основой вашей планетарной идеологии является постулат: безэмоциональность — благо, доброжелательность, спокойствие — оружие против насилия.

— Ну а что прикажете делать? Вы должны понять, что интересы государства, цивилизации превыше всего. Разве не так?

— Гот мит унз!

— Я вас не понял. Но вы меня должны понять.

— Я могу подумать?

— Конечно! Если у вас есть какие-нибудь претензии, пожелания...

— Пусть хоть на несколько дней меня оставят в покое.

Ответственный по контактам поднялся и учтиво наклонил голову. Живот дрогнул и замер.

Что же мне делать? Войти в их общество и попытаться изменить? Наверное, в моем распоряжении тоже будет сотня-другая лет. Революция? Но я совершенно не способен к этому, да и бесстрашный народ не способен на революцию...

Боже, ведь предстоящая мне сотня лет состоит из отдельных дней и часов!

Я сидел в отведенной мне комнате и вспоминал. Что мне еще оставалось?

...Высокий зал Публичной библиотеки. От стоек выдачи проторно уходит он на десятки метров, золотисто высвеченный солнечным днем, который вливается сюда через множество

громadных, под потолок, распахнутых окон. Проветривание. Настольные лампы выстроились рядами, как кукольные солдаты в больших зеленых шапках. Народу в библиотеке еще немного, а во время проветривания в зале и вовсе пусто. Иду с кипой только что полученных книг вдоль крайнего ряда столов, ишу свободное местечко у окна. Чудесный вид открывается отсюда на колоннаду Пушкинского театра, весенний сквер, бронзовую Екатерину с греющимися на ее мантии бело-сизыми голубями. Зимой эта картина в сером равномерном освещении становится плоской и прочерченной, словно на старинной гравюре: четкие контуры памятника с белыми шапочками снега, штрихи черных ветвей, решеток, и за всем — уносящееся в небо здание театра.

Располагаюсь за пятым или шестым столом. Стопку чистых бланков, оставленных, вероятно, моим предшественником, отодвигаю за лампу и знаколюсь с соседом, которого сейчас нет рядом. Английский журнал раскрыт на биологической статье. Так, коллега. Страница общей тетради до середины исписана круглым красивым почерком. Поверх аккуратной стопки журналов и книг — англо-русский словарь. Так, скорее всего мой сосед — молодая женщина. Аспирантка? Как всякий увлекающийся детективными книжками и кино, я балуюсь дедукцией.

Чаще библиотечные дни я провожу на пляжах приморского парка Победы, когда идут грибы — за городом, но позаниматься в публичной библиотеке тоже люблю, особенно если поджимают отчеты. Лучше, чем здесь, нигде не работается. Мне, по крайней мере. Может быть, потому, что здесь время от времени можно поглезеть на людей, в окна...

Я начинаю читать, и вдруг меня будто подталкивают. Поднимаю голову и вижу идущую меж столами стройную женщину. Она сразу кажется мне удивительно привлекательной, хотя и разглядеть-то ее как следует не успеваю. Но это уже все. Наверное, это и есть — с первого взгляда... Мне хочется, чтобы она оказалась моей соседкой. И женщина останавливается у другого конца стола, растерянно говорит именно таким, как я и хотел бы, голосом:

— А тут... занято...

— Чистые бланки?.. Простите, но так не занимают. Впрочем, если придут, я охотно уступлю... — Нет, черт побери, совсем неохотно!

Не пришли. И весь день мы читали рядом, вместе спускались в столовую, распределяли между собой очереди в кассу, к раздаче, в буфет, а перед уходом я попросил ее, ежедневно занимавшуюся здесь, занять мне место завтра, так как я приду часов в пять (библиотечный-то день у меня один в неделю!).

И пошли безобидные, но такие приятные встречи в Публичке. А потом, в один из моих библиотечных дней, совсем уже летний, я предложил ей махнуть на залив. И она согласилась.

Ах, какие воспоминания! Только в этой боли и осталась моя

радость. В чем же еще? Я мог позавидовать даже узнику, заключенному на много лет в камеру без окон, вроде моей. У него была надежда, будущее. Я же — обреченный, и смерть не казалась мне теперь страшной, потому что жизнь здесь представлялась страшнее.

Да, иного выхода для себя я не видел. Но вот смогу ли?

Боже мой, нельзя, невозможно ведь жить только воспоминаниями! Молодому нормальному человеку, полному сил и желаний, это решительно невозможно! Унизительно и невозможно.

Мой больной мозг искал теперь только с п о с о б. Я был уже вполне готов к неизбежному, как вдруг...

4

...Пред мои ошалелые очи снова предстал ответственный по контактам во всем великолепии своего сверкающего черепа и колышущегося живота.

— Обрадую вас. Вы не единственный землянин у нас в гостях.— Сногшибательный удар. Взрыв. Вселенский катаклизм...

— Четверо ваших сопланетников прибыли на межгалактическом корабле. Вот такие новости.— Он улыбался своей ничего не выражающей улыбкой, которая призвана была лишь засвидетельствовать доброжелательность.— По земным меркам они, конечно, старше вас на миллионы лет, но в остальном очень похожи...

Земляне! Здесь! Вот он, тот фантастический выход, который я тщетно искал. В меня возвращалась жизнь!

— Где они?..

— Я сведу вас с ними. Разрешите присесть?

— ...Необходимость взаимопонимания разнопланетных цивилизаций несомненна...— значительно и занудно ответственный по контактам тянул волюнку уже минут пятнадцать. Чего он хочет от меня? Сейчас я готов согласиться на все.

— У нас ни от кого нет секретов, но мы тоже хотели бы понимания наших проблем...

Их сучьи проблемы мне известны.

— Вы наш давнишний гость...

— Земляне высокорослы?

— Весьма. Так вот, вы наш давнишний гость...

Черт с вами, тупые технари, дайте мне скорее свидание! Дайте глотнуть воздуха человеческого общения, я задыхаюсь без него!

Встреча оказалась странной. Я летел на нее, ног не чуя, а тут...

Несколько лет назад, по земному счету, естественно, встретил я в театре старинного друга, еще детсадовского. До четвертого класса мы учились в одной школе, а потом его семья пере-

ехала в другой район. Мы не виделись больше двадцати лет. Но все равно в памяти он остался дорогим прошлым. Не было, наверное, в Ленинграде двух других мальчишек, которые так увлекались бы солдатиками. У нас с ним было целое жестяно-оловянное государство. Мы вырезали и отливали человечков, животных, деревья, которых, по нашим представлениям, недоставало в наборах, не хватало нашему игрушечному миру. И еще: в третьем классе в наших играх часто принимала участие одна девочка, в которую мы оба были тайно влюблены. Вот такая связь, такая память. И в театре, увидев его, я оставил жену и ринулся вслед за ним, боясь потерять в толпе. Я его сразу узнал! И он узнал меня, но неожиданно холодно ответил на мое пылкое «Вот так встреча!» — «Здравствуй». И я, виновато перекрывая клапаны своей радости, уныло произнес обычное: «Как живешь, старина?»

«Нормально».

«И выглядишь молодцом. Ну, будь!..»

Рушился прекрасный жестяно-оловянный детский мирок, такой милый мне, и я старался уберечь хоть что-нибудь...

Земляне были рослыми, все, наверное, за метр восемьдесят, красивыми и чем-то неуловимо, но очень похожими друг на друга, хотя двое были темнокожими. Все четверо держались корректно, от них за версту несло одинаковой невозмутимой замкнутостью. Специальная подготовка, или для дальних перелетов отбирали скандинавов по темпераменту?.. О ком я берусь судить? Они ведь люди очень, очень далекого будущего! Собственно, теперь — тоже далекого прошлого.

Как ни старался понять и оправдать их, я все же был обескуражен холодностью нашей встречи. Их даже не удивило мое присутствие тут! Их реакция на меня была, на мой взгляд, возмутительнее, чем экспериментатора Ло! Однако одна мысль — я среди землян, пусть и не таких, каких хотел бы сейчас встретить, — делала меня счастливым.

Они были обходительны, любезны, сразу предложили поселиться на корабле, что я принял с восторгом, но говорить мне с ними, как оказалось, не о чем. Я ощутил себя таким же далеким от них, как от человечков. Что ж, это закономерно; утешал я себя, между нами миллионы лет неизвестной мне жизни! Но они видели те же восходы и закаты, знали прелесть утренних влажных перелесков, прохладу тихих рек. Мы пойдем друг друга. Наши органы чувств, хоть и с громадной разницей во времени, воспринимали один и тот же прекрасный мир.

Они называли друг друга не по именам, а номерами — Первый, Второй... Наверное, на таком корабле, где каждый несет службу на своем посту, так удобнее. Первый, командир, стал показывать мне корабль. Это была сложная, слишком сложная для моего слабого в технике ума машина пространства-времени. Я и не старался постичь ее, что-то запомнить. Я больше ис-

кал на борту следы Земли, весточки с нее, но, к сожалению, так и не нашел. Даже в жилых помещениях все было по-солдатски однотипно и строго. Ни единой фотографии, ни камешка, ни какой-нибудь коряжки.

Я расспрашивал командира о Земле и земных делах. Отвечал он скупо, повторяя:

— Все, как понимаете, очень изменилось.

Я признался ему, что сильно огорчен тем, что никогда не смогу вернуться на с в о ю Землю, планету своего времени, на которой осталась моя душа. Он странно глянул на меня, быстро, так смотрят на человека, подавшего неожиданную идею.

Вскоре, сославшись на дела, он оставил меня в отведенной мне каюте.

— Обживайтесь.

А что здесь можно было обживать, в пластиковых серых стенах?

Радость мою постепенно вытесняла разрастающаяся грусть. Я уже предчувствовал, что отчаяние лишь отодвинулось на время с прилетом этих странных землян.

Где-нибудь на дорогах юга, встретив машину с ленинградским номером, сигналишь, бывало, как оглашенный, и тот старается тоже. А тут... Они были не мои, чужие, я уже знал это, и только то, что я связывал с ними в своем воображении, еще удерживало меня рядом с ними. И потом: как бы там ни изменилась Земля и ее люди, это все же была моя родная планета, и я хотел вернуться туда. У меня не было никаких сомнений: самая плохонькая Земля лучше самого хорошего, но чужого мира. Я найду песчаный уголок, поросший соснами, с проплешинами теплого белого мха, как у Медного озера за Черной речкой, и даже этого с меня хватит. Я трогал эластичный пластик на диване, нюхал искусственную кожу, которой был обтянут стол.

Первый пришел с Третьим, темнокожим, как тот представился — специалистом по живой природе. Принесли «дипломат-кейс», в котором с тщательной продуманностью вещи на экспорт помещались две бутылки, герметичные баночки с закусками, толстенные стопки, все упаковано, словно влитое, все гладить хочется, а не использовать.

Ну вот, наконец-то! В этом визите с «кейсом» было уже что-то земное.

Выпили. Я с радостью узнал коньяк, ел красную икру. Переживания последних недель, видимо, сильно меня ослабили. Быстро захмелевший, я все допытывался, на кой им черт эти дальние миры.

— Изучаем,— улыбался Третий.

— Зачем?

— Чтобы знать,— печатал Первый.

— А зачем их знать, провались они пропадом!..

— Знание — сила. Все данные вносятся в земную ЭВМ.— Первый был совершенно лишен чувства юмора.

— Короче говоря, вы ищете работу для вами же придуманных машин,— усмехался я.— А зачем? Что, стали люди наконец больше ценить жизнь? Чаше встречать восходы, нюхать цветы, реже стали убивать друг друга? Ну, скажите мне! — Они злили меня своей неколебимой целенаправленностью, объяснимостью каждого своего намерения.— Если это так, то где ваши засушенные цветы, где фотографии близких, где хоть один привинченный пенек вместо кучи этих безродных кресел? Дорогие мои земляне...

Они переглянулись, и после небольшой паузы Первый произнес такое, от чего я сразу протрезвел:

— Люди давно уничтожили себя. На Земле остались машины и строения. Живет лишь человеческий разум в самоусовершенствующихся программах.

Строения и машины на пыльном шаре... Тоже... Доброжелательный разум роботов без человеческих недостатков и человеческой плоти. Ум без сердца. Лучше бы не было ничего.

Я предчувствовал возврат отчаяния, и вот оно снова во мне.

— Не хочу!..— Я закрыл глаза.— Что вам нужно от меня, роботы?

Их электронное нутро вычислило меня для каких-то нужд, иначе не появился бы «кейс», машинам это ни к чему. В практической их не сравнить даже с глупыми человечками.

Я оказался прав: они хотели использовать меня для изучения прошлого этой цивилизации. Господи, зачем им это прошлое! Естественно: чтобы узнать, зафиксировать, заложить в ЭВМ. Мартышкин труд на высшем техническом уровне. Они могли на своей машине блуждать во Вселенной и возвращаться на свою Землю, в исходное положение, но не способны были в конкретном месте перемещаться во времени. Они не могли этого ни на Земле, ни здесь, потому что время — в самом живом существе, в каждой его клетке, в его белке. Только живое может произвольно двигаться во времени, оставаясь в том же пространстве. Конечно! Как это проморгали фантасты?

Я вертел в руках чудо-капсулу и молчал. Приладить ее на лоб, защелкнуть застежку на затылке и отправить себя в прошлое этой планеты? Когда здесь все были Высокими, готовыми загрызть друг друга? На кой мне это ляд? Посмотреть на их жестокий эксперимент? Не желаю! Хватит с меня и результата... Что мне в прошлом этого чужого мира?!

Я положил капсулу на стол и сказал:

— Надо подумать.

— Думайте, но на борту биокапсулой не пользуйтесь.

— Это почему? — Не хватало еще, чтобы мною командовали роботы!

Третий пытался, кажется, что-то сказать, но не успел, Первый объяснил:

— Есть принцип: все машины сориентированы на биокапсулу времени.

— То есть?..

— Принцип первой подчиненности. Могут произойти поломки, вплоть до полной аннигиляции машины.

Я махнул рукой. Во всей этой белиберде мне все равно не разобраться.

— Ладно. Оставьте «кейс».

Они ушли. Коньяк и икра были искусственными, но выглядели и пахли как настоящие. Теперь мне и этого было довольно. Я выпил и вспомнил просьбу ответственного по контактам. Все же они невезучая цивилизация. Столько высоких в гостях и никакого проку! А коньяк не отличим от настоящего армянского КВВК, научились, чертovy машины! Этот самый армянский пил я не часто, но любил, а потому помнил. А может быть, за этой дубовой прозрачной коричневой — все же истинная, напоенная солнцем гроздь? Нет, невозможно. Они ясно сказали: только машины... Нейтронный пепел от всего живого. Нет, нет, я и смотреть не хочу на такую Землю. Однако с этими машинами, с их играми во времени-пространстве нужно разобраться. Это мой последний, единственный шанс. На Землю в их исходное положение я могу вернуться. Не хочу, но могу. Так. А с биокапсулой я могу блуждать по всем земным эпохам. Что же получается?.. Бог мой! Только бы не рехнуться в последний момент!

Я вскочил, оглушенный этой простейшей двухходовкой, спасительской и абсолютно реальной. Несколько стопок коньяка, только похожего на армянский, вернули моему мышлению утраченную было исследовательскую направленность. Я взял себя в руки. Не может быть ничего хуже, чем, увидев выход из безвыходного положения, возрадоваться. Время радости — в конце пути. Предстояло многое обдумать. Во-первых, не заберут ли у меня биокапсулу до возвращения на Землю? Эти самоусовершенствующиеся системы обязательно рассчитают мои ходы, а значит — заберут. Все. Я им нужен, как инструмент более широкого познания новых планет, хотя им совершенно ни к чему не только планеты, но и само познание. Однако эти электронные мартышки будут исследовать все что попало, пока земной шарик и они сами не развалятся на кусочки. И меня они не отпустят. Не случайно так глянул на меня Первый, и не развлекать меня они приперлись с «кейсом». Надеюсь, они не позволят в отношении меня болезненного насилия, на которое вполне способны Высокие, но не отпустят, скорее всего оставят с человечками, если откажусь сотрудничать. Следовательно, у меня практически нет выбора и очень ограничено время для принятия решения.

«Ма-ма, я хочу домо-ой!...»

Одна бутылка лжеконьяка была пуста, и я с удовольствием запустил ее в угол каюты, где она с грохотом рассыпалась в пыль. Стало легче.

Первый говорил что-то о подчиненности, предупреждал использование капсулы на борту корабля. Что это означает? Он сказал: все здесь сориентировано на капсулу времени. Да, именно так, на биокапсулу. Понятно: капсула на человеке, а все эти механизмы, в том числе и роботы — только машины. Подчиненные человеку железки, призванные облегчить ему жизнь. И все.

Мать честная!..

Стоп. Радоваться все равно рано, но сделан важный шаг, и по этому поводу не грех выпить. Это хорошо действует на мои мыслительные возможности.

Я ни хрена не знаю о взаимозависимости между капсулой и машинами, мне неведомы правила игры. Так. Но я никогда их и не узнаю, так как любой мой вопрос и ответ на него роботов будет тут же рассчитан ими на много моих возможных ходов вперед. Значит, чем меньше вопросов, тем больше надежды. То есть сегодня у меня больше шансов на успех, чем будет завтра.

Еще шаг. Я налил в стопку и выпил. Закусывать уже не хотелось, а ведь на вкус — настоящая кетовая! Похоже, подошел к оптимуму. Исчезновение у меня аппетита — верный признак опьянения.

«Ты стоишь на том берегу-у!..»

Ладно, петь подождет. Что произойдет, если я просто скамандую: «Все мои, за мной на Землю тысяча девятьсот...» Как тысяча девятьсот? А куда? Только так! Прочь мысли о единственном шансе! Прямым ходом — домой. Все равно ничего изменить я не смогу, а страх — плохой помощник в рискованном деле. Вперед! В смысле — назад. И не в лес, из которого меня выдернул болван Ло, а на берег Финского залива, в тот один из последних майских дней, к началу наших отношений с милой женщиной из Публичной библиотеки. Переживем еще раз, и начнем по-новому — чисто, честно и взахлеб! Гулять, так гулять!

Если даже вся эта никчемная цивилизация взорвется вместе с вашим никчемным кораблем, я готов рисковать. Мы люди, все такие, хоть раз в жизни.

Есть еще что-то удерживающее, но я не могу осмыслить его, и это хорошо. Ну-ка, где стопарь?.. Э-эх, хорошо! Вот теперь ничего не держит. Мил-друг-капсула, полезай на лоб. Эй, кто-нибудь, застегните там проклятую пряжку этого рефлектора!

Я висел, словно тряпка, на спинке переднего сиденья своего автомобиля. Неудобно и больно животу. Ага, полез на заднее сиденье за одеяльцем, которым обычно пользовались на пляже

как подстилкой. Чего завис?.. Я ухватил одеяло. Задняя дверца вплотную к дереву, потому и полез через переднюю.

Тепло, тихо. По грейдерованным дорогам к заливу не выехать — стоят везде бетонные столбики, аккуратные, почти учтивые: ничего, кому очень надо, и пешочком доберется до невско-балтийской малосольной водицы. Я поехал по негрейдерованной, дикой, но тоже метров двести не доехал из-за весенних луж. Увязнешь — накукуешься. Таких энтузиастов, как я, еще мало. Придется идти за помощью на автостраду, километра полтора, и помощника сюда не скоро найдешь. Вот и влез задом в лес, разворачиваясь. А прибрежный песок, где повыше, уже по-летнему сух. На солнце даже жарко. Загорать в затишках можно. Славный, совсем южный выдался в этом году май. В нескончаемых, тянущихся вдоль Финского залива просыхающих сосновых и нежно-зеленых смешанных лесах свистят, щелкают соловьи, дразнятся дрозды. Иду с одеяльцем, обходя лужи в колеях и под кустами. И куда иду, знаю, и что влезу скоро в прикрытую бурой прошлогодней листвой топь, скорачивая путь, знаю. Точно... Выбрался, вытер о куст испачканные туфли и застыл. Все это было. Словно сдвинутая иголка патефона, я снова проигрываю недавно звучавшее. Недавно?!

Когда я в п е р в ы е шел этой тропкой и влез в грязь, мысли мои имели совсем иную окраску. То есть меня влекло к этой женщине, но я не испытывал к ней тех чувств, которые позже загнали нас в тупик и привели к очень болезненному, трудно осуждаемому решению расстаться.

Теперь я обладал всем опытом наших непростых отношений, и не только этим!

Я провел ладонью по лицу и обнаружил на лбу биокапсулу. Да, я вспомнил, я знал уже о ней, но не торопился осознать. Почему? Бояться-то мне вроде бы нечего... Все. Расстегнул пряжку на затылке, снял. Почему все же не торопился? Ну, почему мы страшимся порой встреч с родными местами, с любимыми после долгой разлуки? А ведь с того момента, как я впервые влез в грязь на этой лесной дороге, прошло несчетное количество времени!

Я стоял у кромки весеннего леса меж синевой залива и голубизной неба и дрожал от счастья, что я здесь, что вижу, обоняю, осязаю, слышу снова этот мир, и еще от того, что предстоит мне здесь.

Моя милая, которая т о г д а еще не была моей милой, а т е п е р ь — была, сидела на поваленном стволе дерева, отполированном временем, балтийскими ветрами, ладонями и другими частями человеческих тел, покачивала ногой, шурилась на блестящую под солнцем воду, едва шевелящую у береговой кромки сухие ветви и щепки — следы прошедших штормов. Светлая шелковая блузка обтекала ее плечи, грудь, яркая шерстяная кофточка лежала на коленях, а поверх — белые полные руки. Я

не мог жить больше ни минуты без нее! Уронив одеяльце на землю у ее ног, обнял и припал к ее губам, вдыхая знакомый запах духов.

Я снова был на милой Земле!..

Потом произошло невероятное. Милая оттолкнула меня и посадила такую пощечину, что я, пытаясь сохранить равновесие и отступая, споткнулся обо что-то и плюхнулся в песок. А она стремительно уходила от меня по берегу, свернула на лесную дорогу и скрылась.

Кретин! Это же наш первый выезд! Она не знает ведь того, что знаю я,— как близки, необходимы станем мы друг другу! Она ничего еще не знает о нашей будущей любви. Т о г д а мы провели чудесный день, говорили о разном, бродили по берегу и лесу, случайно и волнующе касаясь друг друга, слушали птиц. Поцеловал я ее перед самым отъездом, в машине и пощечины не схлопотал.

Я вскочил и бросился за нею, но ее и след простыл. К авто-страде она пошла, конечно, по дороге, не по лесу же, это было бы совсем глупо. Я ехал быстрее, чем позволяла дорога, и машину кидало по ухабам, в ямах, болезненно охали амортизаторы.

За первым же поворотом я увидел ее. Догнал, выскочил из машины и стал нестройно, страстно говорить: здесь были извинения, заверения в любви, в истинном высоком чувстве, не лишенном, конечно, плотского, но мы ведь существа из плоти, такие быстроувядающие, мы должны дорожить своими чувствами, это самое прекрасное, чем природа нас одарила. Нам надо быть вместе всегда. Навсегда вместе!

— Не говорите ерунды, Борис! Если хотите сделать доброе дело, отвезите меня в город. Молча.— Лицо ее пылало.

Конечно, сначала нужно рассказать ей о дурацком эксперименте Ло и последовавших затем невероятных событиях. Однако возможно ли вообще рассказать об этом?!

Я хотел отвезти ее домой, но она настояла, чтобы высадил у метро. Это похоже на конец. Конец в самом начале...

Она молча кивнула мне и побежала к туннелю перехода. Толпа на Кировском, уплотненная недавними кинозрителями, валившими из дверей ДК «Ленсовета», мгновенно поглотила мою милую. Унесла. Во второй раз заняло мое прежде здоровое сердце.

Нет, нет, надо все спокойно взвесить, обдумать. Не торопиться. Потом позвонить. Только продумать как следует свое поведение в новой ситуации. У нас ведь Любовь! Это — великое. чего тут мельтешить, жаться или сновать, как мышь у стены в поисках щелки! Все верно. Вот только мои пацаны... Ну что же сделаешь? Я их люблю, и буду любить, и встречаться, и помогать им буду, но у них ведь впереди своя жизнь, и даже неизвестно, какое место в ней отведено мне. У них впереди свои большие чувства, сложности. Они должны понять, что одна из главных

задач духовного существа — развить и реализовать большое чувство, не дать ему заглухнуть, затереться на Земле. Иначе — распад, разложение. Всеобщее... Мои дети, которым сейчас будет трудно, потом поймут меня и скажут спасибо. Возможно, даже я не смогу этого услышать, но скажут...

Так сумбурно я думал, медленно катя домой. Чем ближе я подъезжал, тем беспокойней мне становилось перед разговором с женой.

Я жалел ее, но даже в память о том, что было между нами хорошего, не хотел больше врать. Я понял, что не смогу мельтешишь, приспособляться, изворачиваться, не смогу жить по-прежнему.

Я собрал чемодан. Темнело. Детей до пионерского лагеря забирала за город мои старики. Они выезжали в свое садоводство рано, сразу после Майских праздников. Хорошо, что мальчишек не было дома. При них я, может быть, не решился бы вот так...

— И куда ты теперь? — спросила жена.

— К своим. — Ключи у меня были. — Прости, если сможешь.

Я спускался по лестнице сам не свой. Жалость к жене, наше с нею прошлое, мысли о мальчиках... Душа моя содрогалась ознобно, противно замирала, но я не мог бы сказать, что сомневаюсь в правильности сделанного шага. Не было и сожаления о квартире, в которую, как муравьи, годами ташили желанное — ковер, бра, приглянувшееся кресло... Все верно, нельзя жить по-прежнему! — билось внутри настойчиво и неопределенно. Но я не знал, как мне жить по-новому. Меня охватило беспокойство неизвестности, неуверенность и тревога.

Я остановил машину у тротуара и растерянно смотрел на вечернюю толпу, на торопливо шагавших, погруженных в свои мысли людей, спешивших домой из своих цехов, кабинетов, на стайки беззаботных молодых людей.

Беззаботных? Слово пришло словно из какого-то забытого прошлого. Почему прошлого? Разве, *повторяя*, я не так же беззаботно занялся, во-первых, личными делами? Что за странный зигзаг сознания? Чем же я *должен* был заняться во-первых? Не это ли главное — большие чувства?.. Оживавшие видения приключившегося со мной поднимали жуткий леденящий страх, который требовал разрешения, немедленного ответа, действия! Но — какого?!

Я был раздавлен этими вопросами и страхом.

За несколько последних часов я словно прожил две разные жизни, переступил два порога.

Первые часы после в о з р а щ е н и я представились мне теперь радостным умопомрачением, опьянением земной жизнью, которое не может быть постоянным и вечным. Оно проходит... Теперь набирала силу мысль: зная то, что знаю, как я должен жить, что предпринять? Эта мысль вытесняла все прочие. Почему я пытаюсь — пусть и по-новому — продолжать прежнюю

жизнь? Неужели я считал это возможным? Ах, опьянение!..

Я вдруг осознал (не умом, а всем своим существом, которое так же, наверное, ощущает смерть), что на смену опьянению жизнью неизбежно приходит похмелье. Расплата. Раскаяние. Муки совести. Чувство непоправимой, трагической вины. Но что теперь делать?!

Уже на следующий день в лаборатории прознали о моем уходе из семьи, и неприсущую мне хмурость и замкнутость полнотью приписали этому событию.

Вечером я бродил по городу, потом сидел в пустой квартире моих стариков и читал газеты. Кипы, ворохи газет. Словно старался отвлечься или искал в них ответы на свои безнадежно глухие вопросы.

«Волна терроризма». «Поставить преграды политике с позиции силы». «Обуздать гонку вооружений!». «Предвыборные маневры». «Тревоги директора школы». «Когда совесть молчит — бесхозяйственность кричит». «Куда мы идем?..»

Я пил горячий чай, а на ночь принял снотворное. Меня коржило от желания, необходимости, невозможности хоть что-то предпринять. Немедленно!

На третий день я собрался позвонить своей милой, с удивлением отметив, что накануне даже не подумал об этом.

Телефон у нас в коридоре у лаборантской. Пока шел к нему, почему-то решил позвонить жене. Ее поликлиника рядом с домом, в обед обычно забегает...

— Ты?! Здравствуй,— полувопросительно, но мне показалось — обрадовалась.

— Вот решил...— говорю.— Собственно, просто так.

— Ты все решил окончательно?

— Послушай, ты должна согласиться со мной,— говорю без особой уверенности.— Мне очень хотелось бы, чтобы мы остались друзьями.

Тишина, лишь неясный едва уловимый шум в трубке. Потом — короткие гудки.

Я никуда больше не звоню. Возможно, вспомнив раскрасневшееся возмущенное лицо, или пощечину, или представив себе, как сидит у телефона, уронив на колени руки, жена, мать моих пацанов.

На Невском медленно текущая густая толпа. Милые мои люди, бесценный мир! Конечно, здесь можно осилить любую душевную тяжесть. Среди тысяч землян. На планете, где просто дыхание, созерцание — уже радость! Любое чувство здесь, важное само по себе, в конечном счете — частность. Ведь существуют, существовали, будут существовать (я запутался в проклятом вечном Времени!) Человечки, Высокие, пронумеро-

ванные! Одно воспоминание должно делать меня сейчас счастливым. Нет, я не чувствую себя счастливым. Проклятая порода! Давно ли мечтал о белом теплом мхе на сосновом взгорке — и того довольно! И вот, пожалуйста, даже полного возврата прежней жизни недостаточно. Может быть, я неверно выбрал точку нового отсчета — не туда вернулся? Так ведь и с этим просто: вот она, биокапсула, в кармане. Решился — и я там, в лесу у раздвоившейся сосны. Приду туда сейчас, первым, остальные — значительно позже. Там ведь все еще по-прежнему, как было тогда. Если я останусь здесь, будет развиваться нынешняя ситуация. Покатится. Что станет к тому дню, неизвестно, но совсем не так, как было в момент свершения дурацкого эксперимента Ло... Хотя бы в личные дела внести ясность, обеспечить тылы. Есть ведь передовая, есть тылы...

Я, прежний, непременно воспользовался бы капсулой! Вот так прямо и подумал: чтоб с помощью чертовщины, да еще бесплатно — непременно! Но, боже мой, что это изменит в наших душах?! Ведь тогда мы дружно и твердо решили уже ничего не ломать и не строить заново. Мы обыденно предали большое чувство. Может быть, самое большое на Земле, и это предательство у нас теперь в крови. Да что там теперь... Предательство передано нам по наследству со страхом и приспособленчеством. Я, сделав гигантский зигзаг во Времени, переменялся, но она-то!..

Вдруг я с ужасом понял, что нельзя жить одновременно в разных временах.

Настоящее, все сегодняшние усилия, поступки — живой расплавленный еще металл, из которого отливается будущее. Слишком красиво, пожалуй, для истины, но все же точно: металл! Ни ногтями, ни зубами, ни телом, ни духом потом не прошибешь, не влезешь, не внедришься!

Меня не принимало настоящее, мне отвратительно было будущее с его Человечками и пронумерованными. Я видел два одинаково тупиковых пути. Существует ли третий? Как найти его? Как, где искать?! Не для себя. Я несчастнейший из людей, обреченный знанием, но мои любимые пацаны, мои внуки! Дорогое мне заблудшее человечество...

Я сидел на скамейке в пустынном сквере и смотрел на крест Вознесенской церкви, что одиноко плыл в белой ночи, в прозрачном загадочном небе, и слезы катились по моему лицу. Я знал — этот крест плывет в Кижи, в прекрасный заповедник единства, что рождается рукотворной красотой и природой.

Я плыл вместе с ним к свободе.

Ну вот, теперь вы знаете, почему я взялся за перо.

А тогда от Вознесенской церкви я поехал домой. И попросил жену ради наших пацанов простить меня и забыть об этих

трех днях. Тут уж судите как сможете, но я точно знаю, что дальше всего был от желания склеивать черепки. Мне было тяжело и тошно, и только вера в необходимость исполнить свой долг скрашивала мою жизнь.

Такая история.

Возможно, вы скажете сквозь усмешку, что все это ерунда, выдумка. Что зеркало-рефлектор, увеличив и приблизив ко мне всю отвратительную пористость моего вроде бы симпатичного загорелого лица, вдруг пробудило необузданную мою фантазию и заставило от нечего делать нагородить все это. И будете очень не правы: уверяю вас, далеко не все!

Александр ТРОФИМОВ

И АЗ ВОЗДАМ

Ощущение жизни возникло ниоткуда. Вынесенный из черного плотного слоя воды Неизвестный сначала почувствовал свет, а потом увидел его. Лучи преломлялись, превращались в паутинки, ниточки, и он ощущал их вокруг себя, они тянули его наверх, к сердцевине света. У него самого уже не было сил выбраться, но пути света поднимали его все выше и выше, и Неизвестный почувствовал свое осторожное дыхание. Оно будто прислушивалось к себе — действительно ли он существует? Тело с трудом привыкало к миру воды и света.

Кто-то лепил его осторожной рукой из мертвых кусков, щедро даря свет каждой умершей, но еще способной возродиться клеточке. Щупальца невидимой мысли проходили сквозь него. В его недрах шло объединение, воскрешение, возрождение, воспамятствование. Неизвестный почувствовал сердце как родник жизни в себе. И чем больше света было наверху, тем сильнее становились удары сердца.

И душа тоже очнулась в нем, на неведомых просторах многоклеточных полей, и некое подобие мысли забрезжило в непроглядной ночи сознания: кто я? где я? Нарождались вопросы, и каждое биение сердца усиливало их. В самые уголки сознания безжалостно проникали эти вопросы.

В глаза хлынул свет.

Беспамятство гудело вокруг. Еще недавно жизнь выбросила его за скобки, а теперь он был возвращен в устье бытия, но где оно было? Чувства требовали ответа, запахов, звуков, чтобы вернуться к предшествующим дням. Или векам? Хотелось реальности предшествующей жизни — успокаивающей колыбели между прошлым и будущим.

Неизвестный медленно оглядывал окружающее пространство, не в силах постичь свое место в нем. Первое, что он услы-

шал,— шум моря. К шуму в висках примешивался шум волн, и они пульсировали в едином ритме. Это связывало его с обретенным миром.

Ему вдруг показалось, что море молило вернуться, пока не поздно, в его материнские объятия и волна заботливо касалась, зовя обратно в черную неодушевленную тишину. Но там ли была его родина, там ли? Волна особенно не торопила, как бы давая шанс оценить всю никчемность света, каменных утесов — молчаливую усмешку природы над суетой, движением. И скалы угрюмостью своей как бы подталкивали его обратно, в бесконечность тьмы — источник всего и конец всего.

Берег... Незнакомый инстинктивно отполз от волны, словно бы она могла своими оскаленными зубами утащить его обратно. Это маленькое движение отняло силы сердца. И он вернулся в царство света, и его опять встретила тишина.

Из тишины небытия он попал в тишину реальности, но она уже не казалась враждебной. Она как бы приняла его в себя, он стал частью этой тишины, частью ее высокого молчания.

Человек осторожно поднялся, опираясь на левую руку, огляделся. С его теперешней высоты был виден все тот же мир, только теперь он вырос на глазах. В нем предстояло жить. Он оперся и на вторую руку и попытался встать. Это удалось Незнакомому с большим трудом, но он догадался, что когда-то умел это делать, это влило уверенность и поселило подобие радостного воспоминания в слабых мышцах. Оттолкнувшись от этой радости, словно усиливая ее, Незнакомый пополз вперед, не представляя, куда он движется. Он понимал только, что под лучезарной поверхностью моря — беспощадная тьма, которой не терпится вернуть его обратно.

Проснулись чувства — самое первое: радость жизни, а за ним, не отступая ни на миг, — знание боли. Боль была ощущением тела. Всеми проснувшимися клетками Незнакомый улавливал желание беспощадной воды вернуть его. Клетки съеживались от страха и как по команде стремились подальше от зовущей глади воды. Словно дав ему жизнь, море раздумало теперь, что поступило безрассудно, и стремилось вернуть упущенное.

Он полз и полз от моря и вдруг почувствовал себя в полной безопасности. Страх, напряжение — исчезли. Незнакомый был в тени — скала закрывала его от могущества солнца, и глаза, привыкшие к тысячам солнечных лучей, могли отдохнуть. Отдыхая, он прикрыл веки.

Незнакомец был на полпути между явью и сном, когда почувствовал прикосновение к спине чего-то липкого. В страхе он перевернулся. Полупрозрачные щупальца тянулись к нему — то ли из яви, то ли из сна. Они извивались: он разглядел морщинистые присоски с нежными ворсинками. Со дна души поднялось чувство отвращения. Резким движением он отбросил

щупальце, и тут же второе, как бы мстя за первое, попыталось заключить его в объятия. Он изогнулся, и тут же попал в другие объятия. В мгновение ока он поднялся, увернулся, отскочил и освобожденно вздохнул, почувствовал, что сюда щупальца не доберутся. И тут же увидел, как они тянутся к другому. Неизвестный скорее почувствовал его крик, чем услышал.

Ужас был написан на лице случайного человека, обнимаемого расторопными щупальцами. Они сжимали хрупкое тело все сильнее и сильнее, и Неизвестный пережил чужую боль как свою. Он увидел, что тому, другому, стало легче, когда он взял его боль. Но щупальца были безжалостны, и гримаса предсмертных судорог пробежала по лицу существа, которое он видел впервые. Неизвестный прыгнул вперед, вцепился в то щупальце, что тянулось к шее... Спину его обожгло снова, но он почувствовал, что он и за свою жизнь не отдаст на растерзание впервые встреченного человека...

И снова он засыпал, и снова проснулся от ощущения чего-то постороннего. Жало впилося в его ногу. Он закричал, и крик потонул в темноте. Посмотрел на ногу — цела и невредима, никакой змеи не было и в помине. Взгляд немного отстранился, и в метре от себя, переведя дух, Незнакомец увидел чужую ногу, ее жалила змея. И вновь он провалился в небытие... Что-то опять надвигалось на него, черное, всесильное, невидимое.

Кошмар продолжался, лишал сил. И во сне не отпускало чувство усталости, сон был необходим, но не нес облегчения, а таил новые испытания.

Он не имел места ни среди скал, ни среди лучей, ни среди деревьев: те знали друг друга по имени, осознавали себя именно особенным, конкретным, отличным от других лучом, деревом, скалой. А кем был он?

Горечь боли сменила радость открывателя мира.

Он увидел перед собою дерево. Широкие ветви звали к себе. Неизвестный увидел плоды, почувствовал голод и понял, что плодами можно утолить его.

Но сил подняться и достать яблоко не было. Он взглянул под дерево. Несколько плодов ждали прикосновения его руки. Он поднял их, рассмотрел. Ранние морщинки виднелись на боках. Неизвестный с удовольствием хрупнул. Свежий кисловатый сок ожег гортань... Он скривился, вынул яблоко изо рта. Потрявоженная гусеница показала головку из мякоти. Неизвестный осторожно достал ее пальцами и положил на ствол яблони. Гусеница заскользила вверх по стволу. Он с улыбкой рассматривал её, и каждое струящееся движение доставляло ему радость.

Теперь он ел подобранные яблоки осторожно, чтобы не причинить боль спрятанным в них существам.

Нечто неведомое подкралось к нему; это мохнатый сон навалился на него, и он уснул.

Неизвестный пробудился с криком — ему приснилось море. Свет исчез. Может быть, море снова вернуло его к себе, пока он спал, молния мелькнула в нем, и он в страхе вскочил. Нет, моря не было вокруг. Над ним колыхались звезды, и казалось, звали его вырваться из объятий бесконечной тьмы. Он протянул к ним руки, словно хотел уцепиться за ветки-лучи, и вспомнил, что самым первым ощущением в жизни была необходимость плыть вверх. Бессильный перед чуждым, странным миром, в котором появился, он вновь попытался оттолкнуться от земли.

Нет, из этого мира нет выхода. Он зубами хотел впиться в эти плотоядные звезды-насмешки. Так хотелось вверх! Глаза чуть привыкли к ночи, и он рассмотрел яблоню. Нашупал под ней два яблока и вспомнил, что в яблоках живут гибкие красивые существа и он может навредить им во тьме. Он переборол чувство голода и положил яблоки рядом с собой на землю... Нет, он не смог бы принести никому вреда. Никому.

— Алло? 4827-й?

— Да.

— Начало прошло удачно?

— Мы не ожидали такого прекрасного результата.

— Приборы в нужном режиме?..

— Да, — ответил почти радостно голос.

— Объект имеет чистое сознание? Ручаетесь?

— Ручаюсь не я — приборы!

— Сплюньте три раза и не кричите так. Дело только началось, — на другом конце канала связи послышались официальные нотки.

— Кто бы думал, что еще в двадцатом веке... И никто не узнает... простите меня за эмоции!

— Это дело всей жизни... Готовы к продолжению эксперимента?

— Да!

— Начинаем!

— Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, ноль.

Неизвестный почувствовал, как теплая, умная волна проснулась где-то рядом, ласково подошла к нему, обняла тысячами невидимых рук, и зазвенело в ушах. Человек ощутил каждую клеточку возрождающегося организма, словно в него впервые вдунули жизнь. Желание света усилилось в нем, он услышал свое ровное, громкое дыхание, понял, как прекрасно оно —

дыхание, как это чудесно — жить, как прекрасны небо, и скалы, и трава, и яблоня.

Новая невидимая и неслышимая волна нахлынула, и обняла, и осмотрела ласково, и очистила, и вдохнула, и влюбила в жизнь — и ушла...

Непередаваемое счастье влилось в него, и человек потерял сознание.

...Он очнулся. Снова тихо вокруг, точно в предшествующее рождение. Желтый цветок склонился над его глазом. Он рос на отлогой стороне канавки. Щуплый на вид стебель крепко держал головку. Человек нашел в себе силы поднять руку и погладить его.

Только он пошевелился — острый привкус боли напомнил о себе. Небо погасло и снова ожило, как только он вернулся в первоначальное положение, когда боль как звереныш свернулась клубком — и стихла. Он лежал с замеревшим сердцем, стараясь не шевелиться, чтобы не разбудить ее вновь.

Поднял голову. Широкая крона яблони загораживала солнце. Лучи с трудом пробирались сквозь густую сеть листьев. Он с наслаждением смотрел на них. Несмотря на боль, вид листьев приносил радость. Долго наблюдал за одним из листьев. Этот лист был самым желтым, и ярко-желтый цвет останавливал на себе внимание. Неожиданно желтый листок отделился от материнской ветки и медленно поплыл к канаве. Он плыл и летел как живой, в его полете не было тоски. Он летел, точно раздумывая, где приземлиться. Листок опустился на грудь незнакомца — словно поцеловал его. И тот внимательно рассмотрел лист. Верилось, что он может улететь обратно, и Незнакомый не хотел мешать ему. Он чутко следил за ним, с наслаждением разглядывал прожилки. Они — и лист, и он — словно смотрели друг на друга, привыкали друг к другу. Из стенки канавы торчал камень. Незнакомцу казалось, что и камень внимательно смотрит ему в глаза и они родные. И он сам испытывал родство и с камнем, и с листком, и с ветром, и с небом. Куда ни стремился его взгляд — везде он улавливал понимание и сочувствие, если боль вдруг возвращалась к нему. Даже казалось, что они все вместе дарили ему сон.

Неясные голоса слышались невдалеке. Потом все стихло, и яркий огонь пронзил ночь. Нагому человеку показалось, что все огромное тело ночи, тоже нагое, вздрогнуло. Человек выполз из канавы, своего временного обиталища, вслушался.

Два голоса звучали на дороге. Но вот вдали послышался таинственный звон. Два человека, обменявшись репликами, побежали.

«Погоня»,— пришло незнакомое донные слово, и он еще глубже врос в землю — стал травинкой, деревом, камнем.

— А, попался!— услышал он возглас и вздрогнул, словно эти слова относились к нему. И пригнулся к земле.

Но любопытство заставило высунуться из укрытия.

Люди в доспехах вели дряхлого старика. Один из легионеров толкнул старика, и тот упал в вечернюю пыль. Звезды вышли из черной неизвестности и встали над головой старика.

Когда смех иссяк, легионер, который был повыше, беззлобно сказал:

— Вставай, пророк.

Жалкий хохолок нелепо топорщился на голове старика.

Тот, кого называли пророком, тихо встал на колени, сделал попытку приподняться и рухнул на дорогу.

— Я не люблю, когда притворяются,— молодой легионер, который пнул старика, поднял его резким движением.

— Где же твой Христос, и почему он тебе не поможет? Может, ты ему не нужен?

И вправду, кому нужна такая развалина.

— Он придет, вы увидите, он придет, и тогда...— Старик не договорил.

— Плохой у львов будет ужин.

— Обыщи-ка его. Не затерялась ли монетка в его лохмотьях.

— У таких ничего нет.

— У таких все может быть.

Молодой легионер нагнулся, обшарил рубище старика:

— Ничего!

— А молодой-то как припустил.

— Далеко не уйдет. А львы могут немного обождать.

— Убейте меня,— взмолился старик.

— Попроси об этом своего Христа.

— Он все видит. Развернется земля под вами. Дайте мне уйти к нему. Отпустите. Убейте меня. Дайте мне уйти к нему.

— Нельзя. Люди ждут.

— Убейте меня, дайте мне уйти к нему,— просил старик без заискивания.

— Что ж, ты хочешь, чтоб только двое удовольствие получили?

В словах легионеров звучала неприкрытая издевка.

Старик молчал. Его участие в разговоре подтверждали жесты. На каждую ухмылку он отвечал молчанием.

Старик потрогал разбитое лицо, проглотил слюну. Он был исполнен достоинства перед глазами смерти. А легионеры вели себя так, словно никогда не умрут.

— Хочешь умереть? Пожалуйста... Народ уже ждет... Нужен хоть один праведник... Готовься, старик!

— Послужи людям,— легионеры говорили с одной и той же

интонацией. Чувствовалось, что они устали и хотели разрядки. Их лица выражали уверенность.

— Отпустите меня!— восклицал старик.

— Старик, ты хочешь умереть раньше времени. Мы не окажем тебе такой услуги... Тебе льва не жалко, а он, бедняжка, уже столько дней без мяса. Молодой-то драпанул, а о льве не подумал.

Они издевались:

— Он знал, что старик попадется.

— Молодытина для льва, конечно, милее, но и этот сойдет на худой конец.

— Мученическая смерть — прекрасно. Не торопись, по-времени, старик.

— Надо послужить народу. Народ всегда требует зрелищ!

— Народ любит кровь, а не твоего будущего Христа, которым ты бредишь!

Старый легионер посмотрел на землю и лениво сплюнул. Он устал за день погони и хотел выпить вина. Молодой подумал о подруге.

Старик рванулся с места, мечтая найти смерть от меча. Молодой легионер бросился за ним.

Нечеловеческий крик рассек лицо ночи.

По-волчьи припадая к земле, голый человек бросился вперед, крик вырвал его из канавы навстречу новой боли. Он выпрямился.

В этот миг звезды точно вспыхнули. Нагой человек увидел расprostертое на земле тело старика. Его сильные руки были раскинуты так широко, что казалось — они обнимали весь холм.

Легионеры пятились. Незнакомец шел прямо на них. Человеческий страх ему был еще неведом. Он лишь постигал мир людей, успев едва прикоснуться к миру природы, к себе самому, он лишь познавал сокровенное.

С сожалением наблюдал он, как стал причиной стремительного бегства двух легионеров. Почему они испугались его? Он еще не знал, что придет день и час, когда такие же вот люди, как эти легионеры, поведут его на холм. И он будет нести по обычаю того времени деревянный крест на своих плечах. И на этом кресте его распнут.

— 4827-й! Прошу вас, не забудьте о том, чтобы дать ему знание о людях, о своей родословной, о своем городе. Это Назарет, вы поняли? Он рожден здесь, в угнетенной земле, чтобы откликнуться на страдание по-своему. Его ждут на этой планете.

— Я все понимаю. Это уже есть в программе.

— Добавьте в программу: он должен знать, что его ждут пророки! Он будет героем удивительной книги. Имя ей: Евангелие.

— Выполнено. И ночной эпизод с пророком передан ему. Он останется для него первым человеком, ожидавшим его пришествия.

— Через час мы ждем вас на корабле. Уточните местное время...

— О, этот час и день никому не известны, ведь он родится позднее — согласно земной версии. Но я запишу этот час во всех блоках электронной памяти. И день тоже.

— Только не забудьте эти самые блоки на чужой для нас планете. Мы оставляем ее обитателям только Христа. И легенду его рождения от земной женщины!

— ...и легенду его рождения от земной женщины, — как эхо откликнулся голос на другом конце канала связи с инопланетным кораблем, который отсюда, с третьей планеты, казался мерцающей звездой.

Элеонора МАНДАЛЯН

И Я СКАЗАЛ СЕБЕ: НЕТ!

*Научно-фантастическая повесть
(с сокращениями)*

ЧАСТЬ I

— Собирайся, Орбел, сегодня ты поедешь со мной.

Юноша недоверчиво посмотрел на отца:

— С чего бы?.. Вот уже несколько лет ты только шепчешься с сотрудниками, что проскальзывают в твой кабинет с детективной таинственностью, запираешься, говоря по телефону, не отвечаешь ни на один вопрос, если речь идет о твоём эксперименте, и вообще игнорируешь нас с матерью, будто мы тебе чужие... И вдруг ни с того ни с сего: собирайся, поедем.

— Значит, так надо, — отозвался отец, бесстрастно выслушав тираду сына. Он завязал галстук тщательнее обычного. — Лучше взгляни, хорош ли узел.

— Узел-то хорош, да сам галстук... — Сын выразительно скривил губы и покачал головой.

— Так подбери что-нибудь более подходящее. Только скорее.

— Мало времени, мало времени, — проворчал Орбел. — Мог бы и заранее предупредить. Сам наряжаешься, а мне за тобой в домашних шлепанцах бежать?

Уже в машине Орбел, не скрывая досады, сказал:

— Может, все-таки объяснишь, куда мы едем?

— В НИК, разумеется. Конференция у нас. Конфиденциальная. Для узкого круга специалистов, наших и зарубежных.

Сравнительно небольшое помещение, в котором, как знал Орбел, должна была располагаться та самая лаборатория отца, выглядело неожиданно празднично. Музыка, мягкий свет, стол с угощениями... и люди. Довольно много людей.

Романа Борисовича Фальковского и Ольгу Пескареву Орбел знал, они были сотрудниками Научно-исследовательского комплекса. Остальных — нет. Его внимание привлекла девушка у плотно занавешенного окна. Длинное, грациозное тело, очень узкие плечи и бедра, скупые движения плавны. Она вся будто струилась, будто под облегающим оранжевым платьем не кости, не мускулы, а какая-то удивительно пластичная упругая масса.

Отца знали по международным конгрессам и симпозиумам, по научным публикациям, и Орбелнисколько не удивился, когда при их появлении все бросились к нему, чтобы пожать руку, выразить свои симпатии и уважение.

— О-о, мистер Карагези! Рад. Чрезвычайно рад засвидетельствовать вам... — широко улыбался странноватого вида пожилой американец с большими, подвижными руками. Он был руководителем обширного лабораторного городка и прославился оригинальными исследованиями в области генетики и микробиологии.

— Дорогой коллега! Видеть вас для меня тоже истинное удовольствие, — радушно, на свободном английском приветствовал гостя отец. — Мистер Кларк, разрешите представить вам моего сына.

Жесткая кисть Орбела хрустнула в медвежьем рукопожатии американца.

— Мистер Эдвард Тернер! Счастлив видеть вас. Что нового в старой Британии?.. Бесподобная фрау Виллер! Слушал вас в Гарварде, это было прелестно — изящно и эффектно... Это мой сын, фрау Виллер. Прошу любить и жаловать... Дон Монорес! Благодарю вас... Господа! Я всем вам выражаю свою глубокую признательность за то, что откликнулись на мою просьбу и нашли время посетить нас... Мое почтение, мистер Калчер!

Закончив обход иностранных гостей, Карагези сердечно жалуки светилам, находя для каждого нужное слово.

Орбел с доброй иронией наблюдал и за девушкой, которая ела бутерброды... «Кто она? Пловчиха? Гимнастка? Акробатка? А может, балерина? — гадал Орбел, пережидая, когда девушка наконец насытится, чтобы не смутить ее. — Спортсменов и балерин держат на строгой диете. Вот она, наверное, и дорвалась».

— Здравствуй, Лилит, — сказал Орбел тем игриво-беспеч-

ным тоном, каким обычно заговаривал с девушками. И на всякий случай поинтересовался: — Ты армянка?

Она вскинула на него быстрый подозрительный взгляд — одна щека ее смешно оттопыривалась. Так и не доживав, девушка глотнула, и лицо ее снова стало симметричным. Большие, ничего не говорящие глаза не отрываясь смотрели на Орбела. Наконец она с усилием, как ему показалось, произнесла:

— Здравствуй... Лилит.

Наверное, это надо понимать так: «Здравствуй, Лилит». Она решила представить ему, не расслышав, что он уже назвал ее по имени. И улыбнувшись ей, Орбел ответил:

— У тебя очень милое имя. А меня зовут Орбел. Давай знакомиться.

Она выслушала его, слегка наклонив голову набок, и с той же интонацией... вернее — без нее, повторила:

— Здравст-вуй-Лилит.

Улыбка соскользнула с его лица.

— Ты была очень голодна сегодня?

Ее губы раскрылись будто бутон, глаза не отрываясь смотрели в его глаза.

«Ах, вот в чем дело! — осенило Орбела. — Девушка иностранка. Она плохо понимает по-русски».

Он заговорил с ней по-английски, по-немецки. Даже по-армянски. Она безмятежно созерцала его. Тогда он, для выразительности тыча пальцем себе в рот, сказал:

— Ам-ам. Кушать. Ты хотела кушать, да?

Она поняла его и, казалось, обрадовалась:

— Лилит кушать хочет.

— Как? Еще?! — не сдержался Орбел. — Понял. Я сейчас. Мигом. Подожди.

Он незаметно подошел к столу — отец, не прерывая беседы, наблюдал за ним, — уложил на тарелочку целую горку разных бутербродов и вернулся к девушке.

— Вот, пожалуйста. Это тебе.

Она посмотрела на еду, потом на него и снова сказала:

— Лилит кушать хочет.

Он растерялся, стоя перед ней с тарелкой в руке.

— Лилит кушать хочет.

Он озадаченно смотрел на нее. Она — на него, сидя на стуле, пока взгляд ее не затуманился. Веки, будто под тяжестью ресниц, медленно закрылись, она уютно поджала под себя ноги, опустила голову на руки и... заснула.

Орбел оскорбился. Впервые девушка уснула от скуки в его присутствии. Он нашел взглядом отца и, поймав его ироническую усмешку, поспешил присоединиться к остальным.

Ученые толковали о тайнах самовоспроизводящейся клет-

ки, о первичных органических молекулах, о ДНК и РНК, о протеиноидных микросферах.

Фисташковые глаза Кларка ни на секунду не отрывались от лица Карагези. Беспокойный взгляд дона Монореса обшаривал углы и стены лаборатории. Ученая беседа явно не интересовала его. Он ждал все нетерпеливее обещанного советского сюрприза. Ту же особую настороженность можно было уловить на лицах всех приглашенных. Орбелу тоже не терпелось поскорее увидеть результат многолетней, одетой в тайну, работы отца.

А Карагези, казалось, намеренно мучил всех, наслаждаясь своей властью над их помыслами.

— Тигран Мовсесович... — не выдержав, взмолился испанец.

— Вы испытываете наше терпение, — подхватил американец.

Остальные тотчас присоединились к ним.

— Хорошо-хорошо, будь по-вашему. Перейдем к непосредственной цели нашей встречи. Могу сказать вам только, что результаты нашего эксперимента значительно превзошли ожидаемые. Здесь, в ничем не примечательной с виду лаборатории, мы открыли новую эру научных достижений. Не боюсь показаться нескромным... Мой эксперимент можно было бы считать законченным, если бы не одно «но»... — Он сделал долгую паузу... глубоко вздохнул. — Это «но» тревожит меня и моих коллег. Вот почему мы так долго не раскрывали тайну. Скажу больше — эта тайна превратилась в непосильную ношу, которую я лично не могу больше нести один. И, заручившись согласием руководства, я пригласил вас, ведущих отраслевых ученых, чтобы держать с вами совет. Может быть, сообща мы сумеем найти выход. — Он обвел присутствующих одновременно и торжественным и скорбным взглядом.

Ученые озадаченно переглянулись: не вздумал ли Карагези подшутить над ними? А тот выдержал эффектную паузу, шагнул в сторону от окружавших его гостей и широким жестом указал в дальний конец помещения:

• — Прошу вас!

Взгляды всех обратились к сладко спящей в уголке девушке. Орбел ничего не понимал.

— В... вы... вы хотите сказать?.. — пробормотал нетерпеливый испанец.

— Да. Именно это я и хочу сказать, — улыбнулся Карагези, наслаждаясь всеобщим замешательством.

Ольга и Роман Борисович заняли позиции готовности между девушкой и присутствующими.

— Не-ет, — замотал тяжелой головой американец. — Это невозможно. Я, посвятивший всю жизнь генетике, заявляю: это на сегодняшний день невозможно.

— Мне удалось овладеть тайной процесса репликации на основе использования рибонуклеиновой кислоты, — заговорил

Тернер, краснея от внутреннего напряжения.— Но дальше пойти не смог. Потому что дальше — тупик.

— Простите, дорогой коллега,— сдерживая возмущение, подступился австралиец Калчер,— но это подлог. Другого не дано. Другого быть не может.

— Потому что не может быть никогда?— усмехнулся Карагези.— Так мы продолжим демонстрацию или отменим ее, мирно прервав наше неначавшееся содружество?

Гости снова переглянулись. Советские ученые с красноречивым безмолвием сгрудились позади Карагези. Кларк беспомощно развел руками, выразив общее состояние недоверия, растерянности и... готовности продолжить необычную конференцию.

— Лилит...— тихо позвал Тигран Мовсесович. Девушка тотчас подняла голову, насторожилась, но продолжала сидеть в той же позе.— Ко мне, Лилит! Живо!— приказал Карагези, хлопнув себя по ноге.

— Отец! Как ты можешь так с девушкой!— возмутился Орбел. Его реплика осталась без внимания.

К неопишуемому изумлению гостей, девушка одним невероятно длинным, невероятно мощным и в то же время грациозным броском, при котором тело ее горизонтально распласталось в воздухе, перелетела через несколько сдвинутых лабораторных столов и оказалась у ног своего повелителя.

— Умница, Лилит. Молодец.— Карагези поощрительно погладил ее по голове.

Гости, и советские и зарубежные, были в шоке. Орбел не составлял исключения.

— Девушка-пантера,— пробормотал Кларк.

— Встать, Лилит! Ап!— Карагези щелкнул пальцами. Девушка неохотно поднялась на ноги. А он извиняющимся тоном пояснил коллегам:— Пока она слушается только команды, произнесенной четко и властно.

— Отец, сколько же ей лет?— Орбел не спускал глаз с совершенного в своем пропорциональном изяществе создания.

— По аналогии с человеческим возрастом примерно семнадцать. Но мы потратили на нее значительно меньше времени — неполных четыре года.

— Невероятно,— не скрывая зависти, пробормотал Монорес.

— Потрясающе,— вторил ему испанец.

— Какое удивительное создание,— прошептала фрау Виллер и, помня оказанное ей доверие, потянулась к девушке:— Дитя...

— Осторожно!— крикнул Карагези. Но опоздал. Аккуратненькие, сахарные зубки Лилит впились в опрометчиво протянутую руку.— Не смей!

Оля и Роман Борисович, стоявшие наизготове, бросились на

Лилит, оттащили ее в сторону. Их агрессивность была излишней — после гневного окрика хозяина Лилит сразу сникла, чувствуя себя виноватой, и отнюдь не собиралась сопротивляться. Фрау Виллер круглыми от испуга глазами разглядывала на своей руке ровный бисерный овал и две проступившие капельки крови.

— Да оставьте вы ее в покое! — прикрикнул на сотрудников раздосадованный Карагези. — Принесите лучше йода. — Ольга бросилась в соседнее помещение, а Карагези оправдывался перед пострадавшей. — Право, мне ужасно неловко. Я обязан был предупредить. Лилит не выносит чужих. Да она, собственно, никого и не видела. Ее можно понять, учитывая...

— Не верю! — вдруг злобно выкрикнула фрау Виллер. — Не верю ни единому вашему слову! Ложь! Подлог! Фальсификация. Ваша девица — взятая напрокат актриса. А кусаться — премудрость небольшая.

— И к тому же — спортсменка, — подсказал австралиец.

— Ни один человек не способен на такой прыжок, — в раздумье покачал головой Кларк. — Без разгона, из сидячего положения.

Карагези жестом призвал собравшихся к тишине:

— Чтобы покончить с сомнениями, я сейчас кое-что продемонстрирую вам... Лилит... Лилит, — позвал он ласково. Девушка подняла на него выжидательно-преданный взгляд. — Покажи животик, Лилит. Ну! Быстренько! Покажи животик.

Девушка, явно обученная этой команде, подхватила полы платья и, грациозно извиваясь, потянула их вверх.

Орбел во все глаза смотрел на ее длинные, сильные ноги, на белые трусики, на гладенький упругий живот.

— Отец! Что ты делаешь? — прошептал он, но возглас Кларка заглушил его:

— Смотрите... Смотрите! У нее нет пупка!!! Она не рождена от женщины...

Ученые волновались, спорили. Карагези стоял с холодным, замкнутым выражением лица. Он ждал от них помощи, но не получил ее.

Возвратившись домой, отец и сын, не меняя одежды и отказавшись от вечернего чая, уединились в кабинете. Отец неторопливо принялся расхаживать по комнате, Орбел, следя за ним, ерзал на стуле. Наконец отец остановился.

— Вполне понимаю твое нетерпение. — И сел подле него в кресло. — Ты, конечно, знаком с профилем моих исследований. Кроме того, ты следишь за периодикой и хорошо осведомлен о поисках учеными разгадки происхождения жизни на Земле, секрета возникновения протоклетки и ее поразительной способности к самовоспроизведению. Сейчас довольно успешно ве-

дуются опыты по созданию искусственным путем органических молекул, входящих в состав живой клетки. Помнишь, кто первым предложил воздействовать на них солнечной радиацией и энергией электрического разряда? Наш соотечественник Александр Опарин. Позднее это было проверено экспериментально американцем Миллером. Он смоделировал земную атмосферу, подогрев смесь воды с метаном и аммиаком, и пропустил через нее электрический разряд — то бишь молнию. Так началась эра проникновения в корень жизни, первые попытки воссоздать живую клетку путем химической эволюции первичных органических молекул... Пошли дальше. Биохимик Фокс разработал в теории и показал на практике, как в протеиноидных микросферах, богатых аминокислотой лизином, происходит каталитическое образование аминокислотных и нуклеиновокислотных цепочек, то есть генетического кодирующего механизма живой клетки.

— Мы можем с тобой сообща вспомнить дальнейшие опыты американца Оргела по воссозданию процесса репликации, селективных сочетаний нуклеотидов и аминокислот... Кэанс-Смита, полагающего, что РНК слишком сложно организована, чтобы стать исходным генетическим материалом. Но...— Орбел начинал нервничать.

— Стоп! Мы подошли к главному.— Карагези откинулся на высокую спинку кресла, сделал внушительную паузу, чтобы сын осознал всю значительность момента.— По мнению весьма кстати упомянутого тобой Кэанса-Смита, РНК эволюционировала от более примитивной, на наш взгляд, самовоспроизводящейся структуры. Ты помнишь, что он имел в виду?

— Конечно. Он имел в виду глину,— вяло отозвался Орбел.

— Совершенно верно,— подхватил Карагези.— Глина! Уникальнейшая среда. Образуется на кристаллической решетке из атомов...

— Кремния, алюминия, кислорода и водорода.

— ...которые имеют обыкновение накапливаться отдельными слоями. Но! С ростом кристаллов в решетке возникают искажения.

— Ну да. Место кремния, например, занимает алюминий.

— Молодец, сын. У тебя хорошая память. А помнишь эксперименты Вейса из Западной Германии? Он обнаружил, что информация искажений копируется последующими слоями решетки. Вот в чем фокус. Вот что заинтересовало меня. Вот чем я занимался большую половину своей жизни в науке. Изучая свойства обыкновенной глины, я сумел доказать экспериментально, что глина выборочно соединяет нуклеотиды, образуя затем устойчивые связи. «Тигран!— сказал я себе.— Слепец! Ты искал протожизнь, а сам ходил по живому. Ты топтал, попирал ногами собственную колыбель, которая дышит, взаимодействует с окружающей средой... Самовоспроизводится!

Живет!» И я окончательно уверовал, что способен вот этими самыми руками, подобно библейскому богу, замесив глину, создать из праха земного Адама и Еву.

Орбел смотрел на отца и не мог разжать зубы — все слова, способные зародиться в нем, вдруг утратили смысл.

— Конечно, я не бог и даже не скульптор. Все это художественные аналогии, не более. Я ученый. «Замесить глину» — лишь эффектная фраза, за которой годы раздумий, поисков, расчетов, опытов. За которой аппаратура, инкубаторы с идеальной средой, термостатами и увлажнителями, искусственной радиацией и электрической насыщенностью водяных паров. Я сутками не разгибал спины, не отходил от микроскопа... Человек тщеславен. Возомнил себя божественной копией. Дарвин низвел наших предков до обезьяны. Я спущусь еще ниже — к праху земному.

— Я не ослышался, отец? Не помутился рассудком? — оборвал его Орбел, вновь обретая дар речи. — Ты создал Лилит из... глины? — В его вопросе прозвучали упрек и разочарование. — Зачем ты это сделал, отец?

Меньше всего Карагези ожидал такого вопроса. Он думал, Орбел вскочит с места, бросится к нему с восторженными похвалами. Ведь он сделал то, что никому в мире сделать не удавалось. Нет, положительно, он ждал от сына другой реакции.

— Легенда о создании человека из глины, из праха земного имеется едва ли не у всех народов мира, — сказал он обиженно. — У античных греков и иудеев, у вавилонян, шумеров, древних китайцев и египтян, среди племен Центральной Индии и аборигенов Австралии, у индейцев Америки и Африки, у жителей островов Тихого океана, в Панопее. Жители островов Палау в Тихом океане уверены, что людей лепили из глины, замешенной на крови животных. Заметь: на крови. Не я первый додумался до этого. За тысячи лет до меня человеческий ум искал и постигал, казалось бы, непостижимое. А может, просто знал? По вавилонской легенде, бог Бел отрезал собственную голову, чтобы другие боги, смешав его кровь с землей, вылепили первых людей. Не удивительно ли?.. По-еврейски «Адам» значит «человек», «адама» — «земля».

— Я смотрю, в оппоненты ты выбрал себе Библию и мифологию, — усмехнулся Орбел. — Но тогда тебе следовало свое творение назвать Евой, а не Лилит.

— Э-э, нет. Ева была создана из ребра Адама, а не из глины. Я хотел воссоздать первую прекрасную дочь Земли. И я ее воссоздал. Она должна пленить мир.

— Прости, отец, ты знаешь мои увлечения мифологией, и я могу кое в чем тебе возразить, напомнив образ диаметрально противоположной той прекрасной соблазнительной девы, которую желали видеть в ней поэты и писатели. О Лилит впервые упоминалось в каббалистической книге «Разиэл», как о Первой

Еве, не так ли? А в книге «Зогар» она становится матерью демонов. И уже отсюда переключивается в европейскую литературу как прекрасная, но дьявольская женщина, умеющая перевоплощаться. Она насильно завладевает мужчинами, чтобы родить от них детей. У иудеев ее считали вредительницей деторождения.

— Замолчи,— отмахнулся отец.— Я такого не помню.

— А вот я помню,— настаивал Орбел.— В одном из преданий она стала женой демона Сатаниила.

— Чего ты хочешь? Зачем портишь мне знаменательный день?— поморщился Карагези.

— День действительно знаменательный,— согласился Орбел.— Лилит прославит и увековечит тебя. Описание твоего беспрецедентного эксперимента войдет в учебники и справочники. Но... насколько я смог заметить, с Лилит не все в порядке...

— Увы,— вздохнул Карагези.

— Кто она? Объясни: юная дикарка, которую ты не успел еще оформить в существо социальное, или... право же, не поворачивается язык... животное в облике человека?

— В этом-то вся загвоздка,— хмуро признался Карагези.— Я и сам до конца не могу понять, кого сотворил. Что с ее мозгом? И что именно тормозит нормальное умственное развитие... или вовсе исключает его: отсутствие наследственности? Дефекты генного кода? Или мозг не поддается ускоренному развитию? Кажется, я сойду с ума, если не решу эту загадку.

А в понедельник они с отцом читали в зарубежных газетах броские заголовки: «Библейская дева во плоти», «Глиняная девушка», «Искусственная леди из СССР». Но наряду с восторженными попадались и другие: «Кто ты, существо из глины?», «Человек или животное?», «Осторожно! Оно кусается...» Отец и сын не обменялись мнениями. Они молча вышли из дома, молча доехали до НИКа, молча шли по аллее, в толпе сотрудников и стажеров, спешащих на свои рабочие места, в толпе людей, для которых труд давно стал чем-то привычным, обыденным, не мешающим иметь другие интересы, увлечения, занятия. Еще вчера Орбел принадлежал к их числу, а теперь вот мысль о девушке, которая никогда не станет такой, как все, не давала ему покоя.

А в лаборатории снова было все казенно и буднично. За одним из столов сидел Роман Борисович и что-то записывал в журнал, будто и не выходил отсюда с самой субботы.

— Утро доброе, Роман Борисович,— приветствовал его Карагези не то утвердительно, не то вопросительно. И, кивнув в сторону закрытой двери, осведомился:— Как там?

— Все по-прежнему, Тигран Мовсесович. С ней Ольга Пескарева.

— Если хочешь, можешь зайти... — сказал Карагези сыну. — А у меня с Роман Борисычем кое-какие дела.

Орбел с опаской отворил дверь во внутреннее помещение, представлявшее нечто среднее между учрежденческим кабинетом и жилой комнатой... Даже не комнатой — благоустроенной клеткой. На ассоциации с клеткой наталкивала собранная гармошкой решетка у постели. Постель была пуста, но на коврике подле нее, свернувшись по-кошачьи, спала обнаженная девушка. Ольга при виде Орбела беспомощно развела руками.

— Ничего не можем с ней поделать. Вечером, как полагается, надеваем на нее ночную пижаму и укладываем в постель. А наутро... вот, находим спящей на полу без ничего.

Девушка приподняла голову и показала два ряда влажно блеснувших зубов. Он решил, что она, признав своего недавнего знакомого, в знак приветствия улыбается ему.

— Сидеть! — крикнула Ольга, бросаясь между ней и Орбелом.

— В чем дело? — не понял тот.

Ольга смутилась.

— Извини, мне показалось, она хочет напасть на тебя.

— И ты решила, что я не справился бы с девчонкой?

— Это не девчонка, это... это черт знает что. — И, вздохнув, добавила: — Отвернись, пожалуйста, мне надо ее одеть.

Орбел отошел к окну, рассеянно глядя сквозь решетку в заснеженный парк. За спиной шла возня, сопровождавшаяся странными, нечеловеческими звуками.

— Спокойно, Лилит, спокойно... Дай ногу... другую... Умница...

— Лилит умница, Лилит молодец, — отозвалась девушка интонацией Ольги. Орбел вздрогнул, снова услышав ее голос.

— Ну вот мы и готовы. Можешь повернуться, — сказала Ольга. — Сейчас завтракать будем.

— Лилит кушать хочет, — произнесла та уже знакомую фразу, и глаза ее вспыхнули нетерпением. В синем строгом платье она походила сейчас на благовоспитанную школьницу.

— А умываться кто будет? — хитро вернула Ольга и объяснила Орбелу: — Умывать ее и тем более купать — чистая мука. Рычит, кусается, рвется из рук.

— Лилит кушать хочет, — упрямо повторила девушка и, недружелюбно покосившись на Ольгу, с ногами забралась на стул.

— Ладно уж, ходи немытая, — проворчала сотрудница. — А вот сидеть так не будешь. — И шлепнула ее по колену.

Лилит метнула на нее исподлобья не то испуганный, не то оборонительный взгляд, но, понимая, что за непослушание ее могут оставить без еды, покорилась и опустила ноги.

Орбел с любопытством наблюдал странную сцену.

— Ест она безобразно, — сказала Ольга, — жадно, почти не

жуя. Но кое-чего нам удалось добиться. Вот, понаблюдай сам.

Ольга поставила две тарелки с маленькими ломтиками тостов — одну перед Лилит, другую — перед собой. А между тарелками положила короткую тонкую указку.

— Делай, как я, — напомнила она Лилит и, взяв двумя пальцами кубик поджаренного хлеба, церемонно отправила себе в рот.

Лилит, проследив за ней, потянулась к ее тарелке...

— Это моя! — строго одернула ее Ольга. — Твоя вот.

Рука Лилит застыла над столом, потом молниеносно сгребла пригоршню тостов и запихнула в рот.

Ольга легонько хлестнула ее указкой по руке. Перестав жевать, девушка затравленно втянула голову в плечи.

— Как ты можешь бить ее! — возмутился Орбел.

— Я ее воспитываю. Иначе невозможно.

— Ты ее дрессируешь, а не воспитываешь.

— Я делаю то, что мне поручено. Претензии предъявляй... своему отцу. Экспериментом, как тебе известно, руководит он.

...Приглашенные ученые собрались в точно назначенное время. Никто больше не выражал сомнений по поводу неподложности Лилит.

Орбел, внимательно прислушиваясь к беседе, думал о том, что от самоуверенности и позерства отца не осталось и следа:

— Я взял на себя смелость просить вас, прервав свои собственные дела и проделав немалый путь, прибыть сюда отнюдь не для того, чтобы вы утешали меня, — с раздражением сказал Карагеzi. — Я жду от вас помощи, совета. Ведь вы понимаете, как это важно для нас... для Лилит. Для человечества.

— Позвольте мне не согласиться с вами, — возразил Тернер. — То, что вы создали, — только начало. Начало новой эры, может быть. В дальнейшем методы будут совершенствоваться, ошибки — учитываться, исправляться. Мы должны руководствоваться не ложноэтическими, но исключительно научными интересами.

— Дорогой коллега! — сказал Кларк. — У меня есть к вам конкретное предложение. Я могу вам предложить анализ вашего творения на любом уровне: от психического до молекулярного, атомного, нейтронного. В кратчайший срок вы получите самые исчерпывающие характеристики. Соглашайтесь, мистер Карагеzi. Я крайне редко делаю подобные предложения.

— Увезти Лилит в Америку? — встревожился Тигран Мовсевич. Такой вариант не приходил ему в голову.

Воодушевившись, Кларк смешно жестикулировал большими неуклюжими руками:

— Моя лаборатория — это целый городок на берегу океана. Закрытая территория, где трудятся несколько сотен ученых

над заданными мною проблемами. Ни посторонним, ни даже представителям прессы нет туда доступа.

— Но я не уполномочен в одиночку принимать такие ответственные решения,— засомневался Карагеzi.

— Позвольте вам не поверить. Чтобы ученый с мировым именем не имел возможности лично распоряжаться своим открытием?

— Я не ученый-одиночка, коллега,— сухо возразил Карагеzi.— Я — сотрудник Научно-исследовательского комплекса, на базе которого и ставил эксперимент.

Истолковав это заявление по-своему, американец поспешил заверить его:

— Вам, мистер Карагеzi... вашему учреждению это ничего не будет стоить. Я сам заинтересован в такой сделке, что и явится компенсацией за предлагаемые мною услуги.

— Ваше предложение очень заманчиво, мы обсудим его...

— Безусловно, безусловно,— улыбнулся Кларк, потирая руки. Он не сомневался в исходе переговоров.— Завтра я возвращаюсь в Штаты и буду с нетерпением ждать вас.

ЧАСТЬ II

Лабораторный городок Кларка раскинулся вдоль берега океана на довольно обширной территории. Среди стволов высоченных пальм и яркой южной зелени виднелись особнячки. В одном из них жил Кларк со своей семьей, другой предназначался для конференций, третий — для гостей. В стороне расположились лабораторные здания, соединенные между собой галереями, рядом — общежитие для сотрудников. За живой изгородью буйно цветущих кустарников теннисные корты и площадки для игры в сквош.

Сотрудник Кларка, встретивший гостей в аэропорту, предложил Орбелу и Ольге поселиться в доме для гостей, а Лилит отправить в спецпомещение лаборатории. Но они категорически отказались, заявив, что должны быть постоянно подле нее. Сотрудник, не скрывая недовольства, связался с Кларком, после чего подтвердил, что поместить Лилит в доме для гостей не представляется возможным по весьма понятным соображениям, и, если гости настаивают, для них в виде исключения придется оборудовать комнаты рядом с вольером для Лилит. При этом он недвусмысленно дал понять, что идет на явное нарушение установленных порядков и сотрудники лаборатории вынуждены будут терпеть определенного рода неудобства.

— Им придется смириться, если вы не желаете поселить нас троих в доме для гостей.— Орбел даже побледнел от возмущения.— И вообще мне не нравится ваш тон. Если вы его

не измените, боюсь, наше сотрудничество может не состояться вовсе.

Американец, не ожидавший такой настойчивости, заверил советских гостей, что их недовольство будет принято к сведению. И, как скоро выяснилось, оказался хозяином своего слова — им выделили трехкомнатную квартиру, но не в доме для гостей, а в общежитии, приняв тем самым Лилит как равноправного члена их маленькой группы.

Встреча с Кларком неприятно удивила Орбела. От его веселой беспечности на приеме у отца не осталось и следа. Теперь это был замкнутый, озабоченный человек, всем своим видом будто желавший сказать: «Вы отнимаете у меня драгоценное время, и вообще я успел пожалеть о своем опрометчивом предложении».

Отделавшись несколькими равнодушно-любезными фразами, он перепоручил гостей своему доверенному лицу — Шактеру. В отличие от Кларка Шактер был сама предупредительность и любезность. Он лично проверил, удобно ли разместились прибывшие, дал гостям право беспокоить его в любое время дня и ночи и предложил свои услуги гида, которыми смог воспользоваться только Орбел. Лилит меньше всего подходила роль любознательного туриста, и Ольга вынуждена была оставаться подле нее.

Облик Шактера не вязался с представлениями Орбела о типичном американце — шуплый, низкорослый, с редкими, тщательно уложенными жирными волосами, с невыразительным, ускользающим взглядом, с тонкими губами, плотно облегающими выступающие вперед зубы. Его спина угодливо сутулилась, но одна бровь оставалась настороженно приподнятой.

Шактер провел Орбела по лабораториям. Сотрудники лишь на мгновение отрывались от работы, приветствуя вошедших легким наклоном головы, в лучшем случае — рукопожатием. Шактер коротко знакомил Орбела с профилем исследований.

— Здесь, — рассказывал он в сверкающем стеклом помещении, — мы создаем синтетические семена. Очень перспективные для сельского хозяйства. Наши синтетики — это соматические эмбрионы того или иного полезного растения. Начинали мы, как вы наверняка знаете, с сельдерея и морковки. Эмбрионы — клоны в точности повторяют в своем развитии растение, клеткой которого они являются. ...Пройдемте сюда, пожалуйста... В соседнем помещении проводится инкапсуляция семян в желеобразную органическую оболочку для удобства их использования и транспортировки. Вот в этих стеклянных пробирках легко проследить процесс проращивания в различных его стадиях. — Пальцы Шактера наглядно изобразили тянущийся к свету росток.

— Клонирование. Рекомбинация ДНК — техника импровизированной подсадки и сцепления чужеродных генов, — в раз-

думье проговорил Орбел.— Что-то нам это сулит? К чему приведет?

Шактер сделал вид, что не расслышал, но бровь взлетела вверх, собрав в гармошку половину лба.

— Перейдем в следующую лабораторию,— бодро продолжил он.— Здесь выращивается искусственная кожа для трансплантации... в частности — ожоговым больным. Успеха помог добиться открытый нами фактор эпидермического роста — особое вещество.

— Я знаком с вашими публикациями.— Орбел смотрел на лоскуты кожи, плавающие в пластиковых чашах.

— Добавив в питательную среду холерный токсин, мы получили удивительные результаты — процесс роста клеток ускорился.

— Насколько мне известно, мой отец в своем эксперименте с Лилит для ускорения наращивания клеточной ткани тоже использовал токсин, продуцируемый холерными вибрионами.

— Вот как?!— В глазах Шактера вспыхнул хищный огонек, и Орбел понял, что сказал лишнее.— Независимо друг от друга мы шли одинаковыми путями. Прекрасно.— Шактер растер ладони и уступил в дверях дорогу гостю.

Его крупные выступающие зубы, неестественно белые, ровные, и сухие тонкие губы вызывали в Орбеле ощущение фальши, искусственности, подвоха. И Орбелу, несмотря на большой интерес к исследованиям американцев, не терпелось поскорее закончить общение с ним.

Прежде чем отправить Лилит в столь дальнее путешествие, ее терпеливо приучали к открытому пространству, к многолюдью. И скоро она уже охотно выходила в парк и даже ждала этих прогулок. Со стороны могло показаться, что миловидная девушка — одна из сотрудниц института прогуливается с кем-нибудь из коллег. Лилит больше не шарахалась от людей, вела себя вполне «по-человечески». Она научилась-таки спать на постели и не скидывать с себя одежду. Орбел теперь всегда был рядом с нею, и она очень привязалась к нему. И Карагези решился наконец отправить ее в заморское путешествие. Ссылаясь на неотложные дела и плохое самочувствие, он настоял на необходимости поездки вместо себя сына. Руководство НИКа дало свое «добро».

Дорога была утомительной. Но Лилит соглашалась на любые неудобства, лишь бы Орбел был рядом. В аэропортах, в самолете, в машине она сидела, прижавшись к нему, и, казалось, ничто больше ее не интересовало. Но скорее всего она просто не понимала происходящего с нею, не могла осознать своих фантастических перемещений, необъятности бездонного океана, распластавшегося под брюхом самолета, и той страш-

ной скорости, с которой ее уносят от дома, от привычной обстановки.

...Протягивая руку к кнопке звонка, Орбел знал — Лилит безошибочно чувствует его возвращение, соскальзывает с тахты или кресла и, затаившись, ждет его по ту сторону двери.

Он входил, делая вид, что не замечает ее, заговаривал с Ольгой, а Лилит, стараясь перекричать их, тараторила без умолку:

— Здравствуй, Лилит, здравствуй, Лилит, здравствуй...— в ревнивом стремлении привлечь к себе его внимание.

Он «замечал» ее, гладил по волосам, говорил что-нибудь ласковое, и она уже не отходила от него ни на шаг. Ждала перед дверью ванны, пока он умывался, бежала к стулу с его домашней одеждой, зная наперед все, что он будет делать. Уверенная, что Лилит ничего не понимает, Ольга посмеивалась над ней. Но она ошибалась. Лилит тонко улавливала интонации голоса и прекрасно знала, когда о ней говорят.

— Да она влюбилась в тебя,— заметила как-то Ольга.

— Глупости,— отмахнулся Орбел.— Она просто привязалась ко мне. Я напоминаю ей отца. А она сучает по нему.

— Он — ее хозяин.

— Не смей так говорить!— вспыхнул Орбел.

— Она никогда так не ластилась к нему,— стояла на своем Ольга.— Уж я-то вижу. Она тоскует и ждет тебя с той минуты, как за тобой закрывается дверь. То и дело выскальзывает в переднюю, виновато косясь на меня. Трогает дверь руками, нюхает, прижимается к ней щекой. А вчера ты задержался, и она уснула прямо на коврик в передней.

— Ты говоришь о ней, как о кошке,— упрекнул Орбел.

Ольга вздохнула:

— Все еще на что-то надеешься? Завидую твоему оптимизму.

— Да. Да, да! И буду надеяться до последнего. Я докажу этим заносчивым американцам, что она имеет право жить в их паршивом доме для гостей.

Лилит вытянула шею, ощутив агрессию в голосе Орбела. В ее глазах вспыхнул воинственный огонек.

— Гляди-ка, она собирается бороться вместе с тобой.

— А как же! И поборемся!— Орбел ласково погладил Лилит. Та потерлась о его руку и сказала:

— Лилит умница. Лилит молодец.

...Лилит радовалась, как дитя, когда он не захлопывал за собой пахнущую одиночеством дверь, а весело говорил:

— Лилит! Гулять хочешь?— И особо выделял интонацией заветное слово «гулять».

— Здравствуй, Лилит! Лилит молодец!— радостно отзывалась она, вскакивая с места и вкладывая в его руку свою

верткую крепкую ладонь, с нетерпением заглядывая в глаза.

— А туфли, Лилит?— строго напоминала Ольга.

И девушка, не выпуская руки Орбела, чтобы он вдруг не передумал и не сбежал, неуклюже вставляла ножку в свободную, как тапочка, туфлю.

Кларк с Шактером уехали в город, и Орбел предложил Ольге втроем отправиться наконец на берег. Океан был относительно спокоен. Солнце роняло на землю длинные лучи сквозь прорывы в многослойных облачных громадах.

Орбел и Ольга, держа за руки Лилит, остановились на каменистом, неблагоустроенном пляже. При виде такого необъятного количества живой, дышащей воды Лилит отпрянула, опекуны крепче сжали ее руки.

— Как же нам купаться?— огорчился Орбел.— Если Лилит отпустить, она удерет сломя голову.

— Не удерет. Да и куда ей бежать? Ты теперь — ее самое надежное убежище.— В голосе Ольги звучала легкая зависть.

— Тогда я посижу с ней на берегу, а ты купайся. Потом поменяемся... Садись, Лилит, садись! Рядом со мной. Ну! Садись же.— Он принципиально не желал пользоваться приказами и командами, считая их недостойными по крайней мере того облика, который она носит, даже если и не обладает... Он упрямо верил: пока не обладает разумом человека.

Лилит осторожно опустилась рядом с ним на камни. Ольга скинула платье и, подтягивая тесемки купальника, сказала:

— Одной как-то страшновато.

— А ты рассчитывала, что мы будем плескаться все вместе?

— Да куда там. Она и ванной-то боится.— И Ольга наступила на пену отползавшей волны. Сделала несколько шагов. Вода доходила ей до икр, но с первой же волной накрыла по плечи.

— Плавать-то хоть умеешь?— крикнул ей вслед Орбел. Она обернулась:

— Не волнуйся, я с детст... Держи ее! Держи!!!

Лилит вскочила так бесшумно и стремительно, что Орбел даже не почувствовал, как выскользнула ее ладонь.

— Лилит! Ко мне!— Орбел прибегнул-таки к команде.

Лилит не слышала его. Она перелетела через пляж, и... стояло ей исчезнуть за деревьями — вопль боли огласил берег. Орбел опрометью бросился на крик.

И каково же было его изумление, когда он увидел незнакомого мужчину, пытавшегося отодрать повисшую на нем Лилит.

— Лилит!— истошно закричал Орбел.— Не смей!

Лилит рвала одежду незнакомца. Совладав с волнением, Орбел крепко схватил ее запястья и как можно ласковее сказал:

— Прекрати, Лилит. Отпусти его. Ну иди же ко мне.

Она выпустила свою жертву и прильнула к Орбелу. Но глаза с диким блеском неотступно следили за незнакомцем. Тот вздохнул с облегчением, оправил разорванную ковбойку, зло глядя на Орбела, Лилит и подоспевшую Ольгу. Только теперь Орбел заметил закрепленную на штативе кинокамеру, укрывшуюся за цветущим кустом рододендрона. Объектив был направлен в сторону пляжа. Орбел все понял.

— Он подсматривал за нами! — сказала Ольга с возмущением. — И снимал на пленку. Какое безобразие!

— Я пожалуйсь Кларку, — заявил Орбел. — Как вы смете!

Человек, не сказав ни слова, собрал аппаратуру и пошел прочь, в глубь парка.

Настроение всех троих было безнадежно испорчено. Купание так и не состоялось. Разыскав вернувшегося к вечеру Шактера, Орбел потребовал встречи с Кларком.

— Мистер Кларк очень занят, — с ледяной вежливостью ответил Шактер, как всегда, уводя взгляд в сторону.

— Но я настаиваю! — разозлился Орбел.

— Ваши претензии или пожелания вы можете изложить мне. — Лицо Шактера стало серым и недобрым.

— Претензии, говорите? Значит, вы уже в курсе?

— Безусловно.

— И что вы на это скажете?

— Только то, что вы здесь находитесь с определенной целью. Мы можем исследовать ваш экспонат всеми доступными нам средствами. И в первую очередь вести регулярное наблюдение за его поведением и повадками.

— С помощью кинокамеры?

— Разумеется. А как бы мы могли потом обрабатывать и анализировать результаты наблюдений?

— Но об этом условлено не было. Вы не имеете права ничего предпринимать без нашего ведома и согласия.

— У нас есть согласие мистера Карагези — вашего отца, — сухо заметил Шактер, — на всестороннее исследование.

— Может, ваши кинокамеры и дома следят за каждым ее шагом?

Шактер замаялся. Лицо Орбела покрылось пятнами.

— Но, следя за Лилит, вы тем самым и нас держите под постоянным контролем.

Шактер пожал плечами и промолчал.

— Вы ведь понимаете, я этого так не оставляю, — бушевал Орбел, — и скорее всего потребую отозвать вас обратно.

— Я попрошу мистера Кларка найти время для беседы с вами. — И легким надменным кивком головы дав понять, что разговор окончен, Шактер удалился.

На следующее утро Орбелу сообщили, что мистер Кларк

ждет его... не в кабинете — нет, у себя дома. Сам этот факт уже говорил о том, что мистер Кларк обеспокоен бунтом советских гостей и желает мирным путем уладить неприятный инцидент.

Дом Кларка, увитый ползучими растениями, стоял особняком в тени живописно раскинувших кроны деревьев. За дорожкой, ведущей к дому, по-видимому, наблюдали: стоило Орбелу приблизиться, как на пороге возникла юная девушка в белых шортах и голубой полосатой тенниске. Светлые волосы обрамляли ее лицо свободно разметававшимися нежными локонами, а в глазах сияло безоблачное небо. Она была типичной для американки комплекции — высокая, очень стройная и пропорциональная, будто живой манекен из дорогого фирменного магазина.

— Доброе утро, Орбел, — приветствовала гостя девушка. — Как поживаете?

— Благодарю вас, прекрасно. А вы?

После обмена любезностями девушка представилась.

— Маргарет Кларк.

— Вы — дочь Кларка?

— Совершенно верно. Младшая.

«Вот хитрец! — подумал Орбел. — Послал свою дочь, чтобы нейтрализовать меня».

— Ведь вы не откажетесь от ленча вместе с нами? — экранно улыбнулась девушка, «акая» на американский манер.

— Благодарю вас, мисс Кларк, но...

— Зовите меня Маргарет, — перебила она. — Даже папа не любит, когда к нему обращаются по фамилии. До ленча у нас около часу времени. Мы могли бы сыграть в теннис... Знаю, знаю, вы желаете видеть папу, а не меня, — она снова показала блистательные зубы. — Папа в лабораториях и придет только к ленчу. Он звонил и просил меня занять вас до его возвращения.

Орбел закусил губу. Подстроено. Вся эта игра говорит о том, что в нем заинтересованы. Не в нем, конечно, а в Лилит... И, одарив свою собеседницу ответной улыбкой, сказал:

— С удовольствием сыграю с вами в теннис. Но я ничего не захватил с собой.

— У нас есть все необходимое, — заверила Маргарет.

И вскоре они уже носились по теннисному корту. И девушка, будто задавшись целью обворозжить его, ловко парировала удары, заливалась веселым смехом в случае промаха, и в конце концов они остались довольны друг другом и каждый собой, не заметив, как подошло время ленча.

— Вы — прекрасный партнер, — запыхавшись, сказала Маргарет. — Приходите играть, как только будет свободное время. — И капризно добавила: — Здесь ужасно скучно на каникулах.

— Где вы учитесь?

— В Оксфорде. В университете. Через год получаю диплом...

— Вот тут можно переодеться и принять душ. Мы ждем вас на западной веранде.

...Орбела приветствовали как самого высокого гостя. Кларк пошел ему навстречу с протянутыми руками, затем представил супруге — тощей даме с морщинистой шеей, с неживыми глазами, тускло глядящими сквозь провисшие складки кожи.

«Бедняжка наверняка сделала не одну пластическую операцию», — подумал Орбел, целуя ее пергаментную руку.

Маргарет по-приятельски улыбнулась Орбелу. На ней был бирюзовый сарафан, выгодно подчеркивающий загар, и белые туфельки на высоком каблуке, отчего она сравнялась с Орбелом ростом. Усаживаясь за стол, она предложила ему место рядом с собой.

Беседка стояла на небольшом возвышении, откуда открывался вид на океан. У круглого стола два плетеных кресла-качалки. На одном из них перекинут клетчатый плед.

— Мое любимое местечко. Океан отсюда прекрасен, не правда ли? Это как театр с бесконечной сменой декораций.

«И долго он намерен морочить мне голову?» — с досадой подумал Орбел, настроившийся с самого утра на серьезный разговор. — А знаменитый ученый не настолько уж и занят».

— Итак, молодой человек... — само обращение знаменовало конец церемоний и проволок. — Я отдал дань уважения вашему гениальному отцу, приняв вас в своем доме. Отныне вы можете заглядывать к нам запросто. Я бы даже не имел ничего против, если бы вы немного развлекли мою малышку. Девочка здесь на каникулах и, кажется, скучает, а я совсем не могу уделять ей внимание. Да и со мной ей вряд ли было бы интересно.

— Но я приехал сюда вовсе не для того, чтобы развлекать вашу дочь, — бестактно заявил Орбел.

— А для чего же, если не секрет? — Он смотрел на Орбела безмятежно фисташковыми глазами.

— То есть как?! — Орбел запнулся. А действительно, для чего он здесь? Чтобы опекать Лилит? Два опекуна на одну дикарку. Да, но «дикарке» цены нет. «Дикарка» одна на все человечество. И если с ее головы упадет хоть один волос... — Вы прекрасно знаете, зачем я здесь. Моя миссия вам кажется лишней?

— Нисколько. Но мы с вами не в Даунтауне, не в негритянском районе. Здесь вашей подопечной ничего не угрожает. На мне лежит даже большая ответственность, чем на вас.

— Простите, не совсем понимаю, куда вы клоните.

— Я выражаюсь достаточно ясно. Мне бы хотелось, чтобы

вы чуть меньше уделяли внимания своей подопечной и тем самым не мешали моим сотрудникам изучать ее.

— Мы здесь уже неделю, а Лилит все еще не начали изучать.

— Заблуждаетесь, молодой человек. Мы изучаем ее с той минуты, как она ступила в наш городок. Мы наблюдаем ее в естественных, так сказать, условиях, ее повадки, реакции, мимику, жестикуляцию и многое другое. По-вашему, исследование должно заключаться только в анализах?

— Вы разговариваете со мной так, будто не мы, а вы создали Лилит,— вспыхнул Орбел.— Простите, но считаю ваш тон неуместным и оскорбительным.

— Мои люди — высококвалифицированные ученые, а не шпионы. Они, как вам объяснили, ведут наблюдения за Лилит.

— Я решительно протестую против подобного рода наблюдений.

— Это ваше право. Пожалуй, в данном вопросе я могу пойти вам навстречу. Тем более что материала собрано достаточно.

— А какие выводы вам удалось сделать?

— Основной вывод: она способна привязываться к человеку, как любое одомашненное животное.

— Заблуждаетесь! Как человек к человеку.

— Увы! Нам свойственна тенденция к очеловечиванию животных. Мы наделяем их качествами и свойствами, присущими нам самим. И уж как не впасть в подобную ошибку, когда имеешь дело с очаровательным человекоподобным созданием. Я понимаю вас, юноша, и... вполне сочувствую. Но, кстати, хочу предупредить вас: не люблю, когда корректируют мои методы работы. А заодно и выразить пожелание, что капризов с вашей стороны больше не будет.

* * *

Утром явился Шактер с двумя сотрудниками:

— Прошу знакомиться: Руфос Робертсон — психофизиолог. Рон Бремер — нейропсихолог. Они будут присутствовать на всех исследованиях.

Первый из представленных был молод и привлекателен, с улыбчивым лицом и темной выщепившейся бородкой. Резким взмахом головы он то и дело откидывал падающие на лоб волосы. Второй — невзрачный, с землистой кожей и сверлящим взглядом.

Лилит неслышно подобралась к Робертсону, принялась. Заметив ее интерес к себе, тот улыбнулся и храбро протянул руку. Она замерла и вдруг сама подставила ему головку. Польщенный таким доверием, Робертсон осторожно погладил

ее. Орбел ревниво наблюдал эту сцену и, не выдержав, резко позвал:

— Ко мне, Лилит...

Подбежав, она виновато потерлась щекой о его руку и промурлыкала:

— Лилит умница...

— Ты, кажется, приглянулся ей,— усмехнулся Бремер.

— Сегодня мы проведем самое общее обследование, как в обычной клинике,— сказал Шактер деловито.— Если вы готовы, не будем терять время.

Лилит, почувствовав неладное, спряталась за спину Орбела, напряженно следя за незнакомыми людьми.

Небольшая группа, возглавляемая Шактером, направилась к комплексу лабораторных помещений. Орбел вел Лилит под руку.

— С чего вы намерены начать?— спросил Орбел Шактера, успокаивающе поглаживая руку Лилит.

— Сначала кровь, потом рентген. Это основные показатели. Надеюсь, Лилит не перекусает наших лаборантов?

— Что за шутки!— нахмурился Орбел.

...Лилит ложилась, вставала, переворачивалась — делала все, что от нее требовали, но при этом не спускала глаз с нарочито спокойного лица Орбела.

— Взгляните сами,— подозвал Орбела Шактер к экранам компьютерного томографа, на которых отражались срезы черепной коробки Лилит.— Никаких аномалий. Разве что общие размеры черепа, а соответственно и мозга, несколько малы. Масса мозговой ткани не оказывает непосредственного влияния ни на умственные, ни на творческие потенциалы. Впрочем, ее мозгом будут отдельно заниматься другие специалисты.

— Лично мне ваши специалисты вряд ли сообщат что-либо новое,— небрежно заметил Орбел.— Я привез с собой пухлую папку снимков, анализов, заключений экспертов...

— Каждый врач или ученый доверяет лишь собственным исследованиям. Вам придется с этим смириться.

Лилит начала проявлять нервозность. Показала зубы укладывающей ее под очередной аппарат лаборантке... Орбел выразительно посмотрел на Шактера.

— Все, все. Заканчиваем,— спохватился тот.— Но... с вашего позволения... еще один пустячок... Спектрометрическое исследование микроструктуры кожи и мышечной ткани. Не откажитесь пройти с нами к нейробиологам.

Орбел вел Лилит домой, если можно назвать домом их временное пристанище, к тому же находящееся под бесцеремонным надзором. Она жалась к нему, мелко вздрагивая, издавала жалобные звуки, напоминающие поскуливание, то и дело косясь на квадратик белого пластыря на своей руке.

Руфос вызвался было проводить их до общежития, но Орбел,

пожалуй, слишком резко отказал ему, сославшись на то, что Лилит взбудоражена и нуждается в покое. Руфос мотнул головой, хотя волосы тут же снова упали ему на лоб, и, улыбнувшись, отошел.

День был ясный, все вокруг выглядело празднично и нарядно: и чистенькие домики городка, и искрящаяся полоска океана за кронами деревьев, и изредка попадающиеся сотрудники, и даже помощники садовника, стригушие газоны.

Маргарет с очаровательной улыбкой сообщила ему, что отец уехал в город. На веранде за накрытым к ленчу столом сидел незнакомый молодой мужчина эффектной наружности, плечистый, с хорошо развитой мускулатурой, смуглый и темноволосый. Глаза скрывались за большими противосолнечными очками. И хотя веранда была в тени, он предпочитал не снимать их.

Появление нового лица насторожило Орбела. Директорской дочке не так уж и скучно в ученых пенатах. А этот, в очках, к тому же наверняка сердцеед и знаток женского пола.

— Дик Страйнер,— представила Маргарет темноволосого атлета,— из штата Южная Дакота. Сотрудник отца и мой приятель. Надеюсь, вы понравитесь друг другу.

— Меня зовут Орбел Карагези,— Орбел протянул руку и в следующую минуту пожалел об этом, с трудом освобождаясь от цепкого рукопожатия.

— У нас с Диком очень близкие специальности,— сообщила Маргарет, настороженно глядя на своего приятеля, будто боясь сказать что-нибудь лишнее и тем самым прогневать его.— Я будущий социобиолог. Дик — социоантрополог. Иногда он помогает мне готовиться к экзаменам. Правда, у отца он работает не совсем по специальности...— Она таки ляпнула лишнее.

Страйнер сжал зубы, многозначительно кашлянул, отчего Маргарет виновато захлопала ресничками. Но уже в следующую секунду Страйнер сказал небрежно-скучающим тоном:

— Много наслышан о чудо-экспонате, вывезенном из Союза, но видел его пока только на экране.

Вернулась наконец Маргарет с обещанным пирогом.

— Кажется, вы не только познакомились, но уже успели и поспорить,— сказала она, вглядываясь в хмурое лицо Орбела.

— Вовсе нет,— ответил Орбел.— Я терпеливо слушал предложенную мне лекцию о том, что есть гомо сапиенс.

— Пресса уже с полгода кричит о сенсации века. О дубль-сотворении библейской Евы руками и дыханием советского бога...

— А вам очень не хочется признавать наш приоритет над вами, и вы стремитесь любой ценой принизить его.

За время их беседы небо окончательно потемнело. Все пошло спать. Орбел пошел на берег океана. Небо было снова

безоблачным, и огромная луна освещала колышущийся, пенящийся, катящийся к его ногам океан. Волны свободно разгуливали во всю ширину пляжа, накрывая его желтой шипящей пеной. А чуть поодаль от берега, в глубоких провалах теней, они были такими рельефными, тяжелыми и глянцевыми, что казалось, по ним можно ходить. Резко пахло йодом. На рубежах водяного штурма темнели кружева выброшенных волнами водорослей.

— Ах, до чего ж здорово!— прошептал Орбел, пытаясь представить себе всю необъятность Тихого океана, отделяющего его сейчас от родного материка. И ему стало жутко.

Длинная тень перерезала пляж. Орбел вгляделся. Тень медленно перемещалась.

— Черт!— в сердцах пробормотал Орбел.— Неужели даже ночью они следят за нами?— Ему захотелось догнать шпиона и хорошенько отколотить. Но он понимал — это нельзя.

— Э-э-эй!— крикнула тень.— Кто ты?

Орбел растерялся. Ловкий ход, или незнакомец такой же полуночник, как и он?

— А ты кто?— прокричал он в ответ.

— Сейчас выясним,— весело отозвалась тень и начала приближаться...— Да это ж наш гость!— Ночной призрак откинул со лба прядь волос, и Орбел узнал в нем Руфоса.— Привет!

— Привет,— без энтузиазма сказал он.

— Каково, а!— Руфос широким жестом указал на океан.— Живое! Все живое. Посмотри, как буйствует, как торжествует!.. Я родом из маленького городка Нортон штата Канзас. Это в глубине страны. Поблизости нет ни реки, ни озера. И вот поселился у самого океана, на целых пять лет. Я окончил Оксфордский университет, и Кларк пригласил меня на договорных началах. Поверишь, почти все свободное время провожу на берегу.

Орбел слушал собеседника с растущей симпатией и пожалел, что раньше сторонился его.

— Девушка, с которой ты приехал, не твоя жена?— спросил Руфос, приглаживая бороду.

Орбел подумал было, не Лилит ли он имеет в виду, но вспомнил — о Лилит они так не спросят. Значит, речь идет об Ольге.

— Нет. Мы — коллеги по работе. Она замужем.

— А ты?

— Я нет.

— Может, зайдём ко мне, выпьем бренди?— предложил Руфос.

— В другой раз,— уклонился Орбел.— Слишком поздно.

— Жаль.

Они вместе направились к общежитию.

На следующее утро у входа в лабораторию Орбела и Лилит поджидали трое: Шактер, Рон Бремер и Дик Страйнер.

— А вот и крошка Лилит, наделавшая шуму на весь мир, — развязно воскликнул Дик. — Она очень мила. — Он шагнул к ней. Лилит предостерегающе заворчала. — О-о! Весьма пикантно. Обожаю неприрученных женщин. А с вами она покорна и смирна, — с оттенком зависти сказал он Орбелу. — В век эмансипированных женщин такое — большая находка.

— Что у вас намечено на сегодня? — перебил его Орбел.

— Начнем с определения химического состава мозга, — ответил Шактер. — Это по моей части. Я — нейрохимик, с вашего позволения. Затем ею займутся нейропсихологи, нейробиологи. Они проверят электрическую активность нервных клеток, структурно-функциональные взаимоотношения головного мозга, кооперативную деятельность нейтральных ансамблей и структурных групп.

— И как вы собираетесь это осуществить?

— Элементарно: задавая «вопросы» отдельным клеткам и молекулярным ансамблям, иными словами — стимулируя определенные участки нервной ткани, мы получим ответы мозга в целом, что позволит выявить аномальные явления, если таковые имеются... Ведь вы наверняка хотите знать, почему ваше творение не разговаривает, как все люди. Мы попытаемся выяснить степень прогрессивной дифференциации областей мозга, связанных с развитием членораздельной речи. Это, как известно, лобная, нижнетеменная и височная доли.

Обследования закончились поздно. В самом конце появился Руфос с кистью бананов для Лилит, и та доверчиво приняла гостинец из рук чужого человека и, позволив ему присесть подле нее на корточки, без промедления принялась отправлять в рот наспех очищенные бананы.

Вечером Ольга достала свое лучшее вечернее платье из голубого шелка на больших накладных плечиках. Замысловато причесала волосы и, запершись в своей комнате, долго не отходила от зеркала. Этому приглашению она придавала особое символическое значение. Ведь потом дома или на работе, сидя за бесконечными скучными формулами, она не раз вспомнит далекую Америку, научный городок на берегу океана и свой «выход в свет».

Орбел тоже принарядился. Он был высок, хорошо сложен. И было во всем его облике и в горделивой посадке головы что-то от самолюбования, от сознания собственной неотразимости, укоренившихся с детства, когда девчонки в классе тайно вздыхали по нему и подбрасывали любовные записки, а мальчишки норовили толкнуть исподтишка, дать подножку, а то и поколотить. И звали ехидно «шоколадным мальчиком» или «маленьким сыном». Обидные клички перекочевали за ним даже в институт. Его блестящие волнистые волосы и глаза были и впрямь шоколадного цвета, а длинные пушистые ресницы...

о, как он ненавидел их в детстве!..— загибались вверх, как у фарфоровой куклы.

Лилит сидела в кресле, подобрав по обыкновению под себя ноги, и не спускала глаз со своего кумира... Наконец появилась Ольга, вынося на суд Орбела свой наряд, прическу, свои удлинившиеся отяжелевшие ресницы, порозовевшие щеки и ярко вспыхнувший рот. И они пошли в гости.

— У нас сегодня редкий гость,— сказала Маргарет, улынувшись Орбелу.— Он из России. Орбел Карагези.

— Вот это сюрприз! Я немедленно представляю его своим гостям,— заявила Барбара.

— Умоляю вас, не делайте этого,— остановил ее Орбел.

Молодежь собралась хорошо провести время. Они пили, громко заразительно смеялись, обменивались шутками, уединялись парами в соседних комнатах или в саду. А потом и уединяться перестали, целуясь и обнимаясь когда вздумается, и никому ни до кого не было дела.

Орбел пил с Диком бренди, потом джин, потом еще что-то... И чем больше пил, тем больше ему нравилось все, что происходило вокруг. Он танцевал с Маргарет, которую теперь тоже звал запросто «Рэт». Маргарет прижималась к нему, закинув обнаженные руки ему за спину и подставляя губы, горячо шептала:

— Как мне хорошо, Ор.— Она тоже была пьяна.

Они целовались.

— Голова разболелась от этого пунша,— пожаловалась Ольга.— Пойдем, Орбел, в общежитие.

Они вернулись с вечеринки. Их самая большая комната была одновременно гостиной и спальней Орбела. Две боковые занимали Ольга и Лилит. Но если Орбелу случалось отсутствовать, Лилит засыпала на кресле в гостиной. На сей раз ее там не оказалось.

— Смотри-ка, она ушла к себе,— удивилась Ольга.— На нее это не похоже. Видно, обиделась, что оставили одну.

Ольга прошла в комнату Лилит... Через минуту пробежала в свою — включила свет. Потом бросилась в ванную, в туалет. Орбел с возрастающей тревогой следил за ней. Наконец, прислонясь к стене, побледневшими губами прошептала:

— Ее нигде нет.

— То есть как?..— Орбел похолодел.

— На улицу выйти она не могла?— предположила Ольга.

— Я ведь запер дверь.

— Она могла открыть.

— Да, но тогда бы просто захлопнула ее за собой. А я только что отпирал дверь, снова дважды... Погоди-погоди... Да нет, сейчас я только один раз повернул ключ в замке. Кто-то открывал дверь в наше отсутствие... Своим ключом. И снова запер ее.

— Но кто?.. Кто осмелился?

Орбел подошел к окну, выглянул наружу. Второй этаж. Выпрыгнуть невозможно. И все же... Оттолкнув раскисшую Ольгу, он бросился вниз... Возвращаясь после тщетных поисков, гневно ругал себя вслух:

— Болван! Идиот... Ее похитили. Воспользовавшись удобным случаем. Какое вероломство. А я бегаю по кустам в поисках ее...

Шактер появился быстрее, чем рассчитывал Орбел. Каскад вопросов... недовольство... удивление... растерянность.

— У нас есть возможность узнать в деталях все, что произошло за наше отсутствие,— язвительно заметил Орбел.— Вы ведь вели наблюдение за Лилит скрытыми камерами, не так ли?

— По вашему же настоянию камеры были отключены,— мрачно возразил Шактер.

— Не верю. Так вы меня и послушались.

— У меня к вам настоятельная просьба,— сказал Шактер холодно.— Вы сейчас ложитесь спать и постарайтесь ни о чем не думать. Поиски Лилит — наша забота. За нее мы отвечаем.

— Вы думаете, мы можем спокойно уснуть?

Они провели бессонную ночь. Орбел вспоминал свое прощание с Лилит, и ком подступал к горлу. Мог ли он подумать тогда...

Кларка разыскивать не пришлось. Его еще ночью известил о случившемся Шактер, и, когда Орбел позвонил Маргарет, тот сам взял трубку. Он заверил Орбела, что причин для беспокойства нет, что полиция штата уведомлена и похитителей доставят сюда живыми или мертвыми.

В напряженном-ожидании минули сутки. Вторые... Орбела и Ольгу без конца допрашивали.

Лабораторный городок наводнили местная полиция и следователи ФБР, социальные службы и детективы. Прибыли агенты Бюро по борьбе с преступностью. Дело дошло до верховного блюстителя законности — самого министра юстиции. Не было отбоя от вездесущих газетчиков. Пресса разразилась сенсацией:

«Похищено советское человекообразное...», «Неизвестные гангстеры завладели чудом XX века», «Очаровательная леди по кличке Лилит стала жертвой злоумышленников», «Глиняное диво рассыпалось как мираж...» и т. д.

В день по несколько раз звонили из Москвы, требовали объяснений. Тигран Мовсесович держал с сыном постоянную телефонную связь. Но все по-прежнему оставалось на мертвой точке.

— Может, вам с Ольгой лучше вернуться в Союз?— спрашивал отчаявшийся Карагези-старший.

— Ни в коем случае! Будем ждать до победного!—

кричал через океан Орбел.— До тех пор, пока они ее не вернут. Я не дам им покоя ни днем, ни ночью.

Кларк — фигура номер один. Не мешает рассмотреть и другие кандидатуры, размышлял Орбел. Ник Шактер, например. Личность несимпатичная, скрытная, лукавая и, вполне возможно, коварная. Орбел так и не сумел разобраться в роли Шактера при Кларке. Ученый? Заведующий лабораторией? Правая рука Кларка, а может, его компаньон? Или осведомитель? Кто он и каковы его полномочия? Заинтересованность Шактера в похищении, а то и непосредственное участие в нем Орбелом не исключались.

Кто следующий на подозрении? Конечно же, Руфос Робертсон. Самый приятный человек из всех, с кем ему довелось тут познакомиться. Он охотно бы даже сдружился с Руфосом, представившимся ему мужественным и открытым, порядочным и добросердечным. Но Орбел строго-настрого наказал себе не доверять ни обаянию, ни попыткам к сближению, во всех и во всем видя подвох, тайный недобрый умысел. Его настораживали странные заигрывания Руфоса с Лилит. Гроздь бананов в день исследований. Зачем он принес бананы?

Что такое Дик Страйнер? Самовлюбленный, самоуверенный, видный, неглупый... Глупых Кларк попросту не держит... Прячет взгляд за темными очками. Честные люди открыто смотрят в лицо собеседнику. Может, просто скрывает свои свинячьи глазки? Вспомним теперь, как развивались события на вечере у близняшек в то время, как похищали бедную Лилит. Маргарет охотно целовалась с ним. А Дик? Дик исчезал на короткое время.

— Разумеется, мы вас не послушались,— мрачно признался Шактер.— Кинокамеры автоматически включались трижды в сутки: утром, вечером и ночью,— с инфракрасным излучателем... И это могло бы оказаться классической уликой в данной ситуации. Еще в ночь похищения прямо от вас я поспешил в операторскую. Но камеры были отключены, а пленки — засвечены.

— Вы подтвердили мои подозрения: злоумышленники — не посторонние люди, а ваши же сотрудники. Только они могли знать о существовании скрытых камер, о местонахождении операторской. Наконец, только свои могли проникнуть в нашу квартиру.

— Мы все сами прекрасно понимаем,— вздохнул Шактер.— Но это задачи не облегчает.

— Мы делаем все, что в наших силах,— заверил Баргер.— Усилен досмотр во всех аэропортах, на железнодорожных станциях и в морских портах. Установлен военный патруль на автострадах. Проверяется каждая машина, багаж пассажиров. Если это существо еще в нашем штате, его отсюда не

вывезут ни по земле, ни по воздуху, ни по воде. Это я вам гарантирую.

— А не кажется ли вам, что целесообразнее провести обыск в помещениях лабораторного городка?— спросил Орбел.

Представитель закона вопросительно посмотрел на Кларка, пользовавшегося уважением и авторитетом у местных властей.

Глаза Шактера злобно сверкнули. Но Кларк воспринял высказанное Орбелом предложение весьма миролюбиво:

— Лично я практически исключаю возможность причастности кого-либо из моих сотрудников к этой скандальной истории, — сказал он сухо. — Для очистки совести мы обязаны проверить каждого... Мистер Баргер! Займитесь этим. С моей стороны возражений не будет... Ник, будьте любезны, выделите сопровождающих. А мне позвольте заняться своими делами. Я полностью выбит из привычного русла работы. — Крякнув, он тяжело поднялся со стула.

Орбел потребовал разрешения присутствовать при обысках.

— Я считаю оба требования мистера Карагеци бестактными, более того — беспрецедентными, — глядя в пол, процедил Шактер.

— А пропажу Лилит в ваших владениях вы беспрецедентной не считаете? Или для вас это явление привычное? — парировал Орбел, и Шактер не нашелся что возразить.

Кларка и Баргера чрезмерно активное вмешательство Орбела тоже злило и корбило, но, учитывая особые обстоятельства происшедшего, они вынуждены были мириться с этим.

С группой, состоящей из трех полицейских и двух сотрудников городка, Орбел заходил в лаборатории, в хозяйственные помещения, в квартиры общежития и даже... в дом Кларка. Он понимал всю оскорбительность этих бесцеремонных вторжений, читал недовольство на лицах потревоженных людей и все же не желал отказываться от своего непосредственного участия в обысках.

Самым неприятным оказалось посещение дома Кларка. Его жена демонстративно вышла, но Маргарет осталась с Орбелом.

— Почему ты не заходишь? — шепнула она. — Я все знаю.

— А если знаешь, зачем спрашиваешь?

— Горе, разделенное с другом, — это уже полгоря.

Он посмотрел на нее недоверчиво:

— Ты считаешь себя моим другом?

— Конечно.

Полицейские тем временем быстро обошли дом и, извинившись перед хозяином за доставленное беспокойство, направились к выходу. Орбел не последовал за ними.

— Вместе с Диком вы надумали пригласить меня на вечеринку, или идея целиком принадлежала ему?

— Неправда! — крикнула Маргарет. — Вот это уже неправда.

— Порядочные люди не уступают своих девушек.

— Я свободный человек, Орбел!

— На один вечер?

Сейчас она смотрела на него почти с ненавистью.

— Рэт! Рэ-эт! — позвали со стороны дома.

Маргарет встrepенулась, вздохнула, будто избавляясь от непосильной ноши, и, повеселев, с вызовом улыбнулась Орбелу.

— Я где-есть, — крикнула звонко, нараспев. И тихо, уже для Орбела повторила: — Я здесь, Дик.

Он прекрасно понимал, что шансов на возвращение Лилит с каждым днем становится все меньше. Из Москвы прилетел отец. Оставшись с отцом наедине, Орбел взволнованно заговорил:

— Я должен сказать тебе что-то очень важное, отец. Раньше я все не хотел верить, но теперь убедился сам, почти убедился: у Лилит никогда не будет интеллекта.

— Увы, я тоже пришел к такому заключению. Почему ты сейчас вдруг вспомнил об этом?

— Я верю... хочу верить, что ее найдут. И все встанет на свои места. Мы вернемся на Родину. Все вместе...

— Дай-то бог. — Тон Тиграна Мовсесовича был бесстрастным, пожалуй, даже угрюмым, что неприятно удивило сына.

— Папа... — Орбел волновался все больше. — Люди охотно берут в дом кошек, собак, канареек, говорящих попугаев. Привязываются к ним, окружают заботой, любовью.

— И что же? — Отец смотрел в сторону.

— Лилит не кошка и не собака. Она выглядит как нормальная девушка. И даже очень красивая.

— И что же?

— Я привязался к ней, папа. Как к человеку или как к кошке — уже значения не имеет. Я не могу обходиться без нее.

— И что же? — Голос отца становился все жестче.

— Папа, я хочу жениться на ней. Я придам смысл и завершенность моему эксперименту.

— Мне не нужны внуки — животные! — неожиданно сорвался на крик Карагези.

— Она любит меня, папа. Она тоже не может жить без меня.

— Глупости! Безумие! Я не позволю.

Орбел откинулся на спинку кресла, устало прикрыл глаза...

Дни проходили за днями, не принося нового. Слежка, которую Орбел учинил за Диком, тоже ничего не проясняла. Ожидание становилось бессмысленным. И когда, казалось, не осталось никаких шансов, Орбела окликнули на аллее. В тени деревьев стоял Руфос Робертсон. Оглядевшись с опаской по сторонам, он торопливо зашептал:

— Я могу помочь вам. Но разговаривать здесь небезопасно.

Встретимся после полуночи на берегу.— И, беззаботно махнув рукой, свернул на боковую аллею.

Орбел озадаченно смотрел ему вслед.

На домашнем совете было решено, что Орбел на встречу пойдет, а остальные терпеливо будут ждать результатов переговоров.

С трудом дождавшись полуночи, он спустился к океану. Луна успела скрыться за горизонтом, и пробираться приходилось почти на ощупь. Океан был темен и тих. Волны сонно вздыхали, перебирая, будто четки, мелкие камни. Вокруг было мирно, безлюдно и жутковато.

— Не слишком ли много таинственности?— спросил Орбел, когда появился Руфос.

— Разве ты не хочешь увидеться с Лилит?

«Неужели все-таки ловушка?»

Почувствовав его напряженность, Руфос спросил:

— Ты не доверяешь мне?

— А почему я должен доверять? Чего ради тебе помогать мне, даже если ты действительно знаешь, где она? Ее изуродовали?

— Нет-нет. Боюсь, что гораздо хуже.

— Я сойду с ума,— бормотал Орбел, изнывая от горя.— Они исследовали ее запрещенными методами, как... как животное?

— Потерпи... И прошу тебя, тише!

Крадучись, они прошли позади уже знакомых Орбелу трехэтажных лабораторных корпусов. Руфос остановился перед дверью черного хода, огляделся и тихонько отпер дверь. Пропустив Орбела в темный тамбур, сказал:

— Это строго секретные лаборатории. Непосвященному попасть сюда практически невозможно.

— И тем не менее ты собираешься нарушить запрет?— Орбела озадачивало и поражало мужество американца.

— Еще совсем недавно я был счастлив работой, я жил ею и спокойно спал по ночам, пока меня... ввиду особого доверия, не перевели в эти лаборатории. И я возненавидел их... себя... и все, чем они тут занимаются.

В темноте Руфос светил ручным фонариком.

— Это экспериментальная оранжерея. Растения выращиваются здесь путем клонирования и скрещивания.

Орбел шагнул в указанном направлении... Было темно. Только слабо высвечивал забранный решеткой проем окна.

Тяжкий глухой вздох вздыбил волосы на обнаженных руках Орбела. Он напрягся... вслушался... Все стихло, и снова вздох, больше похожий на зловещий всплеск трясины.

— Кто это?— одними губами прошептал Орбел, шаря в темноте и не находя своего провожатого.— Господи, где ты?!

— Я здесь...— отозвался Руфос из-за его спины.

— Тут... тут кто-то вздыхает. Это Лилит?

— Нет. Это Мики,— ответил Руфос и включил фонарик.

Желтый кружок света выхватил из тьмы большую кадку с декоративным растением, у которого были непропорционально толстый ствол и большие поникшие листья.

— Это дерево,— сказал Орбел.

— Это Мики,— поправил Руфос.

Снова повторился тяжкий вздох или нечто подобное. И теперь уже Орбел не сомневался, что вздыхало растение. А оно вдруг ожило: очень медленно, сонно зашевелилось, приподнимая и разворачивая листья, будто большие плоские ладони. И были эти ладони не зеленые, а бледно-розовые с рельефно проступающими красными прожилками.

— Оно погибает?— наивно спросил Орбел, приняв его цвет за осеннюю окраску листьев.

— Как бы не так,— почему-то зло ответил Руфос.— С ним тут нянчатся больше, чем с ребенком.

— А почему у него красные прожилки?— Орбел шагнул к кадке со странным растением. Руфос резко оттолкнул его:

— Не приближайся. Оно всегда так вздыхает, требуя очередного донора.

— Что ты такое говоришь?!

— Мики — уникальный гибрид. Научившись выращивать синтетические семена, они перешли к следующему этапу: сегмент ДНК человека был пересажен в клетки обыкновенной петунии, после чего растение начало с успехом производить животный белок. Петунью заменили более крупными видами... вроде этого фикуса. Мики отличается от ему подобных гибридов тем, что его природный сок полностью заменен... человеческой кровью.

Орбела передернуло.

— Принято считать, что только мозг является носителем разума. Увы, мы так мало знаем о свойствах самой крови — этого непрекращающегося от рождения до смерти потока жизни в организме, пронизывающего все ткани, в том числе и мозг... Мики доказал, что одной только крови мыслящего существа достаточно, чтобы ожить, и больше того — совершать в достаточной мере осмысленные действия. Это больше не растение, Орбел. Это... это черт знает что. Но его беда... или счастье в том, что он не может пока сам поддерживать в жилах нужный ему баланс. От фотосинтеза он отказался, и теперь в нем происходят какие-то непредсказуемые преобразования. Сначала он научился двигаться, потом — вздохами выражать свой голод. Что будет дальше — предугадать практически невозможно. Его листья становятся все более эластичными, утолщаются и меняют форму — в них идет наиболее интенсивный процесс образования белковых соединений. Кле-

точные структуры приближаются к структуре органических тканей человека.

— Что за нелепость!— Орбел пытался превозмочь подступающее тошнотой омерзение к вздыхающему «Мики».— Зачем это?

— Разве Кларк похож на пустого мечтателя? На человека, теряющего даром время?— усмехнулся Руфос.— Мики может оказаться весьма полезным. Такими зооращениями намереваются обсадить вместо изгороди участки закрытых зон — военных баз, например, или секретных заведений. Да что мелочиться — границы государств! Живая, непроезжая стена.

— Почему непроезжая?— Орбел все еще не понимал, куда он клонит.— Мерзко в сути своей, но безобидно. Эти кожистые листья-ладошки с красными прожилками, наверное, даже приятны на ощупь. Посмотри, как он тянется ко мне.

И, шагнув к кадке с растением, Орбел коснулся одной из «ладошек», с мольбой протянутой к нему... С неожиданной стремительностью «ладошка» метнулась ему навстречу и всей поверхностью прильнула к опрометчиво протянутой руке.

— Ай!— вскрикнул Орбел, тщетно пытаясь отдернуть руку. Он с ужасом заметил, что все остальные листья разом пришли в движение и потянулись к его лицу. На Орбела будто нашел столбняк. Он не мог заставить себя пошевелиться, не мог крикнуть. Приятное томление, возникшее в кисти, мягко распространилось по руке и телу, кружило голову...

Орбел вздрогнул от резкого удара, просившегося у самого лица. Это Руфос сбил палкой прильнувший к нему лист. И тот, отвалившись, тяжело шлепнулся на пол.

— Полюбуйся!— Руфос навел на лист свет фонарика.

Лист заметно краснел, прожилки разбухали. У места отрыва черенка образовалась лужица крови. Орбел перевел взгляд на свою руку — бесчисленные саднящие ранки кровоточили.

— Дерево-вампир,— прошептал он и невольно попятился, все еще ощущая в теле сонную расслабленность.

— Его подкармливают млекопитающими. На всякий случай держат наготове эту палку... Как назло, я сам растерялся и не сразу нашел ее в темноте.— Он швырнул палку в угол.— Ухаживающий за ним сотрудник, зазевавшись однажды, чуть не заплатил жизнью, хорошо, его вовремя выручили... Теперь понял, чем прельщает их Мики в качестве пограничника?

— Уйдем отсюда,— попросил Орбел, растирая ноющую руку.

— Эх, если б было куда уйти,— мрачно сказал Руфос, приглашая Орбела следовать дальше.— Здесь содержатся животные-мутанты, выведенные опытным путем. Еще в зародышевом состоянии у них намеренно перепутали порядок цепочки ДНК, в отдельных случаях клонированы хромосомы. В этом вольере,— Руфос бросил луч фонарика в угол помещения, ему от-

ветили глухим ворчанием,— у животных был изменен порядок формирования частей тела. Как правило, они нежизнеспособны. Лично я считаю метод гибридизации не только неперспективным, но и антигуманным.

То, что Орбел увидел, потрясло его. Во мраке вольера копошился клубок, в котором невозможно было разобрать, кому принадлежат лапы, мохнатые или голые хвосты, кабаньи рыла или длинные клыкастые морды. Все это щерилось, скалилось, грозно рычало, распадаясь и снова собираясь в клубок. Бросалось в глаза явное нарушение координации движений, неустойчивость, отчего большинство этих нелепых жалких существ выражало свое недовольство, лежа на брюхе или на боку. Внимание Орбела привлекло существо, которое не скалилось, не щелкало зубами и вообще не издавало никаких звуков. Оно неподвижно лежало в углу и смотрело на Орбела тоскливым и, как ему показалось, осуждающим взглядом. Когда другие чуть отползли, Орбел обнаружил, что у молчаливого существа полностью отсутствуют конечности. Только округлое, как бурдюк с вином, голое тело и непомерно большая нескладная голова.

— Зрелище жалкое и тяжелое,— вздохнул Руфос,— не стоит смотреть на них.

Руфос снова свернул в какой-то коридор.

— И все же главная опасность для будущего не в этих гибридах, хотя... природа, я уверен, не простит человеку бесконтрольное вторжения в ее сферы... Страшно другое. То, что находится в правом крыле этого дома. Мы не зайдем туда, потому что при свете карманного фонарика все равно ничего невозможно увидеть. Именно там хранится самая что ни на есть реальная опасность для человечества. И ужаснее ее я не знаю ничего. Опасность, невидимая невооруженным глазом, и оттого еще более могущественная и сокрушительная. Веришь ли, я просыпаюсь весь в поту, вскакиваю и долго не могу прийти в себя. Меня преследуют кошмары. В азартной игре в первооткрывателей мы забываем о последствиях своих открытий. Разгадав очередной ген, пептиды, полимеразы, мы тотчас спешим известить об этом мир и снова в тени лабораторий экспериментируем до умопомрачения. Но есть другие люди, ждущие момента, чтобы любое открытие обратить во зло, в бизнес, в средство наживы или массового уничтожения... Это не только Пентагон, но и такие вырожденные ученые, как Кларк, Шактер.

— Да о чем это ты?— не выдержал Орбел. Его интересовало сейчас только одно — как скорее увидеть Лилит.

— О вирусах! Конечно же, о вирусах.

— Друг мой! По-моему, у нас были другие цели.

— Я не забыл. Ты должен выслушать меня! Ты представитель другой страны, другого идеологического мира. И я от-

крываю тебе тайны, реализация которых может привести к гибели не только вашей страны, но всего человечества.— Его голос дрожал от напряжения. Он забыл, что должен говорить тихо.— Давай присядем в этом холле.

Орбел не стал больше перечить и покорно сел.

— Шактер хвастался перед тобой обманным вирусом гриппа, выведенным в лаборатории. Не так ли?

— Да-да, припоминаю. Иммунная система человека реагирует на оболочку вируса, вырабатывая соответствующие антитела. Но вирусы-мутанты уже не содержат внутри возбудителей гриппа и потому действуют на человека как вакцинация...

— Да, такой вариант вполне жизнеспособен в мирное время,— нетерпеливо перебил Руфос.— А если война? Скажем, холодная война. О бактериологическом оружии много писали — бесчисленная армия невидимых солдат, разящих противника без шума, выстрелов и разрушений. Используя знакомую организму оболочку вируса в качестве микромешка, ее можно нашпиговать чем угодно — самыми страшными смертоносными генами. Организм отреагирует должным образом на оболочку, а притаившиеся убийцы начнут свое действие исподтишка.

— Троянский конь, да и только.

— В соседней комнате в колбах и герметически закупоренных флаконах содержится сокрушительная сила, с которой не сравнится ни одно оружие мира. Вирусы-мутанты. Если во время эпидемий оспы, чумы, холеры определенный процент заболевших приспособляется и выживает, то при эпидемии вирусомутантов не спасется ни человек, ни животное. А поиски невидимого оружия становятся все изощреннее, и теперь, по поручению Кларка, мы разрабатываем новую идею, предложенную, кстати сказать, Шактером. Мы начали нашпиговывать оболочку вируса... Чем бы ты думал?

— Право, у меня не хватает фантазии.

— Здесь нужна поистине чудовищная фантазия. Так вот, двойная спираль ДНК составляется произвольно, ее гены-хромосомы заимствуются у самых различных биологических объектов и выстраиваются без соблюдения какого-либо порядка и последовательности. За генотип ДНК берется одна модель, чаще — гибридная. Коктейль получается невообразимый. Такой заново сфабрикованный биологический код можно распространять в виде вирусной инфекции. Внедряясь в организм человека или животного, он полностью разлагивает его, нарушает внутреннюю гармонию и взаимосвязь органов, координацию движений. Подобно раковым опухолям начинают расти новые нефункциональные органы или конечности, атрофируются прежние, мозг и нервная система перестают выполнять свои функции. Одним словом, такой человек-мутант перестает быть человеком и, даже если не погибает, представляет собой ужасающее

зрелище. В зависимости от дозы подобных вирусов, введенных в организм, процесс перерождения может развиваться крайне медленно — годами или фантастически быстро, буквально в считанные дни. Сейчас я познакомлю тебя с жертвой такого эксперимента. И биологический мутант Мики покажется тебе невинной забавой.

— Ты убиваешь меня, Руфос,— бормотал потрясенный Орбел.— Это чудовищно, бесчеловечно! Это кощунственно, наконец. Надеюсь... не Лилит превратили в такого мутанта?..

— Нет-нет, не Лилит. Я боялся сойти с ума, но теперь есть ты — представитель могущественного, а главное — миролюбиво настроенного государства. Вас услышат. Вам поверят. К вам будут прислушиваться. Мои же возможности ничтожны. Обещай выполнить мою просьбу. Мое требование. Расскажи миру о том, что увидел здесь.

Орбел нашел в темноте руку Руфоса и крепко сжал ее.

Некоторое время они молча сидели друг против друга, глядя под ноги, погруженные в разноречивые переживания. Один испытывал своего рода облегчение, переложив непосильное бремя на чужие плечи, другой корчился и стонал под внезапно свалившейся на него ответственностью.

Глухой вой донесся из глубины помещения, тоскливый и в то же время воинственный. Увидев два светящихся в темноте кружочка, Орбел попятился.

— Не бойся, он в загоне,— подбодрил его Руфос.

— Кто в загоне? И где же, наконец, Лилит?

— Она здесь.

— Как?!

— Да, мой друг. Ее держат в одном помещении с Чарли.

— Каким еще Чарли, Руфос?!— дискантом взвизгнул вконец издерганный Орбел.

Вой перешел в глухое урчание.

Руфос направил луч света в темноту — все стихло.

За массивными чугунными прутьями колыхалось нечто бесформенное и невообразимо огромное. Темная, лоснящаяся туша была метров четырех в поперечнике. Голова... если это можно назвать головой, расплывшись, сливалась с общей массой, покрытой буграми и впадинами. Маленькие злые глазки в упор смотрели на Орбела, а отвратительная пасть беззвучно шевелилась. От колышущейся массы отделилась огромная черная рука с лиловой ладонью — человеческая пятипалая рука, и уцепилась за решетку.

— Что это?— вскричал Орбел, отскакивая к стене.

А туша, перекатываясь и вспучиваясь, подобралась вслед за рукой к решетке, налипла на нее, как черное, вязкое тесто.

— Пошел вон, Чарли! Пошел вон,— прикрикнул Руфос.

Туша обмякла, опала и расплзлась по полу.

— Чарли Смит был негром. Работал у Кларка. А когда пона-

добился человеческий экземпляр для эксперимента, Шактер пожертвовал своим довольно ленивым, нерасторопным работником. Шактер — ярый расист. Он испытал на нем свой новый вирус. Чарли и есть тот монстр, которого я обещал показать тебе. Попытайся представить, как войско противника перерождается в таких вот монстров и пожирает друг друга. Запомни беднягу, и на этом мы закончим нашу ночную экскурсию. Ты хочешь видеть Лилит. Она в клетке позади Чарли. Ее упрятали туда для надежности. Доступ в эти помещения имеют всего несколько человек. Даже если посторонний чудом забредет сюда, при виде Чарли он либо сбежит, либо потеряет сознание, и уж ему наверняка будет не до маленькой, ничем с виду не примечательной девицы.

— Веди меня к ней. Скорее! Почему она молчит? Почему никак не реагирует на мой голос? Да посвети же, черт возьми!

— Орбел,— мягко остановил его Руфос,— прежде чем я посвечу тебе, ты должен узнать одну печальную истину: прежней Лилит больше не существует. Вам не удалось сделать из нее человека, зато им удалось превратить ее в зверя.

— Какие глупости!— вскричал Орбел.— Ты не знаешь Лилит. Стоит ей увидеть меня...

— Ладно,— вздохнул Руфос.— Но поостерегись. Обойди клетку Чарли слева. Вот здесь.— Он высветил ему световую дорожку.

Орбел бросился в указанном направлении.

— погоди,— остановил его Руфос.— Возьми ключи от клетки.

— Клетка! Ключи! И это чудовище!— Орбел был вне себя.

Фонарик Руфоса вырвал из вязких объятий тьмы грязное, жалкое тельце, скрюченное в углу клетки.

Трясущимися, непослушными руками Орбел пытался отпереть железную решетчатую дверь.

— Лилит... крошка... деточка моя...— бормотал он, и зубы его стучали.

Лилит напряглась, сжалась в тугую пружинку, свирепо глядя круглыми звериными глазами на пытавшиеся освободить ее руки. И стоило Орбелу распахнуть тяжелую дверь — пружинка развернулась со сверхъестественной стремительностью, сбив с ног и опрокинув навзничь своего спасителя...

Свет фонарика напрасно метался по стенам и углам помещения — Лилит исчезла. Ошарашенный, Орбел поднялся, держась за прутья опустевшей клетки.

— Где она?

— Понятия не имею.

Они возвращались назад по темным коридорам и галереям, ощупывая фонариком все закоулки. Руфос остановился перед выходной дверью, которую предусмотрительно запер.

— Что же нам делать?— растерянно спросил Орбел.

— Здесь оставаться больше нельзя. Смотри, небо на востоке начало светлеть. Нам надо поскорее убраться.

И едва Руфос открыл дверь — оба разлетелись в стороны. Легкая тень скользнула между ними и исчезла в темноте.

— Это была она! — вскричал Руфос.

— Лилит!.. Лилит! — с тихим отчаянием позвал Орбел. Ему никто не ответил.

* * *

Стив не любил изнуряющий труд, предпочитая случайные легкие заработки и свободную жизнь, полную опасностей и приключений. Неоднократно попадался за угон чужих машин, но, выходя на волю, с завидным упорством принимался за старое, веря, что счастье в конце концов улыбнется ему.

Стив притормозил, увидев что-то интересное.

— Никак девчонка! Что ж она спит тут одна, у самой дороги? — Стиву часто самому доводилось бывать бездомным, и ему стало жаль этого грязного, босоногого заморыша, так доверчиво и опрометчиво прикорнувшего у всех на виду.

Он подошел к спящей, заложив руки за ремень, разглядывал ее с любопытством и недоумением.

— Эй, крошка премиленькая, — сказал, прищелкнув языком. — Только уж очень грязная и платье рваное... Эй! Да проснись же, черт побери! Э-эй... Могу подвезти, если хочешь.

Он наклонился, тормоша ее за плечо. Его рука ощутила, как разом окаменело ее тело. Она распахнула круглые глаза и уставилась на склонившегося над ней гиганта. В следующее мгновение — он даже не сообразил, как она успела вскочить, — девушка отпрыгнула в сторону и пустилась наутек.

— Ишь какая! Не уйдешь! — весело крикнул Стив. У него были длинные, крепкие ноги, привыкшие улепетывать от полицейских. И он помчался следом. Ноги и впрямь не подвели. Он настиг беглянку и крепко схватил ее. Она отчаянно сопротивлялась. Потеряв равновесие, оба свалились на землю.

Увлеченный возней, Стив наконец опрокинул ее навзничь, придавил к земле, и только теперь заметил искаженное невообразимым ужасом лицо девушки. Он был озадачен. Чтобы как-то ее успокоить, заигрывая снова, сказал, не задумываясь:

— Попалась, Крошка... Не уйдешь...

«Попалась, тварь! Не уйдешь!» — ослепило ее сознание. Явственно возникло лицо, красное и потное. И, изловчившись, Лилит вонзила зубы в горло очередного мучителя. От неожиданности и боли Стив выпустил ее, попытался отшвырнуть, но не тут-то было. Хрупкая жалкая замарашка, юродиво прикорнувшая у дороги, превратилась в дикую кошку, в сатану со стальными, мгновенно выстреливающими мускулами. Не успел Стив сообразить, что, собственно, происходит, как Лилит

оказалась сверху. Пустив в ход зубы и ногти, она рвала на нем одежду, кожу, волосы... Напрасно Стив силился отодрать ее — она решила, пусть ценой собственной жизни, отомстить за себя. Да нет, она ничего не решала — ее мозг заволокло кровавым туманом. Ее зубы сомкнулись на его горле, на буйно пульсирующей сонной артерии.

...— Неизвестный зверь загрыз недалеко от шоссе здорового молодого парня, — с содроганием сообщил Рон Бремер Страйнеру. — Я сам видел изодранное окровавленное тело и его «кадиллак». Там полно полиции. — И многозначительно добавил: — Он весь в ссадинах, царапинах и укусах.

— Думаешь, сбежала? — побледнел Дик.

— Немедленно проверить, — шепнул Бремер.

Оба поспешили через лаборатории и галереи во владения черного Чарли. Лилит, как они и опасались, на месте не оказалась. Двери опустевшей клетки были распахнуты настежь. Огромная туша, растекшись по полу, приняла четырехугольную форму своей темницы и при виде сотрудников стала глухо и жалобно ухать, напоминая о времени кормежки.

— Да заткнись ты, черная образина! — раздраженно крикнул Бремер, зная наперед, что ни окрик, ни свист кнута не дойдет до навсегда угасшего сознания Чарли, у которого не осталось ничего, кроме единственного инстинкта, поступающего из недр его необъятного желудка.

— Кто мог это сделать?! — взревел Дик, багровея.

— А если сама?

— Невозможно! Ее выкрали. Но кто?

— Я ее выпустил, я. — Руфос стоял перед ними с независимым видом, заложив руки за спину. В его открытом взгляде было презрение к опасности и к этим ничтожным, нечистоплотным людям, которых он совсем недавно считал своими коллегами по науке.

— Посмотрите на него, Христос, да и только, — с ненавистью процедил Бремер. — Зачем тебе это понадобилось?

— Зачем это понадобилось вам? — Руфос не спускал со Страйнера негодующего взгляда, пренебрегая Бремером.

— Да знаешь ли ты, — визгливо крикнул Бремер, — что бывает, когда суют нос не в свои дела?

Руфос по-прежнему не обращал на него внимания.

— Спокойно, Рон, не горячись, — одернул сообщника Страйнер, не отводя нагло-самоуверенных глаз перед взглядом Руфоса. — Меня интересует другое: зачем ты потащил сюда Орбела?.. Он забросил удочку так — на всякий случай, вовсе не будучи уверен, что Руфос приходил ночью не один. А тот, бесхитростный и прямолинейный, проглотил наживку, что называется, по самый поплавок.

— Со мной бы она не пошла, — ответил он просто.

Страйнер и Бремер переглянулись.

— Кажется, и с ним она не очень-то пошла? — Страйнер сохранял внешнее спокойствие.

— И вы еще удивляетесь! — возмутился Руфос. — Вы превратили ее в зверя. Она теперь никого не признает.

— Черт с ней! — Страйнер понизил голос, и изнутри прорвалась сдерживаемая ярость. — Ты понимаешь хоть, что натворил?

Руфос вдруг растянулся на полу, он попытался вскочить, но Страйнер и Бремер бросились на него. Он отчаянно сопротивлялся. От удара кулаком в переносицу у Бремера моментально вспух нос. Дик ловко увертывался от рук Руфоса и, изловчившись, наотмашь ударил его ребром ладони в основание черепа. Второй удар он нанес в кадык, чудом не переломив его. Руфос захлебнулся, дыхание остановилось — он потерял сознание.

— Хорош, — удовлетворенно отметил Дик, вставая. — Так-то лучше... На него посмотрите, в свидетели собрался. Ишь, храбрый какой. — На пороге появился Шактер.

Бремер, потирая распухший нос, сказал:

— Не обращайтесь внимания. Сейчас он придет в себя... Дик! Брызни-ка на него воды. — Он наклонился над Робертсоном, похлопал его по щеке: — Руфос... Эй, Руфос! Да вставай же! Будет разлеживаться.

Руфос открыл глаза. Сел.

— Вот и все, — улыбнулся Шактеру Дик. — Повздорили — помирились. С кем не бывает. Вы уж нас извините.

— Куда вы?

— На поиски заморской птички, которую ты так опрометчиво выпустил на волю. Поможешь нам ловить ее. Нельзя же допустить, чтобы птичка и дальше пожирала мирных американцев.

Про себя же Страйнер думал, что, если посчастливится, можно будет, не возвращаясь к Кларку, махнуть в соседний штат, прихватив с собой и Руфоса, представлявшего теперь немалый научный и стратегический интерес. Их новый шеф, с которым имелась уже тайная договоренность, наверняка до такого еще не додумался, и ему было бы небезынтересно понаблюдать за грядущими превращениями их коллеги. Может, заодно и гонорар возрастет. Ведь это уже не один, а два редкостных экземпляра.

В доме фермера накрывали на стол к завтраку. Дородная, рослая хозяйка, ее младшая дочь-подросток, хозяин фермы — высокий, жилистый, загорелый, и двое взрослых сыновей, чинно рассевшись вокруг стола, приступили к трапезе.

Отец поторапливал сыновей, чтобы не расслаивались за едой — разгар лета, дел на плантации невпроворот. Его мысли были всецело заняты хозяйственными проблемами.

Семья молча сосредоточенно ела, когда из пристройки донеслось громыхание. Перестав жевать, все насторожились.

— Я оставила ведро с молоком! — всполошилась хозяйка. — Уж не пробралась ли туда бездомная собака или кошка?

Шум повторился, но уже более осторожный.

— Ну-ка, дочка, пойдй взгляни, — сказал фермер.

Девочка отложила кусок хлеба с сыром и пошла к двери.

— Ой... — тихо вскрикнула она. — Там... там какая-то грязная оборванка... Она пьет наше молоко прямо из ведра.

Все члены семьи повскакали с мест.

Лилит, обеими руками прижимая к себе ведро, злобно уставилась на них.

— Смотрите-ка, она вся измазана кровью!

— Тебе чего здесь надо? — строго спросила фермерша. — А ну поставь ведро на место! Испоганила такое прекрасное молоко. Убирайся отсюда!

Оборванка, слегка наклонив голову, прислушивалась к ее голосу, потом неуверенно, с усилием произнесла по-русски:

— Ли... лит... кушать... хочет.

— Вы что-нибудь поняли?

— Я понял только «Лилит», — сказал один из сыновей.

Попятившись, она крепче прижала к груди ведро с молоком.

— Не все ли равно, как ее зовут? Пошла вон, грязнуха! — рассердилась фермерша и, выбросив вперед руку, повелительным жестом указала самозванке на дверь.

Лилит глухо заворчала, принимая оборонительную позу. Но ведра не выпустила. Люди удивленно переглянулись.

— Это еще что за фокусы? — возмутилась фермерша.

— По-моему, с девчонкой не все в порядке, — сказал фермер. — Посмотри на ее вид. Но лицо, если бы не грязь, прехорошенькое.

— И что ты предлагаешь? — напустилась на мужа фермерша. — Взять ее в дом? Искупать? Уложить в постель, да?

— А почему бы и нет? Девчонка нуждается в помощи.

— Мама! Отец прав, приутим ее, — посоветовал старший сын.

— Как бы не так! Я за своих сыновей перед богом в ответе. А как натворите чего? Мне такая невестка ни к чему. Оборванная, неизвестно откуда. К тому же, кажется, полоумная.

Заметив за спинами людей вкусную еду, Лилит выпустила из рук ведро, которое с грохотом покатилося, обдавая всех молоком, и бросилась на людей. От неожиданности те поспешно расступились. Лилит ворвалась в комнату, молниеносно засунула за пазуху кусок сыра, схватила краюху хлеба, пытаясь

одновременно сгрести и все яйца, которые катились по столу, падали на пол и разбивались.

Семья фермера ошарашенно следила за ней.

— А ну положи все на место! — гневно крикнула хозяйка. — А не то я тебя...

Прижимая к себе добычу, Лилит бросилась к открытому окну, ловко перелетела через подоконник и исчезла.

* * *

С началом рабочего дня маленькая группа из Советского Союза вошла в залитый утренним солнцем кабинет Кларка. На лицах всех троих застыла маска холодной отчужденности. Кларк, достаточно осведомленный об основных происшествиях ночи, с таким же каменным лицом поднялся им навстречу.

Посетители расселись молча, выжидательно глядя на хозяина Лабораторного городка. Орбел, впервые попав в его кабинет, с любопытством огляделся по сторонам. Все вокруг было завалено самыми неожиданными вещами, казалось, не имевшими к Кларку никакого отношения, вернее — не вязавшимися с представлениями Орбела о нем. Картинки, карикатуры, абстрактные карандашные наброски на стенах. Среди них — многочисленные дипломы в рамках и под стеклом с гербами, печатями, вензелями. На полках шкафов среди книг — фарфоровые статуэтки, гипсовые бюстики, кусочки минералов. На необъятном письменном столе среди нагромождения бумаг — фотографии членов семьи Кларка в затейливых претенциозных рамках, повернутые лицом к посетителю.

— Вы пришли по какому-нибудь конкретному делу? — осведомился Кларк невозмутимо.

— Мы пришли за разъяснениями, — тотчас отозвался нетерпеливый Орбел.

— Каким образом ваша... подопечная убила нашего парня? — Он намеренно не употребил излюбленного словечка: «экспонат», поскольку с экспоната и спрос другой. — Не понимаю...

— Прекрасно понимаете, — не сдержался Орбел. — Вы похитили Лилит. Ваша дочь обманным путем выманила нас с сотрудницей из дома в тот вечер...

— Прошу не вмешивать сюда мою дочь, — холодно оборвал его Кларк.

— Все равно вам не уйти от ответа, — не уступал Орбел, — перед нами, перед нашей страной... перед общественностью за то, что вы сделали с Лилит.

— Да помолчи же наконец! — не выдержав, осадил Карагези сына по-армянски. — Мистер Кларк, я прекрасно понимаю вас и ваше положение в создавшейся ситуации.

— Это другой разговор, коллега. — Кларк тут же сбавил

тон.— Я думаю, если бы мы остались наедине, наша беседа протекала бы куда более продуктивно.

— Оставьте нас,— без промедлений потребовал Карагези.

— Но отец!— возмутился Орбел.

— Я сказал, оставьте нас.

— Хоть не давай ему обвести себя вокруг пальца,— сказал Орбел, с недовольным видом направляясь к двери.— Если удастся найти машину, отправлюсь на поиски... Оля, пошли.

Ольга безропотно последовала за ним.

— Я, дорогой коллега, занимаюсь экспериментально-исследовательской деятельностью не по собственной прихоти, а по финансируемым заказам Пентагона, и ваш антропид привлек меня именно своей животной сущностью. Вы стремились любой ценой дотянуть ее до человека. Я же, наоборот, много лет бился над созданием зверя в облике человека. Это как обманный вирус: организм дает адекватную оболочке реакцию, а когда «осознает» его подлинную сущность — бывает уже поздно... Войны-животные, не знающие ни страха, ни жалости, послушные только воле своего хозяина,— вот давнишняя мечта моих заказчиков, а следовательно, и моя,— с циничной непосредственностью разоткровенничался Кларк.— Их можно дрессировать, закреплять искусственные рефлексy, у них нет ни нравственных, ни этических комплексов, которыми опутывает себя человеческое общество. Ваша Лилит загрызла здорового молодого парня. Публично я буду кричать и возмущаться и, может быть, даже обвинять вас в намеренном преступлении, но втайне я аплодирую вам, коллега, осуществившему наш давнишний замысел. Я завидую вам черной завистью и не успокоюсь, пока не разгадаю ваши секреты.

* * *

Орбел попросил Маргарет ехать помедленнее, пристально вглядываясь в окрестности... Сзади настойчиво залилась сирена.

— Что нужно от меня дорожной полиции? — Маргарет наморщила носик, бросая недовольные взгляды назад через зеркало. Она нажала на тормозную педаль. Вровень с ней тотчас встал черный «понтиак», из него выскочил человек в черной рубашке и черных брюках с мрачно-сосредоточенным лицом. Два «доджа» с мигалками замерли позади.

— Простите за беспокойство, мисс Кларк,— обратился к Маргарет человек в черном, легким кивком головы поздоровавшись с Орбелом,— но я должен знать, куда вы направляетесь.

— Чего ради? — возмутилась Маргарет, принимая надменный вид.— И по какому праву?

— В целях вашей же безопасности,— заверил следова-

тель.— Вашей и гостя из России. Вы наверняка осведомлены, что на дорогах стало небезопасно ездить. Бежавшая от вас... право, не знаю, как и называть это дикое человекоподобное существо... нападает на мирных жителей, грабит фермеров.

Они снова сели в машину, отыскивали дорогу к океану. Остановившись у кромки песков, босиком направлялись к воде. Маргарет на ходу стаскивала уже не такие безукоризненно белые перчатки, бросая их прямо в песок, расстегивала свой атласный комбинезон, ничего не видя вокруг, кроме маняще бегущей навстречу волны. Орбел предусмотрительно огляделся по сторонам: пляж, несмотря на знойный полдень, был пуст... по правую руку от них. Но, взглянув налево, он обнаружил вдалеке возбужденно жестикулирующих людей.

Схватив свою спутницу за руку, Орбел потянул ее к невысокому кусту цветущего, одуряюще пахнущего розмарина.

— В чем дело? — рассердилась та.

— Тсс-с, умоляю, тише,— зашептал он, заставляя ее пригнуться.

— Да что случилось, Орбел? Я хочу купаться.

— Посмотри вон туда... Ты не узнаешь этих людей?

Маргарет выглянула из-за куста и вскрикнула:

— Да это ж...

Он бесцеремонно зажал ей рот рукой. Она сорвала с лица его руку и сказала недовольно, но тихо:

— Там Дик и два наших сотрудника. У меня отличное зрение. А ты зачем-то тащишь меня в кусты. Пусти, я хочу окликнуть Дика.

— Но ты ведь согласилась поехать со мной, а не с ним,— напомнил Орбел, сдерживая раздражение.

— Дик — мой друг,— заявила она.— И я не собираюсь прятаться от него в кустах. Об этом мы не договаривались.

— Пригнись и постарайся незаметно добежать до первых деревьев,— шепнул Орбел,— это всего несколько шагов.

Им удалось благополучно пересечь открытое пространство и под прикрытием леса подойти совсем близко к спорящим на краю пляжа. Теперь их разделял только один развесистый куст молодой акации. Орбел жестами потребовал, чтобы Маргарет затаилась и вела себя предельно тихо. Та подчинилась с откровенным недовольством, и поначалу Орбел опасался, что она выдаст его. Но очень скоро разговор по ту сторону кустарника заинтересовал Маргарет, и она, забыв об Орбеле, старалась не пропустить ни одного слова...

— Ошибиться я не мог! — настаивал, как видно, не в первый раз Дик.— Она купалась прямо в платье и пустилась наутек при виде нас. Любая американка скинула бы с себя одежду.

— Это еще не доказательство,— возразил ему Бремер.— Ведь мы обшарили все кусты и нигде не обнаружили даже ее следов.

— Значит, она или ловко прячется от нас, или убегает отсюда сломя голову. Что-то, а бегать она умеет.

Какое-то время Орбел пребывал в полной растерянности, не зная, что предпринять. Лилит, которую он тщетно столько времени разыскивал, в двух шагах от него. Ему хотелось броситься к ней без промедления, схватить, прижать к себе. Но тогда они с ней останутся одни против... Сколько же их? Двое? Если с Руфосом — трое, а с Маргарет уже будет четверо. И он решил ждать, не предвосхищая событий.

— Если мы не поймаем ее, — продолжал стоять на своем Дик, — мы пропали. На нас обрушатся все беды мира. Этот русский... или кто он там, и его папаша разболтают за океаном тайное тайных, поднимут шумиху... — Маргарет покосилась на Орбела далеко не дружеским взглядом. Но она не понимала, о чем идет речь. — И Кларк... и ФБР, и ЦРУ отыграются на нас. А все этот кретин Руфос... Чертов ублюдок.

Руфос даже не обернулся, что крайне удивило Орбела. Но если им стало известно о поступке Руфоса, то почему они взяли его с собой на поиски сбежавшей Лилит, а не свели с ним счеты, не отдали его в руки Кларка или полиции?

Раздвигая руками кустарники, Дик Страйнер прошел мимо Лилит и... увидел затаившихся Орбела и Маргарет. Он настолько опешил от неожиданности, что не сразу нашелся, что сказать. Лицо его бледнело на глазах от подступившей ярости.

Издав воинственный клич, он бросился на Орбела... и в ту же секунду взвыл от боли — ему на спину разъяренной пантерой прыгнула Лилит, вонзив ногти в лицо, а зубы — в загривок. Страйнер вращался как смерч, пытаясь сорвать с лица цепкие руки.

— Да помощи же, черт возьми! — рычал от боли Страйнер. — Оторви от меня эту бестию.

Ударом кулака Орбел на всякий случай сбил с ног нерешительного Бремера. Но, испугавшись за последствия, крикнул:

— Лилит! Прочь, Лилит! Оставь его. Ко мне!

Лилит не слышала и не видела никого, кроме своего врага, которого ненавидела больше всего на свете. С остервенением она кусала и царапала его, старалась добраться до горла. А он, хрипя и обливаясь кровью, метался по пляжу.

— Дик... Дик... Боже мой, Дик, — исступленно причитала Маргарет, ломая пальцы, замирая от ужаса.

Орбел схватил Лилит, бормоча, как заклинание, ласковые слова:

— Милая моя, бедная моя, ну иди же ко мне, иди, хорошая, умница, Лилитушка, ну вспомни меня, вспомни, родная...

Он ощутил, как ослабло сумасшедшее напряжение ее мышц... и, вся разом обмякнув, она упала ему на руки, забилась в нервных конвульсиях. Страйнер рухнул на песок.

Прижимая к груди Лилит, счастливый тем, что держит ее на-
конец в своих объятиях, Орбел спросил Маргарет:

— Аптечка в машине есть?

Прежде чем Маргарет добежала до своего «роллс-ройса»,
Орбел услышал вой сирены и вздохнул с облегчением...

Полицейские бросились к нему.

Орбел крепче прижал к себе Лилит и, шатаясь, пошел к ма-
шине. Маргарет догнала его:

— Я не смогу вести машину. У меня дрожат руки,— пожа-
ловалась она.

— Если позволите, мисс, за руль сядет мой работник,—
предложил следователь.

* * *

...С радостным воплем бросилась Ольга к Лилит, по-преж-
нему цеплявшейся за Орбела, как маленькая обезьянка.

— Не надо, Ольга, тише,— остановил ее Орбел.— Лучше
открой постель и быстро сообрази ей что-нибудь поесть.

— Ли... лит кушать хочет, — сонно пробормотала Ли-
лит.

— Милая ты моя! — В приливе нежности прослезилась Оль-
га.— Не забыла... Сейчас, моя хорошая, сейчас...

Тигран Мовсесович, поднявшийся с кресла при появлении
Орбела с Лилит, так и стоял, молча глядя на них.

— Папа, ты не рад нам? Она нашлась!

— Очень рад.

Орбел пожал плечами и понес Лилит в спальню. Бережно
уложив ее, грязную, в кровоподтеках и ссадинах, на белоснеж-
ные простыни, укрыл одеялом, поцеловал слипшиеся волосы —
она сонно промурлыкала в ответ что-то невнятное.

Когда Ольга принесла еду, Лилит крепко спала.

— Спи, милая, спи,— умильно прошептала Ольга.— Сон те-
бе сейчас важнее всего.

Кларк сам пригласил к себе Карагези с сыном. Молчание,
которым он встретил их, было красноречивее всяких слов.

— Не знаю, что и сказать,— заговорил он.— Мне искренне
жаль. Меньше всего я хотел неприятностей.

— Страйнер жив? — холодно перебил его Карагези.

— К сожалению,— зло вырвалось у Кларка.— Оба под
стражей. Дочь рассказала мне подробности. Бремер дополнил
остальное. Не сомневайтесь, они понесут заслуженное наказа-
ние.

Отец родным с детства говором тихо произнес по-армянски:

— Помолчи, сынок. Будь умницей.

— За два-три дня мы сумеем закончить всю нашу бухгалте-
рию. В четверг будем готовы ехать в аэропорт.

— Хорошо.— Карагези поднялся. Орбел продолжал сидеть.

— У вас есть еще ко мне вопросы, мой отважный герой? — осведомился Кларк холодно.

— Да. Я хотел бы знать, как чувствует себя Маргарет...

— Она в полном порядке.

* * *

Лилит отмыли, поменяли одежду, залечили ссадины... На всякий случай подстригли до основания ногти. Поначалу она нервно вздрагивала от каждого прикосновения, скалила зубы, глухо урчала. Но неизменно ровный, ласковый тон тех, кого она хорошо знала и любила, сделал свое дело.

В день отъезда Орбел сам позвонил Шактеру, напомнив, что не изменил своего намерения проститься с Руфосом Робертсоном.

— Я жду вас у четвертой лаборатории, — сухо ответил Шактер. — Вам известно, где она находится. — И положил трубку.

Он шел вслед за Шактером мимо уже знакомых ему лабораторий. Двери, мимо которых они проходили, то и дело открывались. В них появлялись люди в халатах с непроницаемыми лицами. Казалось, они специально возникают на его пути, чтобы убедиться, что доверчивая жертва все глубже проникает в их владения... Может, все они соответственно проинструктированы Шактером, их роли расписаны и отрепетированы?

— Сюда. — Шактер остановился. — Желаете получить аудиенцию наедине? — В тоне откровенно звучала издевка.

— Д... да, наедине.

— Извольте. — Шактер развернулся на каблуках и исчез.

Поколебавшись, Орбел нерешительно переступил порог указанной ему комнаты. И очутился в апартаментах Чарли. Первое, что бросилось в глаза, лениво колышущаяся черная масса, примерно разросшаяся за минувшие дни. Приняв квадратную форму загона, туша, будто дрожжевое тесто, начала расти вверх, к потолку. Толстые чугунные прутья решетки глубоко врезались в нее, но Чарли, казалось, не замечал этого. Судя по всему, он спал, равномерно, волнообразно вздымаясь и опадая, издавая глухой мощный храп. Оторвав от него взгляд, Орбел осмотрелся.

Сейчас, при свете дня, помещение выглядело иначе, чем той зловещей ночью. Он вспомнил, что Лилит пряталась в клетке позади Чарли. Но черная вздутая туша загораживала ее.

— Руфос... — осторожно позвал Орбел. — Руфос! Ты здесь?

Ему не ответили. Он обошел огромную клетку и только тогда увидел то, что искал. В клетке Лилит сидел человек. Абсолютно голый, раздутый, будто от жестокой водянки. Ноги и руки как бы втянулись в шаровидное тело или оплыли не то жиром, не то

диким мясом. Голова тоже ушла в плечи, слилась с туловищем, растеклась по груди и спине. И все это покрывали пульсирующие, перекатывающиеся бугры. Можно было подумать, что под кожей бедняги копошатся клубки бесчисленных змей. Лица, как такового, больше не существовало. Орбел узнал глаза. Это были глаза Руфоса. Волосы частично сохранились, но, заметно поредев, представляли жалкое зрелище.

Орбел присел перед клеткой на корточки. Глаза Руфоса неотрывно следили за ним. Его рот беззвучно задвигался.

— Руфос... Это я, Орбел. Ты узнаешь меня?

Глаза смотрели на него в упор.

— Друг мой... Скажи хоть что-нибудь, умоляю тебя...

Рот сложился в трубочку и произвел звук, напоминавший вой Чарли.

— Руфос... поговори со мной, — молил Орбел. — Если не можешь говорить, дай мне хотя бы пожать твою руку. — И он просунул кисть сквозь прутья.

Руфос, ерзая по полу, пододвинулся к решетке и... схватил протянутую руку.

— Ой! Что ты делаешь? Мне больно! Пожалуйста, отпусти. Да отпусти же, черт возьми!

Существо за решеткой с силой тянуло на себя Орбела, делая попытки затащить его в клетку. Орбел уперся коленями в решетку, тщетно пытаясь высвободиться.

— Эй! Кто-нибудь! По-мо-ги-те!!!

От криков Орбела проснулся и завыл черный Чарли. Его клетка была совсем близко, за спиной Орбела, и Чарли, если у него еще сохранились конечности, тоже мог дотянуться до него. Орбела обуял панический страх.

— Помогите... — беззвучно прошептал он, голос отказывал ему.

Он услышал позади себя учащенное дыхание и свист. Орбел зажмурился. Звук глухих ударов заставил его открыть глаза — двое работников колотили палками Руфоса, тыкали ими в голое, обезображенное тело, в голубые, бессмысленные глаза. Они били его до тех пор, пока он не выпустил руку своей несостоявшейся жертвы.

— Разве можно поступать так опрометчиво, — упрекнул Шактер сидевшего на полу бледного Орбела. — С того дня, как вы приехали сюда, вы только и делаете, что совершаете опрометчивые поступки.

Орбел привалился к стене. Он боялся потерять сознание. А те трое заслонили собой клетку Руфоса — Орбел видел только их спины. И все же отвернулся, закусил губу.

— Вот и все, — ехидный голос Шактера спустился на землю; стал ближе и оттого ненавистнее. — Можете удостовериться.

И они благополучно вернулись на Родину в полном составе. Только вот Карагежи-отец был всю дорогу мрачен и молчалив, и сын не мог добиться от него ни слова. Собственно, Орбелу тоже было не до бесед; из головы не выходил несчастный Руфос — молодой, обаятельный, перспективный... не успевший даже обзавестись семьей, поплатившийся жизнью ради спасения Лилит, ради спасения, может быть, всего человечества. А Кларк требовал от них молчания, и Орбел, зная порядочность отца, не сомневался, что тот сдержит свое обещание. Но разве он — Орбел не связан другим, куда более важным обязательством, разве он может допустить, чтобы страшная кончина американского парня прошла впустую? А отец не желает разговаривать, делая вид, что дремлет, будто все случившееся касается только его одного. Но Орбел твердо решил, вернувшись домой, выполнить то, о чем его просил Руфос, даже если отец будет стараться помешать ему. В конце концов, он взрослый человек, и у него есть свой гражданский долг, своя честь...

— Отец! — Орбел посмотрел на него в упор, устыдился было своей дерзости, но все же спросил: — А может, ты просто боишься? — И, ожидая взрыва, увел взгляд в сторону.

— Чего? — спокойно спросил Карагежи.

— Возмездия, например. И чтобы я тоже молчал, ты решил упрятать меня в горы.

— А ты, значит, на «возмездие» чихал?

— Ну не то чтобы чихал, — смутился Орбел, но тут же храбро добавил: — Свой гражданский долг я ставлю превыше всего.

— Знаешь, кого ты мне сейчас напоминаешь? — улыбнулся Карагежи. — Подростка, который кричит во время драки: «Пустите, я убью его!», неосознанно мечтая о том, чтобы его покрепче держали. Ведь отпусти я тебя, и ты не будешь знать, что делать. Пока я тебя держу, я — трус, а ты — связанный по рукам и ногам герой. — И, помолчав, добавил: — Давай заключим с тобой устное соглашение. Ты сейчас исполнишь мою просьбу, это займет у тебя дней десять, не больше. А вернувшись в Москву, ты получишь полную свободу действий, если... если к тому времени не изменишь своих намерений. Десять дней ничего не решают, а спешка в таких делах плохой советчик. Там, на досуге, ты сможешь все хорошенько обдумать.

— Я едва помню деда, — проворчал Орбел. — Да и как они воспримут Лилит? Как мы им объясним?

— Скажем, что она — обыкновенный, но слабоумный от рождения человек. И интерес к ней тут же пропадет.

Орбел вздохнул, пожал плечом. Ему очень не хотелось снова уезжать из Москвы, да еще в деревню, но он ответил покорно:

— Если надо...

Дед Мовсес оказался далеко не таким старым — подвижный старик со строгими голубыми глазами в обрамлении разбегавшихся во все стороны морщин. Он поджидал гостей у ворот своего дома, еще издали завидев салютующую столбами пыли машину.

Тигран Мовсесович обнял старика, прижался лицом к его ключей седой щетине и замер так, будто ища в корнях своих поддержки и защиты от большого неразумного мира, от зла и спеси, от оглушающего рева цивилизации.

— Сын,— словно договаривая непроизнесенные, переполнявшие душу слова, выдохнул старик.— Тигран-джан... Думал, на этом свете не свидимся... Внучок. Дай теперь на тебя взглянуть.— И, припечатав к щеке Орбела звучный, как горное эхо, поцелуй, старик крепко обнял его.

— Кто это к тебе там жметесь? Жена молодая или сестренка? Что-то про внуку-то я не припомню.

«Ну вот, все и устроилось, дед сам подсказал»,— подумал Орбел, выразительно взглянув на отца. И тот подхватил:

— Не говорил я тебе про дочку, стеснялся. Она у нас... как бы тебе помягче объяснить: умом не вышла... Ну, слабоумная, что ли. Как звереныш неразумный.

— И что с того? — ободряюще прервал дед. А сам скосил голубой сострадающий глаз на «внучку». — Поди сюда, милая. Ну, поди же. Как звать тебя?

Карагези подтолкнул Лилит, но та попятилась.

— Ничего,— сказал дед,— привыкнет. Ко мне скоро привыкают. И к дочке моей привыкнет. И к невесткам. И к ребятишкам ихним. Нас много тут. Не заскучает.

К вечеру сели за стол под старым тутовым деревом в саду. Ели деревенский овечий сыр, густой, как масло, мацун, плоды с собственного огорода. Ануш — тетка Орбела, суетилась вокруг стола. Приехали из города оба брата со своими детьми и внуками. За большим, грубо сколоченным столом было тесно и шумно. Орбел на всякий случай держал руку на плече Лилит. А она ничего не ела, хотя наверняка умирала от голода, и не спускала глаз с детей, которых видела впервые в жизни.

Орбел и сам никогда не видел такого количества родственников. Он опасался, как бы Лилит чего-нибудь не выкинула. После обеда дети затеяли возню, и глаза Лилит, следившие за ними, округлились и засверкали.

— Спокойно, Лилит, спокойно...— строго шептал Орбел.

Лилит стремглав бросилась к детям — те, оборвав игру, удивленно уставились на нее. Она замерла на мгновение, глядя на них с щенячьим задором, и вдруг начала кругами носиться по двору. Те продолжали во все глаза смотреть на нее — взрослая девушка ведет себя, как малый ребенок, а то и как взбесившаяся

молодая телка! Но, войдя в азарт, бросились бегать с ней наперегонки, оглашая двор визгом и гиканьем. И громче всех кричала Лилит, гортанно и нечленораздельно, что особенно веселило детей.

— А Лилит у нас прекрасно отличает добро от зла, надежность от опасности,— шепнул Орбелу отец.— Впервые вижу ее такой.

— Я тоже. Она общается на одной безошибочной интуиции. Правда, это как раз и отличает животное от человека.

— Зря ты, Тигран, внучку мою слабоумной обозвал,— подошел к ним дед Мовсес, и Орбел не узнал его: суровые морщинки разгладились, обнажив незагоревшие бледные полосы, глаза лучились, будто ясное небо, пронизанное солнцем, а на старческих губах его играла добрая, умильная улыбка.— Смотри, как приняли ее дети. А уж они-то сразу чувствуют, кто есть кто.

Один из детей в пылу игры, нагнав Лилит, вскочил ей на спину. Отец и сын окаменели от ужаса. Лилит же, чтобы скинуть непрошеного седока, повалилась на землю. Дети последовали ее примеру. Теперь по двору катился большой живой клубок.

— Фу ты! Ну и дела,— пробормотал Орбел, расслабляясь.— Вот, оказывается, чего ей не хватало — детей.

— Будет вам! — одернула расшалившуюся ватагу невестка.— Совсем замучили девочку. Она ведь с дороги. Устала.

Тяжело дыша, разгоряченная возней, вернулась Лилит.

— Лилит умница,— сказала, заглядывая Орбелу в глаза. И, схватив со стола самый большой кусок баранины, вонзила в него свои острые зубки.

Привыкший быть ее единственным кумиром, единственной опорой, он подавил в себе нелепую ревность и, погладив ее по слипшимся от пота, пыльным волосам, ворчливо подтвердил:

— Умница, Лилит, хорошая.

На ночь все остались в доме у деда Мовсеса, и всем нашлось место, и всем было радостно оттого, что они могут быть вместе. Проснувшись на рассвете, Орбел не нашел Лилит в ее постели и, обеспокоенный, выбежал во двор. Там ее тоже не оказалось.

— Лилит... — тихо позвал он. Потом громче, доходя до крика: — Лилит!.. Ли-ли-ит...

Лишь собаки лениво брехали в соседних дворах, да перекликались горластые петухи.

Он вернулся в дом, обошел все комнаты. Спустился в погреб, вылез на плоскую крышу. Ее нигде не было.

— Папа! Вставай,— растолкал он отца.— Лилит пропала.

— Куда ей деться,— сонно пробормотал тот.

— Как куда? Как куда?! — возмущался, задыхаясь от волнения, Орбел.— Горы кругом. Скалы. Уйдет — заблудится. Не будет даже знать, как вернуться...

— Я, может, впервые в жизни так от души поспал,— ворчал Тигран Мовсесович, нехотя одеваясь,— а ты помешал.

— Папа, как ты можешь! Она ж пропала.

— Во дворе смотрел?

— Везде был. Только за ворота еще не выходил. Что, если на нее собаки напали? Они ж разорвут ее.

Они вышли во двор. Солнце распластало свои лучи над тонущими в утренней дымке горными вершинами, нежно коснулось незрелых плодов на прогнувшихся под их тяжестью ветках. С гор тянуло свежестью и холодком. Прищурясь, Карагеzi огляделся по сторонам, зевнул.

Позади дома тянулся ряд стареньких пристроек. Дверь одной из них была приоткрыта и поскрипывала на ветру.

— А ну-ка идем.

Они вошли в хлев и остановились на пороге, не веря своим глазам: большая пятнистая корова, пригнув голову, косила глаз на Лилит, залезшую ей под брюхо и упоенно сосавшую молоко. Рядом сидела Ануш, удерживая лобастого теленка. Увидев вошедших, она сделала им знак не мешать. А Лилит, насыщаясь от одного сосца, тянула руками остальные, отчего молоко тонкими острыми струйками заливало ей лицо, колени, одежду.

— Ну хватит, хватит,— Ануш выпустила теленка, и тот, сбив с ног Лилит, занял свое законное место.— Никогда не видела ничего подобного,— рассмеялась Ануш.— С ней не соскучишься.

К полудню Лилит уже подружилась с хозяйским псом, разогнала дедовских баранов, таскала на руках ягнят, барахталась с ними в пыли и даже пыталась зубами щипать траву, подражая им... Лишь изредка подбегала к Орбелу, заглядывала ему в глаза, будто выпрашивая одобрения, и снова уносилась. Дед Мовсес смеялся до слез, утирая кулаком прозрачные, как горный ручей, глаза. Тряс седой головой, хлопая себя по бедрам: «Ну уморила!»

А к вечеру Арташес — сын Ануш, вывел свою «Ниву» за ворота и начал тщательно отмывать ее.

— Часа за три к самолету поспеем,— сказал он дядюшке.

— Как?! — обиделся Орбел.— Ты уже уезжаешь?.. Даже не предупредив меня?

— Я ведь говорил, что только отвезу вас и повидаюсь с отцом, с близкими. Не можем же мы оба забросить работу.— И, отведя сына в сторону от столпившейся на провода родни, сказал:— Ты можешь вернуться, когда пожелаешь. Одна просьба к тебе: пусть это будет не раньше обещанного срока. Что касается Лилит, последнее слово за тобой. Но, если тебя интересует мое мнение: оставь ее здесь. Навсегда. Для нее... да и для нас всех это единственный выход из безвыходной ситуации. Ей нигде и ни с кем,— он особо выделил последние слова,— не будет так легко, так привольно и надежно, как здесь. Ее реакция на сельскую жизнь превзошла все мои ожидания. У тебя есть время осмотреться, все хорошенько взвесить. Я очень рассчитываю на твое

благоразумие, сынок.— И, взяв обеими руками голову Орбела, он поцеловал его в лоб.— И последнее: к твоему приезду я постараюсь сделать все, чтобы твоя совесть по отношению к Руфосу была чиста.

Карагези уже обнимал отца, с тяжелой грустью вглядываясь в чистую голубизну его глаз, а Орбел все пытался понять, что означали его последние слова.

— Погоди, Тигран,— остановил сына дед Мовсес,— что я хочу тебя спросить...— и, пронизательно взглянув на него, понизил голос:— Если Лилит останется с нами, не будет ли у тебя из-за нее неприятностей?

— Что ты имеешь в виду? — опешил Тигран Мовсесович.

— Эх, сынок... Ты нас совсем за темных людей считаешь. Не хорошо.— Дед осуждающе покачал головой.— Газеты-то я аккуратно читаю.

Тигран Мовсесович изменился в лице.

— Прости, отец, я...

— Не оправдывайся. Ты все правильно решил. Она будет мне любимой внучкой. Спокойно поезжай домой, сынок. И да хранит тебя бог.

— Бог, говоришь? Если он есть, он наверняка меня проклял...

С отъездом отца Орбел стал задумчивее, молчаливей. Веселая трескотня детей, суэта родственников начинали раздражать его. Он наблюдал за Лилит, радуясь, что навсегда ушел в прошлое кошмар ее одиночия. Сознание того, что он нужен ей, что она нуждается в нем одном, давало бы ему стимул для душевной щедрости и самоотречения. Но вот ведь, оказывается, маленькие, чужие дети за один только день сумели отнять у него ее привязанность, ее преданность. Не прилагая ни малейших усилий, они помогли ей обрести себя и контакт с окружающим, казавшийся неосуществимым в ее положении. Меньше всего ожидал Орбел, что ее не только примут, но и полюбят здесь. Отец прав: простор и свобода среди простых, бесхитростных людей, способных понять ее, ей гораздо нужней и дороже его любви. Да и можно ли назвать любовью то глубокое сострадание, ту хозяйскую привязанность, которые он испытывал к ней? Сейчас, наблюдая за ее забавными, но, по сути, чисто звериными повадками, он особенно отчетливо понял всю нелепость своего жертвоприношения. Ведь он — человек, и ему всегда будет не хватать именно человеческого общения. Непонятно только, как отец мог пожелать оставить ее здесь навсегда. Да и разве имеет он на это право? Ведь Лилит — уникальнейшее творение человеческого гения, владеть которым мечтала бы любая страна.

Отец вообще последнее время ведет себя довольно странно, он подметил это еще в Штатах. Всегда четкий, сдержанный, замкнутый, ушедший целиком в науку, он будто вдруг растерялся, утратил уверенность в себе. С ним что-то происходит, хоть и

не признается в этом никому. Может быть, он нуждается в помощи, поддержке, совете? Конечно, Орбел не бог весть какой советчик, но зато он ближе всех к нему. А он забрался в глушь, в горы, на край света и бездельничает, бросив отца одного. Почему отец оставил его здесь с Лилит? Только ли тревога за ее судьбу руководила им? А может, он хотел, чтобы сына не было рядом?.. Эти мысли, однажды появившиеся, настолько овладели Орбелом, что уже не давали покоя.

Взрослые, привыкнув к Лилит, стали обращать на нее внимания не больше, чем на всех остальных. Она же быстро забывала «хорошие манеры», которым ее с трудом обучали, и теперь, схватив со стола кусок курятины или другой какой пищи пожирнее, усаживалась прямо на земле и жадно расправлялась с ней. Дети подражали ей и, весело смеясь, устраивались рядышком. Взрослые и сердились, и смеялись одновременно, потому что сама Лилит проделывала все это с шаловливой непосредственностью, не имевшей ничего общего с традиционным слабоумием. Да и их, казалось, меньше всего интересовали медицинские обозначения ее «недугов», к тому же больше походивших на достоинства. Они приняли ее такой, какая она есть, и, что самое главное, полюбили, не тяготясь ею, предоставили полную свободу во всем. И Лилит из ущербного создания, которое ученые не знали даже как классифицировать, превратилась в полнокровное дитя природы, наслаждавшееся жизнью и дарящее радость другим...

Все так, с горечью думал Орбел, и все же как бы ни резвилась Лилит, как бы ни дурачилась, она — несчастнейшее существо: ни животное, ни человек. Она может быть или обузой, или игрушкой, а при неблагоприятных условиях — немалой опасностью. Да, отец очень умно распорядился со своим творением, сбавив его сельским родственникам. Но разве для этого он трудился столько лет? Разве этого ждал от него ученый мир? Лилит — всего лишь бракованный экземпляр, результат неудавшегося эксперимента... Отец где-то ошибся в расчетах. Но ведь имеет же он право ошибаться, как любой смертный... Ну а если нет у него такого права?..

Орбел гнал от себя эти мысли, любовался совершенством Лилит, ее пластичностью, грацией. Чем бы она ни занималась, она всегда возвращалась к нему, заглядывала в душу своими наивно-сумеречными глазами, подставляла голову для привычной ласки и ластилась сама, будто извиняясь за то, что все время оставляет его одного. Она окончательно отказалась от постели и спала, свернувшись по-кошачьи, на коврик около Орбела.

Проснувшись как-то среди ночи, он опустил руку, пошарил в темноте и не нашел Лилит.

«Опять сбежала!» — подумал с досадой и отправился на поиски. На сей раз он не бегал по дому, а пошел напрямик в хлев. И не ошибся: в слабом свете рождающейся зари среди мягкой путаницы бараньих спин он увидел Лилит, сладко спящую в об-

нимку с молочным ягненком. Он долго стоял, глядя на нее. Ни о чем не думал, как ему казалось, а просто смотрел. Но, когда домочадцы расселись вокруг стола за утренней трапезой, Орбел сказал:

— Если Арташ свободен, пусть свезет меня в город. Мне нужно вернуться домой.

— Так скоро! — расстроился дед Мовсес.

И помрачнели мордашки детей. Они отодвинули от себя тарелки с нетронутой едой, насупились. Один из них умоляюще сказал:

— Но до конца каникул еще целых две недели.

— Мы не отпустим вас, — чуть не плача, заявила девочка.

Орбел понял — протест направлен не на его отъезд, а на то, что у них хотят отнять Лилит. Дед Мовсес высказался за всех:

— Раз надо, езжай, Орбелик. Ну а Лилит чего по дорогам да самолетам мотать? Пусть у нас останется. Мы к ней привязались.

Орбелу стало даже чуть-чуть обидно. Вместе с тем пришло облегчение. Лилит же, каким-то непостижимым образом поняв смысл происходящего, подползла к Орбелу, обдирая коленки, прижалась щекой к его ногам.

— А она не будет вам в тягость? — спросил Орбел, отдавая дань городским приличиям, чуждым этим горам, этому фиолетово-синему от близости космоса небу, этим прямодушным людям.

— Поди сюда, Лилит! — вместо ответа позвал дед Мовсес.

И Лилит, вскочив с колен, с готовностью бросилась к нему.

— Город — не место для нее... Останешься с нами, внучка!

— Лилит умница, Лилит хорошая, Лилит кушать хочет, гулять, умница, — затараторила та под общий веселый хохот.

— Ну как, внучок, ответили мы на твой вопрос? — торжествующе провозгласил дед Мовсес. — И потом... я думаю, мой сын не случайно столько лет спустя объявился здесь с Лилит. Он ничего не сказал мне, но я понял: он хотел, чтобы Лилит жила с нами. Так тому и быть.

— Я буду приезжать, — мрачней, пробормотал Орбел. — Я буду часто приезжать к вам... к ней. — На душе у него было невыносимо тяжело от того, что он, как ему казалось, предавал Лилит, от того, что она — в чем он уже не сомневался — предала его. Он знал: им не увидаться больше никогда.

Возвратившись домой, Орбел застал мать в слезах.

— Отец?... холодея, пролепетал он. — Мама! Что с отцом? Он жив?

— Жив, сынок, жив.

— Тогда почему ты плачешь?

— Ты поспел вовремя. — Мать шумно высморкалась в носовой платок. — Я как раз собиралась ехать в суд.

— Ку-да??? Зачем в суд? Кого судят, мама?

— Твоего отца, Орбел.

— За что? Как могло такое случиться? Да как он допустил?

— Допустил...— с горькой иронией передразнила мать.— Он не только допустил, он потребовал, чтобы весь судебный процесс над ним транслировали по интервидению.

Наморщив лоб, Орбел озадаченно смотрел на нее:

— И его требование удовлетворишь?

— Представь себе. Этот процесс и так уже наделал много шума. Все газеты пишут о нем и у нас, и за рубежом.

Орбел больше не приставал к матери с расспросами.

— Ты едешь со мной? — торопилась она.— Я опаздываю.

... Зал был полон. В проходах расположились фотокорреспонденты и телевизионщики со своими камерами на колесиках. Орбел увидел Карагеци на скамье подсудимых и не сразу узнал: черные с проседью волосы отца стали совершенно белыми, будто на него надели парик. На бледно-желтом лице бунтарски горели большущие черные глаза, казавшиеся такими из-за резкой худобы и темных кругов вокруг глаз.

— Отца невозможно узнать,— прошептал Орбел, ощущая незнакомую щемящую боль в груди.

Прямо над ними стрекотала кинокамера. Вспыхнули юпитеры, окончательно обескровив и без того бледное лицо Карагеци. Орбел слушал обвинительную речь и не верил своим ушам.

Известный ученый-экспериментатор с мировой славой Карагеци Тигран Мовсесович обвинялся в том, что незаконно выкрал созданный им экспонат, являвшийся государственной собственностью, и укрывает его в неизвестном месте, которое упорно отказывается назвать. Больше того: он предал огню многолетние записи своих исследований и экспериментов. По словам обвинителя, ученому-преступнику и этого показалось недостаточно, и он, проникнув ночью в лабораторию, собственноручно уничтожил ценнейшую аппаратуру, с помощью которой выращивал свой экспонат, названный им «Лилит», нанеся тем самым огромный материальный ущерб институту, предъявившему ему иск на несколько миллионов рублей.

— Э... это все... правда, мама? — прошептал Орбел. Ему казалось, он видит нелепый, бессмысленный сон и никак не может проснуться, чтобы прекратить его.

Мать только нервно кивнула.

Выяснилось, что Карагеци категорически отказался от адвоката и до суда хранил упорное молчание. С трибуны выступали коллеги по работе, директор Научно-исследовательского комплекса. Они говорили о его неоценимых заслугах, о его скромности и трудолюбии, наконец, о его таланте ученого, чей беспрецедентный эксперимент позволил сделать громадный скачок в области мировой биохимии, генетики, антропологии и других смежных науках, обессмертив тем самым его имя. И вот теперь, непостижимым образом перечеркнув дело всей жизни, он предстает перед судом. Высказывались предположения, будто здесь

имеет место внезапное помутнение рассудка, предполагалось провести экспертизу и т. д.

Все это время Карагеци спокойно сидел, подперев голову руками, глядя перед собой пустым взглядом, будто происходящее вокруг не имело к нему ни малейшего отношения. Когда же наконец ему дали слово, он тряхнул седой головой, выводя себя из оцепенения, и медленно поднялся:

— Слова есть слова,— начал он тихо.— И хоть Библия утверждает, что все начиналось со слова, лично для меня дела важнее слов. Изошренным словоблудием недостатки можно превращать в достоинства, преступления — в добродетель... Но я за подлинную сущность вещей. А сущность моих собственных действий, как бы их ни превозносили, в какие бы мантии ни рядили, классифицируется лично мною как преступление...— По залу прошел шумок.

«Отец в своем репертуаре,— с болезненной нежностью подумал Орбел.— Даже из своего провала он устраивает спектакль».

— Как известно, самый строгий, самый бескомпромиссный судья себе сам человек. Называя себя преступником, я не имею в виду порчу государственного имущества, уничтожение своих записей и экспоната, выращенного мною. Напротив. Этими действиями я... как там говорят в преступном мире... пытался замести следы, уничтожить последствия зла, которое по недомыслию сотворил.

Теперь Орбелу все стало ясно: и поведение отца в Америке, и позже — дома, в горах, и его внезапное решение ехать в глушь, и просьба оставаться там подольше...

— Всю свою сознательную жизнь,— продолжал Карагеци тихо,— я был только ученым. Каюсь: не отцом, не мужем, не сыном для своих родителей, о существовании которых порой даже забывал... увы, даже не гражданином своей страны, а только ученым. Я был одержим то одной, то другой идеей, задавшись целью вырвать у Природы как можно больше ее тайн. Да, я приобрел мировую известность, и, признаюсь, это тешило мое тщеславие. Мне посчастливилось разгадать одну из ключевых тайн природы — эволюцию жизни! Я понял, каким путем «неживая», с нашей непросвещенной точки зрения, материя порождает живую клетку, как эволюционирует эта клетка, самовоспроизводится, выстраивая целый организм, заполняя организованной материей генетически заданное пространство. Я достиг невероятного, создав Лилит. И все же не сумел понять самого главного: как человек становится человеком. Природа-таки обхитрила меня. Наказала за дерзость. И моя Лилит осталась животным. Но суть дела не в этом. То, чего не смог понять я, наверняка поймет другой, овладев моим методом будущих «Лилит», может, даже этот разум будет заранее запрограммирован. Об этом давно мечтают агрессоры Запада...

Бытует такое мнение, что ученые не делают политики. Ее вершат другие, как правило, «злые дяди», использующие наши открытия в корыстных и зачастую негуманных целях... Я в корне отвергаю такую позицию. Вот уже больше половины столетия человеческая мысль вторгается в сокровенные сферы наследственности.

Орбел покосился на телекамеры, транслирующие слово, данное его отцу, на весь мир. Интересно, слушают ли его Кларк, Шактер и те, кто скрывается в их тени? Наверняка слушают. Но важнее, чтобы слушали другие, чьими жизнями сегодня играют, как шахматными деревянными фигурками.

— Поверьте мне! Эксперименты с генетикой могут обернуться катастрофой для всего человечества, куда более опасной, чем атомная война. Я уже слышу отголоски, вижу зарницы надвигающейся грозы. К сожалению, я связан словом и не могу нарушить его, иначе я проиллюстрировал бы сказанное, и вам стало бы страшно. Я — биохимик, генетик, с опрометчивостью неразумного мальчишки вызывавший на поединок саму Природу, и на закате своих дней я с ужасом осознал, что всю жизнь занимался преступной деятельностью, проторивая дорогу сонмам будущих чудовищ-мутантов, обманным вирусам-убийцам, наконец, армиям искусственно выведенных людей, слепо послушных воле хозяина, — несбывшаяся голубая мечта Гитлера. Мое творение — мою безобидную, игривую и ласковую, если ее не обижать, Лилит и ей подобных могли превратить в лишенное моральных цензов орудие, совершеннее, а главное — беспощаднее роботов.

И я сказал себе нет! Я не хочу, не имею права. Я обязан предвидеть заранее все последствия своих открытий и изобретений, которые я, ученый, делаю в тиши своей лаборатории, в мягком кресле кабинета за чашкой кофе или чая, и которые потом уходят в мир и живут своей собственной жизнью...

— Гражданин Карагези! — прервал его прокурор. — В начале своей речи вы сделали заявление, будто вместе с записями уничтожили и сам экспонат, именуемый вами «Лилит». Так ли это?

— Так! — выкрикнул Карагези. — Я сотворил ее. И когда понял, что не имел на это права, сам же уничтожил. Своими собственными руками. Лилит больше нет. Я покорнейше прошу мир забыть о ней...

— Это неправда! — Орбел вскочил с места. — Отец! Зачем ты берешь на себя грех, которого не совершал?!

— Молчать! — Голос Карагези прогремел под сводами зала суда как выстрел. — Я запрещаю тебе вмешиваться. Лилит мертва. Ее больше не существует. И никогда не существовало. Забудьте о ней. А меня судите. Приговаривайте к смертной казни, если сочтете нужным... И да простит меня господь...

Олег ЛУКЬЯНОВ
ПОКУШЕНИЕ НА ПЛАНЕТУ

Впервые он появился в Фиалке в середине лета на Карнавале Большой Любви. Шел второй час ночи, а в городе было светло как днем от праздничного фейерверка. Трещали, разрываясь, петарды, огненные вертушки с шипением разбрасывали тучи искр и дыма, небо, расцвеченное огнями ракет, казалось сплошным светящимся шатром.

По улицам с хохотом и криками валили толпы обнаженных мужчин и женщин. Они направлялись к центральной площади города, чтобы принять участие в Апофеозе Всеобщей Любви, которым завершался карнавал. Здесь, на обширном, выстеленном коврами пространстве, уже началось восхитительное представление по одному из лучших сценариев астрианской индустрии развлечений. Одорофоны изливали на площадь волны возбуждающих запахов, разноцветные лучи, перекрещиваясь, били вспышками по глазам, из усилителей неслись эротические вопли, смешиваясь с воплями доведенных до экстаза людей. Площадь, словно гигантский насос, втягивала через входные ворота свежую, жаждущую наслаждений человеческую плоть и выталкивала через выходные отработанную...

Он вышел на помост Милых Забав, убранный красным бархатом, и выбросил вверх руки, требуя внимания. Не сразу, но все же утихла возбужденная толпа, умолкли усилители. Тысячи лиц обратились к новенькому. Уже успели выступить несколько пар, но ничего интересного показать не сумели. Этот же привлек внимание тем, что вышел без партнерши, да еще одетым с головы до пят. На нем были простые серые брюки, рубаша и шляпа. Лицо закрывала сплошная глухая маска с вырезами для глаз и рта. Был он высок ростом и широк в плечах.

— У тебя что, живот в бородавках? — весело крикнули снизу.

Стоявшие поблизости от помоста засмеялись, полетели непристойные реплики. Тут человек шагнул к микрофону, и над площадью загредел его низкий, с мужественной хрипотцой голос.

— Безмозглые самцы и самки, что вы делаете! Вы оскорбляете своими мерзостями священное звание человека! Даже неразумные звери, и те чище и выше вас! Вы отвратительнее червей, чернее самой гнусной грязи!

Нелепые, странные слова, произнесенные с яростным напором, поначалу были не поняты толпой. Люди заулыбались. Что это он болтает? Шутит, что ли?

А оратор между тем продолжал выкрикивать хлесткие, оскорбительные фразы:

— Кому вы нужны, глупые, сладострастные обезьяны? Для

чего живете на этой планете? Каждого из вас все равно задушат болезни и смерть! Но знаете ли вы, как умирают те, кто не верил в бессмертие души, кто всю жизнь только наслаждался? Они умирают в космических камерах-одиночках, охваченные диким ужасом.

Огромная площадь, наполненная людьми разных возрастов и полов, превратилась в единое миллионоглавое существо, онемевшее от шока. Стало так тихо, что слышен был шорох одорофонов, продолжавших одурманивать толпу. Но дурман уже ни на кого не действовал. Все смотрели на страшного человека в маске. Он говорил невозможные, преступные слова и не где-нибудь в кругу приятелей, а на площади перед тысячами людей, делая тем самым и их соучастниками преступления.

Толпа, очнувшись от гипноза, угрожающе загудела, послышались возмущенные крики:

— Убрать его!

— Сдать фиолетовым!

Но вокруг, как назло, не было ни одного сотрудника БЗИГ. Фиолетовые, следуя специальной инструкции, избегали появляться на карнавалах, чтобы своим видом не портить людям удовольствие.

Роботы, впрочем, не понадобились. Среди участников карнавала было немало суперов, каждый из которых стоил сотни роботов. Один из них, Нямба Кулак, словно гигантский кузнецик выпрыгнул из гущи людей и, пролетев несколько метров над головами стоящих, бесшумно приземлился на помосте. Еще секунда, и он оглушил бы преступника ударом своего могучего кулака, но тот тоже не дремал. Он проворно отскочил от микрофона и выхватил из-за пазухи здоровенный револьвер с раструбом на конце дула. Слепящая огненная струя ударила в пол под ноги суперу и пробила в нем дыру размером с тарелку.

— Ни с места, ублюдок! — крикнул человек, направляя оружие на Нямбу. — Одно движение, и я развалю тебя пополам!

И громадина супер сразу обмяк. Перед таким оружием он был бессилён.

Человек притоптал ногой дымящийся бархат вокруг дыры.

— Ты привык побеждать только слабых, — сказал он насмешливо. — Так вы все устроены, сластолюбивые самодовольные обезьяны! Я не боюсь вас!

Он спрыгнул с помоста и, держа в полусогнутой руке револьвер, пошел сквозь толпу к выходным воротам. И люди в страхе расступались перед ним...

* * *

Представление в Фиалке транслировалось напрямую по телевидению, поэтому выступление человека в маске увидели миллионы зрителей. Происшествие взбудоражило всю планету, по-

родило много вопросов. Кто он такой, откуда у него оружие, почему говорит так уверенно, словно имеет на это право? Высказывались разные версии. Одни были убеждены, что это межпланетный хулиган новой разновидности, другие считали сумасшедшим, сбежавшим из космического оазиса «Дружба», третьи доказывали, что все гораздо проще — начиналась какая-то новая игра, а Нямба вмешался и все испортил. Большинство склонялось к последней версии, как наиболее понятной, однако существовала она недолго.

Через несколько дней человек в маске снова дал о себе знать. Внезапно, как и в первый раз, он появился на состязании обжор в Летучей Мыши. Опять он клеймил людей, обзывал их самыми черными словами, пугал перспективой одинокой и страшной смерти. Зная, что он вооружен, на него уже не осмеливались нападать. Состязания расстроились, обжоры потеряли аппетит, а двоих увезли в больницу с нервными расстройствами.

Потом последовали еще несколько подобных выступлений в разных городах. Сердитый, как окрестили оратора, обвинял людей в каких-то непонятных им преступлениях, призывал к очищению от гнусных пороков, в которых они, по его мнению, погрязли.

Тогда-то и стало ясно, что это не игра, а что-то весьма серьезное.

За дело взялся БЗИГ, ибо Сердитый представлял тройную угрозу для цивилизации. Он имел оружие, что было строжайше запрещено законом, публично произносил разрушительные речи и, наконец, разглашал тайну изоляции, как официально именовалась в документах БЗИГ процедура отселения совсем дряхлых стариков и старух из оазисов для престарелых. Их действительно помещали в камеры-изоляторы, чтобы никто не мог видеть, что такое смерть. Это была мера гуманная по отношению к живущим, и рассказывать о ней кому бы то ни было считалось аморальным и преступным.

Итак, за дело взялся БЗИГ. По фонограмме телевизионной записи, сделанной в Фиалке, был составлен индивидуальный код голоса преступника, выраженный в математических символах. Пятьдесят с лишним миллиардов подобных кодов хранилось в памяти электронной контрольно-розыскной машины БЗИГ. По предъявленному оригиналу машина могла в кратчайший срок идентифицировать личность его обладателя и указать, где тот в данный момент находится.

Голосовой код Сердитого заложили в машину, и тут-то обнаружилось, что поймать его будет непросто. Обнаружилась, вообще говоря, вещь совершенно загадочная. Машина не нашла в своей памяти дубликата предъявленного кода. Это означало, что Сердитый не родился на Астре и не прилетел на Астру с какой-нибудь планеты, потому что все гости записывались сразу же по прибытии. Это означало, по логике машины, что Сердитый

просто-напросто... не существовал! В то же время он действовал, и очень активно, о чем свидетельствовали многочисленные жалобы, поступающие в БЗИГ с разных точек планеты.

В такой необычной ситуации автоматический поиск оказывался, понятно, неприемлемым, поэтому роботам не оставалось ничего другого, как обратиться к давно забытым кустарным методам сыска. Дело представлялось очень сложным ввиду малочисленности отрядов БЗИГ — местные отделения даже в крупных городах насчитывали не более сотни фиолетовых. Выследить такими силами человека, не зарегистрированного машиной, который появляется где и когда ему вздумается, было не легче, чем отыскать потерянную бусинку на океанском побережье. Вероятно, Сердитый прекрасно понимал это и поэтому продолжал свои выступления, сея смуту и страх среди жителей городов.

В мегаполисе Урагане он произнес ужаснувшую всех обличительную речь в адрес БЗИГ, а на одном из курортов во время гастролей знаменитого Будиллы Бесстрашного жестоко высмеял институт суперлюдей, назвав их безволосыми гориллами с ЭВМ вместо голов на плечах. И никто, даже великий Будилла, не осмелился задержать преступника, потому что в руках у него было страшное оружие.

Сердитый действовал смело и решительно, как человек, уверенный в собственной безопасности. Но он недооценил противника. Интересы граждан Астры охраняла чрезвычайно оперативная, несмотря на свою малочисленность, организация, умевшая в нестандартных ситуациях принимать нетривиальные решения. В конце концов Сердитый был выслежен. Во время одного из его выступлений в уличном кабаре из толпы вышли два робота в фиолетовых фраках и направились к оратору. Сердитый крикнул им предупреждающее «ни с места!», однако роботы продолжали идти и с двух сторон вспрыгнули на помост. Последовал залп, за ним второй, но что значил даже адский огонь для специально подготовленных сотрудников БЗИГ! У роботов только чуть пригорели их щеголеватые усы. Вежливо, но решительно они взяли Сердитого под локти и вынули из рук оружие.

— Будьте благоразумны, господин,— сказали они ему при этом.

Когда преступника доставили в центральное управление БЗИГ и сняли с него маску и шляпу, то оказалось, что это чернобородый синеглазый мужчина с приятным, мужественным лицом, лишенным каких-либо уродливых, а тем более звериных черт, которыми успела наградить его молва. На предложение председателя следственной комиссии, Главного Сторожила управления, сообщить, кто он такой, мужчина резко сказал:

— Я не желаю отвечать бездушным автоматам! Приведите сюда живого человека, и я буду с ним говорить. Но только полноценного человека, а не человекоподобного идиота.

— Вы напрасно возмущаетесь, господин,— возразил ему на

это Главный Сторожила.— Мы пойдем вас лучше любого самого умного человека. Если же вас раздражает мой внешний вид, то я готов изменить его..

С этими словами робот поднялся и вошел в большой шкаф, стоявший у него за спиной. В шкафу сильно загудело, а через минуту оттуда вышел симпатичный молодой блондин в сером костюме.

— О, боги! — ошеломленно пробормотал задержанный.— До чего тут у вас дошла техника!

Главный Сторожила бросил на него внимательный взгляд.

— Вы сказали: у вас? Значит, вы не астрианин?

Человек нахмурил брови.

— Я? Я-то настоящий астрианин! Это вы уродливый нарост на теле планеты! Вы и миллиарды говорящих скотов, которых вы пасете, как пастухи овец.

— Назовите свое имя,— сказал робот, пропуская дерзость мимо ушей.

— Норд Гордий Виртус,— с достоинством ответил мужчина.

— Странное имя...

— Нормальное человеческое имя! Не то что ваши собачьи клички.

Главный Сторожила нажал кнопку в столе и сказал в стоявший перед ним аппарат:

— Норд Гордий Виртус.

Прошло меньше минуты, и аппарат заговорил монотонным голосом, раздельно произнося каждое слово:

— Норд... Гордий... Виртус... крупный... политический... деятель... эпохи... Тьмы... оказывал... активное... сопротивление... движению... четырех... Ближнецов... умер... в начале... первого... века... Эры... Света...

Голос умолк.

— Как видите, обмануть нас невозможно,— сказал Главный Сторожила.— Названный вами Норд Гордий Виртус умер семьсот лет назад. Говорите правду — кто вы такой?

Мужчина тяжело вздохнул, отводя взгляд в сторону.

— В том-то и несчастье мое, что я не умер. Я действительно Норд Гордий Виртус.

Мужчина довольно долго сидел с отрешенным видом, погруженный, как видно, в собственные мысли. Потом поднял голову, окидывая взглядом комиссию, и заговорил:

— Мои единомышленники из лучших побуждений сыграли со мной злую шутку. У меня была тяжелая болезнь, я умирал, а они считали, что моя жизнь еще понадобится людям. В те времена существовал единственный способ лечения таких болезней — замораживание на длительный срок. Не посвятив меня в свои планы, они дали мне снотворного, и когда я уснул, заморозили в специальной камере сроком на семьсот лет. Обо всем этом я узнал из говорящего письма, когда пробудился. Очень трогатель-

ное письмо! Они были убеждены, что победа четырех Близнецов временна и что через семьсот лет на Астре будут жить люди благородного и возвышенного духа, которые умножат наши культурные достижения. Бедные мои друзья! Как страшно они ошиблись! Сластолюбивая обезьяна в человеке оказалась сильнее его божественной половины!

Норд Гордий Виртус замолчал, снова погружаясь в невеселые думы.

— Мы можем отложить нашу беседу, если у вас сейчас нет настроения говорить,— сказал Главный Сторожила.

Гордий печально усмехнулся.

— Какой нравственный прогресс в сыском деле! Семьсот лет назад ваши предшественники в подобной ситуации подбодрили бы меня ударом хлыста по ребрам. Нет, я не буду ничего откладывать. Спрашивайте, что вас интересует.

Разговор продолжался. Гордий отвечал на вопросы Главного Сторожила, иногда, увлекаясь, вспоминал подробности, и дело, таким образом, стало проясняться.

...Гордия захоронили в специально оборудованном бункере на Южном полюсе в материковом льду — надежнее места не сыщешь. Здесь имелось все необходимое для переходного периода после пробуждения — консервы сверхдлительного хранения, медицинские препараты, одежда, глиссер-амфибия, чтобы добраться до ближайшего материка, и плазмомет револьверного типа с запасом зарядов. Друзья Гордия искренне верили в лучшее будущее Астры, но оружием его на всякий случай снабдили. Увы, никто из них не мог составить ему компании в далеком путешествии — шла ожесточенная борьба, и каждый человек был на вес золота, да и стоило замораживание слишком дорого...

Ровно через семь веков сработала автоматика, камера разморозилась, и Гордий проснулся. Все получилось, как было задумано, без особых осложнений. Болезнь действительно прошла, и за две недели адаптации Гордий вошел в норму... Он взял старт на Север.

...Первое поселение он увидел в пятистах километрах от полюса, куда добрался быстро. Вокруг лежали снега и свирепствовал лютый мороз, а в громадной котловине внизу, словно мираж в полярной ночи, под лучами трех искусственных солнц нежился город-сад.

Нужно было как следует разобраться, что произошло с Астрой за прошедшие семь веков, и Гордий стал разъезжать по городам, изучая новую жизнь. Первые впечатления от увиденного были ошеломляющими. Гордию показалось, что он увидел осуществленную мечту о Золотом Веке, которым грезили философы древности. То, что в старые времена стоило больших денег, за что люди иногда шли на преступления, доставалось теперь почти даром. За пустяковую плату можно было набрать гору вкусных яств, снять комфортабельный дом, заказать в салоне мод

одежду по своему вкусу. Заводы и фабрики находились в космосе, поэтому воздух в городах был чист. Здесь отсутствовала паспортная система, не существовало государственных границ, потому что не было самих государств, жители городов понятия не имели о грабежах и убийствах. Да что там говорить, сказка да и только!

Но это были лишь впечатления, потому что жизнь-сказка оказалась с порчей. Чем основательнее Гордий знакомился с ней, тем больше в ней разочаровывался. От старой доброй Астры с ее необъятным разнообразием народов, языков, культур, которую Гордий знал и любил, остались только очертания мате-риков. Все остальное изменилось — города, их названия, привычки и интересы людей.

Особенно возмущали Гордия названия городов, нарочито пошлые, глупые — Толстяк, Свистун, Пупок, Бесстыдник... Их жители говорили на едином всепланетном языке, представлявшем собой невообразимую смесь старых языков, густо одобренную всевозможными словесными новациями. Скрепя сердце, Гордий усвоил этот искусственный, лишенный красоты и выразительности язык с помощью — о, боги! — обучающего автомата.

Гордий был потрясен, узнав, что в языке потомков отсутствуют такие понятия, как «мать», «отец», «брат», «родина» и другие, без которых немыслимо воспитание полноценных, нравственных личностей. Родственных отношений они не знали, потому что выращивались в инкубаторах, как цыплята, родиной у них была вся планета, а под любовью они понимали изощренное до гнусности соединение полов. В интимной сфере они бывали столь простодушно бесстыдны, что даже печально знаменитый Иной, известный в свое время распущенностью нравов, казался теперь Гордию городом высокой нравственности.

... Главное содержание жизни большинства из них составляли игры и развлечения, которые придумывали для них роботы. У этих людей не было ни прошлого, ни будущего — одно бесконечно затянувшееся настоящее, похожее на калейдоскоп с непрерывно меняющимися узорами. Поначалу Гордий никак не мог уразуметь, как не надоедает им все время развлекаться, но, присмотревшись поближе к их жизни, все понял. В сущности, это были говорящие домашние животные, по большей части добродушные, физически привлекательные, но душевно крайне убогие. А домашние животные, как известно, тем и отличаются от людей, что могут всю жизнь проводить в праздности, не испытывая угрызений совести.

Норд Гордий Виртус был человеком широких взглядов и хотя сам отличался известным аскетизмом, умел прощать слабости и даже пороки других. Но тут он не выдержал. Он увидел порок, возведенный в принцип существования, и это глубоко возмутило его. Он был оскорблен за своих товарищей, за всех, кто

мучился и страдал в той жизни, веря в лучшее будущее человека, а на деле одобрил своими костями эту сытую, благополучную, омерзительно бессмысленную планету. Он был посланцем той, навсегда ушедшей культуры, в которой верили, что могучее, страстное слово способно найти отклик в человеческих душах. И Норд Гордий Виртус начал действовать...

* * *

Следственной комиссии не понадобилось слишком много времени, чтобы понять, что перед ней опаснейший преступник, само существование которого представляет серьезнейшую угрозу для цивилизации. Если бы ему удалось своими проповедями убедить хотя бы одного человека из ста тысяч, то число инакомыслящих во много раз превысило бы число сотрудников БЗИГ.

Естественно, возник вопрос о мерах пресечения угрозы. В эпоху Тьмы особо опасных преступников казнили, но с наступлением эры Света смертную казнь отменили, как антигуманное наказание. Тем не менее оставлять Норда Гордия Виртуса живым было никак невозможно.

Посоветовавшись, члены комиссии решили применить к нему меру наказания, именуемую Дизтой. Она была придумана в свое время специально для таких исключительных случаев и означала, в сущности, простую вещь. Преступника оставляли в камере-одиночке без пищи и воды и держали там «до обнаружения однозначного результата», как деликатно именовалась в статье закона смерть от истощения.

Когда Гордию объявили приговор, объяснив, что это такое, он горько усмехнулся.

— О, всемогущий Нандр, творец Вселенной! Где еще в истории можно найти пример подобного лицемерия? Если человека собирались казнить, то прямо сообщали ему об этом, не прикрываясь словесной казуистикой. Вы хотите меня убить за то, что я говорил правду? Что ж, я вас понимаю, но сделайте это с помощью ружья или плазмомета, а не морите голодом, как крысу!

— Вы ошибаетесь, господин Виртус, — возразил ему на это Главный Сторожила. — Вас никто не собирается убивать. Наши гуманные законы запрещают убивать человека за какой бы то ни было проступок. Вас всего лишь сажают на Дизту, и если вы по каким-либо причинам умрете, то это будет вина не наша, а природы.

— Железноголовые идиоты! — пробормотал Гордий сквозь зубы. И больше ничего говорить не стал.

* * *

Так закончилась миссионерская деятельность Норда Гордия Виртуса, отважного человека эпохи Тьмы, который пытался обличительными речами пробудить сознание и совесть у своих да-

леких потомков. Во все времена и у всех народов бывали такие люди, и хотя произносили они разные речи и по разным поводам, кончали одинаково.

Тут, однако, случай особый, выпадающий из общего ряда, иначе не стоило бы о нем и рассказывать. В отлаженном механизме астрианской надзирающей службы впервые за много веков случился сбой. Вот что произошло...

Гордия привезли на маленький скалистый остров в океане. Здесь стояла заброшенная старая тюрьма, которая за отсутствием серьезных преступников давно пустовала. Три робота-исполнителя препроводили его в камеру-одиночку, где зачитали ему приговор. После этого двое из них улетели на своем флайере, а третий остался ждать «наступления однозначного результата».

... Гордий осмотрел камеру. Мощные стены, каменный пол, наверху маленькое оконце, перекрещенное толстыми железными прутьями. За дверью в коридоре — неусыпный электронный страж, которого ни обмануть и ни разжалобить. Да... отсюда не убежишь...

Оставалось либо перегрызть себе вены и умереть легкой смертью, либо молить богов о чуде. Гордий выбрал последнее. Он встал на колени, обратившись лицом к оконцу, и начал отбивать поклоны, прося великого Нандра освободить его из темницы.

Гордий молился двое суток, напрягая все свои душевные силы, вкладывая в молитву всю страсть, на какую был способен. К исходу третьих суток, обессилив, он свалился в обмороке.

Очнувшись он под утро от холода. По полу тянуло сквозняком. Гордий с трудом оторвал от каменной плиты тяжелую голову и сел. У него потемнело в глазах от слабости, а когда черный туман рассеялся, он увидел, что дверь камеры отворена настежь. Еще не веря глазам своим, думая, что это галлюцинация, Гордий поднялся и, вытянув вперед руку, как слепой, пошел к двери. И вышел в коридор! На полу, вытянувшись во весь свой громадный рост, лежал робот-исполнитель. Его обращенные к потолку бериллиевые глаза были темны. Почти не думая, Гордий наклонился и выдернул предохранитель из груди робота, после чего стал приносить благодарственную молитву Нандру...

Потом он обошел островок. Ни души, ни единого живого существа. Только голые скалы и океан и еще каменное здание тюрьмы, поросшее от старости мхом...

Норд Гордий Виртус был образованным человеком и, хотя сердцем принимал религию своего народа, в чудеса не очень-то верил. Молиться он начал скорее с отчаяния, от внезапно вспыхнувшего первобытного импульса веры. И вот чудо произошло! Конечно, можно было объяснить его вполне рационально — что робот сломался и, не отдавая отчета своим действиям, открыл дверь. Но это было почти невероятно, в сущности, то же чудо. Чтобы робот просто так, ни с того ни с сего сломался? Чу-

до, настоящее чудо! А это значит, что он нужен на этой планете!

Трое суток Гордий просидел на острове без пищи и воды, а на четвертые увидел на горизонте белый треугольник паруса.

... Его подобрала небольшая прогулочная яхта с молодой парой на борту. Хозяева судна были удивлены, обнаружив на голлом острове заросшего бородой изможденного человека. Несмотря на страшную слабость и пережитые волнения, Гордий сообразил, что надо говорить. С момента задержания вся информация о нем была наверняка засекречена, а без маски его никто никогда не видел. И Гордий сказал, что это такая игра. Он играет в потерпевшего кораблекрушение, выброшенного на необитаемый остров. Его должны через пару деньков подобрать свои, но он не возражает прекратить игру пораньше, потому что ему основательно надоело сидеть одному на острове. Выдумка сработала безотказно. Ах, игра! Тогда понятно... Интерес к спасенному сразу пропал.

И в следующие дни к радости Гордия молодые люди ни о чем его не расспрашивали, не пытались завести знакомство. Все это время он провел в маленькой носовой каюте и пил фруктовые соки, которые приносил ему робот-матрос, а хозяева развлекались в салоне, не обращая на него никакого внимания. Уже не первый раз замечал Гордий, что люди новой Астры совершенно нелюбопытны друг к другу, если только их не связывают общие наслаждения. А что могло быть общего между ним, пятидесятилетним седеющим мужчиной, и этими двумя юнцами с манекено-красивыми лицами? Он им казался, конечно, глубокоим стариком, хотя и был, возможно, одного с ними возраста.

... Через несколько дней яхта прибыла в большой порт, и парочка сошла на берег, бросив судно. Да-да, они бросили отличную пятнадцатиметровую яхту с автоматическим управлением и только потому, что она, по их мнению, недостаточно комфортабельна! Гордий собственными ушами слышал, как хозяин — демонического вида красавчик с бриллиантовым треугольничком члена Элиты на куртке — сказал своей подруге, что ему «осточертела эта рухлядь». И женщина кивнула, соглашаясь — да, мол, модель устарела, удобств никаких. И они ушли, забрав с собой матроса и не попрощавшись с Гордием.

Этакое счастье привалило! Гордий стал обладателем прекрасного мореходного судна с не израсходованным еще запасом продуктов и питья в трюме. Два дня он просидел на яхте, думая, что хозяева, может быть, вернутся. Он все никак не мог привыкнуть к тому, что в этом странном мире люди не знают цены хорошим вещам, потому что они достаются им даром. «Они похожи на мартышек в тропическом лесу, где полно бананов», — подумал он, проснувшись на третий день утром. Нет, хозяева так и не вернулись...

Теперь нужно было решать, как распорядиться дарованной ему Нандром свободой. Его побег обнаружится не раньше, чем

через два месяца, когда роботы вернутся на остров, чтобы выяснить причину молчания их коллеги. Значит, все это время он может смело действовать, не опасаясь слежки. Но что предпринять? На что направить силы? Попытаться разыскать людей, недовольных системой? Найти для начала одного хотя бы наиболее развитого и попробовать осторожно вправить ему мозги. Не может быть, чтобы на планете не осталось людей с зачатками хоть какой-то духовности. Идея вдохновила Гордия. Теперь уже ясно, что он допустил грубую ошибку, применив в новых условиях старые методы. Нужно было начинать совсем с другого конца — с отдельных человеческих душ.

Решение было принято. Утром следующего дня, позавтракав и приведя себя в порядок, Гордий сошел на пирс.

— Эй, приятель! — окликнул он проходившего мимо вахтенного матроса в голубой робе. Робот остановился, обратив к нему глуповато-добродушное, похожее на резиновую маску лицо.

— Я вас слушаю, приятный господин, — кивнул.

— Как называется этот город?

— Бездельник, приятный господин. Двенадцать миллионов жителей.

— Эта яхта моя, — сказал Гордий, — посмотри за ней.

— Будет исполнено, приятный господин, — кивнул робот. — Я самым тщательным образом посмотрю вашу яхту и устраню все неисправности.

Гордий усмехнулся этому маленькому семантическому недоразумению, но уточнять свою просьбу не стал, поняв по ответу робота, что яхта и так никуда не денется. Привычным солдатским шагом он двинулся по пирсу к берегу. Что ж, Бездельник так Бездельник. Не все ли равно, с какого города начинать? Если здесь найдется хотя бы дюжина человек с живыми душами, значит, они есть в любом городе, а если их нет, то, значит, нет и нигде.

В утренней гавани стояла тишина, нарушаемая лишь мерным стуком Гордиевых ботинок. Спихватившись, он сбавил ход и сунул руки в карманы, переходя на прогулочный шаг. «Дурак!» — обругал он себя, вспомнив недавний разговор на следственной комиссии. Он задал тогда своим судьям только один вопрос — как им удалось его выследить? На что председатель комиссии ответил: «Это профессиональная тайна, господин Виртус, но человеку в вашем положении ее можно открыть. Вас выдала походка. Современные астриане так не ходят».

«Да, со старыми привычками нужно расставаться, — думал Гордий, неторопливо шагая по набережной мимо больших хрустальных ваз с цветами, расставленных вдоль мраморного парапета. — Как это ни мерзко, но придется менять манеры и речь, придется учиться лгать».

Весь этот день он бродил по городу — присматривался к людям, прислушивался к их разговорам. Увы, ни одного хоть чем-

нибудь интересного лица, ни одной хоть сколько-нибудь интересной реплики! Пообедал в бесплатном уличном кафе для низших каст. Робот-официант, едва он сел, тут же поставил перед ним на подносе стандартный обед: суп, жареную баранину в соусе, сыр и бутылку красного сухого вина.

«Неужели нужно было свергать богов и устанавливать единое всепланетное государство, чтобы любой бродяга мог иметь бесплатный обед? — думал Гордий, запивая вином вкусное, свежеподжаренное мясо. — Нет, тут что-то не то... Материального изобилия можно было достигнуть и не уничтожая старых укладов. Просто мы недооценили животную основу в человеке и слишком переоценили духовную. И еще не учли такой страшной силы, как зависть...»

Эти горькие мысли уже не раз тревожили Гордия за прошедшие месяцы. Эх, если бы можно было совершить обратное путешествие во времени и явиться из будущего мощным, непрерываемым авторитетом! Он бы рассказал тогда тупоголовым ортодоксам, во что обойдется их пренебрежительное отношение к материальной стороне жизни, какая страшная цена будет заплачена за то, чтобы на Астре появились бесплатные кафе. А составшим слепым толпам он объяснил бы, что они отдают свои жизни не за потомков, а за существ без роду и племени, которым будет глубоко наплевать на них...

Три дня хождений по городу не принесли Гордию никаких результатов, зато на четвертый у него произошло знакомство, из-за которого пришлось прервать поиски. Получилось так. Он сидел на лавочке в сквере, в оживленном месте, и наблюдал за фланирующей публикой. Вдруг из глубины аллеи послышался резкий звук полицейской трещотки. Все, кто в этот момент находился на аллее, видели, как, пригибаясь и лавируя между людьми, бежал худой, взлохмаченный человек, а за ним, треща, как жук, и тоже лавируя, поспешал робот в фиолетовом фраке. «Будьте благоразумны, приятный господин, остановитесь», — говорил он при этом мерным металлическим голосом. Человек с вытаращенными глазами промчался мимо Гордия и, вильнув в сторону, полез через изгородь. Однако робот настиг его и стащил за ноги вниз. Через минуту он уже волок назад по аллее свою кричащую и сопротивляющуюся жертву, талдыча: «Будьте благоразумны, приятный господин, будьте благоразумны...» «Приятный господин», однако, рвался из его рук и орал на весь сквер: «А-а, не хочу в Уютный, отпустите!» В один миг аллея опустела. Гуляющие попрятались за кустами и деревьями, наблюдая оттуда за разыгравшейся сценой. Когда оба четырехногий топчущийся растопыренными лапами и скамейкой, на которой сидел Гордий, задержанный зацепил ногой, как крючком, за край скамейки и заорал, тараща через плечо на Гордия безумный глаз:

— Господин, вы из Элиты? Возьмите меня на поруки! Меня зовут Ухо Блинчик, я буду служить вам!

Гордию в его положении ни в коем случае не следовало вмешиваться, однако инстинкт оказался сильнее.

— Отпусти его! — приказал он роботу, вставая.

— Ваше имя и звание, приятный господин? — осведомился робот, останавливаясь и продолжая крепко держать нарушителя.

— Гор... Долговязый, — наобум сказал Гордий. — Я режиссер с телевидения.

Робот соображал не более двух-трех секунд.

— Это дезинформация, приятный господин. Такого режиссера не существует.

Гордий понял, что допустил оплошность, забыв, что все роботы имеют радиосвязь с центральным банком информации. На миг он растерялся, не зная, что отвечать.

— Вынужден задержать и вас, приятный господин, на предмет выяснения вашей личности, — сказал наблюдательный страж порядка.

Это был конец! Времени на раздумье не оставалось. Молниеносным движением руки Гордий рванул манишку на груди робота и другой рукой выдернул предохранитель. Робот застыл, парализованный. Так же быстро Гордий вытащил из его виска блок памяти и спрятал в карман вместе с предохранителем.

— Скорее! — сказал он, хватая за руку ошеломленного арестанта...

Через несколько минут оба летели в воздушном такси дальше от опасного места. Ухо Блинчик потрясенно бормотал, глядя на Гордия с ужасом и восхищением, как на бога:

— Мне же не поверят, если я расскажу своим! Нет, не поверят! Чтобы человек поднял руку на робота! Они теперь найдут вас и приговорят к пожизненной ссылке!

— Не найдут, — сказал Гордий. — Я вытащил у него блок памяти, а те, что прятались в кустах, давно уже разбежались, так что свидетелей нет.

— Ах, какой смелый господин! Какой смелый! — восхищенно бормотал Блинчик. — Таких смелых людей, наверное, нет больше на всей Астре.

Гордий подумал, что, может быть, судьба не случайно столкнула его с нарушителем закона, и он спросил Блинчика, какое тот совершил преступление. Оказалось, что Ухо Блинчик, профессиональный бродяга, обманным путем дважды проникал в Клуб Гурманов, предназначенный только для Элиты, и каждый раз его задерживали охранники. Первый раз в качестве предупреждения он получил месяц ссылки, а во второй ему улыбались пять лет — вот он и сбежал.

— Ах, если бы вы знали, какие там подают цэцхи! — гово-

рил он, закатывая глаза. — Ну вы-то знаете, вы же человек Элиты! Людям Элиты можно позавидовать, как они живут!

— Тебе сколько лет? — спросил его Гордий.

— Сто сорок, господин Гор.

— Так почему же, прожив полжизни, ты не добился элитарного звания? Ты что, глупее их, что ли?

Блинчик с жалкой улыбкой недоверчиво смотрел на Гордия.

— Вы, наверное, шутите, господин Гор, или, может быть, вы прилетели к нам с другой планеты? Я же сказал вам, что я профессиональный бродяга. Человека моей касты не примут ни в один элитарный клуб даже младшим стажером.

— Даже если ты покажешь выдающиеся способности?

— Все равно не примут.

— А тебе не кажется несправедливым такой порядок, при котором умный человек не может занять подобающего ему места в обществе? — осторожно спросил Гордий.

Ухо Блинчик пожал плечами.

— Конечно, это несправедливо, только что тут поделаешь?

— Как что? Нужно изменить порядок и установить справедливость.

Ухо Блинчик наморщил лоб, пытаясь понять, что имеет в виду его странный знакомый. А тот продолжал развивать свою мысль:

— Ведь за нынешним порядком на планете следят фиолетовые, так?

— Так, — кивнул Блинчик.

— Какова их общая численность?

— Я думаю, миллионов десять.

— Всего-то! — Гордий рассмеялся. — И вы не знаете, как изменить порядок!

Он принялся втолковывать Блинчику нехитрую революционную арифметику. Низшие касты составляют половину астринской цивилизации, то есть двадцать миллиардов человек. Это значит, на каждого фиолетового приходится две тысячи человек.

— Ты видел, как я в одиночку победил робота? Выдернул предохранитель, и все. А если на каждого фиолетового нападут сразу две тысячи человек? Да они всех их растащат по винтику!

Гордий понимал, что имеет дело с неподготовленным человеком, и не рассчитывал на немедленный успех своей проповеди. И все же реакция собеседника была для него совершенно неожиданной. Блинчик вдруг страшно побледнел, съежился, челюсть у него отвисла и мелко затряслась. Он смотрел на Гордия расширенными от ужаса глазами, пытаясь что-то сказать, но не мог.

— Да ты что, брат? Что так струсил? — попробовал Гордий шутливо устыдить его. — Ведь это пока только один разговор.

Куда там! Блинчика била нервная дрожь, словно его уже

пришли арестовывать по обвинению в покушении на государственный строй.

— И-на посадку,— наконец выговорил он, дернувшись вперед к микрофону автопилота. Машина плавно перевалила через невидимый бугор и пошла вниз по наклонной плоскости.

— Ну, успокойся,— Гордий с кривой улыбкой похлопал трясущегося Блинчика по плечу.— Считай, что я пошутил.

Оставшиеся минуты оба провели в молчании. Едва таксолет приземлился, как Блинчик тут же, не попрощавшись, пулей вылетел наружу.

— Да... это народ конченный,— пробормотал Гордий, глядя вслед улетающему бродяге.

Он посидел еще немного и сказал автопилоту:

— В морской порт, к пятому пирсу.

Остаток этого дня Гордий просидел на яхте, анализируя ситуацию. Задерживаться в Бездельнике больше не имело смысла, да было просто рискованно. Завтра же весь город будет судачить о неизвестном храбреце, который среди бела дня совершил тягчайшее преступление — повредил фиолетового. Значит, надо уходить. Но куда? А главное, как теперь действовать дальше? Может быть, попробовать парализовать сразу всю полицейскую службу, взорвав, скажем, их банк информации? Только вот вопрос — где он находится, этот банк? Да и наверняка там у них двойная, тройная система охраны, какая-нибудь сумасшедшая электроника.

Нет, в одиночку такую акцию не осилить... Много вариантов перебрал в уме Гордий, но ни до чего дельного не додумался.

Случай был особый, не имевший прецедента в прошлом, а это означало, что без совета Тимры не обойтись.

... Они разрушили все храмы, чтобы люди забыли свои святыни и превратились в животных. Все, кроме одного, на воротах которого высечено древнее пророчество, предрекающее страшную смерть роду человеческому, если храм будет разрушен. Несколько раз за долгую историю существования храма пророчество частично сбывалось. Святотатцы, пытавшиеся ограбить храм, умирали при таинственных обстоятельствах, и Близнецы прекрасно знали об этом. При всей своей ненависти ко всяким святыням они были достаточно рассудительны и во времена неистовых погромов храма Тимры не трогали. И, надо думать, завещали потомкам не прикасаться к нему. Да, пожалуй, то, что цивилизация благополучно здравствует, и доказывает очевиднее всякой очевидности, что храм цел. Решение было принято...

Яхта снова шла в открытом море, рассекая форштевнем веселую зеленую волну. И светило солнце над головой, и свистел ветер в тугих парусах, и прохладные соленые брызги, пролетая над палубой, окропляли лицо Гордия, сидевшего на корме.

Автомат вел судно на северо-запад к большому полуострову, который раньше назывался Тимрием. Путешествуя по планете

эти полгода, Гордий выбирал маршруты подальше от него. Он видел, что произошло с другими странами, и не мог набраться духу, чтобы посетить Тимрий. Не мог, потому что когда-то там была его родина...

Через несколько дней путешествия справа по борту на горизонте показалась полоска земли. Наконец-то! Волнуясь, как юнец перед первым свиданием, Гордий отключил автоматику и стал к штурвалу. У него тревожно сжалось сердце, когда парус с хлопком перелетел на правый борт и яхта, сильно кренясь, пошла курсом бейдевинд в направлении острова.

К полудню полоска земли превратилась в горную цепь. Гордий напряженно всматривался в даль и узнавал знакомые очертания. За прошедшие семь веков горы мало изменились. У гор свой счет времени. Вон Братья — два устремленных к небу скалистых шпиля, а справа от них камень, похожий на голову круторогого барана. Его так и называли — Баранья голова... Какая удивительная встреча! Мог ли подумать он, покидая двадцать... нет, уже семьсот двадцать лет назад Тимрий, при каких удивительных обстоятельствах увидит его вновь!

Берег становился все ближе, и все тревожнее стучало сердце у Гордия. На него вдруг напала нервная почесуха, он яростно скреб ногтями грудь, спину, бока. Гордий до крови закусил нижнюю губу, подавляя возбуждение. Уже виднелись жилые пирамиды — эти чудовищные, похожие на термитники постройки, опоясанные кольцевыми террасами. За ними то здесь, то там проглядывали вычурные архитектурные сооружения — плод фантазии взбесившегося робота. Зеленое пространство между ними было исполосовано прямыми, похожими на порезы линиями шоссе. По ним двигались маленькие, как букашки, автомобили.

Гордий не узнавал Тимрия. Горы оставались все те же, а город, раскинувшийся у их подножия, был чужим. По заливу сновали прогулочные суда, летали с сумасшедшей скоростью, поднимая тучи брызг, какие-то серебристые блюдца, с берега неслись звуки дикой музыки, напоминающей игру обезьян на расстроенных инструментах. После нескольких дней, проведенных наедине с океанской стихией, все это казалось Гордию особенно отвратительным.

Солнце провалилось за горную цепь, стали сгущаться сумерки, и вдруг высоко в небе над самым городом стали по одной зажигаться кроваво-красные буквы.

«ХО-ХО-ТУН», — прочел Гордий и поначалу ничего не понял. Но тут вспыхнул жирный знак тире, и фраза продолжилась: С-А-М-Ы-Й В-Е-С-Е-Л-Ы-Й Г-О-Р-О-Д Н-А С-В-Е-Т-Е! Фраза продержалась несколько секунд и погасла, и вместо нее возникла омерзительная смеющаяся рожа ядовито-зеленого цвета. С небес посыпались громкие булькающие звуки, словно это смеялся сам козлоногий Мадрас, радуясь своей гнусной выдумке.

— Ах, негодяи! Ах, мерзавцы! — бормотал Гордий, до боли в суставах стискивая штурвал.

Да, это было новое название Тимрия — пошлое и глупое, как и все на этой забытой богами планете. Тяжело было видеть чужие земли, с которых словно содрали живую кожу и налепили взамен новую искусственную, но видеть изуродованной собственной родину было невыносимо.

— Негодяи! Разрушители! — как в бреду шептал Гордий, скользя взглядом по городу, по его нелепым постройкам, оскорбляющим глаз своей ломаной, дерзостной архитектурой, лишенной и тени величия. Он причалил к одному из пирсов, где уже стояли, прижавшись боками друг к другу, несколько яхт. Робот-вахтенный в стерильно белой униформе с золотым якорем на груди принял у него носовой фал и намотал на кнехт...

До храма Тимры нужно было идти через весь город к отрогам гор. С отвращением и болью шагал Гордий по священной земле своих предков, делая горестные открытия. Когда-то здесь был милый, чудный город, названный Тимрием в честь богини Тимры, дочери вседержителя Нандра. Какие здесь были храмы из белого и розового мрамора! Настоящие шедевры зодчества! Вдоль берега стояли на постаментах искусно раскрашенные масляными красками громадные статуи богов. Мастерство их создателя, легендарного Крона было столь высоким, что они казались живыми. Простой народ верил, что эти статуи и есть сами боги. А в центре города, как раз напротив Братьев, находился величественный Пантеон Героев. В праздник поминовения героев здесь собирались тысячи людей...

Ничего этого теперь не было. Балаганы, идиотские до небес постройки, шутовские огни, шумные толпы празднующихся...

* * *

Чуден был старый Тимрий, много здесь было прекрасных сооружений, но самым прекрасным, самым величественным, гордостью и славой города был храм богини Тимры, возведенный в горах на высоте полутора тысяч метров над уровнем моря. Храм Тимры считался первым чудом света, о нем были написаны тысячи книг, его архитектуру изучали в школах и университетах, как совершеннейший образец зодческого искусства. В эпоху Технологической Революции, когда интерес к древней архитектуре стал снижаться, храм Тимры по-прежнему привлекал тысячи людей. Изящно выполненные макеты храма из камня, ценных пород дерева или слоновой кости продавались в газетных киосках. Специальным постановлением международной комиссии по охране красоты было запрещено выпускать штампованные копии из пластмассы. Признавалась только ручная работа.

Храм Тимры стоял в уютной горной долине на обширном монолите из черного мрамора, который сам по себе являлся чудом природы. Из многих миллионов людей, которые в разные времена приходили полюбоваться знаменитым храмом, вероятно, не было ни одного человека, который не испытал бы потрясения, а то и мистического ужаса при виде этой нечеловеческой, сверхъестественной красоты. Высокий снежно-белый храм, весь снизу доверху покрытый тончайшей резьбой, отражался в черной поверхности площади. Обработанная специальным составом, она была доведена до зеркального блеска. В ясную погоду в ней отражалось синее небо с плывущими по нему облаками и ближние горы. Казалось, храм, невесомо-легкий, стоит на воде и вот-вот от дуновения ветерка заскользит по зеркальной глади...

Площадь по кругу окаймляли короткие дуги золотых цепей, прикованных к пирамидальным столбикам с фигурками разных зверей на вершинах. Разгуливать по площади запрещалось, да никому и в голову не пришло бы осквернять подошвами ее девственную чистоту. Посетители ходили по широкой кольцевой галерее, возвышавшейся над уровнем площади, — фотографировали храм или просто любовались им. Посещать храм можно было только с двенадцати часов ночи до пяти утра. На это время служители раскатывали от ворот до галереи широкую войлочную дорожку, и желающие могли войти в храм. У входа все ненадолго задерживались, чтобы прочесть грозную надпись, высеченную на арке ворот: «Да испепелится огнем племя, которое посягнет на дом дочери моей Тимры». Надпись была сделана на древнем языке, но содержание ее знал каждый.

А какое сильное и странное чувство испытывал каждый входящий в храм! С высокого его свода на вас словно обрушивалась могучая и нежная волна. Хотелось смеяться и плакать от ощущения счастья.

В огромном зале, сверху донизу инкрустированном драгоценными камнями, стояла громадная золотая статуя Тимры, освещенная факелами, спрятанными в стенные ниши. Этого зрелища не выдерживал ни один человек. Даже у просвещенных скептиков вдруг подкашивались ноги, и они падали на колени, а верующие начинали плакать навзрыд. Дивной красоты жена стояла на постаменте, склонив вниз ясное мудрое лицо, на котором застыла небесная улыбка. Об улыбке Тимры были написаны горы книг...

Гордый заблудился среди каменных строений, закрывавших от него горы, и вынужден был остановить прохожего — розовощекого курносого красавчика.

— Слушай, приятель, как добраться до храма Тимры? — спросил он его.

— Храма? Что такое «храма»? — сказал тот, хлопая глупыми, как у кролика, глазами. Подумал и заулыбался во весь рот. — А-а, Тимра! Тимра там!

Он показал рукой вдоль улицы.

— Дойдешь до фонтана, повернешь направо, а потом налево и выйдешь к горе. А наверху Тимра.

«Вот болван! — с добродушной усмешкой думал Гордий, шагая по улице в указанном направлении. — Не знает слова «храм»? Интересно, как же они его теперь называют? Строе-нием, что ли?» У него немного поднялось настроение. Как ни старались Близнецы вытравить из памяти людей прошлое, имя Тимры они уничтожить все же не смогли.

Гордий вышел наконец к горе. Как и следовало ожидать, местность неузнаваемо изменилась. Когда-то вверх по склону серпантином поднималась каменная лестница, состоявшая из трех тысяч ступеней. Согласно освященному веками обычаю, само восхождение по лестнице, занимавшее немало времени, входило в ритуал поклонения божеству. Теперь лестницы не было. По склону вверх и вниз бегали ярко раскрашенные вагончики фуникулера, а склон был выложен в шахматном порядке каменными плитами, между которыми росла зеленая трава. У остановки толпилась группа нарядных молодых людей, ожидавшая очередного вагончика, который в этот момент делал круг по кольцу. Гордий поморщился, увидев миниатюрную статуэтку Тимры, установленную на крыше вагончика. Какое кощунство! Молодые люди, толкаясь, со смехом полезли в вагончик. Ясное дело, они ничего не понимают в красоте, а едут наверняка из чистого любопытства — поглазеть на экзотику.

Гордий и не подумал садиться в фуникулер. Пройдя мимо остановки, он полез вверх по склону...

Восхождение заняло у него больше часа, хотя подниматься по плитам было очень удобно. Но Гордий основательно отвык от таких нагрузок и вынужден был время от времени делать остановки, чтобы передохнуть. Пассажиры пробежавших мимо вагончиков смеялись и показывали на него пальцами.

Наверх Гордий вылез совершенно мокрым и опять сидел, остывая на ветру. Внизу, залитый морем огней, раскинулся Хохотун, город-распутник, а наверху, в темных небесах, всё хохотали, сменяя одна другую, глумливые рожи.

Гордий закрыл глаза, сосредоточиваясь, изгоняя из сердца гнев. Бог с ними, с этими нелепыми существами... в конце концов они тоже люди, хотя и утратившие божественный огонь. К храму богини он должен прийти умиротворенным. Прочь дурные чувства. Гордий поднялся и пошел по краю дороги к долине.

* * *

Если бы среди ночи раскололась надвое Луна или с небес обрушился огненный дождь, это потрясло бы Гордия гораздо меньше, чем то, что он увидел. Он вышел из-за поворота в доли-

ну и остановился как вкопанный, потому что у него вдруг онемели ноги. На мраморной площади храма Тимры не было! Вместо него здесь стояло сооружение, которое не могло бы присниться Гордию даже в кошмарном сне, поражавшее своим изощренным, умышленным бесстыдством. Оно походило на две гигантские, вспучившиеся до небес ягодицы, сделанные из какого-то матового, полупрозрачного материала. И оно сияло в ночи, создавая вокруг себя что-то вроде нимба! Там, внутри, за матовой поверхностью, вспыхивали разноцветные огни и мелькали тени.

Омерзительное строение нагло попирало священное место, бросая вызов богам, но это было еще не самое ужасное. Его страшные создатели довели свою богоборческую идею до конца. Вверху над срамными полукружиями кокетливо раскинулась световая надпись: «Секс-клуб «Красотка Тимра», а еще выше, освещенная со всех сторон прожекторами, стояла на постаменте сама ясноликая кроткая богиня!

Медленно, как в тяжелом сне, переставляя ноги, Гордий сделал несколько шагов и снова остановился, прислонившись к стволу какого-то дерева. Отвратительное зрелище притягивало взгляд, примагничивало, подавляя волю и ум. Гордий почувствовал внезапный приступ отчаяния, смешанного с ужасом, как бывает, когда человек сталкивается с безжалостным и непобедимым врагом. Мироздание рушилось прямо на глазах. Зачем понадобилось разрушать прекрасный храм, который никому не мешал? Почему не сбылось древнее пророчество и Нандр не покарал святотатцев?

По лицу Гордия, обжигая кожу, текли медленные тяжелые слезы. «Я сожгу их своим плазмометом», — с детским гневом подумал он, забыв, что плазмомета у него давно уже нет.

Гордий смотрел, не отводя глаз, на золотую богиню, оглушенный, окаменевший, безгласый, сам похожий на статую. Перед глазами его плыло...

Вдруг он увидел или ему показалось, что Тимра стала медленно-медленно поднимать голову. У Гордия все внутри омертвело, перехватило дыхание. Он упал на колени, молитвенно скрестив на груди руки, и совершенно отчетливо увидел, что улыбка исчезла с лица Тимры! Богиня смотрела вниз с грустью, укоризной, надеждой. Гордий отпрянул, глядя на статую расширенными от ужаса глазами.

— Я отомщу, Тимра! Клянусь тебе, отомщу! — забормотал он, стуча зубами. Его трясло, как в лихорадке, и он повторял одну и ту же фразу: — Отомщу, Тимра, отомщу!

А потом он услышал, как за спиной молодой веселый голос сказал:

— Это паломник с Медузы. Они все бухаются на колени, когда увидят наш клуб.

Гордий был по природе своей добрым человеком и, несмотря на все потрясения, пережитые в прошлой жизни и теперь, не знал все же, что такое настоящая ненависть. А тут узнал. Это страшное в своей непредсказуемости чувство подняло его на ноги. Схватив повернувшийся под руку камень, он с рычанием бросился на толпу у входа...

Его спасла случайность — среди жаждущих попасть в клуб в этот момент не оказалось ни одного супера. Увидев бегущего человека — лохматого, разъяренного, с занесенной для удара рукой, люди с криками рассыпались в стороны, раздался истерический женский вопль. Этот вопль отрезвил Гордия. Он остановился, бешено вращая глазами и сжимая в руке камень. А в следующую секунду сработал инстинкт самосохранения. Гордий понял, что едва не совершил непоправимую глупость. Усилиями воли он загнал ярость внутрь, выпустил из рук камень и, повернувшись, пошел прочь от клуба...

«Я отравлю им существование, — с ненавистью думал он, шагая через город к заливу, — буду устраивать диверсии, убивать по одиночке...»

Еще ни разу в жизни ему не наносили такого тяжелого, такого циничного оскорбления. Гордий оглох и ослеп от гнева. Картины возмездия, которое он учинит бессовестной планете, громогласно прозвучали в его возбужденном мозгу, сменяя одна другую. Да-да... он устроит тайную мастерскую, будет делать бомбы с часовым механизмом и взрывать их — в метро, магазинах, местах массового скопления людей. Пусть они узнают, что такое страдания и смерть! А он будет неуловим... изменит внешность... станет осторожным и хитрым, как хищный зверь...

Гордий почти бежал по улице, изумляя своим видом редких прохожих. Уже перевалило за полночь, и люди попадались не часто. В это время суток на полную мощность работали многочисленные увеселительные заведения города, словно пылесосы очищая улицы от людей.

Но гнев, даже очень сильный, не мог держаться слишком долго в душе Гордия. Быстрая ходьба и ветер с моря отрезвили его. Вернувшись на яхту, он, не раздеваясь и не включая света, лег на диван в салоне. Вспышка ярости угасла, сменившись мучительным, как послеоперационная боль, чувством. Гордию не хотелось ни пить, ни есть. Тяжелое чувство разрасталось, терзало ум, порождая страшные вопросы. Почему Нандр, творец Вселенной и всего живого в ней, позволил осуществиться скотскому идеалу четырех Близнецов? Позволил настолько, что оставил безнаказанным надругательство над величайшей святыней! Неужели были правы Близнецы, утверждая, что мир — это вечная игра самосущей, замкнутой в себе материи, не имеющей ни цели, ни смысла? От этой мысли, после всего происшедшего

как будто очевидной, у Гордия все мертвело внутри, и он ощущал себя трупом, в котором продолжает существовать только больное, мятущееся сознание. Нет, немислимо! Можно отказаться от многобожия, от буквального, народного толкования мифов, к чему и пришла интеллигенция индустриального периода, но выбросить из мироздания Бога вообще? Нет и нет! Живое устроено слишком сложно и целесообразно, чтобы допустить, что оно образовалось случайно, в результате бессмысленной игры неразумных частиц. А такие явления, как сознание, совесть, любовь, все человеческие чувства? Они-то не разлагаются ни на какие частицы. Ни под каким самым мощным микроскопом не обнаружить частиц любви или ненависти, боли или страха.

Аргументы казались убедительными, и Гордий оживал. Увы, ненадолго... Снова его сознание атаковали убийственные вопросы.

... Но если Нандр существует, то почему не понимал он, что зло, остававшееся безнаказанным, убивало в людях веру в высшие, благие основания бытия, в него самого? Близнецы разбудили в человеке мохнатого зверя, которого веками держали в повиновении религии и благодаря этому победили, потому что сила зверя огромна. Но где же был в те времена Нандр? Где он сейчас?

Проклятые вопросы совсем замучили Гордия. Утомленный мозг стал пробуксовывать, подергиваться мутной пеленой. Гордий незаметно для себя погрузился в сон — тяжелый и тревожный...

Под утро в полудреме ему явилась странная мысль. Словно большая черная птица села на грудь. А что, если всемогущий Нандр вовсе не всемогущ? Он может многое, но не все. Он мог сотворить человека — великолепнейшее и сложнейшее из своих созданий, но не может полностью управлять им, не может положить предел его своеволию.

Гордий проснулся в липком поту. В запертом наглухо салоне было душно. Сердце сильно и часто стучало. Он вышел на палубу. Стояли предраcсветные сумерки, с моря дул холодный ветерок. На западной стороне, окруженный зубчатой стеной гор, спал в синей мгле распутный город Хохотун, а на востоке за морем уже занималась утренняя заря. Дивное время суток! Горы, море, заря... все то же, что и семь веков назад! Гордий постоял, остывая на ветру и размышляя. Что-то подобное он, кажется, слышал... Ну да, почти то же самое говорили марциане. Была когда-то такая секта. Ее члены называли себя марцианами по имени бога Марция, изгнанного согласно мифу из собрания богов за сомнение во всемогуществе вседержителя Нандра. Марциане считали, что в их вере спасение от наступавшего безбожия, что лучше добровольно отдать часть, чем лишиться всего. Но официальные государственные религии подвергали марциан гонениям, причисляя их фактически к безбожникам. Признать,

что Нандр не всемогущ, значило уронить авторитет верховного божества в глазах масс. Так думали ортодоксы. Нападали на марциан и Близнецы. Их лидер — черноглазый хладнокровный Оникс выступал в свое время с язвительными и остроумными речами, в которых называл марциан эклектиками, дешевыми болтунами. И ортодоксы, ненавидевшие Близнецов, предательски молчали...

Марциане оказались правы. Вот оно, последнее, непроверяемое доказательство их правоты — разрушенный храм Тимры! Ортодоксы боялись, что массы, усомнившись во всемогуществе Нандра, перестанут ему поклоняться и пошатнется мораль. Зато теперь они поклоняются людям элиты — этим гнусным карикатурам на богов!

Чем больше размышлял Гордий над открытием марциан, тем очевиднее оно ему представлялось. Да... другого объяснения молчанию Нандра нет и не может быть, и теперь надо действовать, приняв его за истину.

Восток уже пылал, охваченный утренней зарей. Над горизонтом проклюнулась желтая горбушка солнца, золотые лучи брызнули по темной воде залива, осветили верхушки гор. Наступал новый день. Зачем?

Гордий спустился в салон. Нужно было умыться, позавтракать и заняться своей внешностью. Теперь, нешуточное дело, он был еще связан клятвой, данной Тимре, и рисковать собой попусту не имел права. Где-то у них тут была жидкость для уничтожения волос...

* * *

Весь день Гордий просидел на яхте, перебирая в уме различные варианты возмездия. Ничего путного, однако, на ум не приходило. Вчера ночью в порыве ослепляющей ярости он видел себя неуловимым мстителем, террористом-одиночкой, который длительное время держит в страхе всю планету.

Теперь, при отрезвляющем свете дня, Гордий понимал, что это утопия. Система сыска на новой Астре доведена до высочайшего совершенства. Если уж фиолетовые в первый раз, не имея о нем никаких сведений, ухитрились его поймать, то теперь и говорить нечего. Одна-две небольшие диверсии — вот все, на что он может рассчитывать. Нет, акция должна быть одноразовой, но такой, чтобы ее запомнили на века! Хорошо бы снести с лица планеты весь Хохотун — вот славная была бы жертва богине! Устроить землетрясение или атомный взрыв. Но как?

Под вечер, устав от бесплодных размышлений, Гордий вышел прогуляться. Он хотел только погулять по набережной, но ноги сами понесли его к отрогам гор, к долине, где стояло непроверяемое свидетельство правоты марциан. Им двигало внезапно вспыхнувшее любопытство. Хотелось узнать, действи-

тельно ли Тимра больше не улыбается или это ему вчера померещилось?

Теперь, чтобы подняться наверх, Гордий воспользовался фуникулером... «Не хватало еще позора карабкаться по склону к этой пластмассовой заднице!» — подумал он, садясь в желтый вагончик, разрисованный веселыми картинками непристойного содержания. Через несколько минут он был уже наверху — фуникулер доставил его прямо в долину.

Похабное сооружение молочно светилось в темноте, окруженное сияющим нимбом. Золотая богиня, стоявшая на своем позорном пьедестале, казалась теперь Гордию сиротой, нуждающейся в защите. Он подошел к клубу поближе, глядя вверх на освещенную статую. Тимра по-прежнему, как и столетия назад, улыбалась своей кроткой, ясной улыбкой, словно прощая своим неразумным потомкам надругательство, которое они над ней совершили. Да, действительно померещилось... Был возбужден, разгневан — вот и померещилось.

У входа в заведение опять толпились жаждущие, слышались недовольные голоса. Клуб и в самом деле был объектом массового паломничества. Из толпы вырвался гневный крик:

— Болван! Ты что, не знаешь меня? Не знаешь?

Гордий увидел маленького большеголового человека, который рвался в клуб, пытаясь преодолеть препятствие в виде рослого робота-швейцара в красной с золотом ливрее.

— Клуб только для Элиты, только для Элиты, господин, — бубнил он.

— А я кто по-твоему?

— У вас нет бриллиантового треугольника, господин.

— Плевать я хотел на треугольник! Я Уни Бастар. Ты обязан знать меня в лицо, иначе какой ты робот! Это я взорвал Лимбу! Вон она, смотри!

Он тянулся одной рукой к двери, а другой тыкал в ночное небо, где сияло маленькое, необыкновенно яркое пятно. Гордий внимательно посмотрел на небо и узнал созвездие Паука. Он вдруг сообразил, что на месте этого пятна раньше и в самом деле была Лимба Паука — самая яркая звезда небосклона. «Что за чушь? — подумал он озадаченно. — Разве можно взорвать звезду?»

Он снова обратился взглядом к богине и застыл сосредоточиваясь. В старые времена верили, что если долго смотреть на статую, то Тимра даст совет, как жить и действовать дальше. Послышится тихий, как шелест листвы, голос...

Голоса Тимры Гордий так и не услышал, зато над ухом у него раздался другой голос — раздраженный и визгливый:

— Ослы! Болваны! Тупицы!

Рядом с Гордием стоял горластый коротышка и, потрясая кулаками, изливал свое возмущение толпе у входа, которая откровенно потешалась над ним.

Гордий с брезгливой гримасой глянул на него и отвернулся, сосредоточиваясь снова. Тот, однако, успел перехватить его взгляд и усмотрел в нем насмешку над своей персоной.

— Ты почему на меня так смотрел? — спросил он его с подозрением.

Гордий даже головы не повернул.

— Нет, ты скажи, почему ты так на меня смотрел? — снова спросил человек.

— Иди ты знаешь куда! — сердито сказал ему Гордий. Он повернулся и зашагал по дорожке к выходу из долины.

Смешной человек, однако, нагнал его.

— Ты мне не веришь? — заорал он, хватая его за руку. — Тогда смотри!

Он выхватил из кармана прозрачный пластмассовый пакет и сунул его в лицо Гордию.

— Читай, читай! И скажи этим ослам и ослицам, что там написано про Уни Бастера!

Видимо, нахальство действует гипнотически, если перед ним отступают иногда даже сильные. Гордий взял в руки пакет. Внутри него находилась пожелтевшая от времени газетная вырезка. Крупными красными буквами шел заголовок: «Взорвать звезду!» Далее обычным мелким шрифтом было написано, что член хохотунского клуба Элиты Уни Бастар намерен с помощью энергетической дистанционной пушки взорвать звезду Лимбу из созвездия Паука. Взрыв предполагается произвести в начале осени семьсот двадцать пятого года.

— Чушь какая-то! — раздраженно сказал Гордий. Он сунул пакет владельцу и снова зашагал по дорожке. Однако отвязаться от того оказалось непросто. Он опять нагнал Гордия и перегородил ему дорогу.

— Что ты сказал? Ты не веришь даже газете? — заорал он, весь белый от злости. — Ну тогда я заставлю тебя поверить! Ты полетишь со мной на остров и посмотришь мою пушку.

— Я тебе сейчас дам по лбу, — с угрозой сказал Гордий, сжимая кулаки.

Лобастая курносая физиономия стрелка по звездам стала растерянной. Он часто-часто заморгал глазами. Вдруг он сморщился и плаксиво заныл:

— Меня? Уни Бастара? По лбу?

Из глаз его брызнули слезы. С трагической миной он вытянулся перед Гордием и замотал головой.

— А вот теперь я ни за что не отпущу тебя. Ты полетишь со мной и увидишь, что Уни Бастар говорит правду. И потом скажешь этим ослам и ослицам...

— Черт с тобой! — согласился вдруг Гордий. — Пойдем.

«Планета сумасшедших! — думал Гордий, сидя рядом с Уни Бастаром в вагончике фуникулера, который мчал их вниз по склону. — Здесь поживешь и сам станешь сумасшедшим».

Он не жалел, что связался с назойливым коротышкой. Все равно рано или поздно придется заводить знакомства, чтобы хоть как-то подойти к решению проблемы.

Уни Бастар тем временем повеселел, гнева его как не бывало. Он трещал без остановки, хвастаясь своими достижениями.

...Да-да, вы можете не сомневаться — Уни Бастар самый гениальный из всех пятидесяти миллиардов людей, которые живут на Астре и в ее оазисах. Он действительно взорвал Лимбу, в чем можно легко убедиться, взглянув на небо. На месте звезды теперь находится туманность, которая вошла во все астрономические каталоги галактики под именем туманности Бастара. Но в клубе нашлись завистники. Они стали травить его, распространяя про него клеветнические слухи. И он терпел сколько мог эти измышательства, а потом не выдержал и ушел из клуба, хлопнув дверью. Теперь он занимает должность генерального директора индюшиного тира, который устроил на острове. Да-да, такое оригинальное применение нашел он своей пушке. Вы прицеливаетесь, нажимаете на кнопку, пых-х... и индюк превращается в пар. Пых-х... и второй превращается в пар, а остальные гогочут и ничего не понимают. Публика катается по полу от смеха. Ведь смешно, правда, смешно?

— Смешно, смешно, — кивал Гордий, мрачно глядя на разошедшегося болтуна. Он думал о том, что, окажись сейчас здесь Нури Абшхара, прекраснотушный идеалист, его политический противник, отдавший жизнь за движение Ближнецов, он обнял бы его как брата...

Потом они с четверть часа летели на воздушном такси и приземлились на острове перед длинным зданием из стекла и бетона.

— Вот он, мой тир, — сказал Уни Бастар, вылезая вслед за Гордием из кабины.

Над входом в заведение красовался огромный рекламный щит с изображением индюка. Ниже шла размашистая надпись: «Знаменитый индюшиный тир господина Уни Бастара, который взорвал звезду Лимбу». Под щитом у входа стоял коренастый пучеглазый робот, чем-то похожий на хозяина тира.

— Как дела? — бодрым голосом спросил его Уни.

— Плохо, господин, — прохрипел пучеглазый страж, — за весь день на острове никого не было.

— Пустяки! К ночи налетят. Тут будет такое, о!..

Широким жестом он пригласил Гордия в тир.

Отправляясь с Уни Бастаром, Гордий почти не сомневался, что принимает участие в одной из тех дурацких игр, которые обо-

жают пустоголовые жители этой планеты. Не такой он был неведжда в астрономии, чтобы не понять, что если Лимбу действительно взорвали, то свет от взрыва дойдет до Астры только лет через двадцать. С этим убеждением Гордий вошел в помещение. Вошел и остановился смущенный. Он ожидал увидеть какую-нибудь стреляющую игрушку для взрослых детей, а увидел многотонную махину, сложный прибор, сверкающий хромированными частями. Он стоял на двух мощных опорах и смотрел выпуклым стекляннным глазом в противоположный конец тира, где по освещенной огороженной площадке и в самом деле разгуливали индюки.

— Сейчас ты увидишь, как она стреляет, — сказал Уни Бастар, довольный впечатлением, которое пушка произвела на гостя.

Он с важным видом уселся за пульт, стоявший рядом с пушкой, и стал нажимать на какие-то кнопки. Машина заурчала, заворочалась, высматривая цель. Ее выпуклый глаз стал наливаясь краснотой. Послышался тихий звук «пых», и Гордий увидел, как там, на площадке, на месте индюка образовалось серое облачко. Остальные птицы загоготали, шарахаясь в разные стороны. Пых! Еще облачко!

— Что ты делаешь! Прекрати! — крикнул ошеломленный Гордий.

— Ага, поверил! — захохотал Уни Бастар и обратил в прах еще одну птицу.

Внезапное оцепенение нашло на Гордия от одной пришедшей ему на ум мысли. Опытным инженерским глазом он увидел, что машину можно развернуть на полоборота и направить вниз.

— Слушай... а планету твоей пушкой... взорвать можно? — осторожно спросил он.

— Конечно, можно! И планеты, и астероиды, и кометы — все можно. Лишь бы директорат разрешил.

— Замечательная пушка... — пробормотал Гордий, чувствуя, как у него выступает холодный пот на лбу. С минуту он молча разглядывал страшный прибор, не решаясь поверить, что перед ним — судьба.

— Ты чего это? — засмеялся Уни Бастар. — Чего так смотришь?

Гордий очнулся от оцепенения.

— Пушка твоя понравилась, — сказал он с насильственной улыбкой. Подумал и спросил первое, что пришло в голову:

— А почему индюки рассыпаются, а не взрываются?

— Потому что... ну... потому что...

Уни Бастар приосанился и, как нахальный двоечник на экзамене, с важным видом понес чепуху, сбился и сказал роботу:

— Впрочем, дальше объясни ты, Вазон.

И Вазон объяснил, что пушка работает в двух режимах. С помощью субатомного гиперпространственного резонатора лю-

бое материальное тело на любом расстоянии можно превратить в пыль или взорвать. Индюки, как верно заметил господин, рассыпаются на молекулы, а космические тела взрываются от ядерной реакции...

«Вот оно! — подумал Гордий. — Да испепелится огнем всякий, кто посягнет... Откуда древние могли знать про огонь?»

... Было очень поздно, когда Гордий вернулся на свою яхту. Голова у него пылала, как кузнечный горн. Он хотел бы, но не мог не верить тому, что встреча с Бастаром произошла не случайно. В стройную логическую цепь выстроились разрозненные до этого факты: гибель старых культур, странное невмешательство Нандра, древнее пророчество, которое почему-то не исполнилось, его появление на Астре спустя семь веков. И соединила их эта удивительная пушка, способная взрывать небесные тела.

Гордий сидел в салоне яхты, почти раздавленный неимоверной тяжестью, свалившейся ему на плечи. Спать он не мог, хотя испытывал сильную усталость. Еще ни разу ему не приходилось принимать столь ответственного решения, да еще в ситуации, когда советоваться было не с кем.

Да... все логично... только в союзе с человеком Бог обретает полноту. Древнее пророчество носило условный характер, а безусловным его должен сделать он, Норд Гордий Виртус, слуга и исполнитель воли Нандра.

... Отрекшись от богов, они тем самым сняли всякие нравственные ограничения с процесса познания и на этом пути неизбежно должны были изобрести средство, способное уничтожить их самих. Да разве кому-нибудь из ученых прошлого, людей с чувством ответственности и долга, могла прийти в голову такая дикая мысль — взорвать божье творение — звезду? Планета должна быть уничтожена — это истина, доказанная с математической точностью.

Но если это истина, то почему, о боги, так трудно принимать ее? Гордий думал, ходил по палубе, снова садился и думал...

Нужно было исключить малейшую возможность недоразумения, и на следующий день с головой, распухшей от бессонницы, Гордий съездил в «Спрашивай—отвечаем» — информационное бюро, дававшее ответы на любые вопросы. В считанные секунды он получил от автомата точную справку о том, что произошло с Лимбой. В справке сообщалось, что бывший член хохотунского клуба Элиты Уни Бастар построил первую в мире дистанционную энергетическую пушку для взрыва небесных тел, с помощью которой намеревался взорвать звезду Лимбу. Пушка прошла испытания, показав отличные результаты — с ее помощью был взорван крупный астероид. Однако взрыв Лимбы зачтен Уни Бастару не был, так как по странному стечению обстоятельств незадолго до выстрела Лимба взорвалась сама, как сверхновая...

В этот же день Гордий еще раз слетал на остров. Нужно бы-

ло подробно разобраться в устройстве уникального орудия и в то же время не навлечь на себя подозрение. Задача, казавшаяся Гордию достаточно сложной, требующей дипломатического искусства, разрешилась на удивление легко. Вазон с равнодушным робота подробно отвечал на все вопросы Гордия, а генеральный директор с каким-то молодым розовошеким балбесом с увлечением лупили по индюкам, не обращая на них никакого внимания.

«Дети, истинно дети!» — с некоторым смущением думал Гордий, возвращаясь на материк в воздушном такси. Любой маломальски разумный человек, послушав, в какие тонкости входит посетитель, почуял бы неладное, понял бы, что он собирается стрелять и вовсе не по индюкам.

«Ну да, конечно, это же люди-животные, им и в голову не может прийти мысль об уничтожении планеты. До этого может додуматься только идейная личность...»

Итак, решение было найдено. Оставалось разработать план операции и осуществить ее.

* * *

Собственно, и разрабатывать-то было нечего. По сравнению с боевыми операциями времен Священной войны захват пушки выглядел детской забавой. Нужно было причалить ночью к острову, дожидаться, когда «генеральный директор» и его гости улетят на материк, проникнуть в тир и... сделать свое дело.

Так Гордий и поступил. Не откладывая дела в долгий ящик, он той же ночью подошел на своей яхте к острову и вылез на берег. В руке он держал короткий железный ломик. Около часа он просидел в береговых кустах, наблюдая за тиром. Громадное здание, украшенное разноцветными огнями, выглядело очень эффектно в ночи, однако посетителей Гордий что-то не заметил. Видно, дела у «генерального директора» были и в самом деле плохи. Потом свет погас, с площадки в воздух поднялся винтолет Уни Бастара. Выждав минут пять, Гордий вышел из кустов и решительной походкой направился к тиру.

— Заведение закрыто, господин, — сказал ему Вазон, чинно сидевший на табуреточке у входа. — Будем рады видеть вас завтра с шести вечера.

Вместо ответа Гордий коротко взмахнул ломиком и ударил робота по пластмассовой голове. Кр-рэк! Только посыпались мелкие, как бусинки, кристаллические мозги искусственного существа. Робот с глухим стуком упал на бетонную площадку. Гордий втащил робота в помещение, закрыл за собой дверь и задвинул ее на засов. Вот и вся акция...

До открытия тира времени было — девать некуда. Можно даже поспать как следует. Оригинальная идея — выпасться перед концом света! Гордий даже рассмеялся, стоя перед пушкой.

Нервно рассмеялся, без души, потому что в эту минуту ему было вовсе не до смеха. Наступил решительный момент...

Пора было начинать, но Гордий медлил.

Тишина... он вдруг услышал тишину. Ни шороха, ни звука не проникало снаружи в бетонное сооружение. Не слышно было даже шума прибора, хотя верхние оконные фрамуги были открыты. Настоящая мертвая тишина, какая и должна быть перед концом света. Одиноко горела под потолком в центре зала дежурная лампа. На востоке за окном уже светало. Гордий все медлил, не решаясь начать действовать. Что-то ему мешало, какое-то неподвластное сознанию, затаившееся на самом дне души тревожное чувство. На него нашел приступ внезапной апатии. Руки, словно налитые свинцом, бессильно висели вдоль тела. Оказывается, это не такое простое дело — убить планету, громадную живую планету с горами и морями, со всем бегающим, летающим, плавающим, что на ней есть. В один титанический миг Астра превратится в газовый шар, раскаленный до миллионов градусов, который начнет стремительно расширяться. Взрыв увидят обитатели других миров, астрономы отнесут его к числу естественных явлений, и никто не узнает истинных причин катастрофы.

«Что это я? — одернул себя Гордий. — Нашел время для сомнений...» Он закрыл глаза и стал шептать текст пророчества, черпая в нем силы для совершения акта возмездия. «Да испепелится огнем племя, которое посягнет на дом дочери моей, Тимры... Да испепелится огнем...»

Все идет как надо, убеждал он себя. Это всего лишь временная слабость. Так бывает иногда перед принятием ответственного решения. Нужно усилие воли...

Гордий внутренне напрягся, стиснул зубы, подавляя слабость, и шагнул к пушке. ...Только бы чего-нибудь не случилось — не отключили бы энергию, не заклинило, не сломалось. Потной ладонью Гордий обхватил рукоятку рубильника и потянул ее вниз, включая питание. На пульте загорелись лампочки. Гордий нажал на кнопку «поворот по меридиану». С тихим рокотом заработал мотор приводного устройства, тяжелая машина, сверкая частями в тусклом свете лампы, стала медленно поворачиваться на полуосях. Описав четверть окружности, опустился вниз стеклянный глаз. Стоп! Мотор умолк.

Еще несколько минут потребовалось для установки параметров. Расстояние до цели — шесть с половиной тысяч километров... Мощность импульса сто тысяч единиц по Андерсу. Гордий включил энергетический блок. Выдержат ли предохранители? Перед глазами его плыло... Он потянул дрожащую руку к красной кнопке, над которой был нарисован индюк. Вот сейчас... сейчас... он надавит на кнопку, и планета вспыхнет, как одуванчик, к которому поднесли спичку. Гордий подкрадывался рукой к кнопке, перебирая пальцами по щитку пульта. Его бил озноб.

В этот момент кто-то сзади сказал:

— Ты собираешься взорвать нашу маленькую Астру, Виртус?

* * *

За полгода новой жизни Гордий успел достаточно привыкнуть к неожиданностям, и удивить его чем-нибудь было чрезвычайно трудно. Но этот негромкий ровный голос, прозвучавший в пустом, закрытом на замок помещении, превысил предел того, что могли выдержать его нервы. Гордий застыл с рукой, протянутой к кнопке, чувствуя, как на голове у него шевелятся волосы. Нет, не то его потрясло, что в тир кто-то неизвестным образом проник. Таким человеком мог бы быть Уни Бастар, и тогда бы Гордий даже не дрогнул. Это был совсем другой голос, слишком хорошо ему знакомый — чуточку дребезжащий, похожий на женский, с добродушно-иронической интонацией, голос с того света, потому что тот, кому он мог принадлежать, умер семь веков назад...

Странно устроен человек! Гордий стоял в преддверии Царства Света, оставалось нажать на кнопку, чтобы в тот же миг совершить переход туда. Но Гордий не сделал этого, потому что любопытство оказалось сильнее.

— Это ты, Оникс? — сказал он, не поворачивая головы.

— Я, Виртус.

— Ты дух?

— Нет, живой человек.

Не убирая руки с пульта, Гордий повернулся к говорящему.

В трех шагах от него стоял щуплый безбородый старик в пронзительно синего цвета мантии, усыпанной серебряными звездами. У него было мертвенно-бледное, худое лицо, на котором горели черные, как вселенская тьма, без зрачков глаза. Гордий не узнал его, но глаза узнал сразу.

— Протяни мне руку, — приказал он.

Рука оказалась сухой и теплой. Нормальная человеческая рука с пятнистой, по-стариковски тонкой кожей.

Гордий нервно рассмеялся, скаля зубы.

— Встреча двух покойников... Только ты сильно изменился после смерти.

— А ты совсем не изменился, — сказал Оникс.

Они стояли и смотрели друг на друга — два бывших врага, когда-то люто ненавидевших друг друга. Но, странное дело, Гордий не испытывал сейчас к Ониксу никакого чувства, похожего на ненависть. Пожалуй, наоборот, он был рад, что увидел наконец человека, с которым можно было говорить как с равным, который поймет тебя.

— Как ты попал сюда? — спросил он.

— Прошел сквозь стену.

— Не шути, пожалуйста.

— Я не шучу,— серьезно и спокойно сказал Оникс.

... Ну да, конечно... еще в те времена было известно, что Ближнецы знают тайны древних мудрецов... Да иначе они и не победили бы.

— Ты тоже пролежал семь веков замороженным? — снова задал вопрос Гордий.

— Нет, все это время я жил, как и другие братья.

— Что такое? Не хочешь ли ты сказать, что вы бессмертны?

— Именно это я и хотел сказать.

Гордий смотрел на спокойно стоявшего перед ним Оникса и не знал, верить ему или нет. Ложь — оружие, которым они всегда беззастенчиво пользовались. Цель оправдывает средства — так любили они тогда говорить. Но нет... похоже, он не лжет, иначе как объяснить, что он так страшно постарел?

— Но зачем вы сделали себя бессмертными? Ведь это безумие — жить вечно в пространственно-временной темнице.

— Кто-то должен управлять планетой,— спокойно сказал старик.

— Не понимаю. Насколько я успел разобраться, планетой управляют роботы.

Старик чуть усмехнулся, словно Гордий сказал глупость.

— Роботы, даже очень совершенные, всего лишь машины. Они лишены духа и способны лишь к комбинаторике. Вершину иерархической пирамиды должен занимать человек.

— Боги,— поправил его Гордий.

Старик опять усмехнулся и ничего не ответил.

— Ну да, конечно...— сказал Гордий, хмурясь.— Наш старый, неразрешимый спор...

— Почему же неразрешимый? Ты проиграл его.

— Чушь! — вспыхнул Гордий.

— Чушь?

Старик чуть оживился. Лицо его, покрытое густой сетью морщин, утратило насмешливую холодность, в глазах появился блеск.

— Если чушь, то будь добр, объясни мне, где были твои боги, когда мы уничтожали их храмы? Где они были все эти века?

Он угодил в самое больное место, повторил те самые вопросы, которые мучили и Гордия, а возразить было нечего.

— Вот я сейчас нажму на эту кнопку,— сказал Гордий с угрозой,— и ты узнаешь, почему молчали боги!

— Кнопка не аргумент в таком серьезном споре. Лучше попытайся понять, почему боги оказались столь деликатны, что позволили нашим партиям путем честной борьбы установить истину.

Гордий деланно рассмеялся.

— Да-а? Ты до сих пор считаешь, что истина на стороне тех, кто сильнее физически? Неужели вам не хватило семи веков,

чтобы понять, почему вы победили? Вы применили бесчестный, гнусный прием — разбудили в человеке ненасытного зверя. Это зверь победил, а не истина! Вы развратили массы и их простодушных правителей! Вы оскостили человеческий род, лишив его высших ценностей! Вот почему вы победили!

— Зато теперь они счастливы, как дети. А что дал бы им твой дух? Новые поводы для распрей?

— Да уж лучше умереть в бою за идеалы своего народа и быть похороненным с почестями, чем подохнуть, как крыса в изоляторе! Вы, кажется, пускаете своих покойников на удобрения? Какой цинизм!

— А куда прикажешь девать сто пятьдесят миллионов тел в год? Если бы их всех закапывали, Астра давно превратилась бы в сплошное кладбище.

Оникс говорил спокойно, с едва заметной иронией, буравя Гордия взглядом своих неподвижных черных глаз. Вот так же, таким же насмешливо-холодным тоном он разбивал в пух и прах своих горячих и неопытных противников во времена, когда они с Гордием учились в Бордосском университете. Гордий почувствовал, как в нем пробуждается ненависть к старому врагу.

— Если бы ты знал, как мне отвратительна твоя гнусная арифметика! — проговорил он, выдерживая тяжелый, давящий взгляд Оникса.

Он повысил голос:

— Вы все подсчитали, все учли своими железными мозгами. Не учли только этой вот кнопки, на которую я сейчас нажму. Ну, смотри, бессмертный, как я сейчас это сделаю!

Гордий нарочито медленно, со злобной усмешкой протянул руку к пульту и уже коснулся пальцами гладкой пластмассовой поверхности кнопки. Он хотел увидеть страх на лице старика, но не увидел.

— Не торопись,— сказал тот.— Разговор еще не окончен. Сейчас я сообщу тебе кое-что интересное. Да будет тебе известно, что мы наблюдали за твоей деятельностью с момента, когда ты выступил на карнавале в Фиалке. Мы могли бы в любой момент прервать твой вояж, но решили не мешать твоей игре с роботами и сделали только одно исключение. Это мы по твоей молитве освободили тебя из тюрьмы.

Оникс произнес все это спокойным, даже доброжелательным тоном, без прежней иронии, но Гордий почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Удар был нанесен сокрушительный! Гордий застонал от острой боли, опоясавшей словно обручем спину и грудь. Сердце! Конец! Он пошатнулся и упал на стул у пульта, хватая ртом воздух. Он увидел, как Оникс делает пассы руками. Тут же боль ослабла, отступила, а потом и совсем исчезла.

Гордий глубоко вздохнул, переводя дух.

— Все понятно,— сказал он через минуту.— Вы умеете под-

слушивать чужие мысли... Я вижу, вы не теряли понапрасну времени эти семь веков.

Он поднялся, тяжело, с ненавистью глядя на Оникса.

— Вы — погасившие в людях священный дух, сами обратились к духу и стали, как боги. Какова подлость! Во что же вы наконец верите?

— Мы верим в и г р у,— сказал Оникс, выделяя особой интонацией последнее слово.— Мироздание — это гигантская игротека, а жизнь — случайная комбинация во вселенской игре, результат слияния материи и духа. Отсюда следует, что каждому свое: черни — материальное, избранным — духовное.

Гордий почувствовал странное облегчение от услышанного. Теперь к чувству ненависти прибавилось еще и презрение.

— Наконец-то! — проговорил он со злой радостью.— Наконец-то я слышу откровенные речи, не запутанные словесной эквилибристикой! Ради этого стоило пролежать семь веков в ледяной могиле! Ничтожные эгоистичные душонки, лишенные любви! То-то вы так безжалостно расправлялись с верованиями прошлого. Ведь это для вас были не основы народной жизни, а игры для черни, которые вы презирали. Вы населили планету стадами человекоподобных идиотов и теперь наслаждаетесь властью над ними. Но вы крепко просчитались. Для того и явился сюда Норд Гордий Виртус, чтобы подпортить вам это удовольствие.

Сомнений больше не оставалось. Гордий отступил за пульт и выпрямился в торжественном молчании перед свершением великой акции. Оникс тоже выпрямился, черные глаза его дрогнули и чуть расширились. «Ага, проняло!» — подумал Гордий, но удовлетворения почему-то не почувствовал. Опять знобкий холод охватил его руки и ноги, подавляя решимость. «Ну что же ты?» — услышал он внутри себя тихий глос, похожий на голос Тимры.

— Будьте вы прокляты! — пробормотал он сквозь зубы и выбросил руку к красной kropke...

Нажать кнопку он не успел. Что-то вроде сильного удара тока сотрясло его тело, и Гордий застыл, парализованный, с нависшей над пультом рукой. Боковым зрением он увидел Оникса, который стоял, вытянувшись как струнка. Так продолжалось несколько секунд, в течение которых Гордий не мог ни пошевелить пальцем, ни вздохнуть. Потом руки и ноги его сами собой задвигались, он как робот отошел, пятясь от пульта, и тут же почувствовал освобождение...

Как сквозь сон он услышал размеренный и спокойный голос Оникса.

— Ты личность высокой духовной напряженности, Виртус,— заговорил Оникс,— но тратил ее на тех, кто в ней вовсе не нуждался. Наблюдая за тобой эти месяцы, мы поняли, что ты тот человек, который нам нужен, и хотим предложить тебе кое-что интересное.

Оникс сделал паузу, видимо, ожидая реакции Гордия на свое сообщение, но тот молчал, мрачный и подавленный.

— Уже несколько столетий мы играем в одну несравненную, захватывающую игру,— продолжал Оникс.— Ни музыкальные произведения, ни шедевры литературы и искусства, ни занятия наукой, ни тем более низменные наслаждения толпы не могут дать таких острых, эмоциональных богатых переживаний, какие дает эта игра. Мы играем в нее вчетвером, но этого уже недостаточно. Чтобы игра стала еще увлекательнее и острее, нам нужен пятый. Люди, выращенные в инкубаторах, для этой цели не годятся. Это должен быть человек, рожденный женщиной и одаренный высокой духовностью. Кроме нас четверых, ты единственный такой человек на планете.

— Что это за игра? — спросил Гордий безучастно.

— Сейчас увидишь...

Оникс воздел кверху руки и опустил их, проводя ладонями по лицу и телу. Так он проделал несколько раз и застыл прямой и тонкий, как свечка...

* * *

Между тем быстро светало. Первый луч солнца зажегся в воздухе, в золотом потоке заискрились, засверкали пирамиды пылинок. Холодным огнем вспыхнули серебряные звезды на мантии мудреца. Гордий не уловил момента, когда все началось. Помещение стало наполняться сухим молочным туманом, в котором растаяло все: пушка, пульт, стены, стоявший неподвижно Оникс. Гордию показалось, что и сам он растворяется в тумане — пропало ощущение тела и осталось только сознание, что он существует. Так прошла минута или две, потом послышались чьи-то голоса, туман стал рассеиваться, и Гордий увидел, что находится в громадном, ярко освещенном зале. Зал был пуст, только посредине его лежал на подставке зеркальный рефлектор диаметром не менее пяти метров, а высоко над ним вогнутостью вниз располагался второй такой же. Вокруг рефлектора на большом удалении от него стояли четыре пульта с фортепьянной клавиатурой, а за ними сидели в креслах четыре близнеца, облаченные в синие мантии. Мудрецы находились далеко от Гордия, но в то же время он с необыкновенной отчетливостью видел их мертвенно бледные, морщинистые, похожие друг на друга лица с тонкими фиолетовыми губами. Кто тут Оникс, кто Ирсахан, Амбрахамура и Болд, определить было невозможно, потому что узнавали Близнецов только по голосам.

Свет в зале стал медленно гаснуть, как в театре перед началом спектакля. Осталась освещенной только зона между чашами. Четыре фигуры поднялись над пультами со сложенными на груди крест-накрест руками. Послышалось монотонное бормотанье.

«... о, великий Универсум, самосуший, всепроникающий, все-объемлющий, единый, сам от себя уставший, жаждущий покоя... ты произвел нас, детей своих, чтобы мы спасли тебя от муки вечного и бессмысленного кружения...»

Гордый с трудом понимал текст, произносимый на древнем языке, но зато по-прежнему, несмотря на темноту, отчетливо видел лица старцев, их шевелящиеся, как черви, тонкие губы. Каким-то непонятным образом видел он и клавиатуры сразу всех пультов, состоявшие из трех ступеней клавиш. Все это было так странно и необычно, что на некоторое время он забыл обо всем, что с ним произошло.

...Четыре пары рук легко, как птицы, пролетели над клавишами. Необыкновенной красоты мощные звуки наполнили помещение. Пространство между чашами вспыхнуло радугой огней. В следующее мгновение к торжественному звучанию добавились новые звуки — переливчатые, тоскующие, нежные, от которых у Гордия закружилась голова. Миллионы разноцветных огней заплесали в световом пузыре. Игра набирала темп. Все быстрее пробегали пальцы по клавиатурам, прыгали вверх и вниз по рядам; сухие старческие тела качались вправо и влево, небывалый оркестр сотрясал звуками огромное помещение. В центре зала теперь буйствовал огненный смерч...

Вдруг все четыре игрока как по команде бросили вниз руки и откинулись на спинки кресел. Музыка оборвалась, и между чашами, словно мираж в ночи, возникло чудо из чудес — громадный многоцветный кристалл. Он сверкал и переливался нежнейшими изумрудными, голубыми и розовыми тонами, тысячами разнообразных оттенков. Цветовая гамма с колдовской силой притягивала взгляд. Обоги! Ни разу в жизни Гордый не испытывал такого сложного и волнующего чувства, какое вызывал этот горящий в темноте зала кристалл. Тут было все: нежность, любовь, радость, восторг, жалость... Гордый подумал, что если сейчас кристалл исчезнет, то он не выдержит и заплачет навзрыд.

Но кристалл исчез, и Гордый не расплакался, потому что вместо него появился другой, еще более прекрасный. Он походил на гигантского морского ежа, усыпанного хрустальными иглами, по которым струились живые пульсирующие огни. А потом еще и еще...

Гордый потерял чувство времени. Все его существо было поглощено небывалой игрой, и теперь он боялся только одного — что она прекратится.

Кристаллы между тем становились все темнее, с преобладанием лиловых, бордовых и темно-красных тонов, все причудливее становилась их форма и благороднее цветовая гамма. Старики вошли в азарт и сопровождали появление каждого нового кристалла криками и воплями. Шла сумасшедшая, прекрасная, не сравнимая ни с какими радостями мира божественная игра...

Вдруг все четверо взвыли в один голос и вцепились растопыренными пальцами в клавиши. Грянул мощный аккорд, между чашами сильно и ярко вспыхнуло, как от разряда молнии. Вспышка ослепила Гордия, перед глазами его поплыло темное пятно, а когда оно растаяло, странная и жуткая картина открылась его взору. Между чашами, подернутый светящейся туманной дымкой с траурным великолепием, сиял блестящий черный кристалл.

— Не отпускать! — раздался визгливый высокий голос.

Кристалл вспыхнул острыми гранями и застыл — грозно-величественный, мрачно-прекрасный, вызывающий чувство первобытного ужаса и одновременно восхищения. Вверху под толчком раздался шелчок, и ровный, бесстрастный голос начал размеренно считать: десять, девять, восемь, семь, шесть...

Что-то совершенно невозможное происходило с Гордием. Словно бы все блаженства мира, все самые прекрасные переживания и чувства разом вместились в него, и он почти умирал от наслаждения. Молочное сияние вокруг кристалла усилилось, и стало видно выражение лиц игроков. Кто бы мог подумать, что семисотлетние старцы способны к таким сильным переживаниям! Их щеки порозовели, глаза горели возбуждением, даже в самих фигурах, застывших над клавиатурами, ощущалось огромное, еле сдерживаемое волнение.

— Ноль! — произнес голос сверху.

Кристалл исчез, наступила мертвая тишина, а потом послышались булькающие, всхлипывающие звуки. Это плакали Ближенцы, плакали как дети, сотрясаясь от рыданий, вытирая слезы с морщинистых лиц...

Гордий снова находился в тире. Он стоял оглушенный и потрясенный увиденным. Перед его глазами все еще сверкал черный кристалл, гремели в ушах могучие аккорды, он еще плыл в океане божественной эйфории.

Из этого состояния его вывел голос Оникса.

— Я вижу, тебе понравилась наша игра? — сказал он своим обычным добродушно-спокойным тоном.

Гордий потер пальцами виски, остывая от возбуждения.

— Что это было?

— Игра, как и сказано. Я показал тебе один из сеансов, когда нам удалось получить черный кристалл. Такое случается редко, не чаще раза в году. Теперь-то ты, надеюсь, согласишься, что все радости, изобретенные людьми, — прах и тлен по сравнению с нашей игрой?

— Да, это так, — кивнул Гордий, глотая липкую слюну.

— И согласишься принять в ней участие?

— Не знаю... может быть, — пробормотал Гордий. Он вспом-

нил, с кем имеет дело, и покачал головой.— Не знаю... сначала объясни, что это было.

— Сейчас объясню. Мы ищем кристалл Смерти. Он абсолютно черного цвета, но неизвестной нам формы. Это детонатор Универсума. Если нам удастся получить его когда-нибудь, то при счете «ноль» Универсум схлопнется в точку. Пространство, материя, энергия — все исчезнет, и Дух обретет свободу, вернувшись в исходное состояние. Самые восхитительные переживания в эти десять секунд, когда идет счет. Ты узнал лишь малую долю того, что испытываем мы...

* * *

Слово способно повредить разум человека, если оно слишком тяжелое, поэтому разум поначалу инстинктивно отталкивает его. Оникс сказал очень тяжелое слово, такое тяжелое, что оно отскочило от сознания Гордия. Голова его стала как будто деревянной и утратила способность соображать. Он силился вникнуть в смысл сказанного, но не мог. Достаточно навидался и потерпелся он с тех пор, как воскрес — редкий человек выдержит столько, — однако ясности мысли не терял. А теперь мозг его зафиксировал и отказался работать.

— Я не понимаю, — сказал Гордий, морщась от умственного напряжения. — Разве можно уничтожить Универсум?

— Можно. Человек — высший результат игры материи, и он способен уничтожить саму игру. Кристалл Смерти на миллиардную долю секунды парализует дух, которым держатся материальные формы, и Универсум рассыпается, как картонный домик. Это открытие сделали древние мудрецы, а мы разработали его в деталях и создали игротеку Смерти.

— Опять не понимаю. Зачем нужно разрушать Универсум?

— Затем, что он устал от бытия, от самого себя. Кроме того, нам важен не результат, а процесс. Мы взваливали на свои плечи тяжкое бремя бессмертия. Игра помогает нам нести его. Без ее освежающих вихрей мы давно бы сошли с ума от однообразия своей работы.

Голос старика, негромкий, спокойный, никак не вязался с жутким содержанием его речей. Так мог говорить только ведающий истину. Гордий почувствовал приступ мистического страха, словно перед ним стоял не живой человек, а сам Дух Мрака, извечный враг Жизни.

— Слушай... это невозможно, — проговорил он в растерянности. — Как вы могли додуматься!

— А ты как мог додуматься взорвать Астру?

— Но это всего лишь планета! Я верил, что исполняю волю Нандра!

— И мы действуем, исходя из своей веры. Универсум — это гигантская игротека, замкнутая сама в себе, поэтому нет ничего

противоестественного в том, что от игры он и погибнет. Игра в кристалл Смерти доставляет высшее наслаждение высшему произведению Универсума — человеку, значит, для того и создан человек, чтобы играть в нее. Как видишь, все логично.

— Да... логично,— механически повторил Гордий. Он чувствовал себя беспомощным перед этой убийственной, математически выверенной логикой. Его собственная отчаянная затея казалась ему теперь невинной забавой по сравнению с сатанинским развлечением близнецов.

В помещении было совсем светло от потока солнечных лучей. Гордий услышал щебетание птиц, доносившееся из открытой оконной фрамуги. Планета Астра, воспользовавшись заминкой, начинала новый день. У нее были свои дела, которые без ведома людей она исправно выполняла уже многие миллионы лет.

«Какую глупость я затеял!»— подумал вдруг Гордий, слушая птичьи голоса. С глаз его словно спала черная повязка, он увидел истину такой, какая она есть, и состояла эта истина в том, что он, Норд Гордий Виртус, не оправдал надежд своих товарищей. Он просто-напросто струсил перед жизнью! Поддался чувству ненависти, вывел несложную формулу мести и едва не совершил непоправимую ошибку! Нужно было что-то предпринимать, чтобы не допустить еще более страшной ошибки.

— Какова вероятность того, что вы получите черный кристалл? — спросил он.

На худом лице старика обозначилась еле заметная улыбка.

— Вся прелесть игры в том и состоит, что этого никто не знает. Может быть, через тысячу лет, а может быть, завтра.

Гордию пришлось сделать над собой усилие, чтобы сохранить спокойствие. Перед ним был человек с уникальной формой сумасшествия, твердый, как алмаз, в своих убеждениях, могущественный и опасный. Спорить с таким трудно, почти невозможно. Но все же это человек, и что-то человеческое в нем должно остаться.

— Слушай, Оникс,— сказал вдруг Гордий с неожиданным для себя душевным порывом.— Ты ведь не демон, а? У тебя и твоих братьев, как и у всех людей, была мать. Вы удовлетворили свое честолюбие, получили власть, убив человеческий дух. Но зачем убивать Вселенную?

— А что предлагаешь ты?

— Не знаю... надо подумать. Для начала, может быть, восстановить былые идеалы, вернуть людям богов, а потом...

— Да ты шутишь, брат,— перебил его Оникс, и на лице его снова появилась холодная, неживая улыбка.— Твои бедные боги сойдут с ума, увидев космическую ракету. Назад пути нет.

— Но ваш путь тоже ведет в никуда. Погасив в человеке дух, вы оскопили его, лишили подлинной красоты!

— А кто, скажи на милость, устанавливал эталоны красоты? Чем тебе не нравятся наши воспитанники? Они непосредственны и милы, как животные, потому что лишены того адского огня, который носили в своих душах люди эпохи Тьмы. Прекраснодушные простаки вроде тебя и твоих друзей вместо того, чтобы погасить его, раздували с помощью идеалов. Идеалы... какое глупое изобретение! Все ваши идеалы оказались на поверку играми, а всякой игре рано или поздно приходит конец. Найди такой идеал, неразрушимый и нетленный, который на тысячелетия объединил бы всех людей! Найди его, и мы немедленно станем твоими союзниками.

Последние слова Оникс произнес с заметным подъемом, и слова эти поразили Гордия. Даже намек на что-либо подобное он не слышал от Близицеов в былые времена. Что-то произошло с ними за прошедшие столетия. Вссообщий идеал... Какая странная мысль! Разве может быть у разных, непохожих друг на друга народов общий идеал? Гордий молчал, не зная, что ответить на столь неожиданный аргумент.

— Я жду твоего решения, — сказал Оникс, — согласен ли ты принять участие в игре?

Наступил критический момент. Здравый смысл подсказывал Гордию, что нужно дать согласие, пойти на обман. Открывалась редчайшая возможность — проникнуть в иерархическую верхушку планеты. В одно мгновение Гордий увидел картину своей будущей жизни. Он входит в компанию врагов, играет вместе с ними, ведет дружеские беседы, скрывая подлинные мысли... Картина отталкивала своей неестественностью и фальшью, но нужно было преодолеть отвращение и сказать «да».

— Нет, — сказал Гордий.

— Но у тебя нет другого пути. Без дела ты сидеть не сможешь, а если начнешь действовать, роботы рано или поздно тебя поймут.

— Нет!

— Подумай как следует.

— Нет! Нет!

Гордий стиснул зубы, подавляя вспышку гнева. Он понимал умом, что поступает глупо, что нужно пересилить себя, пойти на союз с противником. Понимал и не мог этого сделать.

— Ты совсем не изменился, Виртус, — сказал старик насмешливо, — все те же детские страсти... Ну что ж, играй свою партию, только имей в виду, что выручить тебя я больше не смогу. Прощай!

Он сложил на груди руки, опуская голову, постоял так немного и начал... медленно растворяться в воздухе. Поблекла синяя мантия, стало призрачным лицо, фигура старика обрела прозрачность. Некоторое время в пространстве держался зыбкий контур его тела, потом исчез и он...

Гордий снова был один в пустом тире. В утренней тишине отчетливо слышалось щебетание птиц и плеск прибоя. Солнечные лучи мирно ласкали хромированные части пушки. Словно бы ничего и не произошло. Не было семисотлетнего старца, умеющего проходить сквозь стены, не было удивительного сеанса гипноза и самого странного разговора, какой только может состояться между двумя людьми.

Он сказал «играй свою партию», уверенный, что планета останется целой и невредимой, и не ошибся...

Гордий стоял на расстоянии вытянутой руки от красной кнопки и знал, что теперь уже не нажмет ее. Исчез прежний запал, подорванный увиденным и услышанным, постепенно проходило возбуждение. Гордий взглянул на часы. Шесть утра... Нужно было принимать какое-то решение — либо уходить с острова, либо...

Он подумал немного и надавил кнопку поворота орудия. Пушка с тихим рокотом развернулась в горизонтальное положение. Минута ушла на то, чтобы разладить параметры. Гордий выключил рубильник блока питания, и зеленая лампочка на пульте погасла. Еще несколько минут потребовалось, чтобы перетаскать сломанного робота на яхту. Операция прошла успешно, потому что на острове в этот час не было ни души.

... Поднялся, трепеща на ветру, белый треугольник паруса. Яхта развернулась и, подпрыгнув на волне, пошла в открытое море.

Странное чувство испытывал Гордий, стоя у штурвала. Как будто его выбросил из могилы сам всемогущий Нандр, приказав: живи и действуй, ты еще не отработал свое в этом мире. Выбросил, но не объяснил, как действовать.

Ясно одно — на него нашло затмение, и он, в сущности, должен быть благодарен этим четырем безумцам за преподнесенный урок. Да-да, воистину безумен тот, кто поставил себя на место Бога! И ты, Норд Гордий Виртус, едва не поддался подобному безумию. Ты был даже опаснее их! Уничтожат они Универсум или нет, зависит от того, насколько верна их философия. Если она ошибочна и миром все же управляют высшие силы, то они не дадут выпасть фатальной комбинации. А вот тебе-то они вполне могли позволить уничтожить одну планету. Широка, страшно широка полоса человеческой свободы! Так широка, что в ее пределах Близнецам удалось чудовищно искривить путь человека в Универсуме. Но увести его навсегда с этого пути они все же не в состоянии. Значит, можно и нужно действовать, чтобы устранить искривление. «... играй свою партию, только имей в виду, что выручить тебя я больше не смогу». Что это? Неуверенность в собственной философии или, наоборот, сверхуверенность, рождающая дешевое великодушие? Как бы то ни было, но

роботам он больше не попадется. На этот исход игры и не считывайте, господа! Он затаится на год, два, три, сколько понадобится, чтобы выработать безошибочную линию поведения.

Слишком много мы действовали раньше и слишком мало думали — потому и проиграли. Теперь настало время думать. Проклятый старик, наверное, прав — нужно найти нетленный идеал, путеводную звезду для всех людей и только потом действовать... Ведь, в сущности, именно так победили они.

Яхта полным ходом шла в открытом море. Уже скрылся из виду остров и позади, на каменном дне, лежал разбитый робот, выпуская последние струйки пузырьков. Уже, проснувшись, нежился в постели с чашкой ароматного кофе беспечный стрелок по звездам Уни Бастар, даже не подозревая, какая опасность угрожала этой ночью его драгоценной жизни. И миллионы других подобных ему счастливых людей просыпались в своих домах. Всем было хорошо на прекрасной благоустроенной планете Астре, забывшей свое прошлое и не ведающей будущего. Лишь один человек не принимал ее всем сердцем и душой своей. Он думал теперь так: новая Астра — это грандиозная, затянувшаяся во времени ложь. Но ложь не может существовать вечно, какие бы силы ни управляли мирозданием. Значит, путь к возрождению планеты возможен. Нужно только суметь отыскать его...

Лидия БЕЛОВА

СНЫ ЭКСТРАСЕНСА

Сокращенный вариант повести

В холле университетского общежития, залитом солнечным светом, сидела тоненькая белокурая девушка в светлых брюках и цветастой «распашонке» — Лена Арсеньева. Обычно это было самое людное и шумное место на этаже, но сейчас здесь стояла гулкая тишина полупустого здания: сессия кончилась две недели назад, и большинство студентов уже упорхнуло под крылышки родителей. А наша героиня осталась, чтобы дочитать «пятикнижие» Николая Рериха — пять его трудов по космогонии, которые имелись только в университетской библиотеке. Читала ежедневно с утра до поздней ночи, спешила: дома ее с нетерпением ждали мама и бабушка. И все-таки пришлось сделать перерыв, не дочитав: очень уж устала. Больше всего, пожалуй, от напряжения спешки.

Так хотелось позвонить Олегу — давней и единственной ее любви! Но с Олегом она была в размолвке и запрещала себе даже думать о нем. Из остальных же друзей симпатичнее всех был для нее студент-египтянин Хишам. Ему она и позвонила. Договорились встретиться чуть позже — как-то отметить его отъезд

на родину. А пока она направилась вниз, в цокольный этаж корпуса физиков, — проверить, не открылся ли второй зал камеры хранения. И тут, по дороге к лифту, ее остановила одна мысль, вернее, лучик понимания, вдруг соединивший для нее два разносторонних явления. Она и решила сесть в кресло и продумать сразу же, пока лучик не погас. Глядя на безостановочное движение открытых кабинки лифта, стала раскручивать неожиданную мысль с неторопливостью человека, жалеющего время на быт, но не на размышления.

Во время сна человек почти не старится: девушка, проспавшая летаргическим сном двадцать лет, проснулась почти такой же молодой (есть и другие данные, подтверждающие это). Не старится человек и в космическом полете, при колоссальной скорости движения корабля: космонавты, улетавшие на десять лет, вернувшись, оказывались значительно моложе своих сверстников. В чем причина такого сходства результатов?

Может быть, и там и там значительно снижается трата энергии?

Да, во сне -- снижается. А при полете? При полете скорее наоборот... Нет, это летательный аппарат -- наоборот, а человек по-разному, в зависимости от обязанностей, которые он выполняет. Значит, разгадка не здесь.

Может быть, дело в переходе в иное пространство-время, с другой скоростью закрученное?

Ведь, кроме пространства-времени планеты, создаваемого ее движением, существует пространство-время звезды — Солнца, а также пространство-время той звезды, что держит всю нашу Галактику, а еще — пространство-время той звезды, что держит всю Вселенную (Рерих называет ее «Космическим Магнитом»). Пространство-время Земли ограничено полем ее тяготения — за его пределами господствует пространство-время Солнца. А за пределами пространства-времени Солнца господствует пространство-время Галактики — и так далее.

Она закрыла глаза, чтобы лучше видеть это: вот Земной шар — он летит в бездонном слое вихревого пространства-времени Солнечной системы, закрученном с гораздо большей скоростью, чем земное. Этот сверхскоростной вихрь и держит на стабильной орбите Землю — не дает ей улететь по параболе или гиперболе, не дает и устать, подзаряжая своей мощью... Она любовалась радостным, плавным, свободным полетом Земного шара; казалось даже, что он доволен, как котенок, уверенный в доброте и надежности окружающего мира. Картинка отвлекла от логики размышления, но отрываться от нее не хотелось, и она продолжала вглядываться: красиво летит! Летит, как бы взбираясь в горку, но без всяких препятствий, без всякого напряжения, легко, даже легкомысленно. Бездонный слой солнечного вихря вокруг выглядит почти неподвижным — только посверкивают внутри его искры, не давая забыть о движении. Мощный

и светлый вихрь этот — как нежные объятия вокруг Земли, не стесняющие ее радостного полета. Собственный серебристо-голубой слой вокруг планеты постепенно истаивает, рассеивается в пространстве-времени Солнца...

Нет, это скорее не котенок, а пловец — прокладывает свой путь в мощном вихревом потоке; только пловец этот не руками машет, а катится, катится, катится...

Итак, существуют, скрещиваются, переходят друг в друга по крайней мере четыре слоя пространства-времени: земное, солнечное, галактическое и общее, вселенское. (Вселенское пространство-время Рерих назвал «полем Космического Магнита».) Общее пространство-время Вселенной — это пространство-время Вечности. Скорость его такова, что для нашего земного восприятия она уже и не существует — равнозначна полному покою. В этом вихре, сколько ни вглядывайся мысленно, даже и искр не увидишь. Вихрь вселенского Космического Магнита — и единственный из четырех вихрей, скорость которого непреодолима для человека даже чисто теоретически. Вырваться за его пределы, пересечь его невозможно.

На фоне скорости пространства-времени Космического Магнита (Вселенной, Вечности) скорость галактик, звезд и планет так мала, что ею можно пренебречь. Но и разница между скоростью галактики, звезды и планеты (любой) колоссальна: находясь в пространстве-времени галактики, скоростью звезды или планеты можно пренебречь; то же соотношение — для пространства-времени звезды (например, Солнца) и планеты (Земли).

Вот где разгадка!! Дальше совсем просто!

Пересекая пространство-время и Земли, и Солнечной системы, и Галактики — выходя за их пределы, в пространство-время только самого Космического Магнита, — мы освобождаемся от хода времени и на Земле, и в Солнечной системе, и в Галактике! Скорость времени во всех этих слоях вихря становится для нас настолько малой величиной, что никак не отражается на скорости биологических процессов нашего организма, пронизанного теперь только чистейшими токами Космического Магнита! Человек вылетел с Земли 20-летним — и вернется таким же, сколько бы он ни находился в полете за пределами галактик!..

Но это — чистейшая теория, потому что попасть в поле одного только Космического Магнита невозможно, все оно усеяно галактиками... А может быть, возможно? Существует ведь межгалактическое пространство — это и есть поле только Космического Магнита, только Вечности...

Пересекая пространство-время Земли и Солнечной системы — выходя за ее пределы (но не за пределы Галактики), — человек попадает в пространство-время Млечного Пути: здесь становятся несущественными скорости вихрей Земли и Солнца. (Тоже теоретически: он ведь попадает в сферу влияния дру-

гого солнца! Или опять допустим: в межзвездное пространство?) Но в Галактике время все-таки существует: за сто лет, например, человек состарится на год (сто лет пройдет на Земле, а в межзвездном пространстве — год).

Пересекая же пространство-время Земли, выходя за его пределы (но не за пределы Солнечной системы), человек за десять лет состарится на год (цифра эта не только условна, но и не стабильна: зависит от скорости полета, от постоянной устремленности вдаль — «поперек» вихревых полей — или перехода на круговую орбиту). И так далее.

Итак, причина замедления старости — выход из окружающего пространства-времени, освобождение от его законов — благодаря существенному превышению его скорости!..

И тут ей опять стало необычайно интересно: что-то мелькнуло уже в нравственном плане. «Освобождение от законов» — но не просто пренебрежение ими, а опережение! Человек, значительно опередивший свое время в нравственном развитии, тоже, видимо, старится гораздо медленнее, чем окружающие? (Речь даже не о морщинах, а о внутреннем самочувствии прежде всего.)

А сон? — вспомнила она, и у нее дух захватило. Так, может быть, это вовсе не древние легенды, а реальность: что во сне душа человека (мысль-чувство) выходит за пределы земного тяготения, устремляется к другим планетам, звездам, галактикам — путешествует в пространстве-времени Вечности?.. Да нет! Зачем ей улетать так далеко! Ведь пространство-время Вечности проходит сквозь пространство-время Земли, окружает нас, пронизывает нас самих. Оно здесь, рядом — его можно пропустить сквозь пальцы. Мы не ощущаем его только потому, что летим вместе с ним, находимся внутри его головокружительного вихря. Как не ощущаем даже и сверхзвуковой скорости самолета, находясь внутри его. Хочешь ощутить — в самолете? Есть возможность: выгляни в иллюминатор. А вот как выглянуть за пределы Вселенной?.. А-а-а... Вот потому-то и существует шаблонная формулировка: чисто теоретически. Неплохая, кстати, формулировка. Если бы познание мира ограничивалось только тем, что можно пощупать руками, оглядеть со всех сторон и предложить соседу пощупать и оглядеть — далеко бы мы ушли от каменного века! Пожалуйста, закройте глаза — и ощупывайте, оглядывайте. Не пренебрегайте тем, что дано вам природой, — воображением и умением мыслить чисто теоретически...

Остановилась: на кого это я ворчу? С какой стати?..

И все-таки, хоть оно и вокруг нас — время-пространство Вечности, — надо уметь входить в него, отделяя от времени-пространства Земли: уметь улавливать его чистые импульсы, наполняющие его мысли-чувства. Великий ученый, великий поэт мо-

жет входить в пространство-время Вечности в любой миг, в любой час суток; обыкновенный же человек — только во сне (бывают, правда, исключения — «озарения» обыкновенных людей, не-гениев; но их озарения единичны). Вот, значит, и получается: все люди не старятся во время сна, а творец, первооткрыватель — еще и в периоды озарений (когда он вначале посмотрит на часы: два часа, а через пять минут посмотрит: восемь!).

Всё, на сегодня закончили, сказала она себе, но продолжала сидеть с закрытыми глазами, блаженно вытянув ноги. И неожиданно вздрогнула от резкого окрика:

— Арсеньева, ты здесь?

По коридору шел к ней Юра Минаев — земляк и зануда.

— Привет! А я от вас. Удивился, что закрыто.

— Привет. Что ж тут удивительного, если я здесь, а Света в Ташкенте?

— Да ведь у вас, Манюнь, вечно дверь нараспашку. Даже то, что тебя на первом же курсе дважды обокрали, ничему вас не научило. Кстати, а почему тогда оба раза пропадали только твои побрякушки? У Светки ведь их куда больше.

— Она не выставляла их напоказ, как я, — «чтоб глазу было приятно».

— Слушай, пошли ко мне! Подарю браслет из уральских са-моцветов. Купил сестре — ну, перебьется.

— Спасибо, но грабить сестер — не мое амплуа, — рассмеялась Лена. — Ты зачем заходил?

— Да ни за чем. От пустоты душевной. Хишам мотается со своими документами, а я жду. Думаю, дело даже не в документах — просто ему уезжать не хочется. Все прощается с Дальним Востоком: то надо еще раз посмотреть на гейзеры, то повидаться с красоткой Мери из «Кипариса», то посидеть в китайском ресторане с друзьями и шлюхами. Недаром говорят: никто так не занят, как бездельники. И воше (Юра произносил именно так) — зря я остался его провожать! На шлюх у меня денег нет, а быть его прихлебателем — это я в гробу видал.

Ей не хотелось обсуждать поведение Хишама с Юрой. Знала, что приятельницы Хишама — вовсе не шлюхи, что две университетские «шлюхи» — как раз приятельницы самого Юры. Но не говорить же об этом ему? Обидится, рассердится, а все будет идти по-прежнему. Так зачем взвихривать атмосферу отрицательными эмоциями? К тому же один мудрый китаец что сказал? Сказал он вот что: «Сколько у вас друзей — пять, десять, пятнадцать? Мало. У вас должны быть тысячи друзей. Весь мир должен быть вашими друзьями». Лена увлеклась этой идеей, проверяла ее осуществимость и на время проверки вынуждена была стать куда более терпимой, чем обычно. Вот и сейчас она продолжала эксперимент по выработке симпатии к не очень-то симпатичному ей человеку:

— Я — в камеру хранения. Пойдешь со мной?
— Пошли. Только, чур, пешком. Восьмой этаж — еще не высота.

Но она продолжала сидеть, блаженно вытянувшись в кресле.

— Ножками, ножками надо работать, миледи,— говорил Юра, поднимая ее за руку.— Разленились, обобломались, все бы вам на лифте да на такси. Я вот тебя научу физической активности. Впрочем, пляшешь ты отменно. Но это ведь один-два раза в неделю, а остальное время — на тахте, да за столом, да в кресле? Ну йога, ну еще там кое-что обязательное — и все?

— И все,— послушно сказала Лена, а мозг ее начал осмысливать причину раздражения, которое почти неизменно вызывал у нее Юра с первых же минут общения. При чем мозг ее («биологическая ЭВМ») обожал диалоги в вопросах и ответах. Вот и сейчас он начал с вопроса: «И за что ты на него сердилась? — За что, за что! — сам себе ответил ворчливо.— За то, что внутри этого высокообразованного существа сидит Шариков и время от времени плюется промежуточными между речью и лаем словами.— А зачем ты оскорбляешь хорошего человека? — Разве я его оскорбляю? Это он сам себя оскорбляет такой речью. На Шарикова прикрикнут — он тут же сделает вид, что никаких плохих слов не знает, а знает, наоборот, уйму хороших, как-то: квинтэссенция, матримониальный, конфидент...» Мозг явно подходил к какому-то выводу, но сделать его не успел — Юра отвлек вопросом:

— А помнишь, как Хишам лезгинку плясал?

— Это в холле вашего этажа, на Новый год? Отлично! Даже его друг-грузин удивился, хоть сам и научил... Навсегда уезжает родной нам человек, а мы этого до сих пор не поняли. И ты вот — идешь со мной, когда должен быть с ним.

— Ну, ты даешь! Это египтянин-то, буржуй, миллионер — родной нам человек?!

— Какой он тебе миллионер? Его родители — всего лишь владельцы обувного магазина.

— «Всего лишь»! В центре Каира!

— Ты избушку принимаешь за дворец, против чего предупреждал еще Чернышевский. А все оттого, как говорил он же, что настоящего миллионера в глаза не видал. Миллионеры не сорят деньгами, как Хишам. Миллионеры о-очень разборчивы в знакомствах. Отчего, кстати, их мир узок и сер. Миллионеры скупы и скучны.

— А ты видала их — пачками?

Отвечать на это было нечего, да Юра и не ждал ответа.

— Что египтяне, что японцы, что индусы — тебе все едино, ты всех любишь.

— Ну почему же «едино»? Все интересно по-разному. И дороги по-разному.

— И все — друзья?

— А чем тебе это не нравится?

— Тем, например, что как раз я, твой земляк, для тебя вовсе не друг. Ты все время избегаешь меня — и тайно, и явно. И в компании всегда где-то в другом углу, как я ни стараюсь быть поближе, и не зайдешь никогда. Не прояви и инициативы, ты обо мне и год не вспомнишь.

— Юр, ни индусы, ни японцы никогда не говорят мне: темная ты баба! Чокнутая! Не вешай лапшу на уши! Может, поэтому я и не ухожу от них в другой угол?

— Да я, если хочешь, могу выражаться как английский лорд!

— Хочу, Юрочка, очень хочу! Глядишь, и народ за тобой потянется. — Она неудержимо расхохоталась, со стыдом понимая, что обижает его.

— Ну, змея-я, — сказал Юра. — И на черта я к тебе зашел? Чтоб только настроение себе испортить.

— А вон кабина лифта вровень с полом стала... И вторая ползет... Разойдемся? Я пойду туда, а ты продолжай развивать ножную мускулатуру?

Но поскольку голос ее опять звучал с просительной ласковостью, Юра отказался: решил, видимо, что можно все начать сначала.

— Нет уж! Нашла из-за чего расходиться! Перекинулись несколькими искренними словами — и сразу расходиться?

Молча пошли дальше.

... Дальневосточный университет дружбы народов к началу нашего повествования существовал уже лет десять. Располагался он в центре Приморского края. В нескольких километрах на запад — город Нижнегорск, столь же юный, как и университет. В нескольких километрах на восток — Японское море, часть великого Тихого океана. А вокруг — великолепный парк, постепенно переходящий в первозданный лес с озером.

Лену, приехавшую сюда из Кургана, поселили в одном «блоке» (так здесь называли двухкомнатный студенческий номер) с третьекурсницей Светланой Строгановой: прежняя соседка, французенка, закончила учебу и уехала на родину. Друзья Светланы, часто бывавшие у нее, постепенно стали и друзьями Лены.

Университет создавался специально как восточный — прежде всего ради изучения истории и философии Востока. Преподаватели здесь были и из Китая, и из Индии, и из Кореи, и из Японии... Изучалась, естественно, и «западная» история и философия (да и множество других дисциплин, как в любом университете). В результате студенты отличались «не чистой закрытостью глаз, неведением детей», а осмысленным выбором своей позиции. Правда, поначалу диалоги между ними, съехавшимися

со всех концов света, происходили просто детские. Например:

— Мне смешна страна, в которой киношный герой-любовник играет роль президента. Такие игры дорого обходятся человечеству.

— Не дешевле обходятся человечеству президенты, обеими руками поддерживающие свои вставные челюсти.

Реплика «со стороны»:

— Разница между ними — только в качестве вставных челюстей.

Или:

— Мне не нравятся ваши мещане — агрессивные, самодовольные.

— А мне ваши — покорненькие, аккуратненькие.

Но такой уровень «диспутов» вскоре оставался лишь как воспоминание о взаимной невоспитанности.

Лена после особенно горячих споров порой видела сон, проясняющий для нее запутанную «пикейными жителями» ситуацию. Такую вот, например, симпатичную картинку: длинный стол, накрытый обеденной скатертью, в огромном зале «восточного» дворца (внешней логики она от своих снов не ждала — логика обычно была в них лишь внутренняя; вот и здесь: стол был чисто российский, а дворец — «шамаханский»). За столом сидят толстые, роскошно одетые люди — типичные бояре: с цепями на шеях, в бархатных шубах нараспашку. Они уже наелись: остатки яств — перед ними, но не в грязном беспорядке, а красиво разбросанные по столу: тут — почти целая кисть винограда, там — узкогорлый сосуд с рубиновым вином, там — белый каравай, разломанный пополам и еще более красивый, живописный оттого, что любовно разломан, а не грубо разрезан ножом... От стола вниз ведут несколько ступеней, за ними — люди, еще не обедавшие: смотрят на пиршество злыми, ненавидящими обладателей шуб глазами. И голос над всей этой динамичной картинкой: «Нужна ли смена власти? Думайте, думайте, думайте...» Лена начинает думать — в полудреме, еще не окончательно проснувшись. Вопрос этот звучал вчера на очередном их «митинге»: «Нужна ли смена власти, если власть себя не оправдала? Или лучше обойтись компромиссом — критикой, исправлением крена в ее курсе всем обществом?» И вот сейчас Лена думает не просто над теоретическим вопросом, а над картинкой: одни уже наелись и способны позаботиться о том, чтобы накормить остальных; у них, наевшихся, даже и взгляд благожелательный. А если их заменить ненаевшимися?.. У-у, пока еще они наедятся и станут способны заботиться о том, как накормить других! Нет, уж лучше пусть эти остаются у власти.

По дороге в школу девочки обсудили сон, потом рассказали родителям, а вечером отец подружки пошел к соседу дяде Васе («взрослому прохиндею» из сна) выяснять отношения. Как он

их там выяснял, девочки не узнали, но звонки с того вечера прекратились...

Вот такие у Лены бывали сны в детстве. Бабушка не удивлялась — она и сама обладала даром «вещих снов». А мама даже научную базу подвела: «Ничего странного — вы читаете информацию из ноосферы. Мне не дано, что поделаешь! Может, и лучше: зато я менее чувствительна к грубым прикосновениям среды».

А теперь Лена чаще видела во сне Землю, Венеру, Космический Магнит с его лучами, чем какого-нибудь вредного соседа или милую приятельницу. Наверно, этому способствовала атмосфера в университете, более близкая к звездам, чем к земному быту.

... Второй зал камеры хранения уже функционировал.

— Что ж, пойду упаковывать свою компьютерную технику.

— А я? — растерянно спросил Юра.

— Не понимаю. Ты ради кого остался — ради Хишама или ради меня?

— Хочешь правду? Или рассчитываешь на светскую сдержанность?

Она рассмеялась:

— Нет, Юр, на светскую сдержанность не рассчитываю. Потому как не знаю, что это такое. Да и правды не хочу, — закончила серьезно. — Я устала, как крестьянка за сохой. «Мой мозг высох». Давай разбежимся?

— Все бы тебе разбежаться! Друг, называется. Я надеялся, что мы с тобой поедem в Курган вместе. Хишам был только предлогом. Вот тебе правда, хоть ты ее и не хотела.

— Опять не понимаю. Ты рассказывал, что у тебя в Кургане невеста. Зачем тебе я?

— Что ж, если есть невеста, так и дружить ни с кем нельзя?

— Да можно, Юрка. Только я не хочу так сразу — с экзамена и домой. Хочу побродить тут по лесу: когда мы его видим, летний? Позагорать на озере, собраться с силами. И хочется мне пока только одиночества — не сердись.

— Ладно, назойливым не был и не буду. Пойду, пожалуй, к Маргарите.

— Ну-ну... Денег дать?

— Ты что, обалдела?

— Но Маргарита ведь не принимает гостей с пустыми руками.

— Какое тебе дело?! А еще говоришь о моей невоспитанности! Уж воспитаннее тебя!.. Мои отношения с Маргаритой — это мое личное, мужское дело.

— Добавь: и не лезь со свиным рылом в калашный ряд. Столь привычное для тебя изречение очень украсит речь лорда.

«Грешу против логики», — подумала она, уходя от него. Но оказалось, что еще не исчерпала запас ответной язвительности, и она бросила на ходу:

— Кланяйся Маргарите. А я между тем подумаю, не сообщить ли об этой нежной дружбе твоим родителям.

— Убью! — парировал Юра, но почему-то без свирепости в голосе.

«Знает, что не расскажу, вот и не может разозлиться... И зачем мне эта пытка — общение с ним? Что я ему — мать, сестра, племянница? Или телефонная служба утешения?.. Еще никто не умирал от общения с Маргаритами, так что пусть действительно сам разбирается».

Вернувшись в их со Светой опустевшую студенческую квартиру, она присела к приемнику: ну-ка, что скажет своим радиослушателям приморская сплетница — частная радиостанция «Кипарис»? Как раз должна начаться очередная серия ее передач.

«Кипарис» вещал с искусственного острова, сооруженного японцами, — они открыли здесь базу международного туризма. Приехать сюда мог любой житель планеты без всяких виз — была бы валюта.

Начались песни «лучших эстрадных ансамблей мира», получившие пять первых призов за неделю, — они теперь будут передаваться каждый день как заставка; затем — конкурс новых песен; затем — политические новости вперемешку с рекламой и, наконец, новости самого острова развлечений.

Дальше Лена слушать не стала: явно начались мелкие новости самого острова.

Пора собираться к Хишаму. Она предлагала прогулку в лес, он — ресторан. Еще, не дай бог, потащит ее на остров развлечений, сославшись на то, что все согласны: «Не разрушай компанию». Вокруг него вечно ведь приятели, в том числе весьма безалаберные. Надо еще раз позвонить.

Она подошла к телефону — и вдруг услышала режущий слух визг множества голосов. Выглянула в окно — что там? С ее этажа был хорошо виден просторный университетский двор, окруженный громадами зданий. Из всех дверей бежали люди. Бежали к каменному парапету корпуса физиков, где было распростерто только что ласточкой промелькнувшее в воздухе юное, стройное тело, уже изломанное мгновенным ударом... В ушах у нее стоял звон — внутренний, хорошо ей известный, хотя и звучащий очень редко. Она закрыла глаза, тряхнула головой, постояла — звон исчез. И крики исчезли. Осталась гулкая тишина полупустого здания. Еще раз выглянула: двор пуст и безмятежно спокоен; всего две фигурки бредут куда-то по своим делам.

Ясно: галлюцинация, сон наяву. Галлюцинации появлялись у нее после очень сильного и долгого нервного напряжения. Дальнейших последствий не было, и она не боялась последст-

вий: всеведущая бабушка давно объяснила, как не усугублять эту временную сверхчувствительность — надо уметь расслабляться, скидывать напряжение. И не считать себя больной. И никаких врачей и лекарств. Воздух. Движение. И так далее.

Кого же она сейчас видела? Кому сужден такой жестокий расчет с жизнью? Предупредить о возможной трагедии некого: она хорошо видела фигуру, но не видела лица. Точный ответ придет, видимо, потом — косвенно подсказанный кем-нибудь из окружающих или событием, деталью. Но ведь тогда может оказаться поздно! Надо идти к ребятам — предупредить их. Может, вместе вычислим, кому же угрожает опасность.

«Ребятами», или «мальчиками», она называла обитателей комнаты № 105—«Охрана порядка». Такая комната имела в каждом корпусе. Занимали ее два, как правило, молодых сотрудника. Сотрудники ее, гуманитарного, корпуса Лене очень нравились. Они ей напоминали доберман-пинчеров, но не реальных, а из детского восприятия «Золотого ключика». Там у Карабаса-Барабаса были гончие доберман-пинчеры: поджарые, длинноногие, самоуверенные и ужасно романтичные! Вот и эти. Они ни в коей мере не были чиновниками. Они испытывали такое отвращение к возне с бумагами, что даже за письменные столы свои не садились — устраивались в креслах возле столов, закинув длинные ноги в огромных башмаках на стулья напротив («Нет-нет, на эти стулья не садитесь!» — предупреждали потом посетителей). И писать предпочитали в этой же позе, кладя бумаги на папку. То есть готовы были терпеть любые неудобства, лишь бы не сидеть за «чиновническим» столом.

Лена познакомилась с ними после второй кражи: они со Светой испугались, что эдак могут унести и компьютерную технику — тогда им не рассчитаться. Уже позднее ей удалось сосредоточиться на этих кражах самой — и она отлично все поняла без «мальчиков». Рядом с их блоком был блок Маргариты и Райсы — девчушек, попавших в университет благодаря каким-то льготам родителей (у одной родители работали на Севере, у другой постоянно находились в плавании). Девчушки оказались шальные. Восток и его мудрость не трогали их ни с какой стороны, но жить здесь им нравилось. Слабую их успеваемость преподаватели считали своей виной, а слабую нравственность — влиянием неблагоприятной среды в детстве. На осознании вины общества перед ними девчушки собирались перекантоваться еще года два, а там — либо их общими усилиями «вытянут в люди» (кого ж это отчисляли с пятого курса!), либо родители придумают еще что-нибудь, может быть, даже более интересное, чем изучение литературы, истории и философии. Теперь уже Лена знала, что по крайней мере Маргарите «перекантоваться» не удастся: в начале следующего учебного года, имея все материалы следствия из 105-й комнаты, их студенческая группа скорее всего вынесет решение об ее отчислении, вернее — о ходатай-

стве об этом перед деканом. Подвела Маргариту жадность: украла видеоманитофон с набором кассет у студента из Сирии Джафара, который считался ее ближайшим другом. Если бы не это, девчухи еще долго, наверно, вели бы развеселую жизнь, пользуясь культивируемой в университете восточной терпимостью. Свои студенческие комнаты они быстро и умело превратили в интимные будуарчики — для этого оказалось достаточным прикрыть яркие настольные светильники шелковыми цветными платками и навсегда разложить тахту (обычно студенты по утрам превращали спальное ложе в диван со спинкой, внутрь которого мгновенно закидывалась постель).

... У двери в 105-ю Лена нажала кнопку видеосигнала и представляла, как мальчики смотрят на вспыхнувший экран, решая, какого ритуала встречи достоин их посетитель. Она заслужила сегодня ритуал из самых небрежных: створки дверей автоматически раздвинулись, мальчики продолжали сидеть в своих излюбленных позах.

Посреди их кабинета — журнальный столик. На нем — серебряный мини-самовар, банка кофе с экзотической наклейкой, две пачки сигарет, зажигалка. Пижоны! Как 15-летние мальчишки, хотя обоем ближе к тридцати, чем к двадцати.

— Садись, слушай и смотри.

Оказывается, они крутят видеоролик: японская эстрада.

— Ишь, какие девочки! Это тебе не кубанский хор!

Удивительное дело: сама страдавшая от перебора с народным искусством по теле- и радиоканалам, она выходила из себя от таких вот реплик.

— В кубанском хоре, между прочим, девочки еще лучше этих. И вообще, советские женщины — самые красивые в мире.

Оба просто грохнули.

— Спиши слова! Запатентую: готовый плакат. Кстати, недурно его украсить и твоей физиономией.

— Не вижу причины для гомерического хохота.

— Ленусик, может быть, хотя бы русские? Отечественные? Ну при чем тут «советские»?

— Нет, именно советские! — Она чуть не топнула ногой и смеяться отнюдь не собиралась (хотя и было смешно от своего же гнева). — И русские, и таджички, и украинки, и молдаванки... Мне об этом сколько раз иностранцы говорили! Только вы этого не замечаете — советские мужчины!

— Убийственное обвинение, — сказал более молодой, Слава. — Но почему же мы не видим? Мы ви-идим!

— Нет, не видите! Иначе не были бы так непочтительны с нами. Вы способны даже на грязные слова в нашем присутствии!.. Ну, не вы лично... — Гнев стал пропадать при виде их растерянных лиц, но она была уверена, что «по большому счету» права, и потому продолжала ворчливо: — Недаром столько наших девчат выходят замуж за иностранцев. А еще больше — тоже ста-

новятся грубыми, от отчаяния! — разозлилась опять. — И правильно Марина Цветаева уехала от вас к давно уже не любимому мужу: с вами ей и совсем было невмочь!

— Так это ж было-то... ровно сто лет назад*.

— А вы и за сто лет лучше не стали, — закончила она вредным голосом.

Оба давно сняли ноги со стульев и теперь демонстративно суетились вокруг нее:

— Елена Викторовна, садитесь, пожалуйста! Чай? Кофе? Сигарету?

— Вы отлично знаете, что я не курю, — сказала она, уже искусственно удерживая в себе остатки капризной ворчливости. И перешла наконец на нормальный тон: — Ладно, я по делу. Посоветоваться. Может, я заболела от переутомления, а может, есть сермяжная правда в моей картинке. Давайте обсудим.

Ребята тут же стали предельно серьезными: своими «картинками» до или после события она уже не раз им помогала. И она рассказала: истерические вопли — промелькнувшее в воздухе тело (промелькнуло оно как будто даже и не сначала, а после падения — как показанное ей объяснение случившегося) — упавший на каменный парапет явно студент: молодой, стройный, в белой рубашке и спортивных брюках. Все... Звон у нее в ушах. Этот звон — свидетельство нереальности, в то же время возможной будущей подлинности картинки.

Геннадий (старший) закурил и жестко, с прищуром, смотрел в одну точку. Слава присвистнул и сразу стал уточнять:

— С какого этажа он летел?

— Что-то очень высоко. Гораздо выше моей головы. А я — на восьмом.

— Вокруг самых верхних этажей всегда включены энергетические щиты. Мы радовались: у нас проверяют аппаратуру для космоса. Человека там отшвырнет обратно, если он высунется из окна чуть дальше нормы.

— Не знаю, Слава. Может, и вообще все — чушь...

— Но до 20-го этажа щита еще нет. Может, с одного из них? — продолжал Слава.

— Может. Я увидела его уже летящим и точно сказать, с какого, все-таки не могу. И видела-то долю секунды.

— Ты бы нам помогла, если бы сказала хоть предположительно, кто он. А так?..

— Нет, абсолютная в этом темнота...

— Не хотел бы я быть не только на его, но и на твоем месте, Ленка, — сказал Слава. — Видеть любое горе любого знакомого заранее — так ведь можно свихнуться. Я выступаю против своих интересов, но ты не можешь от этой своей способности избавиться?

* То есть действие происходит в 2022 году.

— Могу. Она у меня начинает пропадать, когда я заставляю себя думать только о себе. А обостряется, когда устаю. Нет, не когда устаю, а когда сильное нервное напряжение. Так что, возможно, я уже ненормальная.

— Ну вот, приехали! — резко перебил Геннадий. — Только стопроцентные мещане считают все необычное и непознанное ненормальным. Давайте всерьез думать, кто это может быть и как предотвратить.

— Вы тут думайте, а я продолжу своим способом: пойду в лес, расслаблюсь, подремлю — может, ответ придет.

Ребята проводили ее, на сей раз со всеми атрибутами дипломатической вежливости.

«Нет, не в лес, — подсказала ей биологическая ЭВМ. — К Хишаму сначала». — «А почему к Хишаму? Что — опасность угрожает ему?..» Ответа не было.

Но если к Хишаму, надо сначала переодеться. Она быстро приняла душ, надела свой любимый праздничный наряд — красную юбку в серебряных розах и белую крепдешиновую кофточку с рукавами вразлет — и стала укладывать в сумку («А над ребятами издеваешься!» — прокомментировала биологическая ЭВМ) расческу, губную помаду, духи, зеркальце...

И тут из окна раздались истерические вопли. «Опять! Видно, я действительно заболела от переутомления».

Выглянула: к каменному парапету корпуса физиков бежали люди... Быстро закрыла глаза, стала слушать, нет ли звона в ушах, — но вместо звона раздался пронзительный вой сирены — то ли милицеейской машины, то ли «Скорой помощи». Снова выглянула: да, это несомненная реальность! К корпусу физиков продвигалась сквозь толпу «Скорая помощь». Теперь только уловила (и вспомнила по прошлым случаям) разницу: воображаемая картинка была мгновенной и как бы размытой, похожей на вылинявшую фотографию, а это — подлинная жизнь, медленная, четкая — и страшная.

Она опрометью выбежала из комнаты, прыгнула в открытую кабину лифта, уже на четверть ушедшую вниз: и снова с ужасом стала мысленно сверять две картинки — воображенную и реальную. Там и там оставалось неясным только одно: кто? Вдруг Хишам? — Но почему Хишам? — А почему ты сегодня постоянно думаешь о нем? — Да потому, что мы еще давно решили сегодня встретиться, вот и все!..

Почти два года они дружили втроем: Света, Хишам и она. С точки зрения многих, она была «третьей лишней», но Света и Хишам дорожили ее бескорыстным товариществом. Сами же они были влюблены друг в друга так, что ревновали даже к книжным и киношным героям. Как будто предчувствовали, что конец окажется печальным. Так и вышло: поехав зимой этого года за

разрешением на брак, Хишам не получил его у своих родителей — из-за разной веры. Какая вера?? Оба верили только в космическую гармонию — эта вера была у них как раз общей. Но нарушить запрет родителей он не смог — приравнивал это к невозможности возвратиться на родину.

После этого они то ссорились, то мирились, и Лена оказалась им еще нужнее, чем прежде. С ее помощью можно было извиниться, умолить о свидании, устроить его как «случайность». И она безропотно выполняла эту роль, жалея их от всей души. Участие в чужом романе давалось ей тем легче, что своего романа у нее не было. Правда, ей с первого курса, с первого взгляда очень нравился аспирант факультета электроники Олег, но он вел себя чрезвычайно странно: оказываясь в их общей компании, иногда не отходил от нее ни на шаг, а иногда вовсе не обращал на нее внимания. В промежутках же между вечеринками, танцами, диспутами не появлялся у них со Светой никогда. Между тем его ближайшие друзья — Хишам и Ким (сокурсники из Иркутска) — торчали в их блоке постоянно. Любили обедать с ними, «в домашней обстановке». Притаскивали что-нибудь экзотическое, Хишам командовал: «Девочки, девочки, ближе к делу! Ваше место давно уже на кухне!» (кухни было две на весь этаж, по разным концам коридора). Да и другие приходили запросто — поболтать, пригласить куда-нибудь. Олег — никогда. У Лены порой уставало сердце — и от непонятного поведения Олега, и от постоянного напряжения в дружбе троим: боялась не понять, когда действительно нужна Свете и Хишаму, а когда они приглашают присоединиться к ним просто из вежливости.

Дружба троим кончилась неожиданно не только для Хишамы, но и для Лены: Светлана вышла замуж за своего земляка, Мамеда. Сейчас они оба уже в Ташкенте, и через несколько дней будет повторная, торжественная свадьба — с родными, с фатой, с множеством гостей...

Хишам после этого «сюрприза» (а Светка готовила именно сюрприз, не уступая в коварстве любой женщине) стал относиться к Лене с удвоенной нежностью. Казалось, она утешала его самым фактом своего существования — была живым свидетелем недавней жаркой любви. А еще и доказательством того, что на свете есть отношения более чело́вечные и прочные, чем даже сама любовь.

... Лена выскочила из лифта, опрометью пробежала громадный холл первого этажа, увидела толпу и с замиранием сердца медленно пошла к каменному парапету. Стала пробиваться между людьми, все быстрее и быстрее, вдруг испугавшись, что не успеет. Пробилась, когда его уже укладывали на носилки. Узнала красивую черную голову с седой прядкой — и замерла от ужаса.

Это действительно был Хишам.

«Не мог он сам», — думала она, сидя на парапете близ ограждения, устроенного службой охраны порядка. За носилками не пошла — бессмысленно: Хишам жил на 16-м этаже. Упав или прыгнув с такой высоты, не остаются живыми. «Не мог он сам. Это сделал кто-то нарочно. Чтобы он не вернулся на родину. Здесь у него никаких дел уже не оставалось. Значит, кто-то не захотел, чтобы он от нас, любя нас, вернулся в Египет. Кто?» Тут была полнейшая темнота. Темнота... Что-то ей напомнило это мысленно произнесенное слово. Да, конечно: такая же темнота была, когда она соображала, кто погиб. И вот — уже полнейшая ясность. Если бы такая же ясность наступила и в том, кто виноват в его гибели!..

Что же теперь делать?..

Каникулярная свобода оборачивалась пыткой. Никуда не нужно идти, и никуда идти не хотелось. Все дела и заботы потеряли смысл после случившегося. В лес? Зачем? Там она собиралась размышлять, кого надо предупредить о несчастье. А предупредить теперь осталось разве что Светку. Могла бы и подождать со свадьбой, вдруг рассердилась она на подругу. Никуда бы не делся ее Мамед: ждал ее благосклонности уже два года. И не были бы испорчены Хишаму последние месяцы жизни. А может, он тогда и не погиб бы? Если бы она всегда была рядом?.. Ой-ей-ей! Получилось, что погубили его — его родители! Объясни я это его матери, она бы с ума сошла!..

Наконец встала с парапета — поднял зазвучавший в голове голос мамы: «Не сиди на камне, даже в жару!» И все-таки пошла за носилками — в больничный корпус: вдруг нужна какая-то помощь? Но дежурный не пустил дальше прихожей: «Какая там помощь?! Случай полностью безнадежный».

Побрела к себе. Посидела, стараясь собраться с силами и с мыслями. Механически протянула руку к приемнику.

«... Предупреждаем: сегодня и завтра выходить в море на яхтах опасно. Просим также не заплывать далеко. Всемирно известные морские течения Куроисио и Ояисио вскоре могут превратить Японское море в Дьявольское. Однако несчастье случилось все-таки не у нас, а у наших соседей — в Университете дружбы народов».

Ну да, она ведь оставила шкалу на месте вещания «Кипариса». Они, значит, уже знают? Через 20—30 минут? Или они о другом?

«Как нам передал с места события наш корреспондент, сегодня в два часа пополудни с 18-го этажа студенческого общежития упал студент-египтянин. Он закончил учебу в университете и собирался отбыть домой, в Каир. На прощание они с другом решили пройтись по карнизу из одной комнаты в другую. Друг уверял, что это абсолютно безопасно, так как на верхних этажах установлены энергетические щиты. Как теперь выяснилось, он ошибся: щиты начинаются выше. Что это за щиты, нам

непонятно — ни на одной из фотографий здания они не видны. («Еще бы Клара поняла, что это за щиты!.. Впрочем, при чем тут Клара: она ведь читает чужой текст».) Разбился только студент-египтянин. Имена друзей нам не сообщили. Думаем, друг понесет серьезное наказание, даже если сделал это не нарочно. Приносим соседям наши соболезнования...

Перейдем от трагедии на материке к нашей с вами разумной жизни, где нет и не может быть трагедий», — вступил Хабиб, и Лена резко выключила приемник.

Вот что значит думать только о себе! Мне была показана реальность, которая должна была осуществиться примерно через час. То есть предоставлялась уйма времени. А я ничего не сделала! И в том, что в картинке-галлюцинации не разглядела лица погибшего, тоже виновата: надо было с большим вниманием вглядываться. А я тут же начала думать о себе, о своем рассудке, своей усталости... Вот так и приходят к нам трагедии — якобы неожиданно-негаданно, а на самом деле от нашего равнодушия, нашей сосредоточенности на собственных интересах?..

Оставим Лену за этими горькими и не совсем справедливыми раздумьями. Но не будем пренебрегать и словами Н. К. Рериха по этому вопросу: «В жизни ничего случайного не бывает — все закономерно».

Махам МАХМУДОВ Я — ВАША МЕЧТА

*Фантастический рассказ **

Ему показалось, что он раздвоился, раскололся пополам, и одна половина была горячей, как огонь, а другая — холодной, как лед, одна была нежной, другая — жестокой, одна — трепетной, другая — твердой, как камень. И каждая половина его раздвоившегося Я старалась уничтожить другую.

Рэй Брэдлибери. 451° по Фаренгейту

Кто-то позвонил. Настоячиво, нетерпеливо... Я поспешил открыть. В двери стоял... гость. Он был очень похож на меня, но выглядел старше моих лет, и тем не менее на его усталом лице, озаренные каким-то внутренним светом, сияли молодые глаза.

— С днем рождения, Бехзод! Я совсем забыл о том, что у тебя сегодня такой день. А ведь ты, наверное, уже и гостей пригласил, да не каких-нибудь, а знатных.

— Да что ты! — попытался оправдаться я, хотя он попал в

* Переработанный и дополненный вариант.

самую точку.— Только вчера узнал, сколько мне лет, да и то спасибо нашему главному художнику... он напомнил...

Я сказал это, конечно, желая подчеркнуть свою близость к главному художнику нашего театра.

— Кажется, я пришел нехстати?— пробормотал гость, переминаясь с ноги на ногу и раздумывая, зайти ли ему в холл. Ему, видимо, было безразлично все, что творилось за порогом этой квартиры, и он бегло осматривал полотна, висевшие в прихожей.

Что ему ответить? Внезапно нахлынули неприятные воспоминания, связанные с моим двойником.

Незадолго до его прихода я принимал на своей вилле на зеленой окраине столицы гостей — людей солидных, с положением. Теперь мои друзья — знаменитые поэты, кинорежиссеры, театральные критики, лауреаты, заслуженные деятели. Разговор шел о моих работах.

— А что скрывают недра этих гор? — спросил хорошо известный во многих странах сотрудник влиятельной газеты «Вэг», указывая на одно из полотен.

Гости с нескрываемым удивлением посмотрели на него.

— Кроме бурной реки, я ничего не вижу,— иронически заметил поэт Аз. Этот плюгавый, но высокомерный человечек сочинял весьма посредственные стихи, зато не признавал великих своих современников, всех до единого называя бездарями. А я его уважал — он хвалил мои картины.

— Вот как! Но ведь здесь изображен лес, в котором, пожалуй, можно заблудиться,— слегка улыбнувшись, вставил сидящий рядом с Азом располневший, с рыжеватыми усиками, композитор Сайф. Еще совсем молодым он писал хорошую музыку на пустынные стихи бездарных поэтов Икарии. Но мы так привыкли к этому, что, поступи он иначе, мы, пожалуй, его не поняли бы.

— Что вы, что вы! Или я не разбираюсь в искусстве,— вмешался худошавый черноглазый искусствовед Оар,— или вы нарочно не замечаете газель, жадно пьющую воду из ручья? Посмотрите, как она пуглива — любой шорох, и она готова обратиться в бегство...

Оар прекрасно разбирается в искусстве, но почему-то расхваливает художников, о которых заведомо знает, как они бездарны. Каждый, конечно, понимает, что это нехорошо, но никто не скажет Оару в лицо всего, что о нем думает. Ведь тогда придется выслушивать правду о себе. А у кого из нас нет своей «ахиллесовой пяты»?! Только глупцы не стесняются говорить все, что им вздумается, но кто же пустит такого человека в порядочное общество!

Сегодня все наперебой расхваливали картины, хотя прекрасно знали, что создавал их не я. Вокруг этих картин споры не утихают до сих пор, это — настоящее искусство. Странные

с современной точки зрения, они полны необъяснимой загадочности и очарования, от них трудно отвести взор. И мои друзья, пожалуй, искренне хвалят их наперебой.

Но догадываются ли они, как я ненавижу эти картины? Ненавижу, хотя они висят в моем доме, хотя многие восхищаются ими.

Теперь я не могу так писать. Да и зачем? Мои друзья рады, что я пишу уже иначе. Они знают, что такие картины не в почете. Славу мне принесут произведения, которые я создаю сейчас.

— В молодости ты был выдающимся художником,— вздохнув, заметил мой друг-искусствовед. Говорит он об этом всякий раз, когда приходит ко мне. И всякий раз я затрудняюсь понять: восхищается он тем, что было, или сожалеет? А может быть, он иронизирует? Может быть, не верит, что я имею к этим картинам какое-то отношение?

Пусть эти картины писал мой двойник, утверждающий, что это — различные воплощения его возлюбленной, прекрасной Феи. Но ведь когда-то и я любил ее! Правда, истинным влюбленным был не Я. Ибо...

Я облокотился о спинку дивана, рассеянно слушая разговор. Взор мой бесцельно скользил по пейзажу. Вдруг перед глазами стали всплывать картины детских лет. Только видел я их как-то странно, отчужденно — будто не мое это было детство, а другого человека...

* * *

Кто он, мальчуган со светлыми глазами? Он очень похож на меня. Однако это не я. У него есть сердце. Настоящее сердце. А у меня его нет. Об этом люди не догадываются. А может, и догадываются, но те, у кого, возможно, тоже нет сердца,— молчат. Впрочем, мне не дано судить об этом.

Вечер. На широкой лужайке вместе с другими детьми сидит этот очень похожий на меня мальчик и слушает сказки. Он слышит таинственный шорох в густой чаще деревьев. Издалека доносится глухой крик совы. Над полем джугары по небу медленно плывет Луна. Ее голубоватым светом окутан огромный платан, простерший густые ветви над онемевшим от любопытства и душевного трепета мальчуганом...

Матушка любила рассказывать нам о Синдбаде-мореходе и страшном одноглазом циклопе. Убаюканный ее певучим, сладким голосом, сквозь дрему я смотрел на огромную чашу неба, по которому, как блестящие зернышки проса, рассыпаны звезды. А в предрассветный час, когда начинал хрипло кричать петух, я, конечно же, не спал и не мог оторвать глаз от Млечного Пути — мне казалось, что рассвет начинается там, на затерянной в огромной бездне дороге. Кто проложил ее?

Иногда мать рассказывала о прекрасной фее Дурдане. «Дур-

дана — вечно юная красавица; тот, кто встретит ее и полюбит, тоже будет жить вечно,— говорила мать, и странная улыбка озаряла ее лицо.— Дурдану могут увидеть лишь одаренные и благородные люди, потому что Дурдана — фея вдохновения».

Я повзрослел, уехал учиться, чтобы стать художником. И все это время жил сокровенной мечтой — увидеть вечно юную фею Дурдану. Я полюбил ее.

Однажды всю ночь напролет я читал старинную книгу. В предзакатный час, когда солнце только-только начинает золотить краешек неба, возник перед моим окном великолепный пейзаж: на изумрудном поле розовели кроны персиковых деревьев, белопенными стали урючины. Сладко веяло чем-то нежным, прохладным.

Вдруг легкий порыв ветра неслышно открыл дверь. Я повернулся — и онемел! Передо мной стояла она, моя фея! Глаза ее были грустными и задумчивыми, длинные ресницы едва заметно трепетали, словно она хотела что-то сказать — и не решалась.

В это мгновение я услышал дивную музыку, вся комната наполнилась сияющим светом. Неужели это запела моя душа?!

— О, не удивляйтесь! — раздался нежный голос.— Да-да! Я — фея, я — ваша мечта. Я — Дурдана.

«Конечно, конечно! Кем же еще можешь ты быть, прекрасная незнакомка, явившаяся мне на рассвете, словно солнечный луч! Наконец-то! Я ждал тебя столько лет!» — хотелось мне крикнуть, но слов не было.

Дурдана поняла мое волнение... Она улыбнулась и, едва придерживая длинный подол голубого воздушного платья, присела на край моей постели.

— Вы не уйдете? — прошептал я.

Юная фея нежно посмотрела на меня и опять улыбнулась. Эту улыбку не передашь ни словом, ни краской, ни звуком. Ее можно только бесконечно созерцать. И тем не менее я взял кисть.

Она сидела тихо и разглядывала книги в шкафах, этажерках, полках — мое основное достояние. А я писал, ни на миг не задумываясь над тем, что делаю,— кисть сама, казалось, летала по холсту.

...Вдруг эту благоговейную тишину разорвал хриплый крик петуха. Первый луч солнца упал на подоконник. Встревоженная фея поднялась, положила книгу на ту же полку, откуда взяла.

— До следующей встречи, мой друг! Я вновь приду! — И, легко придерживая двумя пальцами подол чудесного платья, мгновенно исчезла, растаяла, как в тумане...

Долго я стоял, глядя туда, где только что улыбалась девушка неземной красоты. Потом перевел взгляд на холст. И... о чудо! С полотна на меня глядели изумительные глаза газели — пугли-

вой, грациозной. Словно она пришла на водопой и засмотрелась на водную гладь, в которой переливами света играла горная речка...

Она снова пришла ко мне, Дурдана! Теперь я уже ждал ее, ждал и холст, натянутый на подрамник в моей комнате. Я не знал, смогу ли снова работать, но разве можно забыть те минуты, когда моей рукой двигало вдохновение...

Дурдана навещала меня еще и еще. Я перестал бывать на занятиях. До рассвета писал, а потом в изнеможении валялся на кровать и как убитый засыпал. День и ночь смешались...

Но однажды фея пришла очень печальная. «Случилось недоброе», — подумал я.

— Вы разве ничего не знаете? — спросила она, присев по привычке на краешек моей постели. — Вашего любимого учителя...

Глаза ее затуманились...

— Что с ним? — прошептал я, сраженный догадкой.

Дурдана пересела поближе, словно готовясь рассказать мне длинную историю, и доверчиво улыбнулась, заметив, как я заволновался, почувствовав ее близость...

— Он, как и вы, когда-то любил меня. Но в этом мире трудно тому, чьи чувства чисты.

Я и впрямь слышал нечто подобное, когда мы впервые встретились с господином Хамави в аудитории театрально-художественного института. С содроганием я вспомнил его первые уроки рисования.

Новый учитель живописи господин Хамави — низенький, гладко причесанный, со сверлящими собеседника глазами — знакомился с нами долго, изысканно. На первом же занятии он принялся излагать суть нового метода в искусстве:

— Задача художника — изображать стандарты, а не оригинальное, как думают отдельные отсталые люди.

В аудитории воцарилась тишина. Среди студентов вскипало несогласие. Однако всплески эти так и не выросли в могучие волны, а, больно ударившись о каменную глыбу доводов Нового Учителя, бессильно оседали, рассыпались мелкими брызгами.

— Перейдем к не менее важному вопросу, — продолжил Новый Учитель. — По имеющимся у нас сведениям, некоторых молодых художников посещает некая фея. Отдельным слабым людям она представляется несравненно красивой и вечно молодой. А между тем нам хорошо известно, что она старая-престарая колдунья, ей примерно десять тысяч лет. Эта ведьма под видом красивой феи сбивает с пути отдельных талантливых художников. Поэтому руководство художественной академии объявляет конкурс на разоблачение этой старой ведьмы. Каким образом, спрашиваете вы? А вот каким. Когда она появляется перед вами в облике печальной красавицы, вы изображайте ее хохочущей и безобразной...

Для этой цели вам будут необходимы новые, искусственные глаза. Если вы будете смотреть на фею новыми глазами, она более не покажется прекрасной... и потеряет свои чары над вами... И вы будете свободными... Свободными от глубоких раздумий, свободными от бесконечных поисков цвета, поисков необычного...

Такая логика, вернее, алогичность поражала аудиторию, вызывала смятение среди молодых художников.

— С сегодняшнего дня мы с вами,— сказал господин Хамави торжественно,— перейдем к новому, передовому и вместе с тем облегченному способу отражения жизни. Это — изображение без цвета.

В голосе его крепили ликующе-зловещие нотки.

— Как известно,— «конкретизировал» Учитель,— обилие и бесконечное многообразие красок в природе не позволяет сосредоточиться на чем-то одном, отвлекает человека от полезного труда. Представьте себе, пастух увидел на горной лужайке множество цветов. Завороженный, созерцая их, он забывает о своей основной цели — необходимости пасти стадо. Создавая такую картину, целесообразно убрать с лужайки цветы. И я, как мне кажется, нашел решение этой проблемы.

Переведя дух, Учитель продолжал все так же торжественно:

— Для этого достаточно применить искусственные глаза, а они не позволяют людям отвлекаться для созерцания цветов и оттенков.

Искусственные глаза!.. Мы переглянулись. И вдруг увидели: Новый Учитель смотрит как-то особенно: прямо перед собой, почти не моргая.

А он продолжал, набирал силу его жуткий голос:

— После долголетних научных исследований я изобрел такие глаза! Они упрощают жизнь, ибо различают лишь черный и белый цвета, сглаживают различия. В нашу эпоху, в век электроники и лазеров, пересадка таких глаз не составляет особых трудностей. И я первым, на себе, применил свое изобретение! Я смотрю на вас и вижу всех вас одинаковыми.

Стеклянные глаза Нового Учителя впились в нас так, словно этот человек хотел высверлить из нас неугодные мысли.

В аудитории водворилась тревожная тишина.

— Отныне вы должны пользоваться искусственными глазами,— закончил наш Новый Учитель тоном, не терпящим возражений, и устало опустился в кресло.— Ибо сейчас нет необходимости искать сложные цветовые гаммы.— Он усталился на искусную резьбу на кресле, что, очевидно, решило его дальнейшую судьбу.

— Всем ли обязательно пользоваться новыми глазами?

Студенты с удивлением повернулись в мою сторону, и было видно, что мой вопрос некоторым показался неуместным.

Пронзительный взгляд Учителя остановился на мне, ноги мои одеревенели.

— Всем не обязательно,— многозначительно ответил он.

Нетрудно было догадаться о смысле этих слов...

Прозвенел звонок, и мы вышли из аудитории.

* * *

Расстроенный, я брел по раскаленным улицам и попал в заброшенный загородный сад. Оглядевшись, заметил каменную скамью, на которую я и присел.

Солнце еще не зашло, в саду было сумрачно и неуютно. Сильный ветер гнул деревья, тревожно шелестела листва, вода в полуразрушенном мраморном бассейне покрылась беспокойной рябью.

Вдали, в глубине сада, виднелся старый с зубчатым карнизом дворец. Шелковые шторы на его окнах рвал ветер, они пламенели в зареве заката.

Вдруг откуда-то появилась она и приветствовала меня. Я почувствовал радость, вместе с тем и какое-то беспокойство.

— Я часто вижу вас во сне. Неожиданно вы появляетесь передо мной. И тогда... Тогда я впадаю в блаженство от того, что нашел свое счастье, которое искал всю жизнь. И вырастают у меня крылья, и вместе с вами я поднимаюсь в небо, и открываются передо мной мириады звезд, таинственная бездна Вселенной...

Фея ответила чарующей улыбкой.

— Да, в те мгновения я дарю вам крылья, чтобы вы могли подняться ввысь и почувствовать бесконечное многообразие Вселенной, ее неповторимые краски...

— Да, в те мгновения, когда я выхожу из своей тесной мансарды и поднимаюсь над землей, я вижу захватывающую красоту окружающего мира.

Дурдана опять снисходительно улыбнулась.

— Мир — это не только пространство, но и время. Последнее столетие, которое вы более или менее знаете,— это лишь частица большого мира, который состоит из многих тысячелетий.

— Наш Новый Учитель говорит, что мы должны жить только настоящим днем,— попытался я возразить моей фее, но она с чарующей улыбкой продолжала раскрывать передо мной нравственные и материальные ценности.

Она рассказала мне о египетских пирамидах и знаменитых ученых: об Авиценне и Данте, Микеланджело и Леонардо, Рембрандте...

— Вы не имеете права забывать о прошлом,— наставляла она меня,— поскольку тысячелетиями люди жили, трудились и страдали, как вы. Они оставили вам в наследство несметные

сокровища, их надо только уметь видеть и чувствовать. Видеть не только глазом, но и сердцем.

— А наш учитель наставляет нас иначе...

— Да, я знаю.

— Мне трудно не послушаться учителя...

— Ваш Учитель не только Хамави. Ваши настоящие учителя Леонардо да Винчи, Рембрандт и все великие мастера прошлого и современности.

— Да, они учат меня...

— Великие мастера учат вас бороться и в тесной вашей хижине, и на больших просторах за правду и справедливость, за счастье людей, учат отличать добро от зла, животные инстинкты от благородных порывов. Ночами я наблюдаю за вами, когда вы мучаетесь над вопросами бытия, я узнаю вас всегда по жемчужине в вашей груди, излучающей в темноте таинственное сияние великого природного дара.

Фея на какое-то мгновение умолкла, с грустью глядя на вспененную гладь воды в бассейне.

— Но за последнее время,— продолжала она с укором в голосе,— сияние жемчужины в вашей груди все слабее и слабее. В ваших картинах все меньше и меньше взлетов фантазии и мысли. Вы уже пишете легче, без раздумий. Это все оттого, что вам теперь захотелось жить на широкую ногу. Чтобы легче жить, вы льстите своему начальству, хвалите его халтурные картины. Больше того, и свои вещи вы начинаете уподоблять их грубой мазне. Ваш главный художник помогает вам получать премии на выставках, но взамен он требует, чтобы вы писали посредственно. И вы уступаете ему, потому что вам приятно быть знатным. Вы думаете добиться этим признания и почестей... Однако вы глубоко заблуждаетесь. Подлинный путь к признанию — это тяжкий и вдохновенный труд.— Сказав эти слова, она исчезла за высокими деревьями...

* * *

Ветер принес бурю. Старые платаны вокруг дворца содрогались от сильных порывов ветра, их слабый стон напоминал стенания больного. Вдруг, осветив небо, ударила молния. Она ослепила меня, казалось, что на голову с размаху обрушилась огненная сабля... Я упал и потерял сознание...

Когда пришел в себя, буря утихла и на темном небе мерцали звезды. Удивительно, но я чувствовал себя непривычно легко, как будто сбросил тяжесть и могу взлететь высоко-высоко...

Опираясь о землю руками, я встал на колени, оглянулся и вздрогнул — на траве рядом со мной лежал юноша. Он был в глубоком обмороке. Я взгляделся в его лицо, и меня охватило смятение — как две капли воды, юноша был похож на меня! Я побежал к бассейну, принес воды и попытался напоить юношу.

Приложил ухо к его груди — сердце бьется... И все уверенней, сильнее. Наконец юноша открыл глаза, посмотрел на меня, видимо, тоже с удивлением узнавая во мне знакомые черты, и тихо, с налетом иронии сказал:

— Ты лучше послушай свое сердце. Есть ли оно у тебя?..

Оторопев, я приложил руку к левой стороне груди. Как будто ничего не слышно... Не может быть!..

— Да, не удивляйся. Сердце у нас с тобой одно, и оно у меня, — он показал на свою грудь.

— А кто ты такой? — Я не очень-то поверил его словам.

— Я — это Ты.

Голова у меня закружилась, я едва удержался на ногах. Пошарив в карманах, нашел сигареты, закурил и предложил ему. Мы долго молчали и курили. Наконец он заговорил:

— Ты был несправедлив к фее Дурдане. Эта девушка — самая прекрасная на свете. А ты поверил чепухе, которую болтают о ней люди непорядочные. Я очень люблю ее, да и ты ведь любил?

— Нет, — поспешил возразить я. — Я ее не люблю. Она колдунья. Ей тысячи лет, и она превращает каждого, кто к ней стремится, в горсть пыли...

— Брось, все это сплетни господина Хамави. Ты просто боишься. Боишься, что и тебя могут выгнать из института, как выжили старого учителя. А ведь у каждого таланта есть своя фея, своя вдохновительница. Высокое служение Музе — вот о чем ты забываешь...

Я раздраженно махнул рукой и ушел. А он отправился искать свою фею.

* * *

С того дня и жил без Него. Так было легче. Теперь Он не был во Мне и не мучил своими вопросами. Я уже не совершал благородных поступков, а руководствовался трезвым рассудком. Моя искренность немало повредила мне раньше, и с ней также расстался.

О, как я был искренен в молодости! Из-за этой своей слабости сколько раз я оказывался посмешищем друзей. Я верил словам всех знакомых и строил свои грандиозные планы на песках-обещаниях друзей, считая их крепким фундаментом. Потом оказывалось, что они жестоко пошутили надо мной, хохотали над моей наивностью. Сколько раз друзья обманывали меня, а я не переставал им верить. Однажды мой самый близкий друг Пу обещал мне помочь приобрести за сносную цену машину, якобы принадлежащую одной знатной особе. По его словам, эта особа, молодая и красивая, недавно была покинута неблагодарным ветреным мужем, и что это нежное и хрупкое создание достойно лучшей участи, что она из-за нужды продает свою машину и хочет, чтобы ее приобрел благородный человек.

Услышав рассказ друга, я разволновался и, разумеется, сразу же передал свои небольшие сбережения для этого доброго дела. Потом выяснилось, что мой друг жестоко обманул меня и на другой день в трактире «Под липами» угостил на мои деньги своих друзей и рассмешил всех своей предательской шуткой. Для моего успокоения потом он рассказал, что его друзья, славные ребята, а также прекрасные их спутницы похвалили меня «за благородный порыв» и якобы попросили его познакомить со мной в ближайшие недели. Я поверил тогда и этому...

В другой раз, сидя на свадебной вечеринке молодого ученого, мой друг Му познакомил меня с юной и красивой девушкой с нежными глазами, представил ее как свою родственницу. В тот вечер мы с ней крепко подружились, не раз танцевали под волшебную, восхитительную музыку. Даже когда мы оказались в разных компаниях собеседников, не могли оторвать глаз друг от друга. В тот вечер она обещала явиться в Озерный парк на свидание. Но в назначенное время она не пришла, заставив меня терзаться в сомнениях. А я в надежде, что она или находилась в долгой отлучке, или слегка прихворнула, все ждал. Казалось мне, что она должна несомненно прийти в назначенное место, я проводил долгие часы в ожиданиях.

Но спустя год она прислала мне приглашение на свою свадьбу. Оказывается, еще в то время, когда я сладко грезил, ища ее взглядом в тот вечер, она была помолвлена с одним юношей — сыном богатого торговца. А со мной она подружилась, чтобы развлечься до своей свадьбы; кажется, ей льстило знакомство с художником, которого ожидало блестящее будущее.

Я, разумеется, не пошел на свадьбу, но ее приглашение берег как реликвию...

После таких горьких разочарований я решил посвятить себя только искусству, перестал верить ложным друзьям. Лишь в редкие мгновения я вспоминал о своей доверчивой, искренней юности, как о чужой жизни...

Шли дни, недели, месяцы — благополучные, однообразные. Хамави все чаще хвалил меня, и я втягивался в свою новую жизнь. И мне уже не казалось удивительным, что там, где раньше билось мое сердце, теперь пусто и спокойно. Но иногда я приходил в ужас: а вдруг окружающие узнают, что у меня нет сердца? И я старался отдалить от себя всех, с кем дружил раньше, кто был мне когда-то дорог. О своей тени я тоже старался не думать — это было мучительно.

Я преуспевал на работе и стал заместителем главного художника в Оперном театре столицы Икарии. Здесь у нас много талантливых художников, балерин и певиц, но мало кто из них добывается признания.

Получив столь завидное место, я решил вести себя так, чтобы понравиться Главному художнику, войти к нему в доверие и до-

биться успеха. Теперь моя жизнь наполнилась не моими замыслами, а идеями Главного художника.

В театре жизнь бьет ключом, здесь даже суета и сплетни кажутся приятными. Зритель чувствует себя в зале как на празднике, оно и понятно, творения великих композиторов, волшебная музыка, то мягкие, плавные, то неистовые, но всегда изящные движения балерин, бесчисленные нюансы в голосах оперных певцов и, конечно, бесконечные переливы красок — все это духовно обогащает человека. «За сценой придется из кожи вылезти, чтобы в течение часа зритель восхищался минутной игрой актера. Если будет зал переполнен и в глазах зрителей увидишь слезы восхищения, то нет человека счастливее тебя», — вспомнил я слова моего второго Я. Да-да, художник везде и всюду ходит недовольным, но радостным от того, что он обеспечил все цветовые и световые гаммы спектакля, то есть воссоздал для героев и героинь жизненную среду, обстановку, в которой раскрываются их нравы и деяния. Так чувствовал я раньше. А теперь...

Однако ежедневная суета кому-то приносит радость, кому-то огорчения. Как художник-постановщик, я возглавляю группу художников. Среди них немало талантливых, которые добиваются самостоятельной постановки спектаклей. Однако это нелегко. Наш Главный художник Тео выдвигает своих учеников, которые прилежно выполняют его поручения. Часто это бывают поручения, не касающиеся сцены, вообще театра. Они где-то оформляют, малюют дома и виллы его друзей и знакомых. А на сцене они редко работают. Когда же работают в театре, то делают огромные, но примитивные шиты, которые условно должны олицетворять дворцы, леса и поля...

Разумеется, и я попал в «свиту» Главного художника. Оплата хорошая, нечего думать и искать сложные композиции. Но среди тех, которые в немилости у Главного художника, есть мой друг, одаренный художник Не Га. Он находит такие интересные, неожиданные решения, такие нежные, выразительные тона, просто всем на удивление. Обычно молчаливый, он часто спорит, не соглашается с мнениями руководства, презирует нашу работу. Но меня он немного уважает, не знаю, за что, может быть, за мои прежние вещи.

Однажды за несколько дней до сдачи нового спектакля (кажется, мы ставили «Смерть Бальдура» Эленшлегера), разразился большой скандал. Шесть месяцев трудился Не Га и завершил постановочные оформления нового спектакля.

Когда он с группой своих друзей закончил работу и начался просмотр перед комиссией, Главный художник так расхохотался и так оскорбительно отозвался о работе Не Га, что тот стал кусать губы. Несколько юных художников из его группы попытались защитить оригинальное решение, однако Главный художник, грубо ехидничая, заставил их замолчать. Другие ху-

дожники, чтобы угодить Главному, стали разносить в пух и прах работу Не Га. Разумеется, и я был среди них. И я осуждал своего друга. Не Га упорно защищался, отстаивая свои убеждения.

— Истинно прекрасное, истинно величественное и вечно удивительное никогда не может изжить себя,— говорил он, глядя в упор сверкающими глазами. И вдруг он с презрением уставился на меня. В прежние времена от такого взгляда было бы мне ужасно неловко, но теперь, когда я живу без своего второго Я, мне ничего не угрожало. Я боялся только угроз своего начальства.

В тот вечер мы окончательно свели на нет шестимесячный изнурительный труд самого талантливого художника в нашем театре. Я не испытывал ни капли стыда из-за всего этого...

Но поздней ночью, когда я заснул на прохладной веранде своей виллы, ко мне подошел он — мое второе Я, тот, который с сердцем. И долго меня допрашивал. Осуждал меня за подлость, продажность, подхалимство... Угрожал навсегда оставить меня, и тогда, по его словам, мне не стоило жить и называться Человеком. А я захохотал, услышав эти слова. Хочет оставить, ну и пусть...

Однажды Главный художник, посмотрев декорацию нового спектакля, посоветовал «убрать» с нее величественный замок. Я охотно это сделал — замок напоминал тот, возле которого меня застала в памятную ночь буря. Изучив вкус своего начальника, я стал убирать с декораций все, что было необычным, что придавало им возвышенность, романтичность. Теперь действия всех спектаклей шли среди высоких угрюмых зданий, при этом обязательно черно-белых. В духе времени.

К моему счастью, грубость, отсутствие изящества теперь были в моде. Отсутствие мысли, колорита и настроения считалось чуть ли не открытием в искусстве. В такой атмосфере я процветал... или, как говорило мое второе Я, во мне изо дня в день погибал настоящий художник...

В зале Большого Королевского театра справляли мой славный юбилей. Неважно, сколько мне лет было тогда, но юбилей проходил великолепно. Мои соратники и ученики один за другим поднимались на трибуну и восхваляли мои никчемные произведения... Они лгали... А я верил этим лживым словам...

Сидя в почетном кресле юбиляра, я чувствовал себя важной персоной, но где-то в глубине моего сознания подкрадывалась неумолимая мысль о своем ничтожестве...

В самый разгар юбилейного торжества появился он — мое второе Я. «Как всегда, некстати», — с горечью подумал я. Однако не смог воспрепятствовать его появлению. Ведь он не признавал условности высшего общества.

Без приглашения он поднялся на трибуну, и, невзирая на присутствие признанных мастеров искусства, а также на боль-

ших чиновников, начал свою не шибко складную, но правильную речь.

— Кого мы обманываем, друзья? Себя или своих поклонников?

Эти уродливые поделки вы считаете искусством? Нет. Все уродливое проходит, остается прекрасное. А все прекрасное познается сердцем. Человек без сердца — это ничто. Как могут радовать душу людей вот эти «произведения», если у самого автора нет души? Поэтому все восхваления, здесь произнесенные, я считаю лживыми...

Эти слова ошеломили всех. Он появился внезапно, исчез так же неожиданно. А слова его теперь эхом отозвались в уголках зала:

— Все уродливое проходит, остается прекрасное.

— Все прекрасное познается сердцем.

— Человек без сердца — ничто...

Я встал с юбилейного кресла и среди всей этой суматохи вместе со знаменитыми коллегами и театральными красавицами отправился на загородную дачу, где нас ожидал роскошный стол, продолжение торжества.

* * *

А он, моя тень, все бродил где-то, босой и голодный.

Время от времени он навещал меня, и мы мирно беседовали. Теперь мне это было уже не страшно — я твердо стоял на ногах. И тем не менее каждый его приход приносил в мою жизнь что-то для меня неожиданное, и это причиняло мне боль...

Однажды он появился рано утром — тихо, неслышно, точно привидение. Обратился ко мне так, словно мы беседовали всю ночь и теперь продолжаем разговор.

— Видишь горизонт, что купается в заре? Ты только посмотри, сколько красок! Какие тончайшие переливы света! Да посмотри же! — Он сжал мое плечо так сильно, что я едва не вскрикнул от боли. — Такую зарю ты видел только в детстве! Возьми же поскорее кисть, ведь с каждым мгновением заря меняется, ты не успеешь передать все ее краски!

Я посмотрел на пурпурный край неба и заколебался. Но тут же вспомнил равнодушное лицо Главного художника. О, это бесстрастное лицо! Сколько злобы и ненависти за этой маской! Стоило кому-то из нас опоздать, как он начинал шипеть, словно змея, и в театре поднималась буря. «Нет, с Главным художником лучше не ссориться!» — подумал я и, не обратив внимания на слова, поспешил в театр.

А он преследовал меня и убеждал:

— Да, ты опоздаешь! Но на другое. На работу ты ходишь каждый день, а вот такая заря может и не повториться... Смотри, сколько в ней сегодня оттенков — от зеленоватого до

красно-голубого... Быстрее возвращайся и берись за кисть!

— Да пойми — мне некогда! — я выходил из себя. — Сегодня я должен написать рекламный плакат: «Любите прекрасное». Если я этого не сделаю...

Мой двойник усмехнулся:

— Как ты некрасиво и равнодушно пишешь! Да, кстати, людям нужны не рекламные плакаты о прекрасном, им нужна сама красота! Если бы ты был подлинным творцом и творил прекрасное, этого бы хватило, чтобы оправдать твою жизнь!

Я рассмеялся.

— Вот ты творишь прекрасное, а кто понимает созданные тобой шедевры? Люди-то ценят картины, которые сейчас в моде.

— Ты говоришь о тех, кто выше всего ставит сытость, о тех, в чьих душах — пустота. А я творю для того, чтобы сеять семена цветов в пустыне...

— Сытые не поймут твоего искусства, они посмеются над тобой...

— Ты не прав. Не все окаменели душой. Но оставим этот разговор. Посмотри лучше на горизонт! Краски уже потускнели, еще немного — и они исчезнут!

Я равнодушно смотрел на небо:

— Все эти оттенки, так удивившие тебя, мне кажутся серыми...

— Потому что у тебя искусственные глаза?

— Да.

— Зачем ты приобрел их?

— Они избавляют человека от усталости, облегчают жизнь.

— Ты боишься жизни?

Его вопросы раздражали меня и вместе с тем будили нечто похожее на угрызения совести.

— Иди, не сбивай меня с дороги, — бросил я двойнику в гнев.

— Тебя уже сбили с истинного пути, но я хочу тебе помочь. Ты должен вернуться к настоящему...

— Не мешай! Ты расплещешь краску, которую я несу.

— Черную!

Он резко остановил меня, посмотрел прямо в глаза.

— Ты не художник. Ты... ты...

Несколько месяцев он не попадался мне на глаза.

Откровенно говоря, я боялся двойника. Отчего, отчего он преследует меня, отчего не дает жить спокойно, ни о чем не забываясь?

Он появляется тогда, когда я вспоминаю детство, и тогда, когда я беспечно веселюсь с друзьями. Появляется худой, из-

можденный. Может, это оттого, что его гложет неведомое мне горе!

Нас связывают с ним какие-то таинственные нити. Чем выше поднимался я по служебной лестнице, тем жалостнее выглядел он. Стоит мне получить большой гонорар — он впадает в нищету, собирая на кусок хлеба. Чем богаче и элегантнее мои костюмы, тем больше заплат на его ветхой одежде.

Но пусть он пеняет на себя! Попал под влияние красавицы Дурданы — лишился спокойной жизни! И все из-за какого-то вдохновения, каких-то мифических принципов. Ему не понять, что главное в жизни — преуспевать!

И вот он, моя Совесть, снова передо мной, словно призрак. Пришел поздравить меня, значит, и себя, с сорокалетием. Не забыл... А вот я уже стал его забывать. Легко без совести.

А он буквально читал мои мысли:

— Хочешь знать, зачем я пришел? Знай: тебе уже сорок лет! Зрелая пора жизни. Можешь ли ты сказать, что уже сделал что-то во имя великого искусства? Уверен ли ты, что люди будут помнить о тебе, о твоём творчестве?

Я постарался рассмеяться как можно беспечнее:

— Послушай, правдоискатель! Все восхищаются моими картинами. Критика считается с моим мнением. У меня появилось много учеников. И все они любят и уважают меня.

— Как ты наивен, — ответил двойник с горечью. — Да тебя просто боятся. В лицо тебя хвалят, восторгаются твоими ничтожными творениями, а за твоей спиной смеются над ними. Ведь ты, сознайся, в душе смеешься над тем, что публично расхваливаешь! И так вы все лицемерите!

— Хватит! — разозлился я. — Не болтай глупостей! Ты всегда завидовал мне, моему росту — отсюда все твои сентенции!

— Это верно, слава твоя растёт... А ты опускаешься все ниже и ниже...

— Замолчи, — закричал я, не в силах больше сдерживаться. — Ты лишь моя тень, жалкое мое подобие!

Он расхохотался впервые за много лет.

— Да знаешь ли ты, что я твой талант и совесть?! Ты не дорожишь своим талантом и потерял его. Я возвращался к тебе вновь и вновь, но ты гнал меня прочь! Так прощай же... Больше ты никогда не встретишь меня.

Он ушел...

Михаил ФЫРНИН СНОВИДЕНИЯ

(Записки сновидца)

— Перед читателем — сорок девять сновидений, увиденных примерно за двадцать восемь лет, начиная с 1962 года, когда сновидцу минуло семнадцать лет. Для записок отобраны разные картины, чтобы читатель мог сравнить их со своими и получил представление об их живой стихии.

Для постороннего глаза в них не хватает биографии сновидца (для одних — художественной, для других — документальной), которая могла бы связать их в одно целое — картину или повесть о человеческой жизни, освятив ее смысл причудливым светом иного мира. Без биографии, то есть без фактов, судить о сновидении почти что значит — судить о произведении искусства без истории человечества. И хотя мы знаем, что произведения искусства рождаются в сплетении судьбы автора, действительности и некой третьей таинственной силы, которую люди часто называют просто талантом, тем не менее искусство не нуждается в оправдании себя действительностью, ибо имеет свои законы, а значит, и свою причину существования.

Сновидение, думается, также не может и не должно претендовать (как и произведение искусства, ибо природа их, их источник представляются идентичными) на полное объяснение реальностью, потому что оно не сводимо в принципе к реальности. Хотя сновидение, как любое другое фантастическое явление, есть, видимо, следствие некоторой причины, оно тем не менее представляет собой явление, развивающееся самостоятельно и живущее по собственным законам. Одним из них является то, что сновидение несет в себе не только последствия неизвестной причины, но и нечто иное, что не может быть переведено на *другой* язык вообще. Ведь суть сновидения в самом сновидении, а не в «способе» получения его из действительности. Только анализируя содержание огромного множества сновидений (их сюжет, образность, философию), мы можем понять и смысл их в человеческой жизни.

То, что происходит в произведении искусства условно, в сновидении наполняется физическим смыслом происходящего, то есть не эффектом физического присутствия, а самим буквальным присутствием. Время и пространство — и это, пожалуй, одно из поразительных свойств плоти сновидений, превращающих сон в настоящую машину времени, всегда присущую человеку, — перестают существовать в том земном виде, в каком они обычно для нас являются. Значит, мир сновидений говорит о возможности другой «действительности» (или другого нашего

состояния), которая — пусть вторична, пусть второстепенна, пусть зависима от *нашего* мира (хотя, может, в этом-то и весь вопрос, вся загадка), но она есть, и мы каким-то непостижимым образом нуждаемся в ней. Как в физическом мире существует многомерность и многомирность, так и в сознании нашем, возможно, повторяющем строй целой Вселенной, ее колоссальный масштаб и фантастическую сложность, есть это свойство перехода в разные состояния, как бы пульсация от простого к сложному, от реального к мистическому, от бытия к небытию.

1. 1962

Полузабытый, полуисчезнувший в прошлом сон. Я просыпаюсь на непонятном ложе. Неясно помещение, где я нахожусь, хотя отчетливо работают память и сознание. Последнее чувствуется как-то особенно четко, даже подчеркнуто четко. Все остальное состоит в том, что мое тело напоминает разлагающийся труп со смрадным запахом (которого до сих пор я слышать нигде не мог, но который, уверен, зловонит именно так) и всеми остальными «принадлежностями» мертвеца. Только одно продолжает оставаться как постоянная величина — мозг, работающий как часы. Я в полном сознании, но оно тяготеет к тому, что жить мне, видимо, осталось совсем недолго. (Как сумел я сохранить его до смерти чистым, не знаю, хотя мне и подсказывается мысль, что смерть моя может быть и ранняя). Мною владеет одно ощущение — неуправляемого тела. Оно почти прах, а может, и совсем прах, только живое сознание не дает мне проникнуться полным реализмом мертвеца.

2. 1963

Около ворот старинного монастыря течет бесчисленная толпа простого люда. Поздний вечер, по глухой темени даже ночь раннего лета, но ни тепло, ни холод не заметны. Я нахожусь у самых ворот в толпе, движущейся одновременно в монастырь и из него. Я в темном современном костюме, но никто не замечает меня, не обращает на мою другую чуждую всем одежду ни малейшего внимания, будто меня нет. Глаза и души идущих устремлены к предмету своей цели — монастырю. Я лишь угадываю его громадные размеры, потому что не вижу ничего, кроме занимающей меня толпы, распахнутой створки ворот, где крестящиеся целуют образ богоматери, и кусочков черного неба с монастырской стеной. Вокруг — неизвестно чем освещены — одни напряженные, сосредоточенные лица. Одеты в длинные пепельно-серые рубища, опоясанные веревкой, люди шумят шарканьем своих ног, говором, который я не пытаюсь услышать или понять, ибо чувствую живую плоть этой толпы в духовном озарении. Разглядывая людей, я замечаю, что тоже куда-то двигаюсь; а после этой мысли мое движение становится

ся еще энергичнее, направленнее, хотя я по-прежнему не знаю, куда и зачем иду. Вместе с толпой я прошел одну маленькую улочку, затем другую, отделился от людей, направляясь туда, где никого не было, и наконец оказался в начале длинного тупика, расположенного между монастырской стеной и какими-то каменными строениями. Не понимая, *что и куда* меня влечет, но повинаясь велению, я уходил все дальше и дальше от улицы в глубину пустынного тупика. Я дошел почти до конца его, как что-то заставило меня посмотреть налево — на крепостную стену. Когда я приблизился, то на уровне своих глаз увидел картину (или икону) с изображением распятого Иисуса. И вдруг крест вместе с ним сделался выпуклым, отошел от стены и живой Христос задвигался, зашевелился в муках, а с рук его закапала кровь... И в ту же секунду я подумал: «Наверно, когда-нибудь я приду к Христу...»

3. Ноябрь, 1967

Я нахожусь в подземном ходе, оканчивающемся тупиком. Сзади меня, в стене тупика, лежит Нечто, что очень важно не только для других, но и для меня самого. В руках у меня пистолет, и я знаю, что буду стрелять в любого, кто посягнет на это Нечто. Передо мной, метрах в двух, от одной стены к другой проведена черта, через которую я не позволю переступить никому.

Не знаю, сколько времени прошло с того момента, как я стал охранять, но только в какую-то минуту из-за поворота слева, метрах в десяти от меня, появилась девушка. Сначала она кажется мне незнакомой, но у самой черты я узнаю в ней Л. Л. Я поднимаю пистолет и громко предупреждаю, что если она попытается переступить черту, я выстрелю. Она никак не откликается на мои слова, и я опять громко предупреждаю ее. Наконец, продолжая мило улыбаться, она приближается к самой черте, останавливается, открывает сумочку и... достав пистолет, стреляет в меня. Пораженный в грудь, я падаю плашмя на землю и, чтобы не потерять сознание — из груди около сердца хлещет кровь, и горячее влажное тепло пропитывает рубашку, — прижимаюсь к холодному камню. Когда холод его начал действовать и головокружение приостановилось, я смог приподнять голову: защелкивая сумочку, будто закрывая там что-то, Л. Л. проходила обратно. Собравшись с силами, я поднял правую руку и выстрелил. И в то же мгновение, когда Л. Л. стала медленно оседать наземь, меня пронзает мысль: «Как я мог выстрелить, ведь пистолет был не заряжен? И кто тогда его зарядил?..» И эта мысль, будто вспышка, в последний раз озаряет уже потухшее сознание...

4. 18 апреля 1973

От самого начала сна помню реку — глинистую, беспокойную, мутную; то с пологими, то с обрывистыми берегами, с ярким солнцем и с плывущими по ней в широкой лодке двумя слонами: слонихой и слоненком. Я нахожусь далеко от них, в медленно плывущей по течению узкой лодочке, их не слышу, но вижу совершенно отчетливо (и без очков). Слева, из маленького притока, выносит в реку почти подобную слоновьей, но немного шире, лодку, заполненную людьми. Она пытается повернуть в реку (по направлению ко мне) перед слоновьей лодкой, и это ей временно удается. Но то ли лодка не успела набрать скорости и слоновья ударила ее, то ли слон смог захватить ее хоботом (вдоль всей лодки с людьми лежал похожий на бревно широкий и длинный брусок дерева), но только они столкнулись, слоны рассвирепели и попытались разбить ее. Лодке удалось отплыть, и она ударила в правый от меня и пологий берег. Рассвирепевшая слониха вышла на тот же берег. Лодка вместе со слоненком исчезла. Я подумал, что слониха их сейчас сомнет, но она провалилась — под песком была трясина или слон был слишком тяжел для такого берега. Но каким-то образом слониха сумела подняться на задних ногах, приблизиться к лодке с людьми и обрушиться всей своей тяжестью. На месте лодки поднялся фонтан воды, как от взрыва, потом взлетели обломки, а огромное бревно встало почти вертикально... Я по-прежнему видел все совершенно отчетливо, хотя все происходило беззвучно. На мгновение мне стало жаль беглецов, но мне показалось, что они от кого-то или от чего-то спасались.

Потом картина меняется, и я вижу прекрасный берег изгиба реки. Около меня — я продолжаю плыть, стоя в маленькой лодке, — пологий склон берега уходит от воды направо и налево, а впереди река очень сильно сужается — почти до комнатных или театральных размеров. (Хотя она и около меня не очень широкая, то есть больше похожая не на реку, а на искусственный ручей). Впереди же, недалеко от меня, он сильно суживается, входит в крутые, совершенно отвесные берега и исчезает за правым берегом. Но что больше всего меня поражает — это изумительный по красоте вид этой местности, особенно реки, берегов. Я упиваюсь этой красотой и все время имею в виду ее как божественную, потому что никогда-никогда ничего подобного не видел. Моя лодка подплывает перед поворотом реки к крутому берегу, от которого вверх бежит неровная тропинка. Я выхожу на берег и поднимаюсь к кустарнику. Слышится шорох, именно шорох, и нечто вроде музыкальной мелодии — тихой, спокойной, ласкающей. Слева от тропинки, до обрыва, растет высокая, сантиметров в тридцать, шелковистая зеленая трава. Я касаюсь ее — она приятно ласкает руки, но немного колет, щиплет как наэлектризованная. Я ложусь на нее, испытывая невероятное, ни с чем не сравнимое наслаждение, и

понимаю, что если засну здесь, то мне будет так приятно, что я никогда не проснусь.

Но я не засыпаю. Каким-то усилием воли, сознания я сдерживаю это приятное желание. По тропинке все время идут какие-то люди — туда и обратно — и опять неведомым мне чувством я сознаю, что это — дорога в рай, на тот свет: а эти люди — из тех, кто пришел сюда, чтобы помочь тем, кто не может идти сам.

5. 5 мая 1973

Иду по городу в пасмурную погоду без дождя и со множеством луж. Потом внезапно вижу, как идут сквозь них машины, и только тут замечаю, что лужи поднялись уже до кромки тротуара и в мою сторону несется приливная волна. Вода все прибывает, и я замечаю, как останавливаются машины, с трудом — лишь на полной скорости — преодолевают ее трамваи. Я начинаю осознавать наводнение и бегу от него. После нескольких странных уличных картинок, которые не помню, вижу себя в переулке, заходящим за угол дома. Но, не успев зайти за угол, замечаю, как на соседней улице резко поднялась вода, как от ударной волны. Потом за высокими домами вижу какое-то могучее движение — вверх и вширь — и понимаю, что это атомный взрыв. «Не убереглись», — мелькает у меня в голове, и в бессильно и отчаянии я пытаюсь упасть за какую-нибудь преграду, чтобы защитить себя от яркого солнца, которое вот-вот начнет испепелять землю.

6. 18 января 1974

Я возвращаюсь домой в первом часу ночи. Выхожу на соседней, 3-й Парковой улице, чтобы не ехать на автобусе еще десять минут, а дойти к дому по бульвару. Идет проливной дождь. Небо все черное, нет ни одного светлого пятна. И в нем, на высоте, позволяющей видеть все отчетливо, летит тройка огромных ракетноносцев. Они видны как на ладони, потому что по корпусу от носа до хвоста горят яркие темно-красные огни; и как будто светятся красным цветом все их корпуса. Они кружат надо мной по гигантскому кольцу, но летят очень быстро. Я удивляюсь, как они держатся в воздухе при такой погоде, но мысль о том, что это, наверное, стратегические бомбардировщики и, следовательно, так и должно быть, успокаивает меня.

7. 23 февраля 1976

Болел сын Алеша. Я стоял у его кровати — небольшой, но широкой — и смотрел на него. Он начал сильно плакать, и я взял его на руки. Случайно я уронил платок ему на лицо, которое тут же передернулось ужасной гримасой, а глаза стали белыми навывкате. Я поспешно, но одной рукой (другой, левой, я держал его снизу) сдернул платок и похолодел. Все лицо его

было искривлено в сторону от меня, взгляд был совершенно безумный, невидящий и тоже направлен туда. Мне представилось, что он сошел с ума и в какой-то непонятной ему самому попытке стремится что-то выкрикнуть, но только слабо хрипит, и от этого страх охватывает меня. Я не понимаю, что с ним такое, от чего такое; мой ум не хочет мириться и видеть это несчастье, и в ту же секунду я чувствую, как мое лицо, рот искривляются в ту же сторону и, наверное, принимают вид такой же ужасной гримасы. Я понял, что со мной (может, от страха) случилось что-то подобное, вроде припадка безумия, и усиленно пытаюсь сопротивляться этому, но не могу. Из моего рта вместо простого чистого крика вырывается нечто дикое, безобразное, сдавленное. Я чувствую, как в меня проникает страшная неизвестность, и оттого, что мой ум не в состоянии понять, то есть отнестись к нему спокойнее, я кричу, но вместо крика у меня изо рта вырывается животный, нечеловеческий вопль. Я чувствую, что моя жизнь закончена, и если я еще буду жить, то в таком состоянии, что страшно подумать. Где-то в глубине сознания я мыслю вполне разумно, но что-то внешнее, как вихрь паралича и нервов, кружит над разумом и не дает ему вырваться на свободу. Я чувствую безумный страх от непонятного, мой ум отказывается с ним бороться, настолько оно мощно, сильно, неожиданно. Мое волнение и нервозность в какое-то мгновение начинают расти, впадают в ритмические (даже резонансные) колебания, частота которых начинает стремительно нарастать, и я чувствую, что вот-вот мозг мой не выдержит чудовищного напора неведомых мне сил и случится непоправимое... (И в этот момент меня будят.)

8. 17 мая 1976. О лифте

Я поднимаюсь на лифте в высотном доме. Почему-то он проезжает мимо нужного мне этажа. Я жму на «стоп» — безрезультатно, на 9-й — лифт проезжает и мимо него и с обычной скоростью продолжает двигаться вверх. Некоторая тревога охватывает меня. Лифт поднимается все выше, скоро последний этаж и тогда... В последней надежде я жму на «стоп», на цифры нижних этажей, но на лифте это не отражается. Я знаю, что через несколько секунд лифт упрется в потолок и, поскольку двигатель продолжает работать, трос неминуемо разорвется и лифт рухнет вниз. Но в это мгновение, перед тем как лифту удариться в потолок, двери неожиданно раскрываются на уровне пола в чердачном помещении. Я быстро выхожу, а лифт, пустой, продолжает идти вверх. Через несколько секунд, когда лифт упал, я слышу снизу крики, стоны, треск металла.

9. 9 февраля 1977. О пророчестве

Я находился в старом-престаром квадратном доме. Правда, внутренняя обстановка его была скорее древней, чем старой,

поскольку состояла хотя и из современной, но сильно износившейся мебели. При входе виднелась противоположная ему стена коридора, на которой было что-то изображено. Справа тянулся небольшой коридор, отделенный от основной комнаты перегородкой. Между перегородками и стенами находилась собственно комната, которая была заставлена шкафами, сундуками, гардеробами и другими старинными предметами. Их старость, я бы сказал даже, древность, я чувствовал каким-то особым чувством, ибо на всем лежала печать очень далекого времени и патриархальности (быть может, XII и ранее веков). Прихода своего в комнату не помню. Помню какую-то жизнь, потом суету и на всем печать этой патриархальности, которая стала вдруг сопровождаться ожиданием страшного пророчества. В один момент, когда отец ходил по комнате, я оказался в проеме стен, где увидел неизвестный портрет с изображением головы святого. Его взгляд был обращен в сторону комнаты. Внезапно со страхом подумалось: «А что если сейчас в нем что-то изменится?» Мне предчувствовалось знамение (как бы исходившее от этого портрета), за которым должно произойти что-то страшное. И, как это часто бывает, от мысли вдруг действительно стало происходить.

Я увидел, что портрет уже не тот, что минуту раньше, лицо и вся голова святого теперь ярко светились — и золотом, и красным светом, хотя он оставался недвижим. Я почувствовал, что сейчас произойдет то страшное, чего я жду, и бросился в комнату, где находился отец. Мне подумалось, что обычно в этот момент что-то проваливается вниз, в бездну, в ад. И в ту же секунду пол комнаты заколебался и пошел вниз. Я чувствовал быстроту падения, но глаз замечал некоторую его замедленность. Какой-то, почти раздетый сухой мужчина с поднятыми кверху руками спрыгнул на уходящий вниз пол со словами: «Ну вот, пришла и моя пора! Теперь мой черед. Всё!» Я не узнавал в нем отца, но я *знал*, что это он и только он, и потому закричал: «А как же я! Как же я буду жить один!» Голос мой, наверное, поколебал его решение (пол в эти секунды падал очень медленно), потому что был сильным, искренним, одиноким и совершенно безнадежным. Отец задержался и очутился рядом со мной.

10. 22 октября 1977

Что-то планетарно-катастрофическое происходило повсюду. Масштаб происходящего, превосходя все когда-либо чувствованное мною своей полнотой, подавлял всеобщностью трагедии, подавлял все мысли вообще, оставляя в душе чистоту безнадежды, чистоту абсолютного конца. Из неясных мне источников знания мне стало известно о близости неизбежной смерти. Везде всё рушилось, взрывалось, выходило из строя, погребало под обломками зданий тысячи людей — как будто

это был последний день и уже не имело смысла спасать людей, бороться за часы своей жизни. Сейчас в это всё действительно вмещалось все, что только может вместить в себя это слово, включая земную жизнь, надежды в личном и человеческом. Но спокойствие сопровождало меня в этот гибельный день. Я видел своими глазами всю катастрофу, ощущал ее масштаб, вмещавший, видимо, уже всю землю.

Катастрофа застала меня дома. Там было еще несколько человек, но я не запомнил их лиц. Одна картина врзалась мне в память: рушившиеся здания и я, надевающий черный костюм и берущий за чем-то документы. Наверно, я простился с отцом, зная, что мы никогда больше не увидимся. Простились, кажется, незаметно, будто мы не родные: всеобщность разрушения делала чувства ненужными и оставляла на душе лишь пустоту. Спокойным я и вышел на улицу навстречу всеобщему разрушению...

Куда-то летящий самолет: небольшой, но с длинными крыльями и немаленьким экипажем — помимо меня, летят четыре человека. Я — пассажир и с некоторым удивлением смотрю на те взлеты и посадки, которые совершает сидящий впереди меня летчик. Он спокоен — хотя я не представляю, как он будет взлетать на столь узкой улице, где полно проводов и высоких домов, — и это настраивает на спокойствие и меня. Первый взлет был для меня самым неожиданным: самолет после нескольких метров разбега пошел круто вверх (я с трудом успел уцепиться одной рукой за спинку сиденья летчика, второй — за скобу), буквально протиснулся между проводами и, лавируя крыльями, вытащил себя поверх крыш. Другой взлет я считал просто невозможным, но абсолютное спокойствие пилота, его занятость посторонними мыслями мешали напряжению, охватывавшему меня из-за опасности, и я чувствовал в себе такую же хладнокровность и спокойствие, как в пилоте.

11. 16 мая 1978. О взрыве нейтронной бомбы

Я нахожусь в комнате с Алешей, видимо, в квартире отца. Мысли мои заняты нездоровьем: в этот момент врач мне сообщил что-то неприятное. Я хожу по комнате и думаю о своей смерти в будущем. Глаза мои натыкаются на окно, и внезапно между домами я вижу вдали вспышку блесков, как после разрыва праздничной ракеты при салюте. Она немного удивляет меня своей точной шарообразной формой, и я догадываюсь, что это взрыв нейтронной бомбы. Шума я не слышал, все оставалось по-прежнему, как будто никто, кроме меня, не знал, что произошло. Потом откуда-то стало известно, что бомбу взорвали двое французов. Но пока о взрыве знал только я один. Мое настроение резко ухудшилось, а по прошествии

пяти минут, о которых я уже знал по статье в журнале, — мне сделалось просто худо. Причем я не ощущал боли в одном месте. Плохо было вообще, когда везде плохо. Мелькали мысли об Алеше, но плохое ощущение росло, и я пошел к соседке, якобы работающей в аптеке, чтобы попросить у нее яд. Хотелось умереть, не дожидаясь мучительных болей. Она открыла дверь, я что-то сказал ей... Потом, кажется, вернулся. Сейчас все *знали*. Но переживал и ощущал влияние лучей будто я один, поскольку до этого был нездоров, и должен был умереть только я — других это не касалось. Они разговаривали о бомбе спокойно, как о пейзаже.

12. 2 сентября 1978. Моршин. О смерти

С туристической группой я иду по братскому кладбищу в Ужгороде, всматриваясь в простые памятники павшим солдатам. Потом мы стоим на самом высоком месте кладбища (расположенного на склоне холма), окружая рассказывающего экскурсовода. Я отхожу в сторону, чтобы одному посмотреть вдаль. И вдруг вижу, как далеко-далеко в одном месте из-за горизонта появляются черные, будто даже жирные, клубы дыма. Они поднимаются вверх, потом медленно оседают и расползаются чуть ли не по всему горизонту, заполняя собой все пространство, где земля сливается с небом. «Я уже здесь — помни об этом», — слышу я в тот же миг голос своей мысли и понимаю, что это на Земле появилась моя смерть и я должен теперь с этим считаться.

13. 13 ноября 1978. О бомбардировке

Я на последнем этаже длинного и высокого здания и смотрю из окна на противоположный дом. Он такой же по высоте и длине и тянется параллельно. Я вижу, как пронесшиеся истребители — узкокрылые, соразмерные с массой автомобиля — сбрасывают бомбы, напалм. Соседний дом взрывается: с середины его до самой крыши взлетает столб дыма, огня, домашних осколков. Чувство опасности заставляет меня идти немедленно к лифту. Я спускаюсь с массой людей и удивляюсь сравнительному с ними собственному спокойствию. Выход на улицу сопровождается еще одним взрывом: где-то рядом рушится еще один дом. В это мгновение я вижу в пространстве между домами узкокрылый самолет. Вот-вот он сбросит бомбы. Я бросаюсь на кучу каких-то камней, щебенки и вжимаюсь в нее изо всех сил. Сильные и близкие взрывы нарушают на несколько минут или секунд мое сознание. Вместе с возвращением ощущений и жизни я слышу голоса людей и отчетливое мнение о себе одного из них: «Ранен в спину. Но будет жить».

14. 24 января 1979. О маме

Куда-то спешно я еду на поезде. Он перегружен людьми, которые едут в товарных вагонах. В поле поезд останавливает-

ся, и люди, чтобы не сидеть в вагонах, разбредаются по полю. После свистка паровоза все бросаются назад, но один не успевает, долго бежит по шпалам за поездом, пока не скрывается вдали. Некоторое время поезд мчится на всех парах, потом скорость его замедляется, и, въезжая в город, он вдруг видится мне не поездом, а трамваем. Передний буфер его после резкого торможения у перекрестка с трудом останавливается в полуметре от проносящейся мимо «Волги», где я различаю детей. Потом приезжаем на место, нам показывают трупы людей, но тут ко мне подходит мама и говорит, что не стоит здесь долго находиться. Мы выходим на площадь, сворачиваем на улицу и идем рядом. Когда она приближается с левой стороны, я кладу ей на плечо, как другу, руку и вижу вокруг лица, смотрящие на меня очень внимательными глазами, но я не обращаю внимания, что-то говорю и иду с ней. Иду, иду и держу свою руку на ее плече, обнимая, и мне отчего-то радостно и приятно.

15. 15 января 1979. О колдовстве

Приснилось, что я проснулся ночью и пошел на кухню. Не доходя до нее, из коридорчика, увидел там слабое свечение и как бы туман. Я на секунду приостановился, а потом тихо вошел. В темноте на неполном газу стояли две маленькие кастрюльки с длинными ручками. В них что-то варилось. Первой моей мыслью было броситься и погасить: наверно, я забыл перед сном все выключить. От сильного беспокойства, что газ горел всю ночь и выпарил всю воду, я разволновался, но, выключив газ, заметил, что в одной, левой, кастрюльке лежало белое мясо, похожее на курятину, а во второй — два яйца. Я в страхе отшатнулся, догадавшись, что не мог поставить на газ такое вчера вечером. Тихий ужас начал пробираться ко мне от мысли, что кто-то ночью варит здесь какую-то еду, как зелье. Она показалась мне подозрительной. Я понял, что это все неспроста. Вдруг я отвлекся и посмотрел в коридор: около ванны лицом к ней стояла ... Лицо ее было белое, как и полотно ее ночной рубашки. Она спокойно улыбалась, но сквозь улыбку просвечивала зловещая усмешка, которую она хотела скрыть. Видя, что я замешкался, немного застеснялся, она сказала: «Проходи», и я почувствовал в ее облике что-то зловещее, ведьмино.

(После этого я проснулся, и когда опять заснул, увидел другой сон.)

Раннее-прераннее утро, почти еще ночь, но мы встали. Мы — это я и несколько парней и девушек, которые в составе одной группы пришли и заночевали около реки. Еще не поднимается над водой туман, и стоит полная, яркая, чистая и высокая луна, но мы поднялись, потому что это зачем-то нужно, и делаем зарядку, чтобы разогнать сон и согреться. Все стоят лицом к реке и делают перед сияющей в чистом небе луной

упражнения. Один я не делаю, но несколько движений все-таки провожу, а затем сажусь прямо наземь и, согнув ноги в коленях, опираюсь руками на землю сзади спины. Некоторое время луна стоит неподвижно, потом медленно начинает скользить вниз, а еще через секунду стремительно падает на лес. Я хочу обратить внимание всех на необычное явление, хочу сказать, что в природе, видимо, что-то случилось, но почему-то не могу, валюсь навзничь, и темнота, полная темнота закрывает мне сначала небо с левой стороны до луны, потом с правой, а затем наступает крошечная тьма, и, опрокидываясь в какую-то бездну, теряя сознание, я успеваю понять, что ужасное случилось не в природе — с землей и луной,— а со мной...

16. 16 января 1979

Наводнение. Уровень воды в реке поднялся почти вровень с берегом, и остался один сантиметр, чтобы она начала переливаться через край. Я иду по камням вдоль берега и тяну на веревочке небольшую, меньше самой маленькой, автомашину. Сзади, на багажнике, ближе к реке, сидит Е. С. К-ва. Я подхожу к неровностям и сужениям в камне и думаю, как рискованно здесь сейчас продвигаться. При первом же наезде на камень машина входит в воду и быстро исчезает в глубине. Я смотрю в мутноватую воду и не вижу К-ой. Метрах в двух от поверхности что-то затемнело и задвигалось, и я услышал, как она сказала: «Ну подай же руку». Раздумывая, броситься ли в глубину или, имея опору в берегу, схватить К-ву рукой и попытаться вытащить, я застываю на месте. Вдруг из-под воды опять доносится ее голос: «Ну подай же руку»,— и я опускаю руку, нащупываю К-ву и вытягиваю на поверхность, а потом и на берег.

17. 4 декабря 1980. О фантастической комнате

Я попал в комнату, где стоял на табуретке или лесенке. Бросал мелкими камнями в светильники под потолком и на стенах, почти всегда попадая и пробивая в них небольшие отверстия, но сами лампы не разбивая.

Потом стал ходить по комнате, пол которой был покрыт небольшим слоем воды и чем-то еще. Самое удивительное располагалось по стенам — вроде бы на широких столах, крышки которых были похожи на куски ландшафта, настоящей земной поверхности. Каким-то образом пространство в них искажалось (хотя вокруг оно было обычным), клубилось — но не дымом, не паром, а как бы закручиваясь, перекручиваясь, пульсируя, то есть совершая объемные изменения и превращения, поверхность которых только и угадывал глаз. Глубина же, суть их была фантастически сложна, непонятна и недоступна, и, когда я в какой-то миг опустил свернутый зонт с другим, невоспоминающимся сейчас предметом, на эту неровную по-

верхность, пространство вокруг них забурлило, закипело (именно пространство, а не то, что было в пространстве), переливаясь или переходя из объема в объем и как бы набрасываясь на неожиданных пришельцев. Предметы же мои покрылись изморосью с блестящими снежинками, и еле заметный пар кружил вокруг них, передавая недовольство пространства. (В комнате же все время сохранялось тепло.) Кажется, я был немного напуган таким оборотом с предметами и вытащил их из него.

(Сейчас, после сна, мне почему-то кажется, что так реагировать могло только многомерное пространство, и ощущения мои говорят, что оно было как живое тело, то есть весь его прозрачный и заполненный другими предметами объем реагировал сам по себе, независимо от своей заполненности. Предмет и Пространство были сами по себе, но, искажаясь, Пространство с легкостью изменяло и очертания предмета, который из-за легкости изменения казался не объемным предметом, а всего лишь тенью от него.)

18. 29 декабря 1980. О самоубийстве

Я приложил небольшую бумажку к левой стороне груди и спустил в нее курок. Был выстрел, и я после некоторого мгновения опустился на пол. Не знаю, почему я решил покончить со своею жизнью. Может, просто от того, что устал, от невыносимости круга жизни или просто от того, что я мог это сделать, видел других в таком состоянии и после оказавшегося в моих руках пистолета не мог себя не убить.

Я ждал, что жизнь моя погаснет как свеча, едва оружие разрядит себя в мою грудь; и я проживу еще несколько мгновений по инерции. Но этого не произошло. Я опустился на пол комнаты, где рядом на кровати лежала Е., и какой-то голос внутри меня говорил, что я могу очень сильно пожалеть о своем акте, если не умру сразу. Продлив же жизнь на несколько мгновений неверным выстрелом, я получу такие страшные минуты, которые завершат мою жизнь самым ужасным образом.

Я лежал на полу и не умирал. Из-под бумажки, остававшейся все это время на груди, не появилось и капли крови, и я мучительно думал о напрасной, бессмысленной жизни, и неверной руке, и неверном решении. Текли мгновения, и мне захотелось отдалить свой ужасный конец, используя хотя бы шанс на спасение. Я попросил Е. вызвать «Скорую помощь». Она села к телефону звонить, и через какое-то время я почувствовал, что я — живу и вряд ли сейчас умру, потому что крови и физической боли нет. Встав, я подошел к телефону, где Е. говорила с какой-то пожилой женщиной, и попросил не вызывать врача. Она отняла трубку и, прикрыв ее рукой, переспросила, правильно ли поняла, что я не хочу вызывать врача. Я ответил, что да, и отошел от телефона.

19. 9 января 1981. О стихийном бедствии

Я где-то в Москве с больным отцом. В городе пусто, ураганный ветер свистит среди развалин, в которые превращены дома, целые улицы и, я думаю, весь город. Начинается наводнение. По многим улицам гуляет вода, уровень ее все поднимается и поднимается. Я знаю, что люди покинули город из-за опасности, идущей с северных морей. Там, далеко от берега, рождаются гигантские волны и бешеные порывы ураганного ветра. Они обрушиваются на сушу, и от них нет иного спасения, кроме бегства. Но я не могу убежать из Москвы: отец не ходит, а перенести его дальше, к югу, нет никакой возможности. Катастрофа же нарастает. По радио я узнаю, что те волноломы и преграды, которые на пути страшных волн создали наши люди, пришлось уничтожить бомбежкой, так как они во много раз почему-то усиливали высоту и силу волн и скорость ветра. Я знаю, что Москва теперь ничем не защищена, что вот-вот гигантские волны моря дойдут до ее развалин и смоят все с лица земли. Я думаю, как спастись, но придумать ничего не могу, потому что не могу оставить отца, пусть больного и доживающего последние дни своей жизни. Но пока я думаю, что-то вдруг сильно меняется. Я выхожу из нашей, еще пока целой комнаты, и вижу, что все замерзло, что под ногами моими твердый лед вместо воды, а в воздухе носится белесый туман и успокоение.

20. 4 октября 1982. 9.00—11.00. Сон о космической трубе

Я где-то с братом, сестрой, племянником и другими близкими родственниками. Наверное, за городом, но недалеко; вокруг — невысокие холмы, лесочки, кустарник. Меня привлекает небо, хочу смотреть на него. Оно затянуто толстым слоем непроницаемо густых серых облаков. Но, присмотревшись, я отчетливо (без очков) вижу на большой высоте (десять тысяч метров — откуда-то я это знаю) очень яркий шар, соединенный тонкой трубкой с блестящим, выпуклым в противоположную от шара сторону круглым диском. Шар похож на глобус, все части света которого удивительно ярко видны мне. Сооружение это плывет шаром вниз, сейчас он сбоку, но скоро будет над нами. Я вспоминаю про свою подозрную трубу, бегу домой. беру трубу и быстро возвращаюсь, недовольный тем, что кто-то брал ее и не задвинул окуляра, бросил ее открытой. Потом начинаю водить ею по небу, высматривать шар, но шар исчез, исчезли и блески, возникавшие между диском и шаром, которые я видел невооруженным глазом. Я продолжаю искать, смотрю через трубу на небо, но ничего не нахожу, кроме облаков. И вдруг вижу звезды с чернеющим космосом. Откуда они? Несколько секунд я продолжаю смотреть, ничего не понимая, потом отнимаю трубу от глаз и вижу, что надо мной — почти надо мной, но не надо мной, а где-то вблизи — в облаках об-

разовалась дыра, через которую чернеет бездна космоса; даже не дыра, а настоящая труба в облаках, с толстыми закругленными краями, с внутренней плотной и гладкой, отчетливо вертикальной стенкой трубы (но составленной из облаков). Диаметр трубы был, наверное, близок километру, а то и больше, мой глаз затруднялся определить точнее. И что-то не давало облакам затянуть эту дыру. Что-то таинственное, страшное, подсознательно страшное проникает в меня. Мне кажется, что я слышу, даже наверняка я именно слышу — не воздушную сирену, не любой другой звук — создание рук человеческих, а что-то не наше, не человеческое. Оно разлито было по всему пространству, слышалось всеми в каждой его точке и представляло собой пронизывающую своим неземным происхождением музыкальную ноту, схожую с басисто-звонким гудением. И было в этой ноте что-то грандиозно напряженное, звенящее, будто только что потревожили миллионкилометровую космическую струну (или самого Космического зверя), которую никто никогда не трогал и не должен был... Этот звон, или звенящее гудение, или космический колокол, или рев неведомого Космического зверя предвещал что-то страшное, зловещее, что могло только произойти впервые за биллионы биллионов лет, и будто это могло уже начать происходить. Будто человечество (во мне, через меня) — притронулось к зловещей тайне, к которой оно никогда не должно было притрагиваться, знать или пытаться знать. Это была одна из тех тайн природы, которую знать было нельзя, потому что знание тайны раскрывало воздействие потусторонних сил и, значит, выпускало их (и в нашем уме) на волю.

Мне кажется, что это слышат все. Люди начинают собираться и уезжать из лесочка, с полянок, от дороги в некотором беспокойстве. Труба возвышается над нами своими высочайшими стенами, уходящими от 100 или 200-метровой высоты до самого космоса, до его черной вязкой материи. Не смотря на нее, быть может, даже ее не видя, люди бегут, лишь только ощущая, наверно, то же, что и я, — близкую, хотя и предупреждающую о себе опасность...

Мы в каком-то автобусе, ведет племянник; на ходу автобуса, улыбаясь, брат успевает нажать кнопку, раскрывающую задние двери, куда впрыгивают все остальные.

21. 23 июня 1983

Я был в детстве, взрослым. Ходил по Преображенской площади, видел все, что было тогда там: дома, переулки, грязные тротуары и стены с обсыпавшейся до кирпича штукатуркой, землю между булыжниками, разное — очень старое время.

Я шел по Палочному переулку и Суворовской улице и плакал от того, что видел все это; я чувствовал, что детство —

настоящее, неподдельное, неиллюзорное человеческое счастье, единственное. Я сильно радовался и от радости плакал, плакал своей радостью. Бродил, смотрел и плакал. Много было знакомо, многое вспоминалось. Только одна деталь, только один предмет останавливал взгляд своей неожиданностью — впрочем, какой-то небрежной, неловкой, почти не заметной, но все же чем-то мешающей — и как бы мешал мне полностью отдаться радости и слезам. Он лежал на грязной мостовой, в грязной одежде, которая при моем приближении становилась все отчетливей, с разбросанными или отлетевшими от человека — я понял, что лежит человек, — разными свертками, лентами и другими комками или пакетами. Я подошел вплотную и увидел — ее. О боже! Это была моя мама. «Мама. Почему ты здесь? Зачем эти свертки? Не падай». У нее не держалась голова, когда я ее приподнял. О боже! Мне стало страшно от ее униженности, беззащитности, бессознательного состояния. «Зачем это? Нам ничего не надо. Не унижай так себя». Я вдруг понял, что мы не стояли ее унижения, ее беззащитности, вот такого ее положения, всей этой неловкой позы на мостовой.

22. 27 августа 1983. О волках

Я разговариваю с Димой И. и еще одним неизвестным мне человеком. Мы стоим в коридоре длинного этажа непонятного мне здания. Около нас коридор расширяется и образует нечто вроде холла. Мы разговариваем о чем-то малозначительном, и во время разговора я начинаю отвлекаться, рассматривать холл и вижу, что недалеко от нас, в нескольких метрах, на тумбе стоит легавая собака, которую стаскивает окружившая ее свора волков. Клубок их перекатывается вокруг тумбы. Волки — вытянутые, с широкой грудью, тощим задом и длинными хвостами. Они похожи на собак, но не собаки. Я вижу, как исчезает с визгом в волчьей пасти сначала задняя часть тела собаки, а затем и все остальное. Я многозначительно смотрю на собеседников, и они молча понимают меня. Медленно, стараясь не привлечь внимания стаи, мы отходим в сторону, а затем бросаемся от волков. Они увидели это и устремились вослед. Мы успеваем скрыться за дверью, даже не дверью, а только половинкой двери (ведущей в какую-то квартиру), потому что второй, верхней, половинки, у нее нет. Волки с ходу наваливаются на дверь и друг на друга, не делая попытки перемахнуть через дверь, что для нас окончилось бы трагически. Дима, с трудом сдерживающий дверь, спокойно бросает: «Долго я держал ее не смогу». Понимая наше положение, я начинаю копать на полках шкафа в поисках орудий защиты. Но полки пусты, я нахожу одну старую круглую батарейку, которую не решаюсь бросить в нападающих, чтобы не вызвать большей злобы и усиления натиска. Еще несколько

минут я рассматриваю полки, но потом вижу, что они пусты, и поворачиваюсь к двери. Волков нет, дверь свободна. «Кто-то им, видно, помешал. Они удрали,— говорит Дима.— Наверно, кто-нибудь вышел в коридор». Я слушаю его и смотрю в длинный пустой коридор.

23. 8 сентября 1983

Я вижу, как с открытым гробом матери ложится рядом в другой гроб отец. Он тяжело укладывается, мучается умиранием и никак не успокоится. И от его попыток умереть вдруг начинает шевелиться и оживать до того лежащая неподвижно в соседнем гробу мама. И это — возвращение к жизни уже ушедшего из нее человека — кажется мне самым страшным.

24. 14 сентября 1983

Опаздывая, я сажусь не на свой корабль. Понимаю это, когда он отошел от причала и стал поворачивать в открытое море, огибая берег. Несколько других человек, посмотрев на лица пассажиров, обнаружили то же самое. Я пытаюсь что-то предпринять и нахожу офицера, который проводит меня коридорами, лестницами к борту, и в последний момент, когда борт корабля проходит мимо изгиба берега, мы спрыгиваем на него. Я понимаю: мой корабль ушел, и мне ничего не остается, как ждать другого, а он будет через продолжительное время. Я решил продать свою «Волгу» (якобы имеющуюся у меня) офицеру и ждать нового рейса. В этот момент сообщили, что *м о й* рейс задержали на 20 минут в связи с опозданием большого количества пассажиров. Я прощаюсь с офицером и иду через залы, лестницы, переходы к своему кораблю.

25. 6 октября 1983. Остановленный сон

Я стою на улице, похожей на Сиреневый бульвар около 5-й Парковой, только слева, совсем близко от меня, висит большое здание (которого наяву нет). Остальные дома видятся мне как бы в уменьшенном размере и только вдали, где-то за или перед Щелковским шоссе виднеется странное громоздкое здание.

Все освещено зловещим сумрачным светом. Внизу, между домов, еще есть чернота, но сверху, в воздухе и в небе, висит слабый свет, как в сумерках. Откуда он — неясно, и его присутствие кладет зловещую краску на всю картину. От шоссе и вроде от самого этого здания я вижу вспышки света, как от сварки, быть может, лязг металла и чей-то отчетливый громоподобный голос. Не помню, что он говорит — кажется, что-то приказывает всем людям (я замечаю их малочисленные крохотные фигурки вокруг себя на бульваре), и голос его разносится по верху домов и как бы отражается всей своей силой от самого неба, рождая внутри меня пока еще *тихий* ужас,

подобно страницам из романа Уэллса, где действуют марсиане с их непонятным и потому страшным оружием. Голос то замолкает, то снова возобновляет свою приказывающую речь, и мне делается все страшнее, и все навязчивее становится мысль о грозящей всем беде, если только не катастрофе.

«А может, это просто сон?» — приходит мне на ум, как бы в последней надежде, слабая утешительная мысль, и я *впервые* начинаю думать, что не хочу знать, что произойдет дальше, и я еще раз себе повторяю, ни на что не надеясь, что это *о* знать не хочу...

(После этой мысли сон сразу кончается, и я просыпаюсь.)

26. 17 января 1984

Помню разлитую в природе грусть. Все вокруг сумрачно, печально — и не убить себя нельзя. Все смешано смутой, и она одна, пронизывающая сплошь весь воздух, все пространство — грустное пространство, — тревожно искажает предметы: дома, столбы, строения. Сумрак — как при солнечном затмении. Такой же, наверное, тревожный, но гуще и... водянистее. Он будто составляет одну плоть, смешивая пространство с предметами. Солнце есть, но оно низко над горизонтом, и какое-то маленькое и кажется даже — черноватенькое. В нем нет ничего от светила, от беспредельного звездного пространства; я лишь угадываю, что это солнце. Оно почти сливается с земным, предметным миром, потому что похоже чем-то (может, предметностью же) на все, что вижу на улице.

Я совсем один — в душе, на улице, во всем городе. И я чувствую, что это — мое ощущение. Волна обычной душевной человеческой смуты заливают меня до звериного воя, до повешения.

27. 20 января 1984

Яркий солнечный день. Я стою у края бассейна, похожего на неширокую речку. А может, это и есть речка, только один берег у нее как бы от бассейна. Передо мной, метров на семьдесят, блестит неглубокая вода, в которой множество людей стоит по пояс и нежится на солнце. По обе стороны — простор как в поле, и не видно ничего, кроме светло-голубого неба да действительно каких-то полей. Почти никто не плавает, а только стоит в такой же яркой, чистой, светлой, как день, воде и смотрит на блики.

Справа от меня оказывается Ю. И. С. Мы решили проплыть под водой и думаем, кому это сделать первому. Я почему-то не хочу плыть вначале, но жду, что скажет он. Ю. И. говорит, что первым поплывет он. И в ту же секунду я чувствую, что если он сейчас нырнет, то уже не вынырнет, утонет. Но как мне сказать об этом ощущении? Рядом с Ю. И.-чем — высоким, мужественным, красивым той красотой, которой обла-

гораживает человека ум,— мое предчувствие кажется смешным, наивным, несерьезным. Разве можно такое говорить ему. И я не решаюсь. Ю. И. надвигает на глаза очки для плавания и, отталкиваясь от бортика, уходит под воду. Я жду пять... десять... пятнадцать секунд... минуту... и вдруг чувствую, что его уже нет.

28. 29 июня 1984. Сочи. 7.30—8.00

Я хочу взобраться на какую-то гору. Я знаю, что мне очень н у ж н о туда забраться и очень в а ж н о. Но множество разных людей, усеявших весь холм и неширокую лестницу, ведущую к вершине, цепляются за меня, стараясь всеми силами не пустить меня наверх — отталкивают меня, отбрасывают, мешают любыми способами — и им это удается. Это молодые, старые, больные, здоровые, мужчины, женщины, старики, старухи, дети всех возрастов. Уже пять или шесть раз я пытался подняться на вершину крутого холма, или по ступенькам лестницы, или по склону, но мне все мешали. И вот я стою внизу, отброшенный в очередной раз. И внезапно решаю: «А почему я не могу, почему я не должен хотеть того, что хочу? И кто может, кто смеет мне воспрепятствовать, если я захочу?» «Я все могу,— думаю я.— Почему я здесь, внизу? Я же в с е м о г у сделать! И вот сейчас я разбегусь и заберусь наверх, и никто мне не помешает. Это все придумано только, что я «не могу». Я тут же разбегаюсь и, обегая, увиливая от хватающих, цепляющих рук, добираюсь наконец до вершинной площадки. Едва я переваливаю край и останавливаюсь, чтобы перевести дух, немного радостный, что достиг вершины... как вдруг справа от меня замечаю пожилую женщину. Поворачиваю голову налево — тут другая. Как бы по инерции я повернул голову назад, хотя был уверен, что и там они стоят тоже. Я понимаю, к т о они, и уже начинаю чувствовать их магическую черную силу, сквозь которую прорваться будет тщетно. Обреченный, я знаю, что о т н и х - т о уж спасенья нет. И в ту же секунду, озаренный внезапно пришедшей мне на ум мыслью, я кладу крест на первую женщину. И сразу она становится плоской, как на картине, изображение ее искажается, плывет на одном месте в воздухе, колеблется, как на экране телевизора... Я крещу вторую — с ней то же самое, потом остальных. Они все поплыли, исказились, будто по их телу прошла волна, сделавшая их бесплотными, слабыми духами, и они стали таять в воздухе... Ощущение огромной полной свободы и радости освобождения заполняет меня.

29. 9 июля 1984. 8.00—9.20. Об обстоятельствах и нашей воле

Меня приговорили к расстрелу. И я должен был выйти из здания вместе с другими осужденными, и на выходе нас должны лишить свободы и повезти приводить приговор в исполне-

ние. Я не пойму, в чем дело, и мучаюсь неясностью и вместе с тем неотвратимостью, безысходностью положения. Что же все-таки произошло и почему такая жестокая кара, тем более — сегодня, в наше время, не в тридцать седьмом? Я не помнил за собой никакого тяжкого проступка, за который можно было назначить такую казнь. Вначале мне даже не приходит мысль о сопротивлении приговору. Я становлюсь в общую очередь приговоренных, которых оказывается немало, и медленно двигаюсь к выходу. Но по мере приближения к нему я начинаю сознавать, что в приговоре что-то не так, несправедливо, и, стоя в этой очереди, я как раб иду на заклатие. «Другой бы на моем месте... — думаю я и вдруг решаю: — А почему не я? Почему я не могу попробовать что-то сделать против того, что мне кем-то уготовано?» И я выхожу один из очереди, начинаю искать по зданию, где бы спрятаться до времени, или запасную дверь, через которую можно было бы незаметно выбраться наружу. Сначала я хожу по одной части здания, напоминающей помещения филфака МГУ на Моховой (где я учился), и слышу голос А-ной, говорящей кому-то, что меня приговорили к расстрелу за роман, который я пишу. Я стремительно прохожу по всем коридорам и комнатам, где дают знания, и не нахожу там выхода. Потом иду в другую часть здания и начинаю искать там. Она напоминает мне школу Валентина Ш-на. Я встречаю его и прошу помочь. Он находит для меня другой выход. Я встаю в хвост очереди, двигающейся довольно быстро, и уже предвкушаю свободу. Но вдруг слышу, как сзади меня какой-то мужчина бубнит вслух, будто разговаривает сам с собой: «Они думают, что выйдут отсюда. Они и не знают, что за дверью проверяют, не попал ли сюда кто из приговоренных». Тогда я возвращаюсь в коридор, понимая, что рисковать нельзя, и опять встречаю Валентина. Не говоря ни слова, не удивляясь, как будто по-прежнему речь идет о сущей для него безделице, а не о спасении жизни человека, он ведет меня лестницей, коридорами. Мы спускаемся, поднимаемся, опять спускаемся, выходим в маленький коридорчик при его комнате в школе, и он толкает рукой дверь. Она открывается — и я вижу ступеньки маленькой лестницы с перилами, дерева и чистое голубое небо.

30. 28 августа 1984

...Я только крестился. Поднимал руку и медленно, ощущая каждый сантиметр движения руки, клал на себя крест. Один... второй... третий... От чего-то хотел спастись, в чем-то предостеречься, от чего-то уберечься. Как только персты после вертикального движения шли к левому плечу, у меня изменялось дыхание. Волна какого-то приятного, облегчающего движения возникала в душе моей, а в левой стороне груди, там, где сердце, из глубины восходило нечто размягчающее,

успокаивающее. И я весь сосредоточивался там, где было это удивительное успокоение-радость. Она была для меня чем-то фантастическим по способу или причине проявления и самым реальным по ощущению, по осознанию этого состояния, по самому действию. Я был в радости как в тумане — видел только свою грудь, движущуюся правую руку... Остальное было во тьме.

31. 7 сентября 1984. 8.00—9.00

Куда-то иду утром, вероятно, на работу. Вокруг меня снуют спешащие люди. И вдруг вижу на мостовой цепочку слепых, держащихся друг за друга. Первый — высокий, прямой старец с белоснежными волосами и бородой просит (кажется, просит, но, быть может, я и сам понимаю, что нужно им помочь, ведь поводыря нет) меня вести их. Мне неловко, как будут смотреть на это люди, что скажут. Несколько метров — с десятком — я провожу за руку эту цепочку, заодно разглядывая состоящих в ней путников. Большинство из них — пожилые мужчины, а последний — чуть ли не отрок с картины Иванова «Явление Христа...», но немного взрослее. Чем дальше я с ними иду, тем неловкость моя смущает меня все больше и больше, и, не будучи в состоянии выдержать ее и взгляды окружающих, которые, мне кажется, только и устремлены на меня, я, уловив момент, когда первый слепой, которого я держал за руку, оглянулся назад, отошел от них в сторону. Я почувствовал в душе неловкость, стыд — как-то они теперь будут без меня, — но ничего не мог поделать с собой.

32. 11 октября 1984. О течении судьбы

В Москве наводнение, точнее, Москва уже покрыта толщей океанской воды, такой толщей, что город залит 40—50-метровым слоем. Вода движется куда-то, несется, но нет волн, нет той бурной среды, которая бывает при шторме. Ибо несет *в с ю* воду. Я нахожусь в ее потоке (даже и не в потоке, потому что в ней нет потока, она сама — поток, сама — движение всей своей громадности) словно пушинка, пылинка или что-то другое, но такое же безмерно малое по сравнению с океаном, что не тонет, не бедствует (потому что слишком мало для этого, слишком ничтожно и даже не может всерьез погрузиться в воду из-за несоизмеримости объемов), а лишь стремится куда-то вслед неведомому движению самого же первозданного океана, как шарик от пинг-понга. Я нахожусь в широчайшей лавине воды, вижу ее чистый зеленовато-изумрудный оттенок, почти зеркальность ее глади. Я ничего не боюсь, не страшусь — ни того, что могу утонуть (да это и невозможно), ни — ближайшего будущего; я только весело и азартно наблюдаю, как несет меня на поверхности воды, и радуюсь этому. Вот 60- или даже 100-метровый (по высоте)

поток (не бурлящей, а почти гладкой, хотя и не совсем ровной поверхности) заворачивает вокруг Исторического музея (а он, как и Красная площадь, почти скрыт под водой, кроме шпилей и башен да крыш соседних с ним домов) и устремляется вниз с 20—30-метровым перепадом высот туда, где скрыта Манежная площадь. Я начинаю замечать, что я не один, что меня несет с кем-то, но понять не могу. Затем вижу, что это девушка. Поток несет нас все дальше и дальше, со множеством поворотов, различных загибов вокруг крыш, потом — вторых этажей и... вдруг спадает в один миг, и мы остаемся на пустой чистой улице. Некоторое время мы идем рядом. Потом она поднимается в воздух, так, будто продолжает идти, только с небольшим наклоном вперед и замедленно; я — за ней, и мы или от удивительной легкости чувств и тела, или от особого состояния мира (невесомости) сближаемся на лету.

33. 18 декабря 1984. 7.00—8.10. О плаче

Я на горной вершине, которая связана с десятью или даже с пятнадцатью вершинами других гор, словом, на целом хребте вершин. Я еле держусь на нем — ширина скалы с камнями и землей меньше метра и постоянно изгибается — из-за высоты, узости площади, где можно держаться и т. п. Но мимо меня по хребту проскакивает на полном ходу сначала один, а потом больше десятка мотоциклистов, которые на своих ревущих, мощных машинах несутся по самой кромке вершинного камня. Я держусь с трудом, но больше удивляюсь тому, как им это удается...

Я вхожу в залу, похожую на приемную комнату царствующей особы. Несколько секунд жду и вижу, что из двери выходит женщина и, остановившись метрах в пяти от меня, замирает в полуобороте, как бы даже и не обращаясь ко мне и не замечая; и молчит. Я падаю ниц и что-то говорю, а потом начинаю рыдать, и слезы эти — откровенные, открытые, бесстеснительные — вдруг доставляют мне огромное, неимоверное облегчение. Я и плачу, и рыдаю от какой-то искренности, а больше от радости, свободного выражения чувств.

(Просыпаюсь я необычайно бодрым, с большим подъемом, пытаюсь сразу вытереть слезы, настолько сильно ощущение рыдания, но — глаза сухи. Я будто от чего-то освободился, и мною владеет чувство легкости, душевной мягкости и бесконечного терпения.)

34. 24 мая 1985. 7.45—8.35

Я вошел в большую комнату после работы и, побыв в ней несколько минут, почувствовал, что в ней что-то не то, что в ней что-то изменилось. Но если вчера подобное ощущение лишь

промелькнуло, то сегодня оно *уже* проявилось: стол был сдвинут к стене, где стояла кушетка, а сама кушетка подвинута к стенному шкафу. Возникла мысль о недобрых людях, забравшихся с дурной целью в чужую квартиру. Но как они могли войти без ключа — ведь дверь-то была заперта, — оставалось неясно. Вместе с тем результат чужих действий оказывался налицо, и я не знал, что предположить. Дверцы шкафа распахнуты, и внизу его видны голые стены и пол. А на месте стола, чуть правее, в полу появилось отверстие чуть ли не в квадратный метр или более, а там — какой-то ход с освещением. Видны нагромождения из крупных ящиков. Я не понимал: вроде бы все на месте и вроде чего-то недостает, будто украдено. В стенном шкафу исчезли, правда, какие-то старые вещи, но считать их за потерю невозможно. Однако же я чувствовал, я видел — кто-то был, кто-то передвигал все это.

35. 27 августа 1985

Я у окна в каком-то учреждении на берегу Волги. На другой стороне видны огромные работы по строительству моста: залежи строительных материалов, краны, домики рабочих, сложенные штабеля кирпичей и даже начатые возводиться опоры у самой воды. На моей стороне — гладкий берег, нет не только строительства моста, но и никаких работ вообще. Меня что-то отвлекает в комнате, но чей-то возглас заставляет вновь обратиться к окну: на другой стороне, на месте строительства взметнулись мощные взрывы, пламя, и все покрылось дымом. Никто не понимает, что там происходит, но все сожалеют о погибших работах, людей погибших будто нет.

36. 10 декабря 1985. О снятии тяготения

Я у Алана Владимировича Ч. в небольшой, метров в четырнадцать, комнате. Вдоль стен ее расставлены какие-то предметы, мебель, есть умывальник, газовая плита. Кроме меня, в комнате находятся его жена, теща, сынишка лет двух-трех, с которым уже минут пять как я разговариваю. Потом появляется Ал. В., и я обращаюсь к нему, говорю, что у меня вроде ничего не получается. Он начинает обычную жестикуляцию, а потом поднимает согнутую левую руку, задерживает над собой, затем плавно опускает в пространстве между нами. И в тот же миг по всему моему телу, как бы продолжая движение руки, сверху вниз проходит непонятная волна, которая освобождает меня от веса и тяготения. Когда волна дошла до моих ног, сбросив все путы тяжести, я почувствовал необычную легкость, физическую свободу и, оттолкнувшись — не от пола, а будто от чего-то другого, о чем я узнал только, когда волна соскользнула с моих ног, — медленно, осознавая способность управлять своим полетом, поднимаюсь в воздух, на полметра. Во мне — множество необыч-

ных чувств и радость, показывающая, что снято не только тяготение, но и все-все земное, что раньше было и что связывало меня с Землей.

37. 10 мая 1986

Я стою около окна и смотрю в небо над соседним домом. И вдруг вижу блестящий металлический стержень с расходящимся книзу как бы абажуром. Я стараюсь заглянуть под абажур и узнаю в нем космическую трубу, через которую можно увидеть космос и звезды. И вспоминаю, что это та труба, которую несколько лет назад я видел во сне. «Значит, она возвратилась ко мне», — с некоторой радостью думаю я и пытаюсь, немного передвинувшись, заглянуть в нее снизу. Но это плохо удается.

38. 21 июня 1986

Я осматриваю себя в зеркале и ужасаюсь: ноги стали в два раза толще, руки тоже, туловище потолстело еще более нимоверно, по всему телу, особенно по плечам, пошли какие-то странные вспухшие болячки. Лица своего вспомнить не могу, но и не обращаю на него внимания, я весь занят ужасным своим состоянием — мне неприятно, жутко...

Я вижу себя на лестнице, делающим что-то с потолком или со стеной. Мне нужно поднести какую-то вещь, и я с неприязнью, что меня увидят на лестнице, жду то ли К-ва, то ли А-ва. Мне неловко наверху, я с трудом удерживаю равновесие...

39. 1 июля 1986. Пицунда, 16.00—17.00

...Отец лежит на полу какой-то большой комнаты, которую я никогда не видел. Ему стало резко лучше — сам твердо и легко ходит. Вижу раскрытый, разломанный, пустой, но работающий холодильник, и думаю, что отца нельзя выпускать на улицу — все знают, что он умер, и у него нет паспорта. Что же мне делать?..

40. 7 июля 1986. 14.00—16.00

Я смотрю в зеркало и вижу себя пожилым, представительным мужчиной, хорошо одетым, с упитанным лицом и т. п. Выделяются из внешности почему-то одни волосы — ослепительно белые, пышные, уложенные с красивым пробором.

41. 28 июля 1986

Я за городом в Ж. Жена спит в саду в небольшой беседке. Я обхожу сад, вижу тучи на полнеба,двигающиеся к нам, и вдруг замечаю далеко в небе, именно далеко, это первое, что бросается в глаза, космическую трубу, которую видел во сне когда-то. Значит — он повторился, но труба от меня далеко.

42. 7 августа 1986. 3.30—6.50

Мы с Ольгой (женой) на отдыхе у моря, в Пицунде. Стоим около места, что неподалеку от пляжа. Весь берег, кроме песчаной полоски, состоит из небольших холмиков, оврагов и т. п. Я выглядываю из-за холма, за которым начинается пляж, и вижу, как по пустому пляжу гуляют длинные мощные волны. Все море почернело, потемнело и небо, пропало солнце, и вся природа стала суровее, пасмурнее. Море необычайно волнуется, и я понимаю, что начинается шторм или даже ураган. Мне показалось, что далеко в море появилась высокая волна, которая движется к нам. Поняв опасность, я схватил Ольгу за руку и потянул от берега, пытаюсь на ходу объяснить ей причину поспешности. Немногие люди вокруг побежали тоже. Я думаю, что нам надо скорее найти холм или что-нибудь возвышающееся. Иначе не спастись — идущая волна смоем все сооружения или разрушит. Мы бежим вдоль котлована, карьера, каких-то насыпей, и я ищу глазами хоть какую-нибудь возвышенность. Впереди справа вижу небольшой подъем на горку. Мы бросаемся к ней. Волны еще нет, хотя, по моим предположениям, она должна была уже вломиться на берег и настигнуть нас. Кое-как мы взбегаем наверх по склону и подбегаем к небольшому строению. Входим. Внутри — совсем крохотное помещение. Еще подбегая, я понял, что мы можем чувствовать себя здесь совершенно спокойно и в полной безопасности. Сюда никакие волны не дойдут. Мы оказываемся в домике Валентина и Лены Ш-ных. Мы успокоились. Я выглядываю наружу и вижу, как на побережье, во всей его глубине, обрушивается монолитная стена волны, сразу сравнивающая все холмы и впадины в одну почти ровную поверхность моря. Что-то ужасное, страшное, катастрофическое творится там, внизу...

43. 10 августа 1986

Я в старшем классе школы, сижу на стуле между окном и партами. Напротив меня двое мужчин или, вероятнее, мальчишек. Мы о чем-то говорим, и во время разговора я вдруг замечаю, что пляжный шлепанец с завязками, висевший на стуле, вдруг начал подниматься вверх. Я закричал: «Смотрите...» — и взялся за него. Он медленно продолжал свой подъем, но сила моих рук заставляла его опускаться. Потом я понял, что он может поднять нас в воздух. Ребята сказали, что трудно будет удержаться за него долго в воздухе... и я понял, что, пожалуй, они правы...

И в этот момент я почувствовал — по соседнему дому, видневшемуся в окне, — как вся наша школа пошла вверх и куда-то полетела вместе с нами, поворачиваясь, планируя и, наконец, где-то приземляясь.

44. 9 сентября 1986

У нас с Ольгой появилась машина — «Жигули». Я пробую ее ручки, рычажки, осматриваю приборы...

Потом несусь по шоссе на машине с бешеной скоростью. Кругом тьма, не видно ни звездочки, ни фонарика. За передним стеклом сплошная чернота. Пронизывает она и внутренность кабины, так что я даже не вижу руля и своих рук. Но чувствую, как жму на акселератор почти до конца и несусь по центру шоссе, наверное, со скоростью 100 километров в час. Считанные секунды я веду ее, но потом думаю, что так недолго и разбиться, слетев с дороги, или врезаться во встречный автомобиль. И начинаю тормозить, чтобы остановиться и включить фары — ведь на такой скорости найти выключатель в темноте невозможно...

45. 30 сентября 1986. 0.20—2.30. О смертельной болезни

Вместе с Ольгой мы находимся в гимнастическом зале. Она — в стороне от меня, уже занимается специальными упражнениями. Я тоже собираюсь заниматься, но пока в раздевалке и снимаю рубашку. И вдруг обращаю внимание на свои высохшие до костей руки. Это меня поражает, потому что я вспоминаю маму, имевшую перед смертью такой же вид. Правда, у меня руки высохли еще сильнее, до костей, и я удивлен тем, что никто до сих пор не обратил на это внимания и не сказал мне об этом. «А может, с руками произошло только что?» — подумал я, не отрывая от них взгляда. От них буквально остались одни кости, обтянутые желтоватой и ссохшейся кожей. Такое может говорить только о смертельной болезни. Неужели рак? Наверное, ведь мама умерла от него, и ее брат, и еще какие-то родственники. Вот и я недавно почувствовал боли в правом боку, в подреберье. Я приподнимаю майку и вижу совершенно впалый живот с глубокими вмятинами, высохшие кости, чего не было даже у мамы. Мне показалось, что я стал похож на 12-летнего мальчика и по весу, наверное, приблизился к нему тоже. Я чувствую в себе килограммов тридцать.

Что мне делать? Холодный пот прошибает меня смертельным страхом и течет по лицу. Неужели так быстро? Ведь мне только сорок лет, и я не успел ничегошеньки. Что будет с Ольгой?

Я быстро собрался и куда-то пошел, уже на ходу начиная ощущать течение какой-то жуткой болезни. Я не понимал, что это за болезнь, но чувствовал в себе чудовищную работу неведомых мне дьявольских сил. Но обращаться в этот момент к другой, Высшей силе мне почему-то не приходило в голову, ибо я осознавал свой действительно последний час. И понимал, что мне нужно срочно предпринять какие-то действия, чтобы не уйти из мира так просто, вдруг, без последних слов, без необходимых последних дел. И вместе с тем я не хотел бы

умирать на глазах у всех своих родственников, заставляя страдать за себя своей же болью, которая от этого увеличится для меня во много раз. Особенно на глазах у Ольги. За что ей такое? Не надо никому говорить, надо уйти без шума, без слез, без публичности, уйти незаметно, сосредоточась в себе, на своей жизни, на своей боли, на своей бессмертной неуспокоенной и вечно мучающейся душе.

Куда-то все время двигаясь, я оказываюсь в тупике, к которому приближается громадный бульдозер, в кабине которого я никого не видел. От него невозможно было убежать, кроме как в щель между асфальтом и частью стены тупика. Бульдозер неотвратно приближался, и я — высохший до объема ребенка — смог пролезть в эту щель без затруднений. Но оказавшийся вместе со мной в тупике толстый господин (о котором я думал именно словом «господин») пролезть не смог и теперь должен быть раздавлен.

Я продолжаю идти по дороге, не осознавая, где я, что вокруг меня и куда меня несет. Подозревая, что жить мне осталось совсем немного, крошечку, я пытаюсь вспомнить, что нужно успеть непременно сделать.

По-прежнему я не пытаюсь обратиться к Высшей силе, осознавая, что там все решено окончательно и отмене не подлежит. Поэтому нужно каким-то образом сообщить Алеше главную тайну жизни, которую я узнал за сорок лет. Может, передать А. Б. записку, чтобы он вручил ее Алеше в день совершеннолетия («Сообщаю тебе главную тайну жизни, которую узнал за сорок лет. Бог есть. Ищи его»)? Но А. Б. может не дожить, поэтому лучше попросить передать записку Борису, а тот уже вручит Алеше в 18 лет. Другие могут забыть или того хуже — не захотеть. Но именно в этом состоит моя последняя воля. А что с Ольгой? Пусть распорядится книгами, всем как ей будет необходимо и переедет к родителям...

И кажется, в этот момент, услышав на мгновение свое больное тело во всем объеме и как бы изнутри, я почувствовал, как течение смертельной болезни по неизвестной причине резко ускорилось, и я ощутил какой-то распад или провал тканей где-то внутри живота. Все во мне напряглось, будто в отчаянном усилии сдержать напор разрушающих сил, и я понял, что это, это, это пришла моя последняя минута жизни и...

(Я проснулся в 2.30, как если бы не спал вовсе, а просто лежал, а потом встал с кровати. В комнате было душно, и я открыл в маленькой комнате окно, чтобы ночной воздух освежил скопившийся в комнате. Я отчетливо помнил, что о сейчас произошло со мной, но продолжал делать то, зачем встал. На мгновение мелькнула сладостная мысль, что все это сон. Мелькнула и исчезла. Потому что на ее место заступила тяжелая поступь серьезных ощущений, говоривших, что совсем неваж-

но, сон это или не сон, потому что нет никакой разницы между тем, что только что было, и тем, что есть сейчас. Нет границ, нет граней вообще. Есть только целое всего, что только есть на белом свете и любом... и то, что происходит где-то, происходит и здесь, и там, и в любом другом месте.

В большой комнате было по-прежнему душно. Из открытого окна в маленькой потекла струя чистого холодного воздуха. Была половина третьего ночи. «Неужели где-то там включился конец моей жизни?»)

46. 8 ноября 1986

Я с Б. Б. Н. в церкви. Мы держим в руках зажженные свечи в подсвечниках и ходим, ходим, нигде не останавливаясь. Это какая-то очень богатая, вся расписанная церковь. Мы то поднимаемся как бы на второй этаж, то опускаемся и везде проходим мимо певчих в расшитых золотом белых одеждах. Проходим около лестницы, и я вижу, как спускается Л. А. Л., тоже со свечой.

Появляется полненькая невысокая женщина. Как мне представляется — из районной общественной организации, и начинает что-то искать или высматривать. Подходит к нам и просит показать тоненькую книгу, которая у меня в руках. Это Евангелие, но переплет от старой детской книги с исправленным годом издания — 79-й на 84-й. Женщина уходит, что-то торопливо записывая в свою тетрадь и будучи недовольной. Мне кажется, она увидела Евангелие.

Но во мне — ощущение торжественности хоров и песнопений.

47. 19 ноября 1986

Я с Алешей стою на корме атомной подводной лодки. Она в надводном положении и идет полным ходом. Алеша хочет взять загустевшее масло в полиэтилене, но я вынимаю у него из руки и бросаю в сторону. Вижу, как за кормой сильно бурлит вода. Потом поворачиваюсь и смотрю вперед, туда, где немного штормит. Слева возникает недалекий берег. Мне почему-то думается о торпедной атаке с моря, и я смотрю туда, потом — на нос лодки и через некоторое время замечаю большое, с маленького кита, черное толстое тело атомной торпеды. Она стремительно идет на нас встречным курсом, и я успеваю только подумать, что вот-вот она врежется в нос нашей лодки... Но торпеда проносится чуть ли не в метре от корпуса в бешеном завихрении воды и исчезает за кормой...

Мы плывем на подводной лодке вверх по Кузнецкому мосту. Он запружен водою, но люди впереди лодки и по тротуарам идут посуху. И, увидев лодку, сторонятся.

48. 14 декабря 1986

Я смотрю в зеркало и вижу, что у меня выросли клыки. Я дотрагиваюсь до них пальцем и чувствую, что это просто опустившиеся вниз зубы. Они почему-то перестали держаться на своем месте и при моем надавливании снизу легко встают на свое место вверх, но, едва я отпускаю палец — вновь опускаются. Мне неприятно от того, что это, быть может, начало выпадения зубов или чего-нибудь похуже.

49. 20 января 1990. 8.00—8.20

Неясно, какое время года, но тепло и сухо.

Я иду по переулку, где жил с рождения до 15 лет. Иду по своей стороне и очень близко от дома. На месте нашего дворика теперь проходит перпендикулярная переулку улочка. Из ярко освещенной солнцем глубины ее двое высоких мужчин заывают двух женщин-карликов, проходящих мимо меня в светлых платьях. Затем за углом дома начинается парадное, которое я миную. Показывается окно нашей комнаты, но слева от окна вдруг открывается еще одна дверь (ее раньше не было), и я догадываюсь, что она ведет в комнату. Из отворенной двери выходит сестра и смотрит на меня. Мы встречаемся взглядами, и она возвращается в комнату. Я ступаю за ней и вижу, как сестра проходит в комнату и останавливается слева у стены. Там, в нескольких метрах от меня, за углом коридора справа, видимо, стоит отец, которому сестра говорит, будто отвечая на скуку их не очень однообразной жизни:

— Может, кто-то придет к нам?

Я слышу, как напряженно и сосредоточенно отец молчит, и мне неведомо, предчувствует ли он за сказанными словами мое появление. Меня охватывает глубокое волнение от того, что я могу сейчас его увидеть, и начинаю тихо ступать дальше. После многих медленных шагов стена справа кончается, и я могу окинуть взглядом всю большую, почти квадратную комнату. Она совершенно пуста, и только справа, перпендикулярно коридору, стоит какой-то письменный стол, и сам отец — спиной ко мне. Я вижу, что он сильно изменился, почти облысел, хотя и хорошо выбрит, и стал суше и ниже ростом, так что совсем не похож на моего отца. Но это мой, мой отец, я чувствую, что мои руки вытягиваются к нему сами, тихо обнимают его, поворачивают и крепко прижимают ко мне. Сердце мое не выдерживает, и я плачу — и с облегчением, и с печальным надрывом, с невыразимой тоской по чему-то неполучившемуся между нами, когда мы были вместе; и я слышу, как и его лицо, уткнувшееся в мое плечо, сотрясается от таких же слез, в которых, как в невыразившемся прощении, все мое невыносимое для настоящего прошлое, за которое только и можно просить прощения и которое только этим прощением и можно вернуть.

ВЗГЛЯД ИЗ ВЕЧНОСТИ

Я стоял перед фотографией в траурной рамке в вестибюле института, вглядывался в изможденное болезнью лицо и думал, что этот человек смотрит уже оттуда, из своего небытия. На фотографиях умерших совсем другие лица, хотя они сделаны при жизни, что-то неуловимо меняется, и это, наверно, не просто результат нашего знания о том, что человек умер. Если посмотреть на фотографии старинные, начала века, почти все люди, изображенные на них, умерли давным-давно и смотрят на нас уже совсем необычно, значительно, смотрят из вечности.

Выйдя из прохладного вестибюля в уличное пекло, я медленно потащился к метро, разминая затекшие от многочасового сидения ноги. Тяжелый портфель хотелось бросить в кусты, продраться сквозь них и растянуться на газоне в тени липы. В горле пересохло, и хотелось пить.

«Что-то в последнее время я часто сталкиваюсь со смертью,— вяло текла моя мысль в такт шагам,— и все сорока-пятидесятилетние, и все сердце. К этому возрасту люди, как правило, сильно устают, и если не удастся отдохнуть как следует, вырваться из опасного пике, то и случается самое худшее».

Умерший доцент, как я слышал, был одинок: ни семьи, ни родственников. И это, по моему мнению,— полная смерть. Никаких известных трудов у него нет, на кафедре скоро забудут. А сколько таких людей в истории — сотни миллионов, да что там — миллиарды, которых не помнит никто, нет никаких свидетельств о том, что они когда-либо существовали. Как будто их вообще не было, не осталось ни потомков, ни даже стран, где они жили. Целые народы бесследно исчезли с лица земли.

Я вспомнил о своей бабушке, умершей сразу после войны. Только я один на всем белом свете еще ее помню, а воспоминания мои со временем блекнут, стираются, и нет ни одной фотографии, чтобы их подкрепить. Моя младшая сестра ее уже не застала, она для нее не существует. Кроме меня, нет никого, кто бы помнил мою бабушку, да и могила ее в далеком уральском городе, видимо, давно исчезла. Кончится моя жизнь, и волны небытия окончательно сомкнутся над ее головой. Никто никогда и нигде больше не вспомнит о ее доброй улыбке, веселом характере, о песнях, которые она распевала каждый вечер, сидя за шитьем, не вспомнит ни одного дня из ее длинной жизни, наполненной до отказа радостями, печальями и трудами. Какой же смысл был в ее существовании, как и в существовании миллиардов других — только ли поддержание этой длинной цепи человеческих поколений?

Автоматы у метро не работали, к цистерне с квасом стояла очередь. Я покорно встал за женщиной с бидоном.

«...Все-таки это ужасно несправедливо — бесследно исчезнуть, раствориться в прошлом. Может быть, это самая главная несправедливость. Только один человек всерьез говорил об этом: Федоров в своей «Философии общего дела» мечтал о том, что наука будущего воскресит всех умерших без исключения, должна воскресить. Но это такая безнадежная утопия. Да и разве можно воскресить всех! На земле уже прожило больше ста миллиардов человек...»

Тут я увидел этого человека, вернее, сначала он меня увидел. Он сидел на скамейке и приветливо смотрел на меня. Рядом с ним стояли две большие полные кружки кваса. Он махнул рукой, подзывая. Я подошел.

— Бери любую, я еще не пил.

— А вы?

— Да мне и одной хватит, я вообще квас не очень люблю.

Я взял кружку и сделал большой жадный глоток. Он почему-то счастливо улыбался.

— Пей, пей, не напейшься — возьмешь вторую. Я очень рад тебе помочь. Лицо у тебя было хорошее, когда ты подошел. Ты о чем думал?

— О смерти.

— Что так?

— Бабушку стало жалко.

— Умерла? — Он сделал сочувственное лицо.

— Да, очень давно, сразу после войны. И только я один еще ее помню, только в моей памяти живет. А когда умру, то все для нее кончится. Это понятно?

Он вздрогнул и внимательно, изучающе долго смотрел на меня.

— Еще бы, конечно, понятно. Ты ее очень любил?

— Да, очень. И она меня. Мне кажется, что никто после уже не любил меня так сильно и бескорыстно.

— И хорошо помнишь ее?

— Пока еще хорошо.

Я допил кружку и поставил ее рядом на землю.

— Вторую?

— Нет, мне достаточно, спасибо.

— Тогда пошли отсюда, пройдемся, поговорим.

Мы решили прогуляться через парк до следующей станции метро, он все расспрашивал меня о моей жизни, работе, и я, почувствовав к нему доверие, охотно рассказывал о себе. Почему-то особенно подробно он расспрашивал меня о моей бабушке, я даже удивился:

— Слушай, Вадим, — я тоже перешел на «ты», — что тебе до моей бабушки?

— А знаешь ли ты, — он вдруг остановился, — что все умер-

шие люди не исчезают бесследно, их духовная энергия, не растратенная на творчество — ведь далеко не все творят, — их стремления, надежды, усилия, их любовь и ненависть — все это осталось, только лежит мертвым, плотно спрессованным грузом в душах живых, в потомках. Это колоссальная энергия. Она гораздо мощнее и значительнее, чем, например, термоядерная. Используя ее, можно совершить прыжок в космос до ближайшей галактики.

— Интересно только, как эту энергию достать?

— Я знаю, как достать, — лицо собеседника сразу стало строгим и даже жестким, — только сам не могу, но тебя научу.

— А мне зачем эта энергия, что я с ней буду делать?

— Чудак! Мы с тобой вместе вырвемся в космос. Ты увидишь звезды так же близко, как солнце. Увидишь другие миры, будешь наблюдать космические катастрофы и рождение планет, увидишь, как выглядят другие существа во Вселенной. Ты узнаешь столько прекрасного и необычного, сколько твое сознание не смогло бы вместить и за десять земных жизней. Каждое мгновение такого существования будет наполнено глубочайшим смыслом, — Вадим говорил громко, страстно, испуганно, так что на нас уже стали оглядываться.

— Не шуми, — сказал я, — давай снова сядем и спокойно все обсудим.

Мы сели на пустую скамью прямо на солнцепеке, впрочем, жара уже понемногу начинала сдавать. Вадим нервно ломал спичку за спичкой, пока ему наконец удалось закурить.

— Извини, просто я устал за эти несколько месяцев ожидания и бессмысленных поисков.

— Поисков чего?

— Поисков человека, такого, как ты, с острой эмоциональной памятью, да еще явно способного «нырнуть» за энергией.

— Почему ты думаешь, что я способен? И потом, неужели ты больше никого не встретил с такой памятью? Не может этого быть.

— Представь себе — очень трудно. Для большинства людей прошлое — это прошлое, то, что прошло и больше не существует, они прекрасно помнят его, но оно для них мертво. Они целиком в настоящем или даже в будущем. Впрочем, мне трудно это объяснить...

— Кажется, я понимаю. Но сам ты почему не можешь достать эту энергию?

Он долго молчал, потом, как будто решившись, ответил:

— У меня нет и не было близких на этой планете. Я и мои друзья — нас шестеро — прибыли сюда и застряли безнадежно. Нам нужна энергия. Мы уже много лет движемся с одной планеты на другую, пронеслись через четыре галактики, а цель наша бесконечно далека.

— И на каждой планете вы таким же вот образом берете энергию?

— Да, другой возможности у нас нет.

— Но эта энергия, которую я вам передам, если получится, разве она не нужна здесь, на Земле, не пригодится когда-либо живущим людям?

Легкая тень пробежала по лицу моего собеседника, но он быстро справился с собой.

— Думаю, что не нужна, думаю, что она как раз и существует для таких, как мы, космических путешественников. Каждая планета для нас лишь аккумулятор. И ты, поскольку отправишься с нами, можешь с полным правом ею воспользоваться.

— Почему ты думаешь, что я обязательно пойду с вами?

— То, что ты получишь из прошлого, перевернет твоё сознание, ты уже не сможешь остаться здесь, ты станешь одним из нас и, не задумываясь, покинешь эту планету, я знаю. И потом, как я понял, тебя здесь ничто не держит. Ты идеальный космический путешественник,— Вадим улыбнулся мне тепло и сочувственно.

Я долго молчал, глядя на медленно ползущую по дорожке тень дерева, на старика, качающего на колене ребенка. Мне вдруг подумалось о том, что пройдут сотни лет, и здесь все останется по-прежнему — будет такой же летний закат, и такие же длинные, почти прозрачные облака будут проплывать над этим местом, и так же все уже было сотни и тысячи лет назад. Я почувствовал прикосновение вечности так ясно и отчетливо, что заломило зубы, будто от холодной воды.

— Пожалуй, можно попробовать,— решил я наконец.

Вадим обрадованно выкрикнул что-то и взмахнул рукой. Тотчас с соседних скамеек к нам устремились люди — двое мужчин, две женщины и даже старик напротив, передав ребенка матери, поспешил к нам. Они жали мне руку, радостно улыбались, Вадим называл их странные для моего слуха имена, которые я и не пытался запоминать.

— Теперь, друзья, нас семеро, и мы сегодня же, сейчас же, отправимся в путь,— сияя от радости, произнес Вадим.

Через полчаса мы сидели в номере гостиницы с большим окном во всю стену. Я утонул в мягком диване. Слева от меня Вадим, справа — старик. Остальные в креслах напротив.

— Я рад, что вы оказались смелым, умным и решительным,— старик осторожно коснулся пальцами моего колена.

— Но ведь я еще ничего для вас не сделал, может, я не смогу, у меня не получится.

— Получится, получится, на этот счет существует хорошо отработанная, известная нам в деталях техника погружения в себя. Мы вам поможем,— старик говорил ласково и мягко, как будто любимому внуку.

— Закройте глаза,— обратилась ко мне одна из женщин,— и постарайтесь хотя бы на минуту не думать совершенно ни о чем, ничего не представляйте себе и не обращайтесь ни на шум, ни на голоса, забудьте о нас и о нашем существовании.

Я закрыл глаза, посидел так немного, чувствуя себя неловко. Мелькнула мысль о том, какой у меня глупый вид, и о том, что мои новые знакомые, возможно, просто меня разыгрывают. Я спешно отогнал ее и тут же как будто провалился в темную яму и понял, что сам открыть глаза и встать уже не смогу, хотя продолжаю все слышать и чувствовать. Вадим и старик, каждый со своей стороны, взяли меня за руки.

— Постарайтесь что-нибудь увидеть,— старик говорил мне шепотом, но его слова громом отдавались у меня в голове,— например, подсолнух на вашем огороде, когда вы жили у бабушки, или яблоню в саду, вашу любимую яблоню, когда она весной покрыта бело-красными цветами. Или вскопанную землю, когда от нее идет пар и по ней гуляют черные вороны. Все равно что, лишь бы зацепиться. Только не напрягайтесь, нужно, чтобы это само всплыло, ожило в вас.

Еще некоторое время я не видел ничего, кроме красных пятен перед глазами, потом в поле моего зрения всплыла и остановилась смутная тень. Затем она стала четче, как будто навели резкость, и я увидел дом моего детства — огромные серые бревна, покосившееся трехстворчатое окно, сломанный резной наличник над ним и голову глиняной кошки-копилки, стоящей на подоконнике за стеклом.

— Есть,— услышал я голос Вадима,— зацепились. Дальше мы поведем тебя сами.

Я почувствовал, как их пальцы впились в мои руки.

— Постарайся войти в дом. Там в углу в сених висит дедов тулуп, ты всегда боялся его и старался не смотреть, пробега мимо. Вперед!

Я шагнул на ступеньку, тронул рукой дверь, она закрипела, и в полосе света я действительно увидел тулуп — темное и жуткое пятно, как в детстве. Мне стало страшно. Тут же все исчезло, я опять оказался в кромешной тьме.

— Не спешите,— шепнул старик,— это ведь все живет в вашем сердце, сердцем и смотрите, а не глазами.

Я продолжал барахтаться во тьме, разводя в ней руками, словно боясь на что-нибудь наткнуться, но пальцы мои только пронзали вязкую пустоту. Я чувствовал, что надо сделать только один шаг вперед или вверх, и тогда пелена спадет, и я увижу то, к чему стремился. Этот шаг нужно сделать внутри себя, преодолеть в себе тяжелый плотный барьер, закрывающий от меня мое прошлое. Я и сейчас мог все вспомнить — и сад, и комнату, в которой жил, и бабушкино лицо, но нужно было не вспомнить, а увидеть. Так иногда ночью, лежа без сна, ри-

суешь себе всякие картины и вдруг начинаешь видеть что-то, оно всплывает помимо твоей воли и поражает отчетливостью изображения. Особенно пугали меня вдруг появляющиеся мои собственные глаза, в упор смотрящие на меня, будто они, как в зеркале, отразились в веках.

— Ну давай же, иди,— услышал я откуда-то издалека голос Вадима.

— Не могу.

Я действительно не мог прорваться через этот барьер, ибо, борясь с ним и в нем увязая, я постепенно начинал понимать, что этот барьер — вся моя жизнь после детства. Разве я могу перешагнуть через холодную сырую комнату, в которой мы с матерью оказались в далеком и чужом городе, перешагнуть через постоянное желание есть, постоянную неуютность, неустроенность, сопровождавшие всю мою юность, осатанелые попытки потом найти свое место в жизни, утвердиться в ней, достичь маломальского комфорта и спокойствия — попытки, ни к чему в конечном счете не приводящие, обостряющие ум, но подрывающие сердце. Разве я могу прорваться через все это в то чистое незамутненное беспечное существование, когда начиналась моя жизнь. Я даже застонал от бессилия, сжав зубы, и почувствовал, что весь вспотел от этого нечеловеческого напряжения. И в ту же секунду туман спал и я оказался в сенях бабушкиного дома. Стараясь не смотреть в угол, где в темноте висело что-то непонятное и пугающее, я пробежал вперед, толкнул тяжелую, звякающую щеколдой дверь и зажмурился от яркого солнечного света.

Бабушка стояла среди грядок, опершись на тяпку, и внимательно смотрела на меня, чуть-чуть улыбаясь уголками рта. Я видел ее нелепый передник, который она обязательно надевала, работая в огороде, капельки пота на переносице, серые выцветшие глаза и чувствовал острую жалость, любовь, грусть, давно не переживаемое счастье. Комок подступил к горлу, и я стоял, не в силах вымолвить ни слова.

Бабушка говорила мне что-то, но я не слышал, как в немом кино. А она все говорила, о чем-то меня спрашивала и вглядывалась в меня, как после долгой разлуки. Солнце стояло в зените, ни деревья, ни дом не давали тени, и от этого в душе шевельнулось недоброе, неприятное чувство близкой опасности. Бабушка подошла, заглянула мне снизу в лицо, и по движениям ее губ я понял — она спрашивает, не заболел ли я, и продолжает ласково улыбаться.

И тут же моя тревога переросла в уверенность, что если я еще живу, если мы все живем и есть в этом какой-то смысл, то до тех пор, пока живы в нашей памяти все наши умершие, пока существует энергия тех миллиардов безвестных людей, которая нас питает, пока наши корни, прорастающие в бездонную тьму веков, придают нам цельность и устойчивость.

Если я позволю вытянуть через меня эту энергию пришельцам, все померкнет, съжится, обесмыслится, и Земля наша — прекрасная, голубая, загадочная — станет заурядной технически развитой планеткой, каких уже тысячи, покоренных моими друзьями-пришельцами, станет винтиком в галактическом разделении труда, казенной фабрикой, производящей карандаши или микросхемы. Эти путешественники — лишь космические диверсанты, готовые вторжение.

— Что за чушь! Не думай так, мы путешественники, мы вечно стремимся вперед, и в этом наша жизнь,— раздался голос старика, ставший суровым и в то же время умоляющим.

— Он сошел с ума,— закричал Вадим,— нам не выбраться отсюда.

— Нужно все-таки попробовать, тяните, сколько можете, это ему не повредит,— скомандовал старик.

Я сжался в комок, отчаянно сопротивляясь, но какая-то сила, словно в тяжелой болезни, наваливалась на меня, растягивала, и вдруг быстрый искрящийся поток понесся через мое сознание, поток энергии, который я должен был прервать, иначе все погибло. Я закричал что было сил и, дернувшись из их рук, рухнул на пол. Теряя сознание, услышал голос:

— Все, связь прервалась, кое-что мы все-таки взяли, хотя этого крайне мало.

Очнувшись, я увидел, что комната пуста, в открытое окно вливается уличный шум, а на потолке уже дрожит отблеск фонарей. Воздух у моего виска шевельнулся, как будто невидимая птица коснулась крылом, и я услышал далекий-далекий голос:

— Помни о бабушке, помни!

Александр ЛЕВИН

НАВАЖДЕНИЕ

Эта история произошла лет десять тому назад. Быть может, больше. Летом.

Сумрачным и тоскливым выдалось это лето. Я писал для себя, нигде не публиковался. Был я настолько щепетилен, что не допускал мысли, чтобы мои прозаические произведения могли быть возвращены. Написал я довольно много. Чувствуя, что мои произведения не дотягивают до какого-то установленного стандарта, именуемого мастерством, я глубоко задумался. Дело, очевидно, заключалось в словарном запасе, которым я владел. Но как узнать свой словарный запас? Каждый раз, бросая его в бой за овладение темой и содержанием, как до-

биться, чтобы рассказ не задерживался бы в редакционных кулуарах? Хорошие-то рассказы никто не читает! А что делать, если они не очень хороши? А мои были не очень хороши. Поэтому-то я и обратился за разъяснением к словарям.

Ничего существенного, разумеется, в орфографических словарях я не нашел. Пришлось в конце концов выяснять, какое же количество слов приходится на каждую букву алфавита. Получилась занятная картина: большинство слов в словарях оказалось на букву П. Высчитывая словарные запасы по малым произведениям Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и других, я подошел к тому же выводу и очень удивился этому.

Столбец букв на П я назвал алфастратом. Ведь в нем находились слова всех или почти всех частей речи. Так появилось мое первое маленькое открытие. Теперь я уже наперед узнавал: какой бы рассказ (конечно, только хороший!) я ни взял в руки — в нем обязательно будет доминировать над всеми, побеждать все столбец словаря на букву П. Об этом я потому здесь говорю, что большинство редакторов и писателей не подозревают этого. «Понравился или не нравился» — вот их оценка. Меня же такие критерии, прямо скажем, уже не удовлетворяли. Я хотел видеть, что в рассказе плохо, а что хорошо. И вот что я еще сделал. Обычно частотные словари сопровождаются графиками и диаграммами. Считают так. Берут общее количество слов, приведенное данным словарем, и делят на него количество слов, что приходится на каждую из букв алфавита. Приводят диаграмму. В процентах от общего количества слов в словаре. Им так удобнее. Представил, и все тут.

Какой бы словарь я ни открывал, в нем количество слов на П лидировало. Недолго думая, я перевернул счет. Полагал я так: П — алфастрат, багодаря приставкам, объединяет почти все столбцы. Вот и нужно считать по букве П. Я взял количество слов в П-столбце за единичное, как некогда подобное совершил Д. М. Менделеев, поделил на это единичное количество все другие столбцы. Как же назвать то, что я произвел? Я дал ему имя — алфаграмма. А то, что заполучил от деления на П-букву, назвал так же алфастратами. Теперь каждый алфавитный столбец в моей алфаграмме соотносился к столбцу П и составлял десятые и сотые доли столбца П.

Это уже походило на открытие. Любой словарь — частотный, орфографический, толковый, — как только я сосчитывал в нем все слова, тут же превращался мною в единичный. По букве П. Важен был масштаб, и я мог проделать со словарем все, что мне угодно: надо усреднить по П — усреднял; хотел сравнивать — сравнивал. Но то же самое я мог совершить и со словарными запасами классиков. В них я тоже произвел деление на П-букву или П-алфастрат.

Но и этого мне показалось мало. Вы спросите, как же я сравнивал? Ведь в словаре тысячи слов на одну и ту же букву, а в словарном запасе даже «Кавказского пленника» на ту же букву всего каких-нибудь семьдесят-восемьдесят слов. Не больше. Но масштабы-то равны! Я ввел масштабную диспропорциональность. По диспропорциональности выявлялось, как ведет себя словарный запас по отношению к словарю: если в нем имелись по буквам большие отклонения, значит, ошибку следует искать именно в этом столбце.

Но это было всего лишь прикидкой. Чтобы научиться точно регистрировать, какие слова лишние, каких не хватает, следует проделать еще большую работу. Надо научиться распределять слова на знаменательные и служебные. Каждому известно, что знаменательные слова — это существительные, глаголы, прилагательные, наречия, числительные; служебные — это местоимения, предлоги, союзы, частицы, междометия. И я решил высчитывать их по словарям — орфографическим, толковым, частотным. Года четыре продолжалась эта нудная работа. Моя жена принимала в ней участие. Наконец такие словари составлены, для них выполнены на кальке алфаграммы. Миллионы слов были посчитаны. Теперь я мог видеть служебные и знаменательные слова алфаграммированными в словарях орфографических, частотных, толковых. Их совокупность не только обрадовала меня, но заставила еще крепче подумать. Получилось, что существительные имеют свой рисунок (графическое представление), глаголы — свой, прилагательные — свой, наречия — свой. Отличительные рисунки получили и служебные слова, совокупность служебных слов. Что я при этом испытал, особенно при воспроизведении рисунка совокупности глаголов, — это можно было выразить лишь стихотворением. И я написал стихотворение — «Глаголы по Э. Штейнфельту». В нем утверждалось то, что я первым в мире увидел все глаголы.

Жена, Надежда Николаевна, сказала: «Теперь я спокойно могу умирать. Ты приоткрыл завесу над графическими представлениями знаменательных и служебных слов. И я узнала их, хотя они нам достались очень с большим трудом».

Я поцеловал ее за это откровение и пообещал: «Подожди! Ведь мы делаем первые шаги на подходе к компьютеризации прозы: впереди много терний, я их предвижу. Любой ученый, филолог брякнет: «Ну и что?» Но я благодаря моей теории создам текстовый детектор... лжи».

«Ну, это ты подзагнул», — упрекнула меня Надежда Николаевна.

Само собою разумеется, что авторские совокупности знаменательных и служебных слов, вписываясь в общий рисунок, каждый раз имели небольшие отличия. В целом же автор-

ские алфаграммы, с учетом талантливости автора, как бы копировали совокупность тех или иных слов в словарях.

Мы вывели закон: тот автор гениален, чья совокупность служебных и знаменательных слов отражает рисунок в словаре или словарном фонде.

Следовало усреднить совокупности знаменательных и служебных слов отдельно по орфографическим, отдельно по частотным (а их в русском языке — четыре) и отдельно по толковым словарям, с одной стороны; с другой — по классическим словарным запасам таких писателей, как Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Толстой, и воспроизвести относительные коэффициенты детектора ложной информации.

Что я и сделал.

И вот, чтобы как следует отдохнуть от титанического труда, я решил прекратить сочинять, занялся... живописью.

Вот тут-то и случилась эта история, когда я чуть не поменял жену и чуть было не покати́л на Запад. Но сначала нужно привести кое-какие сведения. Дело в том, что я сочинил перед этим свой первый расчетный рассказ — «Проблема», направил его в «Новый мир». Ответ последовал почти незамедлительно. В общем, он гласил так: «Отдел прозы «Нового мира» ознакомился с Вашим рассказом «Проблема», написанным с помощью компьютера. Таких рассказов мы не публикуем, особенно написанных на счетных машинах».

Прочитав ответ, я расхохотался. Для сведения скажу: классики русской литературы на 100 существительных в среднем употребляют 100 глаголов, 50 прилагательных, 36 наречий, 18 местоимений, 12 предлогов, 8 частиц, 6 союзов.

А теперь к делу. Сумрачным и тоскливым выдалось это лето: метеорологи постарались, точно по заказу. С восхода солнца и до 11—12 часов стояла летняя погода. Солнце, и поутру уже горячее, к десяти часам жгло немилосердно. Но все было обманчивым. Уже к 11 часам на небе появлялись редкие кучевые облака. К 12 они уже бросали на площадь пятновые тени. Едва закончив к 12 часам вычислять, я быстро закинул в сумку шапочку, мыло, полотенце, блокнот для набросков на пляже, тент, одевался во все белое, надевал сабо. Выходил из метро: дальше надо было ехать на троллейбусе. Пока ждал троллейбуса, начинался летний дождь. Небо сплошь затягивало грустными оловянными облаками или сизыми тучами. Дождь шел над самым пляжем, разгонял уже собравшуюся публику, из-за которой, собственно, я и устремлялся на пляж в своем художническом ажиотаже.

Домой я возвращался мокрым, в обляпанном белом костюме, который приходилось стирать, отжимать, сушить, откла-

дывал выезд на завтра, послезавтра. Но и завтра и послезавтра повторялось все, как вчера, позавчера.

Я клял погоду, метеорологию, дома, улицы, площади, а главное — это лавы перегретого асфальта, что всасывают в себя девяносто пять процентов солнечных лучей, чтобы всей этой энергией выстреливать в небо, тем самым как бы приглашая тучевые облака к водоемам городских окрестностей.

Но однажды, по-моему, это была пятница, когда и в 12 дня редкие облака висели в небе неподвижно, не предвещая как будто бы ближнего дождя, а если как следует присмотреться к ним, двигались от центра к окрестностям, мне все же посчастливилось не только выпрыгнуть из троллейбуса, но удалось дойти до решетчатой ограды парка при Речном вокзале, острый шпиль которого высоко взлетал в небо, хоронясь в темной зелени вязов и осин, и даже войти в их тень, укорачивая дорогу к пляжу по тропинке.

Припахивало вянувшей листвой и сухой крошкой ломких под каблуками веточек. Потягивало их пыльцой. Песок на проплешинах около скамеек, попадая под голые подошвы, обжигал. Все покрывалось капельками пота. Десятикопеечный билет предъявлен блондинке-контролеру, что сидит в тени. И вот уже между нагромождением голубых облезлых павильонов, как бы занавешенных стволиками и ветками акаций, уже проглянула теплая, голубая, зазеркаленная солнцем вода с множеством купающейся публики на противоположном низком сочно-зеленом берегу водохранилища, к которому с одной стороны подступал зеленый, но уже засиненный жаркой дымкой лес, а с другой — только еще строились серые железобетонные массивы. Здесь же, на узком грязном химкинском пляже, публики было не слишком густо, и мне даже посчастливилось найти не только местечко под навесом, но и лежак.

Я постелил на лежаке синеполосатый тент, который, чтоб не обтрепался, был подбит бахромой. Публика на пляже — в основном пенсионного возраста: рабочий день еще не кончился. Было десятка четыре разрозненных студентов — группами и в одиночку, шесть-семь семейных очажков. Я огляделся, но ничего для зарисовок не нашел. Сел. Стянул с себя куртку. Распоясался. Снял брюки. Сложил. Вынул блокнот. Проверил карандаш, приготовил, положил. Потянулся во всю длину на лежаке, руки заложил за голову, прикрыл глаза и замер.

Одно из достопримечательностей таких узких пляжей, как химкинский, — это ощущение в запахе самой воды какой-то свободы, когда все вокруг переполнено людьми. Всюду есть люди. Много раз я наблюдал, как вблизи воды тучнеют, до посеребрения, осинник и ивняк. Первый даже освещается. Открывая глаза, я поглядывал на небо, но видел лишь серебристый узорчатый шатер широкой нешумящей осиновой листвы и как-то крепко расчлененные, но все же летящие вверх стволы

осин, таких же немолодых, а моложавых, как и я. Публика вокруг меня либо вязала негромкие разговоры о житейском, либо точно так же, как и я, отдавала дань полудреме-полузабытью, а быть может — отрешению. Только неумолчные воробы среди веточек акаций неумолимо, как-то по-делячески, чивиликали во всеголосье, да изредка глухо стучал мотором очередной проплывающий мимо трамвай. Водная милиция несла исправно свою службу по опеке: «Красная шапочка! Вернитесь за линию буев! Голубая шапочка! Я вас оштрафую!»

И снова, чукая мотором, проплывал очередной трамвай, сквозь застекленные окна которого можно было видеть публику на противоположном берегу. Следом за ним снова появлялись яркие солнечные блики.

Публика стала заметно прибывать часа в три пополудни. Скоро все места под навесами были заняты. пляж углубился от воды до пляжной ограды. Редкий говор превратился в непрерывный гомон. Начали приходить и красивые женщины. Правда, непременно в сопровождении мужчин. Но все равно их приход живительнейшим образом оздоравливал уже было совсем потускневший пляжный пятачок. А рука к карандашу и блокноту отчего-то не тянулась: не те, видно, были женщины. Все вместе они вносили оживление напляжный пятачок, но каждая, взятая порознь, не притягивала взора. Формы тела? Да что ж, что формы тела... Главное не в формах, а в тех позах, какие принимали эти женщины, одетые для пляжа, в их жестах и каких-то неуловимых движениях. У большинства женщин, красивых и некрасивых, вовсе не было никаких поз, жестов, движений, либо они были, но... пригодные лишь для карикатуры. Писать или же рисовать карикатуру или, что еще хуже, пародию на портрет машины? Нет. Это все не для меня. Зачем я сюда приехал? Что меня так сюда тянуло? Испачкал и отстирал столько белых штанов и курток... Забвение? Одиночество? Но я ими не страдал. Что меня сюда тащило через столько препятствий? Меня же сюда буквально уносило, и лишь дождь... возвращал. Покой? Какой уж там покой! Впрочем, забвение наполнилось, чем больше в поле моего зрения оказывалось некрасивых, но, что называется, смазливых лиц. Людской гомон рассредоточивался вширь и баюкался в воде. Я принялся было зарисовывать мимолетные пляжные картинки, но бросил: кажущаяся неподвижность женщин под палящими лучами — фикция. Да и публика схлынула к воде. Я закрыл блокнот и, заложив его под голову, уперся глазами в ветки осины, ее листья. Воробы с веточек акаций куда-то послетали и уже, верно, где-нибудь кормились. И высматривал край облака, когда услышал вблизи, за акациями, сверху, шорох шагов нескольких человек, грузно шедших по песку. По обрывкам говора, долетевшего до меня, мне показалось, что грузно вминавшими песок мужчинами верховодит женщина, выша-

гивающая и грациозно и легко. По крайней мере это ей принадлежал бархатистый голос, когда она, остановившись, сказала, что оставаться надо под навесом. В ее голосе мне слышались нотки дамы, привыкшей кокетливо повелевать в мужском ограниченном кругу. И я живо, не видя ее, представил себе яркую, грудастую блондинку, красивую, с крепким и упругим телом на изящных и упругих ногах — тип распорядительницы-женщины со столь высоким самонадеянством о всяческих собственных достоинствах, чтобы в них можно было кому-то сомневаться. Я улыбнулся. Подумалось, что эта женщина попала в наш тесный мир, вся сотканная из мира прошлого. Я приготовился к смешному. Чтобы женщина в наши дни привела с собой или увела четверых отцов семейств, как я успел услышать из обрывков их разговора, и вовсе не штурманов или капитанов, а чиновников какого-то речного управления...

Я повернул голову налево, где в ряду акаций был пролом, а трава выбита. И точно. Я не ошибся. Женщина оказалась блондинкой, но не такой полной и упругой, как это я было предположил вначале, но симпатягой-женщиной, даже в чем-то напомнившей мне двоюродную сестру в детстве, в какую однажды жаркой летней ночью (мы спали на полу) я так безотчетно был влюблен, что за всю ночь так и не уснул: мне мерещилось бог знает что...

Женщина была в купальнике. Вокруг нее грудились четверо мужчин, в одном из которых я заподозрил либо ее мужа, либо любовника. Мужчины, по-видимому, были слегка уже навеселе, пообедав в ресторане при вокзале.

— Вот здесь и остановимся, — сказала женщина, не обращая внимания на публику, занятая собой и спутниками, что расположились от меня в двух шагах. Они принялись стаскивать с себя одежду, укладывать ее на газетку, чтобы и самим не помять, и другим чтобы она была не подхвачена или не помята.

А со мной случилось невероятное — я вдруг ощутил себя богатым. И не просто богатым человеком, а богатым баснословно:

Женщина положила сумку на освободившийся лежак с ножками. Она стояла, продолжая с мужчинами разговор на производственно-речную тему. Я же тупо лежал без движения и лишь созерцал недоуменно, каким же богатством я владел. Но точно, я чувствовал себя богачом. Безмерным богачом. Только отчего я, богатейший человек, богатство которого безмерно, лежу на безногом лежаке, застеленном тентом в синюю с белым полоску, на таком грязном пляже, как химкинский водохранилищный пляж? Нет, я не рассмеялся. Мое богатство было такого рода, что мне было не до смеха. То была бы насмешка над самим собой. Дело в том, что среди всей этой

пляжной публики, и той, что дальше по московским пляжам, и той, что теперь жарится в квартирах или уехала закаляться в Болгарию, на Средиземноморье, я... самый богатый человек. Это так же верно, как и то, что есть на свете женщина, притащившая с собой на пляж четверых мужчин и теперь сидевшая на лежаке. Она сидит сейчас на лежаке, подняв и согнув одну ногу, обхватив колено, опустив другую на песок, совершенно не слушает, что ей говорят ее мужчины, смотрит в воду.

Не знаю, заметила ли меня эта женщина сквозь щели в кустах акации, почувствовала ли, когда приближалась и приблизилась, на себе мой взгляд и догадалась ли по нему, насколько я богат. Но я видел, как постепенно пропадает ее интерес к мужчинам, ею же приведенным на этот пляж, и принялся неторопливо ждать, когда она наконец оттолкнет их одного за другим, чтобы остаться в одиночестве, мне необходимым. До ее появления на пляже я как-то не думал о том, беден я или богат, но как будто бы знал, что беден и даже очень беден. Стоило мне ее увидеть, я понял тотчас, что я не только богат, но... сверхбогат! Я такой богатый человек, каких нет на этом земном шаре и никогда не будет после. И никакая здесь чертовщина не замешана. Потому и вознамерился я, если возможно, предложить ей и руку и сердце.

Я терпеливо выжидал. Но ожидал я не как страстный любовник, а как безмерно богатый человек. Не могли же со мной состязаться эти четверо, в общем-то, как я успел заметить, людей, вполне добропорядочных, не лишенных ни собственных достоинств, ни ума, ни чести, ни юмора, ни сердца, ни... денег. Вообще нет — они должны уйти. Они обязаны уйти и оставить женщину, что уже принадлежит самому богатому человеку, какой может позволить себе купить ей пароход, наконец, Речной вокзал с водохранилищем и со всем движимым и недвижимым имуществом, даже оба министерства — морское и речное, со всем их персоналом, несколько рек... в конце концов, целый континент, вроде Австралийского или чуть больше.

И это была такая же правда, как и то, что четверо мужчин рано или поздно покинут эту женщину. Двое мужчин уже удалились: одного она отчитала за что-то, другого обидела за неудачно сказанное слово.

И только четвертый, в котором я все еще подозревал ее мужа, не уходил и уйти никуда не собирался.

Я случайно встретился со взглядом женщины, но ровно ничего такого в ее глазах не прочитал. Правда, после встречи взглядами, отказавшись идти в воду вместе с последним из мужчин, женщина прилегла на лежаке боком, спиной ко мне, и больше уже не поднималась.

Между тем я почувствовал, что то, первоначально кокет-

ливо-игривое, настроение женщины исчезло. Была ли это усталость от чрезмерно выпитого вина, а может быть, желание освободиться от назойливой опеки или домогательств четвертого мужчины, — этого я знать не мог и не желал. Да и вовсе незачем суперкрезу знать, отчего у женщин вдруг исчезают настроения. Настроения пропадают оттого, что появляются. Было бы странным, если бы, явившись, они пребывали неизменно. Другое дело — какое-то мертвое ощущение, чувство, состояние, как у меня. Я с большим трудом подбирал нужные слова, необходимые для объяснения того стойкого состояния в самом себе, открытого, неважно, тобой или кем-то другим. Какая, в общем, в этом разница? Состояние — нечто глубинное, глубокое. Можно прожить всю жизнь, но так и не узнать, беден ты или богат; умен ты или глуп; вор ты или честнейший человек; безумец ты — или нет; завистлив — или нет; гений ты — или ничтожество. Богатство, как я понял, шестое чувство, состояние. Теперь я знаю, кто я. Я — безмерно богатый человек. Я — суперкрез.

Меня теперь можно вытянуть или вытащить за пляжную оградку, если я от радости накачаюсь пивом на оставшиеся деньги или схожу в ресторан и вместо пива напьюсь коньяком. Потому, что деньги для меня — не главное, не самоцель. К примеру, я могу пойти сейчас к директору ресторана на вокзале, взять у него две-три тысячи рублей, если, конечно, они есть у него в кассе; или, пока не закрыто районное отделение госбанка, пойти к управляющему и взять без всякой расписки всю его наличность. Под эту наличность организовать какой-нибудь институт для претворения в жизнь методики словарного запаса, что мной открыт... Или, к примеру, учредить патентное внеорганизационное бюро с тем, чтобы каждый, кто занимается много и упорно, имел деньги на карманные расходы, какие, я глубоко уверен, он вложит в государственное дело, желая получить от этого дела результат...

Человек, в котором я подозревал мужа женщины, а затем любовника, как я и захотел, как-то нехотя стал одеваться, оделся, кольнул женщину тем, что попросил ее при очередном проезде снова позвонить ему и обязательно, не прощаясь, ушел в горку.

Чтобы как-то завязать знакомство, я встал и приблизился к лежаку, на котором лежала женщина, и положил ей эскиз ее фигуры. Женщина не притронулась к нему. Как будто бы она не слышала, как я подходил, и не видела, делала вид, что просто не замечает какой-то бумажки. Тогда я снова приподнялся, снова обошел лежак, присел перед нею на корточки, взглянул в серые, мне показалось, родные глаза и сказал ей то, что думал о появившемся впечатлении, будто я богат, будто это исходит от нее, хотя я и знаю, что не от нее. Но такова сила благодарности.

— Знаете, что я вам хочу сказать. Не хочу, а должен. Вас не было на пляже, и я как будто ничего не чувствовал, не осознавал. Но вот увидел вас и вдруг осознал себя самым богатым человеком, даже сверхбогатым. Что вам нужно, я все сделаю. Нужны вам деньги? Я сейчас пойду и найду их. Вам нужна прописка московская? Немедленно это сделаю. Если вы замужем, то сделаю вам квартиру во сколько хотите комнат, в любом районе Москвы, поскольку я понял — вы иногородняя. Вы получите самую лучшую дачу. Сколько вам требуется легковых автомобилей? Получите любой марки, какой пожелаете. Наконец, назначу вам пенсию. Если вы замужем, то не будете работать. Если вы незамужем, то я предлагаю вам свою руку и сердце. Говорю все это я совершенно в здравом уме и твердом рассудке. Но что бы вы ни захотели, вы не будете обязаны мне. Ничем. Я вас благодарю за то чувство и состояние, которым обязан вам. У меня все.

— Что вы говорите и зачем? — спросила женщина.

— Я говорю для того, чтобы вы услышали, что я вам предлагаю, ничего не требуя от вас лично.

— Но я замужем уже.

И женщина вновь закрыла глаза, опустила голову на сумку.

Я было отошел в полном недоумении. Мне показалось, что я слишком много наговорил, а женщина не смогла всего проглотить, либо она испугалась меня.

Я снова приблизился к лежаку и присел на его край.

— Вы, наверное, как-то иначе понимаете меня.

Затем я опять повторил все слово в слово, причем при свидетелях: девушка и мужчина таращили на меня глаза, когда я ровным голосом, как и подобает суперкрезу, объяснял этой зачумленной женщине, что я даю ей в благодарность за открытие, сделанное в самом себе. Мужчина и девушка раскрыли рты, посмотрели, откуда я пришел: с лежака без ножек, накрытого сине-белым тентом, подбитым бахромой. На белых, свернутых аккуратно штанах и куртке лежал узкий блокнот. И вдруг они кинулись прочь... Я повторил все снова.

— Но я замужем уже! — не понимала меня женщина.

Тогда я вновь возвратился к своему лежаку без ножек. Было шесть часов. Публика редела. Женщина безмолвствовала. Думала ли она над моими словами, не думала ли... Я подумал, что в третий раз повторю ей то же самое, когда мы вдвоем пойдем к метро.

Зной начал рассеиваться.

Женщина приподнялась на лежаке, спустила ноги. Встала и прошла к мосткам, но лишь окунулась в воду и возвратилась к лежаку. Она стояла ко мне спиной, и я видел, как просыхают капельки воды на ее округлых плечах, на коже ее

обнаженного плеча, предплечье, как синий мокрый купальник обтягивает ее тело.

Я сделал то же, что и женщина. То есть вошел в воду с мостков и окунулся, но плыть не захотелось. Оттолкнулся от дна, сделал два взмаха руками, изящно разрезая воду, и возвратился под навес точно таким же сверхбогатым человеком, каким прошел к мосткам. Каким вошел в воду, таким и вышел из нее. Женщина взглянула на меня, но по ее взгляду никак нельзя было понять, что она думает, согласна ли она на мое предложение.

Мне ничего не оставалось, как просохнуть, одеться и уйти. Я был все тем же суперкрезом, а она — женщиной. И только.

Но едва я натянул на себя белую рубашку, застегнул пуговицы, надел брюки, застегнул «молнию», перекинул на плечо куртку, как женщина тоже стала поспешно собираться. Она быстро сунула в сумочку подстилочку, предварительно свернув ее, положила туда же полотенце. Я было направился к пивному киоску, но женщина сказала:

— Подождите. Проводите меня.

Проводы ее как-то не входили в мои планы, но из благодарности к этой женщине я ответил утвердительно, кивком головы, отмечая, что пройдусь, а пивнушка будет еще работать. Мы вместе поднялись в горку, пересекли пляжный городок, вышли через ворота и по дорожке направились через парк. Женщина молчала, я тоже шел молча, обходя кусты. Я посчитал, что в третий раз не стану ей ничего объяснять. Видно, что за птичка. Но сказал:

— Больше мы никогда не встретимся. Но все остается в силе. Когда бы вы ни захотели: ваше — есть ваше.

— Я же вам сказала, что я замужем! — Она меня не понимала.

— Вам, верно, на автобус? — спросил я.

— Да. А вам? Но не надо меня провожать. Я очень прошу вас. Я устала. Я не отдохнула. Если вы захотите провожать меня, я никуда не поеду...

— Как желаете.

Я резко повернулся и пошел прочь, к пивному киоску. Что-то очень быстро я туда дошел: контролер удивилась и пустила без билета. Возле киоска стояла длинная очередь из полуодетых мужчин и нескольких женщин. Я встал с краю, но очередь почему-то расступилась — все смотрели на меня. Я подошел к оконцу и попросил два ящика пива. Но едва я взглянул на продавца, он ошалело захлопал глазами, сказал:

— Да вы к дверям, здесь неудобно.

Когда я приблизился к дверям, два молодца, тараша на меня глаза, держали в руках картонный ящик с пивом.

— Куда вам его отнести?

— А вон к тому навесу, — показал я.

Ребята ходко прошли к навесу, поставили ящик на нормальный лежак с ножками, вскрыли ящик. Целая кипа белых стаканчиков. Они не уходили, ждали.

Из вскрытой угодливо бутылки полилось пенистое пиво.

Я подхватил стаканчик, выпил. Был налит другой. Я и другой выпил. Жара спала, но все же было жарко. Пиво охлаждало внутренности какого-то странного во мне человека. Ребята стояли, смотрели на меня во все глаза. И не уходили. После второй бутылки я, оказывается, напился и ящик предложил ребятам. Они молча начали выпивать бутылку за бутылкой из горлышка. Хорошо было смотреть на них. Но вот один из них что-то шепнул другому, а я прилег на лежак. Когда первый парень опустил, второй о чем-то спросил его. Я расслышал только фразу: «Не, не пришел еще». Угадывалось почему-то, что ребята меня сторожили. Денег у меня было не больше десятки. Наступила какая-то минута торжества. Почему она наступила? Быть может, та женщина никуда не уходила, а была где-то рядом? Ну уж, извините. Второй раз я не подойду ни к одному человеку... Ведь сказав, тем самым я как бы расплатился.

Подошли два милиционера. «Налейте». Ребята мигом налили им по стаканчику. Милиционеры пили только затем, чтобы посмотреть на меня. Вот они напились, отошли нехотя и с той поры кружили рядом, в то время как мои ребятки надирались пивом, хваля его, пляж, а главное — это место.

— Какое место? — спросил я, подняв голову.

— Это место!

Милиционеры, не сговариваясь, приблизились.

— Можно нам с вами посидеть? Просто посидеть. Место какое-то особенное.

— Можно, отчего же нельзя.

— Мы будем молчать.

И они тихо присели.

Я почему-то приоткрыл глаза и взглянул вверх: мне показалось, та женщина смотрит на меня в проломе акаций. Каково же было мое удивление, когда я встретил ласковый взгляд благообразного, как я назвал его мысленно, «старичка». Этот «старик» явно меня разглядывал. Особенно его кроткую усмешку вызвали мои самодельные сабо. Он так и впился в них взглядом.

— Позвольте взглянуть?

Отчего же суперкрезу не дать взглянуть.

— Вы сами делаете их? Из чего?

— Из сырой осины. Конечно, лучше из липы. Долотом она режется, как масло.

— И из этой осины тоже можно?

— Тоже можно.

— Идемте. У меня есть стамески. Не откажите. За пиво

я уплачу. Кому платить? — Благообразный старичок вынул четыре десятки.

— Им.

Тогда он по одной десятке подожил каждому на колено. Милиционеры принялись отказываться, но старик ловко засунул их им в карманы.

— Не отказывайте. Прошу вас, я у вас забираю этого человека.

Я видел, как милиционеры и парни были чем-то недовольны, словно старик... грабитель. Но, взяв за руку, он уже волок меня к новенькой «Волге». Я еще отметил, как он подмигнул продавцу пива.

— Куда мы поедem? — спросил я его.

— А никуда,— было мне ответом.

Мы отъехали на приличное расстояние и остановились в траве. Тогда за оградой парка росла высоченная трава. Благообразный старик увез меня с пляжа не затем, чтобы узнать способ, как сделать сабо. Он отвалился на спинку сиденья.

— Вот мы с вами — два богатейших человека в Москве. Не странно ли, правда? Мое богатство — не ваше. Не считайте за труд, что у вас за состояние?

Я коротко рассказал, как такое состояние возникло: я увидел женщину, кажется, чем-то похожую на мою двоюродную сестру, которую однажды ночью я безотчетно полюбил. Спали мы на полу. В душной комнате. Летом.

— Не хотите ли вы тем самым сказать, что женщина явилась состоянием вашего богатства?

— Конечно же, нет. Она просто явилась стимулятором. Ощущение богатства во мне постоянно пульсировало. А сегодняшняя встреча...

— Вы хотите сказать, усилила до крайности? Глядя на вас, я чувствую себя робко.

— Очевидно, для того, чтобы богатство появилось когда-нибудь, нужно работать волом, создавая его материальные предпосылки.

— И они вами созданы?

— Думаю, что да.

— Что это за предпосылки?

— Я, кажется, создал текстовый компьютер лжи.

— И в чем он заключается?

— Я, кажется, знаю, откуда происходят гении.

— Откуда же?

— Из адекватности своих словарных запасов словарному фонду языка.

— У вас готова таблица?

— Вот она,— я вынул четвертинку писчего листа и указал на цифры.— Вот она. Девяносто миллионов пересчитан-

ных слов. Двадцать папок расчетов, диаграмм, алфаграмм. В ней.

— Как ваше желание разбогатеть обгоняет время! У нас вы не будете богаты. Ваш курс — на запад. Только в этом случае ваше богатство реализуется. Мы поможем вам его реализовать.

— Кто это — мы?

— Люди, называющие себя масонами.

— Вы шутите, — я готов был рассмеяться.

— Нет, не шучу. Давайте лучше подумаем, где примут эту идею. У нас ее наверняка отвергли... в Академии наук.

— Откуда вы знаете?

— Вы хотите приневолить академика считать... — благообразный старик сердечно рассмеялся. — Что, интересно, вам ответили?

— Разные каналы. Институт методики преподавания русского языка в школе ответил, что такого не бывает. Он начисто отверг даже сводку средних цифр по прозе. Художественной прозе. Институт преподавания русского языка в национальных школах согласился, но в упор не захотел считать. Надо еще?

— Не надо. Вон там, на заднем сиденье, все для того, чтобы вам выехать дипломатическим путем. Пятьсот тысяч долларов вам хватит?

— Пятьсот тысяч? И вы с меня не берете никакого обещания?

— Масоны помогают реализовывать только стоящие открытия и ничего не требуют взамен. Согласны выехать?

— Дайте подумать.

— А что думать? У нас ваше открытие найдут лет через двести. И то, учтите, если найдут... Я не говорю, что я не русский человек. Я глубоко русский и поэтому советую...

— Что вы говорите. Через пять-шесть лет ни один уважающий себя писатель уже не сможет работать без дорогостоящей аппаратуры... При общей отсталости — люди уже пользуются пишущей машинкой. Я же предлагаю простейшее: раскладывать каждый раз свой текст на неповторные и повторные слова с помощью микрокалькулятора; подвергать свой словарный запас корреляции еще на одной ЭВМ со вставочным роликом, на котором нанесена моя таблица.

— Да, — подтвердил благообразный старик. — Вы действительно богаче меня.

— Но это не все. Открываются возможности по изучению языка животных, птиц, зверей. Перевод их языка на общечеловеческий язык. Кроме того, вещественный язык и перевод этого языка опять-таки на общечеловеческий язык.

— Что это за такой, как вы говорите, вещественный язык?

— Язык, на котором «говорят» все вещи и явления приро-

ды. Язык графиков. Ведь он же являет собой форму алфавитов.

Благообразный масон достал с заднего сиденья «дипломат», открыл его. Денег в нем не было. Была чековая книжка и какие-то консульские, дипломатические документы, без фотографий.

— Мы едем в фотографию, где фотографируются на заграничные паспорта.

Не говоря ни слова, он вывел машину из травы и направил ее в город. Через небольшой промежуток времени я превратился в советского представителя римского консульства, имеющего на руках билет и чек на пятьсот тысяч долларов для оплаты за какое-то оборудование.

— Это вам поможет избежать проволочек, связанных с чиновниками всех рангов, — сказал старик, вклеивая фотографии в мои заграничные документы, где я числился Федором Ивановичем Федоровым-Пернатовым.

А еще через два часа мы подъезжали к Шереметьеву, где мой патрон остановил машину.

— У вас чек на пятьсот тысяч долларов. Я пойду и улажу дело с таможенниками.

Вскоре он возвратился с таможенником и сказал про меня:

— Вот Федоров-Пернатов. Вот его документы. Вот чек на оплату оборудования.

Чиновник просмотрел мои документы, часть взял. И вместе с сумочкой, в которой лежали подстилка, карандаш, шапочка, полотенце, блокнот для зарисовок, я оказался в большом специальном зале, где были представители консульств, летевшие в разные страны.

— Ну, желаю всего счастливого. И, пожалуйста, не беспокойтесь... — благообразный старик покинул зал.

Я был настолько уверен, что все это правда, что позволил себе шляться по залу и выглядывать, нет ли знакомых лиц. Все лица были незнакомы, некоторые были с провожающими их домочадцами. Зал представлял пеструю картину оживленных лиц в противоположность соседнему, через решетку, откуда выезжали насовсем из пределов Союза. Меня почему-то потащило к этой решетке. Здесь царили разобщенность и какое-то уныние. Лучше сказать, здесь прощались с Родиной навсегда. Те были по ту сторону решетчатой загородки, я — по эту, где, как всегда, сопровождал легкий шум. Кто-то у кого-то все время спрашивал: «Ты ничего не забыл? Все ли вещи вместе? Рубашки, галстуки... все?» «Напиши матери, брату ну хоть две строчки...»

Я же уезжал, не предупредив о своем отъезде ровно никого. Так, думалось, еще лучше... Пусть на моей квартире, мастерской с картинами висят замки. Как-никак оставались же у меня здесь друзья, знакомые. Они будут встречать замки. Моя дочь тоже встретит замок. Пройдет время, замки заржавеют, но

дверей все равно не вскроют. Их придется ломать. Взломают и найдут чудовищные материалы каких-то алфаграмм, непонятных, неизвестных людям... Чудовищную работу пересчета слов по словарям, где каждое слово отмечено разными карандашами. Вскрывающие удивятся проделанной работе: «Бесспорно, здесь жила «машина», машина для какого-то счета слов. Или здесь жила группа сумасшедших, свихнувшихся на русском языке, если она поставила перед собой цель — сосчитать все русские словари, да еще и пометить их: это — существительные, а это наречия, это — глаголы или прилагательные». Затем обрушат на пол словари на непонятных языках, а их — 27. Все с пометками — Оксфорд, Филадельфия, Нью-Йорк, Мадрид, Рим, Копенгаген, Осло, Берлин, Париж.

А куда я еду? В промышленные, высокоразвитые страны! Чтобы делать гениев, говорящих на русском языке? Да кто же говорит в ФРГ на русском языке! В Испании... Америке... Ведь я еду в Америку. Мне придется выучить английский язык и произвести с англоязычными словарями все то, что я сделал с русскими... Пятьсот тысяч долларов хватит на все?.. Да пятьсот тысяч хватит только лишь на обзаведение! И больше ни на что не хватит. А потом я, русский, советский человек, буду обучать американскую элиту... Куда же в таком случае они выпрыгнут? И где останутся русские, советские, у которых есть все словари, какие нужны? Тогда как ни в Америке, ни в Англии, ни в Испании нет таких словарей. Вот почему я создал компьютерную таблицу... на русском языке. И уж если там люди богаче, так и пусть остаются при своем богатстве. Язык им вовсе ни к чему.

Я заметался. Что делать? Взглянул на свой билет. На нем указан рейс самолета и время отлета — 20 часов. Отлет через полчаса. Так что же — прощай и без возвращения? Два часа — и уже Рим. Возврата нет. Здесь я как бы пропадаю без вести. Меня все считают пропавшим без вести. Но ты же суперкрез. Ты забыл, что там можно купить... Там все покупается! А ты — суперкрез. Ты едешь куда надо. Не противься, не мечись. Все будет, как и должно быть. А вдруг состояние, что я чувствую, временно? Будет ли оно тем же, когда я сяду в самолет? Ведь это здесь я почувствовал, узнал, воспринял... 20 минут. Вот уже и объявление по радио: «Все, кто на рейс № 2560 — Рим, пройдите в левое крыло».

«Нет. Так не пойдет. Посмотри, к тебе жмутся люди».

Я только сейчас заметил, как ко мне жались люди, словно их интересовали не самолеты и пункты отправления, а я... И вдруг новое объявление: «Самолет рейса № 2560 отправится через 40 минут». Толпа как-то в радости отхлынула от проходных дверей и тут и там. «Да, я — суперкрез. Но не надо улетать. Надо оставаться здесь».

Объявления следуют буквально друг за другом: «Самолет

рейса № 2560 отправится через час». Я нахожу таможенника. Останавливаю его. К нему придвигаются почти все.

— Почему?..

— Откуда же я знаю, почему, — кричит таможенник. — Это Аэрофлот. Может быть, метеорологические условия в Риме...

И куда-то исчезает. Появляется благообразный старик. Он берет меня под руку. Отводит, шепчет:

— Вы летите или не летите?

— Не знаю.

— Но ведь только там вы сможете быть недосыгаемым... В противном — я не могу поручиться, что с вами будет здесь. Вы должны решиться наконец.

— Вам хорошо. У вас все решается, а у меня не решается. Я должен дать разбогатеть еще больше более богатым?

— Что ж, резонно. Вот вам чек еще на полтора миллиона.

— Но мы вызываем нездоровое явление в аэропорту...

— За это вы не беспокойтесь.

— Что я должен, по-вашему, сделать с этими деньгами? Мне нужны наши, советские, деньги.

— А вот чего нет — того нет.

— Тогда я и не уезжаю.

— Ну и черт с вами, коли вы не уезжаете! Выкручивайтесь сами...

Благообразный старик, четко поклонившись, покидает меня. Я остаюсь стоять. Вдруг вбегает пилот и направляется ко мне. Он громко, чтобы все слышали, произносит:

— Вы летите или не летите? Вот... вы!

— Я? При чем здесь я?

— При том... Извините, прошу вас, извините меня. Мы вылетим, когда вы пожелаете.

— Я... не пожелаю. Все.

И вот я вынимаю все проездные документы. На виду у всех вырываю свои фотографии. И тут же оказывается таможенник. Он подает документы, которые взял. Я вырываю и из них две фотографии, ищу автоматическую камеру хранения, нахожу ее в углу, приближаюсь и в автоматическую камеру вкладываю оба чека, все документы. Закрываю. Все. Выхожу в ночь. Четверо людей в штатском рвутся меня проводить, но я краем глаза вижу, как таможенник перегораживает им дорогу. Я иду к автобусу. И только я заносу ногу на ступеньку, как автобус срывается с места.

Оттого ли, что все случается быстро, или еще по каким-то причинам, я теряю то состояние, самочувствие, наглость суперкреза.

Я в автобусе. Еду домой. Так что... незачем спешить. И вообще некуда спешить. Открытие сделано. Все мое — с собой. А то, что наше общество теперь не желает его получить...

Придет время получения и на нашу землю! Вот теперь кажется, что оно приходит... Но так мне казалось и всегда. Я человек негордый и, как Лаплас, готов ждать 300 лет.

Но что самое интересное в этой истории — я никогда больше не встречал ни той женщины, похожей на мою двоюродную сестру в детстве, ни тех парней, ни милиционеров, ни продавца пивом, ни благообразного старика... Вот что странно.

Словно их и не было. А они были. Правда, уже нет и того пляжа в Химках.

Юрий КИРИЛЛОВ

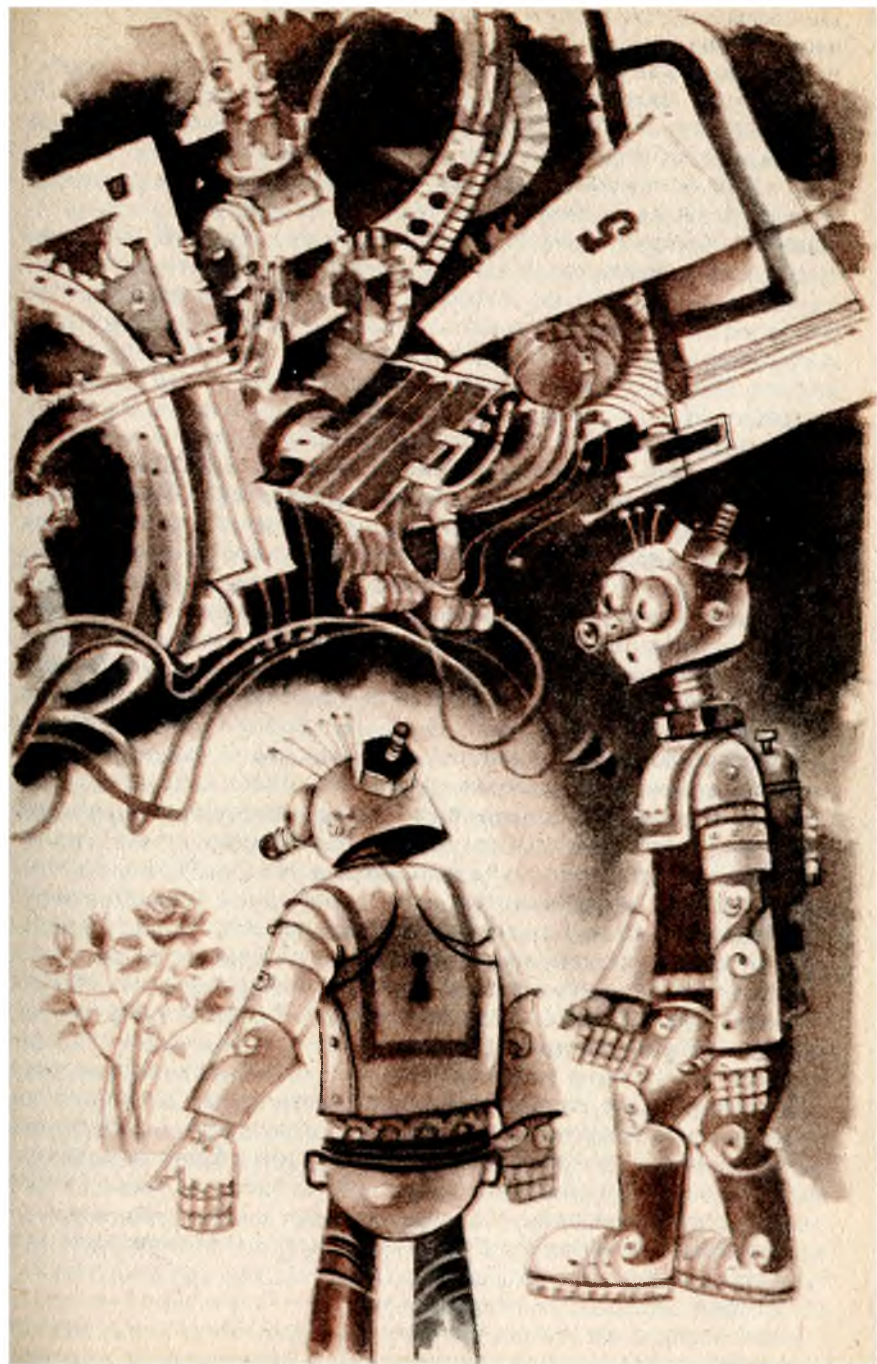
ШАГ В СТОРОНУ

Все у Крея складывалось удачно. Как и другие потомки колонистов, населявших планету со звучным названием Остарлейт, он жил в соответствии с хронометром поведения. Хронометр был надежным помощником и наставником. Этот прибор, чудо науки, контролировал все, даже самые элементарные действия обитателя Остарлейта. Он энергично помогал составлять стройную программу жизни.

Так, Крей узнал, что ему следует обратить более пристальное внимание на Джейн, ту самую Джейн, которой поручено было проверять его расчеты. Почему именно Джейн? Вот об этом Крей совсем не задумывался за очевидной бессмысленностью подобного вопроса. Хронометр не ошибался: Крей встретил полное взаимопонимание со стороны Джейн. Он хорошо помнит, как в те минуты, когда он передавал Джейн очередную серию расчетов, ее рука слегка дрожала. И как только он сжал эту руку и хотел что-то сказать, то по ее глазам понял, что говорить ничего не надо. Она знала все сама, так как и ее хронометр предопределил то же решение. Так они стали мужем и женой. По общему мнению, это был необычайно рациональный, а значит, в высшей степени прекрасный союз.

Выполнение программы, над которой работала лаборатория Крея, шло намного быстрее намеченного. И на Гроссмейстерском Совете единогласным решением Крея освободили от контроля Хронометра, так как тот теперь мог сдерживать потенциальную энергию, заложенную в самом Крее. Это было не только высшее признание заслуг, но и предоставление самых больших прав, которыми мог пользоваться обитатель планеты. По этому случаю Крея пришли поздравить гроссмейстеры всех лабораторий.

В честь такого редкостного события своей властью президент-директор выделил на торжественный прием 3000 секунд. Хронометры тут же списали их из довольно скудных резер-

вов экономии, что позволило не контролировать использование этого времени.

На приеме Крей впервые увидел многих гроссмейстеров. Да и для каждого из них это был редчайший случай собраться вместе. Многие не знали друг друга по именам, но код каждой лаборатории был, конечно, известен всем.

— Куб в третьей степени, — представился Крею человек, одетый в плотно облегающий костюм серебристого цвета — обычную форму гроссмейстера. Внешне он, пожалуй, ничем не выделялся из числа собравшихся. Спокойное холеное лицо, тренированная фигура, но в голосе чувствовалось неприкрытое самодовольство, когда он назвал код лаборатории. Почти одновременно, как равные, они сжали друг у друга на плече кулаки. Этот знак приветствия был занесен на планету еще их предками. В электрокниге кратких преданий, которую в юности изучал каждый обитатель планеты, говорилось следующее о его происхождении. Будто бы одному из древних отважных исследователей на плечо опустилось неведомое существо. Пока исследователь разглядывал его, находившийся рядом робот резким движением металлической ладони схватил это существо. Выдающийся исследователь был крепко раздосадован такими незапрограммированными действиями робота. Как выяснилось позднее, неведомое существо оказалось необычайно агрессивным и ядовитым. Причем яд его легко растворял защитную оболочку скафандра. Так что только лишь запрограммированное, ничем не объяснимое движение робота спасло жизнь исследователя. Будто бы с тех пор и вошло в обиход приветствие сжатыми над плечами друг друга пальцами.

Куб в третьей степени был гроссмейстером центральной лаборатории. Занял он эту должность недавно и, как видно, бесконечно гордился своим положением. Но, конечно, важничанье вовсе не составляло его сути, как второстепенное не может быть основным. Это был вулкан идей, причем вулкан постоянно действующий. Многие на планете занимались лишь тем, что дорабатывали его идеи, шлифовали их. И уже в одном том находили удовлетворение. Одним словом, лаборатория «Куб в третьей степени» была одним из самых отлаженных механизмов всей системы. Все с тем же чувством глубокого самоуважения гроссмейстер Центральной лаборатории произнес речь. Это была торжественная речь. Высокопарная и пышная. Совсем не похожая на стенографически-краткую принятую манеру общения. Речь была вполне достойна такого выдающегося события. И Крей даже слегка позавидовал впечатлению, которое производил Куб в третьей степени. И все же, поймав взгляд оратора, он понял по его глазам, что тот был очень далек от происходящего.

Он и здесь человек дела, подумал Крей. Речь его, плавная и гладкая, видно, была заучена по иному поводу давным-

давно. А теперь он активно использует резервное время. Явно решает сейчас какую-то задачу. Но и он, Крей, тоже ведь себе на уме. Ни в коем случае не следует расслабляться. Пока будет идти поток обязательных приветствий, он тоже не потеряет времени понапрасну. Однако и другие собравшиеся решили про себя использовать резервное время. Наверное, поэтому приветствия стали тускнеть и повторяться.

Президент-директор говорил с большим подъемом, пространно и многословно. Идеальная тишина как бы подчеркивала каждую его фразу. Но это не была тишина внимания. Все хронометры отмечали предельное напряжение мысли, то есть каждый из собравшихся на чествование максимально использовал резерв времени. Ну что ж, никто не отнимал у них право на это. Президент давно уже удостоился чести немногих — работать без хронометра. И потому он искренне и всецело отдавался событию, участником которого ему выпало стать.

Свободно располагать своим временем, конечно, великое счастье, подумал Крей. Тогда он смог бы подготовить великолепную речь, которая не шла бы ни в какое сравнение с тем экспромтом, что он произнес сейчас.

Однако теперь он тоже хозяин своего времени. Но легкости он не чувствовал. Даже напротив, словно не хватало чего-то главного, привычного. Прежде, опережая своей мыслью параметры, заданные хронометром, Крей испытывал нечто похожее на гонки...

Волевым напряжением Крей стряхнул груз непривычных ощущений. Лимит отведенного для чествования времени исчерпывался. Нужно было держать ответную речь.

...С того великого в жизни Крея дня, кажется, мало что изменилось. Если не считать новой программы «Элеон-2». Но и сама программа — разве ее возникновение не было следствием того, что осуществить ее мог лишь возведенный в высший ранг? Крей видел радость в глазах обычно всегда спокойных и уравновешенных своих подчиненных и понимал, что они благодарны ему. Ведь если бы не Крей, не его выдающийся талант, разве могли бы они выполнить такое сложное и ответственное задание?

Правда, и Крей не мог упрекнуть кого-либо в нерасторопности. Ведь не так уж и просто стать сотрудником его лаборатории. Система электронной проверки действовала безошибочно. Так что не было здесь таких, кто бы терял время зря. Вот почему, как только Крей оповестил всех о новой программе, они уже жили ею. Уясняя задачу, работали все необычайно упорно. И Крей никого уже больше не собирал у себя, общаясь с сотрудниками только посредством видеостен. Он появлялся неожиданно и так же неожиданно, часто ничего не сказав, исчезал. Его присутствие должно было вдохновлять, но не ме-

шать. Однажды с помощью видеостены он общался с лаборантом Кроком. Руки Крока бегали по блестящим клавишам, и на узких серых полосах возникали и строились ровными рядами сотни и тысячи цифр. Это было войско Крока, и он посылал его вперед, чтобы обеспечить победу своему решению. Внезапно металлическая дверь заходила ходуном, но лаборант, увлеченный делом, не обращал на нее внимания. И вдруг какая-то сила буквально согнула сверхпрочную дверь и вышибла ее. Крей недоуменно смотрел на это непонятное явление, и рука сама собой тянулась к кнопке чрезвычайной службы, среди многих других смонтированной на его поясе управления. Но в то же мгновение из-за смятой двери возникли две туповатые физиономии роботов-силовиков. Беззвучно они кинулись на Крока и стали мять его, дергать, давить. Они словно сговорились разорвать лаборанта. А тот яростно отбивался от них, рвался к своим клавишам. Крей, наблюдая эту картину, добродушно усмехнулся. Конечно, роботы-силовики не могли принести никакого вреда ни лаборанту, ни кому-либо другому. За этой дверью Крок решил спрятаться от внешнего мира, махнул рукой на режим, забыл обо всем, стремясь как можно скорее выполнить задание гроссмейстера. Но не тут-то было. Роботы служили ревностно. Получив сигнал о нарушении режима, они попытались проникнуть в помещение. И, не справившись с хитроумным замком, продолжили себе прямой путь. Прямолинейность — это их удел. Сейчас они проводили курс принудительной зарядки.

В последующие дни Крей все чаще наблюдал такие же ситуации, и потому он посчитал необходимым специально предупредить всех сотрудников о четком выполнении режима. Ведь принудительная зарядка не могла стать правилом.

В общем, дела в лаборатории Крея шли, как и всегда, великолепно. И спустя несколько недель напряженной работы Крей позволил себе даже отвлечься. За повседневными заботами он давно не видел дочери и решил навестить ее.

Крея встретил инженер сектора воспитания Антс. Хотя Крей заранее предупредил его о своем приходе, тот так удивился, что несколько секунд пристально вглядывался в лицо Крея. Обычно Антсу приходилось самому настойчиво напоминать родителям, что сроки посещения давно прошли и что общение с одними только роботами ограничивает умственное развитие ребенка. Вот почему внеочередной приход гроссмейстера вывел инженера из состояния равновесия. Но, тут же спохватившись, что бесцельно теряет время, он с испугом взглянул на хронометр и мгновенно исчез в своем рабочем кабинете.

Привычно набрав знакомое сочетание цифр, Крей взглянул на экран. Перед ним прошла краткая видеозапись основных моментов жизни его дочери с того самого времени, когда он был здесь в прошлый раз. Но если прежде нередко случа-

лось так, что Крей довольствовался этой информацией и уходил, не повидав дочери, то теперь он мог позволить себе даже побеседовать с ней.

Помещение, где занимались дети под бдительным надзором роботов, было невелико. Но так как в нем не находилось ничего громоздкого, лишнего, создавалось впечатление простора. Когда гроссмейстер появился в зале, дети играли, подпрыгивая поочередно на пружинистых коленях роботов. Они изумленно смотрели на приближающегося Крея — ребята не были избалованы вниманием старших. Один из роботов-воспитателей моментально подскочил к Крею и, проверив предъявленную пластинку-удостоверение, быстро подвел к нему дочь. Словом, все было как обычно. Но на сей раз Крея почему-то позабавила торопливость автоматического воспитателя. И вслед ему он вдруг скорчил рожу. Что тут началось! Дети хохотали, визжали от удовольствия, прыгали...

Робот растерянно поворачивал свою тяжелую голову, пытаясь оценить непонятную для него ситуацию.

Крей невольно смутился. Это было серьезное нарушение. И способствовал ему он, гроссмейстер Крей.

Ему бы и в голову не пришло подобное прежде, когда он ощущал постоянный контроль хронометра.

И, укоряя себя за несдержанность, Крей подчеркнуто ровным тоном спросил у дочери: «Как успехи?» Этот вопрос вовсе не требовал ответа, так как Крей уже получил исчерпывающую информацию. Но он означал проявление отеческого внимания. Арея ответила столь же спокойно: «Отлично, папа».

Этим традиционным диалогом и исчерпывалось время общения. Но Крей медлил. Он поймал себя на мысли, что ему хочется раскружить и подбросить Арею в воздух вопреки всем строгим положениям устава сектора воспитания. Он удивился таким нелепым и непривычным желаниям. И даже испугался. Вот что значит: жить без хронометра! Невольно появляются какие-то отклонения. Необходим более тщательный самоконтроль над волей и желаниями.

Противившись с дочерью, Крей поспешил в лабораторию, где с головой окунулся в привычную работу. С тех пор ничего не менялось в жизни гроссмейстера. Он никогда больше не злоупотреблял предоставленным ему правом свободного времени. Все свои силы отдавал Крей новой программе.

И тем не менее он не забывал о своем праве. Как-то, проходя мимо охранной зоны Ф, он остановил свой взгляд на двух одиноко стоявших вдали роботах. Крей, как и другие обитатели планеты, никогда не интересовался зоной Ф. Это была обыкновенная свалка. Сюда доставлялся хлам, накопившийся за время заселения планеты. Сюда же отправлялись отслужившие свой срок роботы. В зону Ф заходили лишь роботы-уборщики. Обитателям планеты некогда было заглядывать в

свое прошлое. Кроме этого, зона Ф была отторжена от остального мира защитной полосой, которую не могли преодолеть роботы, отправленные на свалку.

И вот теперь эти бывшие трудяги стояли у запретной линии и отчаянно жестикулировали. Скорее всего они делали это потому, что другого занятия у них не находилось, да и вряд ли они осознавали бессельность своих действий. Увидев праздных роботов, Крей поморщился. Своими бессмысленными движениями они оборвали плавный ход его мысли. Само присутствие старых роботов заставляло думать о зоне Ф. И если уж ему помешали, то, конечно, были помехой и для других колонистов, проходящих здесь. Нужно будет непременно расширить защитную зону, чтобы прошлое и отжившее не тормозило мысли, не мешало движению вперед.

Крей забыл о своем намерении и спустя некоторое время вновь появился у зоны Ф. Два робота находились на том же месте. Они словно поджидали Крея и теперь жестикулировали еще более энергично.

Хотя Крей и осознавал бессмысленность действий этих проржавевших подобий человека, у него вдруг возникло непреодолимое желание подойти к ним. Он колебался всего несколько секунд. Затем достал из-за пояса шлем безопасности, надвинул его на голову, решительно перешел линию и направился к роботам. Те прекратили жестикуляцию и застыли на месте. Разумом созданные, они не могли постичь того, что один из хозяев планеты нарушил истонное правило.

Крей огляделся. Вокруг него бессмысленно громоздилось прошлое планеты. Вернее, овеществленный труд прошлых ее поколений: какие-то немислимые горы разнообразных изделий. Нужно было видеть все это своими глазами, как видел сейчас Крей, чтобы понять, насколько совершенны были творения его современников. Да, Крей имел полное право снисходительно взирать на весь этот хлам. Но не для того же пришел он сюда, чтобы отдаваться пустым размышлениям? Все-таки хронометр — одно из выдающихся изобретений разума. Это то, что заставляет ценить, уплотнять время. Да будь сейчас у Крея хронометр, разве решился бы он вот так бессельно бродить по свалке в сопровождении двух праздных проржавевших бездельников?

Тем временем роботы, исполняя какой-то замысловатый танец, проскользнули мимо и до половины скрылись в лазе. Они как бы приглашали Крея следовать за собой. Конечно, здесь ему следовало держаться настороже. В конце концов ведь могла свалиться на голову какая-нибудь штукавина. Тогда уже пришлось бы пенять на самого себя. Вряд ли кому-нибудь пришла бы мысль отыскивать гротмейстера в зоне Ф.

Однако Крей не сомневался в доброжелательности роботов. Даже самая устаревшая их конструкция не могла принести вре-

да хозяину планеты. Крей смело шагнул к лазу, где исчезли роботы, и стал пробираться мимо странных и, по-видимому, крайне примитивных механизмов. Внезапно он обо что-то ударился и отпрянул назад. Он натолкнулся на резко остановившегося робота. Тот, что шел впереди, тоже остановился.

— Вперед! — выкрикнул Крей звуковую команду, надеясь, что она будет воспринята проводниками. Те топтались на месте, но вперед упорно не шли. Странно, как будто на свалке, не подчиняющейся никаким законам, для них тоже было что-то запретное. Они лишь посторонились, пропуская Крея.

Впереди он увидел небольшую ровную площадку. Удивительно, что она ничем не была загромождена. Как будто роботы-уборщики по странной прихоти старательно оберегали этот островок свободного пространства. И все же площадка не была пустой. Вместо привычных жителю планеты монотонных серых тонов там вопреки здравому рассудку бушевали яркие цвета — красный и зеленый. Не думая об опасности, Крей рванулся вперед и тут же застыл на месте. То, что находилось перед ним, не было похоже ни на что до этого виденное! Это «нечто» было сделано из неизвестного Крею материала. На миг у гроссмейстера мелькнуло безумное ощущение, будто он видит живое существо. Но нет. Он ведь точно знал, что планета, заселенная очень и очень давно, не носила прежде признаков жизни.

От волнения Крей даже снял защитный шлем. И мгновенно у него закружилась голова. От площадки шел сильный, терпкий и вместе с тем необыкновенно тонкий аромат.

Гроссмейстеру вдруг пришла ясная, четкая мысль: все, над чем он работает, — ничто по сравнению с тем, что он видит и чувствует сейчас.

Ошеломленный, Крей оперся на плечо робота и задумался. Он вспомнил, что где-то здесь высадились первые люди, обосновавшие на планете колонию. И «это» они, несомненно, привезли с собой. Оно действительно живое.

Рассказать о находке всем? Нет. Его просто никто не поймет, не захочет даже слушать. Да разве любой здравомыслящий житель Остарлейта может тратить на это время? Кто же осмелится потерять уйму минут, чтобы пойти с ним в зону Ф — свалку прошлого? Скорее всего его сочтут перетрудившимся, потерявшим способность мыслить реально. В лучшем случае ему оставят звание гроссмейстера, но вновь его жизнь будет отдана под контроль хронометра.

Да и ведь для него все происшедшее — чистая случайность. Результат одного только шага в сторону, который он сделал.

Ну а если со временем он расскажет дочери об этом чуде?

Нужно хотя бы изредка, как это ни трудно, брать ее из сектора воспитания. И иногда он будет приводить ее сюда. И она увидит все сама. Вдвоем им будет легче доказывать другим. Крей в последний раз взглянул на чудо. Он уже торопился. Ведь слишком долгое отсутствие могло быть замечено.

Теперь он не будет жить одной лишь работой. Это было непреклонное решение, которое он принял, впервые увидев цветы (а это были розы), вывезенные первыми колонистами со своей прародины.

Михаил БЕЛЯЕВ

ДУБ-СЕМИЗУБ

«...дерево живое, и если жить под большим дубом, то долго проживешь, потому что он отдаст часть своей силы».

Д. С. Л и х а ч е в, академик

Сергей Волошков твердо решил: поедет в деревню.

Конечно, он мог бы поехать в отпускное время и на юг, и на север. Да мало ли куда можно закатиться отдохнуть! Местком завален путевками. Какое-то чудо свершилось! Есть путевки и в санатории, и в пансионаты, и в туристические лагеря. На Кавказ, в Крым, в Молдавию, в Прибалтику. Предлагают желающим. Профсоюзные работники превратились в праздничных зазывал. Вывешивают длинные полотна с указанием свободных для отдыха мест. Но путевки продолжают гореть.

Все члены бригады Волошкова, а он работал строителем, уже побывали в деревнях, родных и таких, которые присмотрели с помощью друзей.

Волошкову напомнили: пора брать отпуск.

И Волошков взял. Он едет в деревню. В Древние Ливны! Где еще есть такой простор, такая пересыпанная родниками земля!

В первую же минуту, когда большак вывел его к березовой посадке, где росли и его березы, посаженные им когда-то в отрочестве, Волошков бросился в полевые цветы. В залив ромашек, желтого и белого донника, живокости и молочая.

Поселился в доме отца. Утром, едва полыхнула ранняя зоря, Волошков выскочил к цветам на выгон, чтобы покружить, поразмяться в них.

— Смотри, что делает!— воскликнул отец, уже стоявший на выгоне с коровой.— Опять Лешка Кожухов с пнем бегают.

Сергей глянул на деревню Кожухово, и увиделось необычное: из-под навеса большого сарая вышел пень. Он был таким

разлапистым, что лишь, внимательно присмотревшись к нему, можно было заметить под ним человека в трусах. Обойдя куст сирени, человек двинулся со своей неудобной ношей мимо каменного забора и пропал в переулке за домом.

— Каждый день таскает. И утром, и вечером,— пояснил отец.— Как вернулся из армии, так и прыгает с ним. А пень наш. Помнишь, дуб на валу стоял? Думал, век ему стоять. Да кто-то бензопилой спилил, когда мы с матерью к тебе в гости приезжали. На Преображенку. Хитро так срезал — как на вертолете подкрался. А я выкопал пень. Дубовые поленья потом у Кожуховых видели. Бабка Кожушиха на них в сарае себе постельку устроила. На лето, конечно. Ей уже под восемьдесят: она такая свежая, словно с курорта приехала.

И тут отец и сын Волошковы увидели бабушку Кожушиху и Лешку, который водрузил пень на бабку. Она не присела, не согнулась. Потащила пень в ограду, а Лешка даже присвистнул.

Отец и Сергей, наблюдавшие за ними, удивленно качали головами.

— Вот какая Кожушиха!— воскликнул отец.— Ее и молний в гроб не загонишь.

— Но зачем понадобилось им пень таскать?— недоумевал Сергей.— Делать им, что ли, нечего?..

— А ты покумекай,— сказал отец.— Они у меня пень просили, даже деньги предлагали. Дело в том, что этот дуб у нас когда-то посадил дед Кожухов, но дед Кожухов — это, значит, дед Кожушихи, вот когда это было! А второй дуб он посадил у себя на усадьбе. Вон видишь, выше его дуба в округе не найти!— заключил отец.

— Так сколько же лет дубу?

— Около двухсот!— ответил отец.— А раньше, ты еще не родился, у нас тут дубы стеной стояли. Посмотри: весь выгон в круговинах. Следы от дубов. До последнего корня выдернули. В Ливны дубовую древесину возили.

— Ну а зачем они корень от дуба на спине таскают?— засмеялся Сергей.

— Уже тогда, в давности,— продолжал отец,— люди заметили: в дубах что-то есть. Сила какая-то. Кругом болеют. Мор идет, а люди-поддубники ухом не ведут: живут-поживают.

— Ну и выдумщики!— не поверил Сергей отцу.— Это же какая-то мистика!

— Не скажи!— решительно возразил отец.— Вот я, к примеру, инвалидом с Отечественной пришел. Другие на моем месте в больницах да в санаториях. А я куда езжу? Да никуда! Похожу по выгону, в земле покопаюсь...— легче. А больше в такие дни к Кожушихе сбиваюсь. Чтоб обязательно под дубом посидеть. Лучше, если при этом дождик идет. Сама Кожушиха намекнула, когда меня однажды болезнью, как проволо-

кой скрутило: посиди, говорит, под дубом. Успокоит. И правда. Посидел раз, другой. Однажды так рассиделся, всю ночь до утра там провел.

— Выдумываешь ты все, — отмахнулся Сергей. — Болезнь есть болезнь. Ну посидел под дубом, ну отошла болезнь. При чем тут дуб?

— А при том! — рассердился отец. — Корни у него в земле! Дожди по дубам скатывались. Силой дубов земля насытилась. Ты вот любишь на траве валяться, и я люблю полежать, попариться на солнце. Особенно когда ходить немоготу. Тебе кажется — это пустая трата времени. Забава. А по мне — это лечение. Земные ванны принимаю. Ты ведь тоже в цветах любишь валяться?

— Ну и что? — не понял Сергей.

— А то самое! — выдохнул отец. — Потому и понять не можешь. А я говорю, как мне представляется, как своим нутром чувствую. Значит, распрямляюсь, распрастываюсь. Что-то хитрое во мне происходит... Ты на земле налетом. Городским стал. Разве можешь понять?..

— Могу! — возразил Сергей. — Может, и мне хочется с землей поговорить. Потому я в санатории, как ты, не езжу.

И тут Сергей увидел молодую женщину, которая вышла к Лешке и Кожушихе, таскавшим по очереди на себе пень.

— Лариска? Лешкина сестра?

Отец, не глядя на сына, проговорил:

— С Лариской что-то в городе приключилось. Приехала бледная, тонкая, одни косы мотаются. А теперь воду из-под горы носит. По три ведра. Два на коромысле, а третье — в руке. Так и летает. Смотри, смотри, что делается. И она за пень ухватилась! — заволновался отец, не сдержался, весело крикнул: — Сваха! Дай и мне пень поносить.

Но Кожуховы, занятые пнем, не расслышали Волошкова-старшего.

Уже неделю живет Сергей в деревне.

Отдыхать здесь некогда. И он целыми днями толокся во дворе: то раскалывает осиновые и вязовые чурбачки, то окапывает яблони, то вырубает вымерзшие зимой вишни. Стоило выйти во двор, и Сергей сразу оказывался притянутым к делу.

Сегодня Сергей после завтрака пошел на почту. Надо было уплатить за свет. Утро ясное, золотое. Наполнено сильными петушиными криками. Сергей неторопливо пересек выгон, обошел ров у самой дальней его полевой развилки. Такое было настроение: не сокращал путь на почту, а удлинял его, хотя он и без того не близкий, три километра!

Возвращаясь домой, пошел лесом, пересекая овраги с родниками. Лучшая для него дорога со школьных лет. Шел цветущими лесными полянами, небрежно загребая ногами высокие

метельчатые травы и ощущая их податливую пружинную силу, смахивая с колокольчиков и желтоголовых куртин пижмы шмелей и бабочек, с ленцой схватывал с ворсистых коротких стеблей земляники перезревшие в клеточку ягоды.

Увлечся лесом, не заметил, как небо закрыли тучи. Начало накрапывать. И только когда полыхнула низкая светло-голубая молния и гроыхнул всеми тяжелыми колесами гром, Сергей заторопился, подстегнутый ливнем, помчался, петляя между кустами и деревьями, угадывая на бегу, какая тропинка быстрее выведет его к деревне Кожухово. И вдруг почти рядом, за двумя плотными кустами высоких раскидистых слив, услышал женские голоса. Сергей остановился. В полном летящих брызг просвете между ветвями сливы он увидел красивое молодое девичье лицо. Оно было озарено мягкой стыдливой улыбкой, той самой, которая у девушки говорит о многом.

Да, это была она, Лариска!

Крадучись, Сергей приблизился к тому месту, где Лариса свернула в глубину сада, и затаился. То, что он увидел, на мгновение смутило его. Он нечаянно подсмотрел, как девушка раздевается под дождем, обнажая все тело ливню...

Кожушиха еще подходила, а внучка, сбросив с себя платье, уже стояла под дубом, да, под тем самым, о котором говорил отец. Она словно в сладком сне стояла, зажмурившись, потягивая руки навстречу неудержимо льющимся с широких ветвей дуба тускло посверкивающим струям.

— Бегай, внучка! Бегай! — Кожушиха руками показывала, чтобы Лариса не стояла на месте.

И Лариска, выражая восторг от такого купания в дожде, с повизгиванием закружила, заскакала под дубом, останавливалась и запрокидывала голову с большими косами, словно бы слушая, как ее щекочит струи дождя.

А бабушка Кожушиха запричитала:

Ты оплесни, дубок-солнышко,
Мою внучку из зеленого ведерышка,
Чтобы ходила она, веселилась,
Красота ее не притупилась,
Чтобы груди ее, девичьи, белились,
Наливались, возносились...
У нашего дуба-семизуба
Что ни зуб — врачебное чудо.

Сергей весь промок, вытаращив глаза, смотрел на бабушку и внучку! Лариска бегала, подскакивала, срывала на бегу длинные стебли пырея и помахивала, похлестывала ими по телу.

— Еще разок, внучка! — подсказывала Кожушиха. — До пара жаркого! Душ наш теплый, целебный.

Кожушиха допела поддубную песню и строго приказала:

— Ну, хватит, внучка! — и набросила на нее длинный солдатский плащ.

Сергей пропустил их вперед. На цыпочках, стараясь не отставать от них, бесшумно пошел за густым валом слив и вишен.

Когда Лариска и Кожушиха скрылись в доме, Сергей хотел было зайти к ним. Погреться. Настолько промок, что уже и не думал о дожде. И внезапно вернулся к дубу. Снял рубашку, пробежал под ним несколько кругов и тоже, как Лариска, похлебал с дубовой коры текучей пресной воды.

Возле сенных дверей он хотел заглянуть в щелочку, но услышал:

— Быстрый какой! Неделю как объявился и уже приметил!

Как ужаленный, отбежал он от дома Кожушихи: «С чего это она взяла?»

— Ну, я тебе устрою!— уже вслух пригрозил Сергей Кожушихе и ухватился за висячий замок сарая. Поискал глазами, чем бы выдернуть из трухлявого косяка петлю вместе с замком, но замок, едва к нему притронулся, сам собою раскрылся.

Сергей оглянулся. Никого. Тогда он открыл щелястую дверь и в полутьме разглядел пень. Плохо еще сознавая, что с ним делать, выкатил на улицу и вдруг, почувствовав, что пень, несмотря на свою величину, легко перед ним катится; одним махом взвалил его на себя. Трусцой пустился с ним под гору, не пробежав и половину склона, сбросил с себя. Два размашистых прыжка, и пень скрылся во рву.

Пораженный такой прытью пня, Сергей остановился: «Надо же! Вырвался на волю, словно конь горячий...»

Пень упал под самым крутым краем рва. Два широких ливневых потока, сбегая по склону, сливались тут и чуть ли не горным водопадом летели на свалившийся пень.

А дождь шел и шел.

Сергей, совершенно равнодушный к нему, медленно побрел домой, обходя ров.

В свои предыдущие приезды он пытался вбивать во рву ивовые колья, чтобы вода не размывала берега и не смывала чернозем. Некоторые колья ожили, пустили корни, покрылись побегам. И даже превратились в деревца. Но сколько еще нужно вырастить деревьев, чтобы схватить ими все проточины? Тысячи!

Обойдя ров, Сергей вышел к тому месту, откуда хорошо был виден свергнутый им пень, и почувствовал к нему жалость: вокруг него klokотали напористые черно-желтые воды. «И чего я угнал пень у старухи с внучкой?»— подумал Сергей.

* * *

Ливень бушевал всю ночь. С тропическим размахом. Такого ливня в этих местах давно не бывало, хотя местность считается ливневой. Не молнии, а какие-то брызжащие искрами

раскаленные донельзя скобы изгибались от горизонта до горизонта, то и дело их схватывая и оскальзываясь. Невыносимой густоты вспышки света слепили окна, проникая под основание дома и вылетая из-под пола через мельчайшие щели крашенных досок синеватыми лучами.

Мать, испуганно просыпаясь, крестилась. Отец дважды открывал дверь, пропуская в дом озябших кошек. Они проскакивали к самой кровати Сергея и начинали резко отряхиваться, окропляя его водой. И вот стряслось в небе нечто почти невозможное: раздался близкий повергнувший дерево удар.

— В грушу молния ударила, — сказал отец. Он не спал, напряженно вглядываясь в заоконную с перехлестами дикого света тьму. — Теперь засохнет, — сокрушаясь о груше, сказал отец. — Почти сто лет простояла...

Дождь продолжал лить, но теперь после поразившей грушу молнии он как преобразился: был уже не бешеным, а убаюкивающим, дремотным.

И Сергей заснул, а во сне видел себя рядом с обнаженной девушкой, которая бежала, таща на себе пень...

Проснулся от торжествующего раскатистого крика петуха.

В окне, на листе яблонь, принимающих к стеклам, играли бессчетные блики. Кажется, каждый лист после прошумевшего ливня обзавелся собственным миниатюрным фонариком, и утренняя листва соревновалась в свечении ими у окон.

— Пора завтракать, — напомнила мать.

Сергей выбежал к дворовому умывальнику и застыл пораженный: наискосок через двор лежала отсеченная молнией вершина старинной дикой груши, посаженной еще бабушкой, когда она, совсем молодая, пришла из соседней деревни к мужу, чтобы остаться здесь навсегда. Отец приподнимал распластанные ветви. Недозрелые плоды, густо покрывавшие их, разлетелись по всему двору, наполнили собою лужи.

— Она грушу посадила, свою одногодку, — начал говорить отец о бабушке. — С детства клонилась к ней. И после свадьбы любила ее. Сама сто лет прожила, а груша осталась. Бабушка говорила: «Молния бы не попала». Как в воду глядела, хотя уже пятьдесят лет прошло, как умерла.

— Что-то много сказок про силу деревьев, — сказал Сергей. — То корни дуба на себе таскают, то голыми вокруг дуба бегают... А тут еще и груша волшебная.

Ливневые потоки хорошо поработали во рву.

Обходя перепаханный водами ров, Сергей обнаружил множество обвалов земли. Остались нетронутыми только те места, где ветвились посаженные им черенки. К вечеру, когда земля подсохла, Сергей нарубил новых черенков и понес их в ров.

— А ты как думал? — удивился отец. — Жить, ни во что не веря? Тут, куда ни глянешь, сказки кругом. Как же без них?..

На желтом глиняном холме оползня стоял парень, это

был внук Кожушихи — Лешка. На нем резиновые сапоги, джинсы и с закатанными рукавами ковбойка в крупную рыжую клетку. Посвистывая и держа руки в карманах, парень подошел к Сергею, когда Сергей начал высаживать черенки во-зле рва.

Сергей заколачивал черенки, а за его спиной раздался девичий голос — это бежала ко рву Лариска. Босая, в легком ситцевом в мелкий зеленый горошек платье с прыгающей за плечами косой.

— Пень там, во рву! — крикнула она брату.

Оказывается, они искали пень.

Сергей и виду не показал, что это он унес пень из сарая. Лешка выкарабкался к ней.

И потом они вместе проследили цепочку едва приметных выбоин, оставленных пнем, вплоть до той самой точки, где пень, сброшенный Сергеем, помчался в свой последний путь.

«А дальше — только мои следы... — подумал Сергей, глядя на озабоченных Лариску и Лешку, занятых поисками пня. — До самого сарая. Неужели могут догадаться?..» И спешно ударил обухом топора по верхушке черенка. К ним шла Кожушиха.

Она подержала в руках найденный Лариской, отломившийся от пня корень и поглядела на ров.

Сергею показалось, что его заподозрили. Вот дался им этот пень! Он отвернулся от кожуховского бугра и, оставив несколько черенков не вбитыми, пошагал домой, унося лом и топор. Не захотелось больше возиться с черенками на глазах Кожушихи. Дома они с отцом взялись за срубленную молнией грушевую вершину. Перекололи, пересекли, сложили в поленницы. Сергей думал о Лариске. Так она выросла!

— Люди рассказывают, что Лариска приемная. Ни на кого не похожа. Ни на отца, ни на мать. И брат ее, этот самый Лешка, тоже совсем ей не брат. А как на самом деле, никто, кроме Кожушихи, не знает, — сказал отец. — Их отец и мать в Ливнах работали. Они взяли из детского дома мальчонку. Своих детей у них почему-то не было. Он и прижился. А девчонку вроде бы им подбросили. В младенческом возрасте. Потом родители погибли в автокатастрофе, а дети растут. Кожушиха только ради них и живет. Лешка недавно из армии возвратился. В десанниках был. Решил в колхозе остаться. А Лариска каждое лето у бабки. После школы в Ливнах учится.

Отец постоял, подумал и добавил:

— Однажды девочка провалилась под лед. Выловили. Ничего, обошлось. Кожушиха отходила. Она и меня лечит. И всех ветеранов войны. А лечение ее, можно сказать, вроде бы и не лечение. То заставит под дубом посидеть, то пригласит к столу и ну чаем угощать, заваренным разными травами, а сама при этом петь старается.

Сергей слушал отца, не перебивая. Думал о вчерашнем Ларисином лечении! Бегать голышом вокруг дуба! Ну и ну!

«Неужели так может быть? Чужие от роду люди — не знают о том. Родными выросли. Почему без отцов и матерей оказались?»

* * *

На следующий день Сергей решил дело с черенками довести до конца. К нему, с азартом крепившему ров, пришел Лешка.

— Странная история,— сказал Лешка, поздоровавшись.— Был у нас пень. Таскал я его вместо штанги. Я ведь штангой в армии занимался. А в этот ливень он ускакнул в ров. Бабка моя говорит, что его туда силком отправили. Говорят, что сосед кинул, кто бы это? Как ты, Сергей, думаешь? Может быть, сам пень убежал?

— Да плюнь ты,— сказал Сергей, заколачивая черенок.— Пень ты таскаешь — это хорошо. А почему бабка таскает? Между прочим, у нее лучше получается...

— Она тоже здоровье укрепляет!— воскликнул Лешка.— В роду у нас такое заведено. Деды и прадеды пни кололи. Соревнования придумали: выкопанные пни поднимать. Всех деревенских приглашали на зрелище. Самое забавное,— засмеялся он,— их жены тоже силами мерились. И не последними были среди мужиков. Ты разве не слыхал?

— Как не слыхать.

— Мы с Лариской пни копаем, а бабушка по ним топором ходит. И соседям помогает пни колоть. Для нее пень обратить в полешки — все равно что на празднике побывать.

— Почему же пень удрал у вас из сарая?— ехидно спросил Сергей.

— Причуда какая-то. Не корни у него, а восемь танцующих человечков! Такие забавные все, что глянешь — и засмеешься,— громко сказал Лешка.— Для Лариски брали. Как диковину. У вашего отца.

— Что же, и Лариска хотела таскать пень на спине?— любопытствовал Сергей.

— Хотела,— вздохнул Лешка.— А теперь вот пропал. Глиной засыпало. Лариска как испуганная ходит. Глаза мокрые. Смотреть тяжело. А чем ей помочь? Разве откапашь? Целый холм глины перекопать надо.

— А может, экскаватор пригнать?— прищурился Сергей.— И что вы так за пень держитесь! Суеверие! Глупость какая-то! Целебным считать.

— Бежит! Лопаты несет!— вдруг крикнул Лешка, увидев Лариску.— Вот ведь какая! Ну как приварилась к этому пню.

— Давайте я вам помогу,— предложил свои услуги Сер-

гей.— А вдруг отроем! Понятно: дубовый пень — тайна природы. А женщины к таким вещам равнодушны. Ведь женщина более всего женщина рядом с тайною,— замысловато сказал он.— Не будем лишать Лариску удовольствия быть хозяйкой тайны.

Подбежавшая к ним с лопатами Лариска кипела плохо скрытым нетерпением. Плечи полные, распирающие ставшее тесноватым подростковое платье. Напористо растущие груди противились налегающему на них ситцу. Крепкая девка!

Сергей смущенно отвел взгляд.

Кажется, рассмотрел ее всю, когда принимала дубовую ванну, а желание смотреть на нее еще больше увеличилось.

Не глядя на Лариску, Сергей взял у нее лопату.

— А ты иди,— строго сказал Лешка запыхавшейся Лариске.— Помогай бабушке. Без тебя выкопаем пень.

Лешка говорил с ней, как с маленькой, и Лариска, обиженно хмыкнув, поспешно ушла.

— Таковую бы невесту мне найти. Всю жизнь светить будет,— сказал Лешка, нажимая сапогом на лопату.

«А почему бы ему не жениться на Лариске?— внезапно подумал Сергей.— Ведь они не родные? Хотя, конечно, не знают об этом. А парень, конечно, не ветрогон. И на работу хваткий».

Копали долго.

Отдыхали и снова копали.

Лариска принесла парного молока, а порадовать ее было нечем.

Сергей выпил одну кружку, другую. Так же с аппетитом пил и Лешка. Лариска, держа крынку, бегло, но цепко поглядывала на Сергея. И еще одну кружку наполнила молоком, слив в нее содержимое кувшина до капли. Помедлив, решая, как быть, подала Сергею:

— Нашему гостю!— торжественно произнесла она и посмотрела ему прямо в лицо.

— Хватит,— вежливо отказался Сергей.— Спасибо!

— Такой большой и не можете,— внезапно пристыдила Лариска и вся осветилась новым решением:— Последнюю давайте все вместе выпьем. На брудершафт!— и, отпив свою долю, снова протянула кружку Сергею.

И вдруг он осушил всю кружку, на едином дыхании и повернул ее вверх дном.

— А мне?— спохватился Лешка.

— Тыфу ты!— вспомнил с досадой Сергей.— Ну да ладно. Доверяю отдать кружку сестре. Свои люди — сочтется.

Снова Сергей и Лешка копали лопатами грунт, вытаскивая пень из грязи.

До самых сумерек провозились, к ним пришла Кожушиха.

Забрызганные грязью, потные Сергей и Лешка посмотрели на нее и в изнеможении оперлись о свои лопаты.

— Ну что?— тихо сказала Кожушиха.— Пень не дается?

— Быть такого не может!— убежденно возразил Сергей.— Вытащили!

Подумав, Сергей спросил старуху:

— Ну зачем Лариске эта грязная коряга?

— Человек высыхает без сказок, и освежиться ему нечем,— отозвалась Кожушиха.

«Ишь ты, какая философ!»— хмыкнул Сергей и тут же заверил:

— Да я Лариске на машине другой пень привезу!

Опять появилась Лариска, вместо тесноватого платица школьных лет на ней новое, кремовое, с линиями, мягко обрисовывающими ее тело, платье. Отчего она словно бы повзрослела? Русые волосы, не уложенные в косы, свободно стекали по спине, оттеняя полноту высокой шеи.

«Вот нашли занятие!»— думал Сергей.— Этот дурацкий пень!»

И только когда пень был вытащен из грязи, бабушка Кожушиха взвалила его на спину и, не оборачиваясь и не говоря ни слова, резко зашагала вверх по склону, увлекая всех за собою.

И снова Сергею показалось странным это неперемнное желание Кожушихи все, что связано с дубом, соединять в жизни самым загадочным образом. Однако ощущение того, что он и сам уже весь во власти Кожушихиных сказок, все острее захватывало его воображение. Да и бабкины ли только? К этим сказкам привязан отец. Мать, когда заходит речь о дубах, тоже лицом преображается. И ее любовь под дубами проходила. А прадеды? До самого главного, ордынами почти до смерти посеченного, в сказки вросли. Так и жили, так и живут: сказка в человеке, а человек в сказке. А его, Сергея, что гонит в родные места? Только ли забота о матери и отце? Только ли желание подпитать свою кровь родниковыми водами?.. Надышаться цветочной прохладой родной природы?.. В Москве давно живет и работает. Там кино, телевизор. А здесь — сказки. Весь его дух отсюда. Неистощима его тяга к тайнам. Исыхает он без деревенских сказок, создающих здоровыми и землю и людей.

А потом Сергей вместе с Лариской сажал ивовые черенки по краю рва, укрепляя его.

Посадили и молодой дубок. С огорода Кожушихи. Долго примеривались, где лучше его поставить. А когда сделали лунку на глубину урезанного корня, Лариска попросила насыпать в лунку чернозема. Сама расправила на нем каждый корешок дубка. И так до самого верха лунки; Сергей сыпал глину, а Лариска каждый новый боковой корешок укладывала на чернозем.

— Расти, милый,— потрепала дубок за его узорную листву Лариска.

— Какое-то религиозное отношение у вас к дубам,— заметил Сергей.— Дерево — не человек.

— Оно живое,— сказала Лариска.— Плохо посадишь — не выживет. Под ним глина сплошная. А в глине любой корень глохнет. Посмотрите, вон сколько в ней твоих черенков задохнулось.

— Это верно,— согласился Сергей.

Лариска принесла три ведра воды. Кожушиха вылила их в лунку новосела.

— Отдыхайте. Все будет хорошо,— сказала она.— Завтра же на нем новые листья проклюнутся. Это ливневая вода со старого дуба стекла. В ней сила имеется. Особая.

«А я тебя, словно в бане, видел»,— Сергей хотел сказать об этом Лариске, но не осмелился. Ночью она уехала в город. И когда на другое утро Сергей спустился в ров, не поверил своим глазам: дубок по-весеннему напружинился, на всех его ветках прорезались свежие листья. Сергею тоже предстояло уезжать, а жаль было расставаться с дубком, как с живым, как со щемящей памятью о Лариске...

Владимир МИХАНОВСКИЙ **СЛУЧАЙНЫЕ ПОМЕХИ**

(Главы из повести)

...Здесь, в Тристауне, он поселился в заброшенном домишке на городской окраине. Собственноручно прибил вывеску: «Часовых дел мастер. Ремонт и сборка часов по вкусу клиента». На вывеске сам же намалевал усатого молодого человека, который жестом факира выхватывает из ничего, из воздуха, пару часов. Лицо молодого человека получилось свежельно-красным, а один ус явно длиннее другого. Если говорить по правде, художником он был никудышным.

Подходящую для себя профессию он долго обдумывал загодя и решил, что часовщик — самое надежное. Ведь едва ли не все люди пользовались часами — в сущности, нехитрым, даже примитивным прибором для измерения времени. Врожденного чувства времени, без которого он себя не мыслил, у них не было.

Занимаясь ремонтом и сборкой часов, он решал сразу несколько необходимых проблем.

Во-первых, он мог заработать на безбедное существова-

ние, не прибегая к помощи аппаратуры, которая могла бы привлечь нежелательное внимание.

Во-вторых, у него естественным образом завязывались контакты с местными жителями, для которых он по прошествии времени стал своим.

В-третьих — и это главное, — будучи в безопасности, он мог без суеты готовиться к выполнению возложенной на него миссии.

Частенько, проходя мимо распахнутых настежь дверей мастерской, тристаунцы видели, как в глубине ее, склонившись над столом, возится с микроскопом и детальками часовщик. Откуда им было ведать, что занимается старик вовсе не часами, а прибор с микрометрическим винтом и тубусом — вовсе не микроскоп?..

Планета, как и предполагалось, оказалась чрезвычайно богатой рудами и минералами, так что с загрузкой синтезатора никаких проблем не возникло.

Ему предстояло собрать из выращенных деталей два небольших аппарата, чем он и занимался в течение долгого времени.

Таиться от любопытных, как и все провинциалы, тристаунцев не следовало — это только навлекло бы подозрения. Поэтому он, тонкий психолог, и действовал в открытую.

Аппараты, которые он в конце концов собрал, резко отличались друг от друга как по назначению, так и по внешнему виду. Форму, впрочем, он мог придумать любую — она определялась только его собственной фантазией.

Первый прибор — мыслепередатчик — имел сравнительно небольшой радиус действия, три-четыре километра в земных единицах. По его расчетам, для первого опыта этого было достаточно.

Со вторым аппаратом — усилителем — дело обстояло сложнее.

Если передатчик должен был до конца находиться при нем, то усилитель следовало отправить в космос на расстояние не менее трехсот тысяч километров.

Оба прибора он собрал давно. Усилитель вышел компактным — чуть побольше булавочной головки. Однако что делать дальше? Вывести его на орбиту с помощью малой ракеты? Вроде бы не плохо, и такая возможность у него имелаась. Но запуск необычной, пусть даже и малогабаритной ракеты обязательно заметят, а это может вызвать самые нежелательные последствия.

Долго размышлял он, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, даже бессонницу нажил. Бродил по городу, здоровался с многочисленными знакомыми, заглядывал то в стереотеатр, то в речной порт, то на аэродром — своего космодрома у Тристауна не было.

Слетать к океану, где расположен ближний космодром, и, наметив подходящий рейс, пристроить в корабле усилитель? Опасно: прибор могут случайно повредить или того хуже, обнаружить и взять для исследования... Это риск, а риск следовало если не устранить, то хотя бы свести к минимуму.

Его задание состояло из двух этапов. Первый — проверить эффективность воздействия мыслепередатчика на землян. Второй — если прибор произведет ожидаемый эффект, сообщить на материнскую планету. Для этой цели необходимо вывести усилитель подальше в космос.

Между тем время, отведенное для выполнения операции, истекало. Он ощущал это по внутреннему своему биоритму, без всяких часов, хотя в последние годы мастерил их с большим увлечением.

Он был уже близок к отчаянию, когда делу помог случай. Однажды он возился у токарного станка, вытачивая детали клепсидры — прибора для измерения времени, которым пользовались древние греки. Он вычитал его описание в каком-то пыльном фолианте.

Звякнул колокольчик.

В лавку вошел широкоплечий молодой человек в новенькой, с иголки, форме слушателя Звездной академии.

— Чем могу служить? — привычно обратился к нему старый часовщик.

— Увидел витрину и залюбовался вашими часами. Нигде не встречал таких.

— Что ж, смотрите, — широким жестом обвел помещение хозяин. — Может быть, какие-нибудь вам и подойдут.

Молодой человек медленно прошелся вдоль прилавка.

— Очень любопытная работа... — пробормотал он. — Эти... Эти... И вот эти!

Часовщик вежливо улыбнулся. Но улыбка была какой-то странной, вроде приклеенной. Впрочем, курсант, занятый хитроумными механизмами, не обратил на нее внимания.

Часы и впрямь были удивительные! Разных форм, размеров, основанные на различных физических принципах, все они шли, и все показывали абсолютно одинаковое время, что являлось лучшим доказательством их высокого качества.

— Откуда такое великолепие, разрешите поинтересоваться? — спросил посетитель после продолжительной паузы. — Кто ваши поставщики? Может быть, венериане?

— Самый частый вопрос, — заметил часовщик, погладив седую окладистую бороду. — Нет у меня поставщиков. Все эти часы собрал я сам, вот этими руками.

— Удивительно! — воскликнул курсант. — Я в свободное время сам увлекаюсь точной механикой, электроникой, кое-чего мастерю. Но такое!.. Это просто чудо.

— Не чудо — многолетняя практика, — скромно поправил

старик и вдруг круто изменил тему разговора:— Бьюсь об заклад, вы не местный житель.

— Как вы угадали?

— Немножко наблюдательности.

— Далеко?

— На Луну.

У часовщика перехватило дыхание. Продолжая ничего не значащий разговор, он лихорадочно размышлял. Ведь Луна удалена от Земли на расстояние почти четыреста тысяч километров — идеальный вариант!

— И долго намерены пробыть там?

— Дней пять.

«Отлично. Больше мне и не нужно»,— подумал старик.

— Я не спрашиваю, какие могут быть на Луне дела у молодого человека,— как бы между прочим произнес он.— Но с большой долей вероятия можно предположить — ваш полет связан с красивой девушкой.

— На сей раз промашка!— рассмеялся курсант.— Девушки, увы, пока нет.

— Ну, сегодня нет — завтра появится. Дело, как говорится, молодое,— утешил часовщик, у которого уже созрел план.— Послушайте меня, пожилого человека: женщины — народ весьма загадочный и капризный. Знаю по собственному опыту. Ведь до того, как осесть в Тристауне, я колесил по белу свету, хлебнул, как говорится, всякого.

— На Земле?

— Не только. Побывал и на других освоенных вами планетах... Они мало чем отличаются друг от друга.

Что-то неприятно царапнуло слух молодого человека, но что именно — он не мог уловить. А голос часовщика продолжал монотонно журчать. На какое-то время посетитель отключился, затем до его слуха донеслось:

— Между прочим, вы, люди, я имею в виду, молодые люди, склонны недооценивать роль психологического момента, воздействия посторонних влияний на психику, сознание... Да и вообще, не кажется ли вам, что человеческая цивилизация получила явный крен в сторону технизма, бездушия, что ли?..

— Я не философ,— пожал плечами курсант, стараясь преодолеть смутное ощущение беспокойства.— Но мне известны люди, согласные с вами.

— Вот как! Кто же это?

— Например, одна моя знакомая, медик по специальности.

— Отлично. Я рад, что у меня есть единомышленники. Знаете, в психической жизни мыслящего существа таится масса непознанного. Но это я так, к слову... Сердце красавицы склонно к измене,— неожиданно пропел он довольно приятным,

хотя и слегка дребезжащим дискантом, и курсант мимоходом подивился абсолютности его слуха — словно бы прозвучала механическая запись профессионального певца, который, правда, не в голосе.— Знаете, молодой человек, вы очень нравитесь мне. Подарю-ка вам образчик своего товара. Самый лучший!

— Зачем? Я не могу...

— Нет-нет,— перебил старик, замахав руками.— Я просто хочу, чтобы вы меня не забыли, когда унесетесь за десятки парсеков от своей планеты, а меня уже не будет в живых. Я, увь, довольно стар. Износился, как говорится...

— Современная медицина...

Старик покачал головой.

— Думаю, даже клиника Женевьевы Лагранж не в силах продлить мои дни.

— Вы знакомы с Лагранж?

— Откуда мне знать ее?— удивился старик.— Я человек простой. Только читал о ее клинике, где делают чудеса. И о ней самой, восходящем светиле медицины и биокibernетики... Но кто на Земле не читал или не слышал о Женевьеве Лагранж?

— Когда я говорил об одной моей знакомой, то имел в виду именно ее. Вот, поглядите!— Курсант вынул из кармана кителя фотографию и протянул старику.

— О, красавица! Про таких можно слагать стихи...

Курсанта охватила странная апатия. Ему давно пора бы подняться и уйти. На сегодня намечена уйма дел, нужно приобрести маску для студенческого маскарада, который должен состояться на Луне, потом еще к океану он собирался слетать. Однако подняться и выйти из лавки не было сил.

— Мне кажется, основной ваш недостаток состоит в том, что вы чрезмерно застенчивы,— словно издалека донесся до курсанта голос часовщика.— Нет, я не сомневаюсь в вашей личной храбрости, свидетельство чему — форма, которую вы носите. Я о другом — об отношениях с женщинами. Ну, угадал? Можете не отвечать — по лицу вижу. И тут я могу помочь. Удивлены? Сейчас поясню, о чем идет речь. Предположим, вы знакомитесь с интересной женщиной. Она вам нравится, но мучает вопрос: пользуетесь ли у нее взаимностью? Реальная ситуация?

— Пожалуй.

— Идем дальше. Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно знать, каково ее настроение. Если превосходное — значит, больше шансов на взаимность. Если же нет — значит, вы ей безразличны. Логично?

— Логично,— кивнул молодой человек,— но как узнать настроение?

— Вот мы и подошли к главному,— решительным тоном

произнес мастер.— Вам необходим иннастр, индикатор настроения. Вещь это редчайшая. Но для вас я постараюсь.

— Никогда не слышал о таком приборе.

— Немудрено.

Часовщик подошел к двери, звякнул щеколдой.

— Я сделаю для вас иннастр в форме наручных часов. Это удобно — вы никогда не расстанетесь с ними, и циферблат в любой момент даст ответ на волнующий вас вопрос.

Курсант поднялся со стула и сделал несколько шагов по комнате, разминая затекшие от долгого сидения ноги.

— А как, собственно, им пользоваться?

— Я все объясню завтра, когда придете за подарком. А теперь извините старика за нескромный вопрос: вам нравится Женевьева Лагранж? Вы любите ее? Спрашиваю отнюдь не из праздного любопытства. Итак?

— Люблю ли я Женевьеву? Пожалуй, нет,— покачал головой курсант.— Скорее, просто испытываю симпатию к ней.

— Превосходно. А она?

— Может быть.

— Отменно!— щелкнул пальцами часовой мастер.— В таком случае, прошу оставить до завтра ее фотографию.

— Но я думал, профессия колдуна исчезла еще в средние века.

— Нет, мой молодой друг,— рассмеялся часовщик.— Все гораздо проще. Я хочу выгравировать ее портрет на внутренней крышке часов. Поверьте, это будет одна из самых превосходных гравюр на свете, которой не устыдился бы и сам Альбрехт Дюрер...

Курсант протянул часовщику фотокарточку Женевьевы — пышноволосой молодой женщины с сосредоточенным выражением лица.

— Вы добрый человек. Не знаю, как и благодарить вас.

— А знаете, я делаю вам подарок не совсем бескорыстно. Если часы вам понравятся, вы расскажете о них другим, даже на Луне. Реклама — двигатель торговли.

Курсант наконец вышел из лавки и направился к гостинице, расположенной в центре Тристауна. Шагал рядом с ручейком бегущей ленты, поглядывая на разнокалиберные дома, выстроившиеся вдоль улицы. Близ перекрестка на лужайке мальчишки гоняли мяч, используя в качестве ворот два небрежно брошенных на землю школьных ранца.

— Давай пас, Сережка! — донесся пронзительный голос; это кричал кто-то из нападающих

«Вот уж не думал, что в эдаком дальнем углу тезку повстречаю», — подумал курсант.

Впечатления от встречи с часовым мастером никак не желали выстроиться в линию. Что-то продолжало беспокоить. В памяти всплыло: «На других, освоенных вами планетах»—

так, кажется, сказал старик. Кем это, собственно, «вами»?..

«Заговаривается дед,— подумал Сергей.— Но вообще-то милый, доброжелательный человек. Философствует довольно любопытно. Большой мастер своего дела. Такие часы изготовил — глаз не оторвать! Что на витрине, что в лавке. Какая выдумка!»

Потом мысли его приняли другой оборот. Как это можно сконструировать прибор, который бы показывал настроение собеседника? Впрочем, эмоции человека связаны с определенными биотоками в головном мозгу. Ток вызывает электромагнитное поле. Пусть слабое — это не принципиально...

Он размышлял, глядя на играющих мальчишек, пока пестрый мяч не подкатился к ногам. Поддел его носком и ударил с такой силой, что мяч свечой взмыл в темнеющее тристаунское небо под восторженные крики игроков. Помахав им на прощанье рукой, Сергей Торопец двинулся дальше.

* * *

Пословица гласит: человек предполагает, а космос располагает. Мог ли Сергей подумать, что заурядный рейс Земля — Луна окажется так богат событиями?

Как узнал он о первой тревожной радиোগрамме, носившей неофициальный характер?

Еще сидя в пассажирском кресле, Торопец почуял: на борту происходит что-то неладное. Он обладал, как и положено учету Звездной, обостренной интуицией на возможные нештатные ситуации. Однако никак не мог определить, в чем, собственно, дело. То ли стюардессы начали двигаться по проходу чуточку быстрее обычного, то ли в их негромких голосах, предлагающих пассажирам карамельки да прохладительные напитки, прорезались неощутимые для других нотки нервозности.

А ведь полет, казалось, проходил нормально. После активного участка пассажиры, приведя противоперегрузочные кресла в удобное для себя положение, лениво перелистывали журналы, дремали, что-то набрасывали в путевых блокнотах.

Две дамы впереди Сергея оживленно беседовали о том, каким спектаклем откроет лунный театр свой новый сезон. Сергей понял, что обе они — коренные жительницы Луны. Одна другой нагеребой жаловалась, прерывая захватывающую театральную тему, как тяжело пришлось на Земле, где вес каждой из них увеличился ровно в шесть раз.

Слева от Сергея сидела девушка. Лицо ее показалось знакомым, однако он никак не мог припомнить, где и при каких обстоятельствах ее видел. Не обращая на соседа внимания, она со скучающим видом съела апельсин, затем надела наушники, и взгляд ее стал отрешенным. Торопцу оставалось только га-

дать, что она слушает и видит: бродит одна по необитаемому острову? А может, просто наслаждается хорошей стерео-музыкой?

Тогда-то, собственно, все и началось... Стюардессы, как всегда, курсировали по проходу — среди сотен пассажиров всегда находился кто-то, требующий повышенного внимания. Одна окликнула другую, и в голосе ее Сергей уловил тревогу. Правда, он не придавал этому значения. И зря, как выяснилось немного позже.

Девушка, сидевшая рядом, Сергею определенно нравилась. Когда она усталым жестом сняла старомодные наушники и положила их на колени, он решился заговорить с ней.

— Вы лунянка?

— Будем считать так. — Она выразительно покосилась на иллюминатор, за которым не было, да и не могло быть ничего, кроме черного неба.

— А я землянин, — произнес Сергей, но его слова повисли в воздухе.

«Почему ее лицо так знакомо?» — мучил Торопца вопрос, но ответа он не находил. Девушка потянулась, чтобы опустить на иллюминатор жалюзи, и наушники соскользнули с ее колен на пол. Сергей нагнулся, она тоже, они столкнулись лбами. Он, покраснев от смущения, протянул ей упавший предмет.

— Благодарю, — впервые улыбнулась девушка. — Знаете, у вас хорошая реакция.

— И у вас не хуже.

— Мне положено.

— Почему?

— Я спортсменка.

— Боже мой, Рита Рен! — осенило его. — Как я мог не узнать вас!

Девушка пожала плечами.

Рита Рен была знаменитой гимнасткой, он неоднократно видел ее на экране видео, и надо же — так опростоволосился!

Торопец представился, и через несколько минут они уже болтали как старые знакомые. О спорте, поэзии, будущем человечества...

По широкому проходу в сторону пилотской кабины бежала взволнованная стюардесса. Торопец обратился к ней:

— Что случилось?

— Ничего не случилось, пассажир, — ответила она. — Вы же по табло видите — все в порядке.

— Может, кому-то плохо? — предположила Рита Рен.

Сергей поднялся и, игнорируя внезапно вспыхнувшую надпись на табло «Ходить по салону категорически воспрещается!», направился в капитанский отсек.

Корабль, как и положено на давным-давно освоенной

трассе, вел киберпилот. Капитан сидел, глядя на пульт неподвижным взглядом. Был он отчего-то хмур и, похоже, не очень удивился, увидев перед собой звездного курсанта.

— Что, коллега, не сидится? Заходи, заходи. Погляди на мое корыто. Из ранних серий кораблик, устарел безнадежно. Воюю с начальством, чтоб эту посудину модернизировать. Хотя в работе она все еще ничего, как сам видишь. Не опасайся, учебет, надежный фрегат,— хлопнул он ладонью по пульту.— Дотащит нас до Луны, и точно в срок.

Торопцу показалось, что капитан многословием старается скрыть растерянность. Глаза его суетливо бегали, чаще всего задерживаясь с какой-то опаской на стоящем перед ним приемном аппарате.

— Если что на борту не в порядке, можете располагать мной, капитан,— неожиданно для себя произнес Торопец.— Этот класс кораблей я хорошо знаю.

— Ишь ты, какой пряткий,— усмехнулся капитан.— За предложение спасибо, только едва ли ты...— не договорив, он резко переменял тему.— Сам-то откуда?

— Землянин.

— Где был-то на Земле в последний раз?

— В Тристауне.

— Что?!

Торопец решил, что капитан недослышал.

— Городишко такой есть, в Юго-Восточном регионе. Слышали?

Вместо ответа капитан быстро придвинул руку к кобуре лучемета, висевшей на боку. Торопец сделал вид, что не заметил угрожающего жеста.

— В чем, собственно, проблема, капитан?

Тот окинул Сергея подозрительным взглядом и, видимо, успокоенный, пробурчал:

— Послушай, курсант, возвращайся-ка лучше на свое место. У меня-то все в порядке, а у тебя как? Голова не болит?

— Нет,— машинально ответил Торопец, удивленный неожиданным вопросом.

В этот момент заработал приемник. Из щели дешифратора поползла лента. Капитан, продолжая коситься на незваного гостя, жадно просмотрел довольно длинный текст радиогаммы, затем ладонью стер пот с лица и тяжело вздохнул.

— Послушайте, капитан,— сказал Торопец.— Я выпускник Звездной, осталась преддипломная практика. И, по положению, находясь в любом космическом корабле, имею право...

— Спокойнее, парень,— перебил его капитан.— Я знаю законы не хуже тебя.

В отсек заглянула запыхавшаяся стюардесса. Она переминалась с ноги на ногу, явно желая что-то сказать, но не

решаясь при пассажире. Наконец, скользнув глазами по его новенькой форме, спросила:

— Есть еще радиogramмы?

— Есть.

— И что?

— Плохо. Зона безумия вокруг города расширяется. Но пассажирам не сообщать. Обе радиogramмы носят неподтвержденный характер. Они, так сказать, превратного свойства.

Торопец, ничего не понимая, переводил взгляд с капитана на стюардессу. Когда девушка ушла, он в сердцах махнул рукой и также повернулся к выходу.

— погоди, курсант,— остановил его капитан.— Дело есть.

Торопец присел, ожидая, что скажет капитан. Происшедшее явно нуждалось в пояснениях.

— Случилось, браток, страшное. И кто знает, не останется ли эта старая калоша одним из немногих обиталищ людей, которые не поражены безумием.

Капитан протянул первую радиogramму, а когда Торопец внимательно прочел ее, продолжил:

— Теперь понимаешь, почему я насторожился, узнав, что ты только что из Тристауна. А вдруг, думаю, он тоже поражен этим безумием и оно заразно?.. Тогда всем на борту крышка, из корабля не выпрыгнешь... Четверть века вожу эту посудину по одному и тому же курсу. Начал на ней работать, когда тебя небось еще и на свете не было. Так что прости уж, я с тобой на «ты».

— Пустяки.

— И четверть века дружу с приятелем, который послал радиogramму.

— А где он работает?

— В центральной диспетчерской Южнополярного космопорта. У нас в традицию вошло — когда я в полете, разговариваем с ним, обмениваемся информацией. Мне ведь скучно тут сутками болтаться, все отработано, вообще этот маршрут давно на полную автоматику переводить пора...

— Свяжитесь с ним по прямой, переговорите.

— Пытался,— вздохнул капитан,— не получается. Можно только предположить, что у них там сейчас творится!

Торопец попросил вторую радиogramму. Она оказалась еще тревожней. В Тристауне и его окрестностях происходит нечто невообразимое. Район поразила вспышка безумия. Люди бегут из города, при этом вступают в смертельные схватки друг с другом, пытаются покончить с собой.

— Когда ты ходил по Тристауну... Замечал какие-нибудь признаки?

— Нет. Тристаун — тихий, зеленый городок.

— Но люди там какие?

— Обычные. Доброжелательные, спокойные,— ответил Торопец, припоминая старого часовщика.

— А что ты там делал, если не секрет?— поинтересовался капитан.

— Решил посмотреть на края.

Мелодично ударил гонг.

— Скоро Луна,— сказал капитан.— Ступай на место, пристегнись, как положено. Сейчас будем маневрировать перед посадкой.

* * *

Старый часовщик был единственным, кто сохранял спокойствие в волнах ужаса, захлестнувших Тристаун. Мыслеизлучатель действовал исправно, как он и предполагал.

Проба проходила удовлетворительно.

Остается послать сигнал, вызывающий десант. Судя по индикатору, который улавливал импульсы, излучаемые часами, курсант не обманул, корабль приближался сейчас к естественному спутнику Земли.

«Спасти этот странный род, населяющий богатую планету, теперь может только чудо»,— усмехнулся пожилой мастер.

На ежегодный лунный праздник студентов Торопец мечтал попасть давно, но все не получалось: на эти дни всегда находилось какое-нибудь дело, более важное. Теперь наконец он оказался на Луне в канун торжеств.

...Стереомузыка оглушала и слепила, раздражала его, и он уже начал жалеть, что приехал сюда. И что здесь, собственно, особенного? Остался бы лучше в том же Тристауне. Может, спас бы старого часовщика — почему-то Сергей был убежден, что тот погиб.

Сергей взял трубочку мороженого и стал в сторонку, наблюдая модные танцы, которые появились за время его пребывания на Юпитере, на преддипломной практике.

Сдобный голос невидимого ведущего объявил белый танец. Торопец смотрел на веселящиеся парочки.

В тот самый момент, когда он покончил с мороженым, перед ним появилась девушка небольшого роста, глаза ее показались ему необычайно огромными. Смешно сделав книксен, она что-то произнесла — он не разобрал слов, заглушаемых музыкой.

— Простите?— растерялся Сергей, глядя на незнакомку.

— Разрешите пригласить вас на белый танец,— повторила она, улынувшись. Он пожал плечами:

— Белый танец я танцую как белый медведь.

— Тогда... на белое мороженое! — Улыбка удивительно шла ей.

Они выбрали местечко, где народу было поменьше... Потом заглянули в знаменитую оранжерею, где были собраны образцы флоры со всех освоенных планет Солнечной системы. Внезапно почва под ногами дрогнула. Зойка — так звали девушку — испуганно остановилась.

— Из космопорта стартовал корабль, — не задумываясь, пояснил Сергей.

— Вы что, все знаете? — посмотрела она на него. — Тогда скажите, куда он направляется?

— На Меркурий.

— О! Может, вы ясновидящий?

— Просто я был вчера вечером в порту и на всякий случай изучил расписание.

— И когда следующий старт?

— В 6.15 утра. Луна — Земля.

— Да, память у вас... — покачала она головой.

Они еще долго бродили, говорили много, взхлеб, перебивая друг друга, и никак не могли наговориться. О науке, о музыке, о литературе — обо всем.

Сергей проводил Зойку до центральной площади Лунограда. Попрошались перед гостиницей, где она остановилась. Сергей еще не преминул объяснить, что шаровые часы, венчающие башню посреди площади, — одна из главных достопримечательностей города: показывают время в разных точках Солнечной системы.

— А свои вы не забыли перевести на лунное время? — поинтересовалась Зойка.

— Можете убедиться.

— Я таких не видела! — Зойка с любопытством рассматривала циферблат, который, как ей показалось, на глазах начал менять окраску: был зеленый и вдруг стал приобретать синеватый оттенок. Или это от уличного освещения? Она отошла немного от световой панели, но на цвет циферблата это не повлияло.

— Часы с секретом, — сказал Сергей.

— Я не мастер разгадывать секреты, — покачала головой Зойка.

— Их собрал один мой знакомый, — сказал Торопец. — Цвет циферблата зависит от настроения того, кто на него смотрит. Помните школьное правило о спектре?

— Ну как же, — улыбнулась Зойка и скороговоркой произнесла: — «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан».

— Вот именно, — подхватил Сергей. — Красный, оранже-

вый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Так вот, если настроение превосходно, циферблат будет красным. Чуть похуже — желтым. И так далее.

— Почему же сейчас его цвет изменился?

— Значит, вы расстроились. Видимо, из-за нашего расставания.

— Не слишком ли вы самоуверенны, молодой человек? — усмехнулась Зойка, поправляя прическу. — Я чувствую себя весело, как никогда, а часы показывают какие-то унылые тона. Ваш часовщик просто пошутил.

— Механизм часов очень чуткий. Они улавливают процессы, о которых человек может еще не догадываться.

По предложению Сергея перешли на «ты». Зойка вздохнула:

— Уже поздно.

— А хочешь, я завтра Луну тебе покажу, — предложил Торопец. — Ты впервые здесь?

— Да.

— Тут масса интересного: место первой высадки, самый большой кратер, памятник Герберту Уэллсу, башня влюбленных...

— Влюбленных? — переспросила Зойка.

— Почитай мировую лирику. Тысячи лет влюбленные вздыхали на Луну. Могу столько стихотворений прочесть на эту тему — до утра хватит. А когда люди здесь обжились, решили поставить такой памятник.

— Пойдем сейчас! — загорелась Зойка.

— До башни далеко, — покачал головой Торопец. — Она за поясом кратеров. Поедем туда утром, в шесть ноль-ноль. Возьму у приятеля луноход.

— Поедем, — обрадовалась Зойка. Она все еще держала в руках часы Сергея. — Мне кажется, эти часы... словно живые. От них исходит какое-то тепло. — Она внимательно посмотрела на часы, и вдруг словно тень пробежала по ее лицу. Откуда бы ей взяться?

Девушка захлопнула крышку часов и протянула их Сергею. Лицо ее было бледным.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего, — покачала она головой. — Устала я сегодня. Плясала много. Есть такая примета: много веселья — к печали.

Они подошли к гостиничному подъезду.

— Знаешь, Сережа, — нарушила она паузу. — Не тянет меня завтрашняя прогулка. — И убежала.

Резкая перемена в поведении девушки озадачила и огорчила Торопца. «И впрямь, видно, устала. Заеду к ней завтра, как договорились», — решил Сергей и отправился добывать луноход.

Рано утром он лихо остановил машину у входа и,

игнорируя лифт, бегом поднялся на одиннадцатый этаж, где жила Зойка. Перед ее дверью замедлил шаг, достал часы, щелкнул футляром. Без минуты шесть. Постучал пальцем — ответа не последовало. Тихонько толкнул дверь — она оказалась незапертой.

— Зоя! — позвал он, заглядывая в комнату. В номере ничего не было. Постель — в полном казенном порядке. Ровно натянутое одеяло и пышно взбитая подушка говорили о том, что Зойка, по-видимому, не ложилась. Или поднялась совсем рано, тщательно застелила постель и ушла. Но куда?

Сергей присел к столу и попытался сосредоточиться. Что зацепило ее сознание, когда он только что открыл часы? Цвет циферблата! Он был фиолетовый! Последней туда смотрела Зойка, вчера вечером. Значит, в тот момент настроение ее стало прямо-таки убийственным. Но почему?

Он достал часы, машинально открыл футляр... и хлопнул себя по лбу: остопок! Как он сразу не догадался! С внутренней стороны крышки на него глядела улыбающаяся Женевьева. Ее-то, наверное, и увидела Зойка. Ревность, старая, как мир, ревность!

Мысль работала четко, как на экзамене. Только бы Зойка осталась на Луне, тогда он так или иначе ее отыщет. А вот если уедет...

Единственные ворота с Луны во внешний мир — космопорт. Ближайший корабль стартует в 6.15. Луна — Земля...

Он сунул злополучные часы в карман и выскочил из номера, хлопнув дверью. Расталкивая редких в эту пору прохожих, ринулся к луноходу. Двигатель мигом взревел, словно чувствуя нетерпение водителя.

Он нажал стартер и на предельной скорости помчался по узкому лабиринту старого города, больше полагаясь на чутье, чем на знание маршрута. Выбравшись на скоростную трассу, Сергей выжал из машины все, что мог, и вскоре вдаль показались знакомые ажурные башни космопорта. Ворота уже начали сдвигаться — верный признак того, что сейчас с космодрома стартует очередная ракета. Луноход влетел в ворота, едва не задев их.

Корабль стоял, готовый к старту, отсвечивая свежей кобальтовой краской. Рядом возвышалась стойка на гусеничном ходу, кабина с последними пассажирами готовилась к подъему наверх. Выскакивая из машины, он успел заметить, как за прозрачной стенкой лифта мелькнуло Зойкино лицо. Когда он подбежал, кабина плавно тронулась. Не раздумывая, Торопец дернул аварийный стоп-сигнал. Кабина замерла, дверцы раздвинулись, и он шагнул внутрь.

— Вы? Ты? Здесь? — выдохнула Зойка.

Сергей взял ее за руку.

— Выходи.

— И не подумаю,— вырвала она руку.

— Молодые люди,— благожелательно улыбаясь, вступил в разговор старичок в новомодном галстуке.— Может быть, вам лучше выяснить отношения там, снаружи?

— Что случилось? Лифт неисправен?— загремел в переговорной мембране зычный бас капитана.

— Спасибо за добрый совет,— поклонился Торопец старичку и силком вытащил упиравшуюся Зойку из кабины.

— Ну и что дальше?— спросила она.

— Как договорились,— сказал Сергей.— Поедем, покажу Луну.

— У тебя уже есть кому показывать,— поджала губы Зойка.

— Ты о той женщине, которая... Она мне только друг.

Зойка иронически хмыкнула.

— Не веришь? Смотри.— Сергей вытащил часы, размахнулся и с силой швырнул их о бетонную плиту космодрома.

— Сумасшедший,— покачала головой Зойка.— Такую редкую вещь уничтожил.

...Да, никто из землян не знал, по какой причине болезнь безумия, охватившая вдруг Тристаун и его окрестности, сошла на нет, а виновник трагедии так и не успел связаться со своими сородичами. События развивались следующим образом.

Выбрав момент, когда в лавке никого не было, часовщик запер входную дверь, затем поставил мыслепередатчик на подоконник, принес стул и сел у окна, чтобы удобнее было наблюдать. Несмотря на жаркий день, на улице было оживленно.

Забавные они существа, люди. Столько лишнего делают, столько нерационального, мельтешат, суетятся по пустякам, а то и вовсе без повода. Бездну умственной и психической энергии затрачивают на бессмысленные эмоции...

На перекрестке, видимом из окна, остановились две женщины. И ведь говорят-то наверняка о всякой ерунде, а сколько пыла, сколько страсти! Можно подумать, решают, менять ли термоядерный режим Центральной звезды, которую они именуют Солнцем. И главное, улыбаются!

Как ни странно, улыбка была самым трудным из всего, чему пришлось научиться ему на Земле. Ни одна другая раса не умела улыбаться. Часовщик, запершись, часами отрабатывал перед зеркалом улыбку, прежде чем она стала более-менее походить на естественную. Бессмысленное растяжение лицевых мышц! Столь же бессмысленное, как и другие действия этих странных и непонятных созданий.

Впрочем, часовщик адаптировался в Тристауне довольно удачно. На жизнь хватало, аборигены относились к нему доброжелательно, а одна из соседок, женщина положительная, явно симпатизировала седобородому мастеру, никак не подозревая, что скрывается под его личиной. Она зачастила в лавку, приносила местные кушания, собственноручно приготовленные, вела долгие разговоры о тяготах одинокой жизни и прелестях жизни совместной. Однажды привела она свою дочь Марту, бойкую девочку лет шести. Та понравилась часовщику, он даже погладил ее по голове.

После каждого визита соседки часовщику приходилось выбрасывать принесенную еду в сточную канаву. Питался он световой энергией, непосредственно усваивая ее.

Да, в смысле питания люди безнадежно отстали от его сородичей. Какое, однако, это могло иметь значение? *Их расу* должна вытеснить более жизнестойкая, именно они — самосовершенствующиеся киберы с абсолютной свободой действий...

Решено. Он включил передатчик. Поначалу за окном ничего не изменилось. «Все правильно, необходимо определенное время релаксации», — подумал он.

Один прохожий напомнил ему высокого плечистого курсанта Звездной академии. Великолепный экземпляр! Он уже далеко. И, конечно, трясется над часами — драгоценным подарком, который был синтезирован за несколько минут... Часовщик почувствовал на мгновение нечто вроде жалости, но тотчас подавил это чувство. Слабый уступает сильному, сильный — еще более сильному. Таков закон космоса.

А хорошо он тогда придумал в последний момент — сделать на крышке часов портрет этой женщины. Иначе курсант мог — мало ли — подарить их кому-нибудь, просто продать. А теперь часы стали как бы именными...

Между тем на улице что-то изменилось. Люди с недоумением поглядывали друг на друга. «Ага, начинается», — подумал часовщик, усаживаясь поудобнее.

Разговор двух дам на перекрестке, казалось, достиг высшего накала — так они жестикулировали и разевали рты. Но вот движения их замедлились, стали какими-то сонными. И вдруг одна вцепилась другой в волосы, с силой дернула. От неожиданности та уронила наземь сумку. Оранжевые апельсины покатались по асфальту. Прохожие переступали через них, кто-то бросился подбирать, другой с улыбкой подошел к дерущимся женщинам, пытаясь их урезонить. Тогда обе в слепой ярости накиннулись на миротворца.

«Все верно, — подумал мнимый часовщик. — Начинается с озлобления, потом переходит в панический ужас...»

Вскоре у перекрестка завязалась жестокая потасовка. Тол-

па разбухала, заполняла весь тротуар, выплеснулась на проезжую часть. Образовалась пробка. Под непрерывное гудение машин хаос продолжал нарастать.

Через какое-то время появились силы порядка. Однако люди в форменных мундирах, вместо того чтобы утихомирить страсти, сами полезли в драку, ожесточенную и бессмысленную.

Часовщик потерял руки — жест, заимствованный у землян. Пока все шло как нужно. Один из обезумевших людей, валявшийся под самым окном часовой лавки, вдруг рывком поднялся, придерживаясь за стену, и стал оглядываться, словно и улицу, и дома, и все остальное видел впервые. Лицо его выражало ужас. В следующее мгновение он издал пронзительный вопль, проникший сквозь двойные стекла, и помчался по улице, выставив вперед руки, словно слепой. «Прекрасно, начинается этап клаустрофобии, боязни замкнутого пространства», — отметил про себя часовщик.

Вскоре к первому беглецу присоединился второй, затем третий... И вот уже толпы людей в разорванных, окровавленных одеждах, с вылезающими из орбит глазами, давя друг друга, ринулись прочь из города. Именно на этот эффект и рассчитывал часовщик.

В считанные минуты вся видимая из окна часть города опустела. Острый взгляд часовщика замечал валявшиеся на асфальте оторванные пуговицы, пятна свернувшейся от жары крови, вырванные клочки одежды, раздавленные детские игрушки, сумки, портфели...

Часовщику захотелось пройтись по улицам, посмотреть плоды своей работы. Если там не осталось никого, значит, мыслепередатчик действует на всех людей без исключения и можно вызывать на Землю десант сородичей.

Он ступил на размягченный асфальт, сделал несколько шагов. Странно и непривычно было идти по опустевшему городу. Что делать, *смена расы* на планете никогда не проходит безболезненно, — это было ему известно. Зато здесь в скором времени *воцарятся его сородичи*, благо для воспроизводства себе подобных материала достаточно — металлов, руды, любых химических элементов. Хватает и источников энергии.

Часовщик дошел до перекрестка, свернул за угол. Дальше начинался старый город. Древние здания, храмы, уцелевшие еще со средних веков, стояли безмолвно, взирая на мир пустыми глазницами выбитых окон: видимо, безумие бушевало здесь еще сильнее. Осколки стекла похрустывали под ногами, звук казался оглушительным в тишине.

Дело сделано! Можно, пожалуй, сбросить оболочку; в

Тристауне, похоже, не осталось ни одного живого человека.

Часовщик принялся расстегивать пиджак, с которым на людях никогда не расставался. Повертев одежду в руках, небрежно набросил ее на афишную тумбу. Затем водрузил туда же галстук и рубашку. Только руки и голова были у него человеческими. Вместо тела — невообразимая мешанина из транзисторов, реле и других деталей, которым в человеческом языке не было названия.

Избавившись от одежды, часовщик двинулся дальше. Возникло странное ощущение, будто за ним кто-то следит. Оглянувшись, он никого не заметил, однако странное ощущение не исчезло. Чтобы избавиться от назойливого чувства, он нарочно медленно повернулся и зашагал назад. Шел, механически поворачивая голову то влево, то вправо. Память фиксировала картины разрушения и полного безлюдья. Впоследствии пригодится для центрального информария, расположенного на Главной планете. Каждый *разведчик* вносил туда свою лепту.

В это мгновение цепочка мыслей часовщика прервалась: между двумя домами, соединенными полукруглой аркой, мелькнула тень. Кошка, собака? На животных действие мыслепредатчика не распространялось. Не обладая разумом, они, конечно, никак не могли воспрепятствовать колонизации Земли.

Против собственной воли он подошел к арке. Дома были настолько похожи, что казались близнецами. Старинной кладки, составленные из огромных, грубо обтесанных камней, они, казалось, источали полнейшее равнодушие к разыгравшимся событиям. Из распахнутого окна на четвертом этаже свисала кукла, удерживаемая зацепившейся за что-то лентой. Ветерок слегка шевелил ее, пшеничные волосы развевались, и она казалась живой.

Смутное воспоминание шевельнулось в памяти *пришельца*-часовщика при виде этого дома и окна на четвертом этаже. Нет, он не наделен был способностью забывать: это свойство органических структур, хрупких и недолговечных. Зато пришелец умел вычеркивать, стирать из памяти все, что, по его мнению, становилось лишним, ненужным. Что же это? Плохо размагнитил магнитную ленту?..

Под аркой прохладней не было, но после яркого уличного света здесь оказалось полутемно. Едва он шагнул в проем, кто-то отступил назад. Выходит, не ошибся: здесь кто-то есть, и этот кто-то за ним наблюдал!

Взгляд пришельца за несколько мгновений адаптировался к полутьме. В нескольких шагах от себя он увидел женскую

фигуру. Неужели это та, даже имя которой он стер из памяти?

— Это ты,— произнесла она. Он вздрогнул и попятился.— Энрико, ты не узнаешь меня?

Да, так звал его единственный человек в мире — Марианна, добрая женщина, явно благоволившая ему.

Она сделала шаг вперед.

— Энрико, ты самый умный человек в этом городе. Объясни, что происходит?

Она произносила слова как-то странно, словно вслушиваясь в них и делая долгие паузы.

— Марианна,— сказал он негромко.— Что ты делаешь здесь одна?

— Энрико...

— Успокойся, я хочу помочь тебе.— Часовщик прикидывал, как получше убрать нежелательного свидетеля. Он мысленно ругал себя за то, что раньше времени убрал камуфляж, сбросил одежду, столь ему ненавистную. Впрочем, в полутьме Марианна, чем-то взволнованная и наверняка почти потерявшая разум, едва ли что-нибудь заметит. На всякий случай он отступил в самую темную нишу.

— Иди домой, Марианна,— произнес он, стараясь, чтобы голос звучал ласково.

— Нет!— крикнула она.— Только не домой.

— Почему?

— В доме поселилась смерть.

— Смерть? Она уйдет. А хочешь, пойдем ко мне, в мастерскую.

— Ты не встретил Марту?— спросила она, и в ее голосе прозвучала безумная надежда.

— Нет.

— Она погибла, моя девочка,— опустила голову женщина и ухватилась за стенку, чтобы не упасть.

— Почему вы обе не ушли со всеми?

— Когда это началось... Когда все ринулись прочь из города... Мы убежали из дома вместе с остальными жильцами,— начала рассказывать Марианна.— Но в парадном Марта замешкалась, сказала, что забыла любимую куклу и ни за что не оставит ее в беде. Я умоляла ее поспешить, тащила за руку — ничего не помогало. Марта побежала обратно в квартиру и выбросила куклу в окно, крикнула, чтобы я поймала ее. Но кукла зацепилась лентой за гвоздик...— Она перевела дух, затем продолжала:— Наконец показалась Марта. На лице ее был ужас, глаза вылезли из орбит. Впрочем, так выглядели все. «Скорее!»— завопила я, взяла ее за руку, и мы выскочили на улицу, в самое пекло. Я видела, как Марту толкнули, и она упала. Хотела пробиться к ней, но не смогла. Закричала, но мой голос потонул в общем шуме. Толпа несла меня, как щепку... Я ударилась головой о ствол дерева и

потеряла сознание. Сколько времени прошло, не знаю. А когда очнулась, вокруг не было ни души.

«Все ясно»,— подумал часовщик. И здесь привычка, которую он с таким трудом усвоил, живя на этой планете, подвела его. Пришелец улыбнулся. На биопластиковом лице его заиграла гримаса, столь тщательно заученная перед зеркалом.

— Энрико, ты... улыбаешься?— потрясенно спросила женщина, и глаза ее блеснули в полутьме.— Радуетесь, что моя девочка погибла? Ты чудовище без сердца, я давно подозревала это.— С такими словами она шагнула к нему.

Голос женщины дышал такой ненавистью, что часовщик еще больше втиснулся в нишу.

— Марианна, успокойся,— пробормотал он, с ужасом чувствуя, что никак не может прогнать проклятую улыбку со своего лица. Она как бы приклеилась — видимо, что-то разладилось в биомеханизме, и мышцы щек свело.

— Смеешься над моим горем? Мы никогда не были нужны тебе — ни я, ни Марта. Нет, ты не человек!

...Знала бы Марианна, как близка была она в тот момент к истине!

Часовщик отказался от своего намерения ликвидировать свидетеля и думал только о том, как скрыться. Марианна бросилась на него. *Мастер* попытался отступить, запнулся и едва не упал.

— Не уйдешь!— выкрикнула Марианна, схватив его за руку, и вдруг лицо ее свело от ужаса.— Энрико...— шепотом произнесла она.— Ты не человек? Ты... машина? Мне соседки говорили, но я не верила им. Робот, проклятый механизм! Отвечай, негодяй, где моя дочь! Это все — твоих рук дело?— вдруг воскликнула она в каком-то прозрении.

«Она проникла в мою тайну. Ей нельзя оставаться в живых»,— мелькнуло в тускнеющем сознании часовщика. Общими руками-клещами он потянулся к ее горлу. Лицо Марианны посинело, однако она сумела отодрать некогда цепкие пальцы-щупальца.

— Мало тебе моей девочки?— иступленно прохрипела она. И, не дожидаясь ответа, ударила его головой о стену дома. Удар оглушил часовщика, и он стал медленно оседать на асфальт. Марианна его подтолкнула, и бородатое создание рухнуло, рассыпавшись на тысячи и тысячи мельчайших деталей...

...Главная планета так и не дождалась вызова десанта.

Виталий ПИЩЕНКО
РЕКЛАМНЫЙ ПРОСПЕКТ

*Фантастическая пародия в семи частях
с прологом и эпилогом*

Все те же детективы гонялись за все теми же гангстерами — но только в космических ракетах. Все те же мускулистые супермены... несли через джунгли все тех же тоненьких блондинок... только джунгли были инопланетные... И в крутящейся пене сюжетов вздувались пузырями научные и псевдонаучные термины...

А. К а з а н ц е в

ПРОЛОГ

Из детской донесся приглушенный шум. М-р Пиггинс — журналист на случайных заработках — тяжело вздохнул и, выглянув в приоткрытую дверь, страдальчески воззвал: «Марта!» М-с Пиггинс мигом возникла на пороге. Вид жены, будто бы только что сошедшей с глянцевої обложки журнала «Образцовая хозяйка», аромат кофе, принесенного м-с Пиггинс, несколько успокоили расстроенную душу м-ра Пиггинса, и он сменил недовольный тон на тон капризный:

— Марта, это никуда не годится. В то время как я ломаю голову, как лучше выполнить заказ сэра Арчибальда Гудвина... Ты знаешь, что такое заказ Арчибальда Гудвина?

— Это, верно, очень почетно, милый? — неуверенно сказала жена.

— Очень почетно! — саркастически хмыкнул м-р Пиггинс. — Это чертовски почетно, и это чертовски выгодно. Я не знаю, как мы будем жить, если я не выполню заказ Арчибальда Гудвина. И вот, в то время, как я тут стараюсь что-то придумать...

Из детской вновь донеслись приглушенные шум и возня.

— Вот! Вот! — закричал м-р Пиггинс. — Ты слышишь?

— Не волнуйся, дорогой, — проворковала м-с Пиггинс. — Сейчас там будет тихо-тихо. Наш Билл принес из детского сада какой-то новый вестерн, с очень смешным названием «Колобок». У них в детском саду на эту книжку очередь. Билл ждал целую неделю.

— Наверное, опять что-то про Синего Висельника? — проворчал м-р Пиггинс.

— Нет-нет, милый. Я, правда, невнимательно слушала, но, кажется, там банда гангстеров гоняется за милым мальчишкой, а он им говорит: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...» В конце концов его съели.

— Б-р-р! — передернулся м-р Пиггинс. — Черт знает что дают читать детям. Впрочем, как ты говоришь: гангстеры гоняются за мальчишкой... а он: «Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел...» Вообще-то здесь что-то есть... Хм!

М-р Пиггинс задумчиво уставился в потолок. М-с Пиггинс с уважением смотрела на мужа.

— Вот что! — Ладонь м-ра Пиггинса решительно хлопнула по ручке кресла. — Неси-ка сюда этот... бестселлер. Биллу все равно пора спать...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Не нашли?!

Франческо Дед потянулся к «Гудвину» двадцать шестого калибра, но вспомнил, во сколько обходится каждый завозимый на Альбан патрон. Франческо Дед был бережлив, и это спасло жизнь Джузеппе Бабке.

— И по сусекам скребли? — Старый Франческо любил иногда блеснуть эрудицией.

— Скребли, — сокрушенно каялся Джузеппе, — проверили все притоны, игорные дома, салуны, вскрыли попутно пять сейфов. Нигде нет... Как сквозь землю провалился! Но операция принесла прибыль — восемь тысяч шестьсот двадцать четыре долл девятнадцать цен...

— Восемь тысяч!!! — Рука Франческо Деда потянулась к «Гудвину» двадцать шестого калибра, но он вспомнил, что в соседней комнате играет трехлетний правнук. Неожиданный выстрел мог напугать малыша, и это спасло жизнь Джузеппе Бабке.

У Деда были основания для недовольства. Почти месяц Альбанское отделение «Коза Ностры» готовило операцию по разрешению от бремени сейфа Большого планетарного Банка. Участникам акции был прочитан двенадцатичасовой курс лекций, в резервации для аборигенов провели три репетиции. Все получилось идеально. Все, кроме финала. Сейф оказался пуст. Дело объясняла записка на плохом французском языке: «Мерси. Джимми Колобок». Нет, всесильный Франческо Дед был совсем не против самодеятельности. Видит бог, шустрый Колобок был даже симпатичен престарелому мафиози. Но почему новичок не поделился своей добычей? С этим Дед согласиться не мог. Ведь он претендовал всего лишь на 70 процентов содержимого сейфа, щедро оставляя Колобку почти треть!

— Босс, — нерешительно произнес Бабка, — может, нам обратиться в сыскную фирму Гудвина? Я на всякий случай пригласил...

Мафиози просить помощи у сыщика!!!

— Зови, — угрюмо буркнул Дед.

В кабинет неслышно скользнул человек с такой неприметной

наружностью, что у Франческо Деда возникло сомнение в существовании посетителя.

— Мистер Гудвин?— мрачно осведомился Старый Франческо.

В глазах сыщика мелькнула тень удивления.

— Контора мистера Гудвина Двенадцатого находится на планете Земля. Вы хотите увидеться лично с ним?

— Да, я хотел бы именно этого...— раздраженно ответил Дед.

— Думаю, мистер Гудвин сможет принять вас только в конце текущего столетия,— бесцветные глазки детектива внимательно осмотрели потрепанную жизнью фигуру Франческо Деда,— в крайнем случае, право пользоваться очередью перейдет к вашим наследникам.

Франческо Дед потянулся к «Гудвину» двадцать шестого календаря, но вспомнил, что этот человек сам пришел в его дом. Франческо Дед был благороден, и это спасло жизнь сотруднику фирмы Гудвина.

— Фирма, в которой я имею честь служить,— говорил агент, используя предоставленную ему возможность дожить до естественной смерти,— основана Арчи Гудвином Первым — подвижником великого Ниро Вульфа, современником знаменитых детективов: комиссара Мегрэ, Эркюля Пуаро и Мартина Бека. Первый закон гениального Гудвина, возглавившего фирму после того, как Ниро Вульф сосредоточил все свои усилия на выведении медоносных орхидей для пчел своего друга Шерлока Холмса, гласит: «Фирма «Арчи Гудвин» не разделяет людей на бедных и богатых. Нашим клиентом может стать любой человек, согласившийся выплатить фирме сумму, равную двум процентам ожидаемой прибыли». Я сообщу вам адрес, по которому скрывается Джимми Колобок, как только вы сообразоволяете подписать чек.

Задолженность Джимми Колобка Франческо Деду увеличилась еще на полмиллиона долларов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— Что же ты, малыш, а?— Франческо Дед почти ласково смотрел на Колобка.— Нехорошо обманывать! Все денежки ты истратить никак не мог. Где же они?

Колобок криво ухмыльнулся в ответ.

— Нехорошо молчать, малыш! Невежливо. Да и какой смысл? Ведь все равно заставлю говорить.

Колобок опять дернул губами. Улыбка получилась неожиданно ослепительной.

— А-я-яй! Да у тебя зубки бриллиантовые! Вот и денежки. Не будешь ведь утверждать, что твоя мама умела рожать таких

дорогих детишек? Дай-ка мне их сюда. Страсть хочется вблизи взглянуть на такое диво!

Колобок улыбнулся еще шире:

— Попробуй, возьми, если хочешь!— И с издевкой процитировал:— «Искусственные челюсти фирмы «Арчи Гудвин» снабжены антиразжимным устройством и приспособлением для защиты зубов от выбивания. В случае гибели обладателя челюстей бриллиантовые зубы посредством необратимой кристаллической реакции превращаются в угольные».

Франческо Дед не был уверен, что вновь открытое угольное месторождение обогатит его, и это спасло жизнь Джимми Колобку.

— А ты наглец,— угрюмо протянул Дед и кивнул Джузеппе Бабке.— Голубчик, поговори с молодым человеком. Только не до смерти...

Ухмыляясь, Джузеппе Бабка двинулся к Колобку, поигрывая чудовищными бицепсами, от души размахнулся... и Франческо Дед глухо охнул за его спиной — кулак Джузеппе Бабки зацепил его физиономию.

— Шеф, я нечаянно!— испуганно завопил Бабка.

И только то, что Франческо Дед, зажмурившись от боли, не мог нащупать кобуру, спасло жизнь Джузеппе Бабке.

Колобок терпеть не мог левитации. Недолгие минуты свободного полета всегда приводили к затяжному дискомфорту в его желудке. Но лучше проглотить пару таблеток «гундвинсектола», чем вставлять поломанные ребра. Джимми был человеком дела и выбросился в окно не раздумывая.

Спустя полчаса мини-звездолет Колобка ввинтился в первую попавшуюся «черную дыру».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Планетка показалась Джимми Колобку достаточно уютной. Здесь была весьма зрелая цивилизация, плодоносящая салунами и игорными домами. В том, что Франческо Дед не сможет снарядить в погоню за ним эскадру, Колобок был уверен, а гангстеров порознь он не боялся.

Первый преследователь попался на глаза Колобку после недели безуспешных попыток определить преимущество опьяняющего напитка «Гуд» перед опохмеляющим напитком «Вин». Арнольд Заяц стоял у входа в салун, и его большие уши мелко подрагивали.

— Ты это, Колобок,— заискивающе начал Заяц,— ты не ругался бы с боссом, а? Все равно тебе навару с этого никакого. Босс говорит, если ты вставишь стекла и оплатишь больничные расходы Большому Джузеппе, он тебя простит. Слышь, Колобок?

Тяжелая бутылка «Гуда» рассыпалась от удара на макушке Арнольда Зайца.

— Я от Деда ушел, я от Бабки ушел, от тебя, Арнольд, и давно уйду,— негромко напевал Джимми, направляясь к звездолету.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

— Руки вверх, Колобок!

Голос, безусловно, принадлежал Рудольфу Волку. Колобок знал о психической неустойчивости Волка и послушно поднял руки.

— Повернись!

Колобок повернулся лицом к гангстеру.

— Не подходи!

Дуло револьвера в руке Волка дрогнуло, и Колобок оставил попытку приблизиться к противнику.

— Шутки, Колобок, кончились. Гони деньги, или будет плохо!

Рудольф Волк выплюнул жвачку и бросил в рот новый брикетик «Наслаждения Гудвина», Колобок молчал.

— Ну-ну, помолчи, подумай. Улизнуть не надейся. Хватит прыгать по планетам, Маленький Принц нашелся, тоже мне. Ты Зайца за что по голове огрел? У него, бедняги, и так ума немного, так ты последний выбиваешь! Шлепнул бы я тебя, да босс не велел. А может, шлепнуть все-таки?..

Рудольф Волк не был знаком с приемами каратэ, и правая пятка Колобка тут же заставила замолчать вошедшего в ораторский раж гангстера.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Исидро Медведь был высок и толст. Много лет матери пугали именем Медведя непослушных детей, и Колобок чувствовал себя неуверенно под прицелом бластера старого бандита.

— Неужели ты сможешь выстрелить, Исидро?— Колобок смотрел в глаза преследователя.— Вспомни, ведь это ты учил меня правильно держать оружие, ты был моим наставником, когда я потрошил свой первый сейф! Я всегда гордился, что мой «крестный отец»— сам Исидро Медведь!

— Джимми, видит бог, я ничего не имею против тебя лично,— вздохнул Медведь,— ты для меня почти что сын. Но что же мне делать? Я уже немолод, а пенсию мне никто выплачивать не будет — я ведь посвятил жизнь не фирме Арчи Гудвина. Работа, Джимми! Если ты не отдашь мне бриллианты, я буду стрелять. Так хочет босс.

— Ну что же,— взгляд Колобка был прям и печален,— будь что будет!

Джимми Колобок был втрое моложе Исидро Медведя, и реакция у него была втрое быстрее. Легкий шрам на левой щеке лишь подчеркнул суровую красоту Колобка, а Исидро Медведь тяжело завалился на бок.

Сунув пистолет в карман, Джимми долго сидел у тела учителя. Азарт карточного стола, веселый шум салуна куда-то отдались, стали казаться мелкими, неважными. Колобок вспоминал заботливую тетку Медведицу, пирожки, которыми она его кормила, детишек покойного Исидро. Джимми знал жадность Франческо Деда и понимал, что эти дорогие его сердцу люди остались без средств к существованию.

— А почему бы мне не платить им пенсию?— Эта мысль возникла неожиданно и наполнила сердце Колобка тихой радостью.— Конечно! Ведь именно так поступает Арчи Гудвин! Сейчас же отправлю первый перевод.

Джимми послал последнее «прости» телу ушедшего из жизни друга и решительно направился в почтовую контору.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Колобок вынул очередной бриллиантовый зуб и вставил на его место титановый. Жизнь ослепительно улыбалась щедрому клиенту.

— Хелло, малыш!

Джимми оглянулся. Яркая блондинка застенчиво смотрела на него. «38—22—38», наметанным глазом определил Колобок. Шик!

— Я Колобок...— начал он, но красотка грациозно ткнула пальчиком в сторону звездолета.

— Это твоя телега?— осведомилась она.— Может, ты расскажешь о себе в ней? Меня зовут Аннет Лиса.

АГ-15 Колобка взмыл ввысь, но, почувствовав на своем колене гибкие пальчики Аннет, Джимми понял, что подробно рассказывать о себе в таких условиях будет затруднительно, и направил звездолет к уютному пляжику на берегу лазурного океана.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Джимми проснулся с ощущением, что ему чего-то не хватает. Это было странно, ибо засыпал Колобок, чувствуя себя властелином Вселенной... Жизнь была при нем. Не хватало мелочей: звездолета, одежды... Коварная Лиса воспользовалась привычкой Джимми открывать во сне рот и избавила его от бремени обладания бриллиантовыми зубами.

«Жаль, не воспользовался услугами гипнотизера фирмы «Сны Гудвина»,— мимоходом подумал Колобок, обшаривая кусты.

Джимми не сомневался, что вернет утерянное сокровище. Вот только работала Аннет на Франческо Деда или была птицей свободного полета? Как ее найти? Этого Колобок не знал.

В кустах он нашел смятую газету, титановым зубом, оставленным Лисой, легко отгрыз кусок гибкой лианы, подпоясался ею, критически осмотрел свой костюм, махнул рукой: «Сойду за хиппи, протестующего против всеобщей грамотности», — и решительно повернулся спиной к океану.

Рассвет застал Колобка на берегу прозрачного ручья. Джимми Колобок привык начинать день с чтения свежей газеты.

В глаза ему бросилось крупно набранное объявление:

«Если вам хочется купить танк!

Если у вас в доме завелись привидения!

Если вам нужны противозачаточные средства!

Если вы хотите разыскать любого обитателя Вселенной!

Обратитесь в ближайшее отделение фирмы лучшего друга любого обитателя АРЧИ ГУДВИНА!!! В любом населенном пункте, на любой планете!»

Колобок еще раз всмотрелся в газетные строчки, хлопнул себя по лбу:

— Растяпа, как я мог забыть о фирме Гудвина? — и решительно направился к деревушке, видневшейся на невысоком холме.

ЭПИЛОГ

Сэр Арчибалд Гудвин небрежно уронил на стол листки бумаги, принесенные м-ром Пиггинсом. Левая ладонь Гудвина ласково коснулась правой. Великий Гудвин аплодировал! Великий Гудвин улыбнулся!! Великий Гудвин снизошел до того, что сказал сидящему напротив него м-ру Пиггинсу несколько слов:

— Неплохо. Ненавязчиво, но настойчиво. Считай, что твой рекламный проспект заинтересовал фирму «Арчи Гудвин и Господь Бог».

Мирча ОПРИЦЭ

ВОСКОВЫЕ ФИГУРЫ

Пожалуй, ничто другое не могло бы привести меня в худшее расположение духа, чем предложение шефа. Казалось, что все вдруг замельтешило вокруг — и огромные, от пола до потолка, прозрачные окна, и стены со стеллажами, заполненными космическими досье, и светящиеся точки на большой звездной карте.

— Надо бы тебе посмотреть, что происходит на Бактрияне,— сказал шеф.— В конце концов ты заварил там кашу, я это хорошо помню. Прошло достаточно времени, чтобы посмотреть, что из этого вышло...

Но почему именно я? Почему именно я должен вернуться туда? Нервно поерзав в кресле, я предложил, чтобы на Бактрияну отправился другой, кто-нибудь помоложе.

Шеф поглядел на меня и спросил: может, я чересчур переутомился или, может, вообще собираюсь подать в отставку. Он прямо-таки смеялся надо мной, старина шеф, чертов рыжий лис! Но чтобы я не заметил явно пробивавшейся улыбки, он прикусил верхнюю губу, положил руки на стол и бросил на меня вопросительный взгляд.

— Пусть молодые летят,— повторил я. И рассказал ему об одном парне, который плакался повсюду, что занимается у нас сплошными пустяками. Что мы не даем ему развернуться, что он не затем выбрал эту профессию, чтобы торчать в институте около компьютеров.— Вот, пожалуйста, человек ждет не дождется серьезного задания,— сказал я.— Посылайте. Но не одного. Пусть с ним полетят еще двое-трое.

— Ну что ж, подумаю,— ответил шеф.

Но я далеко не был уверен, что мне удалось убедить его оставить меня заниматься делами, в которые я с головой окунул за последние годы.

— Во всяком случае,— добавил шеф,— я потребую, чтобы исследование Бактрияны снова включили в список наших текущих проблем.

«Делай что хочешь!» — подумал я и старательно попытался убедить себя, что все это меня не касается и плевать мне на то, что происходит на Бактрияне, и на весь наш институт. Бактрияна значила кое-что для меня когда-то давно, во времена оные, когда я проходил азы межзвездных полетов. Впрочем, не один я, но и другие мои товарищи, включая самого шефа. То, что мне поручили лететь на Бактрияну, не вызвало ни малейших возражений или переполоха, поскольку никто не стремился попасть на эту скучную планету в созвездии Льва. Вот так и вышло, что полетел я. Планета была включена, бог знает по какой причине, в рабочий исследовательский план и фигурировала где-то на его задворках. Но тогда я находился в таком возрасте, когда жизнь в хрустальных земных городах казалась мне жалким прозябанием, так что свое назначение я принял с присущим юности энтузиазмом и даже принялся строить разные планы. Двое моих младших братьев (один вскоре после моего отлета погиб в аварии, другой продолжал учиться и стал превосходным специалистом по прокладке подземных трасс), преисполненные восторга, сопровождали меня до определенного пункта на служебной космической ракете. Они рвались лететь со мной на

Бактриану, что было бы очень неплохо, но это я думаю сейчас. Задание было поручено мне одному, было строго индивидуальным, так что им пришлось вернуться на Землю, а я, скорчившись в кабине межзвездного корабля, уносился, проваливался в глубины созвездия Льва.

Шеф заявляет «ты заварил кашу» и подобным образом утверждает теперь «ты ее заварил, сам и расхлебывай!». Легко сказать! Хотел бы я видеть того, кто на моем месте поступил бы иначе. Бактриана! Что я — да и не только я, а и все остальные, — что мы знали тогда о Бактриане? «Задание пустяковое, — заверил меня шеф и ухмыльнулся, — не строй иллюзий!» Именно так он и выразился относительно иллюзий. Судя по всем имевшимся расчетам, я летел на безжизненную, пустынную, голую планету, и надо признаться, что расчеты были верными. Действительно, до моего появления планета была безжизненной, пустынной и голой. Припоминаю, как я, лежа в пилотском кресле, с трудом просыпался, возвращался из сна, который можно сравнить с бесконечным обмороком или даже самой смертью. Просыпался я медленно — по земному времени прошло около месяца с тех пор, как мой корабль сел на Бактриану. Но я просто не мог быстрее восстановить обычные человеческие чувства и разум. Так я и лежал в пилотском кресле, ощущая слабость, головокружение, лежал часы подряд с полузакрытыми глазами, а передо мной сверкали яркие отблески, проплывали неясные тени. Честно говоря, я и теперь не знаю — то ли я воспринимал лишние консистенции образы иного мира, то ли это были галлюцинации моего измученного дремлющего мозга. Скорее всего второе. Я галлюцинировал на протяжении медлительного моего пробуждения от полностью бессознательного состояния к действительности чуждого пространства, уже поглотившего меня.

«Ты заварил там кашу, — говорил шеф, — я не забыл», — намекая, что мне нужно ее расхлебывать. И где? На Бактриане! В смутной и неясной среде, на пустынной планете, на пружинистой обманчивой поверхности которой я проложил первые следы. Низко нависшее небо с неторопливо перемещающимися тучами. Рассеянный, равнодушный, тяжелый свет карликового солнца, ползшего невероятно медленно к горизонту и почти все время скрывавшегося за низким пологом мутных туч. Именно такой я впервые увидел Бактриану. «Покой, невозмутимый покой», — подумалось мне. Невозмутимый покой...

Я еще не чувствовал себя в полной норме, голова слегка кружилась, но то, что я увидел за иллюминатором, выглядело вполне безмятежным и безопасным местом. И я решил — после быстрой проверки записей приборов, сделанных во время моего сна, — рискнуть, совершить короткую разведывательную прогулку. Я спустился по траповой лесенке и пошел так, чтобы космический корабль постоянно находился за моей спиной. Вре-

мя от времени я оборачивался и поглядывал на него, чтобы не потерять направления. Передо мной была неровная местность. С одной стороны виднелись далекие голые склоны, может быть, склоны угасшего вулкана. С другой — ядовито ржавели странные грязные озера. По мере приближения к ним почва становилась все более вязкой, и я шагал со всей осторожностью, страшась неведомой ловушки. Приборы уже исследовали окружающую среду, и я знал, что опасность грозит лишь на определенном расстоянии от этих озер или болот. Почва была настолько эластичной, а иногда настолько скользкой, что мой инстинкт самозащиты срабатывал не сразу...

И вот тут-то я натолкнулся на собственный космический корабль и буквально остолбенел, не понимая, как я умудрился потерять направление. Ибо, идя по прямой линии, постоянно имея корабль позади, я неожиданно вернулся к исходной точке, куда я мог попасть (основываясь на теоретических знаниях, которыми вооружила меня Земля), только описав той или иной формы круг. Инстинктивно я обернулся назад, но мглистое море; поднявшееся из болотистых озер, снизило видимость, и я ничего не мог разглядеть. А передо мной незыблемо стоял мой корабль. Корабль был мой, и все-таки чего-то в нем не хватало. Уставившись на него, я размышлял, что могло с ним случиться за время моего недолгого отсутствия. Вскоре я сообразил, что у корабля не было выходного трапа. А ведь я спустился по четырехступенчатой металлической лесенке. Но сейчас — или, вернее, тогда — у корабля не было лесенки. Кто-то или что-то убрало лесенку-трап. Иного объяснения в данный момент не находилось.

Крайне удивленный, я, позабыв об осторожности, бросился к кораблю. Бесспорно, это был мой корабль, я признал его сразу же, все было на месте. Чтобы добраться до выходного люка, контуры которого слегка вырисовывались на побуревшей от прохождения сквозь атмосферу оболочке, не требовалась лесенка. Корабль стоял на опорах, высота которых доходила мне примерно до плеча. Я попытался открыть люк, нажав на автоматическую кнопку. Люк не открывался, даже не дрогнул, намертво застыв в своей рамке. Помню, что, обозлившись, я принялся колотить кулаками по люку. Было странно и непонятно, почему не действовала автоматическая кнопка, которая, казалось, служила простым украшением, бесполезным атрибутом оболочки корабля. Не понимал я, не понимал, почему не действовала кнопка, почему не открывался люк, составлявший, по-видимому, единое монолитное целое с оболочкой! Немного позднее все разъяснилось, но в тот момент я верил, что вижу свой корабль. Под воздействием мрачной перспективы навсегда остаться снаружи я продолжал ломиться в люк или, скажем теперь, подобие люка. Так я и ломился, пока, решив найти подходящий булыжник, не стал оглядывать опоры, влипшие в

склизкую почву, а потом, подняв голову, ошеломленный почти до безумия, увидел, честно говоря, еще один космический корабль!

Всего их было шесть, сделавших посадку на голом, неровном плато, на краю которого начиналась извилистая долина. «Сделавших посадку!» Я выразился неточно. Они просто-напросто были «посажены», воткнуты в желатинообразную почву планеты. Все шесть выглядели точь-в-точь как мой корабль. На мгновение я растерялся. Кто знает, что произошло? Может, вслед за мной космическая эскадра произвела посадку на Бактриане. Но кто и зачем мог ее послать? Я с трудом приходил в себя, но, кажется, уже тогда сообразил кое-что. Все космические корабли были наглухо закрыты, не чувствовалось ни малейшего признака жизни. Я терялся в догадках, не будучи в состоянии объяснить их появление, их присутствие, если Бактриана действительно была необитаемой, а я — единственным живым существом, землянином, прилетевшим сюда.

Между тем мгlistое марево поползло обратно к озерам и установилось над ними (впоследствии я убедился, что существовала определенная периодичность «дыхания» глубин планеты, причем почва и вязкая жидкость озер в одинаковой мере, по видимому, способствовали этому явлению). Обернувшись назад, я увидел в рассеянном свете карликового солнца мой, стоящий корабль. Однако около него стояли еще два, и лесенки у них были спущены, немного не доходя до поверхности. Я помчался туда, страшась какой-нибудь беды. И особенно пугала меня мысль, что если я опоздаю, то легко потеряюсь среди одинаковых кораблей и не смогу отыскать свой собственный. Наконец, тяжело дыша, я добрался до корабля, нажал кнопку: люк мгновенно открылся. Помню, что, очутившись внутри, я тщательно задраил люк и изнеможенно упал в пилотское кресло. Прошло немало времени, прежде чем охвативший меня страх исчез. Я успокоился и принялся размышлять обо всем случившемся, постепенно приближаясь к истине. Приходилось согласиться с невероятным и невозможным на Земле явлением, а именно, что Бактриана, скучная, неинтересная планета, на которую никто не горел желанием лететь, обладала необъяснимым свойством воспроизводить и размножать предметы, с которыми она вступала в контакт.

— Ты с ума сошел?! Хочешь скомпрометировать весь институт?! — орал шеф, когда по возвращении я изложил ему подробности и высказал гипотезу, которая, кстати, была гипотезой только на Земле. Для меня же это была кошмарная реальность, пережитая мною на Бактриане. В просторный, светлый, с огромными окнами кабинет шефа воспроизведенные и размноженные космические корабли, как, впрочем, и другие «творения», не могли попасть. Что бы я ни отдал тогда, когда моя правдивость вызвала недоверчивое сомнение, что бы я ни отдал, лишь

бы иметь в руках один-единственный экземпляр, воспроизведенный согласно моим восковым фигурам-образцам! Но я привез достаточно приборных записей и фильмов, которые сотрудники института анализировали, прочитывали, прокручивали с ошарашенным видом. В конце концов они были вынуждены признать мою правоту, убедительно доказанную привезенным мною материалом. Даже шеф при всей своей упрямости согласился — последним — с существованием удивительных свойств Бактрианы, хотя какая-то нерешительность проглядывала в нем; он подписывал мой доклад и отправлял его в информационное хранилище института. «Ты малость разыгрался там!» — с упреком сказал он, но все же подписал. А вскоре по неизвестным для меня соображениям Бактриана была вычеркнута из списка текущих исследовательских работ. Шеф ждал громких протестов с моей стороны (о чем я узнал позднее), но мне и в голову это не приходило. Я облегченно вздохнул, поскольку не требовалось возвращаться туда, откуда я еле-еле унес ноги.

Сидя, подогнув колени, в пилотском кресле и постепенно обретая спокойствие, я начинал догадываться о сути странных явлений, происходящих на Бактриане. Однако догадка была слишком необычной, и чересчур незначительной была аргументация, составленная мной по аналогии с земными явлениями, так что в своих размышлениях я не дошел до четкого объяснения механизма, порождавшего все это, зато установил несомненную связь между мгlistым маревом, надвинувшимся с озер, и возникновением последних двух «копий» космического корабля после отступления мутного грязного облака, которое фактически было насыщенной, непрозрачной, слизистой суспензией, судя по скользкому слою, оставленному на поверхности.

Все произошло примерно так: я покинул корабль и пошел в рекогносцировку, неизменно придерживаясь одного направления и примечая, запоминая малейшие особенности окружающей местности, которые впоследствии могли бы служить мне надежными ориентирами. В это же время мутное облако, клубившееся над самой поверхностью озер (по этой причине и из-за слабого света карликового солнца странные озера всегда виделись неясно, и я не мог определить их очертания), продвигалось к месту, оставленному мною позади, и достигло космического корабля, а я, если бы столь неожиданно не натолкнулся на «копию», продолжал бы считать, что его окутал обычный туман. Но суспензия «проглотила» корабль и, говоря попросту, тщательно ощупывала поверхность, форму моего корабля, анализировала и запоминала их, чтобы затем воспроизвести рядом с подлинником две точные копии. Безусловно, и подобное объяснение не совсем верно, поскольку я по привычке считал эти действия сознательными, хотя среда Бактрианы со всеми ее приводящими в недоумение причудливыми странностями не внушала мне убеждения, что я имею дело с проявлениями разума, интеллекта.

Наоборот, среда планеты, по-видимому, действовала спонтанно, бессознательно, используя миметические ресурсы, содержащиеся в самой внутренней структуре ее материи. Но, во всяком случае, речь не шла о бессознательной материализации объектов хрупких, быстро распадающихся, каковые случайность может создать и в другой обстановке, другой среде. Опусы Бактрианы были безукоризненным и прочным воспроизведением объектов, с которыми соприкасалась суспензия.

«Невозможно!» — восклицал я бесчисленное множество раз. И чтобы убедиться, что все это мне пригрезилось, что где-то я допустил ошибку, я еще раз вышел из корабля для проверочного исследования. Моя гипотеза полностью порывала со стройной системой знаний Земли, но взамен позволяла проникнуть по самому надежному пути в мир Бактрианы, хотя у меня и мелькнула мысль, что было бы слишком невероятно предполагать, что среда планеты абсолютно идентично копирует все, с чем на короткое время соприкасается суспензия. Я спустился по лесенке и направился к стоящим поблизости кораблям. Вначале я просто обошел их и внимательно рассмотрел при несколько усилившемся свете карликового солнца. У обоих лесенка-трап была спущена, поскольку полчаса назад суспензия именно в таком положении застала мой корабль и воспроизвела две безукоризненно точные копии. Тогда-то я и понял, что все остальные недавно увиденные мною космические корабли, висевшие на плато, у входа в долину, на склоне, ведущем к болотистым, грязным озерам (по моим позднейшим наблюдениям, их насчитывалось около двадцати), были моделированы до того, как я вышел из корабля, в тот промежуток времени, когда я постепенно просыпался от гипнотического сна. Ни одна из копий — исключая две последние, — не имела спущенной лесенки, и таким образом, я убедился, что они были результатом предшествовавших «визитов» суспензии. Более того, я понял, что суспензия, посредством которой среда осуществляла присущую ей миметическую способность, была ограниченной, хотя на первый взгляд возможности планеты, выражавшиеся в моделировании, совершенно непонятном для разума землянина, казались фантастическими. И именно это было определяющим моментом в решении, которое я принял: попытаться стать хозяином чуждой силы, канализировать ее в направлении, диктуемом моей волей.

Для начала я вознамерился проверить прочность одной из недавно созданных копий. Прежде всего осмотрел лесенку и констатировал, что ее ступеньки складываются без всякого затруднения. Но кнопка, управлявшая выходным люком, хотя и двигалась в нужном направлении, не вызывала требуемого эффекта, сколько я на нее ни нажимал. Затем я ударил каблуком по одной из опор и испытал ощущение, словно ударил по куску теста. Тогда я двинул ногой изо всей силы, и опора согнулась, а потом обломилась. «Копия» резко накренилась, и я еле-еле

успел отскочить в сторону, чтобы она не рухнула на меня. Она опрокинулась рядом, протянув к небу покалеченную опору. Я смог на свободе осмотреть место разрыва и, хотя этот поверхностный осмотр не помог мне уяснить суть загадочной субстанции Бактрианы, он вселил в меня уверенность, что «копия» не была полностью структурирована после отхода мглистого слизистого марева. Суспензия ощупала мой корабль, «прочитала» мельчайшие подробности, но... только те, что касались внешней его формы, доступной для среды планеты. Среда зарегистрировала (каким образом?) данные относительно объема, внешнего вида оболочки, химического состава, плотности. Потом на основании полученных данных приступила к моделированию и создала две новые копии. Причем, надо сказать, с помощью очень тонких механических операций. То, что лесенка-трап легко складывалась, служило доказательством, что в случае двух последних копий среда Бактрианы гораздо лучше «ощупала» поверхность космического корабля. Но выходной люк не открывался, потому что для миметической способности планеты была недоступна внутренность объекта, где находился механизм, управляющий люком. Облако ощупало и затем воспроизвело на копиях кнопку — совершенно бесполезную.

Я приступил к дальнейшему исследованию беспомощно распростершейся копии. Она очень походила на форму, сделанную из серого теста. При помощи лазера я разрезал ее на «ломти». Внутри было то же тесто, ни малейшего намека на полое пространство, сложную аппаратуру и приборы, которыми я пользовался в своем корабле. Еще одно доказательство в плюс, подумал я, что среда планеты ощупывает только поверхность. Вот и получилось, что, воспроизведя копию, она заполнила недоступное ей внутреннее пространство тестообразной, но достаточно плотной субстанцией. Вероятно, и все остальные копии были воспроизведены точно так же. С тем отличием, что в «разрезанном» экземпляре субстанция еще не успела окончательно зафиксироваться; она эволюционировала медленно, но верно, стремясь приобрести металлические свойства земного подлинника.

Недаром разъярился шеф и орал, что я собираюсь скомпрометировать, подорвать основы института! С тех пор прошло много времени; я прочитал бесчисленное множество рапортов других астронавтов, но ни в одном не упоминалось что-либо подобное; никакой другой внеземной мир, насколько я знаю, не обладал способностью Бактрианы воспроизводить и размножать объекты, причем эта способность проявлялась только при наличии чуждого объекта. До моего прибытия потенциал планеты оставался полностью неиспользованным за неимением моделей-образцов, но в течение нескольких дней, что я провел там, все изменилось. «Я должен был бы санкционировать тебя!» — прорычал шеф, когда подписывал мой рапорт и вычеркивал Бакт-

риану из плана исследовательских работ. Однако ему не давали покоя мои наблюдения, выводы и гипотезы, не давала покоя мысль, что я затеял неосторожную игру, нарушив таким образом равновесие иного мира, мало нам известного. А это случилось после того, как я обнаружил эффективное средство влиять на суспензию, управлять ее действиями.

— Ты позволил себе слишком много,— сказал шеф.— Ты возомнил себя истинным Творцом и действовал по собственному хотению, вследствие чего породил там полный хаос. Именно за это я должен бы тебя санкционировать, но за такую провинность устав не предусматривает соответствующей санкции. И не говори, что ты хотел превратить Бактриану в исследовательскую лабораторию или черт его знает во что! Просто-напросто тебе понравилась игра, и ты довел ее почти до крайнего предела. Теперь ничего не поделаешь: поступило указание временно отказать от исследований Бактрианы, подождать, пока там что-то более или менее наладится... Когда-нибудь позднее увидим, что осталось от мира, который некий человек по своей прихоти перевернул вверх дном.

Примерно так он говорил и выглядел злым и раздраженным, но мне казалось, что он притворялся. В глубине души мои эксперименты на Бактриане заинтересовали его. И уже тогда его снедало любопытство, желание узнать, что же случится с миром, который я создал, воспользовавшись уникальными свойствами планеты из созвездия Льва. Что еще сказать? Меня тоже интересует, мне тоже хотелось бы знать, как развивались отношения между моими многочисленными «творениями», но я словно утратил прежнюю безумную смелость, а именно такая смелость нужна мне, чтобы вернуться на Бактриану.

Сам себе не признаваясь, я желал бы думать, что шеф ошибается, что он не прав, когда обвиняет меня и грозит наказанием. В конце концов, спрашивал я себя, пытаюсь оправдаться, в чем состоит моя вина? Я провел эксперимент на Бактриане, планете необитаемой, следовательно, предоставлявшей полную свободу действий. Я ее не взорвал, не выбросил за пределы Галактики, а просто вывел из пассивного пребывания, положив начало удивительной биологической эволюции. И не в результате насильственных мер или действий, противоречащих нормальной эволюции планеты. Фактически Бактриана сама создала новые формы за рекордно короткий срок. Миметическая способность ее субстанции, казалось, именно для этого и была предназначена. Моей заслугой было лишь то, что я предоставил суспензии образцы для воспроизведения. Можно сказать, что планета с ее поразительными внутренними ресурсами и возможностями ждала меня испокон веков. Экстраординарная среда Бактрианы действовала только в том случае, если имела перед собой модель, а модели-образцы не могли возникнуть из небытия в пустынном голом мире, где жизнь не проявилась и вряд ли когда-

нибудь могла проявиться. Так вот, это сделал я: предоставил планете модели.

Идея осенила меня спустя несколько часов после того, как я разрушил одну из «копий» моего корабля. А ну-ка, подумал я, давай посмотрим, может ли Бактриана сделать и кое-что другое! Я был почти полностью уверен, что серийное воспроизведение космических кораблей для нее далеко не предел, и что-то так и подмывало меня провести проверку. Мареву, стоявшее над болотами, стало клубиться, распухать. Итак, готовилось новое наступление желатиновой субстанции на плато. Мое предположение оправдалось. Мглистое облако пришло в движение и отправилось в мою сторону. Я быстро залез в кабину, служившую для меня единственным убежищем, и синтезировал большим кусок воска. Времени оставалось мало, а воск был самым подходящим материалом. Я трудился не покладая рук и в результате слепил маленькую аляповатую фигурку, отдаленно напоминавшую собаку. Снова выйдя из корабля, я положил фигурку около него, а затем закрылся внутри и стал ждать.

После того как облако ушло обратно в свои болотистые озера, я не обнаружил новых копий космического корабля, зато бесчисленные желтые собачки размером с мою модель появились на плато; все они были восковыми. Тогда я решил сделать модель собаки в натуральную величину. В моем распоряжении имелось достаточно времени, и теперь модель могла быть изготовлена специальной программной установкой. Вскоре передо мной красовался крупный мускулистый пес, тщательно вылепленный из большого куска воска, от которого он позаимствовал и желтую окраску. Я выставил его наружу и, возвращаясь в кабину корабля, подумал, что на необычайно чувствительную среду планеты можно было бы воздействовать и иначе, не только при помощи простой модели. А что, если я сообщу модели дополнительную информацию, касающуюся, например, движения? Я надел шлем, усиливший биотоки моего мозга, включил передатчик и резервную энергетическую установку. На этот раз, когда вязкая, тучная суспензия накрыла мой корабль, я мысленно сосредоточился, представил себе желтую собаку и движения, которые обычно совершает каждая собака: ходит, скачет, скалится и лает, виляет хвостом и т. д. Когда облако отступило в болота, я увидел двух псов, недоуменно оглядывавшихся вокруг, которые затем, держась рядышком, неспешно направились к изготовленной мною модели. Они долго обнюхивали ее, время от времени широко разевая в ленивом зевке пасти, в которых виднелись такие желтые языки, как и все их тело. Наскучив безрезультатным обнюхиванием, они побежали вдаль, весело дурачась и играя друг с другом.

Великая радость охватила меня. Может, я и не создал настоящую жизнь, но это было нечто близкое к ней. Среда восприни-

мала мои команды и действовала в соответствии с ними. Мне стало немного страшно при мысли о том, какие возможности открывает для меня ее послушание. Пока я решал, что же делать дальше, я увидел, как под влиянием дневной жары моя модель начала таять. Пес-эталон сплюснулся, морда его забавно искривилась, уши обвисли; он лежал на боку, все больше и больше сплюсываясь и расплываясь. Где же разгуливали его близнецы? Я беспокойно искал их взглядом и лишь гораздо позднее заметил одного из них. Он тащился на брюхе по берегу озера, и по его жалкому виду я понял, что у него растаяли лапы. Вскоре он перестал двигаться и так и остался там — расплывшееся желтое пятно на сером фоне.

Подобное окончание эксперимента заставило меня понять, что восковые модели, которые среда воспроизводила из вещества, обладавшего идентичными свойствами, не были удачным решением. Тогда я задумал передать среде информацию относительно структуры и состава форм жизни на Земле. Если она принялась воспроизводить, говорил я себе, пусть постарается изготовить настоящие, живые экземпляры. Во всяком случае, это испытание являлось решающим для исчерпывающего подтверждения миметических ресурсов Бактрианы. Мне потребовались два-три дня, чтобы составить конкретную программу, содержащую необходимую информацию. Теперь планета получит все нужные сведения для того, чтобы создать согласно модели и информации реальные экземпляры земной фауны. За это время мгlistое облако неоднократно выходило из болот и значительно умножило кусочки желтого воска, оставшиеся на плато. Я каждый раз собирал их и переносил в кабину.

— Ты возомнил себя Творцом! — заявлял шеф обвиняющим тоном, в котором сквозила ирония. Но все равно он был неравнодушен к моей гипотезе, хотя в дальнейшем нередко читал мне нравственные проповеди о человеческом достоинстве, профессиональной корректности и даже своего рода скромности, которая подозрительно смахивала на простое унижение. Однако я понятия не имел, в какой мере он сам был уверен в полной справедливости своих изречений и не разряжал ли он таким образом — в мой адрес — собственное недовольство и неудовлетворение.

И каждый раз, как я вспоминаю его слова, меня захлестывает горячая волна радости, столь редко встречавшейся в моей жизни. Я не только хотел, но там, на необитаемой планете из созвездия Льва, действительно был Творцом! Мой разум и воля развязали невиданную энергию и управляли творческим актом, вероятно, уникальным во Вселенной, ибо это творчество абстрагировалось от первоначальных низших организмов, от переход-

ных этапов и, практически, от времени, от самой эволюции. То, что природа до сих пор не успела осуществить здесь, а в других уголках Вселенной ей понадобилось неизмеримо долгое время для достижения этой цели, я хотел реализовать в течение моего краткого пребывания на Бактриане. При нормальном ходе вещей возникшие биологические виды укрепляют свою жизнеспособность посредством бесчисленной цепи индивидов, совершенствуя биологическое наследство, устраняя либо модифицируя роды, классы, ветви; я перешагнул через это колоссальное усилие. На Бактриане, при помощи ее среды, разумеется, я создал окончательные виды особей, которые заняли бы высшие ступени в соответствующих биологических разрядах Земли. Но они не имели прошлого, появившись в мире, не имевшем истории. Было бы чистым лицемерием с моей стороны, если бы я не признался — несмотря на все ошибки, в которых меня упрекали, — что не могу и не хочу подавить гордое чувство, что когда-то в ином мире, под лучами далеких созвездий я был творцом жизни и объединил ее формы в таком ансамбле, благодаря которому превзошел, хотя лишь на определенный момент, саму природу.

Чего только я не выделял тогда! Я создал еще одну модель собаки, и на плато появилась стая четвероногих, самых разных пород (примерно двадцать штук), которые, сгрудившись, яростно лаяли и твякали на меня. Вскоре это им надоело, и они разбежались в разные стороны, исчезнув на некоторое время. Затем я создал модель утки, ужа, кролика, павлина. Я аккуратно расставил их неподалеку от корабля, ввел необходимую информацию в запоминающее устройство, подключил его к внешней среде и, усевшись в пилотское кресло, принялся ждать нашествия мглистого марева. Всякий раз перед его приходом я герметически закрывал люк, зная, что таким образом коллоидная суспензия среды может ощупывать, анализировать и воспроизводить только предметы, выставленные наружу. После отступления облака множество кроликов резвилось на плато, а змеи, почему-то воспроизведенные в меньшем количестве, быстро исчезли в узких, скользких расщелинах. Затем я приступил к созданию более крупных животных — буйволов, страусов, оленей, верблюдов, — хотя у меня не было достаточного количества воска. И все же мое начинание увенчалось успехом. Я передал среде подробнейшую информацию о внешнем виде и размерах этих животных с тем, чтобы она, беря за образец маленькие восковые фигуры, воспроизвела бы их такими, какими они существуют на Земле. И в один прекрасный момент я узрел стада буйволов и верблюдов, рыскавших по плато в поисках пищи, и испуганно оторопел — моим травоядным грозила голодная смерть, если я немедленно не предоставлю в их распоряжение расти-

тельность. Я создал образцы трав. Первые были не очень удачными, поскольку некоторые животные щипали и жевали их с явным отвращением, а другие вообще отказывались от подобной пищи и бесцельно бродили, еле волоча ноги. Прошло еще несколько дней, и каждое новое нашествие коллоидной субстанции оставляло после себя различные существа, воспроизводя их в десятках или сотнях экземпляров, согласно неведомым капризам миметической способности, которой обладала среда Бактрианы. Однажды я просто растерялся, увидев лоснящиеся спины и изогнутые рога буйволов, полчища которых заполнили плато. Трава не успевала толком вырасти, а они уже выдирали ее с корнями и жадно пожирали. В свалке многие затевали драки и падали замертво с вспоротым брюхом. Однако пустоты, образованные их гибелью, были слишком незначительны, чтобы остановить гигантский поток животных, которых постоянно обновляющиеся ресурсы планеты, видимо, решили воспроизводить до бесконечности. Более того, следующее нашествие мглистого марева могло привести к опасному умножению трупов на перенаселенном плато. Тогда мне пришла в голову мысль вывести на сцену крупных хищников, ибо собаки, хотя и мучимые голодом, не могли справиться с буйволами, и нечего было надеяться, что с их помощью я реализую необходимое равновесие. Мои вылазки из кабины стали небезопасными; несколько раз неистовавшие животные чуть было не подняли меня на рога, когда я расставлял в надежных местах фигурки-модели. Однажды огромный носорог пронесся мимо и, остановившись у последней «копии» космического корабля (остальные были опрокинуты и раздавлены), с такой силой почесался об одну из опор, что вся «копия» зашаталась. Во всяком случае, неимоверно размножившиеся, голодные травоядные приводили меня в отчаяние, мне надоело непрекращающееся жалобное мычание, рев, грохот копыт, так что я сделал фигурки нескольких львов, одного амурского тигра и двух крокодилов; среда воспроизвела их в натуральную величину; крокодилы выглядели отвратительно. После отступления облака началось побоище. Львы размножились, их теперь насчитывалось около тридцати, примерно столько же и крокодилов, лишь тигр остался в единственном экземпляре, зато проявил исключительную активность и кровожадность; то он набрасывался на оленя, то совершал стремительный длинный прыжок и впивался клыками в незащищенное горло верблюда. Крокодилы с разинутыми пастьми накидывались на буйволов, перегрызая им ноги. Львы повсюду сеяли панику и гнали бедных животных то в сторону болотистых озер, то к обрывистым склонам вулкана. Один из них растерзал кабана буквально в нескольких шагах от моего корабля. Стоял немыслимый адский шум, непрерывный рев сотен глоток. Затем наступила тишина, плато было покрыто

трупами погибших животных, над которыми трудились все еще не утолившие свой голод хищники, лязгая челюстями, вырывая куски мяса, с хрустом перегрызая кости.

Содрогаясь от отвращения, я во всех подробностях наблюдал эту жуткую сцену: кровавое побоище, кровавый пир хищников, которые, насытившись, искали место для отдыха. Львы норовили пристроиться на солнышке поблизости от моего корабля (что меня серьезно беспокоило) и подальше от крокодилов. Уцелевшие травоядные укрылись где-то, зато хищники не выказывали на малейшего намерения куда-нибудь удалиться. Их ленивые движения и потягивания (некоторые развалились прямо у моего корабля) показывали, что они чувствуют себя прекрасно и — пока — мое соседство их нисколько не интересует. Их присутствие было столь же «приятным», как и присутствие обезумевших от голода буйволов. И я боялся, что следующее наступление облака может оставить после себя сотни хищников, так что почти уже решил выйти из корабля и расстрелять, уничтожить мои последние творения, завершив таким образом побоище, начатое этими чудовищами. В тот же момент меня осенила забавная идея: если плотоядные совершили такое массовое истребление травоядных, пусть какое-нибудь травоядное прогонит их! Разумеется, не носорог, который все метался с места на место, объятый страхом и яростью, готовый раздавить своей многотонной тушей любое препятствие, однако он метался беспечно и в конце концов помчался к долине и исчез за ее отвесным краем. Нет, мне требовалось нечто иное, нечто от гротескной комедии, от буффонады, и я сразу подумал о коне.

Итак, я изготовил из воска фигуру коня и составил касавшуюся его информацию, необходимую для миметической среды. Взяв с собой лазерный пистолет, я вышел из корабля и поставил фигурку на довольно далеком расстоянии, чтобы впоследствии не иметь никаких сюрпризов. Львы не атаковали меня, они были сыты; впрочем, я позаботился обойти их стороной, сделав большой крюк, дабы не привлекать внимания. Когда я вернулся к себе, облако над озерами уже начало распухать и клубиться.

Вначале раздалось громовое ржание, от которого у меня мурашки побежали по спине, хотя я воспринимал его через слуховые аппараты, а не непосредственно. Над серыми валами облака, kloкочущими словно в гигантском котле, возникло видение. Это был чудовищно огромный конь; по своим размерам он мог бы соперничать с самым крупным из динозавров. В остальном линии его тела были безупречны. Прекрасный экземп-

ляр с густой гривой, ниспадавшей с невероятно длинной шеи, стоял, взвившись на дыбы в замечательной скульптурной позе, стряхивая со своей рыжей шкуры куски желатиновой массы. Затем огромный конь опустился на четыре копыта, исчезнув в клубившемся облаке и вызвав невообразимый грохот. Сотрясение почвы было столь велико, что я почувствовал его сразу, мой корабль завибрировал мелкой дрожью на своих опорах. Конь, все еще погруженный в субстанцию, материализовавшую его согласно заданным мной размерам, бил копытами и фыркал, храпел словно бешеный, а я едва мог удержать в равновесии корабль, кренившийся из стороны в сторону на зыбкой почве. Когда мглистое желатиновое облако отступило, я увидел коня во всей его красе. Львы, тигр и крокодилы робко пятились от него, в глазах их светился смертельный страх, смешанный с неожиданным и величайшим недоумением. Конь снова издал громовое ржание и ударил огромными, величиной с добрую бочку, копытами по пружинистой почве. Он, словно запертый в клетку, стал носиться от одного края плато до другого, и почва Бактрианы отзывалась вибрацией на удары его копыт. Одно лишь его появление вызвало у хищников ужас, и они мчались от него сломя голову. Я действительно создал еще одно потрясающее «творение»! Через несколько минут уползавшие в панике крокодилы залезли в болотистые озера, а львы и тигр исчезли за видневшейся в отдалении холмистой грядой.

Значит, размышлял я, миметическая среда Бактрианы воспринимала и исходившую лично от меня информацию, дополнявшую земную модель по моему вкусу и желанию. Меня охватила настоящая творческая лихорадка после того, как плато очистилось от хищников. Вскоре куда-то исчез и огромный конь. Однажды ночью я проснулся, поскольку корабль дрожал и ходил ходуном, а утром констатировал исчезновение коня; он, по-видимому, перевалил через горный хребет. На этот раз фантазия моя разыгралась вовсю. Я изготовил множество восковых фигур, по своему внешнему виду сильно отличавшихся от представителей земной фауны. Вначале — трехголовых гиен, которые быстро сожрали всю падаль, оставшуюся от пиршества хищников и постоянно воспроизводимую средой планеты. Потом я изгнал гиен и создал огромных птиц с орлиным клювом, крыльями птеродактиля и рыбьим хвостом. Несколько дней они кружились над озерами, затевая непрерывные драки друг с другом. Я создал жирафа с шакальей головой и кожей, покрытой крупной чешуей; белку, величиной с теленка; улитку, передвигающуюся на суставчатых паучьих ногах; дождевого червя длиной в сорок метров; множественные варианты плотоядных бабочек, спинки которых украсил изображением масок, виден-

ных мною когда-то в музее истории цивилизации. Тщательно изготовленные восковые фигуры подвергались затем воздействию внешней среды, которая при помощи коллоидной суспензии воплощала их в желаемой мною форме и размерах. Однако критерии, согласно которым она их потом размножала, были мне неизвестны.

Рядом со мной начал существовать мир без прошлого, без предшествовавшей эволюции, мир живых форм, не существовавших до моего прибытия на Бактриану. Охваченный неутолимимым стремлением создавать еще невиданных животных, я отказался от пути естественного отбора и свою прихоть возвел в ранг универсальной нормы. Я уже говорил, что меня сжигала созидательская лихорадка. Я испытывал неведомые до тех пор ощущения, порожденные сознанием безграничной власти, которой я обладал там, на скучной, неинтересной планете из созвездия Льва. Ведь я был обыкновенным человеком, но на Бактриане почувствовал себя повелителем ресурсов, при помощи которых мог успешно соперничать с самой природой. И кто знает, сколько времени я продолжал бы свою неистовую игру, сколько еще форм я предложил бы, навязал Бактриане, стремясь ко все более сложным, которые в нормальной ситуации требовали многих и многих тысячелетий развития, если бы удивительная случайность не прервала мою созидательную лихорадку, доказав, что вопреки видимости я совсем не являлся хозяином положения.

Может, тогда я допустил ошибку или, возможно, все от начала до конца было ошибочным — «цепь ошибок», как утверждал шеф по моему возвращении на Землю. Ну и сказал! Ведь там, на Бактриане, где я находился в полном одиночестве, легко было поддаться желанию, а потом почти сумасшедшему стремлению творить и видеть, как первые формы и особенно живые формы выходят из-под твоей руки. Помню, что последний раз я изготовил множество восковых фигур, но прежде всего меня интересовало, какой получится лягушка, которую я замыслил в виде гигантского стегоцефала. И создал я этот прототип намеренно, предвосхищая схватку между ним и гигантским конем; в конце концов, два колосса, обладавших неимоверной скоростью передвижения, должны были встретиться. О, как я жаждал присутствовать при этой схватке, которая, возможно, закончилась бы взаимной аннигиляцией огромных сил, выпущенных мною на свободу. Я заранее видел эту схватку, в которой стегоцефал молниеносно атакует, а конь, открыв пасть, похожую на пещеру, кусается широкими мощными зубами. Да, я хотел ви-

деть жестокую схватку между двумя самыми крупными мойми «творениями», и если бы одно из них погибло, это не огорчило бы меня. Планета далеко не исчерпала свои ресурсы, и я в любой момент мог создать другие формы взамен исчезнувших. Я мог бы стать повелителем жизни и смерти, однако тогда все зависело бы от того, сумеет ли чудодейственная среда планеты воспроизвести восковую фигуру чудовищной панцирной жабы в желательных для меня размерах.

Внезапно я переменял свои намерения, отказался от чудовищного стегоцефала, растопил воск и принялся сосредоточенно работать, напрягая в почти болезненном усилии глаза, пальцы, память, над созданием новой фигурки, которая должна была стать шедевром, сказал бы я сейчас. Творческий пыл, глубокое волнение и страстное нетерпение, с которым я ожидал воплощения своей мечты, словно вырвали меня из окружающей действительности, я сам себя не узнавал, и подобное состояние неопределенного возбуждения преобладало над всеми остальными чувствами, продолжая терзать меня и на протяжении пути к месту, выбранному мной для осуществления последней моей идеи. Моя ошибка, думаю я теперь, заключалась в том, что я не пытался или не мог постоянно, внимательно следить за происходившим вокруг, а также в том, что я, охваченный соблазнительным искушением, даже необходимое для вылазки время рассчитал неверно, поскольку корабль находился еще далеко, когда болотистые озера начали волноваться. Я мгновенно почувал опасность, но было уже поздно, и столь знакомое мне мгlistое облако, чьи удивительные способности я эксплуатировал без малейшего колебания, двигалось по плато. Я попытался избежать встречи, но коллоидная суспензия расползлась чересчур широко, отрезав мне путь и к кораблю и к долине. Тогда я побежал вверх по склону, но он был здесь слишком пологим, и спасительные вершины находились на недоступном расстоянии, учитывая скорость продвижения облака. Я мчался изо всех сил, но облако настигало меня, и, несмотря на головокрумные прыжки по скользкой почве, мне не удалось убежать: через несколько минут я почувствовал, что не в состоянии сделать и шагу, поскольку ноги мои увязли в клейкой массе. Попытка высвободиться привела к тому, что я рухнул плашмя в это странное, вязкое месиво, не позволявшее мне даже пальцем шевельнуть. Меня охватил безумный страх, ведь я хорошо знал, что происходит вокруг и что произойдет со мной. Меня уже не интересовала восковая фигурка, я с ужасом думал о том, что теперь сам являюсь объектом, который ощупывают, «читают», расшифровывают. Но еще больше страшило меня то, что должно было последовать. И я не ошибся.

Когда облако наконец выпустило меня из своих липких шупалец, я беспокойно огляделся вокруг и увидел несколько фигур в космических скафандрах. Мгновение я еще надеялся, что среда не проникла под мой костюм, что ее копирующая способность ограничилась наружными элементами скафандра, однако лежавшие фигуры, с которых стекала желатиновая слизь, задвигались, стали подниматься. Один из этих «типов» уже направился ко мне, неуверенно ступая по липкой поверхности, пошатываясь, словно оглушенный. Содрогаюсь от ужаса, клещами сжавшего мне душу, я спрашивал себя: кто это? Лицо его не различалось под приспущенным козырьком, а прозрачный шлем был таким же грязным, как и мой. Затем, переборов террор, блокировавший мои нервы и почти парализовавший меня, я тронулся с места и пошел к кораблю. «Пошел», потому что, хотя я и желал преодолеть бегом расстояние, отделявшее меня от корабля, и мне даже казалось, что я бегу, ноги мои увязали в клейком месиве, неторопливо стекавшем к озерам. Я шагал с трудом, изнемогая, задыхаясь, уstraшенный медлительностью собственных движений. Вскоре, опомнившись в какой-то мере от охватившей меня растерянности, я разыскал скорее всего случайно правильный обратный путь. Но и фигура в скафандре, поняв мое намерение, ускорила шаги; я чувствовал, что «тип» хочет настичь меня, и мне дьявольски повезло, что он поскользнулся и шлепнулся на спину. Пока он переворачивался и подымался, я успел добраться до корабля. Вероятно, я находился в полубомбочном состоянии, поскольку очень плохо помню, как, весь дрожа, лез по лесенке, как переступил порог, как задраил люк.

Шеф предлагает мне вернуться туда. Этого только не хватало! Вернуться к моим «творениям» и человекообразным существам, которых я покинул, так и не узнав, что скрывали внутри себя шлемы и скафандры. Иногда я вижу словно наяву их грязные силуэты, копошащиеся около корабля, пытаюсь открыть его. Один уцепился за лесенку, другие исследовали опоры; я слышал их шаги, постукивание по металлу. Мой страх начал рассеиваться, ибо я почувствовал себя в относительной безопасности, но все-таки надо было торопиться, запускать моторы, пока «типы», упорно норовившие проникнуть внутрь, не испортили их. Я произвел маневры, необходимые для взлета, и гуманоиды, сообразив, что у них нет ни единого шанса, отошли на значительное расстояние от корабля и застыли там — немые свидетели моего отлета. Я покинул их, оставил на Бактриане вместе с другими порождениями моей фантазии, так и не узнав, что они собой представляли и чего хотели от меня. А шеф говорит, что снова включает Бактриану в исследовательский план, и спрашивает, не желаю ли я посмотреть, что там за это время произошло и

как там наладились дела. Другими словами, не желаю ли я лететь на Бактриану.

Нет, не желаю я видеть, как там наладились или не наладились дела. Я думаю о гуманоидных индивидах, которых покинул на Бактриане, в искусственно созданном и не проверенном временем мире, ибо только время придает предметам и существам равновесие, гармонию,— и задаю себе шемящий, тревожный вопрос: не скрывалась ли под шлемами этих фигур моя собственная голова?

И есть еще нечто, мешающее мне вернуться. Об этом пока еще никто не знает, поскольку я с самого начала ничего не сказал да и позднее не находил подходящего повода либо не считал необходимым упоминать об этом в последующих рапортах. Так что я не ошибусь, если скажу сейчас, что это принадлежит — пока еще принадлежит — только моей памяти, что это было и пока еще является тайной. Восковая фигурка, с которой я вышел тогда на плато, перед моим поспешным отлетом с Бактрианы, изображала женщину и, по всей вероятности, среда воспроизвела ее.

Перевел с румынского М. Хутира

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Игорь Евстратов

Нина Вадченко

Михаил Новиков

Валерий Лисин

Корабль возвращался на Землю. Позади остались и предстартовая лихорадка, и старт, и выход посадочной ступени на орбиту, и стыковка с маршевым комплексом, и разгон корабля, и вывод его на трассу к далекой Земле...

Корабль возвращался. И хотя впереди был долгий трехмесячный путь, настроение экипажа было приподнятым. Еще бы, экспедиция смогла развеять замшелое представление об исключительности земной жизни. В грузовых контейнерах корабля находился драгоценный груз — тщательно запаянные ампулы с образчиками марсианских бактерий.

Корабль возвращался. Заблокировав взлетно-посадочные системы, командир корабля полковник Крамер передал руководство экспедицией научному руководителю доктору Спенсеру. Мера была оправданной — во время обратного полета экипаж должен был заниматься серьезной работой по систематизации и описанию образчиков марсианских пород, грунта, провести тщательнейший количественный и качественный анализ марсианской атмосферы и воды. Особенно много дел было у биологов. Естественно — исследование чужой жизни, проверка марсианских бактерий на совместимость или несовместимость с земными, тончайшие биохимические исследования... Именно поэтому биологи чувствовали себя именинниками.

Так в размеренной деловой атмосфере прошел месяц полета. Время от времени экипаж устраивал своеобразные праздничные «вечера», приурочивая их обычно к какому-либо очередному открытию. А таких открытий было вполне достаточно. Не проходило и двух дней, как кто-нибудь из членов экспедиции на традиционном вечернем заседании не докладывал об очередной находке. То это был минерал с необычайно высоким содержанием урана, то вода со странным, ни на что не похожим изотопным составом, то простой, на первый взгляд, кварцевый песок с какими-то загадочными, не встречающимися у минералов Земли свойствами. Помалкивали пока только «именинники» — биологи.

Как-то на одном из заседаний научный руководитель потребовал представить полный отчет о проведенных биологических исследованиях.

— Это что же получается, Майкл, — недоумевающе вопрошал доктор Спенсер. — Вы уже целый месяц работаете —

а результатов все еще нет. Может, вы доложите хотя бы в общих чертах о ваших затруднениях?

— Разумеется, доктор Спенсер,— поднялся со своего места руководитель группы биологов Майкл Тэтчер.— Мы в самое ближайшее время представим подробнейший отчет о деятельности нашей группы. Пока же могу сказать, что мы столкнулись с некоторыми трудностями при исследовании марсианских бактерий. Я полагаю даже, что имеет смысл отложить всю нашу работу до возвращения на Землю. Все-таки оборудование корабельной лаборатории не предназначено для столь тонких исследований.

Спенсер внимательно посмотрел на биолога и кивком головы разрешил ему занять свое место. Закончив заседание обычным порядком, он задержал Майкла.

— Что-то ты темнишь, Майкл,— глядя прямо ему в глаза, твердо произнес доктор.— Ну-ка, выкладывай, что там у вас происходит?

— Работаем,— пожал плечами Майкл.— Только от работы нашей толку пока никакого. Видите ли, доктор, бактерии эти оказались поразительно устойчивыми и к земным вирусам, и к бактериям, и к простейшим... И это тем более удивительно, что «марсиане» практически ничем не отличаются от земных микроорганизмов. То же строение, та же биохимия, и в конце концов практически те же реакции на изменение внешней среды... Попробуем завтра запустить электронный микроскоп. Решение загадки следует искать, видимо, на молекулярном уровне.

Спенсер сосредоточенно потер лоб, с минуту помолчал и наконец произнес:

— Работай спокойно, Майкл. Не торопись. А с отчетом... Полагаю, с ним можно и повременить.

Через пару дней, незадолго до первого завтрака, в отсек научного руководителя экспедиции буквально ворвался взволнованный Майкл Тэтчер и подозрительно огляделся по сторонам.

— Здесь никого нет, док? — шепотом спросил он.

— Да,— тоже почему то шепотом ответил Спенсер.— А что, собственно, случилось?

— Вы не могли бы зайти в лабораторию,— все тем же приглушенным голосом попросил его Майкл.— Нам нужен ваш совет.

— Разумеется,— доктор поднялся из рабочего кресла.— Правда, я не биолог и в вашей науке не слишком компетентен...

Через минуту оба сидели в биологическом отсеке, где, кроме них, находились и трое коллег Майкла. Все так же поглядывая по сторонам и приглушая голос, руководитель группы биологов спросил:

— Вы помните, док, что я собирался запустить электронный

микроскоп, чтобы детальнее разобраться в структуре этих чертовых бактерий?

Получив в подтверждение утвердительный кивок головой, Майкл продолжил:

— Так вот, вчера мы запустили этот самый аппарат. Первые же снимки показали, что мы возем на Землю не только два вида бактерий, но к тому же еще и марсианский вирус! Вы помните, как на третьи сутки нашего пребывания на Марсе все мы вдруг заболели легкой формой гриппа? Могу вас поздравить — это был вовсе не грипп. Все мы стали жертвами этого самого марсианского вируса. Я уже произвел необходимые исследования крови всех своих сотрудников. Вирус, который содержится в наших красных кровяных тельцах, абсолютно идентифицируется с вирусом, обнаруженным нами в марсианских бактериях. А клиника заболевания та же, что и у гриппа, — легкое недомогание, субфебрильная температура, насморк и кашель... Распространяется воздушно-капельным путем. У меня были стерильные белые мыши, и картина их заражения в точности совпадала с нашей — на третьи сутки после высадки.

— Что же теперь делать? — Спенсер вскочил с кресла и в сильном волнении зашагал по лаборатории. — Не можем же мы везти это на Землю... А вы не пробовали избавиться от этой заразы? Ну, там, антибиотики, сыворотки...

— Все перепробовали, док, — выдохнул Майкл. — Кстати, именно в этом была и поразительная устойчивость марсианских бактерий. Вирус симбиотировал с ними, охраняя клетки от вторжения любого чужеродного вируса, защищал от грибков и бактерий, способных нарушить целостность живой клетки. Видимо, в процессе эволюции, чтобы хоть как-то сохранить столь скудную жизнь, и возник такой симбиоз — вируса и бактерии. Вирус просто не мог убивать эту последнюю на Марсе жизнь — тогда бы и он прекратил свое существование. Ведь вирусы не могут существовать изолированно, не паразитируя на организмах, стоящих выше их на эволюционной лестнице.

— Послушайте, Майкл, — перебил биолога Спенсер, — но все-таки чем может в конце концов грозить нам заражение этим вирусом? Существует какая-либо опасность для человечества, если мы завезем его на Землю?

— Именно к этому я и подхожу, док, — заторопился Майкл. — Вся проблема именно в этом. Вирус не оказывает абсолютно никакого внешнего воздействия на человеческий организм. Наоборот, проникая в клетки, он становится их своеобразным сторожем. Любой другой вирус уже не может проникать в такие клетки. Так что теперь мы с вами защищены практически от любой вирусной инфекции. То же, видимо, произойдет и со всем человечеством после нашего прилета на Землю. Мгновенная эпидемия, напоминающая пандемию гриппа, — и человечество станет иммунным к любому вирусу...

На вечернем заседании краткое сообщение руководителя группы биологов наделало немало шума. Более всего был взволнован экспедиционный врач.

— Я категорически требую, — яростно рубил он воздух ладонью, — чтобы был объявлен карантин сразу после выхода на орбиту вокруг Земли. Никто не может гарантировать, что у этого вируса не возникнет непредсказуемых мутаций. При его фантастической устойчивости это может грозить человечеству гибелью.

— С этим вирусом ничего не случилось на Марсе за миллионы лет, — парировал высказывание врача Майкл Тэтчер. — А условия на Марсе не сравнить с земными. Тут и ультрафиолет, и радиация, и экстремальные температуры. И я на сто процентов уверен, что мы привезем на Землю не эпидемию неизвестной болезни, а эпидемию здоровья!

— Вы гарантируете это? — не унимался врач. — А я бы постерегся давать столь долгосрочные прогнозы. К тому же неизвестно, как этот вирус сможет повлиять на наследственность, деторождение, ну и тому подобное.

— Мы провели некоторые исследования, — возразил Майкл. — Функции клеток нашего организма абсолютно не изменились. Это-то и дает мне право говорить о том, что вирус абсолютно безвреден для организма человека.

Вечером того же дня командир корабля полковник Крамер зашел в каюту научного руководителя экспедиции.

— Что будем делать, Чарли? — обратился полковник к доктору Спенсеру. — Я имею в виду, сообщать ли мне в центр о том, что у нас произошло? С одной стороны, я просто обязан информировать Землю обо всем, что выходит за рамки обычного, а открытие наших биологов подпадает под эту категорию, а с другой стороны, возникают при этом кое-какие проблемы...

— Я тоже думал об этом, Рич, — вздохнул Спенсер. — И причем вот в каком плане. Сообщение такого рода, естественно, наделает в Центре много шума. Боюсь, что до конца дней своих нам придется просидеть в изоляторе... По крайней мере до тех пор, пока ученые не разберутся, как управлять этим вирусом.

— Я полагаю, сидеть нам придется не так уж долго, — усмехнулся полковник. — Как только выяснится, что вирус предохраняет человека практически от любой вирусной инфекции, благодарное человечество, избавленное от сотен болезней, поставит нам с тобой памятник из чистого золота...

— Насчет памятника мечтать пока что рановато. — Спенсер помолчал и тихо добавил: — Непокойно что-то у меня на душе, Чарли. Давай-ка вызовем сюда нашего биолога. Мне нужна его консультация. Да и в конце концов ему же составлять проект сообщения на Землю.

Через несколько минут биолог появился на пороге каюты.

— Я могу быть вам чем-нибудь полезным, сэр? — обратился Майкл к доктору Спенсеру.

— Садитесь, — пригласил его начальник экспедиции. — Я вас вызвал, собственно, вот по какому поводу. Полковник Крамер настаивает, чтобы мы срочно составили доклад для передачи его на Землю. Естественно, сделать это придется вам.

— Я бы не советовал вам делать это, командир, — вежливо, но твердо обратился Майкл к полковнику. — Если вы мне разрешите, я изложу вам свою точку зрения.

— Ну пожалуйста, — полковник Крамер недоуменно пожал плечами. — Мы вас слушаем.

— Вы должны это знать, сэр, — это записано в моем досье — до прихода в Астронавтический Центр я работал в частных биологических и фармацевтических фирмах. И поверьте, немного знаю и это производство, и этих людей. И я полагаю, если информация просочится за пределы Центра, то за наши жизни я не поставлю и дохлой мухи. Ведь каждый из нас везет в себе разорение и банкротство практически всех фармацевтических фирм и корпораций... А частные и государственные медицинские институты, клиники и колоссальные прибыли, которые они получают? Нет, сэр, на вашем месте я бы не стал ничего передавать на Землю!

— Да что это вы говорите, — прервал биолога полковник. — Вы рассуждаете совсем как самый настоящий красный! У нас в государстве пока еще, слава богу, порядок и демократия. Мы ведь не какая-то там банановая республика с палачом-диктатором во главе... Короче, к завтрашнему дню мне нужен обстоятельный доклад для передачи его в Центр. Вы свободны.

В ближайший сеанс связи сообщение ушло на Землю. Центр поздравил исследователей с блестящим открытием. Теперь, когда пошла вторая половина полета и экипаж стал считать дни, оставшиеся до приземления, все как-то поуспокоились, тем более что никаких изменений ни в самочувствии экипажа, ни в объективных показателях состояния людей не обнаруживалось. Лишь один Майкл Тэтчер был мрачен и неразговорчив. Его не удалось переубедить ни командиру, ни научному руководителю.

— Это же смешно, Майкл, — убеждал его Спенсер. — Когда на карту ставятся интересы — пусть даже корыстные — двух-трех тысяч людей, с одной стороны, и всеобщее здоровье человечества, с другой, то никакого сомнения нет в том, что должно пересилить последнее...

— Я и сам был бы рад надеяться на это, — вздыхал Майкл, — но после талидомида, после экспериментов наших медиков над заключенными, после апендэктомии, обошедшейся мне чуть ли не в пять тысяч, можно верить практически во все. А Клаус Больцов и его неогиндецин? Сам он погиб в автомобильной катастрофе, а его лаборатория была разгромлена. Пос-

ле него остались только два десятка больных, вылеченных им от саркомы... Впрочем, о чем тут говорить? Дело сделано, а будущее покажет. До выхода на земную орбиту осталась всего лишь неделя.

Земля приближалась. Из крошечной звездочки она постепенно превратилась в небольшое пятнышко, затем в маленькую луну, а сейчас она занимала практически четверть экрана обзора. Экипаж заканчивал обработку материалов, запечатывал контейнеры, свертывал оборудование.

Командир, штурман и бортиженер вновь заняли свои места в командном посту. До выхода на орбиту оставались считанные часы. Последний раз проверив координаты корабля, командир заложил в компьютер программу работы тормозной двигательной установки.

— Командир, — отвлек его штурман, — что-то мне не нравится вот это, — и он указал мизинцем на крошечное пятнышко в нижней части экрана локатора.

— Может быть, незарегистрированный спутник? — высказал предположение полковник.

— Я получил с Земли подробнейшую таблицу прохождения всех спутников. В это время в этом квадрате не должно быть подобных объектов. Тем более с лазерным локатором, — добавил он, взглянув в иллюминатор.

И правда, среди неподвижных звезд одна выделялась переменным своим блеском.

— Почему же мы в таком случае видим его? — удивился Крамер. — Ведь это возможно лишь в случае, если он идет прямо на нас.

— А он и идет прямо на нас, — взглянув на дальномер, произнес штурман. — Не нравится мне это, командир. Ведь лазерные радары чаще всего устанавливают на боевые космические перехватчики. Запрошу-ка я на всякий случай Землю.

Через несколько минут штурман, получив ответ с Земли, успокоил командира:

— Центр утверждает, что никаких зарегистрированных космических объектов в зоне входа нет. Это, видимо, одна из разгонных ступеней, орбиты которых бывают установленными и зафиксированными далеко не всегда. Ну а ее вращение и дает эффект мерцания. Впрочем, на всякий случай сделаем коррекцию траектории.

Легкое ускорение, минутная тяжесть, прижавшая экипаж к креслам, — и корабль, получив могучий импульс от корректирующего двигателя, несколько изменил курс.

— Ну вот и все, — облегченно сказал Крамер, посмотрев на экран локатора. — Вроде бы разминулись... Но что это?

В поле зрения экрана вновь всползло знакомое пятнышко. Поколебавшись у края экрана, оно медленно двинулось к его центру и прочно заняло место в перекрестье визирных линий.

Перед мысленным взором полковника вдруг возник биолог Майкл Тэтчер. Крамер на мгновение задумался, потом вдруг бросился к сигналу тревоги и нажал широкую красную кнопку.

Густой рев, сопровождающийся миганием красных плафонов, заполнил помещения корабля, а тем временем полковник уже сбрасывал защитный колпак с пульта управления противометеорной пушкой.

— Скорее, штурман, скорее, — торопил он своего помощника, — а то боюсь, мне уже не придется разговаривать с вами. Бортинженер, всю мощность на лазер!

Включена система автоматического сопровождения и ведения огня. Оставалось только ждать. Ждать приближения неизвестного объекта на дистанцию стопроцентного поражения. Между тем ритмичные вспышки в иллюминаторе делались все более назойливыми и зловещими.

— Черт возьми, неужели все-таки этот проклятый биолог прав? — повернулся полковник к штурману.

— Не понимаю, сэр, о чем это вы? — удивился штурман. — При чем здесь старина Майкл?

— Ах, да, — пробурчал командир, — вы же...

Он не успел договорить. Внезапно пятно на экране локатора расстроилось, вспышки в иллюминаторе стали вдруг ослепительно яркими, и вслед за сработавшей наконец противометеорной лазерной пушкой глухой удар потряс весь корабль. Последнее, что смог увидеть полковник, — было изжелта-белое пламя, заливающее помещение командного поста...

Нина ВАДЧЕНКО ДАР ПРИРОДЫ

Он ушел из дому, как только получил паспорт. Ушел от хороших и внимательных родителей, потому что они были слишком хорошими и сверх всякой меры внимательными. И он себе стал напоминать изнеженную домашними, закормленную подачками комнатную собачку. Ему повезло. У него был друг с жизнью бездомного пса: вольной и трудной в своей вольности. Он очень умело влил ему в нутро разъедающую мысль о походах и романтике. И Алексей согласился идти с ним на край света. Потом Алексей пожалел о своем безрассудстве, когда ушел с геологической партией. Но не возвратился. Потом армия. А потом узнал, что умер отец и надо было приехать на похороны, но не смог. Теперь служба закончилась. Самолет, поезд, троллейбус. Осталось перепрыгнуть три ступеньки — и

окажется около родной двери. Она такая же — обитая рыжим потертым дерматином с цветочком посередине. Кнопка звонка, как всегда, не работала, и Алексей достал ключ, потом подумал и решил, как в детстве, постучать ключом по лутке. За дверью послышались шаги.

«Мама», — подумал Алексей и не ошибся. Дверь открылась, и мама, в стареньком байковом халате, стоптанных тапочках, стояла перед ним, близоруко щурясь и не узнавая.

— Мама! — заорал он и бухнулся на колени. Она отшатнулась от здорового детины, но узнала голос.

— Алешенька, — тихо проговорила она. Ему хотелось мурлыкать. Он бы сидел так на пороге еще долго, но в дверях показалась фигура худого, неестественно выпрямленного человека. Его туловище и откинутая голова с поднятым кверху подбородком напоминали давно затвердевший гипс. Темные очки врезались в переносицу и стали частью застывшего лица. Двигались только ходульные ноги, обутые в старые пыльные черные туфли, и рука, которая держала толстую длинную палку. Человек нащупал палкой ноги, равнодушно перешагнул через них и, ни на кого не обращая внимания, прошел в квартиру.

— Кто это? — спросил Алексей мать.

— Он живет в твоей комнате, так хотел отец.

Алексей растерянно поднялся с колен. Отвратительное чувство, когда узнаешь, что твое место в жизни занято другим. Да, уходил и считал себя правым. У Алексея была цель — сделать из себя самостоятельного человека. Он страшно гордился своим поступком, не раз говорил про себя громкие слова, объясняя родителям свой уход. И всегда в его мечтах мать и отец в конце концов соглашались с ним, понимали его и, главное, одобряли. Теперь Алексей понял, что Полярной звездой его самостоятельного пути был поиск. Но всегда было спокойно на душе, потому что где-то есть отец, мать и дом. Это ощущение внутреннего спокойствия было незаметным и важным, как и сама Полярная звезда на фоне огромного звездного неба. Это было главным. А теперь отцу уже ничего не объяснишь. Его нет. Он ушел. Что происходило с отцом? Какие внутренние бури привели его к такому решению — поселить в комнате своего сына чужого странного человека и юридически закрепить за ним эти метры жилья, где Алексей провел свои годы от первого ползания на четвереньках до крадущихся шагов бегства из своей комнаты. Было непонятно и нереально, что кто-то другой может считать твою комнату своей.

Отвратительное чувство, когда узнаешь, что тебя заменили другим. А мама? Алексей растерянно поднялся с колен и посмотрел ей в глаза. Что он ожидал увидеть? Увидел слезы. А под линзой слез сфокусировались горе и страх. Мама чего-то боялась. И он обрадовался. Эгоист. В ее глазах, в прижатых к губам сморщенных от старости руках, в поднятых вверх бровях

сын прочитал страх. Страх, что сын будет осуждать отца, страх, что сын причислит и ее к этому решению. Алексей облегченно вздохнул. Ему показалось, что мама ждала его каждый день, каждую минуту. Ждала, чтобы сын освободил ее от какой-то тени, закрывающей для нее радость жизни, освободил от человека, которого она боялась. А сын, сильный, умный, ее сын, будет освободителем. Алексей нужен, и поэтому ему стало хорошо и снова спокойно.

— Он слепой? — спросил Алексей, кивая в сторону своей комнаты.

— Нет-нет, Алешенька, он не слепой, он ничего не видит и не слышит.

Мама отвечала, волнуясь, и волнение это шло от развинченности нервов, от наболевшей темы, от трудной жизни последних лет, от долгого терпения и ожидания каких-либо изменений. Сын не стал исправлять ее ошибку, не смел ехидно попытаться, какая разница между слепым и этим человеком, который ничего не видит и ходит с палкой и с застывшим от напряжения, от ожидания каких-то ударов туловищем.

Алексею стало больно, потому что мама, сколько он ее помнит, всегда стояла на страже правильного русского языка. Правильного и точного. Не раз Алеше доставалось за неправильное ударение или неточное слово. Больно и жалко, когда вдруг понимал, что старость отнимает у родителей их жизнь, их ум, здоровье и хоронит человека по частям, тайком.

Сын ничего не сказал. Поднял свой рюкзак на плечо и пошел в квартиру. Мама вдруг схватилась за согнутую и застывшую от мускульного напряжения руку сына, прижалась щекой к потемневшему от дорожной пыли рюкзаку и зашептала, как заклинание:

— Я ждала, ждала, как ждала, не умирала, ждала, спасибо тебе, сынок, спасибо. Дождалась.

Глаза ее были закрыты, лицо напряглось от внутренней значимости слов. Сын понял, что она говорит не для него и не себе. Кому? Кого она благодарит с такой иступленностью? Кто помогал ей жить и уходить от страха и одиночества? Ответ стоял рядом. Но Алексей не хотел признаваться себе, не хотел слышать ее слова.

— Если можешь, прости мне мой грех и отпусти меня. Отпусти, — она остановилась, можно сказать, застыла в ожидании и вдруг обмякла, вздохнула и прошептала будто из последних сил: — Спасибо...

Глаза ее открылись. Они были сухими, покрасневшими, будто обожженными, в них постепенно затухал нечеловеческий внутренний огонь.

— Что с тобой, мама? Что с твоими глазами?

— Ничего, сынок, ничего, это одиночество из меня уходит, — ответила она, с трудом разжала побелевшие пальцы,

перетянувшие ему руку, расправила складку на халате и виновато улыбнулась. Потом засуетилась:

— Пойдем, сынок, в комнату, я угощу тебя, напою чаем с липой, зверобоем. У меня все есть, я ждала тебя, ждала...

Выражение ее лица стало снова терять нормальность, он испугался, но мама справилась с собой, причем ей надо было преодолеть что-то в себе, она снова заговорила не с сыном, кого-то уговаривала: «Потом, потом, не сейчас...» — и снова улыбнулась. Даже хотела помочь Алексею нести рюкзак. Но передумала, просто нежно погладила его и весело, легко пошла вперед, там обернулась и сказала:

— Ты вернулся, отслужил, здоровый, молодец, — заговорщически подмигнула и пошла на кухню.

«Мама! — хотел крикнуть он. — Куда же мне идти?» Сбитый с толку, он остановился. Действительно, куда? Его комната была занята. Но не крикнул. Из кухни доносился заботливый перестук серванта и посуды. Аккомпанировал ему скрип паркета. Мама занялась важным для нее делом. Алексею же сейчас необходимо было понять свое место в этой квартире. Вдруг стало трудно назвать ее своим домом. Он опустил рюкзак и погладил шероховатости покрашенной стены. Пальцы его спрашивали совета. Двигаясь, как вор, тихо, на носках, скользя руками по стенке, он добрался до двери своей комнаты. Такая знакомая, хранившая память о нем дверь. Родные шербинки. А вот здесь должны быть, должны... Он закрыл глаза, чтобы не мешали рукам; только пальцы могут найти свои отпечатки. Кто бы мог подумать, что эта случайность, когда он влез пятерней в свежевыкрашенную поверхность под остерегающе грозные крики отца, помогает ему сейчас найти себя, доказать, что это его комната и он здесь раньше жил. Вот тут, рядом с ним, стояла мама и вытирала тряпкой ему пальцы. А отец, ворча, что сын испортил его малярскую работу, поливал на тряпку олифу, чтоб лучше оттиралась краска. Как хорошо, что дверь с тех пор не перекрашивали. Вот они, вмятины. Обнимал дверь с закрытыми глазами. Он был сейчас одновременно и маленьким и большим, как матрешка, вмещающая разного себя в одну память.

А с той стороны двери должен быть гвоздик, на который мама, уходя на работу, вывешивала для него свои просьбы или информацию, что есть в холодильнике или какую книгу, телепередачу интересно посмотреть. В детстве он видел белый тетрадный лист, и ему было весело и уютно с ним. Он старался прочитать ровный крупный почерк, не вставая с кровати, или хотя бы угадать, что там написано. Ему вдруг до судорог захотелось потрогать этот гвоздь и ощутить боль от его острия...

Рука Алексея решительно дернулась и остановилась: на той стороне, как детская хлопушка, неожиданно раздался щелчок замка. Будто незнакомый человек в черных очках ударил по нервам в самый подходящий момент. Пошутил ли он, или

сам испугался, или издевался? Дверь захлопнулась. Алексей понял — чтобы пройти на ту сторону своей жизни, надо ненавидеть этот замок и того, кто над ним властвует. Пальцы, которые недавно прикасались к детству, сжались в кулак. Алексей прислонился к прохладной двери, прислушиваясь к толчкам крови, которые нарастали, как звон раскачивающегося колокола.

«Высажу эту дверь к чертовой матери», — успел подумать он, оглушенный собственной яростью, и вдруг услышал ошеломляющие в своей простоте и страшные по смыслу слова, сказанные матерью спокойным и жутким голосом:

— Убей его.

Она стояла рядом и заворуженно смотрела на сжатые кулаки сына, готовые к решительным действиям. Алексей даже испугался.

— Что за страшные слова, мама?

— Этот человек страшный. Я ненавижу и боюсь его.

— Расскажи мне, кто он?

— Ничего не знаю, сынок. Он убил твоего отца... — Мать замолчала, отвернувшись от сына, бормоча: — Потом, все потом... Уйдем отсюда, он все слышит, он все видит. Черный, страшный человек, уйдем...

Она схватила Алексея за рукав и с неожиданной для нее силой потащила его от двери.

— Ты же сказала, он ничего не видит и не слышит. Он же глухой, слепой, как же... можно...

— Замолчи! — вдруг истерично закричала мать. — Он ничего не хочет видеть. Убей гада ползучего! — Рыдания прервали эту безумную речь.

— Мамоchка, ты же благоразумная, образованная. Пойдем в комнату отца. Я там буду жить. И успокойся. И никого убивать не надо. Завтра разберемся.

— Не надо разбираться. Умоляю тебя, убей, и все... Я боюсь за тебя. Нет. Пусть живет, пусть приходит ночью и уходит утром. Пусть ты ничего не будешь знать о нем. Мне так спокойнее. Пойдем, ты прав, я потеряла разум...

Вот так закончился его первый день дома. Необычный тревожный день. Он почувствовал, как его приход взламывал уже сложившуюся чужую, незнакомую, непонятную систему жизни.

* * *

Старая продавленная раскладушка жалобно стонала под ним, как покорно издыхающее животное. Алексей не мог заснуть. Радость возвращения в родной дом сменилась горечью жалости, обиды и мрачной тайны. И еще он чувствовал враждебность кабинета, где он лежал. Отсюда всего месяц назад ушел его признанный хозяин. Вещи, мебель, человек привыкли

друг к другу. И хоть Алексей был плоть от плоти, родная кровь, все равно он чувствовал себя чужаком, который не знает, где что лежит, когда здесь царил веселье и по какому поводу, когда бурлила работа и какая. Он не мог ощутить ритма жизни этой комнаты. Но он предугадал разорение этого мирка. Кто-то чужой уже здесь был и разрушил порядок. Оттого его боялись. Вдруг он тоже пришел убивать память о человеке, о его работе, о его жизни?

Алексей закрыл глаза, чтобы не мешали его беседе с кабинетом отца. Но быстро открыл веки — ему показалось, что кто-то пристально его разглядывает. Ничего вокруг не изменилось. Мрачноватой глыбой нависал огромный двухтумбовый стол. Он закрывал почти все пространство и выглядел предводителем наступающих сил. На нем стояла фотография отца, перевязанная траурной лентой, несколько книг и перекидной календарь, застывший месяц назад на дате смерти хозяина и свято хранивший память о нем. Но всего этого Алексей сейчас не видел, все скрылось от него в темноте ночи.

«Кто же меня разглядывал?» — подумал Алексей, и, будто ожидая его вопроса, за окном что-то бесшумно передвинулось, дунуло, освобожденная от туч выпуклая полная луна повисла над крышей соседнего дома, освещая и стол, и книги, и фотографию, и Алексея холодным брезгливым взглядом.

«Неужели она заодно с этим столом, с этими стенами, которые наблюдают за мной?» — подумал Алексей.

— Нервы, — сказал он. Встал, не обращая внимания на болезненные скрипы раскладушки, и зажег настольную лампу, вытеснившую из комнаты тусклый недобрый свет луны.

— Нервы... — Алексей крепко, с остервенением растер ладонями лицо.

«Что произошло с отцом в мое отсутствие? Чем он занимался? Он всегда был правильным, педантичным человеком. Зачем он поселил в моей комнате это чудовище? Только ли обида? Нет, ответ рядом. Может, он хотел оставить мне на «воспитание» этого человека? Но какой я воспитатель? А может...

Может, здесь где-то он оставил мне дело, которым занимался?»

Алексей встал.

«А мама? Она, судя по всему, была против. Она боится и всегда боялась всех дел отца. Как же я забыл! Ведь она его ревновала. Может, здесь кроется ее неприязнь? Она высказывала ему по ночам свои обиды. Она уже несколько лет не была в кино, в театре. Они никогда не ходили в гости или просто погулять по улицам. А он работал, всегда находил что-то, что его захватывало. Ходил в домашних тапочках, в небрежно застегнутой рубашке. Вечно с папиросой в руках, из которой сыплется пепел куда попало. На стол, на его деловые бумаги, черновики». Алексей подошел к столу. Стол был идеально, можно

сказать, стерильно чистым. Пепельница исчезла. Никаких крошек пепла или табака... Мама убрала все, стерла ненавистные ей следы, которые всегда мешали ей почувствовать себя счастливой.

«Может, она убрала здесь не только пепельницу? Может, она произвела ревизию его дел? Я что-то почувствовал, как только зашел сюда».

Алексей быстро подошел к столу, выдвинул верхний ящик... Пусто. Второй... стопка чистой бумаги... Третий. В уголке лежала бобина с пленкой. На бобине приклеена полоска бумаги. Алексей поднес бобину к свету настольной лампы и прочитал: «Пластилиновый мир». Почерк отца, отметил Алексей. Он поискал глазами аппарат, на котором можно просмотреть пленку. У него было такое предчувствие, что он держит в руках разгадку всего случившегося в этом доме за время его отсутствия. Может, поэтому руки никак не могли справиться с простеньким фильмоскопом, который стоял в углу комнаты, покрытый пылью. Алексей увидел отпечатки пальцев на его пыльной крышке. Кто-то проделывал эту же процедуру зарядки пленки совсем недавно. Ощущение разгадки несколько угасло. Если оставили, значит, ничего интересного... Руки успокоились, зарядили пленку. Алексей погасил свет и включил аппарат. На экране пошли титры. Режиссера, мультипликатора, художника, директора мультфильма. Беззвучно мелькали кадры с пластилиновыми фигурками.

Пленка простучала упрямым концом между зубчатыми валиками и закончила свой бег. На стенке продолжал нервно дрожать кругляк света.

«Вот и все, и никакой разгадки. Старый мультфильм. Неужели мама все здесь просмотрела до меня и убрала что-то... Самый строгий ревизор — это близкий человек... А может, ничего и не было? Может, отец сам тщательно скрыл свою деятельность? Все, ложусь спать. Назло луне, столу и стенам».

Алексей повалился на раскладушку, уткнулся носом в прохладную простыню, накрыл голову подушкой, чтобы избавиться себя от назойливости окружающего мира, чтобы ничего не слышать и не видеть, а просто провалиться в мир, в котором нет никаких препятствий. Ему снилось море, где он купается с другом. Солнце загнало их в мутную теплую воду, высокая волна ударила в нос, в рот и заставила попробовать себя на вкус. И тут он увидел в воде голого утопленника... Мальчика лет двенадцати... Алексей вышел на берег, и его рвало. И больше в своей жизни он в море не заходил, даже нестерпимая жара, сухой сжигающий воздух не могли загнать его в воду. Во сне друг толкал его в воду и говорил: «Иди, вчера здесь утонул мальчик, иди же».

Алексей резко опустил ноги на пол, сел, открыл глаза. Перед ним стоял Черный человек. Его очки напоминали все

скрывающую черную воду. Худое, застывшее лицо было наклонено к Алексею и ничего не выражало, кроме восковой неподвижности манекена.

«Так вот кто меня толкал искать мертвеца,— заторможенно подумал Алексей,— сейчас я с ним разберусь...» — Он стал искать глазами что-нибудь тяжелое, остановился на настольной лампе и соображал, как бы ее схватить, и вдруг почувствовал, что он один в комнате. Человек исчез или быстро ушел. Алексей не мог проконтролировать ни своих действий, ни движений незнакомого, напугавшего его человека. В комнате остался только запах от давно немывшегося человеческого тела и скомканный клочок газеты, воняющий протухшей рыбой.

«Что ему надо было в этом кабинете? Неужели он пришел посмотреть на меня? А вдруг убить?! Ах, мама, зачем ты кричала: «Он убил твоего отца!»

Алексей оперся на стол, рассеянно посмотрел на книги, календарь. Стоп. Календарь был перевернут. На нем стояло сегодняшнее число и остались следы грязных пальцев.

«Кто это сделал? — спросил Алексей.— Зачем ему понадобилось число? О, значит, он прекрасно ориентируется в числах, вот так слепой!»

* * *

Утро. Вера Ивановна проснулась с радостным чувством сознания, что сын наконец вернулся. Кончились переживания, волнения, суеверные обещания себе, привычка загадывать, мол, если добегу до троллейбуса, он не уедет, не захлопнет двери, что Алешенька здоров, или привычка гадать на картах — бросишь, раскинешь пасьянс, загадаешь желание, вернется он в этом месяце или нет.

Самое ужасное — когда муж уходил с головой в работу, да и блажь, как называла эти увлечения Вера Ивановна, иногда менялась, а больше всего она ненавидела периоды смены увлечений мужа, потому что именно в начальных стадиях он просиживал сутками над своими идеями. И когда в их доме появился молодой странный человек, искалеченный чем-то, которого подтачивала неизвестная болезнь, Вера Ивановна почувствовала сначала жалость, а потом тревогу и ненависть к Черному, как она прозвала этого несчастного.

Вера Ивановна вздохнула: «Неужели мой крест в жизни всегда бояться за своих близких?»

Наскоро запахнув халат, она пошла к сыну.

Кабинет был пуст, раскладушка стояла, аккуратно собранная. На столе заметила лист бумаги. Это единственное, что осталось в этой комнате от ее родного Алешеньки. Она заторопилась к этому клочку бумаги и прочитала:

«Мама, не хотел тебя будить. Поброжу немного по городу, приду скоро. Алексей».

Вера Ивановна посмотрела на часы. Семь часов утра.

«Ни свет ни заря. Господи, конечно, я спала. Надо быть внимательнее к нему. И вставать пораньше».

Вера Ивановна перечитала несколько раз записку, растерянно поправила нерасчесанные волосы, села на стул. Выражение ее лица не изменилось, но она чувствовала, как, еще не вырываясь наружу, внутри уже родилось и начало набирать силу отчаяние. Она помнила, как начинался ее кошмар, как первый раз муж привел несчастного молодого человека в темных очках с нервно подрагивающими руками. Ей поначалу даже понравилась эта нервность. Вот, такой молодой, а уже перенес страдания, подумала она, родная душа, надо помочь. А когда молодой человек взял после ужина скрипку и стал играть печально и тихо какую-то мелодию, она совсем растаяла и согласилась с мужем постелить гостю в комнате Алеши, на его кровати. А утром...

Она не забудет того страшного крика, который издал Черный, когда муж с силой снял с него очки. Она прибежала на дикий крик и увидела безумные глаза — казалось, человек не мог их закрыть, хотя ему было очень страшно, будто перед смертью его заставляют смотреть прямо в черное дуло винтовки, из которой сейчас вылетит кусок свинца и навечно сотрет его память об этой жизни. Она отвернулась.

«Не узнаю! — кричал Черный. — Ничего не узнаю. Помогите, сжальтесь. Очки, где мои очки?»

Она быстро выхватила из рук мужа непроницаемые очки и подала в трясущиеся руки Черного. Тот схватил их, прикрыл глаза и присмирел. И вот тогда она впервые услышала, что этот страшный несчастный человек должен заменить ей сына. И будет жить в его комнате, и она обязана будет его кормить, одевать, заботиться о нем, как о своем родном Алешеньке. Вера Ивановна никогда не была черствой женщиной, не было у нее и злости к людям, даже к самым отъявленным негодьям. Но здесь она поняла, что не годится для этой роли.

Теперь, сидя на стуле, она вдруг почувствовала, как в ней просыпаются воспоминания, приводившие ее в отчаяние, не дававшие покоя при жизни мужа. И еще она ощущала, как постепенно ее заполняет страх за сына. Она подозревала, что он не просто пошел прогуляться. Нет, в семь часов не ходят гулять. Он всегда любил поспать. «Совенок мой», — звала она его в детстве. Что-то случилось в этом кабинете. Она почти уже знала, что, но не могла себе признаться в этом.

Вера Ивановна не ошибалась. Алексей не замечал прохлады утреннего воздуха. Его щеки сжигал сухой огонь преследования. Черный человек шел медленно, останавливаясь, будто обдумывая свой дальнейший путь или прислушиваясь к окружающим звукам. Иногда у Алексея замирало сердце и пересыхало во рту — ему казалось, что Черный заметил слежку. Но тот после остановки снова продолжал двигаться к одному ему известной цели. Алексей шел за ним.

Самое оживленное место в их маленьком городе — большой универсальный магазин. Видно было, что Черный здесь не первый раз. Он привычно подошел ко входу. Но остановился. Потолкался немного возле первой ступеньки и, с трудом сгибая длинные ходульные ноги, сел прямо на пыльный асфальт. Алексей, сбитый с толку, смотрел, ничего не понимая. Черный подложил под ноги палку, медленно растянул верхнюю пуговицу засаленного пальто, из-за пазухи вытащил грязную помятую тряпку, тщательно разгладил ее, сложил вдвое и как-то бережно, будто от этой тряпки зависела его дальнейшая судьба, положил на заплыванный асфальт впереди себя. Эти действия, видно, утомили его. Он сгорбился, обмяк, уронив голову. Алексей видел, как с его носа чуть-чуть не слетели непроницаемые очки. Но человек задвигал руками, задержался туловищем и головой и быстро принял прежнюю неестественную гипсовую позу. И эта гора окаменевшего человеческого тела стала еще заметно раскачиваться. В следующую минуту Алексей услышал тонкий, тихий, чистый, какой-то юношеский голос:

— Подайте, пода-а-йте нищему, — старательно выводил Черный. И это несоответствие молодого, нетронутого, не сломленного тяжестью жизни голоса и совершенно запущенного, опустившегося тела останавливало обыкновенных, в меру несчастных, в меру счастливых прохожих, словно они видели ожившего мертвеца. Они судорожно рылись в своих кошельках, поспешно бросали монеты на грязную тряпку и быстро, не оглядываясь, исчезали внутри магазина.

Единственный человек, кто смотрел и запоминал мельчайшие подробности в поведении Черного человека, был Алексей. Теперь он не боялся, что его увидит или заметит этот нищий. Он стоял в двух шагах от ступенек, в упор смотрел на человека, который жил в его доме и спал на его кровати. И которого отец в последние месяцы своей жизни называл сыном. И этот человек в их маленьком городе, где все друг друга знают, просит милостыню.

Кто сейчас больше страдал? Черный человек, доведенный странной судьбой до нищенства, или же Алексей, слышавший пронзительное «подайте» и наблюдавший за протянутой рукой парня, которого так боялась и ненавидела его мать.

«Бедная мама,— подумал Алексей,— как же она страдала из-за нашей семьи. Сначала сын сбежал из дому, и, наверное, моя мама перестала разговаривать с вездесущими соседками, которые так хотели знать все и посудачить об этом. Потом неожиданная смерть отца. А теперь в ее доме живет грязный, замкнутый нищий. Надо что-то делать». Алексей начал обшаривать свои карманы. Он никогда не пользовался кошельком, и деньги, когда они были, всегда лежали в карманах брюк, рубашек, курток. Иногда, забывая об этом, Алексей вместе с рубашкой стирал и денежные купюры.

Сейчас он хотел отдать этому Черному все, что он найдет в своих карманах. Набралось двадцать шесть рублей. Он решительно шагнул к нищему, взял его протянутую руку, вложил в ладонь деньги и с силой сжал ее в кулак.

Черный вздрогнул. Он медленно разгладил все купюры, пересчитал, аккуратно сложил вчетверо, тщательно собрал мелочь, сунул тряпку за пазуху, вскочил на ноги, схватил палку. Несомненно, Черный собирался уходить. Но куда? Зачем ему нужны были деньги? Зачем он их выпрашивал? На еду ему хватало и мелочи, которую ему бросили. Имея двадцать шесть рублей, он так засуетился, будто еще подсчитывал, соображая, хватит или не хватит. Уже на ходу Черный обернулся и тонким голосом серьезно сказал:

— Спасибо. Я знал, что **вы** мне поможете! Уверенность осталась от вашего отца.

Эти неожиданные слова как бы приколотили Алексея гвоздями к появившемуся в его жизни кресту. Он осознал, что невидимый крест отныне всегда должен носить за собой. Он еще не понял, из чего сбита эта вечная в пределах его жизни ноша, только догадывался, что ушедший отец, ожидающая мать и благодаривший Черный — все вместе сколотили этот крест для него из своих жизней, и вот сейчас нищий забил последний гвоздь. Ничего, кроме боли, загадок и тяжести, Алексея впереди не ждет. От этой мысли Алексей непроизвольно присел на то же самое место, где недавно попрошайничал нищий.

«Самое ужасное, что начало этой непонятной истории, кажется, положил я сам,— без всякой горечи подумал Алексей,— если бы я не сбежал, не ушел от родителей в поисках самостоятельности, в моей комнате никто, кроме меня, не жил бы. Но откуда взялся этот нищий?»

А нищий исчез. Куда? Алексей вскочил и побежал домой, надеясь найти его в своей комнате.

Открыв ключом входную дверь, он, не разуваясь, протопал в коридор и застучал тем же ключом в дверь бывшей своей комнаты.

Мать замешивала тесто, чтобы порадовать сына домашними пирожками. Услышав шум, она выбежала из кухни, увидела сына у ненавистной двери, поняла, что он хочет видеть Черного, и

ей стало тяжело от мысли, что сын так же, как и муж, отдалился от нее. Руки ее, белые от муки, мелко затряслись от страха. Мука стряхивалась с пальцев и оседала белой пылью на пол. Вера Ивановна ничего не замечала. Она сжала белыми руками свое лицо и уже сквозь пальцы задавленно закричала:

— Зачем он тебе?! Оставь его!

Алексей обернулся. Мука смешивалась со слезами и превращалась в клейкое соленое тесто.

— Мама, успокойся, не плачь,— Алексей отнял ее руки от лица,— пойдем, я тебе помогу умыться.

Он бережно, но настойчиво увел ее на кухню. Мать, очевидно, сама испугавшись нервного срыва, уже спокойно говорила:

— Черный приходит только ночью, вечером. Не замечай его! Ради меня.

— Мама, а ты знаешь, чем он занимается?

Вера Ивановна поджала губы и отрицательно замотала головой.

— Мне кажется, ты знаешь. Он просит милостыню. Он вымаливает гроши! Это стыдно, мама! Мы не можем быть немилосердными.

— Почему я должна кормить его?

— Он живет в нашем доме. Так хотел отец.

Алексей увидел, как в глазах матери снова появились слезы и потекли по морщинистым щекам. Может, эти морщины и появились из-за того, что очень часто горькие от солености ручейки пробивали здесь себе дорогу.

— Не надо, мама,— Алексей испугался, ему показалось, что на его глазах морщины стали глубже.— Успокойся. Я ни в чем тебя не хочу обвинять. Давай спокойно разберемся. Расскажи мне, кто этот парень?

Вера Ивановна вытерла слезы и задумалась. Алексей терпеливо ждал.

— Он убил твоего отца,— сурово сказала она.

— Отец умер от инфаркта. Как бедный нищий мог его убить?

— Если бы не было Черного, отец еще жил бы,— упрямо повторила Вера Ивановна.

— Объясни мне, пожалуйста, все.— Алексей взял ее руки и, как ребенка, погладил.

По своему душевному состоянию она действительно сейчас была ребенком, несправедливо обиженным, напуганным взрослыми.

— Я всегда чувствовала, что отец умрет из-за него. У Черного какая-то страшная болезнь. Он не может смотреть на мир и не слышит никаких звуков. Я помню, как он кричал, когда с него сняли очки. Это был крик обезумевшего, который вот-вот умрет от разрыва легких и связок.

Речь ее стала очень жесткой:

— Своей болезнью он заразил отца. Его слабое сердце не выдержало, и он умер. Черный его убил. Я боюсь этой болезни. Не подходи к нему, Алешенька. Не смотри на него. Я хочу, чтобы ты жил, послушай свою мать.

— Мама, перестань,— перебил Алексей, поняв, что разговор опять сбивается в сторону эмоциональных заговоров.— Как отец мог заразиться? В чем это проявлялось? Не верю я...

Мать не отвечала. Она снова занялась прерванной работой. Вымешивая тесто, казалось, не обращала внимания на сидящего рядом сына и на его вопросы. Этот странный беззвучный поединок между родными по крови людьми был нарушен чужим человеком. Входная дверь открылась, и послышался стук палки слепого нищего. Алексей вскочил и, не глядя на мать, выбежал из кухни.

Он не ошибся. Парень остановился в коридоре, почувствовав движение впереди себя. Правая рука у него была занята палкой с вбитым в нее гвоздем. Левой рукой мертвой хваткой прижата к грязному пальто огромная книга. Книга была прекрасно изданная, в суперобложке, на мелованной бумаге. Эта книга напомнила что-то Алексею. Она была ему знакома. Да... Книга принадлежала отцу и всегда стояла на нижней полке в его библиотеке. Книга репродукций картин русского художника Кандинского.

«Как эта книга попала к Черному? И зачем она ему? Может, он украл ее и хотел продать, чтобы не просить денег? Господи, что я выдумываю. Он не принес бы ее назад. Да и утром у него в руках, кроме палки, ничего не было. Тогда где он ее взял?»

Во время этих рассуждений они стояли друг против друга: два человека, не знающих, как они поступят в следующую минуту — равнодушно разойдутся, сцепятся между собой, чтобы силой разрешить сомнения, или...

Алексей молча протянул руку к книге. Черный без сопротивления, правда, с трудом разжав пальцы, отдал ее. Алексей погладил обложку, открыл оглавление и увидел экслибрис отца.

Он захлопнул обложку и, ничего не понимая, растерянно протянул книгу репродукций Черному. Тот так же молча покорно ее взял и, прижимаясь к стене, прошел в комнату. Алексей, как сомнамбула, двинулся за ним.

— Алешенька, остановись! — раздался крик матери.— Не ходи туда, пожалей меня. Я умру, если ты пойдешь с ним, я уйду от тебя. Я так тебя ждала.

Сын не обернулся. Может быть, и не слышал ее крика. Его мозг был занят вопросом: как книга из личной библиотеки отца попала в магазин «Букинист»?

Зайдя в свою бывшую детскую вслед за нищим, Алексей увидел, что здесь ничего не изменилось. Кто-то аккуратно стирал

пыль со старой фотографии, где маленький Алеша сидел на плечах улыбающегося отца. И даже его потрескавшаяся гитара висела на прежнем месте.

Черный хозяин этой комнаты привычно поставил палку к стене и, не снимая пальто, как делают нормальные люди, зайдя домой, тяжело уселся на кровать, застеленную грязной пыльной тряпкой, некогда бывшей покрывалом желтого цвета. Другого места для сидения, кроме низкого журнального столика, в комнате не было. Алексей осторожно присел на край, коснувшись нечаянно ножки кровати. Нищий вздрогнул и, как испуганный паук, задвигался к противоположному углу, не выпуская из рук книги.

За дверью послышались осторожные крадущиеся шаги и шумное дыхание приникшего к замочной скважине и затаившегося человека.

«Мама подслушивает», — догадался Алексей.

Пауза затянулась. Никто не собирался начинать разговор. Алексея останавливало шумное дыхание за дверью. Почему молчал нищий, он не знал. Алексей еще раз осмотрел комнату в поисках зацепки для начала разговора.

— Почему тебя боится моя мама? — спросил он громко, чтобы слышали за дверью.

Нищий вздрогнул. За дверью замерло дыхание. Алексей начал беспокоиться: дыхание — это жизнь, а мама готова была умереть бездыханной, чем не услышать ответ на такой важный для нее вопрос.

Сжатые каменные губы все-таки задвигались, задергались:

— Я — человек божий, — так же громко сказал нищий. — Я могу и хочу говорить только о своей болезни. Хочешь — слушай, не хочешь — уходи, я тебя не звал.

Эгоистичный ответ сразу разрушил в Алексее образ страдальца, нуждающегося в его помощи, и вытолкнул чувства теплого участия к судьбе этого нищего.

«Все больные — эгоисты, — подумал жестко он, — особенно те, кто страдает долго, у кого накопилось огромное раздражение против всех бегающих, влюбленных, смеющихся, здоровых людей».

Алексей понимал, что для этого задавленного тела и очерстевшей в эгоизме души он, молодой и сильный человек, был именно таким потусторонним счастливым, который достоин только скрытой ненависти и нужен только для выслушивания всех жалоб, стонов, осуждающих монологов. «Счастливые могут служить урной для болезненных рассказов-плевков несчастных и обездоленных. Поэтому здоровяки сознательно и бессознательно, открыто или скрывая стараются побыстрее убежать от общения с нытиками, избежать выплескивающейся гари гниющих душ. А если не удастся, происходит неизбежное заражение страданием, раздражением, нервными срывами. И

появляется соучастие... и совместное существование — все становятся больными...

Не такая ли трагедия произошла в моем доме? Именно этим заразился отец и ушел из искаженного болезнью мира? А мама... на ее душе тоже разрастается плесень раздражительности и подозрительности?»

Мысли Алексея не выстраивались в четкие слова, но он ощущал в себе густой настоящий чад настроения. Хотелось вырваться из удушливого тупика собственных ощущений. «Что же делать?»

Алексей вдруг встал. Он нашел выход. Пришли четкие, ясные и жесткие слова: «Выбросить из своего дома эту бациллу, как дохлую разлагающуюся крысу, чтобы не заражала своим отравленным трупным воздухом других».

Но ему стало жалко нищего...

За дверью снова часто и шумно задышали, а Черный беспомощно задергал ногами, потом забился, вжался в угол и закричал, вернее, заверещал тонким испуганным голосом:

— Нет! Я не уйду! Пощади! Я больной, несчастный. Это жестоко... Возьми книгу. Возьми, но меня не трогай.

Из-под плотных слепых очков полились грязные слезы. Алексей стоял, прислушиваясь к себе. Его решимость непонятным образом ушла. Он потер руками виски.

— Пожалейте меня,— вдруг попросил нищий, и Алексей от сострадания вздохнул.

— Расскажи мне о своей болезни,— сказал Алексей, думая, что это единственно правильная просьба к нищему.

— Будь терпелив, я все-все открою тебе...

Алексей напряг внимание.

— ...то у меня появится надежда, да, надежда, но, извини, прежде я хотел бы продолжить лечение, я ждал этой минуты целый месяц. Помогите.

Алексей беспомощно огляделся. Он услышал просьбу о помощи, но не знал еще, чем поможет. Он встал и смотрел на Черного, который застыл на кровати, полукрыв рот:

— Разве тебе отец не оставил письмо?

— Нет.

— О горе мне,— застонал нищий.— Он обо всем написал тебе, сам видел. Это ведьмина работа. Ведьма! — закричал он и потряс кулаком в сторону двери.— Она забрала. Все время мешает. Она хочет меня убить,— заговорщически-испуганно перешел на шепот нищий.

Алексей догадался, что разговор идет о матери.

— Замолчи,— попросил он.— Говори, что надо, я помогу. Не трогай мать. Ты хотел отдохнуть и полечиться?

— Нет-нет. Открой книгу... Поклянись, что не забереешь! На шестнадцатой странице открой и держи на уровне моих

глаз. Только не заberi, я так долго ждал этой минуты. Держи и постарайся не шевелиться.

Алексей, ничего не понимая, открыл книгу.

— Я копейки собирал, чтобы купить эту книгу, спешил, чтобы успеть купить ее к сегодняшнему дню. Только она дает мне надежду на выздоровление, отдых и лечение. Ну, нашел шестнадцатую?

— Да,— Алексей уже держал книгу перед самым лицом Черного.

Тот наклонился вперед, ткнулся носом в страницу и попросил:

— Подними чуть выше и запомни, как надо держать.

Нищий наконец взял обеими руками свои очки, с трудом рывком снял их, освободив глаза. Глаза оставались открытыми. Алексей увидел, как нищий заулыбался и даже осторожно, чтобы не трясти головой, засмеялся.

— Я вижу, вижу, мне уже лучше, лечение помогает, сегодня я стану здоровым, я верю в это. Хорошо... держи, не тряси.

Заинтригованный, Алексей посмотрел на картину, которую изучал нищий с закрытыми глазами. Ничего конкретно-реального там нарисовано не было. Разноцветные треугольники, окружности, линии, кубики были перемешаны, как в испорченном калейдоскопе. Что же видел в этом разноцветном хаосе Черный? Прошло минут пять. Руки Алексея, державшие тяжелую книгу, заныли и вот-вот готовы были уронить нелегкий груз.

— У меня руки устали,— сказал Алексей, и нищий, тяжело вздохнув, без всяких упреков надел очки.

Алексей с облегчением закрыл книгу и бросил ее на кровать.

— Меня зовут Валентин,— неожиданно представился Черный.— Можно просто Валик. Ты молодец, у тебя хорошая стойка, и руки не дрожат. Когда книга дрожит, глазам плохо. У меня опять появилась надежда, что выздоровею, не сегодня — так через год. Ты, Алексей, отныне заменишь своего отца. Жаль, что его записи украла эта...— нищий запнулся,— твоя мать. Но я помню, немного заметок сохранилось в этой книге. А остальное ты сам поймешь, если будешь...— Черный перешел на шепот: — Слушай только меня. Запомни: таково завещание твоего отца, который за разгадку моей болезни не пожалел своей жизни.

Странные, разноречивые мысли бешено прыгали и менялись в голове Алексея. Он никак не мог схватить хотя бы одну какую-нибудь из них и всмотреться, понять, осознать ее.

«Отец умер, мама близка к сумасшествию от страха и ненависти. Нищий Валентин предлагает... Что же он мне предлагает? Выполнять волю отца и пойти против желания мамы? И... отца уже нет, он ушел, он уже не страдает и не огорчается. А мама? Она надеялась, что сын — родной и ставший силь-

ным — избавит ее от черного страдальца. Она любила отца и, затаив злость и раздражение, терпела Черного...

Чью же сторону должен принять я?»

Алексей вспомнил чистый полированный стол в кабинете отца, пустые ящики.

«Она могла убрать, унести, спрятать».

— Изю всей вещественной памяти об отце у меня остался только старый мультфильм «Пластилиновый мир», — грустно сказал Алексей и, кажется, даже не сказал, а только подумал, увидев себя на ночном просмотре старой детской пленки.

И вдруг нищий Валентин вскочил с кровати, затрясся весь и упал на колени перед пораженным Алексеем.

— «Пластилиновый»? У тебя? Продай! Умоляю! Спаси меня, отдай мне! Я собираю денег!

Нищий вцепился своими грязными трясущимися пальцами в книгу с такой нечеловеческой силой, что Алексею показалось, будто пальцы продырявят твердый переплет.

— Зачем тебе старый мультфильм? — удивился Алексей.

— Принеси, день кончается. Отдай...

Алексей чувствовал себя камешком в несущемся течении. Поток ревет, камешек перекачивается, оббивая угловатость индивидуальности, отупляя свои грани и не понимая, куда его несет и за что его превращают в гальку, гладкую и удобную для движения в любом направлении. Алексей стоял напротив нищего:

— Расскажи мне, чем ты болен и отчего и как умер отец? — спросил он.

— Сначала «Пластилиновый мир».

— Нет, — не спуская глаз с нищего, сказал Алексей. — Сначала твой рассказ. И запомни, правдивый и подробный. Иначе...

Нищий опустил голову и покорно заговорил:

— У меня сегодня день рождения. Восемнадцатое мая — единственный день, когда мне хочется убить себя. Вот уже три года продолжается болезнь, и третий год умирает моя надежда на выздоровление. Проклятый день. Он уничтожает меня еще на целый длинный год. Когда ты приехал, я поверил — вот удача, которая должна привести к выздоровлению. Вот знамение. Я ночью на тебя смотрел и вспоминал себя. Мне двадцать лет. Я буду здоровым, молодым, веселым, буду всех любить и никогда не обходить нищих. Проклятый день! Восемнадцатое наступило и скоро закончится, а я болен. Убью себя! Чтоб не мучиться больше! Ты не веришь? — плаксиво-тревожно спросил Валентин.

Алексей пожал плечами. Он мало что понял из этих туманных эмоциональных слов. Единственное, чем он мог утешить или огорчить Черного, это маленькой поправкой в числах.

— Ты ошибся. Восемнадцатое мая будет только завтра.

Сегодня семнадцатое, семнадцатое,— повторил он по слогам для доходчивости.

Нищий недоверчиво замотал головой, потом быстро схватил свою дорожную палку и, мелко подрагивая от страшного напряжения, стал ощупывать неаккуратно сделанные беспорядочные зарубки. Губы шевелились:

— Да, я ошибся! Семнадцатое! Двадцать лет мне исполнится только завтра. Самый счастливый день наступит только завтра. Ты помог мне купить книгу, ты обещал принести «Пластилиновый мир», ты помог мне раскрыть ошибку — это судьба. Завтра должна решиться моя жизнь. Завтра я буду здоров, буду видеть, сниму очки, выброшу палку и... А если... нет, то... я убью себя! — Нищий прижал руки к груди и выкрикнул: — Клянусь!

Выплеснув душившие его противоречивые эмоции, он успокоился и сел на кровать. Но Алексей повторил вопрос:

— Чем ты болен?

Нищий удивленно посмотрел на Алексея.

— Разве я тебе не рассказал? Я человек, который ничего не может видеть и ничего не может слышать.

— Мама говорит, что ты не хочешь видеть...

— Эта ведьма хочет, чтобы я умер под забором! В ней нет сострадания... Мне сочувствуют соседи, весь двор. Вся улица и весь город спасают меня... Людей сердобольных больше... От сумы да от тюрьмы не зарекайся...

Алексея поразили эти слова прямо в сердце, все смешалось в сознании — и смех, и слезы, и горечь, и радость сочувствия. Это дано только глубоким старикам и детям. Будто желая удивить Алексея еще больше, нищий внезапно прекратил плач и совсем спокойно, но грустно сказал:

— Я не знаю, чем я болен. Я был нормальным, жил, как все, но три года назад восемнадцатого мая я проснулся и не узнал комнаты, в которой рос. Я в страхе закрыл глаза, и когда открыл их, наваждение исчезло. Все вокруг было обычным. Перед сном долго читал всякую чепуху, потом ворочался без сна, и вот результат, подумал я и успокоился. Но это пришло снова. Вдруг стена, книги, стулья — все стало непонятно быстро меняться, грубо корчиться в каких-то судорогах. Людская доброта спасает меня много лет. Ты видел мультфильм?

— Да, много раз.

— Что-то подобное, как в том фильме, на моих глазах происходит со всеми окружающими. Все меняется под ударами невидимой руки. Жизнь как в мультфильме. Я не мог узнать свою мать. Это страшно. Потом возникла ужасная боль в глазах. Будто живые глаза режут лезвием на мелкие кусочки, и каждый из этих кусочков видит по-своему. Это больно. Вот почему я ношу очки. Ужас. Я не слепой, но не могу видеть мир, это приносит мне боль. Мама умерла, не выдержав моих кри-

ков, черных очков, сумасшествия, как считали врачи, и я остался один. Так и жил. Твой отец поверил моему рассказу. И взял меня к себе. Он обещал меня вылечить. Он нашел книгу Кандинского и показывал «Пластилиновую ворону». Только на эти вещи я могу смотреть без очков. Картины быстро меняются, они искусственные, они не похожи на жизнь, и мне приятно. Смотрю на них, и легче. Я отдыхаю. Это лекарство, говорил твой отец. Он писал обо мне научную работу. Я сидел рядом, когда он писал. Это было бы величайшее открытие. Книга милосердия, свет сострадания, радость воскресения...

Алексей вздрогнул при упоминании об отце. Он вспомнил чистый, без единой крупинки табака, рабочий письменный стол и пустые ящики.

— Сиди здесь и никуда не выходи,— сказал он Валентину и пошел к выходу. Он хотел поговорить с матерью.

* * *

Вера Ивановна устала. Никогда прежде она не позволяла себе подслушивать и подглядывать. Лучше кусать до крови губы от обиды и захлестнувшей беды, но не подслушивать... Это не человеческое занятие. В ее сознании такие поступки являлись тем рубежом, что отделяли уважающего себя человека от хитреца, честолюбца или затравленного. Пережив смерть любимого мужа, Вера Ивановна начала молиться богу, а временами, когда ей становилось совсем безвыходно, обращалась за помощью к дьяволу. Она не знала, кто ей поможет избавиться от Черного... Сострадательные соседи одобряли то, что было для нее невыносимо... Милосердие — это великолепно... И вот она увидела, как сын уходит к нищему и не слышит ее стоны о помощи, о боли, которая, как молот, разбивает душу... Боясь не за себя, а за сына, она слушала за дверью, и до ее ушей донесся выкрик Черного: «Ведьма!» А сын не ударил его, не убил за оскорбление своей матери. Вера Ивановна едва не ушла: с тихим стоном она привалилась к стене и потеряла сознание. Беспмятство плавно, незаметно для сознания, спокойно перешло в сказочно-чистый, добрый, светлый сон.

Она видела себя молодой и одинокой. Одиночество в той начальной стадии, когда оно еще не успело окраситься в тяжесть, замкнутость и страдания. Одиночество, идущее по дороге жизни рука об руку со светлой неизвестностью и наивной огромной надеждой на то, что эта неизвестность причалит к ее берегу удачным счастливым бортом. Восторг жизни поднимает Веру Ивановну высоко в голубое серебрящееся небо. Она не чувствует скорости, но летит быстро на встречу с дальнейшей судьбой. Во сне нет никаких преград. И вот она видит,

вернее, слышит голос своего будущего и бывшего мужа. Голос нежный, мягкий, покоряющий:

— Мы ведь любили друг друга, правда?

— Да,— кивает молодая Вера Ивановна.

— Я хочу, чтобы ты всегда оставалась такой юной и красивой...

— Да, не хочу быть старухой,— беззаботно смеясь, нараспев отвечала Вера Ивановна.

— Скорее иди же ко мне, иди. Я жду тебя...

— И у нас будет сын?

— Молчи, иди же ко мне, я дрожу от любви...

Вера Ивановна летит дальше, голос затихает. Она несет в себе жаркие слова: «Иди же ко мне. Я дрожу...»

Вера Ивановна не слышала, как сын хлопнул дверью и остановился перед нею: он увидел старую женщину, неудобно сидящую на полу, подогнув располневшие ноги, с безвольно склонившейся седой головой. Он присел рядом, взял сжатую в кулак руку, распрямил пальцы, погладил их и поцеловал. Совсем как в детстве, в горле начались судороги, а в глазах появились слезы. Вера Ивановна не проснулась и не видела сидящего рядом сына и его слезы, хотя ей было бы приятно проснуться именно сейчас.

Алексей о многом догадался. Его ожидал тяжелый выбор. Примирения между матерью и нищим никогда не будет. Два одиноких эгоистичных человека разрывают его на части. Нищий — несчастный, которого жалеет весь город... Он достоин сострадания... А мать? Зачем она не хочет выполнить волю своего мужа? И что делать Алексею? Изгнать из дома бедного Валентина? Неужели мама с самого начала знала, что Алексею придется рано или поздно выбирать? «Убей его!»

«Вот отчего умер отец. Он не смог убить кого-либо из них. И передал по наследству эту проблему двух одиночеств. Он завещал ее мне». Алексей испугался своего прозрения. Нервно осмотрелся, не подслушивает ли кто-нибудь его мысли, и увидел настороженный взгляд матери. Вера Ивановна сидела на полу в неудобной сонной позе, но глаза уже сурово смотрели на сына. Разговор предстоял нелегкий, и чем он закончится, неизвестно.

— Отец несколько лет писал научную работу о болезни Валентина. Его труд — достояние науки. Где научная работа отца? — холодно спросил Алексей.

— Будь проклят тот день, когда оборванец пришел в наш дом! — процедила сквозь зубы мать. — Будь проклят... — она не договорила, и Алексей никогда не узнал, кого еще собралась проклясть мама. Вера Ивановна не досказала, лицо ее вздрогнуло, исказилось гримасой и вдруг стало светлеть и расслабляться в улыбку.

— Алексей Викторович, помогите мне встать,— услышал он

от матери странно-официальные слова и, увидя протянутые ее руки, шагнул к матери, помог ей подняться. Она застонала.

— Нога... ногу отсидела,— и, опираясь на сильную руку сына, прихрамывая, пошла в свою комнату.

Под матрацем лежало несколько помятых исписанных листов бумаги. Вера Ивановна с благостной улыбкой расправила листочки, протянула их Алексею.

— Твой отец сегодня сказал мне, чтобы я тебе не мешала, возьми письмо. Я уйду к нему, он звал меня...

Алексей был подавлен такой переменной настроения, он совсем не придавал значения последним чудаковатым словам матери. Бережно взял письмо и постарался быстро уйти к себе. Сев за рабочий стол отца, разложил по порядку помятые листочки, которые, он надеялся, хранили тайну болезни Валентина и, возможно, рекомендации по ее лечению, во что так верил несчастный нищий.

«Посвящаю моему внуку!» — прочитал Алексей на первой странице.

«Какому внуку?» — усмехнулся Алексей, но далее было написано: «Внук будет гением, если ты, Алеша, продолжишь начатую мной работу».

Это заинтриговало Алексея: отец связал странную неизвестную болезнь Валентина и гениальность будущего внука. Алексей предельно сосредоточился, вчитываясь в слова, написанные ушедшим отцом.

«Ритм — это повторение. Каждый последующий элемент повтора в человеческом восприятии не равнозначен предыдущему».

«Ничего не понимаю,— в отчаянии подумал Алексей,— не быть моему сыну гением».

«Не отчаивайся, сынок, не понимаешь потому, что не хватает знаний,— будто угадав реакцию Алексея, написал дальше отец,— начнем с банального сравнения времени с художником. Время — художник, осмелюсь я еще раз повторить. И вот почему я так думаю. Ни один художник не работает на холсте без предварительной кропотливой этюдной, эскизной работы. Кто, кроме мастера, знает, сколько первичных линий, штрихов сделано вчерне, для себя, для уточнения своего творческого замысла? Окружающие оценивают законченную работу художника и могут только догадываться о ежеминутном многоэтапном процессе создания нового.

Время, как серьезный художник, каждую секунду вносит в свой огромный этюдник жизни малозаметный штрих. А уж потом закрепляет найденные необходимые изменения в своих бесконечных бесчисленных картинах, в которых мы живем и существуем. Но есть один человек на земле, который видит не только завершенные сцены жизни, а все штрихи, которые накладывается на нас время. Он видит быструю мгновенную поис-

ковую работу карандаша художника. Он очень чувствителен к течению времени, он видит невидимые для остальных глаз изменения в других людях, в окружающей обстановке, изменения, которые оставляют каждое прошедшее мгновение времени. Он живет в пластилиновом мире, где происходит быстрая смена окружающего. Он наделен способностью воспринимать эту мгновенную смену информации.

В этом его счастье и несчастье. Чудак, он считает это болезнью, потому что не может узнать один и тот же предмет через некоторое время. Не узнавать можно не только, когда забываешь, но и когда очень быстро меняются окружающие. Поток для него слишком быстрый. Он не обладает ритмом. Художественным ритмом, то есть художественным временем. В этом его беда. Зоркий глаз во времени не подкреплён соответствующей памятью. Вот что ему надо лечить: развивать память о прошедшем времени. Он должен научиться внутренне бороться с быстро текущим для него временем, закрепляя события в своей памяти. Пока у него не хватает сил, и он покорно плавает по течению времени и от этого страдает.

У него хватило ума надеть черные очки, но об этом ниже. Надо сказать главное. Его болезнь можно назвать и даром природы. Я уверен, я уже был рядом с этим чудом восприятия. Этим даром, как инфекционной болезнью, можно заразиться. Любой человек в состоянии увидеть пластилиновый мир, вжиться в него. Это главная моя мысль. Необходимо подарить феноменальные способности Валентина людям. Вот чем ты займешься, сын».

«Зачем? — недоумевал Алексей, держа листки в руке. — Зачем человечеству эти мучения? Чтобы на всех надеть черные очки? Глупости! Я обязан понять мысль отца. Он считает болезнь Валентина даром природы? То есть видение мельчайших изменений во времени, или, как назвал это отец, жизнь в пластилиновом мире — это для человечества особое состояние?»

Алексей снова перечитал записи. Отца осенила мысль... Его озарила идея, но Алексей не понимал его.

Может быть, имеются еще какие-то записки отца? Неужели мама спрятала их, обманывая меня?

Он встал, посмотрел на часы. Без десяти минут полночь.

«Мама, наверное, уже спит. Будить или не будить?»

До утра ждать тяжело... а Валентину завтра исполнится двадцать. Я должен во всем разобраться и помочь ему. Стоп! Помочь в чем?.. Дар человечеству! Он, отец, значит, не думал лечить. Что скажет нищий, если узнает, что он не нищий, а благодетель человечества?»

Алексей выключил свет и на ощупь, на цыпочках вышел из комнаты. Около двери ему показалось, что через закрытую дверь он на миг увидел сидящего на кровати с напряженной

выпрямленной спиной Валентина. Алексей испугался, часто заморгал, пока снова к нему не вернулось нормальное зрение, и пошел дальше. Он уже собирался осторожно постучать в спальню к матери, но заметил в кухне свет.

Из неплотно закрученного крана капала вода. Капли, ударяя по металлу раковины, издавали ритмичный мрачный звук. На неубранном столе валялись забытые грязные очистки картофеля, перемешанные с остатками муки и бесформенными кусочками теста. На уголке стола рядом с мойкой лежал порядком намокший от разлетающихся брызг стандартный лист белой бумаги.

Алексей почувствовал обостренной интуицией, что именно там, в размокшем листочке, он прочтет важную для себя информацию. Осторожно разложил бумагу на кухонном стульчике и, стоя на коленях, прочитал:

«Конечно, у тебя возникает вопрос, зачем человечеству именно такие способности. Но ты и сам уже догадался. Представь, какой объем знаний при такой скорости он воспринимает. Это же то, чего не хватает человеку. Поток различной необходимой информации, будь то научная, эстетическая, житейская, падает в последнее время на наши головы с такой силой, что мы вот-вот окажемся раздавленными. Человек при обычном течении познания не сможет двигаться дальше, он будет обречен только на бег по кругу знаний. Вся человеческая жизнь будет уходить на перемалывание, пережевывание и заглатывание уже добытого, а когда же заниматься исследованием нового? И вот появился Валентин. Откуда у него такие великие возможности, он и сам не знает, но его болезнь — спасение для всего человечества. Думаю, со временем ему будут поклоняться и почитать его, как первого человека, побывавшего в космосе. Сравни ходьбу пешком, а именно такими шажками сейчас проходит обучение молодежь, правда, некоторые, самые способные, могут переходить на бег, но даже бег нельзя сравнить с полетом космического корабля. Вот какой скачок в скорости дает нам феномен Валентина. Мне кажется, не только зрение, слух обладают быстрым восприятием, но и осязание. Чувство, которое человек недооценивает на протяжении всей эволюции. Конечно, для освоения этого дара необходимо создание особых условий, специальных информационных программ, по типу компьютерных лент, банков информации. Об этих специальных вопросах прочтешь в книге, которую я недавно стал писать.

Сынок, ну как, стоит на решение проблемы потратить свою жизнь?

На этом позволь мне закончить свое письмо. Возвращайся и принимайся за дело».

В конце письма стояла аккуратная подпись отца. А ря-

дом... Рядом была маленькая приписочка, сделанная плохо зачиненным карандашом.

«Мама», — догадался Алексей и несколько секунд не мог заставить себя прочесть.

«Прости меня, сынок, если можешь. Я сожгла научную работу отца еще перед его смертью. Я ее украла. Витенька меня простил и звал меня к себе. Прости и ты. Я не буду тебе больше мешать».

Алексей стало тяжело дышать. Как! Сжечь дело всей жизни отца?.. Тяжело, страшно. Он увидел под столом тихий, неподвижный карандаш, не ведающий, какие слова его заставили написать.

Алексей медленно, стараясь не повредить влажный лист, сложил его вчетверо, выключил свет и вышел из кухни. Куда он шел? Сначала к дверям маминной спальни. Там, в комнате, было тихо, темно, как-то безжизненно тихо. Алексей постоял в нерешительности. И попятился к противоположной стене. Почувствовав спиной прохладу, он немного успокоился и решил вернуться к себе.

«Уже поздно, все спят, один я хожу, как привидение, ищу приключений».

Он проходил по коридору. Из комнаты Валентина раздавались странные для ночного времени звуки.

«Что это с ним случилось?» — в тревоге подумал Алексей и кинулся на звук, как желтая реанимационная машина на вызов. Толкнул дверь.

В комнате было темно, а внутри темноты энергично ворочалось разъяренное живое существо. Алексей ничего не увидел, не догадался включить свет, да и не было уверенности, что есть в комнате лампочка и выключатель. На помощь пришла все та же загадочная любопытная луна. Привлеченная необычностью звуков в обычно тихом окне, она тоже встревожилась, заинтересовалась и осветила комнату. Алексей увидел в лунном свете Валентина, совершенно голого, посередине комнаты. В руках он держал старые дырявые туфли за носки и каблукми с остервенением выстукивал одному ему подчиняющийся ритм. Босые ноги притопывали и приплясывали в этом ритме, а может быть, прибивали пятками к полу тряпье, которое Валентин еще вчера носил вместо человеческой одежды. Этот первобытный ритуальный танец длился долго — Валентин уже тяжело дышал.

«В нашем доме поселилось проклятье, — подумал Алексей, глядя на голое, вспотевшее, дергающееся тело, — все живущие здесь рано или поздно должны выбирать либо смерть, либо сумасшествие. Причем выбирает кто-то другой, неведомый и обладающий неограниченной властью, а мы только подчиняемся».

— Валентин,— позвал он безнадежно.— Валентин, что с тобой?

— Радуюсь,— с трудом, сквозь судорожное дыхание ответил нищий.

— Чему? — удивился Алексей безразлично.

— Постой,— тонким голосом закричал Валентин,— у меня праздник, не отмечать же его в одиночку.

Алексей остановился. Валентин прекратил пляс, поскреб себя по груди и продолжил:

— Помыться бы? Одолжи какую-нибудь чистую одежку.

Слова были разумными. Алексей молчал.

— Да что ты застыл, как старый цемент? У меня день рождения, слышишь: восемнадцатое мая. **Смотри**, я без очков, очки вон валяются! Луна какая! А? Хорошо?

Валентин засмеялся, все было странно.

— Пойдем? Ты сам прочтешь письмо моего отца,— сказал Алексей.— Ты — дар природы...

Валентин в нерешительности потоптался. Он смотрел на свою одежду, надевать ее не хотелось.

— Ты — счастливый идиот,— зло бросил Алексей.— Ты — загадка природы! Кретин или феномен?

Алексей резко повернулся, толкнул ногой дверь и вышел. Остановившись в пустом коридоре, он прислушался. В доме стояла беспокойная тишина. На одну-единственную секунду ему показалось, что в спальне матери никого нет. Закрытая дверь молчала. Алексей отогнал тревожные мысли и трусливо побежал к себе.

Сидя за письменным столом, он думал.

«Собственно говоря, каждый из нас не справился с данными ему возможностями. Какое я имею право обвинять Валентина? Он дар, никем не востребованный. Нищий, который выпрашивал мелочь, подавание, мог сам подать всему человечеству. Как он будет жить дальше, когда поймет свою феноменальность? А отец? Он не смог распорядиться своими знаниями и догадками. Он переоценил свои силы, желания решить загадку и войти в историю. Честолюбец! Все кончилось перенапряжением и смертью. Мама оказалась раздавленной огромной силой обстоятельств. А я пробую жить в вязком мире. Как быстро, грубыми лепками, меняется все вокруг. И я уже не узнаю себя — того восторженного мальчишку, который вчера постучал ключом в дверь родного дома. Каким буду завтра? Плыл по течению времени и наказан за нерешительность. Птица была в руках и, как призрак, растаяла. Можно ли обвинять Валентина?

— Ты прав, мой мальчик,— долетел до него тихий голос отца.— Ты прав. Выживают сильные... Я знал, что способности даются только на короткое время школьного обучения. А потом, когда человек вырастает и завершает курс активного познания, он лишается этого дара. Дар, который непонятным

образом прорвался к нам из будущего, нуждается в истребовании.

— Папа, ты же умер?!

— Молчи и слушай. Ты не хочешь продолжать дело моей жизни, ты не любишь Черного человека...

— Что предлагаешь мне?

— Просто ложись спать!

Где-то в комнате бесновался Черный человек; и матери нигде не было; и слышался голос отца... И Алексею было непонятно, как ему жить... Сострадать? Он поставил раскладушку. Она по-старому жалобно заскрипела под его ворочающимся телом.

Михаил НОВИКОВ

ВНУК ГЕНИЯ

Константин Угрев, молодой человек заурядной наружности, блондин, стоя перед зеркалом в узком коридоре, надевал старомодный прорезиненный плащ. Он застегнулся на все пуговицы, подпоясался, осмотрел свое отражение и взлетел под потолок. «Спину бы побелкой не испачкать»,— подумал он, пролетел по коридору, плечом распахнул дверь в комнату, развернулся над обеденным столом и, накренившись, замер у окна.

Был поздний вечер. Воздух, голубой от фонарей, походил на воду в бассейне. Угрев протиснулся в форточку и полетел, не приближаясь к земле. На верхнем этаже серого капитального дома он отыскал знакомое окно. Оно было приоткрыто, внутри горел свет. Угрев приблизился и завис, наблюдая происходящую жизнь.

За столом под низко висящим абажуром сидели Мария и двое мужчин. Играли в покер. Слышался стук костей, короткие фразы. Тянуло табачным дымом.

Угрев схватился за карниз над окном и, изогнувшись, строился напротив щели между шторами. Играли без азарта. Выигрывал и, видимо, не первую партию грузный молодой человек с челкой, сидевший боком к окну.

Угрев подумал, что это муж Марии.

Стаканчик с костями, гремя, переходил из рук в руки.

— Все, закончили,— сказал человек с челкой,— покер.

— Всегда тебе, Артем, везет,— вздохнула Мария.

Тот пожал плечами:

— Счастье улыбается знающим.

Другой мужчина склонился над столом, подсчитывая итог.

Артемий закурил, резко поднялся, шагнул к окну и вдруг отшатнулся.

Угрев, кувыркнувшись в воздухе, взмыл вверх.

Артемий захлопнул окно.

— Что такое? — спросила Мария.

— Не знаю... Мне показалось... Посмотри-ка, Данила.

Даниил, чернобородый человек лет под тридцать, оторвался от подсчетов и подошел к окну. Он открыл створку, выглянул. Над темным домом напротив горела надпись «ГОССТРАХ».

— Ничего не замечаю, — сказал Даниил, обернувшись. — А что было-то?

— Представляете, мне показалось, какой-то человек барахтался перед окном.

— Ну, допился, — сказала Мария.

— Или от духоты померещилось, — добавил Даниил.

— Seriously, я видел.

— Как это выглядело? — спросил Даниил.

— Я плохо разглядел. Такая фигура, в большом черном балахоне.

— Может, вор, — предположила Мария, — говорят, они иногда по веревке спускаются с крыш и заходят в квартиры.

— Нет, — возразил Артемий, — он как бы отъехал от окна и, по-моему, взлетел выше.

— Взлетел? — Мария округлила глаза. — Это у вас бред, мы вас вылечим.

— Это не галлюцинация, точно.

Помолчали.

— Чудно! — вдруг воскликнул Даниил. — Я на днях узнал любопытную историю. Понимаете, захожу к приятелю — он работает в Летательном Институте, — и он показывает мне один текст. Такой доклад, отпечатанный на машинке. Подготовлен их сотрудником. Суть такова: в конце тридцатых годов некий чудаковатый изобретатель, по фамилии Угрев, проводил в этом институте опыты по изучению гравитации. И ему якобы удалось выяснить картину силовых линий гравитационного поля. Он утверждал, что если сделать какую-то сетку, которая определенным образом пересекала бы эти линии и как-то там их прерывала, то внутри этой сетки поле обращалось бы в нуль.

— Ну, вы оба свихнулись, — перебила Мария. — Один видит летающих людей, другой толкует об антигравитации. Подумать только... Причем первый врач, а второй инженер.

— Я инженер-экономист, — сказал Даниил, — и вообще за что купил, за то и продаю.

— Говоришь, его фамилия Угрев? — спросила Мария.

— Да.

— Странно.

Даниил продолжал:

— Ладно, послушайте. Короче говоря, из Летательного Ин-

ститута этого человека не то уволили, не то он сам ушел, но он продолжал опыты на свой страх и риск у себя на даче. И добился успеха! Ему удалось сделать эту штуку — сетку. В поселке, где была его дача, чуть ли не до сих пор живы старики, которые видели, как по воздуху плавали, визжа и воя, кошки и собаки. Изобретатель делал для животных попонки из своей сетки, и те взлетали. В докладе написано, что он сделал, или почти сделал, летающую одежду для человека, но опробовать ее не успел. Во время войны дача сгорела, и архив и материалы погибли. Вот, собственно, и все. Там еще были выкладки, вычисления, но я не разобрался.

— Сказки,— сказала Мария.

— Кто его знает...— протянул Артемий,— то есть сказки, конечно. Если бы что-то такое и было, не могли же это скрывать, допустим, родственники, потомки его, друзья...

— Больше я ничего не знаю,— сказал Даниил,— но все-таки я понял так, что какие-то следы остались. Дача, кажется, сгорела не полностью. А насчет потомков можно узнать в телефонном справочнике — фамилия-то редкая.

Артемий вышел и вернулся со справочником. Мария сидела с отсутствующим видом. Артемий погладил ее по голове. Она отвернулась:

— Дурачки, мальчишки.

Даниил полистал толстую книгу и прочел: «Угрева Энергия Константиновна, 100-05-25, Лесной проезд, 4, кв. 33».

И добавил:

— Отчество подходит. Тот изобретатель был К. Ю. Угрев. Это может быть его дочь.

— Даня,— снисходительно сказала Мария,— тебя разыграли! А вы, как дети, всему верите.

— Мало ли...— неуверенно произнес Артемий,— я же вот видел...

Мария засмеялась:

— Ну конечно! Не кого иного, как летающего человека...

Не кто иной, как Константин Угрев, внук гения, обнаружил летающий плащ на даче близ деревни Омутыши. Он жил с матерью в городе, после пожара новый дом кое-как выстроили, но наезжали туда редко. Однажды Энергия Константиновна предложила сыну:

— Костя, почему бы тебе не заняться дачей? Привел бы ее в порядок, была бы у тебя своя студия. Все-таки недалеко от города, удобно.

Угрев занимался книжной графикой — рисовал для издательства разные буквы, заставки, шрифты. Простая мысль ему понравилась. Студия была нужна. И вот, разбираясь в чулане, он нашел пыльный, но вполне крепкий плащ, сшитый по до-

военной моде — регланом, двухсторонний. Верх плаща был синий, изнанка в мелкую клетку.

Было начало мая. Моросил дождь. Угрев вышел на крыльцо, накинул плащ и взлетел. Машинально он взмахнул руками, сбросил плащ и рухнул на мокрую землю.

«Значит, правда про деда...» — Угрев знал семейную легенду, но никогда не принимал ее всерьез. Он вскочил, забыв об ушибах, надел плащ и, слегка оттолкнувшись, поднялся в воздух.

«Значит, правда...»

Довольно быстро Угрев совершенно освоился с летающим плащом. Летать было примерно так же, как плавать под водой, только гораздо быстрее. Он привез плащ домой и в безветренные ночи совершал полеты над городом. Энергия Константинова уехала отдыхать, ничего не зная о находке сына.

Еще до случая с игроками в покер Угрев несколько раз обнаруживал себя. Ему позвонил человек, назвавшийся профессором Исаевым из Летательного Института, расспрашивал о деде. После этого Угрев отключил телефон. Он был замкнутый, немного мнительный.

«В деда, чудак», — говорила Энергия Константиновна.

Ему казалось, что за ним следят. Он осторожничал, выходил из дома с плащом через руку, надевал в укромном месте, летал поздней ночью. Когда его «засек» муж Марии, Артемий, Угрев решил временно перестать летать.

Шли недели. Плащ покоился в шкафу на гнутых плечиках, Угрев полетывал по квартире, предпринял робкую попытку выяснить секрет плаща. Между тканью и подкладкой прощупывались тонкие провода, швы были проложены упругой лентой. Распороть хотя бы один Угрев боялся. Сообщать кому-либо не спешил.

«Успеется, — рассуждал он, склоняясь над очередной буквой для издательства. — Ну, расскажу я... Пользы не будет никакой. Разобраться не сумеют, а наверняка испортят. Тем более что такое плащ? Игрушка, развлечение. И без него человечество прекрасно обходится... Жизнь покажет, что делать, пока надо, конечно, хранить тайну...»

Влекло к Марии. Угрев долго и бережно ухаживал за ней. В момент, когда он был близок к тому, чтобы предложить Марии руку и сердце, она вдруг вышла замуж за полнеющего курильщика Артемия. Иногда Угреву казалось, что так вышло из-за его нерешительности. Изредка они случайно встречались. После этих встреч Угрев несколько дней ходил с больной душой. Что-то теплилось в нем — может быть, обида просто...

Угреву хотелось знать, как ей живется.

Он возобновил полеты. Стыдясь роли согладателя, он вновь приближался к окну серого дома.

Однажды он увидел свет в нем. Вися у окна, различал сквозь тюлевую занавеску фигуры сидевших за столом.

В комнате были двое — Артемий и Даниил. Мария отсутствовала, может быть, она была в других комнатах, но их окна выходили на оживленную улицу. Туда подлететь Угрев не мог, его непременно заметили бы снизу.

Он прислушался к разговору.

— Ну,— спрашивал Даниил,— чем же она недовольна?

На столе стояла бутылка вина. Артемий подливал в стаканы и рассказывал:

— Все как обычно, весь стандартный набор. Денег не хватает и тому подобное. Дело-то не в этом, хотя денег, конечно, маловато...

— Ничего, стерпится — слюбится.

— Не знаю, не знаю.

Даниил вдруг бросился к окну.

— Вот! Вот! Гляди!

— Опять! — Артемий отодвинул штору и открыл окно.

Они стояли и смотрели, как удаляется темное на фоне мерцающего городского неба пятно.

Угрев улетал, проклиная себя. «Так бездарно! Идиот! Эти теперь не отстанут...»

Они проявили настойчивость.

— Давай попробуем его догнать,— предложил Даниил.— Он летит довольно медленно. На такси мы его обгоним. Помнишь тот адрес? Может, действительно...

Даниил осекся.

— Что действительно? — спросил Артемий и сам ответил: — Ладно, понятно. Лесной проезд, это недалеко. Выясним, по крайней мере.

Преследователи отправились в путь. Сама Артемида покровительствовала им. Через четверть часа они стояли у длинного унылого корпуса с большой цифрой 4, нарисованной масляной краской на стене.

— Оставайся здесь,— решил Даниил.— Я поднимусь, посмотрю, что наверху. Если окна на ту сторону, беги туда, а я останусь.

Даниил скрылся в подъезде и вскоре махнул рукой в окно лестничной клетки, указывая на неосвещенный ряд окон на шестом этаже.

Прошло минут десять. К подъезду подошел высокий молодой человек с плащом, перекинутым через руку, и скрылся в доме.

Появился Даниил и зашагал вдоль дома. Артемий догнал его:

— Он?

— Он! Квартира тридцать три.

Артемиды возвращалась на Олимп, преследователи возвращались в дом Марии.

— Ты заметил плащ? — спросил Артемий.

— Конечно. Странно это, а? Неужели это может быть правдой?

— Попробуем позвонить ему.

Дома Артемий отыскал номер телефона Э. К. Угревой и стал звонить. Никто не отвечал.

— Естественно, — сказал Даниил, — он же знает, что мы его видели. Скрывается. А если заявиться к нему домой, дверь он тоже не откроет. Остается только послать письмо.

— Ну и что ты в нем напишешь? Не умеете ли вы, дескать, летать? Может, и нас научите? Впрочем, это, кажется, единственный способ. Надо его как-то заинтересовать, убедить встретиться. Что-то тут есть, я чувствую. Слишком много совпадений, — Артемий вылил в стаканы остатки вина, отпил. — А что тот малый, который давал тебе читать доклад, ты с ним больше не беседовал?

— Я звонил ему на следующий же день. Он как-то застенчивый, не хотел говорить. Я так понял, что эти бумаги он не должен был никому показывать.

— Что они, секретные? Тогда лучше не соваться. Летательный Институт — фирма солидная, без нас разберутся.

— Нет, дело не в этом. В Институте автора доклада никто всерьез не принимает. Он просто лаборант-энтузиаст.

— Может, попробовать выйти на этого доморощенного Эдисона?

— Попробуем обязательно. Но главное — Угрев-младший. Надо понять, чего он хочет. Если, конечно, это он, то почему он ошибается у вашего окна? Что ему нужно?

— А нам что нужно?

— Ну, летать!

— Да? Летать?

— И вообще, интересно. Терять-то нечего. Я где-то читал: ошибку совершить невозможно. Завтра я узнаю, можно ли встретиться с автором доклада.

Угрев обладал живым воображением и был склонен скорее видеть нечто там, где не было ничего, чем наоборот. Он понял, что муж Марии и его приятель, не обремененные излишним скепсисом, рано или поздно доберутся до него. Про себя Угрев называл их «вольные сыны эфира». Чем-то они были ему симпатичны.

И все же мысль о том, что кто-то вторгнется в его жизнь — а Угрев считал летающий плащ и все с ним связанное обстоятельством своей личной жизни, — мысль эта претила ему, пугала. «Это мое дело, — считал он. — Если до сих пор никто, кроме деда, до этого не додумался, значит, изобретение преждевременно. Надо будет — и не такое придумают». В научно-популярном журнале Угрев нашел статью о гравитации. В статье описывались дорогостоящие опыты с тяжеловесными установками. Угрев прочел и усмехнулся: «А мне плевать на гравитацию — летаю и все тут. И не в зуб ногой!» Но нужно было скрыться от любопытных. Со дня на день возвращалась из отпуска Энергия Константиновна. Угрев решил уехать в Омутитши. Студия там была почти оборудована, но он привык работать в городе. Два дня он корпел над срочным заказом, не выходя из дома и не притрагиваясь к плащу. Окна были зашторены — Угрев всегда работал при искусственном освещении.

Наконец он собрался — закончил все дела, уложил в рюкзак плащ, несколько банок консервов, сигареты и прочее и около полудня покинул квартиру, тщательно заперев дверь. Матери оставил записку: «С приездом! Я на даче на несколько дней. Будут звонить или спрашивать незнакомые — не разговаривай, не объясняй, где я, пожалуйста. Пока». Спускаясь по лестнице, он заглянул в почтовый ящик. Там белел конверт. Угрев достал письмо, сунул в карман, не распечатывая. В электричке прочел. И адрес на конверте, и письмо были отпечатаны на машинке:

«Глубокоуважаемый тов. Угрев!

Мы, Кузьмин А. А. и Зипунов Д. М., обращаемся к Вам по поводу научного наследия Вашего деда, К. Ю. Угрева. Заранее приносим извинения, если произошла ошибка и К. Ю. Угрев, работавший до войны в Летательном Институте, не является Вашим дедом и вообще родственником.

По всей вероятности, однако, ошибки никакой нет. Мы располагаем некоторыми сведениями и собственными свидетельствами. Мы хотим предложить Вам сотрудничество. В случае реализации нашего плана Вы получите значительное и почетное вознаграждение, как моральное, так и материальное. Размеры его будут таковы, что пренебречь им вряд ли мог бы позволить себе даже очень обеспеченный во всех отношениях человек.

В любом случае мы Вас просим, не считите за труд, позвоните нам в следующую после получения письма субботу между 15.00 и 15.30 по телефону 415-21-92.

С наилучшими пожеланиями А. Кузьмин,
Д. Зипунов».

«Стало быть, Мария теперь Кузьмина... — Угрев задумался. — Что же они хотят предложить? Или это блеф?» Угрев не был «очень обеспеченным». На хорошие вещи денег не хватало. «Они, очевидно, на верном пути... А виноват я сам! Но,

может, в их предложении есть смысл. Позвонить? Скрыться я всегда сумею...»

Артемий и Даниил отправили письмо после визита к заблудшей овце большой науки — лаборанту Летательного Института Виктору Исаеву. После коротких переговоров по телефону тот неприветливо пригласил их домой. Виктор жил один, в просторной комнате коммунальной квартиры. Стены опоясывал верстак, заваленный разными приборами и всевозможным хламом. Хозяин был скуластый, с маленькими кабаньими глазками и белыми усами, говорил, немного заикаясь. Поначалу все чувствовали себя довольно скованно. Постепенно Виктор разговорился.

— Вообще-то когда я узнал, что Серега давал кому-то читать мой доклад, я разозлился.

Серега был приятель Даниила, сотрудник Летательного Института.

— Но потом поговорил с вами и подумал, что, может, это и хорошо. В одиночку мало что сделаешь. Я зимой ездил в Омутищи, спрашивал у тамошних жителей — никто ничего не знает. Поселок огромный, тысячи участков — я даже дачу Угревых не сумел найти. Один старик порассказал кое-что, но у него такой склероз, что особенного доверия я к его историям не питаю... Тот, кого вы видели у окна, — это, по всей вероятности, внук Угрева. Надо, конечно, найти с ним общий язык. А он замкнутый, никого к себе подпускать не желает. Я звонил ему, представился профессором — он бросил трубку. Вообще началось с того, что я копался в институтском архиве и набрел на один старый отчет Угрева. Я стал читать — там потрясающие вещи! Я поговорил в институте, съездил в Омутищи. Чтобы продолжать работы Угрева, нужно оборудование, вычислительная машина и тому подобное...

— Как же Угрев-то справился? — перебил Артемий.

— Угрев! Он был гений! Значит, составил я доклад, обратился к шефу. Он не поверил, даже высмеял меня. Но я его понимаю — сам не верил, пока не увидел своими глазами.

— Ты уверен? — спросил Даниил.

— На сто процентов! Я наблюдал за домом, где живет Угрев-младший. Адрес узнал по справочной.

— Летает? — в один голос спросили Артемий и Даниил.

— Летает! Как это работает — я не понимаю. Я знаю, в чем суть идеи Угрева, и знаю, что в конце концов ему все удалось. Но как — неизвестно. Если бы я получил летающую одежду — это какой-то балахон, насколько я сумел разглядеть, — вроде плаща, я бы разобрался! А тут возможности колоссальные, фантастические!

— Ну... А ты уверен, что разберешься?

— Безусловно!

— Ладно,— Даниил встал.— Попробуем его, как говорится, расколоть. Виктор, можно на время взять твою записку?

— Пожалуйста. Только никому не показывайте.

— Само собой.

Они распрощались.

В переулке носился ветер. Лето запаздывало.

— Будем отправлять письмо? — спросил Артемий.

— Конечно. Взялся за гуж... Ты отстучи на машинке, только повежливей, обтекаемо как-нибудь. Пообещай ему все блага, золотые горы и попроси позвонить.

— Ну а если он позвонит — что мы ему скажем?

Даниил пожал плечами:

— Скажем, что не телефонный разговор. Важно установить контакт.

— Хорошо. Фамилии наши я укажу, но подписываться не будем. Образцы почерка совсем ни к чему давать.

— Всегда ты, Артем, любил дешевые детективы. Некрасиво это.

— Ничего. Береженого сам знаешь кто бережет,— возразил Артемий.

— И еще. Дай Марии посмотреть докладец. Кто его знает, не переоценивает ли наш друг Ньютон Галилеевич изобретателя К. Ю. Угрева...

Когда Артемий попросил Марию прочесть доклад, она удивилась:

— Вы, оказывается, все еще носитесь с этой чушью. Занялись бы чем-нибудь полезным.

— Ох,— вздохнул Артемий,— в этом вся ты. Что может быть полезней, чем летать! Пусть один шанс из миллиона, но надо же выяснить. Вдруг удача. Это даже в голове не укладывается! Вековая мечта человечества и все такое...

— Я посмотрю, пожалуйста,— нехотя согласилась Мария.— Но я физику давно забыла. И с тех пор, между прочим, чувствую себя значительно лучше...

Она закончила физфак педагогического института, но работала переводчицей. Пóсмотрев доклад, Мария сказала:

— Есть в этом какая-то наивная правда. Ну и что теперь?

— Теперь — потомок гения, Угрев-младший.

Мария помолчала в раздумье, потом сказала:

— Константин Угрев.

— Откуда такая уверенность?

— Я сначала не хотела вам говорить. Я когда-то была знакома с одним Угревым, с Константином. Жил он в районе Лесного проезда.

— Это потрясающе! — воскликнул Артемий.— Ну, рассказывай.

— Да рассказывать-то нечего. Довольно милый молодой человек, художник. Про деда своего он ничего не говорил.

— Он был в тебя влюблен?

— Не знаю.

— Очевидно, так, поэтому он здесь и крутился!

— Какой все это бред! — Мария вдруг рассердилась. — Все время ты гоняешься за какими-то призраками!

— Я же занимаюсь этим в свободное от работы время, — примирительно сказал Артемий.

— Пора бы повзрослеть!

Мария вышла из комнаты.

Они не ладили.

Угрев шел от станции через лес по мягкой, немного влажной тропинке. В голове крутилась песенка, слышанная в электричке: «Мы охотники за удачей и не ведаем, что творим...»

Дача стояла на отшибе, единственная на этой стороне улицы, окруженная редкими соснами. После пожара уцелел фундамент и часть веранды, к которой пристроили щитовой садовый домик. Получилось неказисто, но жить можно.

«Жить-то можно», — думал Угрев, отпирая дверь. Комнаты пропитались сыростью — солнце почти не проникало в дом, Угрев распахнул окна. Пахло травой.

Он достал из рюкзака плащ, надел его и повис в воздухе. В невесомости жизнь казалась ясней.

«В торбе хлеб, соль, пшеница — кто с кем хочет поделиться? С кем я хочу поделиться? Со всеми? Ни с кем? Или это одно и то же — у всех все и ни у кого ничего? Не так, конечно. Однако завтра суббота. Звонить этим проходимцам? А они, наверное, и не проходимцы вовсе...»

Угрев подлетел к казарменной пружинной кровати в углу комнаты, скинул плащ и плашмя упал. Кровать закачалась, заскрипела. Плащ медленно опустился рядом.

«Позвонить и начать водить их за нос? Не годится. Если не звонить, они, конечно, приедут сюда, разыщут. Шила в мешке не утаишь. Можно совсем уехать, на юг, например... Но это крайний выход...»

В таких размышлениях он провел остаток дня. С запозданием он пожалел, что не проверил, существуют ли такие люди — Кузьмин и Зипунов. Фамилии ему не нравились. «Хотя зачем им врать, тем более все легко узнать в справочном бюро, — рассуждал Угрев. — Но я-то не узнал...»

В субботу, в четвертом часу дня, в той самой комнате, у окна которой появлялся человек в летающем плаще, резко зазвонил телефон. Артемий и Даниил, коротавшие ожидание за шахматами, переглянулись. Артемий снял трубку:

— Да, я слушаю.

— Здравствуйте,— голос звучал издалека.— Говорит Угрев.

— Здравствуйте,— Артемий на секунду замешкался.

Даниил ободряюще махнул рукой. Артемий кивнул и продолжал:

— Это Артемий Кузьмин. Мы очень рады, что вы позволили.

— Погодите радоваться,— Угрев говорил сумрачно. Он решил сразу показать себя твердым человеком.— Чем могу служить?

Даниил, наклонясь к трубке, прислушивался.

— Давай, Артем,— шепнул он.

— Видите ли,— Артемий вздохнул,— мы интересуемся изобретением вашего деда...

— Каким изобретением? — перебил Угрев.

— Главным, антигравитацией...

— Никакой антигравитации не существует. Только гравитация.

— Я не специалист...

— Это хорошо,— вставил Угрев.

— ...и ведь дело не в названии, верно.

— В чем же?

— В конечном результате.

— Так-так... Значит, говорите, не специалист,— Угрев владел разговором. «Естественно,— подумал он,— я же могу прервать в любой момент». — А кто же вы такой?

— Я медик.

— Ученый? — в голосе Угрева Артемию слышался сарказм.

— Да, я кандидат наук.

Угрев присвистнул в трубку:

— Ого! Как же называется ваша диссертация?

— Какое это имеет значение?

— Все имеет значение,— наставительно сказал Угрев.

— Хорошо, я скажу,— согласился Артемий,— хотя я не понимаю, зачем... «Статистический анализ ночного недержания у подростков».

Угрев засмеялся:

— Неплохо, неплохо. Так вы психиатр?

— Невропатолог.

— А ваш приятель? Д. Зипунов, если не ошибаюсь, он кто?

— Не ошибаетесь. Он экономист.

— Тоже ученый?

— Ну да.

— Ладно,— казалось, Угрев остался доволен учиненным им допросом.— Все прекрасно. Чего же хотят от бедного художника?

— Я же говорил — нас интересует плащ,— Артемий смотрел на Марию, тем временем вошедшую в комнату.

— Ну как? — спросила она.

Артемий отрицательно покачал головой.

— Плохо,— добавил Даниил.

Угрев не спеша объяснял:

— Не пойму, о чем вы говорите. Если вам нужны труды деда, обращайтесь в Летательный Институт, по месту его работы. Весь его домашний архив погиб.

— А лаборатория? Нельзя ли ее посмотреть?

— О, это громко сказано — лаборатория. Так, куча рухляди в чулане. Все ценное сгорело, что там смотреть. Допотопный осциллограф? Старую муфельную печь?

— Нет. Летающий плащ.

Угрев молчал. Ему было ясно, что никаких конкретных идей у преследователей нет, они элементарно любопытствовали. Задача была отладить их.

— Кто вам наплел эту околесицу? — резко спросил Угрев.

— Один сотрудник Летательного Института.

— А! Профессор. Как же, как же. Он даже следил за мной. Он просто сумасшедший.

— Нет,— возразил Артемий,— и вы знаете, что это не так.

— Вот что, молодые люди...

«Сейчас бросит трубку»,— сказал Даниил.

— ...я советую вам забыть об этих нелепицах...

Мария вдруг взяла у Артемия трубку.

— ...и будем считать разговор окончательным. Все.

— Подожди! — крикнула Мария.

— Кто это? — спросил Угрев.— Мария?

— Да, я. Мы можем встретиться?

Угрев не отвечал.

Артемий закуривал, Даниил напряженно смотрел на Марию.

— Костя, я прошу тебя,— говорила Мария,— ты же ничего не теряешь. Я приду, куда ты скажешь, в любое время.

Угрев стоял в тесной стеклянной будке и рассеянно оглядывал небольшую площадь у станции, засыпанную щебнем. Было пасмурно, отходящая электричка набирала ход. Он согласился:

— Хорошо, приезжай в Омутищи. Но ты должна быть одна. Приезжай на электричке 20.15, сегодня. Я буду ждать на платформе. Если с тобой кто-нибудь приедет, я не встречу тебя, а в темноте дачу вам не найти. Привет.

Угрев повесил трубку и тут же обругал себя: «Эх, не выдержал, черт меня возьми! Хотя, конечно, все равно бы нашли. С другой стороны — что теперь делать?.. Как с Марией-то объясняться?..»

Артемиде оживилась.

— Лиха беда начало! — закричал Артемий и поцеловал руку Марии. — Ай да Маша! Выручила!

— Да, вот что значит сила женщины, — улыбался Даниил. — Теперь вперед, в логово тайны!

— Боюсь, что вы сами себя водите за нос, — сказала Маша.

— Поедем все вместе, — резюмировал Даниил, — но на разных поездах. Мы с Артемом отправимся пораньше, часов в пять, а Маша — как условилась.

— Он догадается, — сказала Мария, — он умный.

— Справимся. Еще Виктора бы надо позвать, — предложил Артемий.

— Обязательно, — подтвердил Даниил. — Я позвоню ему.

— Вы еще всех чад и домочадцев пригласите, — сказала Мария. — На пикник.

С Виктором договорились легко.

— Все, я ухожу, — сказал Даниил. — Ровно в пять жду тебя, Артем, на вокзале, у пригородных касс.

— Эх вы, Шерлок Холмс и доктор Ватсон... — вздохнула Мария. — К чему такие сложности? Поехали бы все вместе, а перед Омутищами разошлись бы по разным вагонам.

— Нет-нет, — сказал Артемий, — у меня слабость к детективам, это во-первых, а во-вторых, он наверняка будет следить.

— Не будет, — твердо сказала Мария.

— Почему?

— Мне так кажется.

Прощаясь с Даниилом, Артем спросил:

— Ну что, Данила-мастер, выходит у тебя каменный цветок?

— Выходит, выходит.

У соседа, матерого огородника Агапыча, Угрев взял тяжелый древний велосипед с большим багажником и в полдевятого покатил на станцию. Он ехал по гладкой пустой дороге. Сквозь лес как сквозь решетку било красное солнце. «К погоде, к непогоде» — Угрев не помнил этой приметы.

Мария ждала на платформе. Вверху медленно разгорались фонари. Она стояла, опираясь на перила, худая, с небольшой сумкой через плечо. Угрев подъехал, поздоровался, глядя снизу:

— Привет.

— Привет, — ответила Мария и спустилась по дощатой лестнице. Угрев внимательно разглядывал ее. Она сказала:

— Ты смотришь, будто стреляешь в упор.

— Ну что ты. Садись, поехали.

— На багажник? Он выдержит?

— Конечно, выдержит. Только садись боком, чтобы цепь не

задеть. И держись покрепче — будем ехать быстро. Твой супруг со товарищи уже небось наблюдают из кустов.

Мария не ответила, они двинулись. Угрев тяжело нажимал на педали, разгоняя велосипед. Вскоре выбрались на шоссе, Угрев выпрямился.

— Далеко это? — спросила Мария.

— Да.

— Костя, скажи мне сразу, ответь, да или нет — насчет плаща.

Угрев обернулся, посмотрел на нее. Велосипед вильнул.

— Ты же в это не веришь, — пожал плечами.

— В это невозможно поверить — не существует. Так ведь?

Мария молчала.

— Не торопись, — посоветовал Угрев то ли Марии, то ли самому себе.

Он свернул с шоссе и стал петлять по слабо освещенным улицам дачного поселка. Трясло. Минут через пятнадцать снова выбрались на асфальт.

— Мне кажется, мы едем в обратную сторону, — сказала Мария.

— Верно. Я немного запутал следы.

— О господи! Прямо-таки бульварный роман.

Угрев засмеялся:

— Обстоятельства требуют.

Он снова повернул куда-то в темноту, проехал по неровной тропинке сотню метров и остановился.

— Все, дальше пешком.

Они пошли через густой подлесок, хвоя колола руки. Блестел руль велосипеда. Вверху гудела высоковольтная линия. Вскоре уперлись в дряхлый забор. Угрев открыл низкую калитку и пропустил Марию вперед.

— Подожди, — он укатил велосипед в сторону, повозился немного, поднялся на крыльцо и отпер дверь. — Милости прошу.

Мария вошла в дом. Угрев закрыл дверь, дважды повернул ключ в замке и включил свет.

Они прошли в комнату. Окна были тщательно зашторены, в центре стоял большой кульман, в углу — мольберт, завешенный куском холста.

— А зачем окна так плотно законопачены? — спросила Мария. — Светомаскировка?

— Это ведь моя студия, — объяснил Угрев, — а я привык работать с электрическим освещением. И светомаскировка тоже. Окна еще закрыты ставнями, так что снаружи вообще ничего не видно.

— Неужели ты так прячешься от Артема с Даней?

— Не прячусь, а прячу.

— Что?

— То! — Угрев улыбался простодушно, но хитро.

— Ну и зря,— Мария отвернулась.— Твою дачу захочешь — не найдешь.

— Кто ищет, тот всегда найдет. А они ребята упорные.

— Да вообще это розыгрыш какой-то. Зачем только — не понимаю.

Угрев присел на край стола, закурил.

Он смотрел на Марию — черноволосую, бледную, с немного асимметричным лицом. У нее были очень румяные щеки, «чахоточные» — говорила она.

Угрев подошел к стене, снял с гвоздя плащ, сунул руки в рукава и взлетел. Мария ахнула. Угрев повис горизонтально, облетел комнату, слегка отталкиваясь от стен, и перевернулся через голову. Из кармана плаща выскочила и упала к ногам Марии копейка. Она машинально подняла монетку и протянула ее Угреву. Он, улыбаясь, опустился на пол, снял плащ и взял копейку:

— Благодарю. Вы очень любезны.

Мария в оцепенении смотрела на него.

— Ну, Костя...— Она села на стул.— Не может быть... Давно это у тебя?

Угрев засмеялся:

— Ты спрашиваешь, как будто это болезнь какая-то. Нет, недавно, месяца полтора.

— Но послушай, как же ты скрываешь...

— А что прикажешь делать? — Угрев пожал плечами.

— Невероятно! Я видела, а все равно не могу поверить... А можно, я попробую? — попросила Мария.

— Давай.

Угрев помог ей надеть плащ. Плащ был заметно велик. Утопая в нем, Мария медленно оторвалась от пола и повисла в воздухе. На лице ее было такое испуганное выражение, что Угрев взял полу плаща и потянул ее вниз. Мария запротестовала:

— Не надо! Я сейчас освоюсь.

— Не бойся. Это почти как плавать, только легче. Не делай резких движений,— посоветовал Угрев.

— Как здорово! — Мария закружилась по комнате.

Угрев сказал:

— Не увлекайся, хватит для начала.

Мария послушно приземлилась.

Когда Угрев повесил летающий плащ на место, Мария сказала:

— Ты как ребенок, который разрешил поиграть своей игрушкой и боится, что ему ее не отдадут.

Угрев прошелся по комнате.

— Да, боюсь. Во-первых, действительно не отдадут, во-вторых — ломают.

— Неужели ты так и собираешься всю жизнь держать это

в секрете?! — возмутилась Мария. — Дичайший эгоизм! Да и наивно это.

— Не горячись. Подумай, ну что я могу сделать. Пойти к директору Летательного Института. Это же миллион терзаний — ведь с улицы просто так к директору не пустят. Значит, придется показывать плащ неизвестно скольким людям, из которых девяносто девять и девять десятых процента будут считать меня шарлатаном или просто сумасшедшим, как моего деда, изобретателя.

— Расскажи про деда.

— Подожди, — Угрев умолк и прислушался. — Ты уверена, что твои, так сказать, компаньоны не разыскивают меня сейчас?

— Уверена, — неуверенно сказала Мария.

— Да, мне слышалось. Это ветер. Так вот. Даже если мне после неизбежных и многочисленных мытарств удастся убедить кого-то, кроме фанатиков, вроде того типа, который назвался профессором...

— Его зовут Виктор.

— Неважно. Если кто-то из серьезных людей и заинтересуется, то этот плащ все равно уничтожат, а нового не сделают.

— Почему уничтожат? Почему не сделают?

— Потому что это невозможно! Ты знаешь, наверное — там сетка внутри. Если нарушить оболочку, ткань, сетка рассыплется, я смотрел. Для того, чтобы это понять, не надо быть физиком. Можешь сама убедиться. Плащ не разбирается. Понимаешь? Надо идти не с конца, а с начала. Если кто-то сможет повторить работу деда — прекрасно, мы научимся делать такие плащи. А сейчас ясно только, что это в принципе возможно — вот он, плащ, висит на гвоздике...

— Но так не бывает! Чтобы ничего нельзя было узнать.

— Как видишь, бывает! Дед мой, Константин Юрьевич Угрев, был большой шутник и любитель мистификаций. Вообще странный человек. Я его, конечно, не знал, но матери, когда он умер, было семнадцать лет. Я поздний ребенок. Бабушка умерла еще раньше, и дед с матерью жили вдвоем. Ну, Константин Юрьевич работал себе и работал в Летательном Институте. Время было интересное, масса всяких идей. То, что матушку мою зовут Энергия Константиновна, говорит само за себя. К тому же у деда была эта самая невесомость. Но он был одиночка, мечтатель и не очень-то уживчив. Ни с кем не советовался, не делился, все делал сам, что называется, от и до. И вот, когда работа была уже почти сделана, в институте случилась какая-то история, и деду пришлось уйти. Это было в конце тридцатых. Он на свой страх и риск здесь, на даче, закончил опыты. Но в институте к тому времени многое изменилось. Когда дед пошел к директору института, тот как-то очень грубо с ним обошелся — дурак просто был, наверное. Дед хлопнул дверью. Он был старой закалки и вспыльчивый к тому же. В тот же день он уничтожил

все бумаги, относившиеся к его открытию. Мать помнит, как он закидывал в печку листы, которые вырывал из толстой тетради. Когда она спросила деда, что он делает, он ответил, что, мол, из-за этих записей могут быть неприятности. Понятно, в общем. После этого Константин Юрьевич прожил еще года два здесь, в Омутищах. Тогда был большой дом, он сгорел после войны. Сгорела и та комната, где была лаборатория, так что даже предполагать, в каком направлении работал дед, нельзя. Но у дома был каменный погреб с железной дверью, он уцелел. Думаю, дед нарочно устроил такой сейф. Там лежало много всякой рухляди, потом мать всю ее вытащила в чулан — ну а я наткнулся на летающий плащ.

— Выходит, дед твой всех таким способом разыграл?

— Не без того, наверное, но не это главное. Он, конечно, обиделся — он был уважаемый ученый, читал лекции, а с ним обошлись как с мальчишкой. Вот он и решил, что никому его изобретение не нужно, да и не хотел осложнять дочери жизнь. Он ведь был уже стар.

— И ты идешь по его стопам.

— В каком смысле?

— Не хочешь осложнять себе жизнь и пытаешься все скрыть. По-моему, это почти преступление.

— Я считаю, дед был прав. Эта штукавина преждевременна. Ни к чему она, в сущности. Так, занятая игрушка, к тому же в единственном экземпляре. Поэтому, между прочим, надо ее беречь.

— И чтобы сохранить для себя игрушку, как ты выражаешься, надо хранить под спудом величайшее изобретение, так, что ли?

— Да, так!

— Как же ты заблуждаешься! — Мария возбужденно заходила по комнате, потом подошла к нему и посмотрела в глаза.

Угрев потупился.

— В чем же я не прав? — пробормотал он и через мгновение вдруг прибавил:

— Знаешь, я ведь хотел на тебе жениться.

— Догадываюсь, — тихо ответила Мария.

— Надо было, наверное, быть решительнее... Мне всю жизнь этого не хватает.

Мария подошла к мольберту, стоявшему в углу, откинула закрывавший его кусок холста. На раме был укреплен подмалевок картины, изображавший две фигуры — мужскую и женскую, висевшие в странных позах, держась за руки, над верхушками деревьев.

— Конечно, надо быть решительнее! Огласки испугался! Подумаешь, сначала не поверят. Конечно, будут сложности. Ну и что? Чего бояться? Зато потом!

— Что потом? Тоже ничего не будет, кроме неприятностей. Уверяю тебя, плащ невоспроизводим. Знаешь, бывают такие японские магнитофоны — как только открываешь крышку, механизм рассыпается. Дед эту идею давно использовал.

— Тебе просто-напросто лень беспокоиться! Ты боишься всего на свете, жить боишься!

— Тебе, Маша, полком бы командовать.

Мария отмахнулась.

— Слушай, Константин,— сказала она, не сводя с него глаз,— дай мне еще полетать. Только на улице.

— Нет, нельзя.

— Почему?

— Слишком ветрено.

— Я осторожно! Ты, наверное, думаешь, там Артем сторожит. Да твою дачу днем с огнем не найти, тем более сейчас, среди ночи! Я немного! Ведь это мой, может быть, единственный шанс. Пожалуйста, Костя!

Угрев не умел отказывать.

— Ладно, так и быть. Только вот что: полетишь с чердака и обязательно со страховкой. Действительно очень ветрено.

После долгих блужданий трое любознательных молодых людей стояли на той самой улице, где находился дом Угревых. Четвертой в компании была Артемида, но она была невидима и стояла отвернувшись.

— Что, мужики, безнадежно? — спросил Виктор.

— Похоже на то,— устало ответил Артемий.

— С велосипедом он здорово придумал,— с сожалением заметил Даниил.— Права была Мария — он ловкий малый.

— Не столько он ловкий, сколько мы дурни,— возразил Артемий.— Мария опять-таки права.

Виктор отошел к обочине и уселся на траву. Артемий и Даниил переговаривались.

— Кого я только не спрашивал! Никто ничего не знает.

— Еще бы! Тут столько домов. Это как иголка в стоге...

— К тому же даже приблизительно неизвестно, куда же он поехал на самом деле.

— Да, направление неизвестно. Я спрашивал о велосипедисте с девушкой на багажнике, но, разумеется, каждый второй велосипедист с девушкой на багажнике.

По улице приближался к ним нетвердой походкой пожилой мужчина.

— Попробую в последний раз,— сказал Даниил.— Если ничего — домой. Извините, папаша,— обратился он к прохожему,— вы не знаете, где тут дача Угревых?

Мужчина остановился, покачнулся и задумался.

— Угревых, Угревых. Это где Костя, что ли?

— Да-да, где Костя.

Преследователи замерли. Артемиды через плечо покосилась на них.

— Вот она,— мужчина показал на забор.— Видите — всего одна и есть на той стороне.

— Что-то света не видно,— сказал Артемий.

— Ну, не знаю,— мужчина пожал плечами и снова покачнулся.— Дача-то в глубине. Вы пройдите, пройдите. Костя там, я точно говорю. Он сегодня заходил, велосипед брал.

— Большое вам спасибо.

Агапыч удалялся.

— Послушайте! — окликнул его Артемий.— А собаки у него нет?

— Чего? Собаки? — Агапыч замотал головой.— Не, собаки нет. Какая у него собака...

— Ну, кажется, клюнуло,— прошептал Даниил.— Все. Пошли. Перелезем через забор. Только тихо.

Они продрались через заросли крапивы и подошли к дому.

— Дом выглядит необитаемым,— сказал Артемий тихо.

Виктор прижался ухом к стене:

— Там кто-то есть.

— Голосов не слышно?

— Нет. Шаги. Кто-то ходит.

Даниил крадучись обошел вокруг дома.

— С другой стороны есть слуховое окно, довольно большое, но к нему без шума не подлезешь.

— Будем ждать.

— Там, за кустами. Оттуда весь дом отлично видно.

— Виктор, приготовь на всякий случай фотоаппарат. Только тихо, братцы.

Угрев принес стремянку, через люк в потолке они вылезли на чердак и, нагибаясь, подошли к незастекленному окошку.

Ветер совсем разогнал тучи, бледным светом светила луна.

— Значит, Маша,— говорил Угрев, закрепляя капроновый шнур на рукаве летающего плаща,— осторожнее. Главное — спокойнее, не дергайся. Аккуратнее с веревкой.

Мария надела плащ.

— Ох, какой большой.

— Не бойся, давай.

Мария вылетела через слуховое окно. Шнур скользил в руках Угрева. Он выбрался на крышу. Сразу же снизу ударила лиловая фотовспышка. Угрев отшатнулся.

— О, проклятье! Маша, назад,— он резко дернул за шнур.

На площадку перед домом выскочили трое.

— Назад! Назад! — Угрев рвал шнур.

Прямо над домом протягивался толстый сук.

— Не могу! — кричала Мария. — Я зацепилась!

Внизу шумели.

Мария металась, стараясь высвободиться, но вдруг выскользнула из плаща и упала на крышу. Загремела жесть. Угрев бросился к ней, отпустив шнур.

— Что?! Жива?

Мария стонала.

— Ничего.

— Кости целы?

— Да, — она встала, опираясь на руку Угрева.

Он посмотрел вверх. Плаща на суку не было.

— Где плащ?! — закричал он. — Где плащ?!

Плащ относилось к опушке негустого леса, окружавшего дачу.

— Улетит! — Угрев бросился вниз, прыгнул на крышу пристройки, на крыльцо, схватил велосипед. К нему бежали преследователи, возглавляемые Артемидой.

Угрев вскочил в седло и поехал к калитке.

«Если вылетит из леса — все, не поймать», — мелькнула у него мысль.

Он выехал на улицу и помчался к полю. Остальные ринулись следом. Но было поздно. Плащ летел высоко, за ним тянулась веревка, придавая ему сходство с воздушным змеем. Порыв ветра подхватил его и бросил на провода высоковольтной линии. Плащ трепался как флаг.

Когда преследователи подбежали к Угреву, металлическая сетка плаща замкнула провода, и плащ вспыхнул, как нить электрической лампочки. В поселке на мгновение померк свет.

Угрев оглядел преследователей, развернул велосипед и поехал к дому.

— Костя, стой! — крикнула Мария.

Угрев остановился.

Мария подбежала к нему:

— Я с тобой, можно?

Угрев кивнул, Мария села на багажник, они уехали.

Преследователи двинулись к станции. Виктор часто оглядывался. Останки летающего плаща висели на проводах, напоминая спящих птиц.

— Я сделаю, сделаю! Угрев смог, и я смогу, — говорил Виктор.

— Вернется, куда она денется, — говорил Артемий.

«Всякое бывает», — думала Мария или не думала ничего.

ОБРЫВ

Осень умирала тихо и медленно, как безмятежная старость. Они стояли и смотрели на тонкую, высокую березку, верхняя половина кроны которой отдавала червонным золотом, а нижняя — была еще темно-зеленой. Граница между зеленым и желтым проходила наискось почти через середину дерева и казалась бритвенным резом. Они любовались березой, а в лучах уходящего солнца запутывались паутинки.

— Пойдем, дочура, посмотрим, как солнце уходит за море!

— А завтра придем к березке?

— Конечно. Мы будем приходить сюда каждый день!

Маленькая ладошка в его руке удивительно согревала душу, и ходить так, взяв ее за руку, он мог целый день.

— Поздний ребенок всегда является предметом особой любви родителей. А если этот ребенок единственный... — так час назад заканчивался разговор в Управлении по воспитанию.

— Я вас понимаю! — ответил клерк. — Я вас понимаю, — и, подчеркивая понимание, он склонил голову, — но разрешения на воспитание девочки в семье пока не пришло. И если такое разрешение не придет до ноября, мы вынуждены будем...

— Да, — перебил Зарубин, чтобы не слышать дальнейших слов. — Да, я знаю. Я... — у него дрогнула губа, и волна теплой щемящей боли и нежности на несколько секунд парализовала его.

Он вышел на крыльцо, и дочка вложила свою ладошку в его руку. Она немного озябла, ожидая его, и ручонка ее была прохладной.

— Ты замерзла?

— Нет, папа, что ты! Просто я держалась за железные поручни.

Однажды он спросил:

— Может быть, ты не будешь держать меня за руку, ведь ты уже большая?

— Мне скучно без твоей руки!

Ответ вначале озадачил его, но потом он понял, что она сказала удивительно точно. Потому что, когда они бродили, взявшись за руки, возникала какая-то дополнительная связь, какой-то информационно-эмоциональный канал, облегчая и упрощая общение. Иногда им не нужны были слова.

За эти годы, со дня ее случайного рождения, у них установилась общность психики, и если она заболела, заболел и он. Рождение ее было действительно нелепым случаем: она появилась на свет во время их совместной с Катюшей трехлетней экспедиции в космической глухомани.

В эти экспедиции отправлялись смешанные пары — психо-

логи установили, что биологическая единица (мужчина + женщина) более работоспособна и намного стойче переносит превратности судьбы. Комплектование подобных пар было трудным, но благодарным делом, удачно подобранные пары, возвращаясь из экспедиции, представляли результаты работы, выполнить которую было под силу лаборатории со штатом в 6—7 человек. Конечно, людей, из которых составляли исследовательские ячейки, влекло друг к другу, поэтому один из двух отправляющихся должен быть неспособным к деторождению. И разработаны были почти безвредные препараты, которые подавляли способность к продолжению рода человеческого на период экспедиции, не ограничивая, впрочем, сексуальных отношений. Все было легко и просто, приятно и безопасно.

Зарубин любил Катюшу и, естественно, настоял, чтобы блокировали на эти годы именно его. А когда и к ней пришла любовь, они стали беспредельно счастливыми. Любимая работа и любимый человек. И все с тобой, вот здесь, вместе, в тебе и во мне.

Нарушение жизненного цикла у Катюши они восприняли как реакцию организма на резкое изменение условий жизни. Такие случаи бывали — их об этом предупреждали. И когда у Катюши начал расти живот, они приписали это ее увеличившемуся аппетиту. И только когда ребенок начал колотить ножкой, требуя изменить к себе отношение, Катя поняла все. И тошноты. И аппетит. И появившуюся страсть обильно солить пищу. Это была и радость — Зарубину уже исполнилось тридцать три, и трагедия — к тому времени они находились вне радиовидимости Земли. И когда пришел час таинства рождения, Катюша прогнала Зарубина, не разрешив находиться ближе ста метров, и умудрилась родить, обрезать пуповину, вызвать дыхание и обмыть ребенка сама. Зарубин в это время готов был выть на луну, но не было луны и сел голос. Катюша махнула ему рукой, разрешая подойти, и он простонал: «Ну, что, Катюша?», она вздрогнула и посмотрела на него — Зарубин выглядел не лучше ее, а в глазах горела такая любовь и такая нежность, что Катюша заплакала.

Они дали клятву выполнить весь намеченный объем исследований и сдержали ее. Малышке Зарубин соорудил специальный костюм, боясь, что активная микрофлора планеты погубит не защищенный прививками организм. Из этого костюма она все время вырастала и однажды выползла из него и поползла по мшистой поляне, набивая рот ягодами и распугивая важных, ленивых лягушек. Там они ее и нашли, обкусанную до самых волос насекомыми, со вздувшимся от ягод животиком. Она так устала от новых впечатлений, что уже не могла кричать, и руки ее по локоть были вымазаны кровавым соком ягод.

Но все обошлось. И как только она начала ходить, Зарубин стал всюду таскать ее за собой и руку малышки выпускал, казалось, только ко сну.

Роды, кормление ребенка и те чудовищные нагрузки, которые выпали на их долю, не прошли бесследно. Видимо, все это вызвало деиммунизацию Катиного организма, какой-то вирус свалил ее, и в два дня она угасла. Это было неожиданно и страшно. Зарубин почернел от горя, и первые слова, которые он сказал малышке, были: «Теперь я тебя буду называть Катюшей!»

А через три дня за ними прилетели. Малышке тогда было два года. Еще два года их продержали в обсервации, потому что в крови нашли нейтральный вирус. Вирус обладал мощной жизненной силой, и от него не могли избавиться, а потом еще дольше присматривались к тем следам, которые он мог оставить в генах.

А время шло. Сложившаяся система Общественного Воспитания была с самого начала нарушена, и от растерянности Зарубину разрешили воспитывать девочку до школьного возраста.

В ноябре начались занятия в подготовительном классе, и Зарубин обязан был отдать девочку в интернат. Малышка стала целью его жизни, ее смыслом и содержанием. Он был не просто добросовестным отцом, он стал для девочки и Матерью и Учителем. Вернее, множеством учителей. Она рано научилась читать и писать, сносно разговаривала на двух языках и с огромным удовольствием усаживалась за рояль. Он одержимо заполнял пустоту, образовавшуюся после смерти Катюши-старшей. И это ему удавалось. Девчушка росла славной, доброй, одаренной и любила его без памяти.

Маячивший впереди интернат казался кошмаром. Это слово разрасталось до размеров черной дыры, казалось гадким и от этого становилось еще страшнее. Зарубин начал борьбу. Он написал в Центральное управление по Воспитанию, сходил в местный комитет Управления Общественного Воспитания. Беседа, состоявшаяся там, была корректной и откровенной и отняла у него половину надежды. Но приняли его там прекрасно.

— Здравствуйте! Моя фамилия Зарубин!— сказал он, войдя в кабинет, который ему указали.— Я пришел, чтобы...

Клерк вскочил и, обойдя стол, дружески протянул обе руки:

— Я все знаю. У вас запутаннейший случай, и нам предстоит долгая беседа. Чтобы нам не мешали, давайте пройдем в Овальную комнату,— он взял Зарубина под локоть и, ловко лавируя среди столов, шкафов, коридоров и просителей, провел его в уютную, действительно овальной формы комнату, специально созданную для конфиденциальных бесед. Они удобно уселись. Зарубин с удовольствием выпил почти целую бутылку оранжада, ему надо было как-то скрыть волнение и собраться.

— Понимаете,— начал клерк,— за последние сорок лет ваша девочка — единственный ребенок, который воспиты-

вался в семье. Вы прекрасно знаете, что исключений Система Общественного Воспитания не допускает.

— Я сам...

— Вы тоже. Как и я. Как и мы все! Вы знаете, чем мы обязаны Системе. Исчезли преступность, наркомания, пороки, исчезла даже ложь! Повысилось в несколько раз общественное значение индивидуальности. Люди легче находят призвание, меньше ошибаются, экономятся драгоценнейшее время жизни, силы ума, воли и интеллекта. Появилась доброжелательность. Человечество стало добрей, наконец!

Зарубин молчал, ему нечего было возразить, он не ожидал, что его припрут к стенке «человечеством».

— А что же нам делать? — спросил он, наконец. — Я не представляю себе, как мы будем жить друг без друга!

— А я не представляю себе, как может быть воспитан человек вне Системы.

— Если бы нам разрешили хоть изредка встречаться...

— Но вы же знаете, что Система исключает любые контакты!

— Система подразумевает детей, которые со дня рождения не видели своих родителей! Ведь не случайно же их даже на первое кормление приносят не к их матерям.

— Ну, это делается, чтобы притупить чувство собственности в материнском инстинкте. И когда роженица начинает кормить чужого ребенка, материнский инстинкт просыпается очищенным от шелухи «мое». Для нее каждый ребенок свой. Такие женщины потом прекрасно работают в Системе.

— Но мы уже знаем друг друга. Как же нам обойтись без контактов?

— А как отнесутся к подобным контактам тысячи других детей? Что в них может проснуться?

— Но у них же есть рабочие мамы!

— Да, теперь мы имеем возможность к каждому трем воспитанникам прикрепить двух мам.

— Мама первой половины недели, — усмехнулся Зарубин, — и мама второй половины недели.

— Вы не любили ваших мам? — удивленно спросил клерк.

— Люблю. Я и сейчас переписываюсь с ней.

— Ах, вы из тех, у кого была одна рабочая мама! — Зарубин вспомнил нежную морщинистую руку и прощальные слова:

— Я с таким трудом нашла тебя. И вот ты уже взрослый. Как быстро пролетело это время! Не покидай меня насовсем, пиши мне, сынок... — Зарубин почувствовал, как в нем дрогнуло и проснулось что-то новое.

— Я становлюсь социально опасным элементом! — сказал он.

— Да! — улыбнулся клерк, но глаза его не улыбались.

— Так что же нам делать? — спросил Зарубин.

— Мы запросили Управление. Из центра приезжали специалисты, они проверяли вашу девочку, вы помните.

— Да!

— Мы обязаны были изъять у вас ребенка, но на свой страх и риск оставили девочку у вас до наступления школьного возраста. Так что у вас еще есть примерно восемь месяцев.

Так закончился самый первый визит в Управление.

А сейчас они шли к морю, и прохожие, как всегда, удивленно оборачивались на необычную пару. Они шли, взявшись за руки, и море шуршало им навстречу галькой.

А на столе Председателя Управления лежал подготовленный коллегией Управления мотивированный отказ в разрешении воспитания девочки в семье с категорическим требованием к местному комитету немедленно направить ребенка в интернат.

Дискуссия по этому вопросу закончилась час назад. Против решения коллегии голосовал только один человек. Председатель, обладающий правом вето, участия в дискуссии не принимал.

Сейчас коллегия собралась для утверждения своего решения и подписи документа. Председатель взял в руки ручку и произнес традиционную формулу:

— Я призываю вас еще раз все тщательно взвесить и сообщить окончательное мнение.

Хмурое молчание подтвердило решение.

— Я хотел бы выслушать противника!— отходя от формулы, сказал Председатель.

— Все свои доводы я изложил коллегии. Они оказались несостоятельными. А сейчас я вас прошу задуматься, почему за семьдесят лет функционирования Системы не появился ни один гений?!

— Ну что ж, давайте подумаем!— сказал Председатель, выводя первые буквы своей подписи.— Давайте подумаем!— сказал он и отложил ручку.

НЕВЕДОМОЕ: БОРЬБА И ПОИСК

Анатолий Карташкин

Юрий Росциус

Ходжиакбар Шайхов

Руслан Лынев

Елена Колесникова

АЛХИМИК РАЙМУНД ЛУЛЛИЙ

Мир призраков колеблет атмосферу...

Николай Заболоцкий

Вглядываюсь в его лицо...

Необычность судьбы обязательно должна угадываться по внешности — так я полагал раньше, и ошибался. Здесь — спокойный взгляд, прямой нос, чуть-чуть витая благообразная борода, ниспадающие одежды средневековья. Никакого намека на ожидаемую принадлежность к существованию почти мифологичному, никаких особых черт, разве что слегка косящий к переносице левый глаз. Стереотипно-канонична и латинская строка, стремительной виражной дугой охватывающая древнюю гравюру — «Раймундус Лиллиус Философус». Ничто, абсолютно ничто в этом портрете не настраивает созерцающий взор на будоражащую воображение легендарность. На фантастику плывущей из века в век молвы о нем, как о человеке, прожившем две жизни.

«Стоит занавесу подняться, как нам предстает совсем незнакомый мир, и спектакль вынуждает нас жить какое-то время жизнью, нам чуждой», — эти слова французского поэта Поля Валери приходят мне на ум всякий раз, когда я вспоминаю о своих встречах с Раймундом Луллием.

Далеко внизу, под окном, узкой лентой вился Ленинградский проспект. Сверху было видно, как по обеим его сторонам бесшумным встречным движением текли разбросанные потоки машин — легковых, грузовых, троллейбусов, автобусов, как, расслаивая их на две струи своим безапелляционно-режущим «вау-вау-вау!», мчался реанимобиль, стремясь кому-то на помощь. Я вернулся к началу книги. И разворот страниц пришелся на Луллия.

Он погиб в Тунисе. Проповедовал там христианство, и мусульмане обрушили на него град камней. Скончался 29 июня 1315 года. Перед смертью предсказал подобравшему его генуэзскому купцу, что потомок этого купца откроет Новый Свет. Так гласила легенда; так прочитал я в книге. Пророчество Луллия сбылось, как бы невероятно это ни звучало, — сбылось по прошествии 177 лет. История сохранила имя генуэзского купца — Стефан Колумб.

Я вздрогнул. Понял, что не уйду, пока не прочту о Луллиии все.

Схоласт. Расцвет его деятельности пришелся на период, когда схоластика из начинания юношески-смелого, азартного, про-

низанного безграничной верой в торжество человеческого разума, превращалась в бесплодное умствование, когда важные профессора в мантиях разворачивали на полном серьезе и во всю ширь диспуты — на тему, например, о том, почему Адам съел в раю именно яблоко, а, допустим, не грушу.

Изобретатель. Правда, устройство, придуманное Луллием, способно вызвать улыбку у нынешнего изощренного патентоведа. Несколько вырезанных из картона дисков, побольше и поменьше диаметрами, нанизанных центрами на единый общий стержень и вовсе не закрепленных на нем, то есть способных крутиться, — вот и вся нехитрая техническая основа его механизма, названного впоследствии «мыслительной машиной». Говорят, что полет фотонной ракеты начинается со скорости один сантиметр в секунду. Так и «вертушка Луллия» — в Большой Советской Энциклопедии она названа «первой логической машиной». Давним предшественником современных кибернетических электронных гигантов.

— Учение о двоякой форме истины должно быть отвергнуто, — провозглашал Луллий. — Существует только одна истина и только один метод достижения ее.

Прийти к этой единственной истине и позволяла, по мнению Луллия, его «мыслительная машина». Все в ней происходило автоматически — комбинаторным образом. Диски с нанесенными на них «элементами знания» (величие, вечность, мудрость, добродетель, прегрешения, и т. п.), признаками этих «элементов» (быть различным, являться величиной, находиться в согласии, представлять собой совершенство, взаимно исключать и пр.), а также игравшими вспомогательную роль девятью заглавными буквами латинского алфавита (В, С... и так далее — до К включительно) поворачивались, причем вращение происходило согласно определенным правилам, после чего «машина» останавливалась, и образовавшееся сочетание «элементов» и признаков давало требуемую истину. При считывании «изреченного выражения», оказавшегося напротив заданного вопроса (а таковыми были — что? где? когда? сколько? который из двух? из чего? почему? каким образом? какого качества?), фразы вида, скажем, «В-В» надлежало отбросить и не рассматривать, а построения, к примеру, типа «В-С» и «С-В» считать тождественными друг другу.

Умение обращаться с «мыслительной машиной», грамотно, и уверенно составлять карусельные ответы — «откровения» — эта технология квалифицировалась Раймундом Луллием как «Великое искусство» — согласно названию его собственного трактата, увидевшего свет в 1274 году. Слова высокие, программные, а следовательно, и обязывающие. На деле же механически сочлененные понятия гораздо чаще складывались в

мозаику-бессмыслицу, в бездумные и бессодержательные наборы, в логическую алхимию, нежели чем в подлинно-глубокое прорицание или осмысленную истину.

Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодной игрой,—
Как бы прообраз боли человеческой
Из бездны вод встает передо мной.

Стихи Николая Заболоцкого напомнили мне стремление духа Раймунда Луллия; его жгучая страсть жаждала познания и созидания. «Великое искусство» появилось за труднопредставимые 318 лет до рождения В. Шикарда, будущего профессора Тюбингенского университета, создавшего первую в мире механическую машину, выполнявшую четыре арифметических действия — над числами, а не над «элементами знаний»;

— за невообразимые 372 года до рождения Г.В. Лейбница, философа и математика, дополнившего три постулата аристотелевской логики (тождества, противоречия и исключенного третьего) четвертым столпом, законом достаточного основания,

— за бездонные 517 лет до рождения Ч.Бэббиджа, английского математика, разработавшего первую цифровую вычислительную машину с программным управлением;

— за неподвластное никакой фантазии 551-летие до рождения англичанина Д. Буля, создавшего знаменитую «булеву алгебру», ту самую, которая сегодня является «языком» электронных цифровых вычислительных машин и многих кибернетических комплексов...

Так я думал, так я размышлял, отвернувшись от книги и глядя в окно, и не заметил, как угасло палящее солнце, как день за считанные минуты померк, и в громаднейшем пространстве над Ленинградским проспектом воцарилась сизая необъятная тишина.

Чем была наполнена его жизнь? Материалов о Луллии оказалось немного. Собранные воедино, они навевали недоумение. Если все авторы сходились на том, что Луллий родился в городе Пальма на острове Мальорка, самом крупном из группы расположенных в Средиземном море Балеарских островов, то дальше разворачивалась самая настоящая алхимия. Например, хронологическая — одни исследователи (Э. В. Платцек, 1971 г.) утверждали, что рождение Луллия приходится на 1232 или 1233 годы, другие (Л. Теплов, 1963 г.) указывали на 1234 год, а большинство (А. Юшкевич, 1961 г.; Н. Стяжкин, 1967 г.) придерживалось 1235 года. Или лингвистическая — ученые поразному именовали Луллия, называя его то Раймундус Луллус, то Раймонд Лулл, иные версии предлагали Рамона Лулля или Раймонда Люлля, а одна из транскрипций попросту обозначила его как Романдо-люллия. Причина подобных разночтений одна — отсутствие достоверных источников. Впрочем, что скры-

вать — отделить вымысел от фактов в варианте Раймунда Луллия на сегодняшний день, пожалуй, является задачей непростой.

Он родился в знатной семье и, будучи еще мальчиком, был приближен к Арагонскому двору, к королю Иакову, которому он и служит — сперва придворным, а затем сановником и воспитателем принца, будущего короля Иакова II.

Красивая и набожная сеньора Амбросия де Кастелло. Луллий давно остановил на ней свое внимание. Он полагал, что сможет одержать легкую победу, но вольный расчет не оправдался — красавица оказалась холодной к проявлениям его чувств. А что может быть обиднее и невыносимее для дуэлянта, щеголя и повесы?! И Луллий решается на грубый прием — во время молитвы Амбросии де Кастелло он въезжает в собор верхом на коне. В ту эпоху ничего не было священнее для людей, чем религиозность, — она понижала буквально бытие. Здесь же...

Луллий смотрит на нее, и она, еще не разглядев его лица, понимает — приехал за ней. Поднимается, поворачивается к нему. Женщина сбрасывает мантию и резким движением обнажает грудь. Луллий переводит взгляд на неизлечимые кровоточащие язвы ее груди. Потрясенный, он на мгновение забывает обо всем. Он почти не слышит обращенных к нему слов:

— Взгляните, чему вы посвятили столько эпитетов в ваших сонетах! Может быть, вы сможете избавить меня от этого? Клясться в вечной любви значительно проще!

Луллий резко дернул коня. Скорее прочь от этого зрелища...

Ночью он не мог заснуть. Какое богохульство! В храм божий — на коне! Так оскорбить святое место! Перед глазами стояла Амбросия с обезображенной грудью.

Он обучался сперва в Монпелье, а затем в Парижском университете, где, изучив богословие, получил степень доктора теологии. Там же он вступил в орден миноритов. В орден меньших братьев — так повелел именовать его Франциск Ассизский, основавший его в Италии в 1207—1209 годах.

Это был орден-протест. Против роскоши официальной церкви, против ее богатства. Минориты жили не в монастырях, а в миру. Они проповедовали бедность и аскетизм, вели речи на языке простого народа, нищенствовали, бродяжничали. Члены ордена выступали с кафедр университетов — они устраивали диспуты, излагали Евангелие. Став миноритом, Луллий останется им до самой смерти — в мыслях и в душе.

Значит, он написал «Великое искусство», будучи монахом католического ордена, — подумал я и стал закрывать разложенные перед собой книги. Затем, подняв взгляд, я увидел за окном глубокую темноту, испещренную пунктирными рядами зажженных точек-окон на дальних домах, а внизу, по просвечен-

ной ленте Ленинградского проспекта, загадочно плыли движущиеся парные огни автомашин.

— Извините, пожалуйста,— раздалось над самым моим ухом.— Уже поздно, все ушли. Я должна закрывать библиотеку.

«В один из этих дней случилось так, что Его Величество (Рамзес Великий) восседал на великом троне из электрона (сплав золота с серебром.— А.К.), увенчанный короной с двойным убором из перьев, чтобы подумать о землях, из которых доставляют золото, и обсудить планы сооружения колодцев на безводной дороге, ибо он слышал, что в землях Акита встречается много золота, но путь туда совершенно лишен воды»,— гласила надпись на Кубанском камне 1282 года до нашей эры.

«...Золото — прекраснейший из металлов. Что происходит с драгоценными камнями, за которыми едут на край света? Их продают и превращают в конце концов в золото. С помощью золота можно не только делать все что угодно в этом мире, с его помощью можно извлечь души из чистилища и населить ими рай...» — из письма Христофора Колумба королю Фердинанду.

Но ведь Луллий — минорит, отвергающий богатство. Или я что-то не так прочел?

В «Завещании, излагающем в двух книгах всеобщее химическое искусство», в первой же главе Луллий дает такое определение алхимии:

«Алхимия — весьма необходимая божественная часть тайной небесной натуральной философии, составляющая и образующая единую, не всем известную науку и искусство, которые учат чистить и очищать потерявшие ценность драгоценные камни и придавать присущие им свойства, восстанавливать немощные и больные человеческие тела и приводить их в должное состояние и в наилучшее здоровье и даже превращать все металлы в настоящее серебро, а затем в настоящее золото посредством единого всеобщего медикамента, к которому сводятся и были сведены все частные лекарства».

Когда же он успел заняться алхимией?

В трудах историков химии есть сообщение о том, что Луллий написал огромное количество трактатов — около четырех тысяч. Примерно 500 из них посвящены алхимическим опытам. Именно опытам, а не теориям; его теоретические рассуждения «отличались крайней туманностью». Но кто удостоверит, что эти сочинения написаны рукой Раймунда Луллия? В 1960 году американский исследователь Дж.-М.Стиллман уверенно заявил, что большинство известных работ Луллия не являются подлинными. И добавил — «если не все».

А сама алхимия — разве она не порицалась?

Против нее выступали ученые, например, Авиценна и Леонардо да Винчи. Ее обвиняли в жульничестве поэты, в частности, Данте и Петрарка. Над ней издевались писатели — Франсуа

Рабле и Джонатан Свифт. С нею боролись власть имущие — в 1575 году герцог Юлий Люксембургский умертвил на огне алхимичку Марию Циглер, заключенную в железную клетку; в 1686 году маркграф Георг Вильгельм Байретский повесил алхимика Вильгельма Кронемана; в 1720 году по повелению Августа II Саксонского была отрублена голова рыцаря-алхимика Гектора фон Клеттенберга, а Фридрих Вюрцбургский, как гласит молва, имел даже особую виселицу, предназначенную исключительно для алхимиков.

«Луллий принес алхимии более вреда, чем пользы», — гневно пишет Ф. Савченков (1870 г.) «Луллий... был... одним из основателей химического направления в науке, которое... должно было через Парацельса и Ван-Гельмонта прийти к химии наших дней», — цитата из книги «Наука в истории общества», написанной Джоном Берналом (1956 г.). К какому мнению прислушаться?

Английскому королю Эдуарду потребовались деньги — золото. Любым путем. Вплоть до парадоксального. И он решил обратиться к алхимикам.

В то время в Европе имя Раймунда Луллия, «просвещеннейшего доктора», было достаточно хорошо известно. На него и пал выбор короля.

Переговоры длились долго. Луллий выдвинул требования — организовать крестовый поход против мусульман с целью обратить их в христианство. Наконец король согласился.

Луллию предоставили одинокую лондонскую башню, и там, в глубокой тайне, он изготовил около 60 тысяч фунтов золота — немного больше 25 тонн. Сырьем для него служили ртуть, олово и свинец.

Король Эдуард получил золото, но отказался выполнить свое обещание. Крестовый поход против мусульман так и остался пустыми словами.

Возмущенный Луллий уехал в Северную Африку один, полагаясь на проповедническую силу своего слова, трижды побывал в неволе, бежал, а потом погиб в Тунисе.

Что об этом писали историки?

Клаус Гофман: «К началу XIV века английскому королю Эдуарду удалось заполучить к себе на службу эту легендарную личность. Он смог привлечь Луллуса обещанием открыть кампанию против неверных — турков...» Речь, по всей видимости, идет об Эдуарде I, который правил Англией довольно продолжительное время, вплоть до 1307 года.

Американский биохимик, известный писатель Айзек Азимов (1972 г.): «Считалось, что Луллий даже изготавливал золото для расточительного короля Англии Эдуарда II». Предположение — Эдуард II. Его годы правления — с 1307 по 1327-й.

Ольга Алмазова и Леонид Дубоносов (1988 г.): «Эдуарду II... различными правдами и неправдами удалось привлечь к

себе на службу и превратить в своего единомышленника легендарного испанского мыслителя и естествоиспытателя Раймунда Луллия».

Зигмар Шпауцус (1956 г.): «В 1325 году английскому королю Эдуарду II алхимик будто бы приготовил значительное количество золота, которое король должен был использовать на снаряжение крестового похода». Здесь фигурирует уже Эдуард III, взошедший на престол, между прочим, в 1327 году, на два года позже приготовления золота!

Вот уж действительно, историческая алхимия!

После кончины Раймунда Луллия тело его перевезли на родину, на Мальорку, и над его могилой была высечена надпись: «Раймонд Луллий, благочестивые убеждения коего не были никому ненавистны, лежит здесь в дивном мраморе. С тысяча триста пятнадцатого начал быть без чувств».

Теперь можно уточнить датировку. Вероятнее всего, получение золота приходится на период примерно с 1300 года до 1306-го — последняя дата проставлена в связи с тем, что именно на 1306 год приходится отъезд Луллия в Северную Африку. Поэтому беседовал с Луллием скорее всего Эдуард I. На том можно было бы и закрыть вопрос, если бы не смешивающая весь расклад строка из Клауса Гофмана: «Раймундус Луллус родился в 1235 году, умер уже в 1315-м, по другим источникам — не позднее 1333-го». И все можно начинать сначала!..

Зигмар Шпауцус: «...С вычеканенными из этого золота шестью миллионами двойных дукатов в кармане, так называемыми «розенобеями», Эдуард III предпринял поход против Франции».

Ольга Алмазова и Леонид Дубоносов: «...золотые монеты — «нобли» английского короля Эдуарда II... именно этими деньгами наследник Эдуарда II — Эдуард III оплачивал начатую им Столетнюю войну 1337 — 1453 гг. с Францией».

Если Луллий изготовил золото до 1306 года, то почему его пустили в дело спустя целых 34 года? Это выглядит чрезвычайно странным — королю нужны финансы, он договаривается с алхимиком, а затем новорожденное золото откладывается на три с лишним десятилетия.

А если золото было ненастоящим?

Клаус Гофман: «...те Раймундовы нобли королевской чеканки можно и сейчас увидеть в музеях. Они изготовлены из золота высокой пробы...»

Ольга Алмазова и Леонид Дубоносов: «...самое интересное заключается в том, что такие монеты — нобли — сохранились до наших дней и все химические анализы подтверждают, что они изготовлены из настоящего золота высокой пробы».

Итак, золото — неподдельное.

Однако история хранит память и о другом — о королевских конфискациях золота подсвечников и другой церковной утвари.

Награбленное добро, разумеется, могло быть переплавлено в нобли.

Если бы у Луллия и вправду было золото, он сам снарядил бы экспедицию для крестового похода, а не стал бы передавать его Эдуарду, да еще таким театрализованным путем.

Ольга Алмазова и Леонид Дубоносов: «...Луллий, собирая военные контрибуции, конфисковывал разнообразные золотые предметы, принадлежавшие как обывателям средней руки, так и монастырям и дворцам». Ну, Луллий все-таки был не тем человеком, который занялся бы подобными делами. Богословие, трактаты, диспуты — да; но собирать контрибуции, да еще конфисковывать — вряд ли. Очень вряд ли. Да и какой король разрешил бы на территории своей страны хозяйничать странствующему монаху, да еще чужестранцу?!

Есть и еще один вариант. Золото — не поддельное. А принадлежит неизвестно кому.

Неизвестно кому? Двадцать пять тонн? Привезено и свалено в одно место — к башне Луллия? В глубокой тайне — чтоб никто не знал? Неизвестно кем?

Абсурд!

Любой человек, который хотя бы раз интересовался волшебством, причем в любой его форме, встречался с этим понятием — философский камень.

«Скажу тебе, сын мой, что такое философский камень,— говорит Арнольд де Вилланова, первым соединивший алхимию с медициной.— Солнце, Луна, агат суть камни. Но наши камни мертвы под землей. Сами по себе они не действуют. Настоящее золото или серебро можно получить только при участии человека. Наш философский камень естественный: он действует, как природа... Материя, из которой он состоит, встречается в природе. Все то, что находится вокруг лунного диска, содержит четыре элемента. Наш камень состоит из тех же самых элементов, из которых одни сухие и холодные, другие влажные и горячие. Вспомним, что имеется семь планет. Ртуть холодна и влажна благодаря Луне, она горяча и суха благодаря Солнцу. Поэтому она обладает природой воды, воздуха и огня. Будь внимателен, сын мой, прислушайся к словам философов, и ты полностью овладеешь тайной искусства».

Так говорил учитель Раймунда Луллия.

Теперь — сам рецепт.

«Чтобы приготовить эликсир мудрецов, или философский камень, возьми, сын мой, философской ртути и накаливай, пока она не превратится в зеленого льва. После этого прокаливай сильнее, и она превратится в красного льва. Дигерируй этого красного льва на песчаной бане с кислым виноградным спиртом, выпари жидкость, и ртуть превратится в камедообразное вещество, которое можно резать ножом. Положи его в обмозанную глиной реторту и не спеша дистиллируй. Собери отдель-

но жидкости различной природы, которые появятся при этом. Ты получишь безвкусную флегму, спирт и красные капли. Киммерийские тени покроют реторту своим темным покрывалом, и ты найдешь внутри ее истинного дракона, потому что он пожирает свой хвост. Возьми этого черного дракона, разотри на камне и прикоснись к нему раскаленным углем. Он загорится и, приняв вскоре великолепный лимонный цвет, вновь воспроизведет зеленого льва. Сделай так, чтобы он пожрал свой хвост, и снова дистиллируй продукт. Наконец, сын мой, тщательно ректифицируй, и ты увидишь появление горючей воды и человеческой крови».

Предание говорит о том, что Раймунд Луллий, «просвещеннейший доктор», пользовался именно этим рецептом.

Широко известна фраза Раймунда Луллия: «Я море бы превратил в золото, если бы оно состояло из ртути!» В алхимической символике ртуть может метафорически обозначаться как женское начало, белый цвет, луна, белое золото, сырое золото, недоваренное золото, покрывало, купорос, яд, воздух, белая манна, белое покрывало, летучесть, сырость, холод, свинец, белый цветок, стекло и т. д.

Многозначность служила для алхимика защитой. «Тебе открою эту тайну, но от прочих я утаю эту тайну, ибо наше благородное искусство может стать источником и предметом зависти,— предупреждал Альберт Великий Большетедтский.— Никому не открывай секретов своей работы! Остерегайся посторонних! Дважды говорю тебе: будь осмотрительным...» А Арнольд да Вилланова выражался еще категоричнее: «Не мечи бисер перед свиньями! Это божий дар!»

Лишь профессиональная подготовка позволит правильно или приблизительно истолковать рецепт.

Жан-Батист Андре Дюма, французский химик XIX века, объяснил: после прокаливания получается желтая окись свинца («зеленый лев»); дальнейшее прокаливание переводит ее в красный сурик («красный лев»).

Далее происходит нагрев красного сурика вместе с кислым виноградным спиртом (винным уксусом), и окись свинца растворяется. Когда алхимик выпарит жидкость, останется камедообразное вещество — свинцовый сахар. При его неспешном нагревании в первой фазе происходит перегонка кристаллизационной воды (а это есть «флегма»), во второй фазе — «спирт» (который, по сути, является ацетоном), а затем — «красные капли». После этого в сосуде оказывается мелко-раздробленный свинец («черный дракон»). От касания его раскаленным углем образуется желтая окись свинца — это и есть превращение в «зеленого льва». Получившееся вещество вновь следует обратить в свинцовый сахар, после чего весь процесс повторяется.

«Для истории химии рецепт интересен как, вероятно, первое

указание на существование ацетона», — подводит черту В. Л. Рабинович.

Советует Раймунд Луллий: «Я вам рекомендую только варить: варите в начале, варите в середине, варите в конце».

«Многие из алхимиков заблуждаются, — поясняет Луллий, — потому что они не знают, как следует расположить огонь, который есть ключ делания: огонь и растворяет и сгущает. Но иные, ослепленные невежеством, этого не знают».

В тексте английского делателя золота Джорджа Рипли (1415—1490 гг.), в его «Книге двенадцати дверей», названной так по количеству операций, говорится о приготовлении философского камня:

«Начинай работу при закате солнца, когда красный муж и белая жена соединяются в духе жизни, чтобы жить в любви и спокойствии, в точной пропорции воды и земли. С запада подвигайся сквозь сумерки на север, раздели мужа и жену между зимою и весною; измени воду в черную землю, поднимись чрез разные цвета к востоку, где показывается полная луна. После чистилища появляется белое и блистающее солнце — это лето после зимы, день после ночи. Земля и вода превращаются в воздух, мрак исчезает, и является свет. Запад — начало практики, и восток — начало теории: начало разрушения находится между востоком и западом».

Это — рецепт, но сколь он поэтичен! Если не знать, что под «мужем» и «женой» алхимик разумеет ртуть и серу, если не понимать, что действие свершается в 4-мерном пространстве Аристотелевых элементов-«стихий» (огня, земли, воды и воздуха), то и тогда чтение этих строк оставляет впечатление изысканного литературного замка.

На этом фоне сообщения об алхимических чудесах всегда выглядят легендами. Вот некоторые из них:

— в 1334 году огромное богатство обретает папа Иоанн 22-й, об этом он рассказывает сам в написанном лично им алхимическом труде;

— в 1383 году немало золота получает алхимик Николай Фламмель — на добытые средства Фламмель строит 14 больниц и 3 церкви;

— в 1460 году алхимическое золото выплавляет Джордж Рипли — большая часть драгоценного металла отправляется на остров Родос, где рыцари ордена Иоаннитов, поддерживаемые Рипли, воюют с турками;

— в конце XIV века успеха добивается Рудольф II, в начале XVII века 8 унций ртути обращает в золото Иоганн Баптист Ван-Гельмонт — это произошло в городах Виллаверде и Брюсселе, в начале XVIII века удача сопутствует Августу II.

Было ли это мистификациями? Получить золото в лаборатории... Не противоречит ли это научным теориям сегодняшнего дня? Что по этому поводу думает современная наука?

Английский физик Фредерик Содди в 1913 году в докладе на заседании общества британских естествоиспытателей высказался в том смысле, что принципиальных преград для трансмутации ртути в золото нет. Достаточно только изъять из атомных ядер ртути по одному протону и снять по одному электрону из орбитальных оболочек, причем сделать это необходимо для всех-всех атомов ртути, имеющих в распоряжении, и бывшая ртуть тотчас же станет золотом.

Содди предложил это в порядке развития атомной теории, и он, как теоретик и провидец, оказался прав. Но он был прав исключительно как теоретик. На практике выяснилось одно сумрачное обстоятельство.

В природной ртути имеется семь изотопов, и каждый из них содержится в разных количествах. Например, изотоп ртути с массовым числом 202 — наиболее частый. Он встречается в среднем в 29,8 процента случаев. А вот наиболее удобным для превращения в золото является изотоп с массовым числом 196 — у него наибольшее сечение захвата нейтронов, которыми физики должны бомбардировать ртутную мишень. Этот факт в марте 1947 года был доказан экспериментально — физики Ингрэм, Гесс и Гайдн получили 35 мкг золота в результате облучения замедленными нейтронами в атомном реакторе 100 мг изотопа-196 ртути. Так вот — неприятность состоит в том, что изотоп-196 ртути встречается наиболее редко, всего лишь в 0,146 процента. Однако, предположим, что оптимизм преодолел все преграды, и необходимое количество ртути найдено. Тогда нас поджидает еще более грозная весть: расчеты показывают, что если мы пожелаем 50 кг ртути перевести в 74 г золота, то для выполнения этой трансмутации нам потребуется интенсивно бомбардировать нейтронами нашу ртуть в течение четырех с половиной лет!

И уж никто не говорит о той огромной энергии, которую нужно затратить на бомбардировку атомов ртути. Откуда мог черпать ее Раймунд Луллий более шести с половиной столетий назад?

И вновь я смотрю на Ленинградский проспект. Половина пятого вечера. День заканчивается, но небо еще светло. Мой взгляд скользит по крышам дальних домов, а руки захлопывают последнюю книгу. Расчеты ядерных физиков опрокидывают алхимию Раймунда Луллия, опрокидывают бесповоротно. Я встаю и ухожу.

В 1984 году вышла книга испанского исследователя Хуана Мансано-и-Мансано под названием «Колумб и его тайна». В ней рассказывается о предыстории знаменитого путешествия прославленного мореплавателя. Автор полагает, что Колумб точно знал, куда плыл.

Он повествует о неизвестном человеке, путешественнике, плывшем на корабле из Гвинеи на север — то ли в Англию, то

ли в Португалию. Он не доплыл — его корабль сбился с курса, и жестокий шторм отнес его в Карибское море. Путешественник — имя его в книге не приводится — остался жив. Корабль прибило к неизвестному острову, и скиталец провел два года среди местных жителей, изучая не только их обычаи, но и сам остров, а также исследуя морские течения, направления ветров в зависимости от времени года, расположение звезд и прочие морские премудрости. Потом этот остров получит название, сегодня никому и ничего не говорящее — Эспаньола, а еще позже будет переименован, и новое его имя станет известно во всем мире — Гаити.

Краткое изложение книги «Колумб и его тайна» публикует мюнхенская газета «Зюддойче цайтунг»:

«...В 1477 или 1478 году этому человеку удалось пересечь Атлантику в обратном направлении и добраться до острова Мадейра. Там он будто бы и повстречался с Колумбом, который дал ему приют в доме своей тещи, жившей на острове Порту-Санту. В благодарность мореплаватель рассказал Колумбу о ветрах и течениях, и тот, вооруженный сообщенными сведениями, в 1492 году открыл неизвестный континент...»

А знаете, откуда родом был этот неизвестный информатор Колумба? Какое место его рождения Хуан Мансано-и-Мансано ставит на первое место?

Остров Мальборка!

Я прихожу в библиотеку с видом на Ленинградский проспект, беру несколько книг и открываю одну из них — с портретом Раймунда Луллия. Мне кажется, что я чего-то не заметил, не разглядел, что вот-вот мелькнет какая-то разгадка.

Юрий РОСЦИУС КОЛДУН В ПОЛЕТЕ

Может ли человек взлететь...
подобно воздушному шару?
Очевидцы из прошлых столетий
говорили: да. Хотя и они не
верили своим глазам.

Левитация. Не ищите это слово в отечественных справочных изданиях: его там нет. Почему? Может быть, в силу наивной детской уверенности наших правителей прежних лет в том, что если закрыть глаза, то исчезнет и страшное, и неведомое. Однако сведения об этом загадочном явлении можно получить из других источников, а корни его уходят в далекое прошлое...

Вряд ли кто не слышал о существовании прибора, именуемого в просторечии детектором лжи. По произвольным вари-

ациям частоты и наполнения пульса, температуры и сопротивления различных участков кожи, вариациям биотоков этот прибор дает комплексное заключение об эмоциональном состоянии допрашиваемого. Он выдает волнение человека при стремлении либо скрыть, либо извратить истину. Естественно, что появление такого совершенного в своем роде прибора стало возможно лишь во второй половине XX века с развитием радиоэлектроники и вычислительной техники. Но мало кто знает, что задолго до появления этих дисциплин в практике судопроизводства применялся другой прибор аналогичного назначения.

Сотни и тысячи лет существуют многочисленные его изображения. Супруга Зевса, богиня правосудия Фемида, с древнейших времен изображалась с повязкой на глазах, мечом в одной руке и весами в другой. Последний атрибут Фемиды, однако, далеко не всегда был лишь символом точности, скрупулезности судопроизводства, указанием на соразмерность наказания степени вины подсудимого. Именно весы длительное время использовались в качестве своеобразного детектора лжи в бесчисленных процессах средневековья.

Причину и время появления этого метода установления виновности подозреваемых, как, впрочем, и его эволюцию, проследить сложно. Однако известно, что с древнейших времен использовались два идентичных способа испытания подозреваемых в нарушении законности: водой и весами.

О применении первого известно из документа XXV века до нашей эры, исполненного в Древнем Вавилоне. Известный ученый аль-Бируни из Хорезма свидетельствует об использовании обоих способов в Индии на рубеже I — II тысячелетий нашей эры. Позже их «взяла на вооружение» святая инквизиция, зародившаяся в начале XIII века, «трудами» которой в ходе заседаний бесчисленных ее трибуналов с XIII по XIX век было приговорено к смерти до десяти миллионов человек.

Судьба подозреваемых в колдовстве в значительной мере зависела от результатов испытаний водой или весами. Их технология была предельно проста. Подозреваемого связывали крестообразно (большой палец правой руки к большому пальцу левой ноги и наоборот) и на длинной веревке бросали в пресноводный бассейн. Обвинение снималось, если он тонул. А вот державшихся на воде признавали виновными и казнили.

Перейдем ко второму способу испытания — весами. Оно было более производительным, ибо не требовало предварительного связывания. Весы для подобной цели имелись в ряде городов Западной Европы. Одно время было даже модным для упрочения собственной репутации добровольно взвешиваться на этих весах целыми семьями. В XVI веке император Карл V специальным указом даровал право использования чашечных городских весов города Оуде-Ватер (Нидерланды) для взвешивания колдунов и чародеев. Слава этих весов была столь велика,

что они послужили образцами для весов Кельна, Мюнстера, Сегеда и других городов.

При испытании весами подозрение с обвиняемого снималось, если он весил более некоторого установленного веса. Но горе тому, кто весил меньше! Тогда вина считалась доказанной, а костер — неизбежным. Величина критического веса колебалась в разных городах. В Оуде-Ватере она была равной 49,5 килограмма, в некоторых городах доходила до 11—14 фунтов — равнялась весу 3—4-месячного ребенка.

Отыскивая какие-то конкретные данные, удалось набрести на поразительные строки. В одной из газет Австро-Венгрии 1728 года сообщается о взвешивании в городе Сегед обвиняемых в чародействе. Оказалось, что высокая полная женщина весила не более 1,5 лота, а ее отнюдь не маленький муж — 1,25 лота. Поскольку австрийский лот равен 17,5 грамма, то вес «чародеев» лежал в пределах 20—30 граммов!

Размышляя, можно прийти к выводу о том, что человек взлетал... подобно воздушному шару. Ведь именно так поведет себя в воздушной среде тело, которое легче воздуха. А может быть, явление, с которым мы столкнулись, сродни левитации, является частицей левитации, предлевитацией?

Но с какой стати мы доверяем протоколам инквизиции? Ведь они попросту могут быть фальсифицированы! Но кому это нужно? Менее всего — взвешиваемому. Он, как никто другой, не заинтересован в фальсификации результата, вовсе не рвется попасть на костер. Что же касается инквизиторов, то было бы странным использование ими этих методов с необходимостью последующей фальсификации результатов.

Вот почему согласующиеся результаты взвешиваний и испытаний водой наводят на мысль о существовании некоей пока неизвестной причины, напоминающей явление, именуемое левитацией. Итак, что же это такое? Британская энциклопедия, издание 1946 года, том 13: «Левитация — подъем тела в воздух без применения механизмов». Она же приводит санскритский эквивалент этого понятия: «сверхъестественная способность становится легким по желанию». Аналогичная способность описывается и в буддийских Сутрах. В «Философии магического» Сальверте пишет: «Восторженные ученики Ямблинуса (умер в 333 году нашей эры) утверждали, что когда он проповедовал, он возносился на высоту в 12 локтей над землей». Добавлю, что один локоть равняется 45 сантиметрам.

Самым замечательным из современных сообщений о левитации является история Иосифа Купертинского (1603—1663). После принятия его в францисканский орден о нем сообщали, что «он часто поднимался и оставался висющим в воздухе. Поскольку такие явления, когда они происходили публично, вызывали волнение и смущали общину, то Иосифу в течение

35 лет не разрешали посещать клирос и для чего была приготовлена отдельная часовня».

Накопилось огромное количество свидетельств, подтверждающих левитацию Даниэля Дунгласа Хьюма (1833—1886). Очевидцами зафиксировано по крайней мере сто случаев подъема Хоума над землей в присутствии такого же числа различных лиц. А 16 декабря 1868 года Хоум, который был, как полагают, в трансе, вышел из одного окна и влетел в другое на расстоянии семи футов и на высоте 70 футов от земли. Кстати, левитацию имитировали на сцене и фокусники, но все первоисточники четко разграничивают истинное явление и его имитацию.

Следует выразить сомнение в правомочности утверждения, что левитация обусловлена падением веса человеческого тела. Как же так, спросит читатель, ведь только что шла речь о том, что весы показывают малые значения, а плавающий человек почти не погружается в воду! Дело в том, что га же картина будет наблюдаться в том случае, если вес тела останется нормальным, а появляется некая компенсирующая его полностью или частично неведомая пока сила.

Так что же это за сила такая? Что вообще мы знаем о левитации, кроме сведений из древних рукописей и фактов из книг, опубликованных на основе чьих-то впечатлений, ощущений, видений? Пока, увы, это явление не получило научного обоснования. Но если собрать воедино всю информацию, скажем, субъективного характера, то мы выясним, что известна левитация людей любого пола и возраста. Говорят, что левитации предшествует состояние эмоционального подъема, экстаза, реже — страха. А человек, который вдруг поднимается над землей, испытывает смущающую его неловкость, неожиданность, необыкновенную легкость, иногда именно подъемную силу. Очевидцы же подобных событий, тоже по описаниям из различных источников, испытывают страх, ужас и смятение, ощущая неправдоподобие того, что якобы видели своими глазами.

Чаще всего, если верить свидетельствам, левитанты поднимаются на высоту 10—50 сантиметров, реже — до полутора метров, весьма редко — от двух до тридцати метров. Отмечен в литературе один случай «взлета» на 50 метров! А продолжительность такого полета тоже может быть разной: от нескольких секунд до трех часов, причем спуск попадает в точку старта. Были случаи, при которых отмечался большой запас подъемной силы. Скажем, левитация вместе со стулом. При попытке вернуть левитанта, зависшего на высоте около метра, на прежнее место два человека были бессильны.

А как же с весом? Помните сомнения в правомочности утверждения о его потере? Со школьных лет мы помним: «На тело, погруженное в жидкость или газ, действует выталкивающая сила, равная весу жидкости или газа в объеме тела». Да-да, не сомневайтесь, это закон Архимеда. Так вот, мы живем на дне

воздушного океана. В этих условиях, скажем, тело человека весом 50 килограммов (соответствующее объему 50 литров) вытесняет такое же количество воздуха, весящего 65 граммов. Представим себе, что вес тела уменьшается — стремится к нулю. Пока он будет больше 65 граммов, тело останется на дне воздушного океана, опираясь на поверхность земли. Но как только вес тела станет меньше, появится подъемная сила, равная разнице весов (помните — весы Фемиды?), и тело начнет всплывать. Однако плотность воздуха падает с высотой. Именно поэтому тело зависнет на том уровне или на той высоте, где вес воздуха в объеме тела равен новому значению его веса.

Сложно? Ничуть. Элементарные расчеты показывают, что на высоте в один метр тело зависнет в случае, если подъемная сила, действующая на тело на уровне земли, будет равна всего-то восьми миллиграммам!

Но как раз это совершенно не соответствует сообщениям о безуспешности усилий нескольких очевидцев сразу вернуть в исходное состояние левитанта, зависшего на высоте в один метр. Реакция тела левитанта в этом случае скорее напоминает свойства надутой автомобильной камеры на поверхности воды. Даже двоим или троем взрослым людям довольно трудно погрузить ее под воду.

Реакции камеры и левитанта сходны. Но если камера находится на плоскости раздела двух неравноплотных сред — воздуха и воды, про левитанта мы этого сказать вроде бы не можем. А что если организм человека как-то воздействует на окружающую среду, вызывая ее неравноплотность?

Пока, увы, трудно сказать, что же происходит на самом деле. Может быть, понять это явление поможет президент Американской ассоциации аюрведческой медицины доктор Димак Чопра, цветные слайды которого о процессе левитации недавно обошли весь мир? Причем средства зарубежной информации сообщают, что не только доктор Чопра обладает этими уникальными способностями, что есть слайды и одновременной левитации, когда вместе с ним «парили» семь тысяч его учеников.

Ходжиакбар ШАЙХОВ **НЛО В УЗБЕКИСТАНЕ**

За последнее время в нашей республиканской прессе как бы вошли в моду публикации о посещении НЛО древней земли Узбекистана. О них, о вступлении в «контакт» землян с «пришельцами» (будем пользоваться этим термином за неимением лучшего) из других миров, в частности, часто стали писать

авторитетные республиканские газеты «Совет Узбекистони», «Правда Востока», «Укитувчилар газетаси», «Еш ленинчи», «Пионер Востока», «Тошкент окшоми» — «Вечерний Ташкент», журналы «Фан ва турмуш», «Еш куч» — «Молодая смена», а республиканское телевидение и радио стали сообщать устами очевидцев и свидетелей об их удивительных встречах с «летающими тарелками» и с их «хозяевами».

У нас почему-то считают, что рассказы и легенды об НЛО возникли только в наш просвещенный век. Будто с ними раньше, в древности вообще не сталкивались. На самом деле это не так. Если верить узбекским народным сказкам и мифам, «гости с небес» проявлялись на Земле в других формах — в виде облаков, свирепых и злых ветров, в виде красивых пери (феи) в блестящих одеяниях, а также в виде огромных мифологических птиц: семургов, голубей, летающих драконов, огромных дивов, джинов и т. д. Характерными чертами этих существ является быстрое превращение их в людей, в различных животных, в растения и предметы. При этом они могут общаться с людьми на человеческом языке. Особое удивление вызывает то, что сказочные и мифологические дивы и джины по своей внешности весьма схожи с внешностью «пришельцев», описанных в рассказах множества очевидцев и свидетелей, вступивших в контакт с «астронавтами» НЛО: те имеют огромные выпуклые глаза (причем глаз может быть одним), большой рот, на месте носа одна или две дырки, волосы и руки длинные, ноги короткие. Все они в нашем регионе почему-то вступают в «диалог» со случайными людьми: зачастую с женщинами, школьниками и детьми в далеких кишлаках и в горных местностях. При общении с людьми они ведут себя примерно одинаково: свободно разговаривают на языке той национальности, с представителем которой встречаются, их вопросы-ответы однотипны, обычно они предлагают своим «собеседникам» попутешествовать вместе на «летающей тарелке», иногда они пытаются забрать детей. На вопросы людей, откуда они прилетели и с какой целью, отвечают коротко: «Этого вам знать не следует».

Закончив беседу, они берут с собой воду и что-то съедобное (разумеется, с разрешения «контактируемого») или сами что-то оставляют... и затем внезапно исчезают.

По предположениям некоторых ученых, они могут быть все и не инопланетянами. Вполне вероятно, что «пришельцы» обитают в мире, параллельном нашему, выражаясь языком писателей-фантастов, в подпространстве (либо в гиперпространстве) и время от времени вступают в контакт с представителями нашей цивилизации.

В одном из вполне серьезных рассказов классика узбекской литературы Абдуллы Кадыри описывается «пир джинов», обитающих в параллельном пространстве.

Свидетельством жизненности этой версии могут послужить

ряд религиозно-мистических произведений других классиков узбекской литературы, а также волшебные сказки и мифы, где роли основных персонажей играют всякого рода джинны, дивы, пери, священные птицы, которые могут быть добрыми или злыми. Эти мифологические герои появляются с небес так же внезапно, как и исчезают подобно «владельцам» НЛО.

По рассказам большинства очевидцев, у «пришельцев» с НЛО нет злых намерений, что видно по их поступкам и речам. «Гости с небес» заняты какой-то исследовательской работой, суть которой нам пока неясна.

«По всей видимости,— говорил мне известный узбекский ученый и писатель-фантаст Махамм Махмудов,— их очень беспокоит общественно-политическая, экологическая, морально-психологическая обстановка на Земле. Быть может, то, что человечество ныне оказалось у смертельной пропасти, вследствие неразумной хозяйственной и научно-технической деятельности, возможно, приносит какой-то серьезный ущерб жизнедеятельности цивилизации «пришельцев». Вполне вероятно, земное человечество, уставшее и раздраженное от поиска решений массы проблем, связанных с бесконечной гонкой вооружений, экономикой, экологией, негативными последствиями НТР, в совокупности излучает в пространстве от себя некую кси-энергию, которая, в свою очередь, весьма беспокоит обитателей других миров, в существовании которых сегодня сомневаться не приходится...»

Я отношу себя к людям, которые не верят чудесам. Но поток публикаций в солидных всесоюзных и республиканских изданиях, информации ТАСС и УзТАГ заставляют задуматься. Все эти материалы я аккуратно собираю и пытаюсь их как-то проанализировать. Ясно, что в них нельзя все принимать на веру. Тем более некоторые ярые скептики полагают, что это очередные газетные «утки», ловкая мистификация, рассчитанная на отвлечение внимания людей от насущных проблем повседневной жизни. Но и опровергать все подряд тоже не следует. Сегодня идей множественности миров во Вселенной увлечены не только писатели-фантасты, но и всемирно известные ученые, о чем свидетельствуют регулярно проводимые международные симпозиумы и конгрессы по проблемам контактов с внеземными цивилизациями.

Язьяван — один из крупных хлопкосеющих районов Ферганской долины. Именно здесь, в небольшом кишлаке Юлдашабад, состоялась встреча «пришельцев» с десятиклассницей Нафисой Давроновой. Отец Нафисы Одилжон Давронов — строитель. Мать — рабочая совхоза.

— Сама не знаю почему,— рассказывает Нафиса,— но в тот день, 8 сентября 1989 года, я почему-то с самого утра была не в своей «тарелке». Меня охватило какое-то чувство беспокойства. Я пошла в школу. Вечером, часов в 11, мне показалось, что

во дворе кто-то меня зовет. Вместе с братом Илхомжоном мы вышли к воротам. Но там никого не было. Мы закрыли ворота и стали возвращаться, и в это время меня будто кто-то крепко схватил за плечи, я чуть ли не упала от неожиданности, тут же оглянулась назад, но опять никого не заметила. Забегав в дом, я рассказала родителям о случившемся. Мне никто не поверил. Затем я стала готовить уроки. Меня кто-то вновь позвал. Я непроизвольно глянула на часы. Было за 12, мои домашние уже заснули.

Мне не хотелось спать, тянуло во двор. Сама не заметила, как в таком состоянии вышла наружу и подошла к воротам. Потом вернулась назад и... внезапно застыла на месте как вкопанная. С неба беззвучно опускался огромный предмет размером с дом, похожий на две прижатые друг к другу тарелки. Меня будто пригвоздило к земле, не могла даже шевельнуться. «Тарелка» зависла над крышей нашего дома. Затем раскрылись створки, и оттуда плавно опустилось нечто, подобное лестнице, по ней спустились три человека (если они мне не пригрезились). Я не могла ни крикнуть, ни тронуться с места.

Все трое были в блестящих белых одеяниях. Рост у них, по моим прикидкам, был около двух метров, даже чуть больше. Руки и ноги чересчур длинные, головы то ли круглые, то ли четырехугольные, туловища — худощавые. Черные длинные волосы достигали до колен. Мне показалось, что двое из них — женщины, один — мужчина. Внешность последнего была далека от человеческого облика. Женщины только по строению лиц напоминали людей. У одной из них на лице было небольшое пятнышко, напоминающее родинку. Она все время держала левую руку на груди. Я в основном только с ней и общалась. У нее, как мне показалось, на ладони что-то было, и она частенько заглядывала туда.

Она, как обычный человек, на чистом узбекском языке спросила, сколько людей проживает в нашей семье. «Вместе с родителями восемь душ», — ответила я. «Трое сыновей, трое дочерей, да?» — уточнила, в свою очередь, она. «Да», — ответила я. Затем она выяснила, умею ли я здороваться, на что я тут же кивнула. «Да». Потом она поинтересовалась, отчего, мол, тапочки на моих ногах такие красивые. Я поспешно посмотрела на свои ноги. Но ноги у меня были босые, тапочки мои куда-то исчезли. «Не расстраивайся, утром найдешь», — сказала она, будто улыбнувшись. Вдруг я заметила, что стою прямо перед ними, хотя не шла к ним. Она много говорила, некоторые ее слова я не понимала. Я уже сблизилась попыталась исподтишка посмотреть на них, но женщина предупредила: «Не смотри на нас, испугаешься». Опять пытаюсь не смотреть на них, от страха трясусь. «Кто-нибудь вышел бы и спас бы меня», — думаю про себя.

Тут они заметили кучу миндаля на подстилке.

— Что это? — спросила женщина.
— Миндаль, — ответила я.
— Люди его едят? — спросили они.
— Да, — ответила я опять. И куча миндаля почему-то рассыпалась, будто с ней что-то сделали.
— Утром соберешь, — сказала женщина.

Наконец я немного пришла в себя и спросила:

— Кто вы, откуда приехали?

— Ты слишком молода, чтобы это знать, — ответили они. Они попросили принести воду. Взяв кружку, я начала наполнять ведро водою, громко стуча кружкой по бидону, чтобы хоть кого-нибудь разбудить. Никто не услышал меня. Наполнив ведро, я пошла к «пришельцам». Женщина протянула руку в сторону, и в ней появилась посуда, подобная термосу. Она влила туда всю воду.

— Похоже, ты хорошая девушка, — сказала она, улыбаясь. Потом серьезно предупредила: — Завтра найди врачей Абдуллу и Исмаила. Если не сделаешь этого, больше здесь не будешь жить.

— Хорошо, — сказала я.

— Хочешь, заберем тебя?

— Нет, — отпрянув назад, я вдруг заметила, что она держит меня за руки. Рука у нее крепкая, грубая и шероховатая.

— В твоей ладони, кажется, есть какая-то сила, — сказала она, отпустив меня. Второй «пришелец» тяжелыми руками похлопал меня по плечам. «Мужчина» прикоснулся ладонью к моим волосам.

— Ты о нашей встрече расскажи всем своим знакомым, — сказали они.

— Мы с тобой еще раз увидимся. Запомни, через сто дней в твоей жизни будут перемены, — добавила женщина.

Затем они, развернув ладони, о чем-то начали про себя шептать, будто читали какую-то молитву. Я тоже поневоле развернула ладони, но один из них сказал:

— Ты не делай так, тебе нельзя.

...Они улетели. Как внезапно прилетели, так и улетели. Не знаю, сколько времени прошло, пока я пришла в себя, я заметила, что смотрю на восход. В истерике закричала, и все мои домашние выскочили во двор. До трех часов ночи я ничего не могла говорить. Потом я немного успокоилась и обо всем происшедшем подробно рассказала близким. Мы в тот день до утра не смогли заснуть.

Утром, выйдя во двор, все увидели рассыпавшуюся кучу миндаля, а мои тапочки обнаружили на крыше в голубятнике.

Дальше в течение недели в жизни Нафисы Давроновой начались происходить странные события. Во время уроков кто-то невидимый хватал ее за волосы, бумага, на которой она писала, вдруг «оживала» и начинала шевелиться. Если Нафиса хотела

что-то написать на доске, доска тоже «дергалась». Кроме Нафисы, этого никто не замечал.

— Причиной является то, что я держала в секрете удивительные события, происшедшие со мной в ту ночь, чтобы обо мне плохо не думали, — говорит Нафиса в беседах с корреспондентами. — В дальнейшем, чтобы никаких каверз больше не было, я обо всем подробно рассказывала своим одноклассникам и односельчанам. Сейчас все хорошо, со мной никто не «шутит», никто не пугает. Что касается врачей Абдуллы и Исмаила, то мы с отцом их нашли. Они тоже ни о чем не осведомлены. Что интересно, с этими людьми я никогда раньше не была знакома.

На вопрос о том, «сталкивалась» ли она раньше с подобным и «слышала» ли о «летающих тарелках», Нафиса ответила:

— Два года назад во время сбора хлопка (я очень плохо собирала хлопок и обычно отставала) кто-то меня окликнул сзади. Оглянувшись, я тогда увидела женщину. Она сказала: «Иди, побеседуем». Я ответила: «Я отстала, не отнимайте у меня времени». Тогда она, сказав, что, мол, мы еще увидимся, исчезла. Я чуть не забыла, что особа, общавшаяся со мной в ту ночь, напомнила мне о той встрече.

«Контакт» Нафисы Давроновой с «пришельцами» подробно описан в статье под названием «В Язьяване «летающая тарелка», опубликованной в газете «Совет Узбекистони» 12 ноября 1989 года и в статье «Космические ли путешественники?..», напечатанной в учительской газете «Унитувчилар газетаси» 21 октября 1989 года.

Спустя несколько месяцев я позвонил в Ферганское областное отделение Союза писателей УЗ ССР известному писателю Охунжону Хакимову, чтобы узнать о дальнейшей судьбе девушки из Юлдашабада.

— Вы о Нафисе? — усмехнулся мой собеседник на том конце линии. — Она стала самой популярной девушкой во всей области. К ней стали приезжать ее сверстники со всех близлежащих кишлаков, ей не дают покоя корреспонденты районных, областных и даже республиканских газет. Ей мешают нормально учиться в школе. Дело дошло до того, что сейчас Нафиса ни с кем не хочет общаться и все хранит в секрете....

Об интересных аномалиях, связанных с появлением НЛО в Хорезмской и Кашкадарьинской областях, пишет республиканская молодежная газета «Еш ленинчи» от 25 июля и от 5 декабря 1989 года.

В древнем Хорезме первые весточки о «пришельцах» из космоса появились в конце лета прошлого года. Тогда множество очевидцев с Гурланского и Кошкупырского районов с волнением рассказывали о ночном наблюдении ими НЛО, состоящего из трех шарообразных блоков. Этот неопознанный летающий объект, после странных беззвучных маневров на ночном небе улетел на запад, в соседнюю республику. Распро-

странились даже слухи о том, что упомянутый НЛО сделал посадку на гору Юмуртау.

В те же дни свидетелями аналогичного явления стали множество людей в колхозе имени Кирова Багатайского района.

В ночь с 17 на 18 октября 1989 года «гости из космоса навесились» на квартиру учителя средней школы Рузимата Хайитова, проживающего в городе Ургенче.

— Часы перевалили за 12 ночи, я готовился к завтрашним занятиям,— рассказывает он.— Наша квартира находится на четвертом этаже. Неожиданно со стороны открытого балкона я услышал стук в дверь. Сначала не обратил внимания. Затем... внезапно тонкий луч ярко осветил пол. Оглянувшись в сторону двери, я увидел человека, который странными движениями руки звал к себе. По моему телу пробежали мурашки. Еле приподнимая ноги, я пошел открывать дверь. В комнату вошел симпатичный человек в серебряном одеянии, поздоровался по-узбекски: «Салам алейкум!» Затем ладонями провел по своему лицу. Когда я поневоле хотел повторить его движения, он по-узбекски сказал: «Тебе не обязательно».

От его блестящей одежды в комнате стало светлее. При ходьбе его серебристые сапоги ступали неслышно. На его груди были два небольших антеннообразных тумблера. Рост его был примерно 170—180 сантиметров. Ноги короткие, руки длинные, плечи широкие. В остальном он ничем не отличался от наших женщин; глаза, как у узбечек, черные и красивые...

Затем в комнату с фонариком в руке вошел второй «пришелец». Тут я не на шутку перепугался и чуть не потерял сознание от страха. Они меня подняли на ноги...

После этого между Р. Хайитовым и «пришельцами» начался диалог по-узбекски. Они дали знать, что у них нет никаких злых намерений, никому не собираются делать вреда. Однако на вопросы Р. Хайитова — откуда, мол, они приехали, вообще кто такие — не захотели ответить.

Потом они перелили чай из чайника в какую-то посуду, вложили в блестящий пакет одну лепешку. Разумеется, все это они делали с разрешения хозяина квартиры.

После такого пятиминутного общения они опять вышли на балкон и как призраки беззвучно куда-то исчезли.

Это далеко не единичный случай в здешних местах. Столкнулись с НЛО и рабочая Ургенчского шелкопрядельного объединения Х. Машарипова, городской педагог Б. Мадаминов, подрядчик кооперативного хозяйства «Комсомол» Ургенчского района Х. Худояров и другие.

Сотрудник Хорезмского областного управления культуры М. Мадрахимов, инструктор Гурланского райкома комсомола Д. Джуманиязов, ехавшие маршрутным автобусом Ургенч — Гурлан 25 октября вечером в 18.35, утверждают, что несколько шарообразных НЛО сопровождали их до Гурлана.

В этом же районе сотрудник отдела культуры О. Джанибеков, работник районного комитета профсоюза работников агропрома Р. Худайбергенова и их соседи часто рассказывают о том, как неизвестное небесное тело повисло на высоте 600—700 метров и освещало всю округу из пяти мощных «пржекторов».

Поистине фантастичны рассказы очевидцев, вступивших в «контакт» с «пришельцами» либо наблюдавшие их «космические корабли» в Kitabском районе Кашкадарьинской области. В кишлаке Бадамзар совхоза «Варганза» произошел случай, весть о котором молниеносно распространилась по республике: об этом сообщили в популярной радиопрограмме «Камалак» и в молодежной газете «Еш ленинчи» 15 ноября 1989 года.

22 октября в воскресенье примерно часов в 12 дня рабочая совхоза из Бадамзара Гуласал Халикова занималась дома уборкой, а ее сын Мухсинжон играл во дворе. Вдруг послышался какой-то громкий стук, отчего Гуласал встревожилась. Подумав, что это упал ее ребенок, она побежала во двор.

— Я вышла во двор и тут же застыла,— рассказывает Гуласал.— Примерно метрах в двадцати от нашего дома прозрачно-красное нечто переливалось всеми цветами радуги, и из него в упор смотрели на меня два человека. Третий шел в сторону моего сына. Я вспомнила о слухах вокруг «летающих тарелок» и во весь голос закричала: «Вой-до-од!..» И стала звать своего тестя: «Бабай, бабай!» А мой сын тем временем спокойно смотрел на того человека и улыбался.

— Не трогай сына! — закричала я по-узбекски, будто он собирался его забрать. Тот человек сказал:

— Заберем его!

— Нет, не дам! — испугалась я.

— Твоего сына заберем на два года и потом вернем. Если хочешь, и тебя возьмем.

— Нет, и сына не дам, и сама не поеду! — закричала я и бросилась к Мухсинжону. В это время человек из «сундука» близко подошел к моему сыну. Я крепко обняла сына, но голова его осталась открытой. В этот миг тот человек коснулся головы сына и взял в руки его шапочку. А я схватила в руки сына и побежала. Бегу и хочу крикнуть, но язык не поворачивается. Только добежав до дома тестя, я немного пришла в себя.

— Мы прессовали табак,— говорит старший брат мужа Гуласал Бурхан Каримов.— У нашей невестки лица не было, когда она, запыхавшись, прибежала к нам. Было видно, что она очень испугана. Невестка нервно повторяла: «Три человека, железный очаг... Трое... железный очаг...» Мы сперва подумали, что какие-то пьяные испугали невестку. Но она сказала: «С неба спустился... во двор... около железного очага...» Все побежали в дом брата.

— Я был во дворе,— вспоминает сосед Гуласал, ученик

8-го класса средней школы имени Лутфи Рауф Саидов.— Услышал, что кричит женщина. Она в истерике стала звать: «Бабай, бабай!» Посмотрев во двор, я увидел, как с ребенком бежит Гуласал-апа. А у них во дворе на высоте около двух метров от земли повисло и мелко дрожало огненного цвета четырехугольное нечто, и потом оно, поднявшись над крышей и вращаясь, как веретено, резко улетело вверх и исчезло.

— Мы с Рауфом были вместе,— говорят ученики 5-го класса этой же школы Гияс Самадов и Мансур Мухтаров.— Только мы находились подальше от него внутри двора. Нам удалось увидеть, как красное четырехугольное что-то, быстро вращаясь, резко поднялось вверх.

— В тот день я долго не могла прийти в себя,— продолжает свой рассказ Гуласал.— Смутно помню, как десятки людей приходили к нам и уходили. Но никак не могу забыть того удивительного человека. Правда, двоих в «сундуке» я не смогла особо разглядеть. Но и сейчас перед глазами стоит тот человек, который подошел к моему сыну. Рост его около двух метров, плотный, среди нас таких людей не бывает. Он мне напомнил огромного дива из сказок. Он был лыс и около ушей торчали седые волосы. Лицо у него черное, один глаз размером с небольшую пиалушку, разрез глаз удлинённый, на месте носа — дырка, брови и шея отсутствуют. Голова прямо присоединена к туловищу. Его одежда казалась кожаной, на груди висело что-то красное в виде «плюса». Ноги торчали из-под одежды на один саженец. Ноги искривленные, как у беркута. Длинные руки доходили до земли, пальцы длинные и черные. По-моему, у этих людей не было злых намерений, в противном случае я бы не смогла сопротивляться.

«Через день мы приехали в Бадамзар,— пишет корреспондент kitabской районной газеты «Галаба».— Двор Халиковых был полон людьми. Во дворе остались следы летающего «сундука» длиной около двух метров, шириной — около метра. На каждом углу четырехугольника были круги диаметром 30—40 сантиметров и в самом центре — след, подобный шашечной фигуре. Круги, в свою очередь, соединены прямыми линиями».

— Когда я сюда пришел, во дворе находились три-четыре человека,— так начал председатель районного общества охотников Х. Дустов.— Невестка была бледна. Я накрыл следы «тарелки» целлофановой пленкой. В тот момент я не знал, что один из «пришельцев» прошел в сторону дома на расстояние около 13 метров. Знал бы, спас бы и его следы. Но, к сожалению, они оказались затоптанными десятками людей.

Вот такие дела! Хотите верьте, хотите нет. Сейчас везде говорят об НЛО всерьез. На наших глазах слухи опережают фантастику. «Контакты» происходят везде, по всему миру и все чаще. Как видно из рассказанного нами, не обойден «внима-

нием» НЛО и Узбекистан. Свое внимание «летающим тарелкам» все больше уделяют многие средства массовой информации. Вплоть до пионерских газет «Ленин учкун» и «Пионер Востока».

Я сам видел несколько лет тому назад нечто похожее на «неопознанный летающий объект». Но, к сожалению, тогда мне не удалось его, мое наблюдение, идентифицировать, потому что пресса молчала, делая вид, что явления как такового не существует вовсе. Некуда было обратиться, не с чем сравнить.

Был ноябрь. Я и несколько моих товарищей находились в Сырдарьинской области. Стемнело. Было довольно прохладно. И вот в небе появилась «ненормальная звезда». Она выделялась по небосводу фигуры, не вписывавшиеся ни в какие законы воздухоплавания, ни даже космоплавания. Движения ее были резкими: то летит вбок, то высоко взмывает, а то камнем падает. И «развлекалась» она таким образом около получаса. Мы все замерзли и вошли в помещение, потому что дул пронизывающий ветер. А выглянув через некоторое время, нашей «звездочки» мы уже не обнаружили...

Во время читательских встреч мне как писателю-фантасту часто задают вопрос: каким вы представляете 2010 год и далее?

Практика показывает, что к этому сроку благодаря интенсивному засолению, химизации, выветриванию, отравлению ядохимикатами в Узбекистане не останется земель, пригодных для земледелия. Фантастика-то фантастикой. Но в реальности останется голая скала, пустыня. Обычная пустыня по-своему богата растительным и животным миром. Здесь же, чувствуется, будет полное безмолвие. Не столь еще забытая передача по телевидению под названием «Прожектор перестройки» в конце 1988 года сообщила, что тогдашним летом аральская соль впервые достигла Ташкента. Именно тем летом мы видели множество людей, чье тело в июне — августе покрывала различной густоты болезненная сыпь. Она усугублялась под воздействием солнечных лучей, что похоже на действие на организм соли. Не аральская ли то была соль? Мало кем прочувствованное сообщение Центрального телевидения наводит на грустные размышления. Особенно страдали дети. Каракалпакские дети страдают уже много лет.

Жители Ташкента, имеющие земельные участки, жалуются, что в последние годы плохо растут помидоры. А известный мне колхоз, находящийся в черте города, несколько сезонов подряд выращивает помидоры только в теплице, не рискуя это делать открытым способом. Представить только: в Ташкенте!.. Не примета ли грядущего апокалипсиса?.. И не имеет ли «конец света» прямую связь с появлением НЛО?

В нескольких репортажах из «зоны» деревни Молебки Пермской области говорится не только о том, что мы, челове-

чество, якобы «неудачное произведение» рук высшей цивилизации, навреде популяции несовершеннолетних или бракованных биороботов, но и о том, что будто бы «они» нам дали еще десять лет на исправление. А если же мы станем продолжать культивировать совершаемые нами «безобразия», «они» прекратят свой эксперимент, попросту нас уничтожат. Об этом как раз репортаж Сергея Левакина, корреспондента «Пионера Востока», побывавшего прошлым летом в центре Пермской «зоны». Чем не апокалипсис?

Да только не «они» назначили нам срок. Это мы сами себе его назначили. Клубок экономических, политических, экологических, демографических, социальных проблем вырос до гигантских размеров, возможно, катастрофических. «Пришельцы» напоминают нам о возможном глобальном взрыве, конце цивилизации. Видимо, «зона» в Пермской области, Узбекистане и вообще визиты НЛО как-то взаимосвязаны.

От апокалипсиса может спасти трезвая оценка действительности и кропотливый труд по разоружению, оздоровлению природной среды и решение национального вопроса. Однако ведь США не отказались еще от своей программы «звездных войн», хотя и сделано, конечно, много. Последовательность миролюбивых действий с той и другой стороны может привести к положительным результатам. Время еще не потеряно.

Руслан ЛЫНЕВ

ГОД ЗМЕИ...

Едва мы вошли в серпентарий зоокомбината, как нас заставил остановиться — нет, не ряд клеток с кишасими в них змеями, негромко шипящими и потрескивающими, а неожиданно тяжкий запах, чем же так пахнет?

— Змеи — не пчелы, — произнес приятель.

Оказалось, что неприятный запах не столько от самих змей, сколько от их корма, — от лягушачьего мяса.

В серпентарии нам показывали «доение» змей — извлечение из них яда, идущего для медицинских нужд. Лаборантка крючком сгребает из клетки в ящик несколько десятков гадюк. Герпетологи — мужчина и женщина в белых халатах — хладнокровно извлекают из ящика очередную извивающуюся пациентку, точным движением нажимают ей на ядовитые железы, и из ядовитых зубов брызжет в плоскую каплю желтоватого цвета. Расставшись с ней, ползучий донор сразу обмякает; его макают головой в ведро с дезинфицирующим раствором и возвращают на место, а из ящика берут другую змею.

За полсмены такой процедуры подверглось тысяча двести

гадюк, пойманных когда-то на Васюганских болотах. «Надой» их составил в тот день тридцать граммов яда.

Невозможно сразу же не проникнуться почтением к труду людей на этом уникальнейшем конвейере, где не существует ни механизации, ни средств защиты — даже перчаток. Марлевые повязки, прикрывающие рот, да сыворотка наготове.

А потом мы отправились к дому барачного типа, в котором проживал змеевод.

Дверь открыла пожилая женщина, жена хозяина, и, узнав, кто мы, предложила подождать на улице, поскольку сам хозяин еще спит:

— Всю ночь работал, я разбудил его.

— Факирка, — сказал приятель, когда мы вышли на теплое солнце и свежий воздух.

Мы ждали недолго. Из подъезда вышел человек с красивой седой головой. С учтивостью, нынче уже не столь частой, назвался: Василько Васильевич Озаровский.

— Почему Василько, а не Василий?

Он чуть смутился:

— Я недослышу. Это со мной после укуса кобры. Так что прошу: спрашивайте громче.

— Давно увлекаетесь змеями?

— С пяти лет. И не только ими. Я хотел иметь слона. Кто повлиял? Думаю, что мама. Она была одаренной...

— Она биолог?

— Нет, она окончила Бестужевские курсы по специальности физика и математика. Вместе с подругой была первой из женщин в России, кого приняли на государственную службу. С просьбой обращалась к премьер-министру Витте. На службе была в Палате мер и весов у Дмитрия Ивановича Менделеева. Мать выпустила книгу о нем.

Он рассказывал так, что хотелось слушать. И возникали вопросы. И мы с коллегой спрашивали наперебой, невпопад, не стесняясь несуразности и банальности иных вопросов. «Сколько вам лет?», «Кто вы по профессии?», «Что делали сегодня ночью, если сейчас приходится отсыпаться?» Он скромно улыбается.

— Ловил жаб. Ими питаются кобры. А сейчас сушь стоит — жабы зарылись. Приходится брать электрический фонарь. Иногда мне помогают молодые люди, а вчера я сам... Хотя, честно скажу, видеть я стал значительно хуже.

— Хлопотно держать дома змей?

— Чтобы держать их, надо много знать. Они ждут живой корм: мышей, жаб, кроликов. За всеми надо ухаживать, всех кормить.

— А сколько съедает, например, питон?

— Кролика в месяц. Кроликов я держу вон там. — Он указал на пристройку в глубине двора. Рядом с ней была еще од-

на — для белых мышей. Посредине двора стояла веерная пальма в кадке, а вокруг — ограда из панцирных сеток. Это, как мы догадались, был загон для прогуливания змей на воздухе.

Расхрабрившись, мы спросили, можно ли нам посмотреть пожирателей кроликов и жаб.

— Конечно. И некоторых лучше наблюдать не в террариуме, а здесь. Вы не против?

— Нисколько! — заверили мы со всей возможной бодростью, прикинув, что двор достаточно велик, можно быстро и достойно отступить.

— Ну что ж, посмотрим, что у нас с солнцем, — произнес Озаровский.

А солнце между тем поднялось высоко, день выдался теплый и приветливый. Василько Васильевич ушел, а вскоре шофер наш закричал:

— Идет! На себе несет! На себе!

Он был прав: Василько Васильевич возвращался к нам, придерживая возлежавшую на его плечах довольно толстую гюрзу. Приподнятая головка змеи упруго колебалась при каждом его шаге, дрожащий раздвоенный язычок быстро выплескивался наружу и исчезал вновь, глазки смотрели равнодушно, нехищно.

— Во дает, — сказал приятель.

— Это моя гордость. Зовут его Папа. — Василько Васильевич машинально теребил и поглаживал кончик змеиного хвоста. — Его подарил мне двенадцать лет назад знаменитый змеелов — Юрий Александрович Орлов. От Папы-гюрзы потомство — четыре гюрзенка. Получены впервые в нашей стране в искусственных условиях. С виду он меланхолик. Но впечатление обманчивое.

— Папа, ты не хочешь нас укусить? — спросил я, слегка приблизившись.

— Он никого не хочет укусить, — спокойно сказал хозяин.

Затем пошли кобры — Победа и другие. Имена у них — это название мест, где каждая змея отловлена. Имена змей — проформа, ведь змеи глухие.

— Как же они танцуют под звуки флейты факира?

— Флейта прежде всего — палка для змей. А музыка — это для публики.

— Скажите, гюрза дорого стоит?

— За ее отлов платят 20 рублей. Но я бы не продал змею и за тысячу.

В молодости, в конце двадцатых годов, Василько Васильевич окончил учебное заведение с причудливым для наших дней названием: Главная военная школа физического воспитания трудящихся. Занимался штангой. В свое время был чемпионом Москвы в легком весе. Затем приехал с молодой женой в Киргизию — «на экзотику потянуло». В прямом и переносном

смысле привез в республику штангу. Преподавал физвоспитание в пединституте — за вычетом, как он выражается, четырех лет войны, где был сержантом. После демобилизации встретил своего школьного учителя биологии Михаила Михайловича Завадского, ставшего директором Московского зоопарка, возрождавшегося после войны. Бывший учитель учредил для мобилизованного сержанта должность агента по заготовке зверей. Озаровский отлавливал и доставлял в Москву из Киргизии горных баранов, снежных барсов, змей.

— Я их поймал не меньше двух тысяч и теперь жалею об этом.

— Почему?

— Губил их. Сейчас считаю, что зоопарки должны сами разводить зверей.

— Вы долгие годы были тренером. У вас есть ученики?

— Да... И ученики моих учеников. Но как тренер я не стал известным, заслуженным. Ведь для этого из ста сильных спортсменов надо отобрать самого сильного и сосредоточиться на нем. Ну а меня привлекали слабые. Я всегда старался помогать им стать сильнее, обрести себя.

— Змей, на ваш взгляд, тоже требуют помощи?

— Во всяком случае, они нуждаются в защите от нашего к ним предубеждения и от истребления.

— А змеиные укусы?

— Это средство не нападения — обороны. Притом единственное. Обычно же змея избегает встреч с человеком. Люди должны быть осторожнее, особенно там, где много змей.

— А как же вас укусила кобра? Обороняясь?

— Она у меня жила всего три дня, привыкнуть не успела.

Накануне ее очень долго держали в мешке, возможно, причинили неприятности при отлове, словом, разозлили. Укусила меня подряд два раза в одно и то же место, вот сюда, — он показал старую рану на руке.

— И как вы себя чувствовали?

— Я попал в больницу. Через неделю попросил: выпишите, мне необходимо кобр кормить.

— А что же с преступницей? Наказали ее?

— Да, отдал ее в зоопарк. Навещал. Вид у нее был вялый, невеселый. По-моему, ей там не очень-то хорошо.

Тут вступила в разговор жена Озаровского — Клавдия Дмитриевна.

— Когда его укусила змея, врачи утверждали, что он безнадёжен. А я говорила: не может быть, вы моего мужа просто не знаете!

— И вас кусали змеи?

— Что вы! Я не такая сумасшедшая, как он. Я их терплю только как биолог.

На плече ее сидело существо более мирное, чем кобра,— попугай Люся.

— Муж купил Люську в Москве на Птичьем рынке за 222 рубля. Это недорого, потому что Люся, во-первых, одноглазая, а ему всех необходимо жалеть, во-вторых, она не говорит ничего, кроме «кукареку», и то — исключительно для детей. Зато детям она разрешает гладить себя, а взрослых клюет. Удивительно храбрая. И мужа клюет, когда он разговаривает с посторонними. И правильно делает. За всем его выводком приходится ухаживать мне, а он, как все мужчины, беззаботен.

— Не придавайте значения словам женщины,— возразил супруг.

Между ними возникла шутивая перепалка на тему, судя по всему, привычную: зачем змеи в доме, зачем отдавать им всю квартиру, силы, время.

— Посмотри, у нас бывают иностранцы, а нам с тобой негде их угостить даже чашкой чая,— говорила жена.

— Конечно! — отвечал он.— Многие меня считают чудачком, не более. Квартиру я превратил черт знает во что. А не будет змей — что я без них? Ничего. Гол, как сокол.

— А чего бояться змей? — спросил я.

— Никотина. Небольшая горсть табака, попав в рот, убьет змею сразу.

Затем «змеиные смотрины» продолжались в квартире. На лево — кухня. Туда мы не пошли, а, миновав одну комнату, двинулись в другую, направо. Это и была «змеиная» комната. Ничего подобного в жизни не видел. Вдоль всех четырех стен, в два этажа, стояли стеклянные и освещенные лампами ящики с тварями разных пород, рисунков и габаритов. Часть ящиков занимала место посреди комнаты. Тут же — детская ванна для купания питонов, клетка для попугая Люси, банки с кормом, стереофонические колонки (хозяин — поклонник оперетты), ружье, фотоаппарат. Словом, всякая всячина и книги, книги — до потолка. Как хозяин умудрился втиснуть сюда стол и собственную кровать — уму непостижимо. И совсем уж непостижимо, как в комнате разместились мы вчетвером и еще с попугаем Люськой, сказавшей нам «кукареку!».

Хозяин развел руками:

— Тесна, сами видите. Расширяться больше некуда.

Встреча с обитателями комнаты прошла в атмосфере взаимопонимания.

— Вот моя прима,— представил хозяин питона Машу из Пакистана, подаренную ему зоопарком.

Четырехметровое создание толщиной с добротное бревно блаженно грелось на песке. Оно весит почти двадцать два килограмма. То есть имеющиеся в квартире двадцатикилограммовые весы Маша переросла, и взвешивать хозяин носит ее в соседний овощной магазин. Это происходит так: как только он,

водрузив на плечи переднюю часть питона, возьмется за ручку входной двери, Машин хвост, не желая расставаться с теплой клеткой, цепляется за ножку стола и тянет его, круша все на пути. Когда же ножка свободна от цепкого и сильного Машинного хвоста, голова питона уже где-нибудь в радиоприемнике.

Приятель осторожно погладил Машу и остался очень доволен.

— Можно, я в следующий раз приду с дочкой? — спросил он. Хозяева не возражали.

Затем следовал питон Джамба, что на суахили означает «здравствуй», боливийский удав Оливия, два совсем еще маленьких перуанских, присланных из ГДР, и кубинский удав. Трудно поверить, что комната стала вторым в мире местом после канадского центра по разведению редких рептилий, где кубинский удав выведен в неволе.

— Вы можете его погладить. Не бойтесь. Это безобидное существо.

Я погладил. Удав вовсе не противен на ощупь. И я чуть-чуть сдвинул в себе предубеждение к «гадам», «аспидам»: ведь часто именно предубеждение — союзник вражды.

— Что же ты мышь не ешь? — озабоченно спросил Василько Васильевич гюрзу, сидевшую в следующем ящике.

Кобры содержались отдельно. Завидев нас, зловеще зафукали и приняли характерные позы — привстали, жутковато сплющили шею. Так кобра обычно предупреждает о нападении, лишь потом бросается. Гюрзы панически боятся их. На очередное наше «почему?» хозяин пояснил: кобры, будучи по массе тела меньше гюрз, кусают и поедают их, да и всех других змей, включая... самих кобр.

Содержа в доме двадцать шесть змей, надо быть готовым ко всему. И случается всякое. Как-то во время выступления Джамба, вероятно, чем-то раздраженный, принялся агрессивно поворачивать голову к хозяину и непременно задушил бы, не приди на помощь сосед.

Один дрессировщик с удавом не справится, но если рядом есть хотя бы еще помощник, то бояться нечего.

— А то как-то исчезла кобра, — рассказывает Василько Васильевич. — Было страшно. Все деревья рядом с домом срубили, боясь, что беглянка взберется на них. Тридцать пять дней и ночей мы ждали крика «змея!». И дождались. Она поселилась рядом с домом, в сарае. Узнав об этом, соседи испугались, собрались, конечно, возбужденные. Я взял все, что нужно для поимки. А в последний момент решил рискнуть, возьму-ка ее голыми руками у всех на виду, тем и успокою людей.

Взять удалось, а вот успокоить... Люди рассуждали о занятиях Василько Васильевича и так и этак. Его увлечение разведением и приручением змей давно вышло за рамки любитель-

ского. Оно представляет уже научный интерес, интригует даже зарубежных специалистов. Но продолжать подобные опыты в обычной квартире, рядом с соседями, их детьми, — явно рискованно. Для таких опытов необходимо другое место. Скажем, отдельный дом. И обещания найти такой дом уже поступили. Но обещания — это еще не дом. Не случилось бы неожиданно с Озаровским! Давно ли миллионы людей были буквально потрясены трагедией в квартире бакинцев Берберовых, когда вроде бы одомашненный лев стал вновь неукротимым зверем...

— Я не принадлежу к людям с сильными локтями, — говорит Василько Васильевич. — И ни в чем не считаю себя исключением. Как я могу настаивать создать особые условия для змей, если в жилье нуждаются люди.

Наши беседы были накануне так называемого «года змеи» — по какому-то восточному календарю. О змеях сейчас много говорят и пишут, создают легенды, не ведая, что это за существа.

Подойдя к шкафу, я снял с полки первый подвернувшийся под руку фолиант, раскрыл книгу наугад, прочитал: «Убить змею — Шиву задеть».

— Это самая дорогая для вас книга?

Василько Васильевич достал сборник русских народных сказок, вышедший в Ленинграде в 1931 году. На титульном листе — знакомое имя: О. Э. Озаровская.

— Ваша мать?

— Да. Я не рассказывал вам, что, работая у Д. И. Менделеева, моя мама увлеклась эстрадой. Да-да! И в один прекрасный день решила стать профессиональной артисткой. Это был большой скандал. Мама поступила в театр «Кривое зеркало», выступавший в Петербурге, затем в Москве. Публика ей нравилась и хорошо ее принимала. И представьте себе, что ее, артистку эстрады, заинтересовал русский фольклор. И меня тоже. Мы с нею объездили архангельский Север, записывая сказки. В Пинеге был создан музей моей матери. Я и сейчас еще получаю письма оттуда. Эта книга — плод ее труда. Почти весь тираж в свое время ушел за рубеж на валюту.

— И вы не пытались хлопотать о переиздании?

— У меня совершенно нет времени этим заниматься. Некогда сесть спокойно и написать статью. Единственный мой «научный труд» за все эти годы — полуторастраничная заметка в журнале «Природа».

На книге дарственная надпись матери — тогда еще тридцатилетнему сыну. Первый экземпляр книги был подарен приехавшему в СССР английскому писателю и драматургу Бернарду Шоу; второй экземпляр — художнику, оформившему книгу, третий ему — Василько Озаровскому.

— Смешные сказки есть, — говорит Клавдия Дмитриевна, — живот надорвешь.

— Одна из наиболее интересных — «Волшебное кольцо», —

замечает супруг.— Змея в ней показана очень положительно.

— Почитай,— просит жена.

Он вздохнул, улыбнулся, снял очки и... Разве знали мы, что хозяин прекрасный чтец! За чтение сказок он еще до войны был удостоен артистической категории! Разве предполагали мы, идя сюда за «змеиной экзотикой», что больше змей удивишься лукавому озорству сказок!

«Жили Ванька двойма с матерью. Житьишко было само последно. Ни послать, ни окутаца, ни в рот положить нечего».

Слушая, мы хватались за свои блокноты, чтобы не потерять, не забыть выражения вроде: «Шляпа-широкоперка», «Усохни, моя душенька», «Царица чай в коленки пролила», «На свадьбе той десять генералов с вина сгорели», «Кабы ты не собака, так министр была бы».

Слушая, я забыл, зачем пришел. Про тесноту забыл. Забыл, что комната набита змеями. Не утверждаю, что сказка служит ключом к судьбе нашего знакомого. Но и сказка, и змеи были как нельзя кстати — впереди год змеи! Впрочем, были бы змеи, а повод рассказать о них, но более — о их хозяине! — всегда найдется.

Потом у меня был разговор с Юрием Ивановичем Сударевым, руководителем серпентария; я спросил его об энтузиазме Василько Васильевича, о том, как согласуется личное увлечение человека змеями с общественными интересами.

— Работа со змеями всегда опасная для жизни,— сказал он.— Змеи кусаются, а иммунитета на их яд не существует. Меня тоже змея кусала, сразу же попал в реанимацию. Спасибо врачам, выходили. Был на ВТЭК. И вот палец на руке не гнется. Для герпетолога это инвалидность. А доктор осматривал и говорил: ничего, мол, нет, кроме двух крохотных ранок. Будто гвоздиком проткнула...

Интерес к змеям в год змеи в известной мере повысился, но это игра с мифом, вера в волшебство и тому подобное. А змеи есть змеи.

— Змеинный яд помогает миллионам больных,— продолжает Юрий Иванович,— но мы-то работаем в среде, насыщенной ядовитыми парами. Я обращался в Госкомтруд, добиваясь пенсионных льгот для сотрудников... Там нас пока не понимают. Ну а Василько Васильевич? Это не просто энтузиаст, это удивительный профессионал! Кстати, он ведет большую разъяснительную работу, выступая в школах и клубах. Змеи очень полезны, их истребление недопустимо. А попытки Василько Васильевича приручить змей — занятие уникальное. И самим змеям это нравится...

Елена КОЛЕСНИКОВА
ЗАГАДОЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

I

ЭКСТРАСЕНСЫ К НАМ УЖЕ НЕ ХОДЯТ

Репортаж из лаборатории радиоэлектронных методов дистанционного исследования биологических объектов.

— Когда создавалась наша исследовательская группа, бум вокруг так называемых экстрасенсов был в самом разгаре,— вспоминает научный руководитель лаборатории, заместитель директора ИРЭ АН СССР академик Ю. Гуляев.— Говорили и писали об их невероятных способностях, о том, что они ставят диагноз и лечат разные болезни, просто манипулируя руками — даже не касаясь пациента. Было много слухов, слепой веры в чудеса... и никакой достоверной информации. Надо было изучить феномен, понять, есть ли в этом ажиотаже хоть какое-нибудь рациональное зерно. Тогда, начиная исследования, мы и представить не могли, что через пять лет получим столь интересные результаты.

— Приверженцы экстрасенсов уверенно оперировали таинственным термином «биополе»,— вступает в разговор руководитель лаборатории, доктор физико-математических наук Э. Годи́к.— Что это такое, никто не знал. Разговоры, похожие на камлание шаманов, нас, физиков, честно говоря, просто раздражали. Мы взяли чистый лист бумаги и написали на нем в столбик все известные физические поля и излучения. И стали обсуждать их по порядку — может ли такое поле возникать вблизи человека или нет, как его уловить, измерить, где взять чувствительную аппаратуру. Задача эта, кстати, давно уже назрела, разговоры о «мастерах биополя» разве что ускорили дело. Сейчас тот первый лист вызывает улыбку, но именно с него все начиналось. А что вышло в итоге, смотрите сами,— и Эдуард Эммануилович пригласил меня в лабораторию.

* * *

...Страшное существо, словно огнедышащий дракон, выбрасывало изо рта струю пламени. Щеки, ноздри, нос ежесекундно окрашивались в разные цвета. Мы просматривали видеозапись эксперимента, в котором мне любезно разрешили участвовать в качестве испытуемой. И все равно не верилось, что чудище — это я сама. Нарисованному тепловизором «портрету» мог позавидовать любой художник-абстракционист. Откуда такие причудливые, неестественные цвета?

— Все очень просто — зоны с разной температурой кожи мы кодируем чисто условными цветами,— пояснил инженер

А. Лукин.— Например, самые теплые — красным, самые холодные — черным. Так удобнее для анализа, а портретное сходство нас не интересует. Зато очень хорошо видно, как при вдохе щеки чернеют, охлаждаясь воздухом, а на выдохе краснеют.

— Действительно наглядно, но в чем тут новизна? Ведь тепловизоры уже давно применяют в науке, медицине, даже в промышленности.

— Раньше исследователь видел «стоп-кадр»,— поясняет Александр Сергеевич.— По сути, это была тепловая фотография, мы же создали своего рода тепловое кино. Сигналы с камеры тепловизора поступают в память ЭВМ и откладываются в ней — кадр за кадром. Каждый новый фрагмент машина сравнивает с предыдущим — на экране отражается уже не сама температура, а ее изменение во времени. Это очень важно прежде всего для медиков. Зная динамику кровотока у поверхности кожи, они могут судить о самых разных процессах в организме. Мы проводили, например, такой опыт — гипнотизер внушал испытуемым различные тепловые ощущения, а врачи на экране видели, как работает система терморегуляции.

* * *

Испытуемый надел тонкую резиновую шапочку, на которой была нарисована координатная сетка, сел в кресло и вскоре задремал. А ученые, передвигая от точки к точке чувствительный индикатор, измеряли величину магнитного поля в разных участках мозга...

Для магнитных полей наши ткани, в сущности, прозрачны. Это значит, что можно уловить сигналы, идущие от внутренних органов. Можно, но сложно — напряженность их полей невысока, нужна очень чуткая аппаратура. Впрочем, сейчас в распоряжении исследователей есть приборы, которые регистрируют магнитное поле... в миллион миллионов раз слабее земного. Это позволило увидеть необычные вещи.

— Мы работали с группой детей, глухих от рождения,— рассказывает В. Труш, заведующий лабораторией НИИ дефектологии.— Было ясно, что нарушения у них произошли где-то в мозгу. Но можно ли исправить дефект, вернуть больных из безмолвия в мир звуков? Мы искали ответ на эти непростые вопросы, когда вдруг узнали — есть лаборатория, где снимают магнитоэнцефалограммы, как бы заглядывая в глубь мозга.

Человек спал в кресле и не слышал, что через одну-две секунды в комнате раздавался звуковой сигнал. Впрочем, если бы и не спал, все равно бы ничего не услышал — он был глух. А магнитные сигналы, идущие от его мозга, два часа записывались в память ЭВМ. А потом на экране экспериментаторы увидели, как менялись магнитные поля, когда звучал сигнал. Оказалось, мозг глухого все слышал!

Правда, на звук реагировали не те участки коры, что у здорового человека. Но ведь реагировали. Значит, если послать сигналы в те зоны мозга, которые сохранили чувствительность, глухой услышит? Точного ответа на вопрос пока нет, предстоит еще изучить, можно ли это сделать и как. Но у медиков появился проблеск надежды...

* * *

То, что человек излучает тепло, не новость. Заслуга сотрудников лаборатории в том, что они перешли от фиксации температуры к регистрации динамических процессов, а это открыло целый пласт новых сведений об организме. Меньше знают, что любое нагретое тело излучает широкий спектр электромагнитных волн, среди которых есть довольно длинные — в сущности, уже радиоволны. Для них наше тело прозрачно, и они сообщают о температуре уже не кожного покрова, а внутренних органов. Варьируя частоту, используя разные антенны, можно определять температуру тканей и органов на глубине от 2,5 до 5 сантиметров. Пока радиотермография делает лишь первые шаги, но уже получены интересные результаты — например, выявлена динамика температурных колебаний мозга во время сна.

Благодаря работам группы исследователей под руководством Ю. Гуляева и Э. Годика был окончательно похоронен термин «биополе», зато родилось, в сущности, новое научное направление — биоинформатика. Выяснилось, что живой организм создает вокруг себя сложную картину физических полей и излучений — в оптическом и радиодиапазонах, инфракрасных, электрических, магнитных, акустических.

Мне показывали в лаборатории любопытнейшие кадры. Вот на экране — раскрашенный условными цветами котенок. Он тоскливо бредет по столу, садится, лижет лапу... и вдруг замечает рыбку. Мозг реагирует мгновенно — он краснеет. Еще фрагмент — реанимация крысы после клинической смерти. Несколько секунд видны лишь темные очертания животного, но вот в мозгу возникает одна вспышка, другая, и сразу становится ясно, какие органы первыми возвращаются к жизни. Даже эти два примера показывают, какие важные и интересные сведения дают новые методы исследования организма.

По интенсивности радиоизлучения можно с помощью миниатюрной антенны определить температуру почек, легких, печени, селезенки, не вводя внутрь специальных зондов. Магнитная кардиограмма позволит с точностью до сантиметра найти рубец на сердце. Физики из Института радиотехники и электроники АН СССР убедились, что наш организм каждую секунду сигнализирует о своем состоянии — рассказывает, как работают сердце, мозг, мышцы, предупреждает о надвигающемся стрессе,

сообщает, крепок ли сон. Но раньше эти сигналы никто не слышал.

— А когда мы научились их регистрировать, возникла идея — создать научно-методический центр ранней диагностики, — говорит Э. Годик. — Ведь наша аппаратура, регистрируя и анализируя внешние поля, позволяет оперативно находить отклонения от нормы, диагностировать и даже прогнозировать патологические состояния. Центр планируется открыть уже в нынешнем году в поликлинике Академии наук.

* * *

Я знакомлюсь с лабораторией, инженеры — физики и математики рассказывали о принципах работы приборов, а из головы не выходил вопрос: «Где же экстрасенсы?»

— Да уж года три никто не появлялся, — рассеял мое недоумение Ю. Гуляев. — Сначала и впрямь паломничество было. Помню, приехал пожилой мужчина из Краснодара. Начитавшись о целителях, сам решил попробовать. А к нам обратился за справкой, что он действительно «экстрасенс» — для солидности.

— Дали?

— Мы — физики, а не врачи, справок никому не выдаем. Но поля и излучения так называемых экстрасенсов с полями обычных людей сравнивали. Для исследований подобрали группу из десяти «целителей». Среди них была и известная в свое время Е. Давиташвили (Джуна). И, представьте, большой разницы между этими двумя группами мы не обнаружили. Е. Давиташвили может изменять температуру своих рук в пределах нескольких градусов, но... пока шли эксперименты, большинство сотрудников лаборатории тоже этому научились. Безусловно, тут и природные данные нужны, и без тренировок не обойтись. Говорят, взломщики сейфов разгадывают головоломные шифры, улавливая лишь малейшие толчки и шумы механизмов. Но никто не называет это чудом, всем ясно, что натренированы руки.

Но ведь люди могут передавать информацию друг другу через физические поля?

— Могут. Мы измеряли чувствительность кожи — к теплу, электрическим и магнитным полям. Выяснилось — кожа улавливает тепло руки даже на расстоянии в двадцать-тридцать сантиметров. Откликаются рецепторы и на перемены электрического поля. А вот магнитные сигналы и радиоизлучение в миллионы раз слабее тех, которые способны уловить кожный покров. Словом, экстрасенс передает только тепло и слабые электрические сигналы. Никаких других полей и излучений, исходящих от него, организм не чувствует.

...На экране видеомагнитофона — фигура человека. На ней,

словно на анатомическом атласе, выделены темным цветом определенные участки кожи.

— Это зоны Захарьина — Геда, — поясняет мой собеседник. — В конце прошлого века русский терапевт Захарьин обнаружил, что заболевания внутренних органов сказываются на чувствительности определенных участков кожи. Спустя несколько лет это подтвердил Гед. Органы как бы связаны с кожей через нервную систему. Причем участок кожи и соответствующий ему орган могут находиться в противоположных частях тела. Например, органы грудной клетки дают о себе знать в районе шейных позвонков, печень — под правой лопаткой. Почему в ходе эволюции образовалась такая связь — неизвестно, но она есть.

...Рука экстрасенса медленно движется вдоль спины здорового человека. На экране тепловизора видно, как кожа равномерно нагревается на десятки долей градуса. Теперь в опыте участвует другой пациент — с больной печенью. Заметно, что под правой лопаткой, в зоне Захарьина — Геда, кожа нагревается сильнее, чем на соседних участках. Рука это чувствует и задерживается около аномальной области. Спустя минуту откликается печень — приборы регистрируют у нее повышенное радиоизлучение. Возник бесконтактный массаж с обратной связью.

— По-моему, руку целителя вполне может заменить грелка с горячей водой.

— Нет. Сильный нагрев «оглушит» кожные рецепторы — они так чувствительны, что откликаются лишь на очень слабый тепловой поток. Эффект тут чем-то сродни гомеопатическому.

— Так лечат экстрасенсы или нет?

— Вопрос не по адресу. Физики не нашли никакого таинственного «биополя», зато обнаружили и научились регистрировать физические поля биологических объектов. Выяснили, что эти поля могут многое рассказать об организме, что их можно использовать для диагностики. А лечат ли экстрасенсы, можно ли вообще использовать эти поля для лечения — на такой вопрос ответить вправе только медики.

* * *

Загадочные явления всегда в моде. Интерес к бесправной хирургии внезапно сменяется ажиотажем вокруг НЛО или чудовища озера Лох-Несс. Вероятно, жажда чуда — в природе человека. Эйнштейн говорил: «Самое прекрасное переживание, выпадающее на долю человека, — это ощущение таинственности».

А тайна — действительная или мнимая — рождает массу псевдонаучных домыслов, слухов и разговоров.

Стоит ли разбираться в каждой такой сенсации? — спросит иной читатель.

Ответить не так легко. Наука в наше время требует немалых средств, и всегда есть риск, что они будут потрачены на чепуху. Но... в прошлом веке Французская академия вынесла постановление — не рассматривать работы о камнях, падающих с неба, поскольку падать им... неоткуда. Разумеется, сейчас есть во Франции комитет по метеоритам.

Отвергать с порога все, что не находит объяснения, тоже рискованно — можно упустить интересное, важное. Феномен экстрасенсов поначалу казался не заслуживающим внимания, но взялись за них ученые — и тайна рассеялась, а в науке появилось новое направление. Нельзя забывать старую, но справедливую истину — с изучения природных феноменов и начинается всякая наука. Как говорится — не проходите мимо...

II

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ШАРОВУЮ МОЛНИЮ

— Однажды в сильный мороз я увидел, как мальчишки пускали мыльные пузыри, — вспоминает кандидат технических наук А. Месеняшин. — Оболочка мгновенно замерзала, и прозрачные шары, словно мячики, катились по снегу. Меня поразила прочность замороженных пузырей, таких хрупких на вид. И вдруг как озарение: а что если шаровая молния — тоже пузырь, только заряженный?

— Но такая идея высказывалась... полтора столетия назад, — напомнила я ленинградскому ученому. — Похоже, вы открываете хорошо забытое старое.

— Не совсем. Физики в то время полагали, что пузырь подобен конденсатору — с одной стороны оболочки заряды положительные, с другой — отрицательные. А такая система не может быть устойчивой, заряды стекут за микросекунды. Шаровая же молния, повторяю, может существовать долго, иногда минуты. Это было главным противоречием, гипотезу отвергли.

Кстати, не только ее — высказано уже более ста предположений, раскрывающих тайну загадочного явления. Феномен объясняют химическими и ядерными реакциями, долгоживущей концентрированной плазмой и даже экзотическим антивеществом. Но каждая из гипотез рассматривает что-нибудь одно: или время жизни, или эффект свечения, или энергию...

— А я полагаю, физики прошлого были ближе всего к разгадке, — продолжил Анатолий Исаевич. — Но они не допускали, что заряды могут располагаться как-то иначе, чем в конденсаторе. К этой мысли меня подвели эксперименты. Наблюдая за заряженными предметами, покрытыми тончайшей оболочкой воды, я заметил — при определенных размерах поверхности и толщине водного слоя заряды вопреки всем законам быстро не стекают. Были и еще странные несоответствия. Заряженные капли, например, тут же дробились, а пузыри сохраняли устойчи-

вость. Расчеты показали — заряды разных знаков расположены у «полюсов» пузыря. И тогда все стало на свои места. Чем больше пузырь, тем стабильнее. Вот почему никто не видел маленьких шаровых молний, но почти каждый пятидесятый житель планеты встречал среднюю или большую.

— Ну а кто же тогда «выдувает» таинственные пузыри?

— Обычная молния. Во время грозы напряженность электрического поля Земли повышается в тысячу раз. Линейная молния, попав в каплю или даже создав вокруг сильное поле, раздувает ее. Но для этого нужно, чтобы в капельке попала какая-нибудь неоднородность — пылинка, песчинка. Спротивление электрического тока в этом месте возрастает, и вода начинает разлагаться на кислород и водород. Конечно, в природе все происходит намного сложнее, иначе после грозы шаровые молнии тучами летали бы вокруг нас. Нужно, чтобы одновременно совпали десятки тысяч разных условий — и величина заряда, и размер капли, и чистота воздуха. Да-да! Как ни странно, но шаровую молнию чаще встречают сельские жители и летчики.

Гипотеза Месеняшина объясняет многое. Например, цвет. Шаровые молнии бывают желтыми, оранжевыми, бело-голубыми и даже черными. И зависит расцветка от... толщины оболочки пузыря.

Если пленка тоньше длины волны видимого света, то молния будет черной. Нечто подобное наблюдал еще Ньютон, когда рассматривал пену у берега реки. На пышной бело-желтой поверхности встречались совершенно темные области, похожие на ямки. Ньютон подносил к этому месту иголку, и... лопался черный пузырь, самый тонкий из всех.

— А почему одни молнии взрываются, другие исчезают незаметно?

— Каждому огненному шару отведено свое время жизни, оно зависит от размера пузыря. Молния метрового диаметра — а больших пока никто не встречал — может существовать только две минуты. Если шар по какой-то причине разрядится раньше срока, произойдет взрыв, а когда заряды стекают постепенно, он исчезает незаметно.

— Вот почему при встрече с шаровой молнией безопаснее всего не двигаться. Многие же, наоборот, открывают форточку, включают вентилятор, размахивают веником. А воздух вокруг шара должен быть неподвижным, тогда он исчезнет через несколько секунд сам. Вот что еще полезно запомнить — разрядить молнию легко, а разрушить невозможно. В нее даже стреляли из ружья, но шар не взрывался. Кстати, мыльный пузырь тоже можно проткнуть спицей, а он все равно останется целым. Проводя аналогию с пузырем, я понял, почему шаровая молния летает — ведь ее плотность близка к плотности воздуха.

Иван ШМЕЛЕВ

ПОЧЕМУ ТАК СЛУЧИЛОСЬ

Все сильнее мучила бессонница. Профессор понимал, что это от переутомления, главное — от жгучей потребности «подвести все итоги». Давно это началось, но в последние месяцы обострилось в связи с напряженной работой над «главным трудом всей жизни» — «Почему так случилось», а именно — революция и все, что произошло, как ее следствие. Он писал и раньше на тему «философия прогресса», а на склоне дней — было ему к семидесяти — явилась неодолимая потребность: «все уяснить», даже судить себя». Работа увлекала, раздвигалась, терзала. Отсюда, понятно, и бессонница.

Он посоветовался со знаменитым невропатологом. После тщательного исследования — расспросами о жизни и применением точнейших аппаратов, бесспорно определяющих уклон и поражения нервной системы, невропатолог успокоил профессора: «все поправимо рациональным лечением... у вас самая типичная острая неврастения...» — и дал указания и средства. Профессор подтянулся, поободрился, стал перед сном прогуливаться — «без мыслей», ел йогурт, принимал назначенные лекарства, ложился в 10, брал Пушкина, чтобы привести себя в душевное равновесие, и, потушив свет, начинал механически считать. На этом невропатолог особенно настаивал, дав маленькую поблажку, выпрошенную пациентом: «Ну, раз уж не можете не думать... думайте, но только о легком и приятном». Сон становился покойней, а главное, прекратились эти ужасные пробуждения «от толчка» ровно в два, после чего — бессонница и «мысли».

Ну вот в одну «дикую» ночь прежнее вернулось: не только прежнее, а с обострением, до бреда.

Профессор лег в десять, приняв успокоительного, взял Пушкина, открыл, как всегда, — что выйдет. Вышло «Воспоминание», где лежала спичка. Он знал это наизусть, но стал вчитываться, выискивая новые оттенки. Вспомнилось, как ценил это стихотворение В. В. Розанов, называл «50-м псалмом для всего человечества». «Правда, — раздумывал профессор, — воистину покаянный, но человечество не почувствует изумительной глубины всего: это — наш покаянный псалом, русского духа-гения». Нашел новые оттенки, томительные три «т»: «В уме, подавленном т-оской, т-еснится т-яжких дум избыток». Нашел еще

три «и»: «Воспоминание безмолвно предо мной свой дл-и-нный разв-и-вает св-и-ток». В этих «и» чувствовалось ему бесконечно-томящая мука «угрызений». Усмотрел и другие «и», еще больше усиливающие томленье: — «И... — с отвращением читая жизнь мою...», «И... — горько жалуюсь,.. горько слезы лью...» И это д в о й н о е — «горько»!

«Но строк печальных не смываю».

Этот стих он называл «приговором», наступающим неизбежно, неумолимо, — уйти от него нельзя доводами рассудка, а надо принять и... что? — выстрадать?... И опять, в какой уже раз подумал: «Да, счастливы верующие крепко... находят исход томлению в пафосе покаяния... и не просто один на один с собой, а при уполномоченном для сего с в и д е т е л е... и, кажется, это верно... психологически...» Томительно признавая, что «смыть» нельзя, он закрыл книгу и вопреки советам невропатолога невольно стал развивать свой «свиток»... но тут же спохватился, что не заснет, и принялся механически считать. Перевалив за 500, испугался, принял еще снотворного и заставил себя думать о «легком и приятном». Как же чудесно было, когда, гимназистом, простаивал, бывало, ночи у Большого театра, в морозы даже предвкушая, что вот достанет на галерку за 35 копеек, снова увидит «Фауста», с Бутенко в роли Мефистофеля. Ну и бацище был! И как же чудесно-просто давал «черта» без всяких выкрутней. И правильно: раз тот в такую «розовенькую» втюрился, к чему с ним тонкости! Именно такой «черт» и в немецкой легенде, и в наших сказках, — простой, без «демонического». Вспомнил, как ярким морозным утром сторож вывешивал наконец долгожданную раму в проволочной сетке с заманчивой розовой афишей, на которой стояло чернейше крупно, радуя праздничным, —

ФАУСТ
Мефистофель —
г. Бутенко

«Бутенко поет! бра-во!! — пятым в очереди, галерка в кармане!..» На этом профессор заснул.

...Снег и снег. Сугробы — гора горой. И — ночь. Крепкая, морозная, глухая. Он стоит на расчищенном от снега месте, будто сцена в Большом, последний акт «Жизни за Царя», без леса только. И вот — сугроб начинает шевелиться, показывается темный гребешок... Изба, должно быть? Уж и солому видно, вот и карнизик, с «петушками»... — старая изба, такая милая, родная. Так и возликовало сердце: родная, ми-лая! А снег все осыпается, уж и оконце видно — красным пятном, все пламенней. Топится печь, должно быть... пылает, прямо. Может, щи варят,

со свиной — дух такой, томный, родной, чудесный?.. Да, ши... и со свинкой! Рождество, вот и со свинкой. И — пирогами будто?.. С кашей, лучком припахивает... И так захотелось огневых шей... ложкой, шершавой, крашеной. Постучаться, войти?.. Побалакать с празднично-красноржим мужиком, с ребятками пошутить... Да подарить-то нечего?.. Порассказать, как т а м томились по родному... порасспросить, как здесь мытарилась... — слава Богу, в с е кончилось. Такая безумная радость охватила... И — такая тоска! И... стыд — так и пронзили сердце. А мужик вдруг и спросит... непременно спросит!.. «Ба-рин... А п о ч е м у... т а к... с л у ч и л о с ь? Ты вон в книгу пишешь, а все не то! Ты по со-вести пиши... Кто довел нашу Расею-матушку до такой ямищи?! До такого смертоубивства?! А?! Нет, ты сказывай, не вилай... кака притчи-на, кто додумался до такого? Кто научил?.. А?!» Непременно спросит. Нет, стыдно войти, нелзя.

И все пропало: ни оконца, ни жаркой печи — высокий опять сугроб. И глухая ночь. И — тоска. А дух от огневых шей и пиров с кашей так и остался во рту. Но тут другой сугроб, как стена, тоже зашевелился... Черное что-то там, будто большая собака возится, хочет на волю выскочить. И вот, выскочила... но не собака!... — профессор шатнулся от удивления и страха — выскочил на «сцену»... Мефистофель! Совсем тот самый, как представлял Бутенко. И грохнул потрясающе-низким басом:

«Я — зде-есь!..»

«Но чего ж ты бо-ишься?»

«Смотри сме-лей — и пригляди-шься!..»

Страх вдруг пропал, и стало тепло-приятно, как в театре. Крикнуть даже хотелось — «брра-во, Бутенко! Би-ис!!» Но тут пошло другое, уже не как в театре.

Мефистофель заговорил... Но не бутенковским басом, а скрипуче, с едким таким подтреском, козлиным словно, или вот если бы заговорила ехидная кошенка:

«Бравов-то уж ты по-сле... а «биса» у меня не полагается. Ну, по-нюхал?.. Как щами-то со свинкой, пирогами с кашей? Мужиким духом, таким дорогим и ми-лым... Таким родным?! А ведь в Париже-то ароматы то-ньше, нежней... нэ-с-па?.. А-а... ре-ми-ни-сцен-ции, понятно! «И дым отечества нам сладок и приятен»... Брось, ста-ро. Ты поумней же Чацкого, хоть чуть и поглупей моего приятеля... до его дурости, понятно. Влип в конфетку!.. Самую-то па-тошную!.. Сорвал «маргариточку» и... сорвался! Ты все постиг, и да поможет тебе Сатана свершить твой труд мироточивый — «Почему так случилось». Для кой-каких поправок я и принял сию прохладительную ванну. Не слишком тут комфортно... хоть и с руки мне, наскучила высокая температура, приятно освежиться. Да и оскомину набила последняя работка, уж слишком ки-сло! Да и запашок!.. «Фантазмагория», понятно, разумею. Дешевка! Дешевое вранье, де-

шевенький обман безглазый... и — на готовеньком! Легко и просто, под аплодисменты! Не говоря уж об... «апофеозе личности»! По-думай... личности! Такая чудотворная икона, должны бы истекать ка-ки-е чудеса... а истекло!.. — не стоит шевелить, нанюхался. С тебе подобными преподобными — куда полюбопытней. Есть — некая головоломка все-таки... игра ума! Ведь как трудились, подпарывая т к а н ь - т о! Как се-яли... «Разумное, доброе, вечное...» и... «спасибо вам скажет сердечное...» — но к т о? П о ч е м у т а к с л у ч и л о с ь? Навязчивая темка. Ответик у тебя готов... неполный только. Плохо ты знаешь Пушкина! Проглядел пустяк, но... важный. Т о г д а - т о... Да без заглавия, ведь... проглядеть не хитро. Да и — в скобках! Теперь-то знаешь, спохватился...— «Два чувства дивно близки нам...» Хе-хе-хе-хе-хе-хе...— теперь и бли-зки, да... далеки! Так вот, хочу направить... не из любви к тебе, а так, по долгу... массажиста. Черт возьми, и я ведь то же... почитываю Пушкина! Ну, что-то в нем... це-пляет. У нас, понятно, под запретом... для зеленцы,— «да не смутятся»,— ну, под партой, как, помнишь, Чернышевского, ошибки молодости? Что теперь сей «дум властитель»! Солома. В Пушкине — остротца «сияньице»... Не думай по привычке глупой, что размяк, и ...«дар невольный умиления впервые...» — и так далее... ну, пороссячи песенки. Да, странно... поросята чертовски падки жалеть черта! петь «демоническое» и поклоняться. Впрочем, мерси-с на лестном слове. Все вы ужасные жалатели... с прохладцей. А, бай-ронизм! Перешагнули? Ну, что такое «ангел нежный» «в дверях Эдема»? Ну, сиял... да еще «главой поникшею»! Хе-хе-хе, как ми-ло! А что ему делать, как не сиять? Ведь сам же хохотал... не помнишь? Я только твои словечки вспомнил, не корежься. Подумать... что я могу к пятнадцатилетке-невинности, с душком просvirки! Нет-с, я люблю с горчичкой. Но Пушкина почитываем — у-мен! Для тренировки. Надо же знать противника, быть начеку. Так вот-с, ты все-таки полюбопытней «бесов»... в извивах мысли. Факт, не комплимент. Логика твоя! редкая головоломка, увлекаюсь. Строишь дворец, а выйдет... и черт не разберет, что выйдет... прорва?.. А труд мироточивый! Судишь себя, а... гимн.

Это задело. Профессор попытался возражать: «Моя дедукция, если читают не предвзято, совершенно объективна... все предпосылки...» — но «Мефистофель», в смехе, перебил:

— А, брось, старо. Я предложу тебе ин-дукцию! Не очень-то комфортно, негде и присесть. Холодок люблю, но несколько повышена температура, сядешь — выйдет грязь. Ми-лая, родная... но грязь. А я ведь чистоту люблю, на дню три раза зубы чищу... как-кие! в мой-то лета!.. А ведь первая моя встреча с же-нщиной восходит... А была ка-кая!.. Приятно вспомнить, но, увы, не-по-вто-ри-мо. А знаешь, не махнуть ли нам в...— ты ведь ан-тичник! — в Грецию? В Каноссу не желаешь?.. Так поведем ин-дукцию в ан-тичном месте.

Профессор увидал пустую комнатку, обшарпанную, заплыванную, угарное ведро на глине. Да, Греция... та самая, в которую вступил он, «свободный», с корабля, тогда... признал ведро — мангал.

— Комфорт! — мякнул черт, болтая руки над мангалом, — античность.

Это был уже не «Мефистофель», а волосатый, желчный, в жидкой бородачке, со скверными зубами, с помятой папироской, в пиджачишке, в бахромчатых манжетах, серых, в размятых туфлях... — «вечный студент». Напоминал кого-то... кто же он? Такое отвратительное что-то... — что же? Томило, вспоминалось... нет, не мог. Воняло затхлым... бельем бесценным, прелыми носками?.. Но голос тот же, со снеговой поляны.

— Ки-сло? не ндравится? — скрипнул «студент», мерзкий от внешней грязи, и от другой... иной. — Комфорт в сво-бо-де! Скоро же ты забыл. А когда-то, — вспомнил? — прилег у этого античного треножника, в тот неуютный вечер, как же был детски счастлив, как лепетал... правда, коверкая, — «Отче наш»..! — налегая особенно на «хлеб насущный»! Теперь бормочешь и — не веришь? Логика: не веришь, а... прибегаешь. И в меня не очень, а ожидаешь «чертовой ин-дукции»! А ведь недурственно, меня-то Федор-то Михайлыч, представил, и? И анекдотики мои про нос, исповедальню, бретоночку-красотку... Повеселились наши. Да-а, Иван-то Федорыч его... у нас! чиновником особых поручений, сверх штата... масса кандидатов. Как ни вертелся, тогда-то... а признал: аз есмь! И ты... Впрочем, — в твоей манере: и призна-ешь, а не сознаешься. Да, вопросик любопытный есмь? не есмь?.. Так и не решил? Пора бы... Просил... «явлений»? Получи, сполна. Не в силах? понатужься, ну же... Нет в тебе этой русской широты, а то бы! Правда, и дерзости особой, а так, «логически осмыслив», как тот, «чиновник»... Тепловатый, замешен на водичке. Да, вспомнил!.. хи-хи-хи... ну, не могу... без смеха... хе-хе-хе-э... ну, обмираю, прямо... хи-хи-хи-и... за... зака... зака-шлялся... ха-ха-а... Недавно... ка-ка... картину... картинку видел, одного ико... иконо-писца-старове-ра... хи-хи-хихи-и... «Стра... тот... «Страшный... Суд...» — хе-хе... ты, вылитый!.. Некуда тебя ему девать-пристроить... все определились: один — по-одесную, где там... «сияние» и гимны, другие — в квартиру с отоплением, хе-хе... а у тебя, мой друг, профессор всех наук, такая... хи-хи-хи-хи-и... лико... графия...: — в — тупик! И что же, хитроум, придумал!.. — по-се-ред-ке! хе-хе... ни в тех, ни в сих, а... дерево писнул... — о-сину! осину... и тебя-то, дедуктора-то знаменитого, и... привязал!.. хи-хи-хи-хи-и... веревкой!.. не повесил, а привязал... хи-хи-хи... как вот кобелька мужик... драть сподручней... хи-хи-хи-и... До чего же остроумно-едко! Я прямо зарукоплескал! за... ло-гику! Что? у Трубецкого вычитал? Но и Трубецкой рукоплескал! за ло-гику. Да как же не очароваться?! Читал твой труд мироточи-

вый — «Почему...» ну, ло-пнул! Приспел в «бессмертные»! нау-ку обессмертил!!! создал... сверхсиллогизм!!! — «Все люди смертны: Кай — человек: следовательно... «я тут ни при чем»! До-стиг, завоевал бессмертие, ура-а!..

— Откуда ты, мерзейший, взял?!.. — вспыхнул профессор, — так извратить! все муки... все муки мысли... признаний, совес-ти... все извратить...

— Все муки... с оговорочками?.. То-то и оно-то... и муки со-вести, а... песнопенья... «вечному порыву»?! а... постановочка, все та же... «вечного вопроса», открывши клапан, предохрани-тельный: «логически осмыслив»?! Хе-хе... Что, нервы?.. заку-рить?.. Прошу... — протянул, мерзейший, золотой портсигар, с инициалами под чернь, знакомыми: в тоске, узнал профессор портсигар брата-инженера, погибшего. Е г о любимые, кручон-ки... помнишь? Без колебаний, не смущаясь, как... привет, для укрепления нервов и... Табак отличный, крымский! Нарочно для тебя украл из «склада», попотчевать. Странно: поместили в от-деление «вещей священных»! это портсигар-то, с чертовым зельем, а?! в штанах болтался, и — в «вещах священных» ока-зался! Ка-ких... Мягко выражаясь, краденых... посятых с... окропленных этой... жидкостью такой... свя-щен-ной! Тот, «неж-ный», в дверях-то, созерцанием, что ль, умилился... ну, я, для ми-лого дружка... и шегольнуть приятно. А ты сейчас — дедукцию: «раз даже портсигар его — в вещах священных», эрго: мой Кос-тя в... не п о с т и ж и м о м! Первый точный вывод.

Профессор машинально закурил... — и острая тоска сдавила сердце. И — радость, вдруг: е с т ь «там»! «если даже вещи ж и в у т...»

— ...И если ты со мною диспутируешь... — закончил он его мысль мерзейший. — А, ло-гика... Нет, ты сверх логики по-нюхай! Ну, начнем.

— Это внизу дерут, Новый год справляют Капулари, гречу-ра... дерут псаломчик. Помнишь, как плакал ты... тогда... у это-го антик! Хоть разноголосо, дико, пьяно... но ты знаешь древне-греческий, аттический... напевный, э-ти!... Но раз все прожито, одна паршивая коринка да горклая маслинка! Ты мысленно пе-реводил... и — плакал. Узнаешь мотивчик!..

Профессор узнал псалом, тот самый, как когда-то, на остров-ке, зимой. То был 103-й, псалом «Творения». В душе профессора он преображался в хваление всей твари: безднами, горами пел-ся, звездами, пустынями, морями... всею тварью, чистой и нечи-стой... и левиафаном-змием, играющим в пучинах, — всем, что «премудростию сотворил еси».

— Размяк? надолго?.. — хихикнул черт-студент. — Да ты эс-тет! Ты понимаешь и величие, хот бы эстэ-ти-чески... ну, на три с плюсом. На меня, признаюсь, откровенно, тоже действует маленько... такое. Не знал, хе-хе-э...? Слабость, братец, сла-бость... ре-ми-ни-сцен-ции! порой — всплакну. Знавал я мужи-

ка Микиту, рязанского... ну, и заводил он сей псаломчик! Живот, бывало, надорвешь, ежели эсте-ти-ческий пододец... а ежели по существу... ого-го-го-го-о!.. дале-ко, братец, до Микиты и тебе, и... Он... сему левиафану-змю молился! гимн свой пел! чтил, как священное. Так умилялся, что и его, поганца, создал Бог — в великих водах играть и безобразничать радостями левиафанскими. Нет, каков?! Так твое-то эстетство перед таким рязанским всеумилением... ну, что?! Ноль круглый. Пробовал я того Микиту на зуб, так и эдак... — плюнул. Как же он все коверкал, и — как же понимал... все! Нутром, сверхлогикой! Ведет своей культижкой по строке — вспотеет: «на-сле-дять... ф-фу... наследять!» — на «я» надавит! — «землю...» — и сокрушается, солящими слезами орошает затертые странички... сокрушается, что... земельку-то, священную... всю-то н а с л е д и л и, запакошили... во как! И за загаженную молится. Он «аще» и «абие» за тайно-священное принимал: заслушит — осеняется. А как — «паки и паки»... об пол лбищем, от умиления! По-нял, дурак? Это — мой комплимент, не корчись. Ну, пошли к черту, да тут останусь, по ло-гике. Так вот, постиг теперь, что есть — сверхлогика?.. Теперь — к «симфониям»...

Профессор закрыл лицо руками, постигая что-то, сокрушаясь?.. Как же он не понимал такого... раньше... тогда, т о г д а?.. И вдруг, во сне... — он сознавал, что это с ним — во сне... — все понял! И как же просто — все!..

— Что, очертело? хочется скорей уразуметь — «почему так случилось»? Понятно, что т е п е р ь... «так просто»! А вот в «симфониях»... совсем осмыслишь... ну, может быть, осмыслишь, не утверждаю. Ин-дукцией, на-водкой.

Ах, концерты!.. как ты любил их Благородное Собрание, этот «колонный зал», ан-тик! и — «величаво-царственная», как выражался, будучи еще студентом,— «Симфони Эроик», Бетховена... всякие квартеты... эс-моли эти... Моцарт, вдруг всеми завладевший Вагнер... ладе и Бах, «хвалитель»! Ну, Шопэнчик... мечтами умягчавший, манивший недосказанной грустью... особенно его «вальс — 3»... — стремления, искания... нахождение! Чайковского — смотря по настроению — но «Патетическая» уносила. Та, ну... этот, «12-й Год»... не очень, так — «жужжанье»... помнишь свое «словечко»? И понятно: хоть там и есть заветное, «марсельское»... — «ах, если б!..» — не мыло, а «взмыв» такой, влекущий... но!.. — там э т о, ладанное это... из панихиды и молебна, что ли... и это... ну, «на славу»... ну коронное... ну, некий запахок, квасной... Я тоже посещал концерты. Музыка... она, брат... потай Толстого,— будит страсть. Старого Льва мутило. Попотел я с ним, а сбил-таки, на «Крейцера»! — переперчил он... сам не сознавая, а... подтолкнул, у многих слюньки накалили... да что поделать, темперамент! С каким зарядом ты выходил под звезды, под т о т горох пылающий, январский! как вскипал приливо — «се-ять, се-ять... разумное,

доброе, вечное...» — и призывал извозчика... и чем-то троглодитным, опосля «симфонией»-то был для тебя тот «ванька»... но как же без него, хоть и с «зарядом»? Я провожал тебя, и, тоже подогретый, я шептал тебе, я умолял тебя: «сей, сей, голубчик... больше, гуще... что вырастет!!!» И... выросло: Ты напевал под визг полозьев — ...

«Белин-ского ... и Гоголя

С база по-несут!»

— И все, базары, провалились и мужики, и симфонисты... все разбазарилось. Кричи «ура», — в з о - ш л о ! Хе-хехохо-э... взошло, взошло, взошло-о-о-о!..

Споем, споем куплетик:

Мерси — не ожидал!

— И что же... мужик-то тоже... любил «симфо-нии»! Что пучишь глазки? Не вихляйся, о-тлично понимаешь. Понятно, не Бетховена... но были у него свои «симфонии». Не ухом — всем нутром вбирал и даже брюхом, — распирало. Не портсигар, а... умилился. Коль начистоту, так вот, поведую: ему, во тьме и грязи, его-то... с загаженной землишки, открывалось... ну... да, открывалось!... не б о ! приходится признаться, — весь универс! Да мне ли, черт возьми, не знать, раз я всегда тайлся на его «концертах», ну, сбочку, ну — там, где метлы... И, ведь, свободно, без билетов, сколько влезет. Миките-то... — ишь, хе-хо... как я его желаю! — грудищу распирало «симфонией», и во-зно-сился он! Да, черт возьми, он возносился. Да, да в вонючем полушубке, в валенках, — и возносился, порой и пьяненький маленький .., а... возносился. Ну, ты понимаешь... — «и в небесах я вижу...» и тому подобное. Это для пояснения, понятно, отнюдь не в утверждение, нэ-с-па? А? может быть, между нами, там — пустышка, а? Что? можешь утверждать?.. Блажен, кто верует... тепленько ему будет на том свете... хе-хе-е! И воспретить так возноситься — н и к т о не мог. Пред «вознесением»... нечего таиться, я пасую. И вот, твой «ванька»... — знавал таких, — за день насмерзнется, брюхо чайком попарит, лошаденку на постоялку, а сам — либо к этому... к Ми-коле-на-Пузырках, там, где хор «васильевских», либо — где «чудовские», в Чудов, в Успенский, к «синодальным», а то — под Золотую Шапку, где, ради славы — вот поди ж ты! — певали и солисты из Большого, Хохлов, Бутенко-с... Собинов, потом, Смирнов... Ммда-с, пе-вали. И, ведь, прознавал, безглазый, в полливных, в трактирах, где будет нонче «симфонический концерт»! М-да-с, певали... слыхал-с... м-да-с, Бортнянского, номерок б-й-с... ту, «Херувимскую»... — он и к обедням шмыгал. А вот, как «синодальные», за всенощной... дрожью пробирало Микитку-«ваньку»! Раз как-то... нервы, что ли... — полная капелла, один-то голос! — «Слава в вышних»... — ну, ей-ей... ну, вознестись хотелось... — ре-ми-ни-сценции, понятно. Ты подумай: в метлах-то сидя, в морозе, за

дверьми,— и вознестись! М-да... слышно силу! А «ванька», прямо, обмирали, возносились, забывали все. А вот Рождество... бывало, грохнут «С нами» и проч... — «разумейте, языци, и покоряйтесь...»! — так грохнут, что у «ваньки»-то мороз по коже, и вознесется он под самый купол, к Самому... понимаешь, там, в Храме, Репин, что ли, на спинке лежа, чуть ли не полгода мазюкал. А пропо... это «покоряйтесь» даже и у нас, т а м, некое трепыханье вызывало! между нами,— шатанье даже мыслей... — «покориться»? Понятно темперамент... из-за темперамента вся и «пертурбация» случилась... эти «вверх-тормашки»! И никто Миките-«ваньке» не воспретит так превозноситься, н е л ь з я. Так сказать, философски,— преодоление всех полпивных, трактиров, кабаков, и прочих благ материальных. И даже... жертвоприношенья! Ведь за эти «вознесенья»-то седок не платит. Да, никто не воспретит... разве мундирный сторож в соборе важным носом поведет и — «вперед не очень, не проедайся, уж больно во-здух...» А вознесенный и не слышит,— вознесен! И вот, все это... ты, у него, украл.

— Как..? как я... что..?!... — даже вскочил профессор,— как я..? как, у... у-крал?!..

— Хе-хе-хе-е... ма-хонький, не понимает!.. разжевать прикажете? Извольте-с. Сначала помаленьку обворовывал, потом... «двоюродные» начисто... хе-хе-хе-е... все обобрали. Помолчи, сейчас индукция... хе-хе-хе-хеэ..!

— Подлец! фальсификатор!.. шулер!.. лжец!.. — пробовал покрыть скрипучий мерзкий смех профессор,— так все... извратить!..

— По логике... и лжец, и шулер,— ты, моншер... я только переписываю мысли... твои, но... ах, инти-мнейшие мысли «рундучков подспудных»! — или, как говорится,— подсознания! Спишь ты? Так хоть во мне будь посмелей, раскрой коробочку, где пребывают «угрызенья»!.. Духу нет? Придам я духу, подставлю зеркальце. По-стой. Помнишь, как после «Героической», в запале,— «к звездам! к звездам!!...» — из «Бранда», твоего героя? А старик-извозчик, на эти «звезды», так себе умильно: «да, барин... чудеса Господни, не сосчитать... да-да... выше Бога не будешь». По неразвитию, понятно. А ты ему, в запале «все сочтены» и каждой дано имя!» — ну, се-ешь... — «а про Бога... еще неизвестно, есть ли!» Понятно, по неразвитию, так сглу-па. А старик — «его мы от господ слышали, будто им неизвестно»... — а, ка-ков?! — «только нам без внимания... не-эт, выше Бога не будешь». Крепкий старик попался. А вот, «воробьев» берет, сумление родиться... потому народишка до этого «вопроса» падок, пытливы, подлецы, даром что грамоты на грош с полтиной. Вот и прикинь статистику: «сеятелей» таких, ну... сколько за день на одних «ваньках» протрясется, не говоря, о прочих и-и... упражнениях! Ну, и раскачивали помаленьку, подпарывали, т к а н ь - т о. Ты-то из любвишки,

прохладной, к слепому «воробью», «во имя просвещения», понятно... и с т и н о й поделиться, а сколько было спецов, сеяло по штату и наградным! Чай, прекрасно помнишь, как один туляк-извозчик, лет 20 парнишка... «подвел итог»? Я же и веревочку подсунул. И, представь... из-за «вопроса»! Ну, проз-най Европа... вот был гогота-ла! Тут прочная прививка, дезин-фекция, Декарты... тут т а к о е, из-за «вопроса»... абсурд, непостижимо! ну, недостижимо... наплевать. И начаряпал на пачпорте: «пращу никак не винить, и как тепери всее раскрыта, шта Бога нету, да-к мне скушно... и порешился». Вы тогда доклады все читали, во всяких обществах, философы-психологи-криминалисты, психиатры, социологи и чуть ли даже не геоло-ги...— ведь, троглодитным пахнет! — анализ углубляли: «глупость или психоз»? И никому в башку не влезло — да глупость,— ч ь я только?.. Так, по мелочишкам, и своровывали, со всех бочков. Подпарывали т к а н ь - т о, «устойцы»-то шатали. Тот-то порешился, а другой на что иное уже решился, как в з о ш л о - т о. Голому-то дождя не страшно.

— Чур, не перебивать, сейчас... ин-дукция. Был ты студен-тиком, зеленым. Помнишь, перехватило в горле как на «Тать-яну» заводили — «Выдь на Волгу!» Старикан-лакей, при «Эрмитаже», говаривал: «Как до градуса дойдут, выть на Волгу пойдут». «Клянусь кишками Вельзевула и пупочком Сатаны!» — тоже распевали! — прелестней песенки и не найти. Вот это так... «парадный... По... двоих»! Сколько любви-то, скорби... гррудь теснило, перехватывало в горле, требовал — пи-ва!.. больше пи-ва!!.. — «пе-эй тоска пройдет-от..!» Ну, с чем срав-ню..? ну, «Плач Ярославны»?! — меньше не уступлю. Что за картина... Айвазовского! И — «свесив русые головы к груди» — это Микиты-то!.. и — «крест на шее и... кровь на ногах, в самодельные лапти обутых»!.. Видал когда-нибудь, ну, хоть раз в жизни... крровь на ногах у онучников?! А чтоб скорей в с х о д и л о — дрожжей! дрожжей!!.. Ты им от Пиронэ не выписал, плакучий? Ну, и пошлепывают в «самодельных», — привычно да и гигиенично, нэспа? Ты вон в Крыму в каких поплясывал, а все не разберешься, «почему» и прочее. Ну-с продолжая «Плач» — и «пошли они солнцем... па-лы-мы...» Хе-хе... для рифмочки? раз уж «пилиgrimмы», катая, — «палимы»! Все слопают. Подумать, за что муку терпят «пили-grimмы»! от солнышка! Хоть бы какой зонтишка, что ли... ведь для Микиты это гибель, солнечный у-дар! Скорби, не-счастный!... Пива, больше пи-ва!!.. залить, залить!.. И, сталоть, сенокосная пора, либо жарынь июля?.. Да в страдную-то пору будет тебе Микита по подъездам шляться, хоша бы и «парад-ный»! А каков финальчик «стонный»? И под телегой-то, и под овином, и под стогом... ну, стон и стон. Нам чертям от сего «стона» стало тошно, «гофманские» принимали, мятные пря-ники жевали... все-таки у нас есть мера. Ну, ты был глупее

воробья и верил. А не верил — так жульничал, только бы «стон всеобщий»! Но, ведь, и седобрадые вторили! И допелись-таки до стона, таки-накликали. «И пойдут, побираясь, дорогой... и... за-сто-о-онут...!» Извини, тошнит. Пропили все, идут и... стонут. Видел? слышал? А создатель-то праведный заверяет «родную землю», что «такого угла не видел, где бы русский мужик не стонал». И сейчас осведомили все «европы», где никаких «стонов» никто, понятно, никогда не слышит, и все «европы» поверили и ужаснулись, сейчас же отпечатали ярлык и наклеили, куда нужно, согласно любви и благодетству, и, содрогнувшись, стали помогать посильно — «сеять разумное, доброе, вечное». И ты поверил, что так он именно и видал? «Такого угла не видал», а за дупельками-то к «стону» хаживал? А Пушкин вот не видал. «Сват-Ивана» видал, и старуху взбалмошную видал, и все видел, и все знал, а... вот не «стонал». Помаленьку и получилось, «почему так случилось», — пардон за каламбурчик. А как «стоном-то все стояло», хлебушко копеечка фунт был, «стон» — то землицей обростал, железцом покрывался, пил чай с сахаром и человечины не вкушал, и... мог даже, чортт побери, и возноситься. Ну, в Менделеева, что ли, заглянул бы... кажется, не дурак же был. Да-а... Как Фет-то «стоножалетеля» и «стонопевца» разделал! Я, я даже восхитился, сейчас же ему визит, да попал не совсем в личную минутку, тот уже в дальнейшее плаванье пускался, и только взглянули друг на дружку. Он, вдруг, с чего-то испугался, в ужасе прохрипел, показывая в угол, где я присел с визитом... — «он... там!.. он!..» и ...Но тут явное недоразумение. В общем, все-таки, мы терпим, но... как поумней бы, что ли, а то очень уж неэстетично вышло: возносили дворец до неба, а вышло... мокренькое место. Какая мне с тебя корысть? Ну, хоть бы на копейку «божественной гармонии», дерзаний перед Самим... — было бы, над чем стараться! а то — «на побегушках», платок сморкательный! Чур, одну минутку... Микиту обработать — игра свет стоит, и было б, с чем предстать перед мя пославшим. А с мокреньким... фи, допе.

— Стой, подлец, вспомнил!.. — с яростью вскричал профессор, — ты — Сенька Хоботков! юрист-второкурсник... шапку украл, со сбором по партам мы тогда пускали, на семью жертвенного Каляева! Я тебя в тот же вечер, циник... негодяй.... в ресторане Саврасенкова видал, в новенькой тужурке, с «Разлюли-Малиной»!.. на святые деньги, ты жрал отбивную котлетицу с горошком, запивал портером!..

— Ффу-ты, что за гениальный блеск памяти! даже... до зеленого горошка!.. А все забыл. Допустим, я в этой благодородной шкуре, хоть ты прекрасно знаешь, кто аз есмь. Ну, у кого острей?.. У Саврасенкова — да, с «Разлюли-Малиной» — верно... с коей ты, накануне, в «Малоярославце», на свято-татственное-краденое, изволил кушать: осетринку по-амери-

кански, сотэ из рябчика, почки в мадере, клубничку со сливками... и орошал си сухоядие портвейном и коньячком с абрикотинчиком... даже «Разлюли-Малина» ужасалась, теребила за мундирчик и вопрошала: «и де ты, андел, накрал на столько? иль упреподобил старушонку, как Расколкин?...» Погодь, не все, ягодки еще к десерту. А заработал все сие в поте своей души... Стой-ой, мироточивый! У богатой тетеньки проживал, на маменьку выклянчивал — «ах больная, в глуши, нет даже на лекарства...» — «Ах, на пошли...» — две красных. «Пошли» — на «Разлюли-Малину», нэ-с-па? Душеньку твою спасала, тянула на веревке в церковь, — упирался. И заключили вы условице, тетенькину душу успокоить: за всенощную — рублик, за обедню — вдвое, чтоб на ее глазах выстаивал. Сто-ой... И ты, овечка погибшая, выстаивал... для рябчиков и почек, абрикотинчиков, «Малин», «Фру-Фру», и проч., и проч., и проч... Нет, чур, не все. «Двунадесятые» — тариф двойной. «Великие» — тройной, а «Праздник Праздников» — за разовый сеанс по красной?! А как те, «окаянные», наступят, — твое бомо? — ну, покаянные... тут уж Клондайк, Голконда, «радугами» блещет. Что, мироточивый, померк твой блеск? и у меня не притупилось, а?!

— Все преувеличил, негодяй... все извратил!.. — вскричал профессор с острой болью, — было... пустяки, как шутка... надо ж так заплевать все!.. Я давал уроки, посылал матери... эти «службы», для успокоения религиозной тетушки, которая столько для меня... отнимали время... я не мог все на ее плечах... давал уроки... и она, поняв, мне помогала, добавляла... Все извратил год!.. Да, я не верил, вынуждал себя... для ее покоя... только для ее покоя, а не для... извратил, подлец! извратил, как все!..

— Ну, игра ума, а суть-то та же. Что?! Глазки в передничек, как «папа-мама»? Постиг ин-дукцию? Но я великодушен. За «по-бегушки» для меня, вот, три презентика, обогащайся. Первый: ты вдрызг бесснастный и посему бессилен оплодотворять... дарю совет: лечись! да вот, досада... слишком поздно. Второй: займи хоть с Микиты на монетку его сверхлогики! ах, нет под рукой Микиты! И — последний: свешивай почаще русую... пардон, седую! — голову к груди, где инструментик... «угрызений» им меряется, говорит, все очень точно! но... — анкор эля! — там так же пусто, как в этом логове, ан-тичном, хе-хе-хе-хе-э...

Профессор проснулся от «толчка». Часы указывали — 2.

— Ф-ф... ко-шмар... — с трудом передохнул он, нашаривая нервно папиросы... — где они?! — Ффу... грязь какая! — и стал креститься.

Весь дрожа, он сунул ноги в туфли, надел халат. Но... что же надо?.. Вертелось в мыслях, что-то надо было... что-то

сделать... что?.. По привычке он подошел к столу, «занести мысли». Узнал свою работу, стал листать, привычно-бегло... и вдруг, найдя что надо, схватил перо и, в дрожи прорвав бумаги, написал размашисто, во всю страницу — л о ж ь! Сгреб комом, бросил об пол и стал топтать. И повторял, как испуганный, задыхаясь...

— К черту!.. к черту!.. к черту!..

* * *

ТАИНСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА

Шмелев Иван Сергеевич (1873—1950) эмигрировал за границу, но духовно никогда не порывал с родиной. Размышляя о задачах литературы, он писал: «Произведение искусства должно само говорить, а говорит оно по-разному: как кому. Вы душой, сердцем берете... прекрасно. Искусство только этим и берется, ибо его высокое назначение (да, назначение!) — поднимать человека. Сия благодать — от Света Светов».

Знакомя читателей с небольшим рассказом Шмелева, мы только напоминаем, что им предстоит открыть для себя большого мастера слова. «Каменный век», «Солдаты», «Пути небесные», «Лето господне», «Богомолье»... Умерший под Покровом Пресвятой богородицы (православный монастырь в Бюсси-ан-Отт), И. С. Шмелев — поистине светлый художник. И не случайно его лучшие произведения о видениях детской души. Детство всегда чувствует идеал лучше, глубже, чище. «Если не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф., 18).

Перед своим отъездом из России Шмелев писал в Берлин: «О, как бы славно было, если бы Европа ближе могла узнать глубины и красоты литературы нашей и полюбить наше родное,— духовно постигнуть его сокровища!» Пожелание Ивана Сергеевича сбылось: Европа узнала...

Пора бы наконец и нам...

ПАВЕЛ ГОРЕЛОВ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ЛЕВ ТЕПЛОВ

Юмала

4

АРТЕМ ГАЙ

Рефлектор

15

АЛЕКСАНДР ТРОФИМОВ

И аз воздам

45

ЭЛЕОНОРА МАНДАЛЯН

И я сказал себе: нет!

52

ОЛЕГ ЛУКЬЯНОВ

Покушение на планету

110

ЛИДИЯ БЕЛОВА

Сны экстрасенса

153

МАХКАМ МАХМУДОВ

Я — ваша мечта

169

МИХАИЛ ФЫРИН

Сновидения

184

ВАЛЕРИЙ ГУБИН

Взгляд из вечности

212

АЛЕКСАНДР ЛЕВИН
Наваждение
219

ЮРИЙ КИРИЛЛОВ
Шаг в сторону
236

МИХАИЛ БЕЛЯЕВ
Дуб-семизуб
244

ВЛАДИМИР МИХАНОВСКИЙ
Случайные помехи
254

ВИТАЛИЙ ПИЩЕНКО
Рекламный проспект
274

МИРЧА ОПРИЦЭ
Восковые фигуры
280

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

ИГОРЬ ЕВСТРАТОВ
Эпидемия
300

НИНА ВАДЧЕНКО
Дар природы
306

МИХАИЛ НОВИКОВ
Внук гения
331

ВАЛЕРИЙ ЛИСИН
Обрыв
352

НЕВЕДОМОЕ: БОРЬБА И ПОИСК

АНАТОЛИЙ КАРТАШКИН
Алхимик Раймунд Луллий

358

ЮРИЙ РОСЦИУС
Колдун в полете

370

ХОДЖИАКБАР ШАЙХОВ
НЛО в Узбекистане

374

РУСЛАН ЛЫНЕВ
Год змеи...

384

ЕЛЕНА КОЛЕСНИКОВА
Загадочные явления

392

ШКОЛА МАСТЕРОВ

ИВАН ШМЕЛЕВ
Почему так случилось

399

Таинственная встреча. Павел Горелов

411

Фантастика-90 : Повести, рассказы, очерки / Сост.
Ф 22 В. Фалеев; Худож. Р. Авотин.— М.: Мол. гвардия,
1990.— 414 [2] с., ил.

Традиционный сборник научно-фантастических произведений современных писателей обращает внимание на загадки истории, на такие удивительные явления жизни, как гипноз, НЛО, сновидения, левитация и т. д., ставит сложные социально-нравственные проблемы бытия.

Ф 4702010201—263 117—90
078(02)—90

ББК 84(0)6

ИБ № 6434

ФАНТАСТИКА-90

Заведующий редакцией В. Щербаков

Редактор В. Фалеев

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Е. Михалева

Корректоры И. Ларина, Е. Самолетова, Е. Дмитриева

Сдано в набор 28.04.90. Подписано в печать 19.09.90. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная.
Условн. печ. л. 26,0. Условн. кр.-отт. 52,5. Учетно-изд. л. 25,3. Тираж
155 000 экз. (1-й завод 75 000 экз.). Цена 4 руб. Заказ 1118:

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО:
103030, Москва, Суховская, 21.

ФАНТАСТИКА 90

молодая проза

4 руб.

